ХРЕСТОМАТИЯ ПАМЯТНИКОВ ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

СТРАН ЕВРОПЫ

Государство древних франков,
Англо-Саксонское государство,
Англия, Германия, Испания,
Италия, Франция,
Албания, Болгария, Венгрия,
Польша, Румыния, Чехия,
Югославия

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАД. В. М. КОРЕЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1961

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ И РЕДАКТОРА

Предлагаемая вниманию читателей Хрестоматия посвящена памятникам феодального государства и права зарубежных стран Европы, начиная с VI по XVII—XVIII века.

Все источники сгруппированы по двум разделам: периода раннефеодальной монархии и периода развитого феодального государства. В пределах каждого раздела правовые документы приведены по отдельным странам, в хронологическом порядке для каждой страны, что позволяет более рельефно характеризовать историю развития феодального государства и права в данной стране. Бóльшая часть памятников впервые публикуется на русском языке.

При отборе источников составитель руководствовался целью показать те из них, которые наиболее полно отражают черты феодального государственного строя и его правовой системы. Было признано целесообразным уделить особое внимание источникам государства и права стран Восточной Европы, которые обычно замалчиваются в западно-европейской литературе.

Источники, как правило, даны в извлечениях. Каждому из источников (или группе их) предпосланы вступительные замечания, в которых дается краткая характеристика обстановки, обусловившей появление данного документа, его общая характеристика и некоторые источниковедческие данные. В необходимых случаях даны пояснительные примечания.

В работе над источниками, их переводами и вступительными замечаниями принимала участие большая группа научных работников Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и Клужа (Румыния) — профессора М. В. Гордон (перевод гл. X и XII); Е. В. Гутнова (гл. III); М. А. Гуковский (ред. пп. 2, 3 гл. V); П. Н. Галанза (пред. к пп. 4а и 6 гл. IV, п. 1 гл. VI, пп. 1, 2 гл. V, ред. п. 1 гл. VI); Л. И. Дембо (пред. к п. 3 гл. IV, перевод пп. 1е, 3, 4а гл. IV); В. М. Ко-

рецкий (пред. к пп. 2—6 гл. I, пп. 1—8 гл. II, пп. 1, 2. 5 гл. IV, перевод п. 5а гл. IV); М. Д. Шаргородский (пред. к п. 6 гл. IV); доценты Д. Роман и В. Ханга (пред. к гл. X, XII); кандидаты юридических и исторических наук Г. В. Александренко (пред. к пп. 1—4 гл. XIV, перевод п. 4 гл. XIV); Л. М. Баткин (пред. и перевод п. 3 гл. VI); Л. М. Брагина (перевод п. 1 гл. VI); Г. П. Беляева (пред. и перевод пп. 1—5, 7, 8 гл. XIII); Л. П. Галанза (перевод п. 4б гл. IV); А. Х. Горфункель (пред. и перевод п. 2 гл. VI); И. Бозо, Ю. В. Иванова (гл. VIII); Л. А. Котельникова (гл. VI п. 1); К. Е. Ливанцев (гл. XI); Э. И. Лисохина (пред. и перевод п. 1 гл. VII); А. С. Мыльников (пред. и перевод п. 6 гл. XIII); В. В. Самаркин (перевод п. 1 гл. VI); Е. А. Скрипилев (пред. к п. 1 гл. I, пп. 2—4 гл. VII, перевод пп. 2—4 гл. VII); Е. А. Тихонова (гл. IX), а также И. А. Брей (перевод п. 1, гл. V), В. Е. Полях (перевод пп. 7 и 8 гл. II), С. Н. Ставровский (перевод пп. 2—6 гл. I, пп. 1—6 гл. II, пп. 1в, 1г, 1д, 5в, 5г, 5д гл. IV).

Большую помощь своими советами при подготовке соответствующих разделов Хрестоматии оказали — кандидат исторических наук Д. А. Дрбоглав (гл. VI), а также зарубежные ученые — проф. В. Кутепов (Болгария), акад. Сабо (Венгрия), проф. Ю. Бардах и проф. К. Кораний (Польша), проф. Ванечек и В. Прохазка (Чехословакия), проф. М. Бартош (Югославия), за что им приносится сердечная благодарность.

В. Корецкий

ГОСУДАРСТВО ДРЕВНИХ ФРАНКОВ

1. Салическая правда
2. Саксонская правда
3. Капитулярии
4. Иммунитетные грамоты
5. Формулы (формуляры актов)
6. Гинкмар. О дворцовом порядке

1. САЛИЧЕСКАЯ ПРАВДА

(V—VI вв.)

АЖНЕЙШИМ источником наших познаний об общественном и государственном строе франков в период Меровингов, а отчасти и Каролингов является Салическая Правда (Lex Salica), составленная на рубеже V—VI вв. в период правления Хлодвига (481—511). Она представляет собой запись судебных обычаев салических франков. Такого рода сборники судебных обычаев имелись и у других германских племен (бургундов, аллеманов, рипуарских франков, вестготов, баваров, тюрингов, саксов). Все эти «варварские правды» (Leges barbarorum) составлены по казуистическому шаблону, без какой-либо строгой системы. В Салической Правде, как и в аналогичных ей памятниках, перечисляются отдельные правонарушения и штрафы, за них полагавшиеся. Салическая Правда — одна из наиболее древних правд.

По своему содержанию Салическая Правда отражает такую стадию развития одного из германских племен, которая близко примыкает к стадии, описанной Тацитом.

Существует несколько редакций текста Салической Правды. Первоначальный текст этого памятника не сохранился. Дошедшие до нас варианты являются компиляциями и представляют собой сокращенные либо расширенные (путем «прибавлений») обработки исчезнувшего древнего текста.

Приводимый ниже текст перевода Салической Правды дается с небольшими сокращениями по изданию: Салическая Правда, перевод Н. П. Грацианского, под редакцией В. Ф. Семенова, М., 1950. Краткие подстрочные примечания к русскому переводу заимствуются из этого же издания.

[Извлечения]

LEX SALICA

I. О ВЫЗОВЕ НА СУД

§ 1. Если кто будет вызван на суд (ad mallum)[1] по законам короля, и не явится, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.[2].

§ 2. Если же кто, вызвавши другого на суд, сам не явится, и если его не задержит какое-либо законное препятствие, присуждается к уплате 15 сол., в пользу того, кого он вызовет на суд.

§ 3. И тот, кто вызывает другого на суд, в сопровождении свидетелей должен придти к его дому, и, если последний окажется в отсутствии, должен позвать жену или кого-либо из его домашних с тем, чтобы они известили его о вызове на суд.

§ 4. Если же (ответчик) будет занят исполнением королевской службы, он не может быть вызван на суд.

§ 5. Если же он будет вне волости[3] по своему личному делу, он может быть вызван на суд, как выше упомянуто.

II. О КРАЖЕ СВИНЕЙ

§ 1. Если кто украдет молочного поросенка и будет уличен, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 4. Если кто украдет годовалую свинью и будет уличен, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 5. Если кто украдет двухгодовалую свинью, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 7. Если же кто украдет трех или более свиней, присуждается к уплате 1.400 ден., что составляет 35 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

---

[1] Mallus — местное народное судебное собрание у франков.

[2] Солид — золотая монета; денарий — серебряная монета, равная 1/40 солида.

[3] Паг (pagus) — мелкий судебно-административный округ. Термин употреблялся для обозначения и более крупной единицы — округа, управляемого графом.

§ 11. Если кто украдет кабана или свинью, ведущую стадо, присуждается к уплате 700 ден., что составляет $17^1/_2$ сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 14. Если же кто украдет 25 свиней, причем в стаде более ничего не останется, и будет уличен, присуждается за кражу всего стада к уплате 2.500 ден., что составляет 62 сол.

III. О КРАЖЕ РОГАТЫХ ЖИВОТНЫХ

§ 1. Если кто украдет молочного теленка и будет уличен, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 2. Если кто украдет годовалое или двухгодовалое животное и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 3. Если кто украдет быка или корову с теленком, присуждается к уплате 1.400 ден., что составляет 35 сол.

§ 4. Если кто украдет быка, ведущего стадо и никогда не бывшего под ярмом, присуждается к уплате 1.800 ден., что составляет 45 сол.

§ 6. Если кто украдет 12 животных и ни одного не останется (в стаде), присуждается за кражу всего стада к уплате 2.500 ден., что составляет 63 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

VI. О КРАЖЕ СОБАК

§ 1. Если кто уведет или убьет охотничью ученую собаку, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 2. Если кто украдет или убьет пастушескую собаку, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

IX. О ВРЕДЕ, ПРИЧИНЕННОМ НИВЕ ИЛИ КАКОМУ-ЛИБО ОГОРОЖЕННОМУ МЕСТУ

§ 1. Если кто застанет на своей ниве рогатых животных, или лошадь, или какой-нибудь мелкий скот, не должен бить его до изувечения. Если же он сделает это и сознается, обязан возместить стоимость, а изувеченную скотину взять себе. Если же не сознается и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости и возмещения убытков.

§ 2. Если кто, заставши на своей ниве чужой скот без пастуха, загонит его и совсем никому не заявит об этом, и если какая-нибудь скотина издохнет, возмещает, как при краже, стоимость и, сверх того, присуждается к уплате 1.400 ден., что составляет 35 сол.

§ 4. Если чьи-нибудь свиньи или чей-нибудь скот забежит на чужую ниву, и хозяин животных, несмотря на запирательство, будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

X. О КРАЖЕ РАБОВ

§ 1. Если кто украдет раба, коня или упряжное животное, присуждается к уплате 1.200 ден., что составляет 30 сол.

XI. О КРАЖАХ ИЛИ ВЗЛОМАХ, ПРОИЗВЕДЕННЫХ СВОБОДНЫМИ

§ 1. Если кто из свободных украдет вне дома на 2 ден., присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 3. Если свободный человек, устроивши взлом, украдет на 2 ден. и будет уличен, присуждается к уплате 15 сол.

§ 5. Если же он произведет взлом запора или подберет ключ и, проникши таким образом в дом, что-нибудь оттуда украдет, присуждается к уплате 1.800 ден., что составляет 45 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

XII. О КРАЖАХ ИЛИ ВЗЛОМАХ, ПРОИЗВЕДЕННЫХ РАБАМИ

§ 1. Если раб украдет вне дома на 2 ден., он возвращает похищенное и возмещает убытки, и, кроме того, распростертый (на скамье) получает 120 ударов плетью.

§ 2. Если же он украдет на 40 ден., он или кастрируется или же уплачивает 6 сол. А господин раба, совершившего кражу, возмещает истцу и стоимость украденного, и убытки.

XIII. О ПОХИЩЕНИИ СВОБОДНЫХ

§ 1. Если три человека похитят свободную девушку, они обязаны уплатить по 30 сол. каждый.[1]

[1] Имеется в виду похищение девушки с целью вступления с ней в брак.

§ 6. Если же девушка, которую похитят, окажется под покровительством короля, в таком случае за нарушение fritus[1] платится 2.500 ден., что составляет 63 сол.

§ 7. Королевский раб или лит[2], похитившие свободную женщину, повинны смерти.

§ 8. Если же свободная девушка добровольно последует за рабом, она лишается своей свободы.

§ 9. Свободный, взявший чужую рабыню, несет то же самое наказание.

XIV. О НАПАДЕНИЯХ ИЛИ ГРАБЕЖАХ

§ 1. Если кто ограбит свободного человека, напавши на него неожиданно, и будет уличен, присуждается к уплате 2.500 ден., что составляет 63 сол.

§ 2. Если римлянин ограбит салического варвара, должно применять вышеупомянутый закон.

§ 3. Если же франк ограбит римлянина, присуждается к штрафу в 35 сол.

§ 6. Если кто нападет на чужую виллу[3], все уличенные в этом нападении присуждаются к уплате 63 сол.

Приб. 1-е. Если кто нападет на чужую виллу, выломает там двери, перебьет собак и изранит людей или что-нибудь вывезет оттуда на повозке, присуждается к уплате 8.000 ден., что составляет 200 сол.

Приб. 4-е. Если кто ограбит мертвого человека, прежде чем его опустят в землю, и будет уличен, присуждается к уплате 4000 ден., что составляет 100 сол.

XV. ОБ УБИЙСТВАХ ИЛИ ЕСЛИ КТО УКРАДЕТ ЧУЖУЮ ЖЕНУ

§ 1. Если кто лишит жизни свободного человека или уведет чужую жену от живого мужа, присуждается к уплате 8.000 ден., что составляет 200 сол.

---

[1] Fretus, fritus, fredus — имеется в виду нарушение королевского мира. Этим термином обозначаются также штраф или часть штрафа, причитающиеся королю.

[2] Лит — полусвободный человек, положение которого приближалось к положению будущего крепостного.

[3] Термин «вилла» (villa) в Салической Правде употребляется в разных местах в неодинаковом смысле. В данном случае речь идет о вилле — дворе (может быть, хуторе). Но в других местах под термином «вилла» явно имеется в виду деревня.

XVI. О ПОДЖОГАХ

§ 2. Если кто сожжет дом с пристройками и будет уличен, присуждается к уплате 2.500 ден., что составляет 63 сол.

§ 3. Если кто сожжет амбар или ригу с хлебом, присуждается к уплате 2.500 ден., что составляет 63 сол.

XVII. О РАНАХ

§ 1. Если кто вознамерится лишить жизни другого, но промахнется ударом и будет уличен, присуждается к уплате 2.500 ден., что составляет 63 сол.

§ 2. Если кто вознамерится поразить другого отравленной стрелой, но промахнется и будет уличен, присуждается к уплате 2.500 ден., что составляет 63 сол.

§ 3. Если кто ударит другого по голове так, что обнаружится мозг и выпадут 3 кости, лежащие поверх самого мозга, присуждается к уплате 1.200 ден., что составляет 30 сол.

§ 4. Если же кто будет ранен между ребер или в живот, причем окажется, что появится рана и проникнет до внутренностей, присуждается к уплате 1.200 ден., что составляет 30 сол., помимо 5 сол. на лечение.

§ 6. Если какой-нибудь свободный ударит палкой свободного, но так, что кровь не пойдет, то до 3 ударов за каждый удар платится по 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 8. Если кто ударит другого сжатым кулаком, присуждается к уплате 360 ден., что составляет 9 сол., так что за каждый удар он платит по 3 сол.

XVIII. О ТОМ, КТО ОБВИНИТ ПЕРЕД КОРОЛЕМ БЕЗВИННОГО ЧЕЛОВЕКА

§ 1. Если кто обвинит перед королем безвинного человека в отсутствие последнего, присуждается к уплате 2.500 ден., что составляет 63 сол.

Приб. 1-е. А если возведет на него такую вину, за какую в случае подтверждения обвинения следует смертная казнь, обвинитель присуждается к уплате 8.000 ден., что составляет 200 сол.

XIX. О ПОРЧЕ

§ 1. Если кто даст другому выпить отвар трав с целью умертвить его, присуждается к уплате 200 сол.

Приб. 2-е. Если какая-нибудь женщина испортит другую так, что та не сможет иметь детей, присуждается к уплате $62^1/_2$ сол.

XX. О ТОМ, КТО СХВАТИТ СВОБОДНУЮ ЖЕНЩИНУ ЗА РУКУ, ЗА КИСТЬ ИЛИ ЗА ПАЛЕЦ

§ 1. Если какой-нибудь свободный человек схватит свободную женщину за руку, за кисть или за палец и будет уличен, присуждается к уплате 15 сол.

§ 3. А если он схватит рукою выше локтя, присуждается к уплате 1.400 ден, что составляет 35 сол.

XXIV. ОБ УБИЙСТВЕ МАЛЬЧИКОВ

§ 1. Если кто лишит жизни мальчика до 10 лет включительно и будет уличен, присуждается к уплате 24.000 ден., что составляет 600 сол.

§ 2. Если кто лишит жизни длинноволосого мальчика, присуждается к уплате 600 сол.

§ 4. Если же кто лишит жизни ребенка в утробе матери раньше, чем он получит имя, и это будет доказано, присуждается к уплате 4.000 ден., что составляет 100 сол.

Приб. 2-е. Если кто осмелится остричь свободного длинноволосого мальчика без согласия его родителей и будет уличен, присуждается к уплате 1.800 ден., что составляет 45 сол.

§ 6. Если кто лишит жизни свободную женщину после того, как она начала иметь детей, присуждается к уплате 24.000 ден., что составляет 600 сол.

§ 7. Если же кто лишит жизни (свободную женщину) после того, как она уже не может более иметь детей, присуждается к уплате 8.000 ден., что составляет 200 сол.

XXVI. О ВОЛЬНООТПУЩЕННИКАХ

§ 1. Если какой-нибудь свободный человек в присутствии короля через денарий отпустит на волю чужого лита без согласия господина последнего и будет уличен, присуждается к уплате 4.000 ден., что составляет 100 сол. Вещи

же лита должны быть возвращены его законному господину.

§ 2. Если кто в присутствии короля через денарий отпустит на волю чужого раба и будет уличен, присуждается к уплате господину стоимости раба и, сверх того, 35 сол.

XXVII. О РАЗЛИЧНЫХ КРАЖАХ

§ 1. Если кто украдет с вожака чужого свиного стада колокольчик и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 6. Если кто проникнет в чужой сад с целью покражи, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 10. Если кто выкосит чужой луг, теряет свой труд.

§ 11. И если, сверх того, увезет сено к своему дому и сложит его там, присуждается к уплате 1.800 ден., что составляет 45 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 12. Если же он украдет лишь столько, сколько сможет унести на своей спине, присуждается к уплате 3 сол.

§ 18. Если кто украдет из чужого леса чужие дрова, присуждается к уплате 3 сол.

§ 24. Если кто запашет чужое поле без позволения хозяина, присуждается к уплате 15 сол.

§ 25. Если же кто засеет его, присуждается к уплате 1.800 ден., что составляет 45 сол.

XXVIII. О ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВЕ

§ 1. Если кто подкупит другого для совершения кражи и будет уличен, присуждается к уплате 2.500 ден., что составляет 63 сол.

XXIX. О НАНЕСЕНИИ УВЕЧИЙ

§ 1. Если кто изувечит руку или ногу другому, лишит его глаза или носа, присуждается к уплате 4.000 ден., что составляет 100 сол.

§ 2. Если же у него эта изувеченная рука останется висеть, присуждается к уплате 2.500 ден., что составляет 63 сол.

Приб. 4-е. Если кто вырвет другому глаз, присуждается к уплате $62^1/_2$ сол.

Приб. 5-е. Если оторвет нос, присуждается к уплате 1.800 ден., что составляет 45 сол.

Приб. 6-е. Если оторвет ухо, присуждается к уплате 45 сол.

§ 3. Если кто оторвет большой палец на руке или на ноге, присуждается к уплате 2.000 ден., что составляет 50 сол.

§ 4. Если этот изувеченный палец будет висеть на прежнем месте, присуждается к уплате 1.200 ден., что составляет 30 сол.

§ 5. Если же кто оторвет второй палец, именно тот, которым натягивают лук, присуждается к уплате 1.400 ден., что составляет 35 сол.

Приб. 10-е. Если кто повредит другому язык так, что тот не в состоянии будет говорить, присуждается к уплате 100 сол.

§ 9. Если кто кастрирует свободного человека, присуждается к уплате 8.000 ден., что составляет 200 сол.

XXX. ОБ ОСКОРБЛЕНИИ СЛОВАМИ

§ 1. Если кто назовет другого уродом, присуждается к уплате 3 сол.

§ 3. Если кто — мужчина или женщина — назовет свободную женщину блудницей и не докажет этого, присуждается к уплате 1.800 ден., что составляет 45 сол.

§ 5. Если кто назовет другого зайцем, присуждается к уплате 3 сол.

§ 6. Если кто обвинит другого в том, что он бросил (в сражении) свой щит, и не сможет доказать, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 7. Если кто назовет другого доносчиком или лжецом и не сможет доказать, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

XXXII. О СВЯЗЫВАНИИ СВОБОДНЫХ

§ 1. Если кто свяжет без вины свободного человека, присуждается к уплате 1.200 ден., что составляет 30 сол.

XXXIV. О КРАЖЕ ИЗГОРОДИ

§ 1. Если кто отрежет 2 или 3 прута, которыми связывается и сдерживается вверху изгородь, или сломает или вырвет 3 кола, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

XXXV. ОБ УБИЙСТВАХ ИЛИ ОБ ОГРАБЛЕНИЯХ РАБОВ

§ 1. Если какой-нибудь раб лишит жизни раба, господа пусть разделят между собою убийцу.

§ 6. Если кто украдет или лишит жизни дворового слугу, или кузнеца, или золотых дел мастера, или свинопаса, или винноградаря, или конюха и будет уличен, присуждается к уплате 1.200 ден., что составляет 30 сол.

XXXVI. О ЧЕТВЕРОНОГИХ, ЕСЛИ УБЬЮТ ЧЕЛОВЕКА

§ 1. Если кто-нибудь будет убит каким-либо домашним четвероногим животным и это будет доказано свидетелями, хозяин животного должен уплатить половину виры. Само же животное идет истцу в возмещение второй половины виры.

XXXVII. О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ПО СЛЕДАМ

§ 1. Если кто потеряет вследствие кражи быка или коня или какое-либо животное и, идя по следам, найдет его в течение 3-х суток, а тот, кто ведет его (животное), заявит, что он купил или получил его в обмен, идущий по следам должен через третьих лиц доказывать, что (эти) вещи[1] — его собственность. Если же разыскивающий свои вещи найдет их уже по прошествии 3-х суток, а тот, у кого он найдет их, заявит, что купил или получил их в обмен, сам (ответчик) пусть доказывает (на них) свое право. Если же (человек), разыскивающий скот, заявит, что признал его (своим) и, несмотря на протест того другого, не захочет представить доказательства через третьих лиц, ни назначить согласно закону дня для судебного разбиратель-

[1] Res — в данном случае в смысле собственности. Из контекста ясно, что речь идет о похищенных животных, а не о вещах в обычном смысле слова.

ства и будет изобличен в насильственном отобрании (животного), присуждается к уплате 1.200 ден., что составляет 30 сол.

XXXVIII. О КОНОКРАДСТВЕ

§ 1. Если кто украдет упряжную лошадь и будет уличен, присуждается к уплате 1.800 ден., что составляет 45 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 2. Если кто украдет жеребца и будет уличен, присуждается к уплате 1.800 ден., что составляет 45 сол.

XXXIX. О ПОХИТИТЕЛЯХ РАБОВ

§ 1. Если кто вздумает сманить чужих рабов и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 2. Если кто похитит свободного человека и (против него) не окажется верной улики, он должен представить соприсяжников как бы при убийстве; если он не будет в состоянии найти соприсяжников, присуждается к уплате 8.000 ден., что составляет 200 сол.

XL. ЕСЛИ РАБ БУДЕТ ОБВИНЕН В ВОРОВСТВЕ

§ 1. Если будет совершен проступок, за который свободный должен уплатить штраф в размере 600 ден., или 15 сол., раб пусть будет разложен на скамье и получит 120 ударов плетью.

§ 2. Если же раб, раньше чем подвергнуться пытке, сознается в проступке, господин раба, если ему будет угодно, пусть отдаст 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 4. Если же раб не сознается, а производящий пытку пожелает еще пытать его, даже вопреки воле господина, в таком случае он должен дать последнему залог за раба. Если раб после того подвергнется большим пыткам и сознается, то нельзя давать веры его показаниям против господина; и пусть пытающий удержит раба при себе; господин же раба, получив за него залог, пусть удержит цену своего раба из залога. Если же (раб) сознается во время предшествующей пытки, то есть до получения 120 ударов, он должен быть кастрирован или уплатить 6 сол. Господин же раба пусть возместит истцу стоимость украденного.

§ 5. Если же раб будет повинен в более тяжелом преступлении, именно таком, за которое свободный человек может быть присужден к уплате 45 сол., и если раб сам под пыткой сознается, он присуждается к смертной казни.

§ 6. Если раб будет уличен в каком-либо преступлении, истец должен увещевать его господина, если последний окажется налицо, чтобы он выдал раба для справедливой пытки; при этом истец должен иметь наготове прутья, из которых каждый по толщине пусть равняется, по крайней мере, мизинцу, и скамью, на которой надлежит разложить раба (для пытки).

§ 11. Если же рабыня обвиняется в таком преступлении, за которое раб должен быть кастрирован, она подвергается штрафу в 240 ден., что составляет 6 сол., если угодно будет уплатить за нее господину; в противном случае она должна получить 144 удара плетью.

XLI. О ЧЕЛОВЕКОУБИЙСТВЕ СКОПИЩЕМ

§ 1. Если кто лишит жизни свободного франка или варвара, живущего по Салическому закону, и будет уличен, присуждается к уплате 8.000 ден., что составляет 200 сол.

§ 3. Если кто лишит жизни человека, состоящего на королевской службе, или же свободную женщину, присуждается к уплате 24.000 ден., что составляет 600 сол.

§ 5. Если кто лишит жизни римлянина — королевского сотрапезника и будет уличен, присуждается к уплате 12.000 ден., что составляет 300 сол.

XLII. О ЧЕЛОВЕКОУБИЙСТВЕ СКОПИЩЕМ

§ 1. Если кто, собравши скопище, нападет на свободного человека в его доме и там лишит его жизни и если убитый состоял на королевской службе, (убийца) присуждается к уплате 72.000 ден., что составляет 1.800 сол.

XLIII. О ЧЕЛОВЕКОУБИЙСТВЕ СКОПИЩЕМ

§ 1. Если кто, находясь в собрании 5 человек, будет кем-нибудь из них лишен жизни, остальные должны или выдать виновного, или все ответить за смерть убитого; этот же закон соблюдается и в том случае, когда в собрании будет 7 человек.

XLIV. O REIPUS'E

§ 1. По обычаю следует, что (если) человек, умирая, оставит вдову, и кто-либо пожелает ее взять, то, прежде чем он вступит с нею в брак, тунгин или центенарий[1] должен назначить судебное заседание, и на этом заседании должен иметь при себе щит, и три человека должны предъявить три иска. И тогда тот, кто хочет взять вдову, должен иметь 3 равновесных солида и 1 денарий. И должны быть трое, которые взвесят его солиды; и если после этого будут согласны, он может взять (вдову замуж).

XLV. О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ

§ 1. Если кто захочет переселиться в виллу к другому, и если один или несколько из жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться.

XLVI. О ПЕРЕДАЧЕ ИМУЩЕСТВА

§ 1. (При этом) нужно соблюдать следующее: тунгин или центенарий пусть назначает судебное собрание, и на этом собрании должны иметь (при себе) щит, и три человека должны предъявить три иска. Затем пусть отыщут человека, который не приходится ему (завещателю) родственником и которому он (завещатель) пусть бросит в полу стебель. И тому, в чью полу он бросит стебель, пусть он заявит о своем имуществе, именно, сколько он хочет передать, все ли и кому. И тот, в чью полу он бросит стебель, должен остаться в его доме. И должен пригласить троих или более гостей и хранить ту часть имущества, которая ему вверена. И после того тот, кому это вверено, должен действовать с собранными свидетелями. Потом в присутствии короля или в судебном собрании пусть возьмет стебель и бросит в полу тех, кто был назначен наследниками 12 месяцев тому назад, и пусть отдаст имущество тем, кому оно завещано, в количестве ни большем, ни меньшем того, что ему было вверено. Если же кто пожелает что-либо

---

[1] Тунгин или центенарий — сотник, начальник мелкой административной единицы — «сотни» (или «gau»), во время первых Меровингов еще выбиравшийся населением. В дальнейшем — назначался королем или графом.

возразить против этого, три свидетеля должны дать клятву, что они присутствовали в том заседании, которое было назначено тунгином или центенарием, и видели, как пожелавший передать свое имущество бросил в полу тому, кого он выбрал, стебель; они должны назвать по отдельности и имя того, кто бросил свое имущество в полу другого, имя того, кого объявил он наследником. И другие три свидетеля должны под клятвою показать, что тот, в чью полу был брошен стебель, был в доме того, кто передал свое имущество, что он пригласил трех или более гостей, которые за столом ели овсянку в присутствии свидетелей и что эти гости благодарили его за прием. Это все должны под клятвою подтвердить и другие свидетели, а также и то, что принявший в полу имущество бросил в присутствии короля или в законном публичном собрании стебель в полу тех, которые объявлены были наследниками упомянутого имущества публично пред лицом народа (именно) в присутствии короля или на публичном собрании, то есть на mallobergus'е пред народом или тунгином; все это должны подтвердить 9 свидетелей.

XLVII. О РОЗЫСКЕ

§ 1. Если кто признает своего раба, или коня, или быка, или какую бы то ни было вещь у другого, пусть передаст это в третьи руки, а тот, у кого признаны (данные вещи), должен доказывать (на них) свое право. И если тот и другой живут по сю сторону реки Луары (Ligeris) или Угольного леса, истец и ответчик пусть в течение 40 суток назначат срок для судебного разбирательства; и в течение этого времени все те, кто продал коня, или обменял, или, быть может, дал в уплату, должны войти друг с другом в сношение, именно, каждый должен вызвать то лицо, с которым заключил сделку. И если призванный на суд, не имея для того законных препятствий, не явится, заключивший с ними сделку пусть пошлет трех свидетелей, чтобы они пригласили его явиться на суд; равным образом он должен иметь других трех свидетелей (которые показали бы), что он совершил с ним сделку публично. Если он выполнит это, освободит себя от обвинения в воровстве. А тот, не явившийся, на которого под клятвою показали свидетели, будет признан вором по отношению к истцу и должен возместить стоимость украденной вещи тому, с кем

имел сделку; этот же согласно закону уплатит тому, кто узнал свои вещи. Все это должно происходить на судебном заседании, в присутствии ответчика, у которого впервые найдена вещь, переданная затем в третьи руки. Если же те, у кого признана вещь, живут по ту сторону Луары или Угольного леса, закон этот должен быть выполнен в течение 80-ти суток.

XLVIII. О ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВЕ

§ 1. Если кто даст ложное показание, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

XLIX. О СВИДЕТЕЛЯХ

§ 1. Если кто будет вынужден представить свидетелей и они, может случиться, не пожелают явиться на судебное заседание, имеющий в них надобность должен удовлетворить их и должен при свидетелях пригласить их на судебное заседание, чтобы они под клятвой показали то, что им известно.

§ 2. Если они не захотят прийти и если их не задержит законное препятствие, каждый из них присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

§ 3. Если же призванные к свидетельству, явившись (на судебное заседание) не захотят показать под клятвою того, что знают, они будут поставлены вне закона, и (сверх того) каждый из них присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

LIII. О ВЫКУПЕ РУКИ ОТ КОТЕЛКА

§ 1. Если кто будет вызван к испытанию посредством котелка с кипящею водою, то стороны могут прийти к соглашению, чтобы присужденный выкупил свою руку и обязался представить соприсяжников. Если проступок окажется таким, за какой, в случае улики, виновный по закону должен уплатить 600 ден., что составляет 15 сол., он может выкупить свою руку за 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 3. Если же проступок будет такой, за который в случае улики виновный мог бы быть присужден к уплате

35 сол., и если стороны согласятся, чтобы он выкупил свою руку, пусть он выкупит ее за 240 ден., что составляет 6 сол.

LIV. ОБ УБИЙСТВЕ ГРАФА

§ 1. Если кто лишит жизни графа, присуждается к уплате 24.000 ден., что составляет 600 сол.

LV. ОБ ОГРАБЛЕНИИ ТРУПОВ

§ 1. Если кто воровским образом ограбит тело убитого человека, прежде чем оно будет предано земле, присуждается к уплате 2.500 ден., что составляет 63 сол.

LVI. О НЕЯВКЕ НА СУД

§ 1. Если кто пренебрежет явкою на суд или замедлит исполнением того, что ему определено рахинбургами, и не пожелает войти в сделку ни путем композиции, ни путем очищения водой, ни каким-либо другим законным способом, тогда истец должен вызвать его на суд пред лицом самого короля. И там будут 12 свидетелей, из которых пусть первые три поклянуться, что они были там, где рахинбург присудил, чтобы он шел на испытание водой или дал обязательство в уплате композиции, и что он пренебрег (постановлением рахинбургов). А затем другие три должны поклясться, что после состоявшегося постановления рахинбургов о том, чтобы он очистился или испытанием водою, или уплатой композиции, они присутствовали при вторичном предложении ему явиться на суд в течение 40 суток, считая с того дня, и он никаким образом не пожелал удовлетворить требование закона. Тогда истец должен вызвать его пред лицо короля, именно, в течение 14 суток, и три свидетеля должны поклясться, что они были там в то время, когда он вызвал его на суд и назначил ему определенный срок. Если и тогда он не явится, пусть эти 9 свидетелей под присягой, как мы выше говорили, дадут свои показания. Равным образом, если он не явится в тот день, пусть (истец) назначит ему определенный срок, имея трех свидетелей при назначении срока. Если истец исполнил все это, а ответчик ни в один из назначенных сроков не пожелал явиться, тогда пусть король, к которому он

призван на суд, объявит его вне своего покровительства. Тогда и сам виновный и все его имущество делается собственностью истца. И если до тех пор, пока он не уплатит всего, что с него взыскивается, кто-нибудь даст ему хлеба или окажет гостеприимство, будь то даже собственная его жена, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

LVII. О РАХИНБУРГАХ

§ 1. Если какие-либо из рахинбургов, заседая в судебном собрании и разбирая тяжбу между двумя лицами, откажутся сказать закон, следует, чтобы истец заявил им: «здесь я призываю вас постановить решение согласно Салическому закону». Если они (снова) откажутся сказать закон, семеро из этих рахинбургов до захода солнца присуждаются к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 3. Если же рахинбурги те будут судить не по закону, тот, против которого они вынесут решение, пусть предъявит к ним иск, и если будет в состоянии доказать, что они судили не по закону, каждый из них присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

LVIII. О ГОРСТИ ЗЕМЛИ

§ 1. Если кто лишит жизни человека и, отдавши все имущество, не будет в состоянии уплатить следуемое по закону, он должен представить 12 соприсяжников (которые поклянутся в том), что ни на земле, ни под землей он не имеет имущества более того, что уже отдал. И потом он должен войти в свой дом, собрать в горсть из четырех углов земли, стать на пороге, обратившись лицом внутрь дома, и эту землю левой рукой бросать через свои плечи на того, кого он считает своим ближайшим родственником. Если отец и братья уже платили, тогда он должен той же землей бросать на своих, т. е. на троих ближайших родственников по матери или по отцу. Потом в одной рубашке, без пояса, без обуви, с колом в руке он должен прыгнуть через плетень, и эти три (родственника по матери) должны уплатить половину того, сколько не хватает для уплаты следуемой по закону виры. То же должны проделать и три остальные, которые приходятся родственниками по отцу. Если же кто из них окажется слишком бедным, чтобы заплатить падающую на него долю, он должен в свою

очередь бросить горсть земли на кого-нибудь из более зажиточных, чтобы он уплатил все по закону. Если же и этот не будет иметь чем заплатить все, тогда взявший на поруки убийцу должен представить его в судебное заседание, и так потом в течение четырех заседаний должен брать его на поруки. Если же никто не поручится в уплате виры, т. е. в возмещении того, что он не заплатил, тогда он должен уплатить виру своею жизнью.

LIX. ОБ АЛЛОДАХ

§1. Если кто умрет и не оставит сыновей, и если мать переживет его, пусть она вступит в наследство.

§ 2. Если не окажется матери и если он оставит брата или сестру, пусть вступят в наследство.

§ 3. В том случае, если их не будет, сестра матери пусть вступит в наследство.

Приб. 1-е. Если не будет сестры матери, пусть сестры отца вступят в наследство.

§ 4. И если затем окажется кто-нибудь более близкий из этих поколений, он пусть вступит во владение наследством.

§ 5. Земельное же наследство ни в каком случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужскому полу, т. е. братьям[1].

LX. О ЖЕЛАЮЩЕМ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ РОДСТВА

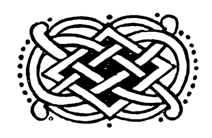
§ 1. Он должен явиться в судебное заседание перед лицо тунгина и там сломать над своей головою три ветки мерою в локоть. И он должен в судебном заседании разбросать их в 4 стороны и сказать там, что он отказывается от соприсяжничества, от наследства и от всяких счетов с ними. И если потом кто-нибудь из его родственников или будет убит, или умрет, он совершенно не должен участвовать в наследстве, или в уплате виры, а наследство его самого должно поступить в казну.

[1] Эта статья позднее во Франции толковалась в применении к королевскому престолонаследию. На основании ее королевский престол не мог переходить по женской линии.

LXII. О ВИРЕ ЗА УБИЙСТВО

§ 1. Если будет лишен жизни чей-нибудь отец, половину виры пусть возьмут его сыновья, а другую половину пусть разделят между собою ближайшие родственники как со стороны отца, так и со стороны матери.

§ 2. Если ни с одной стороны, ни со стороны отца, ни со стороны матери не окажется никакого родственника, эта часть пусть отбирается в пользу казны.

2. САКСОНСКАЯ ПРАВДА

(802—803 гг.)

ТЕЧЕНИЕ многих лет вел Карл Великий войны с саксами. Свободные общинники (саксы) сопротивлялись подавлению и закрепощению, установлению в земле саксов «порядка» по франкскому образцу. Карл суровыми мерами расправлялся с ними. В Анналах 783 года было записано: «Франки стали победителями. И убито там было многое множество саксов, так что немногие спаслись бегством». С другой стороны, Карл вступил в соглашение с саксонской знатью. Поддерживая саксонскую знать, он стремился при ее участии облегчить подавление и ограбление масс. Опираясь на Карла Великого, саксонская знать в свою очередь добивалась обеспечения своего господства над закрепощаемыми крестьянами. По свидетельству Анналов, Карл назначал в Саксонию графов из «знатнейших саксонского рода». Но из года в год восставали саксы. Казнями, страхом смерти пытался Карл обуздать массы. В Капитулярии об областях Саксонии (782 или 785 гг.) из 14 первых статей 12 грозят смертью, одна из них грозит смертью даже тому, кто поест мяса в великий пост (ст. 4). В источниках рассказывают об опустошениях саксонских земель, о тысячах убитых, о взятии тысяч заложников (в 795 году их было взято 7070 человек), о выселении многих тысяч саксов («каждого третьего с детьми»).

«Умиротворив» таким образом саксов, Карл пытался укрепить свою власть соглашением с более широкими кругами господствующего класса Саксонии, частичным приравниванием саксов к франкам, смягчением наказаний, заменяя в основной массе случаев смертную казнь штрафом и даже дифференцируя его в зависимости от сословного положения правонарушителя.

В 797 году «во дворце, на собрании всех подчиненных ему (Карлу Великому) достопочтенных епископов, аббатов и сиятельных графов»,— как говорится в Саксонском

Капитулярии того же года[1],—«...когда собрались также (по-видимому, знатные) от различных саксонских областей, как вестфальских и анграрских, так и остфальских,— все единодушно согласились и порешили, чтобы по тем постановлениям, по которым франки, нарушившие королевский банн, платят 60 солидов, столько же платили и саксы, если где-либо они нарушат эти банны».

В начале IX столетия, в период превращения франкского королевства в империю, Карл пытался ввести законность, бороться с вымогательствами и взяточничеством, пресечь неправосудие, «чтобы судьи судили согласно писаному закону, а не по своему произволу», придать вид «народности» своей политике. Тогда переписывались, дополнялись и изменялись Правды (прежде всего Салическая), составлялись новые Правды для завоеванных областей. Так была составлена (в 802—803 гг.) Саксонская Правда. Сохранилась она в двух списках (Корвейском и Шпангенбергском).

Саксонская Правда состоит из 66 статей. Некоторая пестрота содержания давала основание исследователям утверждать, что Правда составлена была из разных частей (от двух до пяти). В Корвейском списке часть Правды, начиная с 24-й статьи, озаглавлена: «Правда Франков» (Lex Francorum), словно народам Саксонской части противопоставлялась часть, продиктованная франками.

Все же наиболее вероятно, что Саксонская Правда составлялась в целом придворным аппаратом Карла Великого с участием представителей саксонской знати. При составлении Правды использованы были указанные Капитулярии (782—785 гг. и 797 г.) и Франкские Правды, в особенности Рипуарская, рассчитанная на общество, в котором классовое расслоение и процесс закрепощения крестьянства пошли значительно дальше, чем у саксов.

Несмотря на частичное смягчение установленных в Капитуляриях наказаний, Правду считали «свирепейшим законом» (lex crudelissima). Охрана политической власти, власти господина, охрана частной собственности, утверждение наследственной собственности, более привилегированное положение знати, по сравнению с простыми свободными и литами,— все это свидетельствует о том, что Саксонская Правда, по существу, представляла собою «статут знати». Этим объясняется и ее суровость.

[1] См. ниже, на стр. 34.

Перевод Правды с латыни сделан по тексту, приведенному В. Протопоповым в «Сборнике памятников древнего западно-европейского права», под редакцией П. Виноградова и М. Владимирского-Буданова, вып. II, 1908. Текст дается с некоторыми сокращениями.

[Извлечения]

LEX SAXONUM

1. За удар, нанесенный знатному, 30 солидов, или, если отрицает (свою вину), пусть сам-третей присягнет.

2. (За) синяк и опухоль — 60 солидов, или пусть сам-шестой присягнет.

3. Если идет кровь — 120 солидов, или с одиннадцатью (соприсяжниками) пусть присягнет.

4. Если кость обнажилась — 180 солидов, или с одиннадцатью пусть присягнет.

5. Если сломал кость или изувечил лицо, пронзил туловище, или бедро, или руку — 240 солидов, или с одиннадцатью пусть присягнет.

6. Если (кто) схватил другого за волосы, пусть уплатит 120 солидов, или пусть сам-одиннадцатый присягнет.

8. Кто бы ни кинулся на другого с обнаженным мечом, но был задержан другими — 12 солидов пусть уплатит, или же пусть присягнет, держа за руку своего зависимого, или над своим оружием.

13. Большой палец, отрубленный целиком, пусть возместится 360-тью солидами; если наполовину — пусть возместится 180-тью. Если мизинец целиком — 240 солидов, если одно сочленение пальца — 80; если два сочленения — 160; если весь — как (сказано) выше. Если указательный палец — 180; а за каждое из отдельных сочленений пусть платит третью часть всего штрафа. Средний палец и безымянный пусть возмещаются 120-тью солидами каждый; а за их сочленения — как сказано (выше) о прочих (пальцах). Большой палец ноги пусть возмещается половиною (стоимости) большого пальца руки,— три средних пальца (ноги) пусть возмещаются половиною возмещения за средний и безымянный палец (руки); мизинец (ноги) пусть

возмещается половиною (стоимости) одного из трех (средних) пальцев ноги.

14. Кто убил знатного, пусть внесет 1440 солидов.

15. Какое бы из указанных выше деяний ни было совершено по отношению к женщине — если она была девушка, пусть возмещается в двукратном размере, а если она уже рожавшая, то пусть возмещается в однократном размере.

16. За убитого лита 120 солидов пусть платят; а штраф за раны — во всех случаях в двенадцать раз меньший, чем за (раны) знатного человека; или же, если отрицает, то пусть сам-двенадцатый присягнет. Если (кто-либо) был убит в толпе или (во время) мятежа, то пусть тот, кому вменяется его смерть, платит или пусть отрицает (свою вину) присягою двенадцати человек.

17. (За) убийство раба знатным пусть возмещается 36-тью солидами, или же пусть отрицается тремя соприсяжниками; (убийство раба) свободным или литом пусть отрицается полной присягой[1].

21. Кто в церкви убил человека, или совершил какую-нибудь кражу, или взломал ее, или заведомо дал ложную клятву, — да будет наказан смертью.

22. А кто дал ложную присягу по неведению, пусть выкупит свою руку, так присягнувший.

24. Закон франков. Кто замыслил против королевства, или против жизни короля франков, или сыновей его, карается смертью.

25. Кто убил своего господина, карается смертью.

26. Кто убил сына своего господина, или обесчестил дочь, или жену, или мать (его),— да будет убит по воле господина.

27. Кто убил человека из файды[2] в собственном доме, карается смертью.

28. Осужденному на смерть да нигде не будет мира; если он укрылся в церкви, да будет выдан.

32. Кто проник ночью в чужой дом посредством подкопа или взлома и похитил на два солида, да будет казнен смертью; если он там был убит, то пусть не платят (за его убийство).

35. Кто совершил кражу, днем или ночью, какой бы то ни было вещи стоимостью в три солида, карается смертью.

---

[1] То есть сам-двенадцатый.

[2] Файда — вначале кровная месть, затем — «распря».

36. (Если) кто-либо совершил кражу чего-либо стоимостью хоть на один денарий меньше трех солидов, то пусть он возместит, что украл, в девятикратном размере, а в качестве штрафа, если это знатный — 12 солидов, если свободный — 6; если лит — 4; и соучастник—равным образом.

37. Кто причинил какой-либо вред человеку, идущему в поход или с похода, ко дворцу или из дворца, пусть возместит в троекратном размере.

40. Желающий взять себе жену пусть даст ее родителям 300 солидов; если же (кто) взял себе жену без воли (ее) родителей, но с согласия девушки, то пусть уплатит ее родителям дважды 300 солидов; а если ни родители, ни девушка не дали согласия, то есть если она похищена насильно, то пусть уплатит ее родителям 300 солидов, девушке — 240 солидов, и пусть возвратит ее родителям.

41. Отец и мать по смерти своей оставляют наследственную (земельную) собственность сыну, а не дочери.

44. (Если) кто оставил по смерти не сыновей, а дочерей, то пусть вся наследственная (земельная) собственность принадлежит им; а опека над ними пусть будет передана брату или ближайшему (родственнику) из отцовского рода.

48. Из того, что муж и жена приобрели вместе, жена да получит половину,— так у вестфалов; у остфалов и анграриев она не должна ничего получать, но да довольствуется своим приданым.

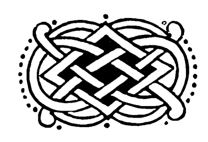
50. Что бы ни совершил раб или крепостной по приказу господина,— пусть возмещает господин.

62. Да не будет никому дозволено, кроме как в пользу церкви или короля, отчуждать свое наследственное имущество, лишая своего наследника наследства, за исключением если он окажется принужден (к этому) необходимостью из-за голода, с тем, чтобы иметь поддержку от получившего; а рабов да будет дозволено отдавать и продавать.

63. Кто заявил, что его земля занята другим, пусть докажет, что она была его, с привлечением надлежащих свидетелей; если занявший (землю) будет возражать, то пусть решается полем, и если занявший (землю) согласится с ним, то пусть вернет ему то, что занял, не более.

65. Королевскому литу да будет дозволено приобрести (emere) себе жену, где бы он ни захотел, но да не будет позволено продать всякую женщину.

66. Солид бывает двоякий: один содержит две трети монеты, то есть (стоимость) годовалого двенадцатимесячного быка или овцы с ягненком; другой солид (содержит) три трети монеты, т. е. (стоимость) шестнадцатимесячного быка; меньшим солидом возмещаются человекоубийства, большим выплачиваются все прочие возмещения.

3. КАПИТУЛЯРИИ

РАНКСКИЕ короли нередко издавали постановления, которые во времена Меровингов назывались эдиктами, декретами, конституциями, а при Каролингах (начиная с 779 года) стали именоваться капитуляриями (от слова capitula, то есть глава, раздел издававшегося постановления). Особенно много капитуляриев было издано при Карле Великом[1]. Они издавались по различным поводам и касались самых разнообразных вопросов. Стремясь централизовать государственную власть, чтобы обеспечить проведение завоевательной политики и добиться «послушания» местной знати, Карл Великий, издавая капитулярии, пытался сурово расправляться с покоренными народами, обеспечивать созыв войска[2], укреплять власть своих посланцев (missi), бороться с уголовными преступлениями — убийствами, воровством и прочим, с распрями (файдами), пытался упорядочить организацию суда, разграничить сплетавшуюся и конкурировавшую между собою судебную власть короля, графов, посланцев, вотчинников, сеньоров. Об охране церкви и ее имущества, соблюдении церковниками «канонического образа жизни» также не раз говорилось в капитуляриях. Имеется и капитулярий, посвященный ведению хозяйства в королевских поместьях (capitulare de villis), чтобы, как писал Карл Великий, «поместия наши, кои мы определили быть для нужд наших, служили всецело нам, а не другим людям»[3].

---

[1] Тексты капитуляриев собраны в Monumenta Germaniae historica. Leges. Capitularia regum francorum, тт. I—II, изд. Boretius и Krause, 1881.

[2] Изложение и анализ многочисленных военных капитуляриев Карла Великого см. В. Корецкий, Военный строй франкского государства, Харьков, 1947.

[3] Перевод Capitulare de villis (около 800 года) был приведен уже в 1864 году (в сборнике М. Стасюлевича «История средних веков», т. II, стр. 53) и затем давался почти во всех сборниках памятников средневековья — под редакцией Егорова (1912), Н. П. Грацианского

Ниже приводятся (в извлечениях) Саксонский капитулярий 775—790 гг., Саксонский капитулярий 797 года, Аахенский капитулярий 802 года, Капитулярий 811—813 гг.

[Извлечения]

(а) САКСОНСКИЙ КАПИТУЛЯРИЙ[1]

CAPITULATIO DE PARTIBUS SAXONIAE

(между 775 и 790 гг.)

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ГЛАВНЫЕ

1. Решено всеми, чтобы церкви Христовы, которые строятся теперь в Саксонии во имя истинного Бога, пользовались бо́льшим, отнюдь не меньшим почетом, чем каким пользовались прежде идольские капища.

2. Если кто-либо укроется в церкви, да не осмелится никто изгнать его оттуда силою: он может пребывать там в безопасности, пока не будет представлен суду; и за почтение, оказанное им церкви Господа и святых, пощажены будут его жизнь и все члены. Пусть он вознаградит причиненный им ущерб в том размере, как это будет присуждено, насколько сможет; а затем да будет он представлен государю королю, который и пошлет его, куда заблагорассудится его милосердию.

3. Кто ворвется в церковь силою или возьмет оттуда что-либо силою или тайком, или сожжет самую церковь,— да будет казнен смертью.

4. Кто по неуважению к христианской вере нарушит пост святой четыредесятницы, поев мяса,— будет казнен

(1925 г.), под редакцией Е. А. Косминского (1927 г.), в Хрестоматии под редакцией Н. П. Грацианского и С. А. Сказкина (1949 г.) и др.

[1] Перевод этого капитулярия напечатан в «Книге для чтения по истории средних веков», под редакцией П. В. Виноградова, т. 1, 1898, стр. 424 и сл.

смертью; но священник должен принять в соображение, не был ли преступник вынужден какою-либо необходимостью есть мясо.

5. Подобным образом подлежит смертной казни всякий, убивший епископа, пресвитера или диакона.

6. Кто, будучи совращен диаволом, поверит,— как верят в это язычники,— будто кто-либо, мужчина или женщина,— вампир (striga), поедающий людей, и на этом основании сожжет его, или съест его мясо, или даст съесть (другому),— будет казнен смертью.

7. Кто сожжет по языческому обряду тело умершего и обратит в пепел его кости,— будет казнен смертью.

8. Кто из племени саксонского будет впредь уклоняться от крещения, не явится для совершения над ним этого таинства, желая оставаться в языческой вере,— будет казнен смертью.

9. Кто принесет человека в жертву диаволу по обычаю язычников,— будет казнен смертью.

10. Кто вступит в заговор с язычником против христиан или будет упорствовать во вражде к христианам,— казнится смертью; всякий, кто тайно будет содействовать (предприятиям) враждебным государю и роду христианскому,— будет казнен смертью.

11. Подлежит смертной казни всякий, кто нарушит верность государю королю.

12. Кто похитит дочь господина своего,— будет казнен смертью.

13. Так же будет наказан и тот, кто убьет своего господина или госпожу.

14. Кто, совершив вышеуказанные уголовные преступления, добровольно явится к священнику и, исповедавшись, пожелает подвергнуться эпитимии, и священник засвидетельствует это, тот избавляется от смертной казни.

(б) САКСОНСКИЙ КАПИТУЛЯРИЙ[1]

CAPITULARE SAXONICUM

(797 г.)

1. В 797-м году и в 30-м и 22-м царствования государя Карла, славнейшего короля, в Аквах (Аахене) во

[1] Текст напечатан в «Сборнике памятников древнего западноевропейского права», под редакцией П. Виноградова и М. Владимирского-Буданова, вып. II. 1908.

дворце на собрании всех подчиненных ему почтенных епископов, аббатов и сиятельных графов, в 5-й день перед ноябрьскими календами (т. е. 28 октября), когда собрались также (люди от) различных саксонских областей, как вестфальских и анграрских, так и остфальских,— все единодушно согласились и порешили, чтобы по тем постановлениям, по которым франки, нарушившие королевский банн, платят 60 солидов, столько же платили и саксы, если где-либо они нарушат эти банны. Вот эти постановления:

1. Церкви, вдовы, сироты и менее могущественные (minus potentes) да пользуются законным миром и покоем; да не осмелится никто дерзостно в пределах отечества производить грабеж, вторжение в чужое жилище и поджог; и да не осмелится никто, вопреки банну государя короля, уклоняться от воинской повинности.

2. Если кто нарушит указанные выше восемь постановлений, то, согласно общему решению, саксы, подобно франкам, должны уплачивать 60 солидов.

3. Также всем саксам было угодно, чтобы во всех случаях, когда франки по закону должны уплачивать 15 солидов, знатные саксы платили 12 солидов, свободные — 5, крепостные — 4.

4. Еще они постановили: какое бы дело между членами одной и той же общины ни было миром улажено (pacificata), пусть сами жители, по принятому обычаю, взыщут (с виновного) 12 солидов в качестве штрафа; это же должно быть им предоставлено при (иных) судебных приговорах, которые они имели обыкновение выносить согласно своим обычаям. Если же дело будет решаться в присутствии королевских посланцев, то по вышеозначенным приговорам сами жители должны получить вышеупомянутые 12 солидов, а другие 12 солидов да получит в пользу короля королевский посланец, поскольку он был обременен этим делом. Если дело будет доведено до дворца для решения в присутствии короля, тогда и те, и другие 12 солидов, то есть и штраф (в пользу короля), и взыскание в пользу жителей,— всего 24 солида,— должны быть выплачены в пользу короля, так как не состоялось решения в пределах общины. Таким образом, если будет такой человек, который не пожелает удовлетвориться в своей общине тем, что постановили его сообщинники, и по этому делу явится во дворец, а там будет признано, что (члены общины) решили правильно, то в первый раз, как

выше было сказано, да уплатит он 24 солида в пользу короля. А если, возвратившись оттуда, он не пожелает смириться и подчиниться приговору и снова по этому делу будет вызван во дворец и осужден, то да уплатит он дважды 24 солида. Если же, продолжая упорствовать, он в третий раз по этому же делу прибудет во дворец, то да произведет он после этого тройную уплату в пользу короля.

5. Если кто-либо из знатных, будучи вызван в суд, пренебрежет явиться, то да заплатит он 4 солида, свободные — 2, крепостные — один.

7. Относительно королевских посланцев постановили: если кто-либо из них окажется убит, то тот, кто дерзнет это сделать, да заплатит за него тройной штраф.

Равным образом, что бы ни было причинено их (посланцев) людям, пусть они заставят возместить все втройне и заплатить штраф согласно их (саксов) Правде (ewa).

8. Относительно поджога решили, что никто в пределах отечества не должен осмеливаться (на него) под влиянием гнева, вражды или злобы. Но делается исключением, если таковым (подожженным) будет (дом) мятежника, не желающего подчиниться суду, и иначе нельзя будет его обуздать, а к нам (то есть к королю) для суда в нашем присутствии он откажется явиться. В таком случае, согласившись между собою, собираются сами (его) односельчане, и если они придут к единодушному постановлению, то да будет он (то есть дом мятежника) подожжен по его вине, в виде меры (его) обуздания. Тогда дело будет сделано на основании состоявшегося общего постановления в согласии с их Правдой, а не под влиянием какого-либо гнева или злого умысла,— и не иначе, как в виде нашей принудительной меры. Если же кто осмелится совершить поджог иным образом, то, как сказано выше, да уплатит он 60 солидов.

9. Также решили: когда бы ни пожелал государь король установить более строгий банн,— по поводу (сохранения) мира, по поводу кровной мести или по поводу особо важных дел,— то, с согласия франков и верных саксов, пусть он по своей воле, соответственно требованиям обстоятельства и (общей) пользы, заставит того, кто преступает его постановление, уплатить дважды 60 солидов, 100 солидов и даже до 1000 солидов.

10. О преступниках, которые по Правде саксов подлежат смерти, все постановили: какой бы из них ни прибег-

нул под защиту королевской власти, пусть или он по воле короля будет выдан им (саксам) для умерщвления, или он (король), с согласия последних, получит право выслать этого преступника с его женою, семьею и всем имуществом вон из родины и поселить в пределах своего государства или на окраине, где ему будет угодно, а они (саксы) пусть считают его как бы умершим.

(в) ААХЕНСКИЙ КАПИТУЛЯРИЙ КАРЛА ВЕЛИКОГО 802 года[1]

CAPITULARE MISSORUM GENERALE

1. Итак, светлейший и христианнейший государь император Карл избрал из своих вельмож разумнейших и мудрейших мужей, как архиепископов, так и прочих епископов, а заодно и почтенных аббатов, и благочестивых светских лиц, и направил их во все свое королевство, и через них предоставил всем последующим жить согласно правому закону. Если же что где в законе установлено иначе, нежели по праву и справедливости, то он повелел тщательнейшим образом исследовать и доводить до его сведения, ибо он желает сам, с соизволения божьего, исправить это. И никто да не дерзает, по умыслу своему или по лукавству, нарушать, как это многие часто делают, писаный закон или (чинить) самому себе правосудие, и да не притесняет ни церквей божьих, ни бедных, ни вдов, ни сирот, и никаких вообще христиан; но да живут все вместе, согласно предписанию божьему, праведно и правосудно, и все и каждый да пребывают единодушно в решении или высказывании своем; (повелел он) увещевать, да соблюдают каноники полностью канонический образ жизни, не занимаясь постыдным стяжательством, да надзирают монашествующие за своей жизнью, (пребывая) под тщательным надзором, да пользуются светские лица и миряне правильно, без лукавого обмана, своими законами, да живут все в совершенном взаимном благоволении и мире, и да проводят те (государевы) посланцы тщательное следствие везде, где только какой-либо человек заявил бы, что он претерпел несправедливость от другого; и запретил

[1] Напечатан в Capitularia regum francorum, т. I изд. Boretius, 1881, стр. 91 и сл.

своим верующим вражду, тем паче — человекоубийства... Посему, чтобы народ, врученный нам для управления, не гибнул от этого зла, мы позаботились избегнуть этого путем всяческого покарания (disciplina), так что никоим образом не может получить от нас прощение или благосклонность тот, кто не побоялся для себя гнева божьего; но мы желаем покарать с жесточайшей строгостью того, кто осмелился бы совершить грех человекоубийства. Однако чтобы прегрешение не возрастало еще более и чтобы не возникала величайшая вражда между христианами там, где, по наущению диавола, случились бы человекоубийства, виновный да прибегает тотчас же к искуплению и да искупит со всей скоростью совершенное им зло достойным выкупом в пользу родственников покойного. И сие мы накрепко воспрещаем,— пусть родичи убитого отнюдь не смеют усиливать вражду сверх совершенного (виновным) зла и отказывать в примирении просящему такового, но да примут, по совершении присяги, готовый выкуп и да даруют вечное примирение, а виновный да не чинит выкупу никакой задержки. А если где, в воздаяние за грехи, случится, что кто-либо умертвит либо братьев, либо родственника своего, то да приступит тотчас же к положенному ему покаянию, и притом так, как распорядится его епископ и безо всякой околичности; но да тщится он (виновный) завершить с помощью божьей, свое искупление, и да внесет выкуп за убитого согласно закону, и да примирится полностью с родственниками своими; а по совершении присяги никто да не смеет поднимать какую-либо вражду из-за этого. А кто пренебрежет совершением достойного искупления да лишится наследственного имущества впредь до нашего суда.

34. Чтобы все полностью были совершенно готовы, когда бы ни пришло наше повеление или возвещение. Если же кто тогда окажется неготовым и нарушит приказ, да приведут его ко дворцу,— и не только его, но и всех, кто дерзает преступать наш банн или предписание.

35. Чтобы все сплошь чтили епископов и священников своих со всяческим почетом, пребывая в послушании божьем и воле божьей и да не смеют осквернять ни себя самих, ни прочих кровосмесительными бракосочетаниями, да не дерзают сочетаться, прежде чем не исследуют тщательно кровное родство сочетающихся епископы и священники вместе со старейшими из народа; а тогда да вступают в брак с благословением. Пьянства да избегают, хище-

ния да бегут, воровства да не учиняют; ссор и распрей, также кощунств — будь то на пирах или в собрании — да избегают совершенно, но да живут в любви и согласии.

36. И чтобы все сплошь были послушны нашим посланцам для выполнения всякого правосудия. И обыкновения ложной присяги да не допускают вовсе, потому что необходимо удалить это наихудшее злодеяние от народа христианского. Если же кто отныне будет уличен в ложной присяге, то да ведает, что он утратит правую руку; однако, пусть (такие лица) не лишаются собственного наследственного имущества впредь до нашего суда.

39. Чтобы в лесах наших никто не смел красть нашего хвороста. Это мы уже много раз запрещали, а теперь еще раз воспрещаем накрепко,— пусть никто этого больше не делает; и в какой мере каждый желает соблюсти обещанную нам верность, в такой мере да остерегается. Если же какой граф, или сотник, или вассал наш, или кто-либо из министериалов наших украдет наш хворост, то да будет каждый из них приведен пред наше лицо для разбора. А кто из прочего простонародья совершит таковую кражу хвороста, тот да уплатит каждый полагающееся по праву, и чтобы отнюдь не оказывалось ему при этом никакого смягчения. Если же кто узнает, что кто другой совершил это, то да не смеет — кто бы он ни был — скрывать это, и да соблюдает ту верность, которую нам обещал и которую ныне должен обещать.

(г) КАПИТУЛЯРИЙ КАРЛА ВЕЛИКОГО[1]
CAPITULARE DE JUSTITIIS FACIENDIS

(811—813 гг.)

2. Чтобы епископам, аббатам, графам и всем могущественным особам (potentiores), ведущим судебное дело друг с другом и не пожелавшим кончить его мировой, было приказано предстать пред нашим лицом и чтобы их дело не разбиралось в каком-либо ином месте и чтобы из-за этого не задерживалось отправление правосудия для бедных и менее могущественных (minus potentes). И чтобы

---

[1] Напечатан в указанном сборнике Capitularia regum francorum, т. I, стр. 176 и сл.

наш дворцовый граф (comes palatii) не дерзал решать судебные дела могущественных особ без нашего приказа, а ведал, что ему надлежит заботиться лишь об отправлении правосудия для бедных и менее могущественных.

3. Чтобы всякий раз, когда надлежит разыскать и выбрать свидетелей для разбора любого дела, выбирались нашим посланцем и тем графом, в чьем ведении (ministerum) должно находиться какое бы то ни было судебное разбирательство, наилучшие лица, каких можно найти в данном округе (pagus). И да не дозволяется тяжущимся приводить лжесвидетелей за вознаграждение, как это до сих пор было в обыкновении.

4. Чтобы никто не присуждался в судебном присутствии сотника (centenarius) ни, к смерти, ни к потере свободы, ни к выдаче имущества или рабов, но чтобы такие дела разбирались в присутствии графа или наших посланцев.

5. Чтобы наши посланцы тщательно расследовали и составляли опись — каждый в своей области (missaticum),— что каждый имеет из бенефиций, или скольких людей, имеющих двор (хижину) (casati) в данном бенефиции.

6. Каковы условия данных бенефициев или кто из своего бенефиция приобрел или устроил себе аллод.

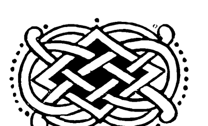
7. Чтобы вносились в опись не только бенефиции епископов, аббатов, аббатис и графов или наших вассалов, но также и наши земли (fisci), дабы мы могли знать, сколько мы также имеем из нашей (собственности) в области миссии (legatio) каждого (посланца).

8. Желаем, чтобы ради отправления правосудия, которое по сей час осталось не выполненным со стороны графов, посланцы наши исполняли свою миссию (legatio) только по четыре месяца в году — зимой в январе, весной в апреле, летом в июле, осенью в октябре. В прочие же месяцы каждый граф да имеет свое судебное присутствие (placitum) и да совершает правосудие. А посланцы наши да имеют свои судебные присутствия четыре раза в год, по одному месяцу, в четырех местах, совместно с теми графами, с которыми это будет согласовано, чтобы они смогли собраться в данном месте.

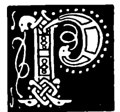
9. Чтобы означенный посланец все, что он найдет в означенной области миссии сделанным иначе, нежел (велит) наш приказ, не только приказывал исправить это, но и докладывал нам данное дело, в каком виде он его нашел.

12. Чтобы каждый из посланцев наших в своем судебном присутствии известил графов, принадлежащих к области его миссии, чтобы в те месяцы, когда он не исполняет своей миссии, они собирались между собой и устраивали совместные судебные присутствия как для укрощения разбойников, так и для отправления прочего правосудия.

13. А посланцы наши должны сделать так, чтобы народ наш снова обещал нам верность, согласно давно уже введенному обыкновению. И пусть они расскажут и растолкуют тем людям, как они должны соблюдать сию присягу и верность нам.

4. ИММУНИТЕТНЫЕ ГРАМОТЫ

ОСТ власти светских и церковных магнатов во франкском государстве привел к широкой практике выдачи им от королей иммунитетных грамот. Такими грамотами светские и церковные магнаты, а также зависимые от них люди и поселенцы, ограждались от полицейской, судебной и финансовой власти графа и других должностных лиц. В этих грамотах, в частности, запрещалось вступление графа на территорию магната для поимки преступника, для суда, взыскания судебных штрафов, таможенных пошлин, для постоя, кормления и пр.

Иммунитетная грамота помогала магнату именем короля освятить свою власть, утвердить свое господство над зависимыми от него людьми и поселенцами и вместе с тем обеспечить себе независимость от графской власти.

Иммунитетные грамоты стали выдаваться во франкском государстве уже в ранний период его существования. Эдикт Хлотаря II 614 года говорит об «иммунитетах (данных) предшествующими государями». Формулы Маркульфа (VII в.) дают уже вполне разработанные образцы иммунитетных грамот.

Иммунитетные грамоты выдавались и светским (главным образом в меровингскую эпоху) и церковным магнатам. Сохранились в основном грамоты, данные церквам и монастырям. Объясняется это тем, что в церквах и монастырях акты, грамоты лучше сберегались, а также тем, что с помощью этих грамот церкви и монастыри постоянно боролись против попыток захватить их имущество. Богатства церкви манили к себе. Церковные писатели (Григорий Турский и другие) рассказывают о многочисленных насилиях графов по отношению к духовенству. Церковь стремилась спасти себя, по выражению одной из формул Маркульфа (№ 3), от «дикой жадности всякого графа». Церковные магнаты поэтому добивались от королей иммунитетных грамот, стремились получать повторные грамоты, прибегали порой к составлению подложных грамот, в особенности от имени Карла Великого. Из 40 иммму-

нитетных грамот, напечатанных в Сборнике грамот Пипина, Карломана и Карла Великого, 26 являются подтверждением предшествующих грамот, 14 — явно подложны.

Иммунитетные грамоты составлялись по установившимся образцам. Разработано было типовое содержание иммунитетных привилегий.

Ниже приводятся выдержки из иммунитетных грамот в переводах проф. Д. С. Граменицкого, напечатанных в сборнике «Социальная история средневековья», под редакцией профессоров Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова, 1927, т. I, стр. 194 и сл.

(а) ИЗ ГРАМОТЫ КОРОЛЯ ДАГОБЕРТА I РЕСБАХСКОМУ МОНАСТЫРЮ

(635 г.)

Соблаговолили мы добавить и такое постановление, чтобы никакая государственная судебная власть, ни настоящая, ни последующая, не смела входить на земли монастыря, право владения которыми когда-либо проистекало (для него) или от нашей щедрости, или от пожалований Додона, его братьев, или их отца, или каких-либо других людей, для слушания судебных дел или взыскания чего-либо; но самый этот монастырь и его братья должны по полному праву иммунитета распоряжаться всеми уступленными в их пользу судебными штрафами, и все (сборы), какие казна могла бы рассчитывать получить с людей монастыря, как свободных, так и несвободных, или с людей, проживающих на монастырских землях, или из какого-нибудь иного источника по нашей милости должны целиком итти на лампады этой святой обители и на содержание слуг божьих.

(б) ГРАМОТА КАРЛА ВЕЛИКОГО ТРИРСКОЙ ЦЕРКВИ

(772 г.)

Епископ Веомад представил нам указы королей, в которых как мы осведомились, значилось, что никто из государственных должностных лиц не смеет входить в церковные поместья и в церкви, построенные внутри города,

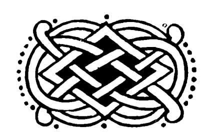
а также в монастыри, в деревни и крепости, принадлежащие церкви, и причинять там (какой-либо) ущерб, никто из них не должен вызывать церковных людей на судебные собрания (per malobergias) и не смеет каким-либо злым умыслом осуждать их, а также требовать с них уплаты судебных штрафов и пошлин и доставления каких-либо кормов, но должностные лица (agentes) церкви должны для каждого из упомянутых церковных людей производить правильный разбор дела и вместе с этим получить в пользу их удовлетворение от других людей на своих частных судебных заседаниях (privatae audientiae), и в тех случаях, когда эти должностные лица или другие люди будут принимать поручительства (fidem), судебные штрафы должны итти этой святой обители святых, покровительствуемой Христом; одинаковым образом, если и церковные люди выплачивали кому-либо судебный штраф за какой-либо свой проступок, то та часть судебных штрафов, на которую могла бы рассчитывать казна, тоже уступалась церкви. И мы предписываем и приказываем, чтобы ни вы, ни ваши помощники и заместители отнюдь не входили в церковные поместья, монастыри, крепости и деревни, расположенные по ту и по сию сторону Рейна и по ту сторону Луары, как и около города Трира, а также в округа, приходы, монастыри, крепости и во все церкви, принадлежащие к ним, для взимания судебных штрафов, пошлин или сборов (conjectus), а также для востребования кормов или причинения какого-либо ущерба (церкви).

(в) ГРАМОТА КАРЛА ВЕЛИКОГО МЕЦСКОЙ ЦЕРКВИ

(775 г.)

...Епископ мецский Ангильрамн представил нам указы прежних королей.., в которых значилось, что никто из государственных должностных лиц не смеет входить в поместья мецской церкви и нашего особенного патрона Стефана, а также в церкви, построенные внутри самого города или в черте прихода, как и в монастыри, деревни и крепости, принадлежащие к мецской церкви, и причинять там какой-либо ущерб, и никто из них не должен вызывать людей церкви на судебные собрания или каким-либо злым умыслом осуждать их, ни взимать судебных штрафов и пошлин, а также брать с них какие-либо кор-

мы, но должностные лица церкви должны для каждого из упомянутых церковных людей производить правильный разбор дела и вместе с тем получать в пользу их удовлетворение от других людей на своих частных судебных собраниях, и в тех случаях, когда эти должностные лица церкви или другие люди принимают поручительства, судебные штрафы должны идти на приумножение этой обители святых; одинаковым образом, если и церковные люди выплачивали кому-либо судебный штраф за какой-либо свой проступок, то та часть судебного штрафа, на которую могла бы рассчитывать казна, уступалась церкви... Предписываем и приказываем и мы, чтобы ни вы, ни ваши помощники и заместители, если хотите сохранить нашу милость, отнюдь не входили в поместья церкви, в монастыри, крепости и деревни, расположенные как по ту, так и по сю сторону Рейна, Роны и Луары и в город Мец, как и в его округи и его приходы, монастыри, кельи и во все церкви, к ним принадлежащие, для взимания судебных штрафов, пошлин, сборов и каких-либо кормов, или для причинения кому-либо каким-либо злым умыслом ущерба. Угодно нам было признать необходимым прибавить и такое предписание, что если церковные люди свободного звания, проживающие на церковных землях, окажутся каким-либо образом небрежными в несении военной службы, когда нашим приказом объявляется военный поход, или сторожевой службы, или повинности постройки мостов, в этих случаях они должны держать ответ перед нашими должностными лицами и ни (перед кем) больше и меньше того; в остальном же они, ради умножения нашей (небесной) мзды, должны состоять под (церковным) иммунитетом, чтобы приумножать достатки церкви. И пусть иммунитет, нами пожалованный мецской церкви, ее монастырям, крепостям, деревням, округам, приходам и аббатствам будет вечно пребывать и непоколебимо соблюдаться.

5. ФОРМУЛЫ (ФОРМУЛЯРЫ АКТОВ)

ИМПЕРАТОРСКУЮ эпоху древнего Рима широко практиковалось составление актов по разработанным образцам, трафаретам — так называемым формулам. Эта практика не только сохранилась, но даже получила широкое развитие в первые века после падения римского владычества и образования варварских государств. Стремясь сохранить рабовладельческие отношения, внедрить римские методы господства в варварские государства, их властители способствовали распространению старых формул, приспособленных лишь в некоторой степени к изменившимся отношениям. Сильный толчок развитию формул дала католическая церковь. Церкви и монастыри получали пожалования, в их пользу совершались дарения, им коммендировались крестьяне. Вместе с тем над церковными владениями нарастала угроза захвата. Известно, что король Дагоберт (629—639 гг.) отобрал половину церковных земель, чтобы раздать своим приближенным. Церкви важно было оградить себя и свою собственность. Поэтому в монастырях начинают с VII столетия разрабатывать формуляры (формулы) актов, собирать образцы документов, обмениваться ими с другими монастырями, получать формы документов из королевских канцелярий, от графских секретарей и переписчиков. В монастырях создавались даже школы молодых «нотариусов», составлялись сборники формул.

Церковное влияние сказывалось и в том, что в формулы нередко включались духовные и моральные наставления, цитаты из библии и евангелия, «божьим словом» подкреплявшие права церкви и монастырей.

Формулы писались так, что оставалось только обозначить имена сторон, название местности, сумму и т. д. Возможные варианты давались, как правило, отдельными формулами.

Сохранилось несколько сборников формул, распространенных во Франкском государстве. Большинство их относится к меровингской эпохе (VII—VIII столетия).

Наибольшее значение придают сборнику Маркульфа (VII в.). Как рассказывает о себе составитель сборника — монах Маркульф, он 70-летним старцем составил этот сборник «для начальных упражнений мальчиков» и «для примера другим».

Сборники формул Маркульфа и другие напечатаны в Monumenta Germaniae historica. Legum Sectio V (Formulae Merowingii et Karolini aevi) в изд. K. Zeumer, ч. I, 1882; ч. II, 1887.

Ниже приводятся переводы некоторых формул, напечатанные в сборнике Н. П. Грацианского «Западная Европа в средние века», (1925, стр. 34, 35, 40, 46, 51, 53) и Сборнике «Социальная история средневековья», под редакцией профессоров Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова (1927, т. 1, стр. 110, 191, 199).

КОРОЛЕВСКИЙ ИММУНИТЕТ

Мы полагаем, что в величайшей степени умножается мощь нашего государства в том случае, если мы свободным решением предоставляем полезные привилегии церквам или кому-либо другому и предписываем, чтобы эти привилегии при божьем покровительстве продолжали быть прочными и впредь. Итак, да знает ваша благопопечительность (sollertia), что мы по просьбе епископа такого-то пожаловали ему ради снискания себе вечной мзды такую привилегию, что ни одно государственное должностное лицо ни в какое время не смеет входить в поместья церкви, как в наше время пожалованные ей нами или кем-либо другим, так и впредь имеющие быть приобретенными его преосвященством во власть этой святой обители, ни для слушания судебных дел, ни для истребования от разных лиц судебных штрафов; но сам епископ и его заместители должны во имя божие и по праву нерушимого иммунитета обладать этими полномочиями. Постановляем таким образом, чтобы ни вы, ни ваши помощники и заместители и никакая государственная судебная власть ни в какое время не смели входить в поместья церкви, где бы на протяжении нашего государства они ни были пожалованы ей от наших ли щедрот или от щедрот частных лиц,

или будут впредь ей пожалованы, ни для слушания судебных дел, ни для истребования с каких-либо дел судебных штрафов, ни для пользования постоем, взимания кормов и взятия поручителей; и все, что казна могла бы рассчитывать получить со свободных или несвободных и прочих людей, проживающих на землях или в пределах церковной территории, в виде ли судебных штрафов или других сборов, все это нашей милостью и ради будущего нашего спасения пусть навеки пойдет на церковные лампады, в распоряжение должностных лиц церкви, и отнять то, что мы по обету пожаловали во имя божие и ради спасения души нашей и душ нашего потомства, пусть не покушается ни королевское величество, ни лютая жадность кого-либо из должностных лиц.

КОРОЛЕВСКОЕ ПОЖАЛОВАНИЕ

Да ведает величие... ваше, что мы... пожаловали славному мужу такому-то поместье такое-то, со всеми доходами и землями, полностью, как оно состояло и состоит во владении такого-то или нашего фиска. Посему настоящею властью нашею определяем и приказываем держать нерушимым навеки, чтобы вышеназванный муж такой-то означенное поместье такое-то, как мы сказали, во всей его целости с землями, домами, строениями, колонами, рабами, виноградниками, лесами, полями, лугами, пастбищами, водами и водными течениями, мельницами, угодьями и принадлежностями... имел пожалованным навеки, как полный иммунист, с запрещением служащим (нашим) всякого въезда для взыскания по каким бы то ни было делам судебных штрафов. И пусть владеет им, как собственностью, не дожидаясь акта передачи судьями, и потомкам своим с помощью божиею, от щедрот наших, или кому захочет, во владение оставляет и делает с ним, по нашему соизволению, все что угодно.

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ КОММЕНДИРУЕТСЯ ПОД ВЛАСТЬ ДРУГОГО

Славному господину такому-то я, такой-то. Всем должно быть известно, насколько мало я имею средств, чтобы питать и одевать себя, поэтому я обратился с просьбой к вашему благочестию, и вам угодно было решить, чтобы я передал себя и коммендировался под ваше покровительст-

во (in vestrum mundeburdum); я так это и сделал на том условии, что вы должны мне оказывать помощь как в пище, так и в одежде, сообразно с тем, как я смогу вам служить и заслужить (это), я же пожизненно должен буду служить вам на положении свободного человека (ingenui ordine) и воздавать вам послушание (obsequium) и не буду иметь права уходить при своей жизни из-под вашей власти и покровительства, но буду должен пребывать в течение всех дней своей жизни под вашей властью и защитой. При этом состоялся (между нами) уговор, что если один из нас пожелает отказаться от этого соглашения, то должен будет уплатить другой стороне столько-то солидов, а само соглашение должно оставаться в силе. Состоялся и (другой) уговор, что (стороны) должны написать друг для друга и скрепить два одинакового содержания документа (epistolas), что они так и сделали.

ПРЕКАРНАЯ ГРАМОТА

Сладчайшей женщине такой-то, я — аббатиса такая-то. Так как известно, что ты собственность свою в округе таком-то, в селении таком-то недавно за монастырем св. Марии утвердила и за это просила у нас и у названного монастыря дачи прекария, то вот этою грамотою за тобою утвердили, чтобы, пока ты жива, владела бы и держала бы в пользовании эту землю, но не имела бы права каким бы то ни было образом отчуждать ее, и если бы решилась это сделать, землю бы тотчас же потеряла. И чтоб эта грамота была крепче, руку нашу к ней приложили...

ПРЕКАРНАЯ ГРАМОТА

Достопочтенному во Христе отцу и господину такому-то, аббату монастыря такого-то святого... Я, во имя божие, такой-то проситель обратился к вам с нижайшею просьбою, чтобы вы дали мне по своей милости в пожизненное пользование... поместье, часть вашу в местечке таком-то, в округе таком-то, каковое поместье я недавно продажным актом за монастырем утвердил... Посему настоящую прекарную грамоту, скрепленную моею и почетных людей руками, вам о том написал, обязуясь ежегодно, в праздник означенного святого платить вам столько-то денариев чинша.., а также такую-то десятину со всего урожая..

ПРОДАЖА

Я такой-то такому-то. Известно, что я продал — и в самом деле я продал — такому-то участок поля, приносящий столько-то модиев и расположенный на территории святого такого-то в селении таком-то, с одной стороны примыкает к нему поле такого-то; и я оценил (этот участок), как мне представилось угодным, в столько-то солидов; и что бы ты с сегодняшнего дня ни пожелал сделать с этим полем, ты должен иметь на это полную свободу, не причиняя ущерба тому святому, кому оказывается принадлежащей земля. И если окажется, что я или кто-либо из моих наследников или какое-либо постороннее лицо попытается повести дело против этого (акта) о продаже, совершить который я просил по (своей) доброй воле, то (должны будем) уплатить как тебе, так и представителю святого такого-то двойной штраф, и наш иск не должен иметь силы, и эта продажа, как и моя воля, должны пребывать крепкими на вечные времена.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Господину брату такому-то такой-то. В великой моей нужде не отказал ты в просьбе вручить мне взаймы деньги, столько-то солидов. А я просил заключить и утвердить за это для тебя обязательство в том смысле, чтобы мне в течение стольких-то лет по стольку-то дней в неделю работать на тебя, когда ты прикажешь и когда будет надобность. Если я этого не выполню, или окажусь небрежным и ленивым, или если до срока осмелюсь изменить свое состояние, я обещаюсь, что в силу этого обязательства, где бы ты меня ни нашел, без всякого вмешательства суда я должен дать тебе двойное удовлетворение; когда же истечет положенный срок, и я возвращу долг, мое обязательство ты вручишь мне обратно.

КАБАЛЬНАЯ ГРАМОТА

Господину брату такому-то такой-то. Всем ведомо, что крайняя бедность и тяжкие заботы меня постигли, и совсем не имею, чем жить и одеваться. Посему, по просьбе моей, ты не отказал в величайшей моей бедности вручить мне из своих денег столько-то солидов, а мне совсем нечем выплатить эти солиды. И вот я просил совершить и

утвердить закабаление тобой моей свободной личности, чтобы отныне вы имели полную свободу делать со мной все, что вы уполномочены делать со своими прирожденными рабами, именно: продавать, выменивать, подвергать наказанию. Если же (чего, я уверен, не будет) я или кто-либо из наследников моих, или кто-либо другой решится оспаривать это закабаление, повинен внести тебе и казне штраф во столько-то унций золота; настоящая же кабала останется неизменною.

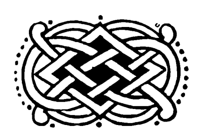
ПРОДАЖА САМОГО СЕБЯ; КАК СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК ПРОДАЕТСЯ

Господину моему такому-то я, такой-то. Было угодно мне состояние моей свободы связать рабским послушанием вам, что я и сделал. За это я получил установленную мною цену, столько-то солидов, с условием, чтобы отныне ты имел полную власть во всем распоряжаться мною, рабом твоим, как и остальными своими рабами. Если же (чего, я верю, не будет) кто-нибудь решится противодействовать и чинить препятствие этой продаже, о которой я просил по собственной моей воле, пусть того, чего будет домогаться, не достигнет, и сверх этого тому, против кого затеет тяжбу, заплатит фунт золота..; продажа же эта останется неизменною.

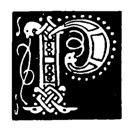
СЛЕДУЕТ ЗАПИСЬ (О БРАКЕ МЕЖДУ РАБОМ И РАБЫНЕЙ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ РАЗНЫМ СОБСТВЕННИКАМ)

Запись для такого-то и такого-то. Известно, что раб по имени такой-то и рабыня по имени такая-то без согласия (нашего) сочетались браком. Но в настоящее время мы пришли к мирному соглашению, чтобы из потомства, которое от них родится, один для рабыни своей получил две (третьих) части, а другой для раба своего одну (третью) часть. А из того, что они во время своего супружества приобретут, один для раба своего из этого имущества получил бы две (третьих) части, а другой — для рабыни своей одну (третью) часть. А чтобы впредь не произошло между нами никаких разногласий, мы должны собственноручно изготовить о том две грамоты одинакового содержания; так мы и сделали. И для крепости сего

подтвердили, чтобы, буде мы сами или кто из наследников и родственников наших, или кто-либо из посторонних лиц захочет пойти наперекор этим грамотам, обязан был бы заплатить двойной штраф, и его иск не имел бы силы; соглашения же эти оставались бы неизменными.

6. ГИНКМАР. О ДВОРЦОВОМ ПОРЯДКЕ

ЕЙМСКИЙ епископ Гинкмар написал в 882 году письмо императору Карломану, сыну Людовика Заики, «О дворцовом порядке» — «для наставления юного короля» и «восстановления чести и мира церкви». В условиях складывавшегося феодализма и распада франкского государства, который ускорялся постоянными нападениями норманнов, Гинкмар, обращаясь к правлению Карла, пытался по просьбе «добрых и мудрых мужей» наставить короля в том, «как сохранить в благополучной целостности и единстве государство». Для этого он использовал работу советника Карла Великого Адальгарда.

«Мудрого старца Адальгарда, родственника государя — императора Карла Великого, аббата Корвейского монастыря,— писал Гинкмар в главе 12-й,— я впервые увидел среди главных его советников в моей молодости. Его книгу о дворцовом порядке я прочитал и переписал...»

Гинкмар, однако, не переписал дословно книги Адальгарда. По общему мнению исследователей, он кое-что исказил, немало произвольно прибавил и переделал. Но его письмо, тем не менее (особенно главы 12—36), дает весьма ценные сведения о некоторых сторонах деятельности правительственной машины при Карле Великом, а именно об управлении дворцом и управлении государством при помощи дворцового аппарата.

Ниже дается с незначительными сокращениями перевод отдельных глав из данного сочинения — главы 21-й, раскрывающей некоторые черты королевского суда, и глав 29—36-й, посвященных управлению государством, взаимоотношению короля с представителями господствующего класса. Текст De ordine palatii был издан M. Prou в 1885 году.

[Извлечения]

HINCMARUS. DE ORDINE PALATII

21. Заботы же дворцового графа среди прочих почти неисчислимых (дел) направлены были, главным образом, на то, чтобы справедливо и разумно разрешать все судебные (legales) споры, которые, возникши в других местах, доводились до дворца в поисках справедливого решения, или же возвращать на стезю справедливости дела, решенные несправедливо, дабы всем угодить — и богу своей справедливостью и людям соблюдением законов (правд). Если же возникало (нечто) такое, относительно чего мирские законы не давали указаний в своих постановлениях или (относительно чего) в племенных (gentilium) обычаях было постановлено более жестокое, чем согласилась бы христианская добродетель и заповеди божьи (sancta auctoritas), то это переносилось на усмотрение короля, чтобы он вместе с теми, кто знали бы и тот и другой (и мирской и церковный) закон, но более страшились бы бога, чем постановлений человеческих законов, так решил бы, чтобы, где можно было соблюсти и тот и другой (и божественный и человеческий закон), и тот и другой соблюдались бы, если же светский закон следовало заслуженно не применять, (тогда) чтобы соблюдалась божья справедливость.

29... В то время обычай был таков, что не чаще, чем дважды в год проводились два собрания (placita); одно, когда давались предписания, (касающиеся) положения всего королевства на текущий год, и предписанное не могло изменяться никакими событиями, кроме крайней необходимости, в которой будет равно находиться все королевство. На это собрание съезжались все вообще магнаты (maiorum), как церковные, так и светские,— старшие для предложения решения, низшие для присоединения к предложению. Иногда (низшие магнаты съезжались), чтобы вместе обсудить и утвердить (свои решения) не по соизволению (старших), а по собственному разумению и суждению. В остальном же (съезжались) для дачи сообща подарков.

30. Другое собрание проводилось только с высшими (senioribus) и знатнейшими советниками. На (этом собрании) начинали обсуждаться дела уже будущего года, если почему-либо представлялось нечто такое, в отношении чего необходимо было предварительно обсудив, пред-

писать, заблаговременно решить или принять меры. Например, если маркграфами в какой-либо части королевства была оказана (кому-либо) до такого-то времени помощь, то что должно быть сделано после оказания помощи — возобновлять-ли (ее) или прекратить; равным образом, если отдельным частям (государства) угрожали смуты, если беспорядки из одной части неизбежно должны были переброситься в другие или дать себя (там) почувствовать, то сообразуясь с тем, что требовалось для мира, чтобы распорядились о наведении порядка (силами) из других частей. И когда таким образом на совете этих высших подробно рассматривали, что нужно было в будущем сделать или как распорядиться, то после того, как состоялось решение, то это принятое решение должно сохраняться до ближайшего следующего общего собрания (generale placitum) втайне от всех других (лиц), как если бы решения не было и (оно) никем не обсуждалось, чтобы если нужно было предпринять что-либо как внутри, так и вне королевства, никто, узнав заранее (об этом) и пожелав разрушить или сделать бесполезным (предпринятое) или некоторыми злокозненными ухищрениями затруднить выполнение,— никоим образом не мог сделать это. Если же на самом собрании требовалось (предпринять) что-нибудь для удовлетворения других высших или (принять меры) для того, чтобы не только усмирить, но и поднять дух народа, и если это совершенно не было предварительно рассмотрено, оно теперь зáново (решалось) по совету и с согласия (магнатов), (и так) с божьей помощью достигался порядок...

31. Советники же, как духовные, так и светские, поскольку возможно, выбирались такие, которые прежде всего каждый в соответствии со своим саном и должностью, боялись бы бога, затем отличались бы такою верностью, что за исключением вечной жизни ничего не предпочитали королю и королевству — ни друзей, ни недругов, ни родных, ни дары приносящих, ни льстящих, ни озлобляющих; (были бы) мудрыми не софистически, не лукавством или мудростью того века, который враждебен богу, но обладали бы той мудростью и знанием, с помощью которых они могли бы с настоящей и праведной мудростью не только полностью опровергать, но и решительно разбивать тех, которые полагаются на вышеупомянутые людские ухищрения. Избранные же советники вместе с королем договаривались прежде всего о том, чтобы все, о чем бы

ни говорилось между ними доверительно — о положении ли королевства или об отдельном каком-нибудь лице — никто (из них) без их (общего) согласия не передавал кому-либо из домашних или иному кому-нибудь, смотря по тому, должно ли это быть скрытым или храниться в тайне в течение дня, или двух (дней) или более, или в течение года или даже навсегда,— ибо часто при таком обсуждении какого-либо лица высказывается для достижения или соблюдения общей пользы иногда такое, что, будучи им узнано, сильно возмутит (его), или, более того, приведет в отчаяние, или, что наиболее тягостно, доведет до нарушения верности (измены), отнимет его от всякой благотворной деятельности, которую он мог бы, быть может, развить во многих отношениях, тогда как ничему бы этому он не подвергся, если бы совсем не знал об этом разговоре. Что могло произойти с одним, то и с двумя, то и с сотней, то и с бóльшим числом, то и с племенем одним или с какой-либо целой провинцией, если бы не соблюдалась большая предосторожность.

32. Апокризиарий же, то есть капеллан или охранитель дворца (custos palatii) и камерарий постоянно пребывали (во дворце), и потому с величайшим тщанием выбирались такие или выбранные (так) наставлялись, что достойно могли (там) пребывать. Но и из прочих должностных лиц (ministerialibus), получал приказание пребывать (во дворце) тот, кто показывал себя таким, что сначала учась, а потом совещаясь, мог бы с честью заменить их в том или ином деле либо теперь же, либо в будущем, вникая внимательнейшим образом во все разбиравшиеся отдельные дела, храня тайны, изучая неразобранные (дела) и исполняя предписания и постановления...

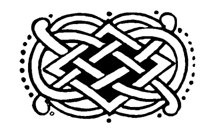
34. Вышеупомянутым знатным, а также вельможам королевства, чтобы не казалось (им), что они созываются без достаточных оснований, как в том, так и в другом указанном собрании (placitum), предлагалось по уполномочию короля на обсуждение и рассмотрение в форме обозначенных и расположенных в определенном порядке глав (capitula) то, что исходило по божьему внушению от самого короля или что было сообщено ему из разных мест в особенности после их отъезда (после предшествующего собрания). Занявшись этим, (они заседали) иногда в течение одного дня, иногда двух, иногда даже трех дней или более, смотря по важности дел, выслушивая (предложен-

ное на рассмотрение) от направленных (к ним) для этого вышеуказанных дворцовых слуг, расспрашивая (их) о том, что казалось (неясным), получая ответы. Никто из посторонних не допускался (к ним) до тех пор, пока каждое в отдельности законченное (обсуждением) дело не докладывали достославному государю, (передав) на его священное благоусмотрение, и какое бы решение он по мудрости, данной ему от бога, ни выбрал, тому все следовали...

35. Пока же это происходило в отсутствие короля, сам король был занят с остальным народом, принимая подарки, приветствуя знатных, разговаривая с теми, кого давно не видел, проявляя серьезность со старшими, шутя с молодыми,* (а также) занимаясь и другими подобными делами, как духовными, так и светскими; все же, всякий раз, когда бы собравшиеся отдельно ни выражали желание, чтобы (король) пришел к ним, а также пробыл с ними столько времени, сколько им хотелось, он приходил к ним, и они совершенно свободно докладывали, как они считают необходимым решить отдельные (вопросы), и откровенно рассказывали, какие между ними возникли по тому или иному поводу разногласия, споры или дружеские пререкания. Следует упомянуть, что если была ясная погода, то собирались под открытым небом, если же нет, то в разных отдельных помещениях, где с удобством и те, кто собирался особо, и прочий народ могли бы заседать отдельно, но прежде всего (нужно было обеспечить), чтобы другие низшие лица никоим образом (там) не присутствовали... Оба же приемных (помещения) для высших были так разделены на две (части), чтобы прежде всего все епископы, аббаты или подобные наиболее почетные клирики могли собраться, не смешиваясь совершенно со светскими лицами; равным образом графы и подобные им знатнейшие начинали рано утром собираться соответственно их почету отдельно от прочего народа, пока не наступало время (заседать). Тогда упомянутые знатные приглашались — обычно клирики в свою, а светские в свою установленную курию, где им с одинаковым почетом были приготовлены кресла. Отделенные от прочих, они были властны заседать то вместе, то раздельно, смотря по характеру дел, подлежащих их рассмотрению, духовные ли, светские лица, или смешанные. Равным образом от них зависело призвать кого угодно, чтобы узнать что-либо или расследовать (с тем, что) после того, как сведения были получены, тот

удалился бы. Вот что о тех (делах), которые им предлагались королем для обсуждения.

36. Другое, к чему стремился король, это расспрашивать о том, что достойного донесения или нового обсуждения приносил с собою каждый из той части королевства, откуда прибывал, потому что им (участникам собрания) не только позволялось, но и строго внушалось (поручалось), чтобы каждый старательнейше разузнавал (обо всем) пока не вернется снова (на собрание), как в пределах, так и за пределами королевства, разведывал не только через своих, но и чужих, как через друзей, так и через врагов, не будучи очень придирчивым к лицу, через которого разведывается. (Король расспрашивал), нет ли волнений среди народа в какой-либо части области или (отдаленном) углу королевства, какова причина волнений, не ропщет ли народ и не раздаются ли какие-нибудь ненадлежащие толки, о чем необходимо было бы поговорить на общем совете, и о прочем, тому подобном; о внешних же (делах) — не хочет ли какой-либо покоренный народ восстать, или восставший — покориться, не замышляет ли еще (народ) пограничный каких-либо козней против королевства, не проявляется ли что-либо в этом роде. И во всем том, что грозило какою-либо опасностью, особенно выявлялось, в связи с чем возникало то или другое.

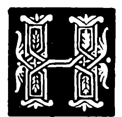

АНГЛО-САКСОНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

1. Правда Этельберта
2. Правда Инэ
3. Правда (судебник) Альфреда
4. Законы Этельстана
5. Законы Кнута
6. Закон об ордалии горячим железом и (кипящей) водой
7. О правах и обязанностях отдельных лиц
8. О судьях

1. ПРАВДА ЭТЕЛЬБЕРТА

АЧИНАЯ с середины V столетия, Англия подвергалась неоднократным нападениям, а затем и завоеваниям со стороны ютов, англов и саксов. Завоевания сопровождались созданием новых государственных образований. К VII столетию сложилось семь англо-саксонских королевств (гептархий): Кент (королевство ютов на юго-востоке Англии), три королевства саксов — Суссекс (южное), Уэссекс (западное), Эссекс (восточное) и три королевства англов Ист-Англиа (восточное), Нортумберленд (северное) и Мерсия (западное).

Между этими королевствами происходила постоянная борьба. Во второй половине VI столетия кентский король Этельберт (560—616 гг.), вероятно, при поддержке франкских отрядов, добился победы над королевством Эссекс. Этельберт сблизился с франками, от которых в Кент проникло христианство.

Задачи утверждения власти, ограждения от посягательств на представителей господствующего класса, необходимость подавления покоренных и зависимых и поддержания порядка среди господствующих, требования охраны частной собственности и патриархальной семьи вызывали необходимость записать «новое обычное право», приспособив его к условиям сложившегося господства.

Всем этим целям служили законы, изданные около 600 года и объединенные под общим названием — Правда Этельберта.

Правда состоит из 90 статей. В них содержатся главным образом постановления о мире, о борьбе с вторжениями, об убийствах, о насилиях над женщинами, о браке, наследовании и (чему уделено наибольшое число статей — свыше 40) об увечиях.

Ниже даются переводы извлечений из Правды Этельберта[1].

---

[1] При переводе данного и всех последующих памятников англо-саксонского права использованы следующие источники: Schmidt,

[Извлечения]

ВОТ ЗАКОНЫ, КОТОРЫЕ КОРОЛЬ ЭТЕЛЬБЕРТ УСТАНОВИЛ В ДНИ АВГУСТИНА

1. (За кражу) божьего и церковного имущества (пусть возместят) в 12-кратном размере; имущества епископа — в 11-кратном; имущества священника — в 9-кратном; имущества дьякона — в 6-кратном; имущества клирика — в трех-кратном. За нарушение церковного мира — вдвойне. За нарушение мира народных собраний — вдвойне.

4. Если свободный украдет (что-либо) у короля, пусть возместит в 9-кратном размере.

6. Если кто-либо убьет свободного, (пусть уплатит) 50 шиллингов королю как господину (в качестве господского кольца)[1].

8. (За нарушение) королевского покровительства (mundbyrd) 50 шиллингов.

9. Если свободный украдет у свободного, пусть втройне заплатит, а король пусть получит штраф (wite) и все имущество вора.

13. Если кто-либо убьет человека в месте пребывания (в ограде) эрла, пусть уплатит 12 шиллингов.

15. (За нарушение) покровительства кэрла — 6 шиллингов.

17. Если кто-либо вторгнется во двор (другого) первым, пусть уплатит 6 шиллингов, кто вслед (за первым) вторгнется — 3 шиллинга и затем каждый (последующий) — шиллинг.

21. Если кто-либо убьет другого, пусть уплатит срединный (установленный за свободного) вергельд в 100 шиллингов.

22. Если кто-либо убьет другого, пусть заплатит он у открытой могилы 20 шиллингов и в течение 40 ночей пусть оплатит целиком человека (весь вергельд).

23. Если убийца убежит из страны, его родственники пусть уплатят половину человека (вергельда).

Die Gesetze der Angelsachsen, 1858; F. Liebermann, Die Gesetze der Angelsachsen, 1898, t. I; Attenborough, The Laws of Earlist English Kings, 1922. Нумерация статей дана по этим изданиям.

[1] Кольцо — символ власти. Отсюда название штрафа в пользу господина.

25. Если кто-либо убьет батрака кэрла, пусть уплатит 6 шиллингов.

26. Если кто-либо убьет лэта, пусть уплатит за (лэта) высшей (категории) 80 шиллингов, за (лэта) второй (категории) — 60 шиллингов, третьей — 40 шиллингов.

31. Если свободный вступит в связь с женой свободного, пусть заплатит он (свой) вергельд и приобретет (мужу) на свои деньги другую жену и приведет ее к нему домой.

33. Если вцепятся в волосы — 50 скэттов в возмещение.

36. Если проломает череп, пусть уплатит 10 шиллингов.

38. Если искалечит плечо, пусть уплатит 30 шиллингов.

45. Если проткнет нос, пусть уплатит 9 шиллингов.

50. Кто разобьет челюсть, пусть возместит 20-ю шиллингами.

51. За передние четыре зуба, за каждый — 6 шиллингов, за ближний к ним зуб — 4 шиллинга, за следующий — 3 шиллинга и далее — шиллинг за каждый зуб.

54. Если отсечет большой палец руки — 20 шиллингов. Если собьет ноготь большого пальца 3 шиллинга. Если отсечет указательный палец 9 шиллингов. Если отсечет средний палец 4 шиллинга. Если отсечет безымянный палец 6 шиллингов. Если отсечет мизинец — 11 шиллингов.

56. За самое незначительное обезображение лица — 3 шиллинга и за большее — 6 шиллингов.

57. Если кто-либо ударит другого кулаком по носу — 3 шиллинга.

58. За нанесенный удар — шиллинг. Если (удар) нанесен (более) высокой рукой (высшего по рангу), пусть возместит шиллинг.

59. Если от удара станет синяк вне одежды, пусть уплатит 30 скэттов.

60. Если они (синяки) под одеждой, пусть уплатит за каждый 20 скэттов.

65. Если сломает бедро, пусть уплатит 12 шиллингов. Если станет хромым, тогда близкие должны уладить дело.

73. Если свободная, носящая локоны (девушка), совершит что-либо непристойное, пусть уплатит 30 шиллингов.

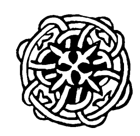
77. Если кто-либо приобретет за (свои) средства девушку (для вступления в брак), пусть покупка считается

совершенной, если не было обмана; если же она оказалась нечестной, пусть она будет отправлена домой, а ему вернут его деньги.

78. Если она (жена) родит живого ребенка и если (муж) кэрл умрет раньше (нее), она получит половину имущества.

81. Если она не родила, то (ее) имущество и утренний (свадебный) подарок получают родственники (ее) со стороны отца.

91. Если раб украдет, пусть возместит вдвойне.

2. ПРАВДА ИНЭ

КОНЦУ VII века королям Уэссекса удалось добиться объединения значительной части Англии путем завоевания Кента, Суссекса и Эссекса. В то время в Уэссексе выдвинулся король Инэ (688—726 гг.), пришедший к власти в результате дворцового переворота. Инэ вел ожесточенную борьбу с частыми восстаниями подвластных саксов и уэльсцев, а также с королями Мерсии.

Хроники сообщают об убийствах королей, элдерманов, эделингов (знатных). В стране участились убийства, грабежи, продажа людей в рабство, насилия.

Инэ, то устрашая, то идя на уступки, пытался установить порядок. При нем усиливается законодательная деятельность. Около 690 года появилась Правда Инэ — сборник законов, которые, по его словам, были изданы, чтобы «обеспечены были в нашем народе справедливый закон и справедливая власть».

Правда предписывала прежде всего соблюдение церковных канонов и народных обычаев. Хотя и ставились пределы эксплуатации кэрлов (например, ограничение возможности получения оброка — ст. 67) и даже рабов, хотя были установлены гарантии для охраны уэльсцев и их землевладений определением вергельда и прочим (ст. 3), но Правда Инэ, конечно, была направлена на подавление обедневших кэрлов, рабов и уэльсцев и обеспечение господства правящего класса.

Это выражалось в связывании жителей круговой порукой (gegyldan)[1], дифференцировании наказания по сословному признаку, развитии соприсяжничества (также дифференцированного по сословному признаку), во введении ордалии («суда божьего»), запрещении «отъезжать без

---

[1] Gegyldan, congilotones — члены группы, на которую (в порядке круговой поруки) возлагали ответственность за преступление, совершенное членом этой группы; этой же группе в определенных условиях платили ту или иную часть вергельда за убитого члена группы.

позволения глафорда» (ст. 39), в некоторых привилегиях дружинников и т. д.

Первоначальный текст Правды Инэ приводят обычно в том виде, в каком она была записана при короле Альфреде (871—901) в качестве части, присоединенной к Правде Альфреда.

Ниже дается перевод извлечений из Правды Инэ.

[Извлечения]

Я, Инэ, божьей милостью король Уэссексов, по совету и наставлению отца моего Cendredes и епископов моих Heddes и Eorcenwoldes держал совет со всеми моими элдерманами и знатнейшими мудрыми (уитанами), а также с великим собранием служителей бога о спасении наших душ и состоянии нашего государства; о том, чтобы не только были укреплены и обеспечены в нашем народе справедливые обычаи и справедливые королевские веления, но чтобы ни один элдерман, ни один из наших подвластных не извращал впредь этих наших велений.

1. Прежде всего, мы повелеваем, чтобы служители бога правильно соблюдали свои каноны.

1,1. Затем мы повелеваем, чтобы все народные обычаи так соблюдались:

3. Если раб работает в воскресенье по приказу своего господина, пусть сделается свободным, а господин уплатит 30 шиллингов штрафа.

3,1. Если же раб работает (в воскресенье) без ведома его (господина), пусть страдает шкурой (подвергается бичеванию).

3,2. Если же свободный работает в этот день без приказа своего господина (глафорда), пусть теряет свободу.

4. Церковные подати должны быть вносимы ко дню св. Мартина. Если кто-либо не исполнит этого, пусть отвечает 60-ю шиллингами (королю) и уплатит церковную подать в 12-ти кратном размере.

5. Если кто-нибудь подлежит смерти и убежит в церковь, пусть он сохранит свою жизнь и уплатит (то), что указано законом.

5,1. Если кто-либо должен отвечать шкурой (подлежит бичеванию) и убежит в церковь, то пусть будет избавлен от бичевания.

7. Если кто совершит кражу, а его жена и дети не знали об этом, пусть уплатит 60 шиллингов штрафа.

7,1. Если же он совершит кражу с ведома всех своих домашних, пусть все они идут в рабство.

7,2. Мальчик 10-ти зим (лет) может быть укрывателем (gewita) воровства.

8. Если кто-либо ищет свое право у элдермана или другого судьи и не может добиться его, а (ответчик) не хочет дать ему никакой гарантии в исполнении (wedd), пусть уплатит (судья) 30 шиллингов и примет в течение 7 ночей участие в осуществлении права.

9. Если кто-либо (самовольно) расправится, прежде чем обратится к правосудию, пусть отдаст и возместит отнятое и поплатится 30-ю шиллингами.

12. Если вор будет пойман (с поличным), пусть умрет он или выкупят его жизнь его вергельдом.

13,1. Ворами мы называем до 7 человек; от 7-ми до 35 — толпой (шайкой), свыше этого — нашествием (войском).

20. Если кто-либо родом из далеких мест или чужестранец идет через лес в стороне от дороги и призывно не кричит и в рог не трубит, то его следует принять за вора: или убить или отпустить (за выкуп).

25. Если купец (отправится) внутрь страны (и там) открыто торгует, он должен это делать при свидетелях.

25,1. Если краденая вещь будет задержана (по своду) у купца, а он ее не купил при добрых (заслуживающих доверия) свидетелях, то пусть он подтвердит (присягой) соразмерно (могущему причитаться) штрафу, что он не был ни укрывателем, ни вором, или пусть заплатит в виде штрафа 6 и 30 шиллингов.

28. Кто поймает вора (на месте преступления), получает 10 шиллингов, а король вора и родичи (вора) должны поклясться в том, что не будут мстить ему (поймавшему).

29. Если кто-либо одолжит чужому esne[1] меч, а тот убежит, пусть уплатит за него третью часть; если кто-либо даст копье — половину; если он одолжит лошадь, пусть оплатит её полностью.

[1] Так назывались в Кенте несвободные, по-видимому, кельтского происхождения.

37. Если кэрл часто обвинялся в краже и, наконец, его признают виновным котлом[1] или при явной (его) вине, пусть отрубят ему руку или ногу.

39. Если кто-либо уедет от своего господина (глафорда) без позволения или скроется в другое графство (округ), и о нем узнают, пусть отправится (туда), где был, и уплатит своему господину (глафорду) 60 шиллингов.

42. Если кэрлы стали огораживать общинное пастбище или другие наделы, и некоторые огородили свои наделы, а некоторые не (огородили), и (если скот войдет и) уничтожит (пожрет) посевы или траву, то те, кто не огородил, должны отвечать и возмещают другим, которые огородили свою часть, убытки, причиненные там (на поле), а сами могут искать удовлетворение от (собственника) скота, сколько им причитается.

43. Если кто-либо сожжет дерево в лесу и узнают, кто это сделал, пусть он уплатит полный штраф — 60 шиллингов, ибо огонь есть вор.

43,1. Если кто-либо срубит в лесу большое число деревьев, и это потом станет известным, пусть заплатит за 3 дерева, за каждое по 30 шиллингов, за большее не нужно платить, сколько бы их ни было, ибо топор — доноситель, (но) ни в коем случае не вор.

46,1. Если возбудит обвинение англичанин, то тот (обвиняемый) должен очистить себя двойной (по количеству соприсяжников) присягой; если (это) обвинение будет возбуждено уэльсцем, она (очистительная присяга) не должна быть из-за этого увеличенной (двойной).

50. Если кто-либо из сословия дружинников уладит с королем или королевским элдерманом (судебное дело) своего поселенца, или со своим глафордом (дело) раба или свободного, то этот дружинник не получает никакой доли штрафа, так как он раньше дома не воспрепятствовал ему (совершить) то злодеяние.

51. Если уклоняется от участия в походе (fyrd) кто-либо из сословия дружинников, то (если он) владеет землей, пусть уплатит 120 шиллингов и лишится своей земли,— (если он) не владеет землей — 60 шиллингов; кэрл (пусть платит) 30 шиллингов войскового штрафа[2].

---

[1] Божьим судом — ордалией.

[2] Fierdwite — штраф за уклонение от похода или от несения воинской службы.

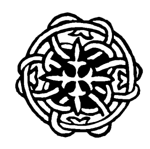
67. Если кто-либо за условленный оброк снимает гирду[1] земли или более и запахивает (ее), и если глафорд пожелает потребовать кроме оброка и барщину, то (арендатор) не обязан ее так (на этих новых условиях) брать, если тот (глафорд) не предоставляет ему двора (усадьбы), (но арендатор) тогда теряет участок.

68. Если кто-либо выгоняет (с земли) кого-либо из дружинного сословия, он может выгнать (его) со двора, но не с (обработанного) поля.

74. Если раб — уэльсец убьет какого-либо англичанина, то его собственник должен выдать его в руки глафорда или родни (убитого) или заплатить за его жизнь 60 шиллингов.

74,1. Если же он (господин) этой суммы не хочет заплатить, то он должен освободить его (раба); тогда, если он (раб) имеет родню среди свободных, пусть родственники его платят вергельд; если же он не имеет, то мстители могут расправиться с ним.

[1] Гирда — 1/4 гайды. Гайда — участок земли около 120 акров.

3. ПРАВДА (СУДЕБНИК) АЛЬФРЕДА

IX ВЕКА начались нападения датчан на Англию. В битве с ними погиб король Этельред. Королем стал Альфред (871—901), прозванный Великим. Альфреду приходилось то откупаться от датчан (в 871 г.), то прятаться с небольшим числом приверженцев на островке среди болот Соммерсета. Отбиваясь от датчан, Альфред стремился вместе с тем подавить восстания закрепощаемых крестьян и в особенности порабощенных бриттов (уэльсцев). «Горе от своих» ему казалось бо́льшим, чем «горе от чужих». Около 880 года Альфред заключил договор с датским королем Гутрумом. Нортумберленд, Восточная Англия, часть Мерсии составили «страну датского закона». Власть Альфреда распространялась теперь почти только на Уэссекс.

Альфред понимал необходимость обращения к народным массам, чтобы опрокинуть власть датчан, но все же свое главное внимание он обращал на усиление власти землевладельцев, на укрепление аппарата власти (армии, суда), на установление более тесной связи с церковью и на упорядочение законов. Альфред реорганизовал войско, основой которого было обязательное участие в нем всех землевладельцев, имеющих не менее 5 гайд земли. Он укрепил судебный аппарат. Источники рассказывают о многочисленных случаях наказаний, которым подвергались судьи за неправосудные приговоры. Альфред приказывал то отрубить руку, то даже казнить виновного судью.

Альфред, по-видимому, в 90-х годах IX века попытался собрать и упорядочить Правды, изданные до него. Почти 200 лет прошло со времени составления Правды Инэ и 300 — со времени составления Правды Этельберта. Альфред обратился к ним, чтобы авторитетом популярных королей, подкрепленным божественными и апостольскими велениями, обосновать свои законы.

Правда Альфреда состоит из 49 статей, введения и 77 статей основного текста.

Во многословном введении к своей Правде Альфред повторяет 10 заповедей, делает обширные извлечения из Ветхого завета и апостольских посланий и в заключение (ст. 49, 9 введения) так рассказывает о создании Правды:

«Ныне я, король Альфред, собрал все эти (законы) и повелел переписать многие из тех, которые соблюдались моими предшественниками, те, которые одобрялись мною; и многие из тех, которые мною не одобрялись, я отбросил и с согласия моих мудрых (уитанов) приказал внести изменения. Также я не решился записать многие из моих собственных предписаний, так как не знал, что из них одобрят те, кто после нас придут.

Но найденные мною законы времен короля Инэ, моего родственника, или Оффа[1], короля Мерсии, или Этельберта, который первый среди английского народа принял крещение, и которые показались мне наиболее справедливыми, я собрал здесь, а остальные отбросил».

Правда (иногда называется Судебником) Альфреда, несомненно, направлена на установление порядка. Она охраняет мир короля, элдермана, церкви, борется с пережитками кровной мести, карает за убийства, кражи, нападения, увечья, не проводя, как правило, дифференциации наказаний по сословному признаку, охраняет свободных крестьян (кэрлов) от издевательств. Но при этом в Правде подчеркивается охрана господ (глафордов). В ст. 49 § 2 Введения Альфред прямо говорит, что Христос приказал, «чтобы каждый любил своего господина (глафорда) как самого себя». Альфред грозил тем, кто замыслит убить своего господина, лишением жизни и всего имущества (ст. 4 § 2). Он готов был смягчить наказания и ограничиваться имущественным взысканием в отношении всех преступлений, кроме измены господину, за которую «чтобы не смели выразить милосердия» (ст. 49 § 7 Введения). Альфред закреплял земельную собственность тех, кто имел ее по королевскому акту (bocland) (ст. 41), вводил ограничения перехода подвластных от одного глафорда к другому (ст. 37).

Ниже дается перевод извлечений из Правды Альфреда.

[1] Законы короля Оффа не сохранились.

[Извлечения]

1. Прежде всего, учим мы (тому), что больше всего необходимо, чтобы каждый точно соблюдал свою присягу и свой обет (wed).

1,1. Если кто-либо будет вынужден (присягой или обетом) к совершению преступления, к измене своему господину или к иному преступному начинанию, тогда правильнее нарушить (присягу или обет), чем соблюсти.

1,2. Если же он обяжется к тому, соблюдение чего законно, и нарушит это, то пусть он смиренно отдаст свое оружие и свое имущество на сохранение своим близким (freondum) и отправится на 40 ночей в королевскую темницу, и да претерпит там, как предпишет ему епископ, а родственники пусть кормят его, если он сам не имеет пропитания.

1,4. Если его придется принуждать силой (к заключению в темницу), а иначе он не пожелает, и если его должны будут связать, да лишится он своего оружия и всего своего имущества.

1,5. Если его (при этом) убьют, пусть останется без оплаты (вергельда).

1,7. Если же он скроется, да будет объявлен вне закона и отлучен от всех церквей Христа.

4. Если кто-либо замышляет — либо сам, либо через объявленных вне закона, которым он дал приют, либо через своих людей — на жизнь короля, пусть ответит своей жизнью и всем, чем обладает.

4,2. Так предписываем мы и в отношении всех людей, как кэрлов, так и эрлов: кто замыслит на жизнь своего господина (глафорда), тот отвечает своею жизнью и всем, чем обладает, или пусть очистится (в соответствии с) вергельдом своего господина (глафорда).

5. Также предписываем мы каждой церкви, которая освящена епископом, такой мир: если преследуемый местью достигнет ее (церкви), убегая или верхом на лошади, никто не должен вытащить его (из церкви) в течение 7 ночей. Если же кто-либо сделает это, он отвечает за нарушение королевского покровительства (mundbyrde) и церковного мира, и тем больше, чем больше он вытащит оттуда людей, (которые могли бы еще жить, несмотря на) голод, разве только он (скрывшийся) начал пробиваться оружием.

6. Если кто-либо украдет что-нибудь в церкви, то возместит он стоимость украденного и (уплатит) штраф, соот-

ветствующий этому возмещению, и отрубят руку, которой он это совершил.

9. Если убьют беременную женщину, когда ребенок находится в ней, пусть заплатят за женщину полностью (ее вергельд), а за ребенка половину вергельда отцовского рода.

14. Если кто-либо родился немым или глухим, так что он не в состоянии ни отвергать, ни признавать (вины), то за его преступление пусть платит отец.

22. Если кто-нибудь на народном (судебном) собрании заявит королевскому графу о преступлении и затем пожелает отречься (от своего заявления), пусть укажет на более правдоподобную руку (преступника), если может; если же не может, то да потеряет причитающееся ему (и платит штраф графу).

25,1. Если раб изнасилует рабыню, пусть поплатится половым органом.

27. Если не имеющий родственников по отцовской линии осуществляет (кровную) месть и убьет кого-либо, то, если он (убийца) имеет родственников по материнской линии, они должны уплатить третью часть вергельда, третью часть — сопоручники, (за) третью часть (пусть) он отвечает (избегает).

27,1. Если он не имеет родственников по материнской линии, платят сопоручники половину, (а) за половину (пусть) он отвечает (избегает).

28. Если убьют такого человека, который не имеет родни, то половину (вергельда) платят королю, половину — его сопоручникам.

29. Если двухсотенник[1] безвинно будет убит толпою[2], то пусть тот, кто признает себя виновным, что прикончил его, заплатит вергельд и штраф (wite), а каждый, кто участвовал в нападении, уплатит 30 шиллингов за участие в мстящей толпе.

30. Если (убитый) — шестисотенник[3], каждый платит за (участие в мстящей) толпе 60 шиллингов, а убийца — вергельд и полностью штраф.

31. Если (убитый) двенадцатисотенник[4], каждый из них (платит) 120 шиллингов, а убийца — вергельд и штраф.

[1] То есть человек, вергельд которого равен 200 шиллингам.
[2] Имеется в виду толпа, осуществляющая кровную месть.
[3] То есть человек, вергельд которого равен 600 шиллингам.
[4] То есть человек, вергельд которого равен 1200 шиллингам.

32. Если кто-нибудь распространял публично (среди народа) клевету и будет изобличен в ней, то пусть он расплатится за это не менее того, что у него отрежут язык, и чтобы язык нельзя было выкупить ни за какую меньшую цену, чем оценивают его (клеветника) вергельд.

√ 37. Если кто-либо хочет уйти из одного поселения в другое (и там) найти глафорда, пусть сделает это по свидетельству элдермана, которому он в его графстве был подчинен (следовал).

37,1. Если он сделает это без его (элдермана) свидетельства[1], пусть уплатит тот, кто принимает его в свои люди, 120 шиллингов в качестве штрафа. И разделит этот (штраф): половину королю в то графство, где прежде был подчинен (принятый), половину в то (графство), в которое он пришел.

41. Если кто-либо имеет землю по королевскому акту (bocland) и ее ему оставили (по наследству) родичи, то мы предписываем, чтобы он не передавал ее (никому), кроме своей родни, если имеются документы или (иные) свидетельства, что был такой запрет со стороны тех, которые первыми ее приобрели, и тех, которые ему ее передали, и (оспаривающий совершенную вопреки этому передачу) пусть сошлется перед его родственниками на свидетельство короля и епископа.

42. Также мы повелеваем, чтобы никто не мстил (feohte) своему врагу, местожительство которого ему известно, прежде чем не потребует от него законного удовлетворения.

42,1. Если имеет силу окружить (дом) своего врага и осадить его там, то пусть держит его там в течение 7 ночей, не нападая на него, если он пожелает там отсидеться (оставаться); а затем после 7 ночей, если он (преследуемый) пожелает сдаться и выдать оружие, пусть содержит его в течение 30 ночей невредимым и сообщит о нем его родичам и близким (друзьям).

42,3. Если он этой силы не имеет, чтобы осадить его (там), пусть отправится к элдерману и просит его о помощи; если он не пожелает помочь ему, пусть отправится к королю, прежде чем прибегнет к насилию (мести).

42,4. И равным образом, если кто-либо настигнет своего врага, местожительство которого до этого не знал, то, если тот пожелает отдать свое оружие, пусть он держит

[1] В латинской версии — «без разрешения».

его (врага) в течение 30 ночей и сообщит о нем его близким, если (же) тот не пожелает отдать своего оружия, то он (преследователь) может напасть (feohtan) на него. Если же тот пожелает сдаться и отдать свое оружие и на него все же нападут, пусть (напавший) заплатит или вергельд или за раны, смотря по тому, что причинит, и штраф и потеряет свою родню (право на защиту со стороны родичей).

42,5. Также мы постановляем, что можно, не навлекая на себя мести, сражаться (вместе) со своим господином (глафордом), если господин подвергается нападению; равным образом и господин может сражаться вместе со (своими) людьми (защищать своих людей).

42,6. Таким же образом каждый может сражаться за (в защиту) своего кровного родственника, если кто-либо незаконно нападает на него, но не против своего господина (глафорда). Этого мы не позволяем.

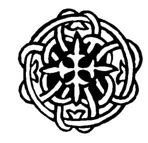
47. Если кто-либо кому-либо выбьет глаз, пусть уплатит ему 60 шиллингов и 6 шиллингов и 6 пенсов и третью часть пенса в возмещение.

47,1. Если глаз остается на месте (в голове), (но) он ничего не может видеть им, пусть вычтут третью часть этого возмещения.

48. Если кто-либо отрежет другому нос, пусть отплатит ему 60 шиллингами.

52. Если кто-либо вырвет язык из головы другого, тогда возмещение равно возмещению глаза.

77. Если кто-либо разобьет другому силу (позвоночник) у шеи и нанесет удар столь сильный, что он (потерпевший) не сможет действовать (управлять) силою (позвоночником), но продолжает жить столь искалеченным, пусть уплатит 100 шиллингов в возмещение, если только мудрые (уитаны) не присудят ему справедливее и больше.

4. ЗАКОНЫ ЭТЕЛЬСТАНА
(927—937 гг.)

РЕЗУЛЬТАТЕ принятых при короле Альфреде мер (по реорганизации армии, обеспечению порядка и др.) государственная власть усилилась. Это помогло его преемникам (сыну Эдуарду Старшему и особенно внуку — Этельстану) успешнее бороться с датчанами, хотя эта борьба осложнялась борьбой за престол, необходимостью подавлять восстания уэльсцев (дело доходило до больших сражений, например, в 937 году), отбивать нападения шотландцев. Этельстану (925—940) удалось значительно потеснить датчан и объединить англосаксонские королевства. Отмечают установление им более тесных отношений с континентальными государствами (сестры Этельстана были замужем за Карлом Простым, Гуго Великим и Оттоном Великим).

Постоянные войны привели к разорению страны. Грабежи, воровство (в особенности скота) приняли угрожающий характер. Участившиеся восстания подвластных вызвали стремление сплотить господствующий класс на более широкой основе. Чаще стали созываться собрания (concilium) «епископов, тэнов, знатных и (даже) кэрлов». К королю стали чаще обращаться с пожеланиями, «советами» мудрые (уитаны), знать светская и церковная.

Усилилась законодательная деятельность. С именем короля Этельстана связывают 6 законодательных памятников:

1. Постановления короля Этельстана о десятинах (обычно цитируются — I Aethelstan).

2. Законы Этельстана: Concilium Greatenleagense (обычно цитируются — II Aethelstan), которые были изданы в результате собрания знатных.

3. Декрет Этельстана о соблюдении мира (обычно цитируется — V Aethelstan). Он написан в виде письма Этельстана ко всем подданным, ибо «узнал, что мир хуже

соблюдается, чем мне хотелось, а уитаны мне сказали, что я слишком долго это терпел».

4. Декрет епископов и других мудрых людей Кента о соблюдении мира (Concilium Fefreshamense) (обычно цитируется — III Aethelstan).

5. Декрет мудрых (уитанов) Англии (Concilium Thunresfeldense) (обычно цитируется — IV Aethelstan), который мудрые постановили как совет королю.

6. Судебник города Лондона (Judicia civitatis Lundonie) — в дополнение к предшествующему декрету, который составлен был лондонскими епископами и герефами (между 930—940 гг.) и закреплен в организации «гильдии мира», в которой участвовали как эрлы, так и кэрлы.

Первые постановления (I Aethelstan) отвечали задачам укрепления положения церкви, доходы которой уменьшились в связи с разорением страны. Этельстан обязывал своих управителей платить десятину как от животных, так и от урожая, который «как можно точнее нужно измерить, исчислить или взвесить», и «элдерманы и герефы то же должны делать». И вместе с тем король требовал выполнения обязательств перед ним, чтобы «дать мне мое». «И вы — предупреждал он,— и ваши люди («увещеваемые») должны остерегаться божьего гнева и неподчинения мне».

Во всех остальных постановлениях главное внимание направлено на преследование воров и их укрывателей. Законы допускали расправу с ними и запрещали мстить за убитого вора, обязывали всех помогать в поимке вора, ограничивали право убежища. Разработаны были постановления о поруке. Возросла ответственность глафорда, и в связи с этим усилена была его полицейская власть. Запрещалось препятствовать отыскивать себе лорда, который взял бы на себя гарантию перед судом за данное лицо (IV Aethelstan, 5). Разработаны были постановления о гильдии мира (объединении для охраны мира), достигшей в Лондоне формы взаимного страхования. Предписывали публичность совершения актов купли скота, обмена с участием неопороченных свидетелей и так далее.

Ниже даются переводы извлечений из законов Этельстана (II Aethelstan), декрета епископов Кента, постановления мудрых Англии, Судебника города Лондона.

[Извлечения]

(а) ЗАКОНЫ ЭТЕЛЬСТАНА
CONCILIUM GREATENLEAGENSE, II AETHELSTAN

1. Прежде всего ни один вор, пойманный с поличным, не должен быть пощажен, если он старше 12 зим и (украл на сумму) свыше 8-ми пенсов.

2. И мы постановляем о таких людях без господина (безглафордных), от которых нельзя получить удовлетворения (по суду), чтобы их родственники сделали их поселенцами, чтобы (таким образом) они могли отвечать, как того требует Правда (folc-ryhte) и чтобы они нашли ему глафорда в народном собрании (on folcgemote).

2,1. И если они в назначенный срок представить его (в суд) не хотят или не могут, то отныне он (не имеющий господина) становится вне закона, и кто его встретит, может убить его, как вора.

3. Если глафорд препятствует осуществлению правосудия, вступившись за одного из своих подвластных (оказавшегося виновным), и это дойдет до короля (по жалобе истца), пусть возместит (глафорд) стоимость вещи и уплатит королю 120 шиллингов. Кто обратится к королю раньше, чем он потребует осуществления права (у глафорда), платит тот же штраф, что и его противник, препятствующий осуществлению правосудия.

8. И мы постановляем, что если кто-либо безземельный служил в другом графстве и снова вернулся к своей родне, то (один из его родственников) может приютить его на том условии, что если он (безземельный) совершит там какое-либо преступление, (родственник) доставит его в суд народа или уплатит за него.

14. (И мы предписываем), чтобы одна монета была во всем королевстве и чтобы никто не чеканил монеты вне города.

14,1. Если монетных дел мастер будет уличен в (изготовлении) фальшивых (монет), (пусть) отрубят ему руку, которой он изготовлял фальшивую (монету), и выставят (руку) на мастерской; если же предъявили (только) обвинение, и он хочет очиститься, тогда пусть идет к раскаленному железу и очистит руку, которую обвиняют в изготовлении фальшивых (монет); и если ордалией он выявится (фальшивомонетчиком), то сделают ему так, как выше перед этим сказано.

23. Если кто-либо обязался подвергнуться ордалии, тогда пусть пойдет за три ночи до того к священнику, который должен освятить (его), и пусть питается хлебом и водой, и солью и травами до того, как приступит к ордалии, и должен присутствовать на мессах в каждый из (этих) трех дней, а в день, когда он должен пойти на ордалию, пусть раздаст милостыню и причастится и затем, раньше чем пойдет на ордалию, присягнет в том, что он согласно Правде (folc-ryhte) не повинен в том, в чем его обвиняют.

23,1. И если это (ордалия) холодной водой, то пусть он погрузится на $1^1/_2$ локтя (связанным) веревкой[1], если (же) это ордалия (раскаленным) железом, то должны пройти 3 ночи, прежде чем откроют руку[2].

23,2. И каждый должен предварять свое обвинение присягой...; и каждая из сторон должна поститься и от каждой стороны не должно быть свыше 12 человек. И если обвиняемый сопровождается больше, чем сам-двенадцатый, то ордалия недействительна, разве только они (свыше 12-ти) пожелают удалиться.

(б) ДЕКРЕТ ЕПИСКОПОВ И ДРУГИХ МУДРЫХ КЕНТА О СОБЛЮДЕНИИ МИРА

CONCILIUM FEFRESHAMENSE, III AETHELSTAN

(928—938 гг.)

7. Каждый должен взять людей своих на поруки (in fideiussione) (в том, что они не будут совершать) воровства.

7,1. Если же есть кто-либо, кто имеет столько людей, что он не в состоянии следить за ними (custodire), он должен поставить во главе каждого селения одного старосту (praepositum), который (заслуживает) доверия и который доверяет людям.

7,2. И если староста не решается доверять кому-либо из тех людей, пусть (не пользующийся доверием) найдет 12 поручителей из своей родни, которые возьмут его на поруки.

---

[1] Испытуемого, присевшего на корточки, обвязывали веревкой, протянув веревку у подколенных впадин и вокруг боков.

[2] После испытания рука завязывалась.

(в) ПОСТАНОВЛЕНИЕ МУДРЫХ (УИТАНОВ) АНГЛИИ

IV AETHELSTAN

(929—939 гг.)

6. И если вор, который совершал воровство после того, как было собрание в Thunresfelde[1], будет продолжать совершать (его), пусть ни в коем случае не заслужит жизни ни убежищем, ни деньгами, если (воровство) будет действительно раскрыто, будь (вор) свободный или раб, из знатных или крестьян (вилланов), госпожа или служанка, кто бы то ни был, пойман-ли (он) с поличным, или без поличного, если (это) определенно известно, то есть, если не будет очищен (от обвинения), (и) ордалией будет (признан) виновным, или каким-либо иным (образом) вина его станет известной.

6,3. Если он (вор) начнет убегать, пусть преследуют его до смерти все, кто хочет того, что хочет король, и где бы ни нашли его, его должны убить, и кто пощадит его или укроет его, будет недостоин (лишится) всего, что имеет, и жизни, как (если бы сам был) вор, разве только сможет доказать, что не знал (ни) о краже, совершенной им (вором), ни о преступлении, за которое он (бежавший) должен был отвечать жизнью.

6,4. Если (обвинена в воровстве) свободная женщина, пусть будет сброшена с горы или утоплена.

6,5. Если (обвинен в воровстве) раб, пусть явятся 60 (или) 20 рабов и побьют его камнями. И если кто-либо из них трижды промахнется, пусть трижды подвергнется бичеванию.

6,6. После того, как виновный в воровстве будет предан смерти, каждый из тех рабов возместит господину своему 3 денария.

6,7. Если рабыня (обвинена в том), что обокрала кого-либо, кроме господина своего и госпожи своей, пусть пойдут 60 и (или) 20 рабынь и принесут каждая 3 полена и сожгут эту одну рабыню, и уплатят столько же денариев, сколько должны были рабы (уплатить), или подвергнутся бичеванию, как сказано было о рабах.

---

[1] Место, где было принято данное постановление.

(г) СУДЕБНИК ГОРОДА ЛОНДОНА

JUDICIA CIVITATIS LUNDONIE, VI AETHELSTAN

(930—940 гг.)

1. И прежде всего:

1,1. Чтобы никто не щадил вора старше 12 зим, укравшего на сумму свыше 12 пенсов, если на основании народного права (Правды) он будет признан виновным и не сможет отрицать свою вину; и чтобы мы его убили и взяли все, что он имеет, и прежде всего должны взять из его имущества возмещение украденного, а затем остаток разделить на 3 части: одну часть жене, если она невиновна и не укрывательница преступления, остальные на две части: половину получает король, половину — объединение (для охраны) и мира[1].

2. Второе:

И мы решили, что каждый из нас должен выделить раз в 12 месяцев 4 пенса на наши общие нужды, и мы должны уплатить стоимость скота, украденного после того, как мы выделим эти деньги, и (чтобы) отыскание (украденного) было делом заботы нас всех сообща.

3. Третье:

Чтобы мы считали людей по десяткам, и чтобы старейший из них следил за тем, чтобы девять (остальных) выполняли положенное, как мы постановили, и затем (чтобы) в сотнях (составленных) из тех (десятков) был назначен сотенный старшина, который должен побуждать тех десять старейших (в десятках) блюсти общественную пользу, и чтобы эти 11 хранили средства сотни и знали, что они израсходовали (на то), что должны были уплатить, и что снова получили (из того), что наросло на основании нашего общего иска; и они должны наблюдать, чтобы каждый вносил платежи, о которых мы постановили к пользе всех нас, под страхом уплаты 30 пенсов или быка, чтобы все было выполнено, что определено в наших постановлениях и содержится в нашем соглашении.

4. Четвертое:

Каждый из тех, кто слышит призыв (на помощь), должен помочь другому, идя по следу и сопровождая

---

[1] Gescipe, geferscipe — гильдия мира.

верхом столь долго, пока этот человек знает след. И после того, как след потеряется, чтобы назначили одного человека (от каждых двух десятков), где больше народа, или от каждого десятка, где меньше народа, для того, чтобы верхом и пешком (отправиться искать след), если не потребуется больше людей там, где это необходимо, и это будет решено.

5. Пятое:

Чтобы не прекращались поиски ни на севере границы, ни на юге, (чтобы) каждый, кто имеет лошадь ездил (на поиски) верхом, а кто не имеет лошади, пусть работает на глафорда, который вместо него разъезжает и ходит, до тех пор, пока глафорд не вернется домой, разве только правосудие могло осуществиться (над вором до возвращения глафорда домой).

6. Шестое:...

6,3. И о наших рабах мы (те), кто имеет этих людей (рабов), постановили, что если кто-либо украдет человека (раба), то (господину) возместили бы (из нашей кассы) половину фунта; если же мы взыщем (по суду) возмещение, чтобы мы заплатили (господину) сверх этого, смотря по ценности (раба), а остаток того, что мы получим (по суду), удержим для себя. Если (раб) сам украдет, что приведет к забрасыванию его камнями, как постановлено выше, то каждый, кто имеет раба, пусть внесет пенс или половину, смотря по числу членов объединения (для охраны) мира — (гильдии мира), так чтобы можно было вернуть (господину) стоимость (раба). Если же он (раб) убежит, пусть возместят (господину), смотря по его качеству (стоимость), и чтобы мы все предприняли поиски. Если мы его затем сможем схватить, сделаем с ним то, что делают рабу-уэльсцу, и пусть повесят его.

7. Седьмое, что мы постановили: кто мстит за причиненный всем нам ущерб, пусть делает то, что делает; чтобы мы стояли вместе как в дружбе, так и при нападении врагов на нас (feondscipe), что бы потом ни произошло. И кто раньше других убьет вора, тот обогатится из наших общих средств на 12 пенсов за доброе дело и почин.

8,2. И если случится, что родня (преступника) столь сильна и столь велика... (будь-то) двенадцатисотенники или двухсотенники, что она (осуществлению) нашего права препятствует и выступает на защиту вора, тогда нам должно отправиться всем вместе (и) с герефом, в округе которого это (имеет место).

8,3. И мы должны послать в обе (все) стороны к герефам, требуя от них помощи столькими людьми, сколько представится необходимым по серьезности дела, чтобы нашей численностью могли быть (враги) устрашены, и чтобы мы все отправились против них и отомстили за вред и убили вора и тех, кто боролся на его стороне и поддерживал его, разве только они захотят покинуть его.

8,7. И мы также требуем от наших обитателей, чтобы каждый отмечал свидетельством своих соседей, когда он имел скот и когда он его (уже) не имел. Если он его (скот) не может найти, он должен в течение 3-х ночей указать нам след, ибо мы думаем, что многие беспечные люди не заботятся о том, где бродит их скот, из-за чрезмерного доверия к этому миру.

5. ЗАКОНЫ КНУТА

ОСЛО крупное землевладение как светское, так и церковное. Усиливалась власть землевладельцев. Появлялись условия для феодального раздробления, процесс которого, однако, тормозили крестьянские восстания и постоянные нападения датчан. Умножившиеся монастыри поддерживали централизаторскую политику королевской власти. При внуке Этельстана — Эдгаре «Тишайшем» (958—975), пришедшем к власти при помощи монастырского духовенства, королевская власть распространилась на всю Англию. Фактическим правителем государства был аббат Дунстан. Законы Эдгара были пропитаны церковным влиянием. После него вошло в обычай составлять отдельно законы церковные и светские.

После бурного правления Этельреда II «Непослушного» (979—1016) датский король Кнут завладел в 1017 году всей Англией и стал ее королем (1017—1035). Кнут довольно быстро договорился с англосаксонской знатью и с церковными кругами. Он обещал «следовать законам Эдгара» — «монастырского короля». Кнут установил равенство английского и датского законов. Если Этельред предоставлял равенство датскому закону, отбиваясь от датчан, то Кнут предоставлял равенство английскому закону для утверждения своего господства.

Кнут по обычаю всех англосаксонских королей издал законы, в которых он стремился сгруппировать старые постановления, заимствуя в особенности постановления законов Этельреда. По эдгаровскому образцу он разделил свои законы на две части — на законы церковные и законы светские. Своими светскими законами он хотел подчеркнуть, что старые народные обычаи будут соблюдаться: «Пусть установится правда божья, и пусть отныне каждый богатый и бедный будут под защитой народного права...» (ст. 1).

Кнут боролся против беззаконий (ст. 1), за очистку страны от преступников (ст. 4), за мир и чистую монету

(ст. 8), за устройство крепостей, за надлежащее вооружение. Он развивал постановления о сотнях и десятках, о поруке, о соприсяжничестве и ордалиях. Он усиливал власть глафордов (ст. 31), оставляя за собою лишь сравнительно ограниченный круг власти (ст. 12). Кнут охранял собственника: воры «нигде не должны находить защиты своей жизни» (ст. 26). Усиливались наказания преступникам; Кнут грозил: «Пусть вырвут у него глаза, отрежут нос, уши и верхнюю губу или пусть оскальпируют его...» (ст. 30,5).

Кнут отменил выкуп за разрушение дома, поджог, воровство с поличным, тайное убийство и измену господину (ст. 64). Он стремился обеспечить патриархальные основы семьи (ст. ст. 50, 53) и обещал землевладельцу спокойное наследственное владение землей: «Да владеет ею бесспорно и чтобы мог в течение своей жизни и на (случай) смерти отчуждать и давать ее тому, кто ему дороже» (ст. 79).

Ниже дается перевод извлечений из законов Кнута.

[Извлечения]

ЗАКОНЫ СВЕТСКИЕ

1. Первое, чего я желаю,— это, чтобы вводились хорошие законы и усердно уничтожалось всякое беззаконие, и чтобы всякая несправедливость выкорчевывалась и искоренялась, как только возможно, в этой стране. И пусть установится правда божья, и пусть отныне каждый, бедный и богатый, будет под защитой народного права, и да судят их по справедливости.

2,1. И мы предписываем, чтобы по ничтожному делу не присуждали христианина к смерти, но устанавливали лучше мягкие наказания ко благу народа, дабы не погибало из-за ничтожного дела божье создание и то добро, что он приобрел дорогою ценою.

4. И мы предписываем, чтобы принялись заботливо очищать страну во всех концах и оставили всяческие

преступные деяния; и если будут пойманы ведьмы или волхвы, убийцы или блудницы, то пусть их усердно изгоняют из этой страны или совершенно уничтожают в ее пределах, разве только они отстанут (от своих дел) и пожелают наисурово искупить их.

8. Необходимо также хорошенько заняться улучшением мира и улучшением денег: улучшением мира, как это приятнее всего домохозяину и неприятнее всего ворам, и улучшением денег так, чтобы одна и та же монета имела хождение по всей стране без всякой порчи, и никто не мог бы отказывать (в приеме ее).

8,1. И кто отныне будет делать фальшивые монеты, тот да потеряет руку, которою он производил подделку, и ему не позволено будет выкупить ее ничем, ни золотом, ни серебром...

12. Вот прерогативы, которые имеет король перед всеми людьми в Уэссексе: объявление (человека) вне закона, вторжение в жилище, установление застав на дорогах, прием беглецов и сбор народного ополчения, разве только он пожелает почтить кого-либо более (прочих) и предоставит ему эти права.

15,1. И кто вынесет незаконное постановление или неправосудный приговор по вражде или за взятку, тот по английскому праву пусть уплатит королю 120 шиллингов, если только он клятвенно не сможет удостоверить, что не знал более соответствующего праву (решения), и да потеряет он навсегда свое достоинство тэна, если только не выкупит его обратно от короля, и последний согласится на это. По датскому праву он подлежит штрафу за противозаконие в 5 датских марок, если только не очистит себя (присягой), что лучше не знал.

15,2. И кто отказывается (исполнить) законное постановление или праведный приговор, тот должен, согласно английскому праву, уплатить тому, кому надлежит: либо королю 120 шиллингов, либо эрлу — 60 шиллингов, либо сотне 30 шиллингов, либо каждому из них, если (неподчинение постановлению) имеет место (по отношению ко всем трем).

15,3. И кто в (областях) датского права не подчинится праведному решению, пусть заплатит он штраф за противозаконие (lahslit).

16. И если кто-либо ложно обвинит другого, так что будет нанесен ущерб его имуществу или благосостоянию, и если потом этот другой сможет опровергнуть то, что

приписывали ему, то пусть отвечает он (клеветник) своим языком, если только не откупиться с помощью своего вергельда.

17. И никто не должен прибегать (для судебной защиты) к королю, за исключением того случая, когда он не сможет добиться правды (права) в своей сотне.

17,1. И пусть, (все) как это полагается посещать, посещают под страхом штрафа сотенные собрания.

18. И пусть городское собрание собирается три раза в году, а собрание графства два раза, если не будет надобности делать это чаще.

18,1. И пусть присутствуют на собраниях графства епископ и элдерман, и оба они должны наставлять как в божеском, так и в светском праве.

20. И мы желаем, чтобы каждый свободный по достижении 12-ти зим зачислялся в сотню и в десяток, если желает иметь право очищать себя (присягой) от обвинения или (иметь право) на вергельд; в противном случае он не должен впоследствии пользоваться правами свободного.

20,1. Будь то домохозяин или подвластный (gefolgere), каждый должен быть зачислен в сотню и на поруки (on borge), и поручитель должен приводить его в суд (на правёж).

21. И мы желаем, чтобы каждый, кто имеет более 12 зим от роду, приносил присягу в том, что он не будет ни вором, ни укрывателем вора.

24. И пусть никто не покупает никакой вещи, ни живой, ни лежащей (неодушевленной), стоимостью выше 4-х пенсов, не имея при этом свидетельства 4-х достойных доверия человек, будь то в городе или на селе.

26. Явный вор или тот, кто уличен в измене (своему) господину, могут обращаться за защитой, куда хотят,— они нигде не должны находить защиты своей жизни.

27. Кто на народном собрании будет защищать себя самого или своего человека всяческими изворотами, (все) это будет говорено им совершенно понапрасну, и да ответит он перед истцом так, как это признает правильным сотня.

29,1. И если кто слышит поднятую тревогу и оставляет ее без внимания, то пусть расплатится за непослушание перед королем или очистит себя полною (присягой).

30. И если какой-либо человек столь не пользуется доверием своей сотни и часто был опорачиваем, и его

теперь обвиняют совместно три человека, то ему не остается ничего другого, как итти на тройную ордалию.

30,1. Если в таком случае глафорд (обвиняемого) заявит, что он (обвиняемый) после того, как состоялось народное собрание в Винчестере[1], не терпел неудачи ни при присяге, ни при ордалии, то пусть глафорд изберет двух достойных доверия лиц в сотне, и пусть они втроем присягнут, что он (обвиняемый) не терпел неудачи ни при присяге, ни при ордалии и не должен был платить, как платит вор,— разве только у него (глафорда) есть такой управитель, который может сделать это (вместо него).

30,2. И если (эта) присяга состоится, пусть человек, который подвергается обвинению по поводу (вещи) в 30 пенсов, выбирает, что он хочет: простую ли ордалию или присягу ценою в фунт (с соприсяжниками) из трех сотен[2].

30,3. И если они (глафорд и соприсяжники) не решаются принести присягу, то пусть он (обвиняемый) идет на тройную ордалию.

30,3а. И тройную ордалию требует так: он (обвинитель) должен избрать пять человек и сам будет шестым (в обвинительной присяге).

30,3б. И если после этого он (обвиняемый) будет признан виновным, то на первый раз пусть уплатит он обвинителю возмещение в двукратном размере, а глафорду, который имеет право на штраф, свой вергельд и пусть представит верных поручителей, что отныне он будет воздерживаться от всякого зла.

30,4. И если он будет признан виновным во второй раз, не допускается никакого другого наказания, кроме того, что ему отрубят руки или ноги или то и другое, смотря по вине.

30,5. И если тогда (после этого) он совершит еще большее преступление, то пусть вырвут у него глаза, отрежут нос, уши и верхнюю губу, или пусть оскальпируют его (в зависимости от того), что из этого предпишут те, которые должны решать, как можно наказать (преступника) и вместе с тем спасти его душу.

31. И пусть каждый глафорд имеет на своей собственной поруке своих подвластных.

---

[1] На этом собрании были изданы данные законы.

[2] Фунт серебра считался равным 40 пенсам (пэнингам); цена присяги определялась стоимостью имущества, которым обладал присягавший.

31а. И если обвинят того (подвластного) в чем-нибудь, то он должен отвечать в той сотне, где возведено обвинение, как полагается по закону.

31,1. И если он будет обвинен и убежит, то глафорд пусть уплатит королю вергельд того подвластного...

32. И если несвободный при ордалии будет признан виновным, то на первый раз пусть выжгут на нем клеймо.

32,1. А во второй раз он должен поплатиться ничем иным, как своей головой.

33. И если есть кто-нибудь, кому во всем народе нет доверия, то пусть поедет (за ним) королевский граф (gerefa) и передаст его на поруки в том, что его представят на суд для ответа перед теми, которые обвиняют его.

33,1. Если он не найдет (тех, кто возьмет его на) поруки, то пусть убьют его, как преступника, и похоронят в позорной могиле[1].

33,2. И если кто-нибудь вступится за него, то оба пусть подвергнутся тому же самому приговору.

38,1. И чем человек могущественнее или более высокого сословия, тем суровее он должен искупить свое преступление пред богом и пред людьми.

50. Если кто-либо нарушает супружескую верность, то да искупит он это, смотря по тому, что было сделано.

50,1. Дурно то нарушение супружеской верности, когда женатый человек сожительствует с незамужней, но гораздо хуже, когда он сожительствует с женой другого или с монахиней.

53. Если при жизни мужа женщина сожительствует с другим мужчиной и это станет явным, пусть она станет для всех людей предметом отвращения, а ее супруг пусть получит всё, чем она владела, и пусть она лишится носа и ушей.

64. Разрушение (чужого) дома, поджог, воровство с поличным, тайное убийство и измена (своему) господину по светским законам не подлежат выкупу.

68,1. Ибо всегда должно из любви и из страха божьего судить и наказывать слабого мягче, чем сильного, так как не может слабый — мы бесспорно знаем это — нести одинаковое бремя с сильным, а хилый равняться со здоровым, и поэтому мы должны соблюдать меру и делать различие между старостью и молодостью, богатством и бедностью, свободным и рабом, здоровьем и болезнью

[1] То есть в том месте, где хоронили преступников, самоубийц.

и т. д. И каждый должен, как при духовных эпитимиях, так и при светских приговорах, различать эти обстоятельства.

68,2. Также при (том или) ином преступлении, если кто действует по принуждению, тем более достоин пощады, чем более то, что делал, он делал поневоле, и если кто-либо делает что-нибудь непредумышленно, это совершенно неравносильно тому, что он делает умышленно.

72. И где свободный домохозяин сидел, не вызывая возражений и исков, там должны так же бесспорно сидеть его жена и дети.

72,1. И если к домохозяину прежде, чем он умер, был предъявлен иск, то наследники должны отвечать, как он сам должен был бы отвечать, если бы был жив.

73. И пусть каждая вдова сидит без мужа 12 месяцев, а затем она может выбирать, что она сама хочет; если же она до истечения годового срока изберет себе мужа, то пусть потеряет свой свадебный подарок (morgengyfe) и все то имущество, которое она имела от своего прежнего мужа, и ближайшие сородичи (его) могут захватить землю и имущество, которыми она до тех пор владела.

73,1. А он (второй муж) отвечает своим вергельдом перед королем или тем, кому последний предоставит право суда.

73,2. И даже в том случае, если она была взята (в жены) силою, она должна потерять свое имущество, разве только она пожелает потом вернуться домой от второго мужа и никогда более не будет принадлежать ему.

76,2. В прежнее время допускалось, что ребенок, лежавший в колыбели, хотя бы он не вкушал еще никакой пищи (кроме материнского молока), жадными людьми считался столь же виновным, как если бы он был (вполне) сознательным. Но я впредь строго запрещаю это, а также многие другие вещи, которые весьма неугодны богу.

6. ЗАКОН ОБ ОРДАЛИИ ГОРЯЧИМ ЖЕЛЕЗОМ И (КИПЯЩЕЙ) ВОДОЙ

РДАЛИИ (суды божьи) были весьма распространены в англосаксонских государствах. Они неоднократно упоминаются в Правдах. Имелись сборники разработанных для пользования священниками ритуалов ордалий (холодной водой, раскаленным железом, кипятком — «котлом», хлебом и сыром). Сохранился закон (его относят к X столетию — между 938 и 1000 гг.), в котором регламентированы были два вида ордалий — раскаленным железом и кипящей водой (в законах обычно говорится «котлом»).

[Извлечения]

1. Относительно ордалии мы предписываем согласно повелению божьему, архиепископа (Кентерберийского) и других епископов, чтобы никто, за исключением священника и того, кто должен пойти на ордалию, не входил в церковь, как только (туда) будет внесен огонь, которым должны быть разогреты для ордалий железо или вода.

1в. И если (ордалия) будет производиться водой, то пусть она будет разогрета до степени кипения, причем котел должен быть железный или медный, свинцовый или глиняный.

2. И если обвинение простое[1], то рука, чтобы (взять) камень, должна быть опущена в кипящий котел до запястья, а если оно тройное,— то до локтя.

4. И пусть затем войдут люди по одинаковому количеству от каждой стороны и станут вдоль церкви по обеим

[1] То есть влекущее простую ордалию.

сторонам (места) ордалии; и все эти люди должны поститься и в ночь перед ордалией воздержаться от своих жен.

4,1. И пусть священник окропит их всех освященной водой, и каждый из них да отведает освященной воды; и он пусть даст им всем поцеловать евангелие и изображение креста Христова.

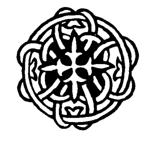
4,2. И никто не должен продолжать раздувать огонь после того, как священник начнет освящение; но железо должно лежать на раскаленных угольях вплоть до окончания литургии, тогда оно должно быть выложено на столбы.

5. И обвиняемый пусть выпьет освященной воды и затем пусть будет окроплена его рука, которою он должен нести ордалию (железо), и так да приступит (к испытанию).

5,1. 9 отмеренных шагов должны быть разделены на 3 части, по 3 (шага) в каждой: на первый знак у столба (испытуемый) должен стать своей правой ногой; на второй — левой; затем поставить правую ногу на третий знак и, бросив железо, поспешить к святому алтарю.

5,2. И (его) рука должна быть запечатана и на третий день обследована, является ли она под этой печатью виновной или чистой.

6. И кто эти предписания нарушит, по отношению к тому ордалия будет недействительной, и он должен уплатить королю 120 шиллингов в качестве штрафа за неповиновение.

7. О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ

X ВЕКУ в англосаксонских государствах сложились крепостнические отношения. Крестьяне выполняли разнообразные барщинные повинности и платили оброки. На усиливающийся в условиях постоянных войн гнет они отвечали восстаниями. Часть правящего класса понимала необходимость внести известный порядок во взимание оброка, в установление размера барщинных работ. Это нужно было для того, чтобы научить управляющих крупными землевладениями образцово вести хозяйство, обосновать и закрепить обычаями крестьянские повинности.

Во второй половине X или первой половине XI столетия неизвестным автором было составлено наставление управляющим крупных поместий. В этом наставлении перечисляются службы тэнов, повинности зависимых и крепостных, обязанности и порядок оплаты различных слуг и рабочих поместий — свинопасов, пастухов, сыроваров, пчеловодов, полицейских, лесников и других.

Ниже печатается перевод первых параграфов этого наставления, имеющих общее значение для определения положения тэнов и крестьян.

[Извлечения]

RECTITUDINES SINGULARUM PERSONARUM

1. Обычай (для тэна) таков, что он обладает (основанным на королевском) акте правом на землю (bocriht) и исполняет со своей земли три вещи (службы): явку в поход (fyrdfaereld expeditio), устройство укрепления (burhbote) и исправление мостов (brycgeweore).

1,1. Кроме того, для многих (землевладений, поместий) добавляются (нарастают) по приказу короля и другие земельные обременения, как-то: ограды для зверей (заповедные парки) в королевских владениях, снаряжение судов в поход, охрана морских (берегов), участие в королевской личной охране, в охране мира, милостыня, церковные десятины (подати) и многие иные разные вещи.

2. Обязанности генеата (генита)[1].

Обязанности генеата различны в зависимости от того, как они установлены (обычаями) данного поместья; в некоторых он должен платить оброк и ежегодно (давать) одну свинью в возмещение за право выпаса, (нести ездовую повинность) верхом, упряжкой (конем) и подводой, возить тяжести, работать (на барщине), кормить господина (глафорда), и жать и косить (сено), забивать ограды для зверей, ставить силки, строить и огораживать укрепления, проводить новые дороги, платить церковные десятины (подати) и милостыню, нести личную охрану (глафорда), сторожить лошадей, быть посланцем, как на близкие, так и на дальние (расстояния), куда бы ему ни было указано.

3. Обязанности котсетла[2].

Обязанности котсетла зависят от того, как это установлено (обычаем) поместья: в некоторых землях (поместьях) он должен на протяжении (всего) года каждый понедельник работать на своего глафорда и во время жатвы работать по три дня в неделю, в некоторых (поместьях) он должен в течение августа (сбора урожая) работать (на барщине) ежедневно, причем за день работы он должен скосить один акр овса и (или) 1/2 акра других хлебов; и пусть он получает свой сноп, который ему (должен дать) управляющий или слуга глафорда. Он не должен платить оброк. Ему надлежит иметь 5 акров (земли); (он может иметь) больше, если таков обычай в поместьи, но если бы было меньше, то этого слишком мало, так как он часто должен работать (на барщине).

Пусть он платит пенс с очага в святой четверг, как надлежит каждому свободному человеку, пусть он, когда ему так будет приказано, защищает господскую усадьбу (inland) своего глафорда при сторожевой охране морского побережья и при королевской ограде для зверей и про-

[1] В латинской версии — виллан, зависимый крестьянин.

[2] Крепостной крестьянин, участок которого равнялся 5 акрам.

чих таких случаях, как это соответствует его (котсетла) положению. И пусть он платит свою церковную десятину (подать) к празднику Мартина.

4. Обязанности гебура[1].

Обязанности гебура различны: в одних местах они тяжелы, в других умеренны. В некоторых поместьях установлено, что он 2 дня еженедельно на протяжении (всего) года, а во время сбора урожая 3 дня еженедельно и со Сретенья господня до Пасхи 3 (дня в неделю) должен исполнять (на барщине) всякую работу, какую ему укажут. Когда он отбывает полную барщину, он не должен (сам) работать на господина все то время, пока его лошадь находится вне дома.

4,1. Он должен платить в день праздника Михаила (29 сентября) 10 пенсов оброка, а в день праздника Мартина 23 секстара[2] ячменя и двух кур, к Пасхе молодую овцу или 2 пенса. И он должен находиться с праздника Мартина до Пасхи при загоне глафорда (для скота) (столько раз), сколько ему надлежит (по очереди).

А со дня начала (осенней) пахоты и до праздника Мартина он должен еженедельно вспахивать по 1 акру, а семена для этого он должен доставлять сам из амбара глафорда (на поле). Кроме того, он должен (вспахать) 3 акра общей пахоты и 2 акра в оплату за траву (пастбище); если ему нужна еще трава, пусть он ее отработает так, как ему будет дозволено.

4,2. За (право) пахоты пусть он вспашет 3 акра и пусть засеет их зерном из своего собственного амбара. И пусть он платит свой пенс с очага. И (каждые) 2 и 2 гебура должны кормить одну охотничью (на крупную дичь) собаку. И пусть каждый гебур дает свинопасу глафорда 6 хлебов, когда тот погонит свое стадо на откорм.

4,3. В том поместьи, где действует такой обычай (порядок), надлежит, чтобы гебуру были даны для обработки земли 2 вола и одна корова и 6 овец и на его гирду[3] 7 акров засеянного (поля). Пусть он после этого (начального) года выполняет все обязанности, на нем лежащие. И пусть ему дадут орудия для его работы и утварь для

---

[1] Гебур — крепостной крестьянин, участок которого равнялся 10 акрам.

[2] Секстар — от $^3/_4$ до $^7/_8$ литра.

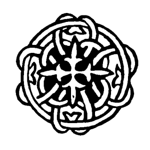
[3] Под гирдой здесь понимается выделенный гебуру земельный участок. М. Ковалевский считает, что этот участок равнялся по обычаю 10 акрам. В латинской версии гирду называют виргатой.

его дома. Если его постигнет смерть, то глафорд овладевает всем, что после него остается.

4,4. Такой поместный обычай действует в (том или) ином поместьи; в одном месте, как я раньше сказал, он более тяжел, в другом легче, так как не везде обычаи поместья одинаковы.

4,5. В одном поместьи гебур должен вносить оброк медом, в ином — оброк пищей, в третьем — оброк пивом.

4,6. Пусть тот, кто занимает должность (управляющего) поместьем всегда хорошо знает, каковы старые поместные постановления и каков народный обычай.

8. О СУДЬЯХ

(Каковым должен быть судья)

ОССТАНИЯ народных масс в англо-саксонских странах нередко были направлены против жестокостей и несправедливостей судей, поэтому в законах того времени встречались постановления, осуждавшие судебный произвол и взяточничество.

Около 1000 года неизвестный автор составил нравоучительные наставления о том, каким должен быть судья. Наставления, пропитанные библейским духом, составлены были с использованием сентенций Исидора — испанского епископа, писателя первой половины VII столетия.

[Извлечения]

1. Каждый, кто судит справедливо, держит чаши весов в руках. Он кладет на каждую из чаш справедливость и милосердие: сперва он определяет по справедливости возмещение (bote) за содеянное (преступление), а затем по милосердию он соразмеряет с виною штраф (wite).

3. Решения должны выноситься, не взирая на лица, то есть он (судья) не должен опасаться применять Правду (folc-rihte), как к богатым, так и низшим, как к другу, так и к недругу.

4. Ничто не является более безнравственным, чем получение вознаграждения (взятки) за вынесение судебного решения, потому что вознаграждение ослепляет сердца мудрых людей, и они извращают слова праведных людей.

8. Никакой элдерман не должен ставить у себя в качестве должностных лиц неразумных или бесчестных судей; неразумный, по свему невежеству, не понимает Правды, а бесчестный из корыстолюбия извращает право, которое он изучил.

9. Бедные люди подвергаются со стороны неправедного судьи даже худшему ограблению, чем со стороны самого жестокого вражеского нашествия (here). Никакой (вражеский) военный вождь (heretoga) столь не алчен к достоянию чужих людей, как неправедный судья к (имуществу) своих подвластных.

10. Также часто добрые судьи держат зловредных и хищных низших должностных лиц, чья вина пятнает самих судей, и если они (судьи) им в их грабеже не препятствуют, то они будут погублены грехами своих подчиненных.

11. Также продажные судьи часто затягивают по своему корыстолюбию вынесение решений и до тех пор не доводят дела до конца, пока их кошелек не будет наполнен, и когда они уже после этого выносят решение, то они принимают во внимание не дело, а вознаграждение.

14. Гневливый судья не может сохранять справедливость в решении, потому что помраченность в гневе не дает ему возможности видеть ясно правду.

15. При вынесении решения следует обращать внимание не на положение лица, а на (существо) дела.

16. Неправедные судьи тем, что обращают внимание на положение лиц, идут при провозглашении истины ложным путем, и они часто справедливым вредят тем, что они прикрывают недобросовестность.

АНГЛИЯ

1. Образцы королевских судебных приказов
2. Великая и Кларендонская ассизы
3. Великая Хартия вольностей
4. Генри Брактон
Трактат «О законах и обычаях Англии»
5. Записные книжки Брактона
6. Извлечения из протоколов королевских судов
7. Извлечения из «Годичных книг»
8. Королевские статуты второй половины XIII века
9. Извлечения из протоколов «Placita de quo warranto»
10. Постановления о судах и судьях
11. Законы о рабочих 1349-1350 годов
12. Трактат «О порядке ведения парламента»
13. Трактаты Джона Фортескьё
14. Акт касательно ферм и овец
15. Акт о наказании бродяг

1. ОБРАЗЦЫ КОРОЛЕВСКИХ СУДЕБНЫХ ПРИКАЗОВ ПО ИСКАМ РАЗНОГО РОДА

СИСТЕМЕ средневекового английского права и судопроизводства судебные приказы[1], начиная с XII и вплоть до конца XVII века, играли очень важную роль. Еще при Генрихе I для возбуждения дела в королевской курии требовалось получить королевский приказ, санкционировавший это разбирательство. Но особенно большое значение и широкое распространение королевские судебные приказы приобрели со второй половины XII века после судебных реформ Генриха II, которые значительно расширили компетенцию королевских судов и, следовательно, сферу действия этих приказов. С этого времени, и особенно в XIII и начале XIV века, по мере дальнейшего укрепления королевской юрисдикции и публичного общего права количество судебных приказов все более увеличивается.

Известный английский юрист XII века Ранульф Гленвилль в своем трактате упоминает и приводит всего 39 судебных приказов, в списке приказов начала 20-х годов XIII века их насчитывается уже 58, а в списке, составленном между 1236 и 1267 гг.,— 121[2].

Расширялась и территория действия королевских приказов. С 1284 года эти приказы стали действовать на территории присоединенного Уэльса и Уэльских марок. Из-под их действия были изъяты только владения епископа Даремского на Севере Англии, так как этот епископ имел свою канцелярию с правом выдавать судебные приказы, заменявшие на его территории приказы короля. Одновременно с этим приказы принимали все более стабильную форму, облекались в застывшие формулы, нарушение

---

[1] Всякий гражданский и уголовный иск согласно английскому общему праву мог быть возбужден только по специальному распоряжению королевской канцелярии, которое называлось судебным приказом (breve, writ).

[2] Приведено у W. Holdsworth, History of English Law, vol. II, London, 1909, Appendix, pp. 516—523.

которых могло повлечь за собой прекращение или отсрочку судебного разбирательства, а иногда и проигрыш дела.

Судебные приказы выдавались канцлером королевства от имени короля и за его печатью. В XIII веке обычным местом выдачи приказов стала Канцелярия (канцлерский суд). Приказы, связанные с возбуждением иска или ведением процесса по имущественным делам, в частности по земельным тяжбам, выдавались только за деньги и, что особенно важно отметить, исключительно лично свободным людям, так как крепостные-вилланы в соответствии с принципом «exceptio villenagii»[1], лежавшим в основе английского «общего права», не могли судиться в королевском суде. Приказы о возбуждении и ведении уголовных дел, согласно 36 статье Великой Хартии вольностей, после 1215 года выдавались всем, в том числе и вилланам, формально без всякой оплаты[2].

Уже во времена Гленвилля судебные приказы делились на две основные группы: «первоначальные» (original writs), которые давали основание для возбуждения судебного дела, и собственно «судебные» (judical writs), которые выдавались в ходе судебного процесса в целях организации нового расследования или с предписанием вызова в суд сторон гарантов, присяжных и др.

Образцы приказов интересны как источник с нескольких точек зрения. Они позволяют установить широту и характер королевской юрисдикции в тот или иной период, так как по ним можно ясно видеть, какие дела разбирались в королевских судах, в каких случаях король имел право вмешиваться в дела сеньёриальных судов, какое воздействие королевские суды оказывали на формирование и практическое применение общего права, на его унификацию и распространение. С другой стороны, приказы содержат интересный материал относительно всех деталей процессуальных норм и всех важнейших исковых форм, применявшихся в королевских судах разного рода (центральных, местных, разъездных), а отчасти и в сеньёриальных судах. Приказы позволяют также судить о роли ко-

---

[1] Exceptio villenagii — один из основных принципов английского феодального «общего права», согласно которому вилланы не могли возбуждать в королевских судах имущественных исков и пользоваться защитой этих судов.

[2] На практике получение такого приказа обычно также сопровождалось всякого рода платежами в виде взяток различным должностным лицам в Канцелярии и королевских судах.

ролевской администрации, особенно шерифов[1], в осуществлении королевской юрисдикции. Кроме того, приказы очень ярко показывают, какое огромное значение в деятельности королевских судов постепенно приобретает расследование через присяжных, без которого уже в XIII веке не обходится ни одна тяжба, разбираемая в них.

Формулы приказов почти не изменялись на протяжении всех средних веков. Это дало основание использовать для перевода образцы приказов, фигурирующих в трактатах Гленвилля (XII в.) и Брактона (XIII в.) и в трактате «Vetera Natura brevium» (середина XIV в.) и в «Институциях» Эд. Кока (XVII в.) и даже в первом печатном регистре Судебных приказов (1687 г.), где также имеются ценные образцы XII—XIV вв.

Помещенные ниже образцы приказов относятся главным образом к имущественным искам, в частности к искам о земле. Приводятся приказы, связанные с различными формами исков о праве владения (или собственности) на свободное земельное держание (фригольд).

Все образцы приказов переведены с латинских текстов, опубликованных в приложениях к тт. I и III «Истории английского права» В. Голдсворта: W. Holdsworth, History of English Law, vol. I, London, 1903, Appendix, pp. 423—424, 426, 427, 431, 439, 440, 441; vol. III, London, 1909, pp. 499, 500.

1. ПРИКАЗ О РАССЛЕДОВАНИИ ПО ВЕЛИКОЙ АССИЗЕ[2]

а) Король шерифу привет. Запрети N. разбирать в своей курии тяжбу между М. и R. относительно одной гайды земли в такой-то деревне, о которой (гайде) R

[1] Шериф — королевский чиновник, стоявший во главе графства, председательствовал в собрании графства, собирал королевские доходы, стоял во главе военных сил графства, осуществлял связь между центральными и местными органами суда и управления.

[2] Слово ассиза в Англии XII—XIII вв. применялось в разных значениях. Иногда так назывались общегосударственные административные и судебные распоряжения (например, винная ассиза, суконная ассиза, Великая ассиза, Кларендонская ассиза и др.), как это имеет место в данном случае, иногда — особые виды судебных исков

возбудил иск против вышеупомянутого М, на основании моего приказа[1], если (тяжущиеся) не подвергнут себя риску судебного поединка, потому что М., который держит эту землю, положил себя на мою ассизу[2] и просит, чтобы было произведено расследование (через присяжных) о том, кто из них имеет больше прав на эту землю. Засвидетельствовано и так далее.

Glenvill, II. 8.

б) Король шерифу привет. Извести через верных посыльных четырех полноправных рыцарей из соседства деревни Сток (Stoke), чтобы они к концу Пасхи явились передо мной лично или перед моими судьями в Вестминстер для избрания под их присягой 12 полноправных рыцарей из той же местности[3], которые наилучшим образом знают истинное положение дела и должны будут расследовать в качестве присяжных, кто из двоих — М. или R. имеет больше прав на гайду земли в Stoke, о которой R. возбудил иск против М., на основании моего приказа, ввиду того, что М., который держит эту землю, положил себя на ассизу и просит произвести расследование о том, кто из них имеет больше прав на эту землю; и прикажи записать имена (этих присяжных). Сообщи также через верных (посыльных) М., чтобы он явился туда и узнал, кого назначили (присяжными).

Glenvill, II. 11.

по гражданским делам и процессы по этим искам (например, ассиза о новом захвате, ассиза о смерти предшественника и др.), а также комиссии присяжных, дававших показания в этих процессах.

Великая ассиза — особая форма судебного процесса, применявшаяся в тяжбах о свободном держании и введенная в употребление реформами Генриха II наряду со старой формой, при которой тяжба разбиралась в сеньориальном суде и решалась при помощи судебного поединка. В противоположность этому Великая ассиза разбиралась в королевском суде при помощи расследования через присяжных, которые должны были установить, кто из тяжущихся имеет больше прав на спорную землю. Обращение ответчика в королевский суд по Великой ассизе автоматически влекло за собой прекращение дела в сеньориальном суде.

[1] Имеется в виду королевский приказ, без которого по старой процедуре нельзя было возбудить иск о земле даже в сеньориальном суде.

[2] «Положить себя на ассизу» — значит получить за деньги королевский приказ о приостановке разбирательства в сеньориальном суде и начале расследования через присяжных.

[3] Присяжными по Великой ассизе могли быть только лица, имеющие официальное рыцарское звание.

2. ПРИКАЗ О РАССЛЕДОВАНИИ ПО АССИЗЕ UTRUM[1]

Король шерифу привет. Пошли вызов через верных посыльных двенадцати свободным и полноправным людям из соседства такой-то деревни, чтобы они явились передо мной лично или перед моими судьями в такой-то день готовые под присягой произвести расследование о том, является ли гайда земли, о которой N., священник церкви в этой деревне, возбудил иск против R. из этой же деревни, как о земле, находящейся в свободной милостыне этой церкви[2],— светским феодом этого R. или церковным феодом. И пусть они тем временем обследуют эту землю, а ты прикажи записать их (присяжных) имена. И вызови через верных посыльных вышеупомянутого R., который держит спорную землю, чтобы он явился туда услышать результаты этого расследования.

Glenvill, XVII. 24.

3. ПРИКАЗЫ О РАССЛЕДОВАНИИ ПО ВЛАДЕЛЬЧЕСКИМ АССИЗАМ[3]

(а) ПРИКАЗ О РАССЛЕДОВАНИИ ПО АССИЗЕ О НОВОМ ЗАХВАТЕ

Король шерифу привет. Пожаловался мне N., что R. незаконно и без (какого-либо) судебного решения лишил его владения (deseisivit) свободным держанием в такой-то

---

[1] Ассиза utrum — особая форма судебного процесса, введенная реформами Генриха II для тех случаев, когда суд должен был установить, является ли спорное свободное держание светским или церковным владением. Иски такого рода разбирались только в королевском суде с помощью расследования через присяжных.

[2] Земля, находящаяся в «свободной милостыни»,— земля, подаренная духовному лицу или церковному учреждению в вечное владение как бы посвященная богу, а поэтому свободная от рент, повинностей, а иногда и государственных налогов.

[3] Владельческими ассизами назывались особые формы исков — два о праве владения фригольдом, один — о праве церковного патроната — введенные в употребление реформами Генриха II, подлежавшие компетенции исключительно королевских судов и ведшиеся всегда с помощью расследования через присяжных. От Великой асси-

деревне после моего последнего путешествия в Нормандию. И поэтому приказываю тебе, если вышеуказанный N. представит тебе поручительство в том, что будет и дальше поддерживать свой иск (в суде)[1] возвратить ему это держание со всей движимостью, которая была там захвачена, и обеспечить ему мирное владение этим держанием и движимостью до конца Пасхи; и тем временем ты должен выбрать 12 свободных полноправных[2] людей из соседней округи для обследования этой земли, записать их имена и послать им вызовы через верных посыльных, чтобы к этому времени (к концу Пасхи) они явились бы передо мной лично или перед моими судьями, готовые произвести расследование. И обеспечь при помощи залога и верных поручителей, чтобы вышеупомянутый R. или его бейлиф, если его самого не найдут, явился к этому сроку туда же выслушать результаты этого расследования.

Glenvill, XIII. 33.

зы владельческие ассизы отличались тем, что они могли предъявляться только в случаях сравнительно недавнего захвата фригольда или права патроната, тогда как Великая ассиза могла использоваться независимо от того, когда и каким способом были нарушены права истца. Средневековые английские юристы под влиянием римского права пытались трактовать владельческие ассизы как иски о праве владения (possessio) в противовес Великой ассизе как иску о праве собственности (proprietas). Но так как в феодальной Англии такого разделения в сущности не было, то практически различия между этими двумя формами судебного процесса носили процессуальный характер. К числу владельческих ассиз относились ассизы «о новом захвате», «о смерти предшественника». Иногда к ним причисляли также ассизу utrum.

Ввиду большой простоты и быстроты процесса, по сравнению с Великой ассизой, эти формы иска с начала XIII века становятся наиболее распространенными в тяжбах о свободном земельном держании.

Ассиза «о новом захвате» применялась в случаях недавнего, как правило, насильственного захвата фригольда. В ответ на свою жалобу истец получал от короля приказ к шерифу о немедленном возвращении ему земли и о назначении присяжных для расследования дела в королевском суде.

[1] Поручительство и здесь, и во многих других случаях требовалось потому, что ввиду дороговизны процесса или давления со стороны более могущественного ответчика мелкие свободные держатели часто, возбудив иск, затем отказывались от него.

[2] Присяжными по этой, как и по другим «владельческим ассизам», могли быть не только лица, имеющие рыцарское звание, но и простые свободные держатели, которые, однако, обычно назначались из наиболее зажиточных и влиятельных.

(б) ПРИКАЗ О РАССЛЕДОВАНИИ ПО АССИЗЕ О СМЕРТИ ПРЕДШЕСТВЕННИКА[1]

Король шерифу привет. Если G. сын Т. представит тебе поручительство о том, что будет поддерживать в суде свой иск, то вызови через верных посыльных 12 свободных и полноправных людей из окрестностей такой-то деревни, чтобы они явились в такой-то день передо мною лично или перед моими судьями, готовые под присягой показать, владел ли Т., отец вышеуказанного G., в день своей смерти одной виргатой земли в такой-то деревне как своим доменом на праве наследственного феода[2], если он умер после моей первой коронации, и является ли этот G. его ближайшим наследником; и тем временем, пусть они осмотрят эту землю, а имена их прикажи записать. Пошли вызов через верных посыльных R., который (в настоящее время) держит эту землю, чтобы он также прибыл туда (в королевский суд) и выслушал бы (там) результаты расследования.

Glenvill, XIII. 3.

4. ПРИКАЗ О ПРАВЕ[3]

Король шерифу привет. Прикажи А., чтобы он по справедливости вернул В. одну гайду земли в такой-то деревне, так как этот В. жалуется, что вышеуказанный А.

[1] «Ассиза о смерти предшественника» применялась в тех случаях, когда кто-либо, обычно сеньор феода, препятствовал наследникам умершего держателя вступить во владение их наследственным земельным держанием. Иск начинался с приведенного в тексте приказа.

[2] Под феодом здесь подразумевается всякое свободное наследственное земельное владение вообще.

[3] Приказ о праве (breve de recto, writ of right) королевский судебный приказ, широко применявшийся после реформы Генриха II в тех исках о праве владения фригольдом, которые в отличие от Великой и владельческих ассиз еще оставались в компетенции сеньориальных судов. Он имел несколько разновидностей; обычный приказ о праве направлялся непосредственному сеньору истца с предписанием разобрать в его курии дело о свободном держании истца. Если сеньор не произвел разбирательства, то приказ о праве другого типа направлялся шерифу с предписанием передать дело в королевский суд. Если же истец был вассалом короля, то шерифу направлялся приказ о праве третьего вида («praecipe quod reddat»), предписывавший немедленно восстановить истца в правах, а в случае сопротивления ответчика вызвать последнего в королевский суд. Приведенный приказ относится к последнему типу. Приказ о праве во всех своих формах был одним из эффективных средств королевского вмешательства в сеньориальную юрисдикцию и контроля за ней.

насильственным образом удерживает ее, и если он не вернет (эту землю), то вызови его через верных посыльных, чтобы он явился туда-то передо мной или моими судьями на девятый день Пасхи и дал объяснение, почему он не вернул (землю), и представь туда имена посыльных и настоящий приказ.

Glenvill, I. 6.

5. МАЛЫЙ ПРИКАЗ О ПРАВЕ[1]

Король, бейлифам своим в маноре А. привет. Приказываем Вам, чтобы без промедления и согласно обычаю нашего манора А. Вы восстановили бы L. полностью в правах на владение усадьбой со всем к ней относящимся в J., которую G. у него отнял силой, с тем, чтобы мы больше не слышали бы жалоб на нарушения права.

Register printed 1687, f. 79
(приведен у W. Holdsworth, History of English Law, vol. III, Appendix, p. 499).

6. MONSTRAVERUNT[2]

Король аббату N. привет. Довели до нашего сведения (monstraverunt) твои люди из манора J., который как известно, является старинным доменом короны Англии, что

[1] Малый приказ о праве (parvum breve de recto) формально относился к группе приказов о праве, но, по существу, стоял особняком от них, так как он применялся только в отношении наследственных земельных наделов вилланов старинного домена короны, то есть тех маноров (феодальных поместий в средневековой Англии), которые до нормандского завоевания или по данным Книги Страшного Суда находились в руках королей и в силу этого пользовались некоторыми привилегиями даже после того, как перешли в другие руки. Малый приказ о праве, предписывавший лорду такого манора, захватившему надел своего виллана, вернуть ему землю по решению королевского суда, был важной привилегией вилланов старинного домена короны, так как в отличие от других вилланов позволял им обращаться в королевский суд с жалобой на их лордов.

[2] Приказ Monstraverunt также составлял привилегию вилланов старинного домена короны. С его помощью они в отличие от обычных вилланов могли возбуждать в королевском суде иски против своих лордов, в случае если те требовали с них больше повинностей, чем допускал обычай манора. Данный приказ, видимо, является итогом соответствующего судебного разбирательства.

ты требуешь с них другие (бóльшие) повинности и службы, чем те, которые они обязаны выполнять и имели обыкновение выполнять их предки — держатели этого манора в те времена, когда этот манор находился в руках наших предков, прежних королей Англии, или в наших руках. И поэтому приказываем тебе, чтобы ты не требовал и не позволял (никому) требовать с вышеуказанных людей других (больше) служб и повинностей, чем они обязаны выполнять, и их вышеуказанные предки выполняли в прежние времена. И если ты (сам) не выполнишь этого нашего распоряжения, мы прикажем выполнить его нашему шерифу Линкольншира.

Register printed 1687, f. 14
(W. Holdsworth, Ibidem)

7. О ВОЗВРАЩЕНИИ БЕГЛОГО КРЕПОСТНОГО
DE NATIVO HABENDO[1]

Король шерифу привет. Приказываю тебе, чтобы ты по справедливости и без промедления доставил бы А. лорду манора С., его беглого крепостного В., который бежал с его земли после коронации короля Генриха сына короля Джона, вместе со всем его движимым имуществом и со всей его семьей, где бы он ни был обнаружен в твоем округе, за исключением наших доменов[2]. И запрещаем кому-либо под страхом конфискации имущества незаконно удерживать его (у себя).

Register printed 1687, f. 87
(W. Holdsworth, Ibidem, p. 500)

---

[1] Приказ de nativo habendo выдавался без всякого судебного разбирательства по жалобе лорда беглого крепостного. В случае если последний не признавал себя вилланом, он должен был доказать свой свободный статус в суде, как это видно из следующего приказа. В этом ярко проявлялась феодальная антикрестьянская направленность английского общего права и судопроизводства, которое в данном вопросе заранее становилось на точку зрения лорда против его крепостного.

[2] Короли были заинтересованы в удержании на своих землях новых поселенцев, особенно в городах, расположенных на королевском домене.

8. О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ СВОБОДНОГО СТАТУСА (ЧЕЛОВЕКА)
DE LIBERTATE PROBANDO[1]

Король шерифу привет. Сообщили нам А. и его сестра В., что, хотя они являются свободными людьми и готовы доказать свое свободное состояние (в суде), Е., утверждая, что они являются его крепостными, незаконно преследует их[2]. Поэтому приказываю тебе, если указанные А. и В. представят поручительство в том, что они будут поддерживать (в суде) иск о доказательстве своей свободы, передать это дело на рассмотрение наших судей, как только они прибудут в твое графство на ближайшую сессию ассизного суда, ибо такого рода иски не относятся к твоей компетенции. И в течение этого времени обеспечь мир этим А. и В. и сообщи вышеупомянутому Е., чтобы он явился туда (в суд) и, если он пожелает, повел бы свою тяжбу против указанных А. и В.

Register printed 1687, f. 876
(W. Holdsworth, Ibidem, p. 500)

9. О НЕВЕРНОМ СУДЕБНОМ РЕШЕНИИ[3]

(а) В ОТНОШЕНИИ РЕШЕНИЯ СУДА ГРАФСТВА[4]

Генрих шерифу привет. Если А. представит тебе поручительство о том, что он будет поддерживать свой иск, то прикажи в полном собрании графства занести в протокол все обстоятельства тяжбы, которая разбиралась в суде графства, на основании нашего приказа о праве между

---

[1] С помощью этого приказа лица с неопределенным личным статусом, подвергавшиеся притеснениям со стороны лордов, считавших их крепостными, могли попытаться доказать свою личную свободу.

[2] Преследование со стороны лорда могло выражаться в требовании повышенных, и в частности, вилланских повинностей, в сгоне с земли и конфискации движимости за их невыполнение, то есть, по сути дела, означали попытки лордов закрепостить свободных или полусвободных еще крестьян.

[3] Две формы этого приказа использовались для возбуждения в королевском суде апелляций на решения сеньориальных судов и судов графства.

[4] Суд графства — собрание графства, одновременно судебный орган. Суд графства происходил под председательством шерифа и раз-

истцом А. и ответчиком В. в отношении одной усадьбы и 100 акров земли со всем, что к ним относится, поскольку А. жалуется на то, что в этом суде графства было вынесено (по этому делу) неверное решение; и ты должен представить эту запись, снабженную твоей печатью, нашим судьям в Вестминстере в такой-то день, через четырех полноправных рыцарей этого графства из числа тех, которые участвовали в составлении этого документа; вызови также через верных посыльных вышеуказанного В., чтобы он явился туда и выслушал бы содержание этой записи, и ты должен туда прислать имена посыльных и четырех рыцарей, а также настоящий приказ.

Fitz Herbert, Natura brevium, 1813 B.

(б) В ОТНОШЕНИИ РЕШЕНИЯ, ПРИНЯТОГО ФЕОДАЛЬНОЙ КУРИЕЙ

Король шерифу привет. Если А. представит поручительство в том, что будет поддерживать свой иск, то ты должен, взяв с собой четырех сведущих и полноправных рыцарей твоего графства, явиться в курию В. в (маноре) С., и в полном заседании этой курии составить протокол относительно тяжбы, которая велась там на основании нашего приказа о праве между истцом А. и ответчиком В. в отношении усадьбы, так как вышеуказанный А. жалуется, что в этой курии (по этому делу) было принято неверное решение; и эту запись за твоими печатями ты должен представить нашим судьям в Вестминстере в такой-то день через четырех полноправных людей — членов этой курии из числа тех, кто участвовал в составлении этой записи;... и ты должен туда прислать имена вышеуказанных четырех лиц и этот приказ.

Fitz Herbert, Natura brevium, 1813 D.

10. ПРИКАЗ О ВЗЫСКАНИИ ДОЛГА[1]

Король шерифу привет. Прикажи N., чтобы он по справедливости и без промедления уплатил бы R. сто

бирал мелкие гражданские и уголовные иски, ущерб по которым не превышал 40 шиллингов, а также некоторые тяжбы о земле по приказу о праве.

[1] Приказ о взыскании долга применялся в исках, возбуждаемых кредиторами против должников до издания Статута о купцах 1283 го-

марок, которые, по его словам, он ему должен; и так как R. жалуется, что тот N. незаконно задерживает долг, то если он не уплатит, пошли ему через верных посыльных вызов, чтобы он явился в Вестминстер передо мной или моими судьями через две недели после конца Пасхи и дал бы объяснения, почему он не платит долг. И представь туда имена посыльных (через которых посылался вызов в суд) и настоящий приказ.

Glenvill, X. 2.

11. ПРИКАЗ SCIRE FACIAS[1]

Король шерифу привет. Ввиду того, что I., сын C., первого июля в десятый год царствования господина Эдуарда, некогда короля Англии, нашего деда[2], в его Канцелярии, признал[3], что он должен B. и D. 20 фунтов, и обязался уплатить им в ближайший праздник Рождества 100 шиллингов, и в такой-то праздник — 100 шиллингов, и в такой-то ближайший праздник еще 10 фунтов, и так как нам стало известно, в результате просмотра протоколов канцелярии нашего деда, что он (I. сын C.) до сих пор ничего не уплатил, как говорят, а вышеупомянутые B. и D., согласно изданному впоследствии статуту[4] пожелали, чтобы в счет этих 20 фунтов им были переданы вся движимость и половина земли вышеуказанного I., сына C., с тем, чтобы владеть ими согласно форме вышеуказанного статута, приказываем тебе, чтобы ты довел до сведения

да. До этого статута долг не обеспечивался имуществом должника, и для взыскания его требовалось длительное судебное разбирательство в королевском суде.

[1] Приказ scire facias применялся для взыскания долгов по новой процедуре, созданной статутами о купцах 1283 и 1285 гг., которая была гораздо проще прежней и, не требуя судебного разбирательства, гарантировала кредитору своевременную уплату долга или возмещения из его движимости или земли, а должнику в случае неуплаты долга угрожала арестом и продажей его движимого и недвижимого имущества на сумму долга.

[2] Имеется в виду Эдуард I.

[3] Для того чтобы потребовать уплату долга согласно Статуту 1283 года, требовалось только наличие записи долга в Свитках Канцелярии.

[4] Имеется в виду Статут 1285 года, изданный при Эдуарде I, который разрешил взыскивать долг с должника не только за счет его движимости, но и за счет его земли.

вышеупомянутого I., сына С., чтобы он в такой-то день явился в нашу Канцелярию, где бы мы ни находились в Англии, и объяснил, если он имеет и может сказать что-либо в свое оправдание, почему он не считает себя обязанным передать вышеупомянутым В. и D., или одному из них в счет своего долга свое движимое имущество и половину своей земли согласно форме вышеуказанного статута. И ты должен прислать имена тех, через кого ты известил его, и настоящий приказ.

Register printed in 1687 298 B, 29.

12. ПРИКАЗ О РАССЛЕДОВАНИИ QUO WARRANTO[1]

Король шерифу привет. Пошли вызов А. через верных посыльных, чтобы он явился перед нашими судьями в Вестминстер в такой-то день показать, на каком основании (quo warranto) он пользуется правом проверки свободного поручительства[2] в деревне R. к ущербу нашей сотни В. без разрешения и воли нашей и наших предшественников, прежних королей Англии, и берет при этом штрафы за нарушение ассиз хлеба и пива[3] к немалому нашему ущербу и невыгоде. И пришли туда имена посыльных, через которых ты вызвал его, и настоящий приказ.

Vetera Natura brevium

[1] Приказ quo warranto — приказ о начале иска короны против феодалов иммунистов с целью выяснения, имеют ли они достаточно оснований для владения своими иммунитетными правами или пользуются ими незаконно, как узурпаторы прав короны.

[2] «Свободное поручительство» — особая система круговой поруки сельского населения в средневековой Англии. Все жители каждой деревни делились на десятки, члены которых были ответственны за поведение каждого человека, входившего в состав десятка. Два раза в год королевский чиновник-бейлиф сотни проверял состав десятков и попутно судил лиц, совершивших мелкие правонарушения. Право производить такую проверку и осуществлять связанную с ней юрисдикцию часто оказывалось в руках феодала-владельца деревни и превращалось в иммунитетную привилегию, которая иногда оспаривалась правительством, как это имеет место в данном случае.

[3] Ассизы хлеба и пива — государственные постановления, определявшие качество этих продуктов и цену на них.

13. ПРИКАЗ О НАЧАЛЕ ОБЩЕГО СУДЕБНОГО ОБЪЕЗДА
GENERAL EYRE[1]

ПРИКАЗ ОДНОВРЕМЕННО ВСЕМ СУДЬЯМ, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН СЛУЖИТЬ ИМ КАК ДОКУМЕНТ, УДОСТОВЕРЯЮЩИЙ ИХ ПОЛНОМОЧИЕ, И ДОЛЖЕН ЗАЧИТЫВАТЬСЯ ПРИ ОТКРЫТИИ СОБРАНИЯ ГРАФСТВА

Король своим возлюбленным и верным А., В., С., D. привет.

Знайте, что мы назначаем Вас нашими разъездными судьями в такое-то графство для разбора всех судебных дел и ассиз, как подлежащих компетенции нашей короны, так и других, которые возникли с тех пор, как наши разъездные судьи в последний раз производили объезд в этом графстве, а также (для разбора) тех дел, которые были начаты, но затем отложены и остались незавершенными перед нашими судьями (королевской) Скамьи в Вестминстере[2] или перед нашими разъездными судьями во время последнего судебного объезда в этом графстве, будь то разбор ассиз о новом захвате и смерти предшественника или освобождение тюрем[3], с тем, чтобы все эти ассизы и судебные дела были бы представлены Вам в том положении, в каком они были приостановлены по нашему приказу или (по приказу) наших разъездных судей или судей Скамьи. Мы поручили также шерифу нашему А., чтобы

---

[1] Общий судебный объезд — сессия разъездного королевского суда в данном графстве, на которой разбирались все подсудные короне дела, накопившиеся со времени предыдущей сессии разъездного суда, а также производились общие расследования по разного рода вопросам административного и финансового характера (capitala itineris) при помощи показаний местных присяжных. В XIII веке такие общие объезды в каждом графстве проводились довольно редко — обычно раз в 7 лет.

[2] Суд Королевской Скамьи — один из центральных королевских судов, ведавший главным образом уголовными процессами, разбором апелляций, а также дел, связанных непосредственно с интересами короля. Со второй половины XIII века постоянно заседал в Вестминстере.

[3] «Освобождение тюрем» — своеобразная разгрузка тюрем от случайных заключенных, ложно обвиненных лиц, мелких правонарушителей, которая производилась королевскими разъездными судьями во время общего судебного объезда или сессии ассизных судей в графстве (см. ниже).

он произвел (необходимые) вызовы, обеспечил бы явку перед Вами (всех тяжущихся) в тот день в то место, о котором вы его известите, и представил бы при этом приказы всех вышеуказанных ассиз и разбирательств. И мы Вам поручаем и просим Вас ради верности, которой Вы нам обязаны, чтобы Вы честно исполнили это поручение.

Bracton, De legibus, vol. II, p. 184.

14. ПРИКАЗ О СОЗЫВЕ (РАСШИРЕННОГО СОБРАНИЯ ГРАФСТВА) ПО СЛУЧАЮ СУДЕБНОГО ОБЪЕЗДА[1]

Король шерифу привет. Созови через верных посыльных всех архиепископов, епископов, аббатов, приоров, графов, баронов, рыцарей и свободных держателей со всего твоего округа, и от каждой деревни по четыре полноправных человека и старосту[2] и от каждого города (de burgo) по двенадцать полноправных горожан со всего твоего округа, чтобы (все они) явились в такое-то место, и в такой-то день, в такой-то год нашего царствования перед нашими возлюбленными и верными А., В., С., D., которых мы назначили для выслушивания и исполнения нашего предписания. Распорядись также. чтобы туда к тем же нашим судьям были представлены все судебные дела, подлежащие компетенции нашей короны, которые еще не рассмотрены. или возникли после последнего объезда наших разъездных судей в этом графстве, а также все прочие тяжбы и дела, и чтобы обеспечена была явка всех лиц, имеющих отношение к этим тяжбам и всех ассиз[3], и чтобы (были представлены) все дела. которые были положены нашими

---

[1] Сессия разъездного суда происходила на расширенном заседании собрания графства, на которое в отличие от обычных ежемесячных собраний графства должны были являться не только рыцари и фригольдеры графства — обязательные участники этих заседаний (sectatores), но и более крупные духовные и светские феодалы, а также по нескольку представителей от каждой деревни и города.

[2] Под четырьмя «полноправными людьми» и старостой надо понимать вилланов каждой деревни, которые вызывались на объезд обычно для дачи свидетельских показаний и участия в расследованиях по уголовным делам. Их «полноправие» было весьма относительным, так как никакого участия в решениях собрания графства они не принимали.

[3] Ассизы — здесь комиссии присяжных.

судьями на первую ассизу вместе с записями (решений) этих ассиз так, чтобы эти ассизы[1] и прочие дела не остались бы нерассмотренными из-за (какой-нибудь) твоей ошибки или небрежности в рассылке вызовов. Прикажи также публично объявить по всему твоему графству, чтобы все иски по ассизам и все (прочие) тяжбы, которые были задержаны или отложены и остались незавершенными в нашем Суде Скамьи или в разъездном суде во время последнего общего судебного объезда в твоем графстве, или в разъездном суде, назначенном специально для разбора ассиз о новом захвате и освобождении тюрем, были бы представлены нашим вышеуказанным судьям в таком-то месте и в том состоянии, в котором они были приостановлены по нашему распоряжению или распоряжению наших разъездных судов (во время последнего объезда) или наших судей Скамьи. Созови также через верных посыльных всех тех, кто исполнял обязанность шерифа в период после последнего нашего судебного объезда в этом графстве, чтобы они явились туда же перед нашими вышеупомянутыми разъездными судьями, имея при себе записи (решений) по ассизам и другим судебным делам, которые они приняли (к производству) в то время, когда были шерифами, для того, чтобы отчитаться как положено в своей деятельности перед разъездными судьями; и ты должен представить туда имена посыльных (через которых посылались вызовы) и настоящий приказ.

Bracton, De legibus, vol. II, p. 188.

15. О НАЗНАЧЕНИИ КОМИССИИ АССИЗНЫХ СУДЕЙ[2]

Король возлюбленным и верным своим R. M.— одному из судей Королевской Скамьи и J. L.— одному из судей суда coram rege (заседающего в личном присутствии ко-

[1] Ассизы — здесь судебные дела или иски.

[2] Ассизные судьи — комиссии разъездных судов, специально предназначенные для слушания гражданских дел главным образом по владельческим ассизам. В 1272 году особым ордонансом вся Англия была разделена на несколько областей, включавших по нескольку графств. К каждой из этих областей было прикреплено по два ассизных судьи. Согласно постановлению 1285 года (Второй Вестминстерский статут) ассизные судьи должны были проводить свои сессии в графствах три раза в год.

роля[1]) привет. Знайте, что мы назначаем Вас, наших судей, вместе с теми, кого мы назначим дополнительно, для рассмотрения всех ассиз, постановлений жюри (присяжных), поручительств о явке в суд (certificatio), представленных всякого рода судьям в графствах наших Гэмпшир, Уилтшир, Дорсетшир, Соммерсетшир, Девоншир и Корнуол на основании приказов господина Джона, прежнего короля Англии, нашего отца, или на основании различных наших приказов. И поэтому поручаем Вам в определенный день и в определенном месте, которое Вы назначите для этой цели, принять для рассмотрения все эти ассизы, постановления жюри и поручительства о явке в суд, а затем выполнять то, что согласно законам и обычаям Англии относится к правосудию. И пусть все штрафы и судебные доходы (от этих дел) поступают в нашу пользу. Мы приказали также шерифам вышеуказанных наших графств и городов обеспечить, чтобы в определенный день и в определенное место по Вашему указанию Вам были представлены все эти ассизы, комиссии присяжных и поручительства вместе с первоначальными судебными приказами и всеми прочими (документами), к ним относящимися.

E. Coke, 4th Institute, 158.

[1] Суд coram rege — высший королевский суд, заседания которого должны были происходить в присутствии короля. До середины XIII века таким судом считался Суд Королевской Скамьи, позднее Суд Королевского Совета, особенно же его торжественные заседания во время сессий парламента, иногда происходившие в самом парламенте.

2. ВЕЛИКАЯ И КЛАРЕНДОНСКАЯ АССИЗЫ

ЕЛИКАЯ и Кларендонская ассизы были изданы при короле Генрихе II (1154—1189), который вступил на английский престол после длительного периода феодальных смут и усобиц (1134—1153), происходивших в связи с борьбой за престол между наследниками Генриха I. Во время этих усобиц власть центрального правительства фактически была сведена к нулю, а крупнейшие феодалы Англии, расширив свои земельные владения и привилегии, приобрели почти полную политическую самостоятельность. Генрих II пришел к власти в 1154 году, опираясь на те социальные силы, которые были заинтересованы в прекращении междоусобных войн, в обуздании произвола крупных феодалов и в укреплении королевской власти: на горожан, мелких феодалов, свободное крестьянство. Первые же мероприятия нового короля были направлены на ликвидацию последствий феодальной смуты и максимальное укрепление королевской власти. У крупных феодалов-баронов отнимались земли и иммунитетные права, узурпированные ими за счет короны во время войны, срывались замки, возведенные без разрешения короля, были распущены вооруженные отряды, содержавшиеся баронами, и т. д. Подорвав таким образом военную и финансовую мощь крупных феодалов, Генрих II, опираясь на поддержку и сочувствие значительной части широких слоев свободного населения страны, в 60—70-х годах XII века повел новое серьезное наступление на политические привилегии феодальной аристократии в целях усиления центральной королевской власти.

Особенно большую роль в ходе централизации английского феодального государства сыграла так называемая «судебная реформа» Генриха II. Эта реформа проводилась им постепенно, в течение ряда лет при помощи издания судебных ассиз[1], представлявших собою не столько торже-

[1] О термине «ассиза» см. примечание 2 на стр. 103.

ственные законодательные акты, сколько административные распоряжения-инструкции, которые передавались королевским разъездным судьям, направлявшимся в графства для того, чтобы творить там суд от имени короля. Наиболее важными из этих ассиз были Великая ассиза и Кларендонская ассиза.

Дата издания первой из них точно не известна. Официального текста этой ассизы не сохранилось, и ее содержание дошло до нас лишь в изложении известного юриста и политического деятеля конца XII века Гленвилля в его трактате De Legibus Angliae. Кларендонская ассиза была издана в 1166 году в форме инструкции разъездным судам. Обе ассизы были направлены одновременно как против старой изжившей себя судебной расправы — «божьего суда», господствовавшей в Англии до этого времени с ее ордалиями, судебными поединками, соприсяжничеством, так и против сосредоточения юрисдикции в иммунитетных сеньориальных куриях.

Великая ассиза вводила новую форму судебного процесса по делам о свободном земельном держании. Наряду с судебным поединком, при помощи которого обычно велись такие дела в сеньориальных судах, допускалось теперь расследование через присяжных, которое ранее применялось в королевских судах только по искам, затрагивающим интересы короны или ее непосредственных вассалов. Великая ассиза разрешала всякому свободному держателю, земельные права которого кем-либо оспаривались, вести свое дело при помощи расследования через присяжных. Не отменяя формально судебного поединка, ассиза создавала условия для его постепенного вытеснения, так как каждый, кто мог купить соответствующий королевский приказ, стремился прибегнуть к новой процедуре, которую Гленвилль называет «благодеянием». Великая ассиза могла применяться независимо от того, когда и каким образом были нарушены земельные права истца или ответчика, то есть без каких-либо ограничений. С другой стороны, приобретение одной из тяжущихся сторон приказа о начале процесса по Великой ассизе автоматически влекло за собой прекращение дела в сеньориальном суде и перенесение его в королевский суд. Расследование через присяжных было привилегией королевского суда, тогда как сеньориальные суды по-прежнему могли решать земельные тяжбы только с помощью судебного поединка.

Таким образом, формально не лишая иммунитетные суды права разбирать иски о свободном земельном держании, Великая ассиза практически значительно сокращала количество таких исков, разбиравшихся в этих судах, а следовательно, и размеры судебных доходов лордов-иммунистов.

Нужно, однако, иметь в виду, что «благодеяние» Великой ассизы распространялось только на лично свободных людей, так как в XII веке, как правило, свободное держание не могло находиться в руках крепостного — виллана. Кроме того, приобретение приказа о начале иска по Великой ассизе было сопряжено со значительными денежными затратами и поэтому недоступно многим лично свободным, но малоимущим людям.

Кларендонская ассиза вводила ряд новшеств в область уголовного процесса; не отменяя «божьего суда», она значительно ограничивала на практике сферу его применения.

Во-первых, ассиза ввела институт «обвинительных присяжных» (большое жюри), то есть проведение в каждой сотне и графстве расследований о лицах, подозреваемых в уголовных преступлениях. На основании этих обвинений подозреваемые передавались в суд, где должна была выясняться их виновность или невиновность. Во время судебного разбирательства ордалии отводилось второстепенное место, так как установление виновности в основном зависело от расследования через присяжных.

В то же время Кларендонская ассиза передавала все уголовные дела, возбужденные по показаниям обвинительных присяжных, в компетенцию королевского суда, а право на имущество осужденных преступников — короне. Тем самым она значительно ограничивала судебные права и доходы крупных феодалов. Кроме того, ассиза разрешала шерифам, не считаясь с иммунитетными правами феодалов, вступать на иммунитетные территории для поимки уголовных преступников или для проверки установленной круговой поруки[1] в курии лорда.

Ряд статей ассизы был направлен против бродяг, беглых людей и их укрывателей в сельских местностях

[1] Проверка состава десятков, на которые делилось в XII—XIII вв. все сельское население Англии. Члены десятков были связаны между собой круговой порукой. (Подробно об этом см. прим. 2 на стр. 113).

и особенно в городах. Рассматривая бродяг и беглых как потенциальных уголовных преступников, ассиза в то же время дает некоторые основания предполагать, что под «бродягами» и «беглыми» здесь подразумеваются отчасти беглые вилланы, забота о поимке которых возлагается на королевскую администрацию. В пользу такого толкования говорит статья 16, где в качестве поручителей за таких беглых людей упоминаются их лорды.

Вообще же Кларендонская ассиза не проводит различий между свободными и вилланами в отношении уголовной юрисдикции: все уголовные преступники, свободные и зависимые, подлежат королевскому суду. Как и все централизаторские мероприятия короны Великая и Кларендонская ассизы для своего времени имели, несомненно, прогрессивное значение: они ослабляли феодальный сепаратизм и укрепляли централизованное феодальное государство, которое в условиях XII века было необходимо для дальнейшего успешного экономического развития страны. Однако эти ассизы, как и все законодательство Генриха II, стояли на чисто феодальной почве и не содержали в себе ничего антифеодального, как это пытаются нередко представить буржуазные историки. Ассизы Генриха II были направлены не против феодализма в целом, но лишь против крупных феодалов, отражая борьбу за централизацию, которая шла в рамках господствующего класса. Сама же эта централизация проводилась в интересах основной массы господствующего класса — мелких и средних феодалов, которые получили главные выгоды и от расширения компетенции королевских судов, и от новых форм судебной защиты свободного держания, и от новых способов борьбы с уголовными преступлениями, прокламированных в Великой и Кларендонской ассизах.

Феодальная сущность этих ассиз особенно отчетливо проявляется в том, что они резко противопоставляют свободного человека — виллану в исках о земле (Великая ассиза) и, по существу, ставят вне защиты закона беглых крепостных (Кларендонская ассиза). Таким образом, ассизы Генриха II положили начало официальному введению в английское «общее право» чисто феодального принципа «исключения вилланства» (exceptio villenagii), который полностью лишал вилланов защиты королевских судов в отношении их имущественных, в частности, земельных прав. Этим ассизы Генриха II определили на долгое

время бесправие вилланов в феодальном английском обществе.

Тексты Великой и Кларендонской ассиз печатаются с сокращениями в русском переводе Д. М. Петрушевского, сделанном с латинского оригинала и опубликованном в сборнике документов «Памятники истории Англии XI—XIII вв.», Соцэкгиз, 1936.

(а) ВЕЛИКАЯ АССИЗА

7. Великая ассиза есть некое королевское благодеяние, милостью государя по совету магнатов народам пожалованное, которым жизни людей и целости государства оказывается такая спасительная забота, что если кто желает сохранить за собою право на ту землю, какою он владеет как свободным держанием, то люди могут отстранить двусмысленный исход поединка[1]... Из великой справедливости ведь возникло это правовое установление; ибо право, которое после многих и длинных отсрочек едва выясняется через поединок, благодаря благодеянию этого установления удобнее и скорее обнаруживается. Ибо ассиза эта не ожидает столько законных отсрочек, сколько поединок, как это будет видно из последующего. А благодаря этому сберегаются и труд людей и издержки бедных. Кроме того, насколько больший имеет вес в судебных делах данное слово многих достойных свидетелей, чем только одного, настолько на большей справедливости зиждется это установление, чем поединок. Ибо в то время, как поединок возникает из свидетельства одного присяжного, это установление требует присяги по меньшей мере двенадцати полноправных людей.

[1] Судебный поединок был введен в Англии после нормандского завоевания. Сражались боевыми топорами, причем каждая сторона имела право выставить вместо себя заместителя. Некоторые церковные учреждения держали на жаловании лиц, обязанных сражаться за них на суде. К поединку прибегали лишь после того, как были исчерпаны другие способы выяснения дела (через принесение присяги ответчиком). Если побежденная на поединке сторона была недовольна решением суда, она имела право вызвать на поединок всех членов суда и этим крайне затянуть процесс.

Начинают дело по этой ассизе в таком порядке. Тот, кто с самого начала положил себя на ассизу[1], испросит приказ о мире[2] для того, чтобы впредь не быть привлеченным в суд противником силою приказа, благодаря которому между ними перед этим возникло судебное дело о держании, из-за которого держащий положил себя на ассизу.

10. Посредством таких приказов приобретает мир тот, кто держит и кладет себя на ассизу до тех пор, пока противник, явившись в курию, испросит другой приказ, чтобы четырьмя полноправными рыцарями из графства и из соседства было избрано двенадцать полноправных рыцарей из того же соседства, которые под присягою скажут, кто из тяжущихся имеет больше прав на искомую землю...

12. Но следует иметь в виду, что когда в курию появляются в назначенный заранее день четыре рыцаря, готовые избрать двенадцать других.., то явится ли или не явится тот, кто держит, тем не менее этими четырьмя рыцарями и под их присягой будет произведено избрание двенадцати...

14. После того, как произведено будет избрание двенадцати рыцарей, они должны быть приглашены явиться в курию, готовые сказать под присягой, кто из них, то есть держащий или ищущий большее имеет право в своем иске...

16. В день же, заранее назначенный двенадцати рыцарям для производства расследования, придет ли тот, кто держит, или не придет, расследование это без замедления должно быть произведено.

17. Затем приступают к расследованию, хорошо ли известно самое право самим присяжным, или же некоторые знают, а некоторые не знают, или никто не знает. Если никто из них не знал правды об этом и это было засвидетельствовано в курии клятвою их, то следовало обратиться к другим, пока не найдутся такие, которые знают правду об этом деле. Если же некоторые из них знают правду об этом, а некоторые не знают, тогда, отстранив незнающих, следует призвать в курию других, пока не найдется по крайней мере двенадцати согласных в этом. Затем, если некоторые из них будут говорить в пользу одного, а некоторые в пользу другого из тяжущихся,

[1] То есть просит, чтобы его дело разбиралось в суде присяжными.

[2] Приказ о прекращении дела, уже начатого в обычном порядке.

должны быть присоединены к ним другие, пока по крайней мере двенадцать будут согласно показывать в пользу той и другой стороны. Каждый из тех, кто был призван для этого, должен присягнуть, что он не будет говорить об этом неправды и, зная, не будет скрывать правды; а чтобы иметь знание тем, кто приносит присягу об этом, требуется, чтобы они знали об этом через посредство собственного зрения и слуха или со слов своих отцов или со слов, которым бы они верили как собственным.

Glanvill, De Legibus Angliae, lib. II, c. 7.

(б) КЛАРЕНДОНСКАЯ АССИЗА

(1166 г.)

Начинается Кларендонская ассиза, изданная королем Генрихом II с согласия архиепископов, епископов, аббатов, графов, баронов всей Англии.

1. Прежде всего постановил названный выше король Генрих по совету всех баронов своих для охраны мира и сохранения правосудия, чтобы по отдельным графствам производилось расследование и по отдельным сотням через посредство двенадцати полноправных людей сотни и через посредство четырех полноправных людей каждой деревни под клятвой, что они будут говорить правду: есть ли в их сотне или в их деревне какой-либо человек, которого на основании фактических данных или по слухам обвиняют в том, что он разбойник, тайный убийца или грабитель или такой, который есть укрыватель разбойников или тайных убийц или грабителей после того, как государь король стал королем. И это судьи пусть расследуют в своем присутствии, а шерифы в своем.

2. И если окажется, что обвиняемый на основании фактических данных или на основании слухов, на основании клятвенных показаний названных выше есть действительно разбойник, или тайный убийца, или грабитель, или укрыватель их после того, как государь король стал королем, то он должен быть арестован, подвергнут испытанию водой и даст клятву, что не был разбойником или тайным убийцею или грабителем, или укрывателем их после того, как государь король стал королем.

3. И если сеньор того, кто был арестован, или его управляющий, или люди его попросят дать его им на по-

руки в течение трех дней после того, как он был арестован, пусть будет отдан на поруки и сам он и его имущество, пока не явится сам он на испытание.

4. И когда разбойник, или тайный убийца, или грабитель, или укрыватели их будут арестованы на основании названных выше клятвенных показаний, то если судьи так скоро не явятся в графство, где они были арестованы, то шерифы доведут до сведения ближайшего судьи через какого-либо сведущего человека, что они арестовали таких людей, и судьи с своей стороны известят шерифов, куда они хотят, чтобы к ним привели арестованных; и шерифы пусть приведут их перед судьями; и вместе с ними пусть приведут из сотни и из деревни, где они были арестованы, двух полноправных людей для доставки ведомости графства и сотни о том, почему они были арестованы; и здесь перед судьею они (арестованные) подвергнутся испытанию.

5. И над теми, кто был арестован на основании названных выше клятвенных показаний этой ассизы, никто не имеет права суда и никто не может брать их имущество, кроме государя короля в своей курии перед судьями его, и государь король будет получать все имущество их. Относительно же тех, которые будут арестованы иначе, чем на основании этой клятвы, пусть будет так, как обыкновенно это бывает и должно быть.

6. И шерифы, которые арестуют их, пусть приводят их перед судьею без другого приглашения, кроме того, которое они уже получили. И когда разбойники, или тайные убийцы, или грабители и укрыватели их, которые были арестованы на основании клятвенных показаний или иным путем, передаются шерифам, эти последние должны принимать их немедленно же без замедления.

7. И в каждом отдельном графстве, где нет тюрем, они должны быть сооружены в бурге или каком-нибудь замке короля на деньги короля и из его дерева, если оно находится близко, или из дерева ближайшего леса, под наблюдением слуг короля для того, чтобы шерифы могли в них держать под стражей через посредство должностных лиц, которые обыкновенно это делают, и их слуг тех, которые были арестованы.

8. Желает также государь-король, чтобы все являлись в собрания графств для принесения этой клятвы так, чтобы никто не оставался дома в силу какой-нибудь имеющейся у него привилегии или в силу того, что он сам имеет

свою собственную курию или соку[1] и поэтому может не являться для принесения этой клятвы.

9. И пусть не будет никого на территории замка и за пределами замка, а также и в баронии Уолингфорд, кто бы вздумал воспретить шерифам входить в его курию или на его землю для смотра свободных поручителей, и чтобы все были под поручителями; и перед шерифами пусть вступают под свободное поручительство.

10. И в городах или в бургах пусть ни у кого не будет людей, и никто не принимает в дом свой, или на землю свою, или на свою соку (людей), за которых он не даст поручительства, что представит их перед судьею, если их потребуют, или что они находятся в союзах свободного поручительства.

11. И пусть никого не будет в городе, или в бурге, или в замке, или за их пределами, а также и в баронии Уолингфорд, кто вздумал бы воспретить шерифам вступать на свою землю или на свою соку для ареста тех, о которых на основании фактических данных или на основании слухов говорят, что они разбойники, или тайные убийцы, или грабители, или укрыватели их, или объявлены вне закона, или обвиняются в нарушении лесных законов; но повелевает (государь король), чтобы все помогали шерифам в задержании (преступников).

12. И если кто будет арестован, у кого найдено было что-либо, что было взято во время разбоя или грабежа и если он имеет худую славу, и о нем имеются дурные свидетельства, и у него нет поручителя, то он не должен подвергаться испытанию. А если он не имел дурной репутации, то за найденное у него он должен итти на испытание водой.

13. И если кто сознался перед полноправными людьми или перед собранием сотни в разбое, или тайном убийстве, или грабеже, или в укрывательстве их, а потом захотел отрицать это, он не должен подвергаться испытанию.

14. Желает также государь король, чтобы те, которые подвергнутся испытанию и выйдут чистыми из испытания, но в то же время пользуются самой дурной славой и по свидетельству многих и полноправных людей считаются способными на самые предосудительные поступки, оставили пределы земель короля так, чтобы в течение восьми

[1] «Сока» — право юрисдикции, а также территория, находящаяся под частной юрисдикцией какого-либо лорда.

дней переехали море, если только их не задержит неблагоприятный ветер, и с первым же благоприятным ветром они переедут море и после этого не вернутся в Англию иначе, как по особой милости государя короля; пусть они будут объявлены поставленными вне закона; и если вернутся, должны быть арестованы как поставленные вне закона.

15. И запрещает государь король, чтобы какой-либо бродячий человек (vaibus), то есть бродяга (vagus) или никому неизвестный, находил пристанище где-либо, кроме бурга, и чтобы и здесь он находил пристанище не больше, как лишь на одну ночь, если только он здесь не заболеет, сам он или его конь, благодаря чему может указать вполне допустимое оправдание.

16. И если он пробудет там больше одной ночи, он должен быть арестован и находиться под арестом, пока не явиться его сеньор, чтобы поручиться за него, или пока не представит надежных поручителей; и тот подобным же образом должен быть арестован, кто дал ему пристанище.

18. И все шерифы должны заносить в списки всех беглых, которые бежали из их графств; и это они должны делать перед собраниями графств; и имена их, внесенные в списки, они принесут судьям, как только они явятся к ним (в графства), чтобы они разыскивались по всей Англии, а имущество их было взято в пользу короля.

3. ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ

(1215 г.)

ОДПИСАНИЕ Великой Хартии вольностей английским королем Иоанном Безземельным в июне 1215 года завершило первый этап борьбы, приведшей уже в конце XIII века к образованию в Англии сословной монархии. На этом этапе в борьбе за ограничение королевской власти наряду с баронством приняло участие также рыцарство, а отчасти горожане и верхушка свободного крестьянства. В ходе вооруженной борьбы с королем бароны, возглавлявшие движение, предъявили королю требования, известные под названием «баронских статей», которые легли в основу официального текста Великой Хартии вольностей, изданного от имени короля. Великая Хартия вольностей как политический и правовой источник интересна прежде всего тем, что она отразила общее соотношение социально-политических сил в стране в тот период, причины недовольства разных слоев населения королевской политикой, экономические и политические требования различных социальных элементов оппозиции, а также общее состояние судебно-административной системы английского феодального государства в начале XIII века.

Полный текст Великой Хартии вольностей насчитывает 63 статьи, которые расположены без определенной системы и касаются самых различных вопросов.

Все эти статьи можно разделить на три основные группы:

1) Статьи, отражающие материальные интересы разных социальных слоев (ст. ст. 1—11, 13, 16, 27 и другие).

2) Статьи, претендующие на установление новых политических порядков, в частности на ограничение королевской власти (ст. ст. 12, 14, 39, 61),— так называемые конституционные статьи.

3) Статьи, подтверждающие ранее существовавший или вновь создаваемый порядок работы судебных и административных органов, а также пресекающие злоупотреб-

ления королевского аппарата в центре и на местах (ст. ст. 17—22, 24, 25, 34, 36, 38, 40 и др.).

В первой группе основное место, безусловно, занимают материальные требования баронов — непосредственных вассалов короля — как по количеству статей, так и по конкретности и детальности их формулировки. Хартия определяет феодальные права короля и обязанности его вассалов, ограничивая фискальный произвол короны по отношению к ним (особенно ст. ст. 2—11).

Материальные интересы рыцарства и свободных держателей представлены в хартии гораздо более скупо и выражены менее определенно (например, ст. ст. 15, 16. 27). Еще слабее отражены интересы горожан. Основная статья, посвященная им,— статья 13 — лишь подтверждает права городов на ранее полученные вольности. Статья 35, устанавливающая единство мер и весов в стране, хотя, несомненно, тоже была в интересах горожан, но имела и более общее значение.

Что касается интересов крепостного крестьянства — вилланов, то они вовсе не нашли в Хартии отражения. Исключение составляет лишь статья 20, где король обязуется впредь не взыскивать штрафов с вилланов за счет их основного инвентаря.

Однако из контекста видно, что эта статья имела в виду в первую очередь интересы феодалов, опасавшихся, чтобы разорение вилланов феодальным государством не помешало бы этим вилланам исправно выполнять их барщину или платить ренту своим лордам.

«Конституционные статьи», которые издавна служили для буржуазных историков поводом восхвалять Великую Хартию вольностей как «краеугольный камень» английской свободы и демократии, в действительности выражают политические идеалы баронов, их стремление к установлению в стране режима олигархии. Эти статьи ограничивали короля лишь в пользу баронской верхушки, но ничего не давали в этом отношении ни рыцарству, ни горожанам, ни свободному, а тем более крепостному крестьянству. Так, статья 12 ограничивала фискальные права короны только в отношении взимания феодального вспомоществования и щитовых денег, то есть тех платежей, которые обязаны были платить королю его непосредственные вассалы, но ничего не говорила о поземельном налоге, талье, налогах на движимость, взимавшихся тогда и с других слоев населения. Статья 14, устанавливавшая состав «Общего совета

королевства», который разрешал сбор феодальных поборов, указывала, что этот совет должен состоять только из непосредственных вассалов короля, то есть преимущественно из баронов. Статья 39, которая без всяких оснований рассматривалась многими буржуазными историками как первая формулировка демократического принципа «неприкосновенности личности», в действительности защищала лишь личность и имущество тех же баронов. Правда, здесь как будто бы речь шла о всяком «свободном человеке», но весь контекст этой статьи, которая устанавливала обязательность сословного суда пэров для наказания «свободного человека» и то, что на этого человека король должен «идти», то есть посылать войско, указывает, что в статье подразумевался отнюдь не всякий свободный человек, но именно крупный феодал-барон. Цель этой статьи в том, чтобы изъять баронов из-под действия обычных королевских судов и «общего права», поставив их в особо привилегированное положение.

Наконец, статья 61, прокламировавшая создание комитета 25 баронов для контроля за деятельностью короля и соблюдением Великой Хартии вольностей и узаконивавшая войну баронов против короля в случае его неподчинения комитету, носила явно олигархический характер, обнаруживая далеко идущие планы баронских вождей оппозиции 1215 года.

Несколько иное соотношение наблюдается в третьей группе статей, посвященной общим судебно-административным вопросам.

Правда, в них также совершенно отсутствуют упоминания о вилланах (если не считать уже отмеченной выше ст. 20). Это, впрочем, вполне понятно, так как вся судебная система феодальной Англии, сложившаяся к началу XIII века, строилась на принципе «исключения вилланства». Великая Хартия вольностей целиком стоит на почве этого феодального принципа, тем самым лишний раз подчеркивая полное бесправие вилланов в английском феодальном обществе.

В то же время в подавляющем своем большинстве судебно-административные статьи Великой Хартии официально утверждали те порядки, которые сложились в стране после реформы Генриха II, боролись с злоупотреблениями королевских чиновников, то есть, по существу, способствовали укреплению и совершенствованию новой более централизованной судебно-административной систе-

мы. Великая Хартия оставила в силе широкое применение расследования через присяжных в имущественных исках (ст. ст. 18, 19, 20), приоритет королевских судов в разборе всех подсудных им дел, прокламировала отказ от платы за разбор уголовных дел в королевском суде (ст. 32). Такого рода статьи, несомненно, отражали наряду с интересами самой короны также интересы рыцарства, верхушки свободного крестьянства и отчасти горожан, нуждавшихся в укреплении централизованной судебно-административной системы, и были невыгодны баронам.

Однако и в этом вопросе бароны сумели выговорить себе отдельные уступки. Среди этих общих статей Великой Хартии вольностей есть две статьи, которые явно противоречат сложившейся судебной системе, изымая из-под ее действия представителей баронства. Это — статья 21, которая в противовес 20 статье запрещала королю налагать штраф на графов и баронов без решения их пэров, то есть сословного суда, тогда как все прочие свободные люди штрафовались по решению обычного суда, основанному на показаниях присяжных (ст. 20); и статья 34, которая запрещала королевское вмешательство в дела феодальных курий при помощи приказа Praecipe. Хотя в этой статье, как и в 39-й, речь идет о правах «всякого свободного человека», но так как владельцам судебной курии в действительности мог быть только феодал и притом обычно крупный, то очевидно, что эта статья отражала интересы баронства.

Следует отметить факт подстановки понятия «свободный человек» вместо понятия барон в 34 и 39 статьях, который едва ли можно объяснить случайностью или небрежностью составителей Хартии. Скорее в этой подстановке следует видеть сознательную маскировку баронами их наиболее реакционных требований.

Таким образом, рассматривая Великую Хартию вольностей с точки зрения отраженных в ней социальных тенденций, можно сделать следующие общие выводы:

1. Она представляет собой документ чисто феодальный, основанный на принципе «исключения вилланства» и подтверждающий бесправие последнего.

2. В ней, безусловно, превалируют экономические и политические интересы баронства, нашедшие свое наиболее полное выражение в ее так называемых конституционных статьях, которые носят, несомненно, феодально-реакционный характер, так как в конечном итоге направлены на

подрыв достигнутого уровня государственной централизации в интересах наиболее реакционных элементов господствующего класса.

3. Интересы других свободных слоев населения представлены в Великой Хартии гораздо слабее и бледнее, причем наиболее ясное и полное выражение они нашли в ее судебно-административных статьях. Эти последние в то же время отражают наиболее прогрессивные тенденции в развитии английского феодального государства того времени.

Совершенно очевидно, что Великая Хартия вольностей — противоречивый документ. Она очень наглядно отразила противоречия, существовавшие в начале XIII века внутри господствующего класса Англии, и явилась результатом широкого соглашения, завершившего политический конфликт, происходивший между баронством, рыцарством и главой феодального государства — королем. В силу ее внутренней противоречивости Великую Хартию в целом нельзя рассматривать ни как документ феодальной реакции, ни как документ с исключительно прогрессивными тенденциями. В ней переплетается и то, и другое.

Следует, однако, заметить, что если в 1215 году на первый план выступали ее наиболее реакционные черты, то при дальнейших неоднократных подтверждениях Великой Хартии вольностей в XIII веке эти реакционные конституционные статьи постепенно исчезли из нее, тогда как многие статьи, касающиеся суда и администрации, не только сохранились в тексте Хартии, но неоднократно подтверждались статутами XIII века и вошли в фонд «общего права». Очевидно, эти статьи в силу своей прогрессивности оказались наиболее нужными и жизнеспособными, тогда как политические идеалы баронства, враждебные не только короне, но и низшим слоям господствующего класса, а также горожанам и верхушке свободного крестьянства, оказались нереальными и никогда не были осуществлены на практике.

Великая Хартия вольностей печатается ниже со значительными сокращениями в переводе Д. М. Петрушевского, опубликованном в сборнике документов: «Памятники истории Англии XI—XIII века», Соцэкгиз, 1936.

[Извлечения]

1. Во-первых, дали мы перед богом свое согласие и настоящей хартией нашей подтвердили за нас и за наследников наших на вечные времена, чтобы английская церковь была свободна и владела своими правами в целости и своими вольностями неприкосновенными, что явствует из того, что свободу выборов, которая признается важнейшей и более всего необходимой английской церкви, мы по чистой и доброй воле, еще до несогласия, возникшего между нами и баронами нашими, пожаловали и грамотой нашей подтвердили и получили подтверждение ее от сеньора папы Иннокентия Третьего, которую и мы будем соблюдать и желаем, чтобы ее добросовестно на вечные времена соблюдали и наследники наши. Пожаловали мы также всем свободным людям королевства нашего за нас и за наследников наших на вечные времена все нижеписанные вольности, чтобы имели их и владели ими они и их наследники от нас и от наследников наших.

2. Если кто из графов или баронов или других держателей[1], держащих от нас непосредственно (in capite) за военную повинность, умрет, и в момент его кончины наследник его будет совершеннолетним и обязан будет платить рельеф[2], то он (наследник) должен получить свое наследство после уплаты старинного рельефа, то есть наследник или наследники графа (должны уплатить) за целую графскую баронию сто фунтов (стерлингов), наследник или наследники барона за целую баронию 100 фунтов, наследник или наследники рыцаря, владеющего целым рыцарским фьефом[3], 100 шиллингов самое

---

[1] «Держание» (tenementum) — обычное в средневековой Европе обозначение условного земельного владения, за которое его владелец — «держатель» должен был выполнять какие-либо повинности или уплачивать денежную ренту в пользу вышестоящего феодала — собственника этой земли. Термин этот в Англии XII—XV вв. применялся и к привилегированным военным держаниям (рыцарский фонд), и к свободным крестьянским держаниям, и к землям, которые находились в пользовании крепостных крестьян-вилланов, хотя за этим общим обозначением скрывались в действительности совершенно различные социальные взаимоотношения.

[2] Рельеф — феодальный платеж, который уплачивался сеньору наследником его вассала-держателя земли за военную службу за право вступить во владение своими наследственными землями (феодом, баронией) после смерти своего предшественника.

[3] Фьеф, то есть феод.

большее; кто меньше должен платить, пусть и дает меньше, согласно древнему обычаю фьефов.

3. Если же наследник кого-либо из таких (держателей) окажется несовершеннолетним и находящимся под опекой, то, достигнув совершеннолетия, пусть получает свое наследство без уплаты рельефа и пошлины.

6. Наследники будут вступать в брак так, чтобы не было неравного брака и таким притом образом, чтобы до заключения брака об этом доводилось до сведения близких из кровных родственников самого наследника.

8. Никакая вдова не должна быть принуждаема к браку, пока желает жить без мужа; так, однако, чтобы представила ручательство, что не выйдет замуж без нашего согласия, если она от нас держит, или без согласия своего сеньора, от которого она держит, если она от кого-либо другого (а не от нас) держит.

9. Ни мы, ни наши чиновники не будем захватывать ни земли, ни дохода с нее за долг, пока движимости должника достаточно для уплаты долга; и поручители самого должника не будут принуждаемы (к уплате его долга), пока сам главный должник будет в состоянии уплатить долг; и если главный должник окажется не в состоянии уплатить долг, не имея откуда заплатить, поручители отвечают за долг; и если пожелают, могут получить земли и доходы должника и владеть ими до тех пор, пока не получат возмещения долга, который они перед этим за него уплатили, если только главный должник не докажет, что он уже рассчитался с этими поручителями.

12. Ни щитовые деньги, ни пособие (auxilium) не должны взиматься в королевстве нашем иначе, как по общему совету королевства нашего (nisi per commune consilium regni nostri), если это не для выкупа нашего из плена, и не для возведения в рыцари первородного сына нашего и не для выдачи первым браком замуж дочери нашей первородной; и для этого должно выдавать лишь умеренное пособие; подобным же образом надлежит поступать и относительно пособий с города Лондона.

13. И город Лондон должен иметь все древние вольности и свободные свои обычаи как на суше, так и на воде. Кроме того, мы желаем и соизволяем, чтобы все другие города и бурги, и местечки, и порты имели все вольности и свободные свои обычаи.

14. А для того, чтобы иметь общий совет королевства при обложении пособием в других случаях, кроме трех

вышеназванных, или для обложения щитовыми деньгами, мы повелим позвать архиепископов, епископов, аббатов, графов и старших баронов (majores barones) нашими письмами за нашими печатями; и, кроме того, повелим позвать огулом через шерифов и бейлифов наших всех тех, которые держат от нас непосредственно (in capite), (повелим позвать мы всех их) к определенному дню, то есть по меньшей мере за сорок дней до срока, и в определенное место; и во всех этих призывных письмах объясним причину приглашения; и когда будут таким образом разосланы приглашения, в назначенный день будет приступлено к делу при участии и совете тех, которые окажутся налицо, хотя бы и не все приглашенные явились.

15. Мы не позволим впредь никому брать пособие со своих свободных людей, кроме как для выкупа его из плена и для возведения в рыцари его первородного сына и для выдачи замуж первым браком его первородной дочери; и для этого надлежит брать лишь умеренное пособие.

16. Никто не должен быть принуждаем к несению большей службы за свой рыцарский лен или за другое свободное держание, чем та, какая следует с него.

17. Общие тяжбы не должны следовать за нашей курией, но должны разбираться в каком-нибудь определенном месте[1].

20. Свободный человек будет штрафоваться за малый проступок только сообразно роду проступка, а за большой проступок будет штрафоваться сообразно важности проступка, причем должно оставаться неприкосновенным его основное имущество (salvo contenemento suo); таким же образом (будет штрафоваться) и купец, и его товар останется неприкосновенным; и виллан таким же образом будет штрафоваться и у него останется неприкосновенным его инвентарь, если они подвергнутся штрафу с нашей стороны; и никакой из названных выше штрафов не будет наложен иначе, как на основании клятвенных показаний честных людей из соседей (обвиняемых).

21. Графы и бароны будут штрафоваться не иначе, как при посредстве своих пэров и, не иначе, как сообразно роду проступка.

---

[1] Имеется в виду Суд Общих Тяжб (common pleas) — центральный королевский суд, ведавший всеми гражданскими исками.

27. Если какой-либо свободный человек умрет без завещания, движимость его пусть будет распределена руками близких родственников его и друзей под наблюдением церкви, причем должна быть обеспечена уплата долгов каждому, кому умерший был должен.

34. Приказ, называемый Praecipe, впредь не должен выдаваться кому бы то ни было о каком-либо держании, вследствие чего свободный человек мог бы потерять свою курию[1].

36. Ничего впредь не следует давать и брать за приказ о расследовании о жизни или членах, но он должен выдаваться даром, и в нем не должно быть отказа.

39. Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или какимлибо (иным) способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны.

40. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их.

41. Все купцы должны иметь право свободно и безопасно выезжать из Англии и въезжать в Англию, и пребывать, и ездить по Англии как на суше, так и по воде, для того, чтобы покупать и продавать без всяких незаконных пошлин, уплачивая лишь старинные и справедливые обычаем установленные пошлины, за исключением военного времени и если они будут из земли, воюющей против нас; и если такие окажутся в нашей земле в начале войны, они должны быть задержаны без ущерба для их тела и имущества, пока мы или великий юстициарий наш не узнаем, как обращаются с купцами нашей земли, находящимися

[1] Английский король, начиная с Вильгельма Завоевателя, имел право вторжения в юрисдикционные права феодальных сеньоров в отношении к их вассалам, имевшим от них свободные держания — фригольды. В случае если сеньор отказывал вассалу в его праве на фригольд, оставляя без внимания его правовые претензии, вассал мог обратиться к королю и получить от него или так называемый приказ о праве (breve de recto, a writ of right) или приказ, называвшийся по начальным своим словам приказом Praecipe quod reddat. Приказом о праве король предписывал сеньору рассмотреть дело истца о своей феодальной курии, иначе оно будет рассмотрено и решено шерифом в собрании графства. Приказом Praecipe quod reddat шерифу король поручал потребовать от сеньора, чтобы он передал истцу держание, на которое он предъявлял права, а в случае отказа явился к королю или к королевскому судье для объяснения причины отказа. Образец этого приказа приведен на стр. 107.

тогда в земле, воюющей против нас; и если наши там в безопасности, то и те другие должны быть в безопасности в нашей земле.

42. Каждому пусть впредь будет позволено выезжать из нашего королевства и возвращаться в полной безопасности по суше и по воде, лишь сохраняя верность нам; изъятие делается в интересах общей пользы королевства только для некоторого короткого времени в военное время; исключаются сидящие в заключении и поставленные согласно закону королевства вне закона, а также люди из земли, воюющей с нами, и купцы, с которыми надлежит поступать так, как сказано выше.

45. Мы будем назначать судей, констеблей, шерифов и бейлифов лишь из тех, которые знают закон королевства и имеют желание его добросовестно исполнять.

52. Если кто был лишен нами без законного приговора своих пэров (своих) земель, (своих) замков, (своих) вольностей или своего права, мы немедленно же вернем ему их; и если об этом возникла тяжба, пусть будет решена она по приговору двадцати пяти баронов, о которых сделано упоминание ниже, где идет речь о гарантии мира; относительно же всего того, чего кто-либо был лишен без законного приговора своих пэров королем Генрихом, отцом нашим, или королем Ричардом, братом нашим, и что находится в наших руках, или чем другие владеют под нашим обеспечением, мы получим отсрочку до конца обычного срока принявших крест; исключение составляет то, о чем уже начата тяжба или уже произведено расследование по нашему повелению перед принятием нами креста; когда же мы вернемся из нашего паломничества, или, если случится, что воздержимся от нашего паломничества, мы немедленно же окажем относительно этого полную справедливость.

54. Никто не должен подвергаться аресту и заключению в тюрьму по жалобе женщины, если она жалуется по случаю смерти кого-либо иного, а не своего мужа.

61. После же того, как мы для бога и для улучшения королевства нашего и для более успешного умиротворения раздора, родившегося между нами и баронами нашими, все это вышеназванное пожаловали, желая, чтобы они пользовались этим прочно и нерушимо на вечные времена, создаем и жалуем им нижеписанную гарантию, именно: чтобы бароны избрали двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают, которые должны всеми силами

блюсти и охранять и заставлять блюсти мир и вольности, какие мы им пожаловали и этой настоящей Хартией нашей подтвердили, таким именно образом, чтобы, если мы или наш юстициарий, или бэйлифы наши, или кто-либо из слуг наших в чем-либо против кого-либо погрешим или какую-либо из статей мира или гарантий нарушим, и нарушение это будет указано четырем баронам из вышеназванных двадцати пяти баронов, эти четыре барона явятся к нам или к юстициарию нашему, если мы будем находиться за пределами королевства, указывая нам нарушение, и потребуют, чтобы мы без замедления исправили его.

И если мы не исправим нарушения или, если мы будем за пределами королевства, юстициарий наш не исправит (его) в течение времени сорока дней, считая с того времени, когда было указано это нарушение, нам или юстициарию нашему, если мы находились за пределами королевства, то вышеназванные четыре барона докладывают это дело остальным из двадцати пяти баронов и те двадцать пять баронов совместно с общиною всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, то есть путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено (нарушение) согласно их решению; неприкосновенной остаются (при этом) наша личность и личность королевы нашей и детей наших; а когда исправление будет сделано, они опять будут повиноваться нам, как делали прежде. И кто в стране захочет, принесет клятву, что для исполнения всего вышеназванного будет повиноваться приказаниям вышеназванных двадцати пяти баронов и что будет теснить нас по мере сил своих вместе с ними, и мы открыто и свободно даем разрешение каждому давать присягу, кто пожелает дать ее, и никому никогда не воспрепятствуем дать присягу. Всех же в стране, которые сами добровольно не пожелают давать присягу двадцати пяти баронам относительно принуждения и теснения нас совместно с ними, мы заставим дать присягу нашим приказом, как сказано выше. И если кто-либо из двадцати пяти баронов умрет или удалится из страны или каким-либо иным образом лишится возможности выполнить вышеназванное, остальные из вышеназванных двадцати пяти баронов должны избрать по собственному решению другого на его место, который подобным же образом принесет присягу, как и прочие. Во

всем же, что поручается исполнять тем двадцати пяти баронам, если случится, что сами двадцать пять будут присутствовать и между ними о чем-либо возникнет несогласие, или если некоторые из них, получив приглашение явиться, не пожелают или не будут в состоянии явиться, пусть считается решенным и твердым то, что большая часть тех, которые присутствовали, постановила или повелела так, как будто бы согласились на этом все двадцать пять; и вышеназванные двадцать пять должны принести присягу, что все вышесказанное будут соблюдать верно и заставлять (других) соблюдать всеми зависящими от них способами. И мы ничего ни от кого не будем домогаться как сами, так и через кого-либо другого, благодаря чему какая-либо из этих уступок и вольностей могла бы быть отменена или уменьшена; и если бы что-либо такое было достигнуто, пусть оно считается недействительным и не имеющим значения, и мы никогда не воспользуемся им ни сами, ни через посредство кого-либо другого.

4. ГЕНРИ БРАКТОН ТРАКТАТ «О ЗАКОНАХ И ОБЫЧАЯХ АНГЛИИ»

РАКТАТ Генри Брактона «О законах и обычаях Англии» — один из наиболее интересных источников по истории английского средневекового «общего права» и государства, а также по истории юридических и политических теорий средневековья. Автор его Генри Брактон (Bracton), в течение долгого времени выполнявший обязанности королевского судьи в разных судебных органах, являлся виднейшим знатоком английского права XIII века. Точная дата его рождения не известна, но, по всей видимости, он родился в начале XIII века. Умер он в 1268 году. Таким образом, наиболее активная деятельность Брактона как юриста падает на период 30—60-х годов XIII века. Эти годы и вообще вся первая половина XIII века были для Англии временем быстрого укрепления центральной власти и завершения формирования «общего права», временем значительного обострения классовой борьбы в деревне и политических столкновений внутри господствующего класса феодалов.

В трактате Брактона отразились все основные явления экономической и политической жизни в это бурное время, и прежде всего процесс формирования феодального «общего права».

Брактон принадлежал к духовному сословию и в конце жизни занимал должность канцлера кафедрального собора в Экзетере — центре его родного графства Девоншир.

Он был большим знатоком римского и канонического права, хотя его биографам так и не удалось установить, где он обучался праву. По их предположениям, свои основные знания в области права он почерпнул из своей юридической и судебной практики. Известно, что в 1245 году он был разъездным судьей в графствах Линкольн, Нот-

тинген и Дерби, а с 1248 года постоянно исполнял должность разъездного ассизного судьи в юго-западных графствах Англии. С этого же года, вплоть до 1252 года, Брактон был постоянным членом высшего королевского суда.

Основной труд Брактона, трактат «О законах и обычаях Англии», был написан в середине XIII века, не позднее 1256 года, в период наиболее активной деятельности Брактона в качестве судьи.

Трактат, состоящий из шести томов, которые делятся на книги и параграфы, дошел до нас в неоконченном виде. Тем не менее, поскольку он касается многих наиболее важных сторон английской средневековой правовой системы, трактат Брактона дает весьма подробное, ясное и в общем стройное изложение английского феодального «общего права» в том виде, в каком оно сложилось к средине XIII века.

При написании своего трактата Брактон опирался прежде всего на практику королевских судов, которая давала ему основную аргументацию для всех его теоретических положений. Для этого Брактон выбрал и поручил своим помощникам переписать из свитков протоколов королевских судов около 2000 наиболее интересных для него протоколов судебных разбирательств за период с 1216 по 1240 гг. На эти протоколы, из которых составились так называемые Записные книжки Брактона, он постоянно ссылается в своем трактате. Этим объясняется, что выводы Брактона, связанные с судебной практикой, не могут рассматриваться в качестве отвлеченной юридической доктрины, ничего общего не имеющей с реальной действительностью, как ее оценивали некоторые буржуазные историки и юристы.

Сторонники этого последнего взгляда основывались, главным образом, на том, что в трактате Брактона часто встречаются заимствования из «Институций», «Дигестов» и других памятников римского права, иногда дословные, иногда в передаче Азо и других его средневековых знатоков и комментаторов. Поэтому некоторые теоретические положения, выдвигаемые Брактоном, выраженные в терминах рабовладельческого римского права, оказывались в явном противоречии с реальными правовыми формами, сложившимися в Англии XIII века. (Например, приравнивание Брактоном виллана к рабу, утверждение о том, что иммунитетные привилегии могут

быть пожалованы только по хартии короля, проведение резкого различия между собственностью и владением по существу чуждое феодальному праву и т. д.)

Однако эти заимствования из римского права в трактате Брактона в большинстве случаев носили внешний характер, касаясь в основном общих формулировок и терминологии. Там же, где они относились к существу дела, они выражали обычно определенные социально-политические тенденции, характерные для развития феодальной Англии XIII века.

В большинстве же случаев положения юридической теории Брактона очень точно воспроизводят реальную правовую практику Англии того времени, как бы обобщая ее и облекая в новые для нее теоретические формулы.

О тесной связи юридической теории и практики в его трактате свидетельствует и то, что многие из сформулированных им юридических принципов, постоянно применялись в практике королевских судов конца XIII века в качестве аргументов в пользу того или иного судебного решения наряду со ссылками на статуты, прецедент или обычай.

В период, когда в Англии еще господствовало прецедентное право, трактат Брактона являлся единственной систематизированной сводкой основных положений «общего права», своего рода неофициальным кодексом, которым широко пользовался судебный аппарат короны. По той же причине этот трактат является одним из ценнейших источников по истории «общего права».

Помещенные ниже извлечения из трактата дают представление о его наиболее важных теоретических положениях и о классовом феодальном характере юридической доктрины Брактона.

Перевод сделан по изданию «Henrici de Bracton de legibus et consuetudinibus Angliae», edited by T. Twiss, Rarum britanicarum medii aevi scriptores, N 70, vol. 1—6, London, 1878—1883.

„DE LEGIBUS ET CONSUETUDINIBUS ANGLIAE“

Том I

ИЗ КНИГИ I

Глава I.

§ 1. Что необходимо королю

Для короля, который правит справедливо, необходимы две вещи, а именно оружие и законы; при помощи того и другого он может надлежащим образом управлять (страной) во время войны и мира, ибо каждая из (этих вещей) требует помощи другой, чтобы с одной стороны, была обеспечена (законом) военная мощь, а с другой, чтобы сами законы могли охраняться и защищаться силой оружия. Потому что, если не будет достаточно военных сил против врагов, мятежников и непокорных, то государство окажется беззащитным; но если будут (бездействовать) законы, то погибнет правосудие и никто не сможет выносить справедливых судебных решений.

§ 2. О том, что в одной только Англии пользуются обычаем и неписаным правом

Тогда как почти во всех странах пользуются законами и писаным правом, только в одной Англии действует неписаное право и обычай. Именно в этой стране право возникло из неписаного (обычая), получившего всеобщее одобрение в результате применения.

Но не будет ошибкой называть английские законы (хотя и неписаные) — законами, ибо силу закона имеет то, что по справедливости постановлено и одобрено высшей властью короля или князя, по совету и с согласия магнатов[1] и с общего одобрения государства (reipublicae). В Англии существует также много различных обычаев, соответствующих разным местностям (страны), ибо англичане обладают по обычаю многими правами, которых они не имеют по закону; так в различных графствах, городских общинах, бургах и деревнях постоянно должны произво-

[1] Брактон здесь имеет в виду «совет магнатов» (magnum consilium), который регулярно собирался английскими королями в XIII веке в качестве совещательного органа.

диться расследования о том, каков обычай этой местности и как этот обычай соблюдается теми (людьми), которые на него ссылаются.

Глава III

§ 1. Об основных (вопросах) трактата и прежде всего о том, что такое закон

Теперь мы должны рассмотреть, что такое закон; и пусть будет известно, что закон — это совместное решение мудрых мужей, (принятое) в совете[1], это средство принуждения по отношению к тем, кто нарушает его по злой воле или неведению, это общее одобрение государства. Равным образом творцом правосудия является бог, ибо правосудие принадлежит творцу. И согласно этому право и закон означают одно и то же; и хотя в широком значении слова законом называется все, что может быть прочитано, но в более специальном смысле (это слово) означает справедливое узаконение, которое поддерживает все честное и запрещает все противное (честности).

§ 2. О том, что такое обычай

Обычай же это то, что иногда исполняется как закон в тех местностях, где он утвердился вследствие долгого пользования и соблюдается подобно закону, потому что длительное пользование и обычай имеет не меньшую силу, (чем закон).

Глава IV.

§ 3. Что такое право и о разных значениях этого слова

(Слово) право (jus) происходит от слова справедливость (justitia), и оно имеет различные значения, ибо оно употребляется для обозначения самой науки (о праве) или сочинения, написанного по вопросу о праве; так правом называется наука о добре и справедливости, благодаря достоинствам которой нас иногда называют ее жрецами — ведь мы заботимся (о соблюдении) справедливости и служим осуществлению священных прав. Иногда также правом называют естественное право, которое всегда является хорошим и справедливым; иногда (это слово употребляется) для обозначения только гражданского права (jus civile),

[1] То есть в совете магнатов.

иногда так называют только преторское право (jure praetorio), иногда то, что является результатом приговора. Ибо говорилось, что претор соблюдает право (и) тогда, когда он выносит несправедливое решение, так как имеется в виду не то, как претор поступил (в действительности), но то, как он должен был поступить (в этом случае)...

Слово «право» иногда употребляется также для обозначения судебного процесса, иногда — какого-либо обязательства, иногда обозначает какое-либо наследство, собственность на какую-либо вещь, или владение имуществом, потому что существует (отдельно) право собственности и право владения. Право владения — например, владение феодом; в этом случае имеет место ассиза о смерти предшественника[1]. Право владения может относиться и к (обычному) свободному держанию, если кто-либо держит его на определенных условиях пожизненно. Право же собственности называется абсолютным правом, на основании которого человек пользуется двойным (правом)[2]. Иногда право собственности может быть отделено от права владения, ибо право собственности сейчас же после смерти предшественника переходит к ближайшему наследнику, все равно — малолетнему или совершеннолетнему, мужчине или женщине, безумному или слабоумному, как например, к идиоту, к глухому или немому, присутствующему или отсутствующему, не знающему или осведомленному (о наследстве). Владение же (фактически) не всегда немедленно переходит к таким наследникам, хотя владение и право владения всегда сопутствует собственности. Ибо право владения само по себе может переходить к другим лицам, к (родственникам) других степеней; например, когда право собственности переходит к ближайшему родственнику по отцу и старший брат, получивший сейзину (право владения), умрет, находясь во владении этой собственностью, то определенное право собственности вместе с правом владения, которое должно сопутствовать основному праву

---

[1] Различие между правом владения и собственности, о котором здесь говорит Брактон, заимствовано им из римского права и отсутствовало в реальной действительности феодальной Англии XIII века. Фиктивный характер этого искусственного для английского «общего права» деления виден хотя бы из того, что Брактон определяющим для этого деления считает не самый характер права на то или иное имущество, но лишь различие в формах иска, с помощью которого это право отстаивается в суде.

[2] То есть одновременно и правом собственности, и правом владения.

собственности, переходит к его наследникам; и так от наследника к наследнику. При этом первые наследники имеют больше прав, чем наследники второго (поколения), но всегда должно оказываться предпочтение праву владения до тех пор, пока первые наследники не докажут своего права (собственности). Если, однако, младший брат имеет несколько сыновей и старший из них получает сейзину, то следует в отношении его поступить, как было указано выше; и так право собственности может бесконечно переходить ко многим разным наследникам, так что когда многие имеют право собственности, один или несколько человек могут иметь больше прав (на нее).

Иногда слово «право» употребляется для обозначения власти, например, когда говорят «такой-то в своем праве», иногда для обозначения строгости права, когда проводится различие между правом и справедливостью (aequitas).

§ 5. Что такое справедливость

Справедливость — это надлежащее урегулирование (спорных) дел, когда для одинаковых случаев стремятся применять одинаковые права и все решается совершенно на равных основаниях. Справедливость как бы обозначает здесь равенство, и она применяется во (всех) делах, то есть в том, что говорят и делают люди.

Правосудие же заключено в разуме людей, стоящих на почве закона; поэтому если мы желаем выразить это должным образом, мы будем называть решение по справедливости праведным, но незаконным, а человека, следующего букве закона — несправедливым. Однако, неправильно употребляя эти термины, мы называем человека (выносящего такое решение) справедливым, а решение (по справедливости) законным.

Следовательно, юриспруденция (законоведение) во многом отличается от правосудия; юриспруденция признает (за человеком право), а правосудие воздает каждому то, что ему принадлежит. С другой стороны, правосудие — есть добродетель, а юриспруденция — знание. Так же точно, правосудие есть одно из высших благ, а юриспруденция имеет лишь вспомогательное значение.

§ 6. Каковы (основные) заповеди права

Есть три заповеди права: жить честно, не причинять вреда другому, каждому воздавать свое.

Глава V.

§ 4. Что такое естественное право

(Термин) естественное право употребляется в нескольких значениях. Первое значение, когда говорится о каком-то установившемся порядке поведения, проистекающем из природы одушевленного существа, в силу которого каждое животное побуждается к какому-то действию, и в этом случае оно определяется следующим образом: естественное право — это такое право, которое внушено всем животным (самой) природой, то есть природным инстинктом; и когда так говорят (подразумевают), что наши первые импульсы не в нашей власти, вторичные же находятся под нашим контролем; и поэтому, если дело не идет дальше увеселения и удовольствия, то совершается лишь грех, заслуживающий прощения; но если дело дойдет до того, что кто-либо затеет осуществить нечто постыдное, замышленное им (заранее), то можно считать, что возникнет импульс третьей степени и может быть совершен смертный грех.

Следует также заметить, что по той же причине, по которой справедливость может рассматриваться как воля в отношении разумных существ, естественное право может считаться импульсом в отношении всякого создания, разумного или неразумного.

§ 5. Что такое гражданское право

Гражданское право, которое может быть названо обычным правом, употребляется в разных значениях. В одном значении для определения статуса какой-либо городской общины[1], в другом значении гражданское право противопоставляется праву преторскому, и иногда оно кое в чем ограничивает или кое в чем расширяет естественное или общенародное право (jus gentium). Иногда городские общины претендуют на основании обычая, закрепленного долгим пользованием, на иное право, чем то, которое действует за пределами (города), и все же такой обычай должен соблюдаться, как закон. Термин «гражданское право» может также применяться для обозначения всякого права,

[1] Гражданское право Брактон трактует здесь как городское право.

которым пользуется городская община, будет ли это естественное, гражданское или общенародное право, или подобное им.

§ 6. Что такое общенародное право

Общенародное право (jus gentium) — это право, которым пользуются разные народы и которое происходит от естественного права, поскольку естественное право является общим для всех живых существ, которые рождаются на земле, в море или в воздухе.

§ 7. Какие права происходят от общенародного права и введены (в употребление) на основании этого права

Из общенародного права вытекает связь между мужчиной и женщиной, осуществляемая по доброй воле обоих, которая называется браком; это телесный союз, который в собственном смысле слова не может быть назван правом, поскольку он является материальным и видимым. Всякого же рода права, которые вытекают из общенародного права и введены в употребление на его основе — не материальны и не могут быть видимы; от этого права произошло рождение и воспитание, то есть выращивание детей. И это единственное право, общее для всех людей, также как их вера в бога; и то, что мы должны повиноваться своим родителям и своей родине, и то, что мы должны отражать насилие и несправедливость, вытекает из этого права, ибо если кто-нибудь что-либо делает ради защиты себя, он считает это законным. Поскольку же природа установила между людьми определенные родственные отношения, то из этого следует, что непозволительно человеку строить козни против другого человека.

Глава VI.

§ 1. О первом (основном) делении лиц

Выше говорилось о естественном, общенародном и гражданском праве. Но поскольку всякое право, которое мы собираемся трактовать, относится, согласно законам и обычаям Англии или к лицам, или к вещам, или к действиям, и поскольку (вопрос) о лицах наиболее важен, так как ради их (защиты) установлены все права, то мы сна-

чала рассмотрим (вопрос) о лицах и их статусе, который бывает весьма различным, а затем коснемся прав отдельных лиц, которые связаны с (их статусом).

Самое первое и наиболее простое деление людей заключается в том, что все они делятся на свободных или рабов[1]. Но это (определение) может вызвать возражения в отношении зависимого человека (de ascriptitio)[2], поскольку он в сущности свободен, хотя обязан (выполнением), какой-либо повинности, и в отношении такого человека решение очень простое, потому что у того, кто (лично) свободен, повинность вовсе не отнимает свободы. Однако всегда возникало сомнение, являются ли вилланами те, кто в качестве вилланов-сокменов держит земли старинного домена господина короля и о которых подробнее будет сказано ниже[3].

(Вообще же) в том, что было сказано в отношении свободного статуса, нет никакого противоречия, ибо, хотя раб может считаться свободным, но в действительности он остается рабом, несмотря на то, что иногда в виде исключения на основании привилегии он имеет право защищать себя и свое имущество против своего господина, желающего считать его своим прирожденным (рабом) (nativum suum).

Глава VIII.

§ 1. О третьем[4] делении лиц

Перед богом не существует различия между свободными и рабами, ибо бог нелицеприятен в отношении отдельных людей, в глазах бога более значительное лицо часто оказывается ничтожным и тот, кто (среди людей) превос-

---

[1] Эта формулировка, заимствованная Брактоном из римского права, тем не менее в какой-то мере отражает тенденцию к усилению нажима на крестьянство к его закрепощению, которая наблюдалась в конце XII и в XIII веке в среде английского класса феодалов и в политике феодального государства.

[2] Ascriptitii — дословно «приписанные к земле», в данном контексте — люди, находящиеся не в личной, а в поземельной зависимости.

[3] Вилланы-сокмены — вилланы-держатели маноров старинного домена короны, пользовавшиеся рядом привилегий по сравнению с другими вилланами, (подробнее о привилегиях старинного домена см. прим. 2 на стр. 151).

[4] Второе деление лиц у Брактона — разделение людей по признаку пола.

ходит других — (рассматривается богом) как слуга. Но среди людей существуют различия (в положении) отдельных лиц, потому что некоторые из людей являются знатными или прелатами и стоят во главе других людей. А именно господин папа в делах духовных, которые относятся к священству, а под ним архиепископы, епископы и прочие низшие прелаты.

§ 2. О различных почетных званиях

Также во главе всех светских дел, которые относятся к государству, стоят императоры, короли и князья, а ниже их герцоги, графы, бароны, магнаты, вальвасоры[1], и рыцари; а также свободные люди, и вилланы и разные должностные лица, стоящие ниже короля. Например, графы (comites), которые получили свое название от слова «дружина» или «сообщество» (a comitatu sive a sociaetate) и могут также называться консулами от слова consulendo (советующий)[2]; потому что короли привлекают таких людей, чтобы они давали им советы и помогали бы им управлять божьим народом, сообщая этим людям высокое достоинство, власть и имя, когда они опоясывают их мечем, то есть поясом, на котором висит меч.

§ 4. Что означает меч

Меч означает защиту государства и страны. Под королем находятся и другие могущественные люди, которые называются баронами — это (главная) военная сила. Есть и другие, которые называются вальвасорами, мужи большого достоинства; потому что слово вальвасор не может быть объяснено лучше, чем как сосуд, предназначенный для собирания силы (vas sortitum ad validitatem).

Глава IX.

§ 3. О тех, кто зависит от власти другого

Под чужой властью находятся рабы, и эта власть господ в отношении рабов, вытекающая из права народов

[1] «Вальвасор» или «вавасор» — редкий в английских памятниках XIII века термин, обозначавший мелких и средних феодалов, обычно арьервассалов короля — в противоположность крупным феодалам — баронам, его непосредственным держателям.

[2] Графы в средневековой Англии не назывались консулами.

(jus gentium) некогда являлась властью над жизнью и смертью раба; но теперь она ограничена гражданским правом так, что жизнь и члены (раба) находятся во власти короля[1], так. если кто-нибудь убьет своего раба, он наказывается не менее, чем если убьет чужого раба, и в этом случае (рабы) пользуются (защитой) закона против своих господ; рабы могут возбудить против них дело в суде, по поводу жестокости своих господ или по поводу невыносимой несправедливости, например, если господа настолько их разоряют, что у них не может сохраниться их плуговая запряжка (waynagium suum).

Последнее, однако, верно лишь в отношении тех рабов, которые являются держателями старинного домена короны[2], но в отношении прочих дело обстоит иначе, потому что господин, когда ему будет угодно, может отнять у виллана его плуговую запряжку и все его имущество. Но конечно государству невыгодно, чтобы кто-либо дурно пользовался своим имуществом.

В результате этой власти господина (над рабом) все. что законно будет приобретено рабом, должно принадлежать его господину, или тому, кто (в данный момент) является (господином) вместо него, например, добросовестному владельцу, который пользуется его землей или получает с нее плоды.

---

[1] В этом параграфе Брактон пытается выйти из противоречия, в которое он попадает, называя крепостного крестьянина рабом. Указывая на улучшение участи раба в его время, на то, что жизнь его находится под защитой государства и королевских судов, он как бы пытается смягчить свое утверждение о полном бесправии рабов с учётом реальных отношений феодального общества, при которых собственность на непосредственного производителя была не столь полной, как при рабовладельческом строе.

[2] Старинный домен короны — особая категория привилегированных земель, которые, по данным Книги Страшного Суда, находились в руках короля (terra regis). К ним относились и наследственные домены англосаксонских королей, и земли, превращенные в домен короны после нормандского завоевания. По обычаю вилланы-держатели на землях старинного домена пользовались рядом привилегий, которые сохранялись за ними и в том случае, если маноры такого типа передавались королями другим лордам. В частности, вилланы старинного домена имели право жаловаться в королевский суд, если их лорд захватывал их наделы или требовал с них повышенные повинности сверх обычных. Эта последняя привилегия иногда в XIII веке формулировалась как право на определенные повинности (certas consuetudiones).

Глава XII.

О вещах и делении вещей

§ 2. Первое деление

Первое деление вещей таково, что некоторые из них находятся в нашей собственности, а некоторые вне ее. В нашей собственности имеются, как вещи движимые, так и недвижимые, которыми мы можем пользоваться в соответствии с нашей волей и потребностью, в отношении чего более подробные разъяснения будут даны ниже. Но вещи, о которых было сказано, что они находятся не в нашей собственности — это вещи священные, или относящиеся к религии или находящиеся в общем пользовании. Некоторые же вещи не находятся ни в нашей собственности, ни вне ее, таковы сервитуты, узуфрукты, например, право прогона скота, право на дорогу, право провести воду и им подобные, и потому такие права не считаются чьим-либо имуществом, так как они не могут быть отчуждены сами по себе без земли...

§ 3. Второе деление

Существует и второе деление вещей, потому что одни из них материальные, другие нематериальные. Материальные те, к которым можно прикоснуться, как земля, почва, недвижимые вещи или движимые, которые могут двигаться, как животные, или которые можно передвигать. Нематериальные же (вещи) — это права, которые нельзя видеть и к ним нельзя прикоснуться, например, право прохода, проезда и им подобные, такими вещами нельзя владеть (в действительности), но лишь по видимости.

§ 4. Третье деление

Есть и третье деление вещей, а именно — одни из них общие, другие — публичные, одни принадлежат корпорациям, другие — никому, а некоторые принадлежат частным лицам и приобретены ими по различным основаниям.

§ 5. Какие вещи являются общими согласно внутреннему делению

Согласно естественному праву общими являются следующие вещи: проточные воды, воздух, море и морское

побережье, как бы принадлежащее морю. А именно никому нельзя запретить приблизиться к морскому берегу, если этому не препятствует наличие деревни или строений.

§ 6. Какие (вещи) являются публичными

Публичными являются все реки и порты, поэтому право рыбной ловли в портах и реках принадлежит всем. Также публичными согласно общенародному праву считается пользование берегами рек, как и самими реками.

Таким образом, каждый может свободно причаливать к этим берегам на судах, закреплять канаты на растущих там деревьях, выгружать на берег любой груз, так же как и плавать по реке; но собственность на берега принадлежит тем, к чьей земле они примыкают, и по этой причине растущие на берегу деревья принадлежат тем же лицам; и все вышесказанное относится только к постоянно текущим рекам, тогда как временно возникающие потоки могут быть чьей-либо собственностью. Заметьте следующее различие между публичным и общим: публичными считаются все вещи, которые принадлежат всему населению, то есть те (вещи), которые предназначены для использования только людьми. Общими же иногда называются вещи, которые предназначены для всего живого.

§ 7. Какие вещи принадлежат корпорациям

Корпорациям, (а не отдельным лицам), принадлежит то, что находится в городах, например, театры, места, где проводятся состязания (стадионы) и другие предметы, которые являются общими в городах. Эти вещи считаются принадлежащими городским корпорациям, как в отношении владения, так и в отношении пользования.

§ 9. Вещи, которые принадлежат частным лицам

Равным образом имеются вещи, которые принадлежат частным лицам — мне или тебе — как в отношении владения, так и в отношении пользования, такие, как земли, города, рабы. Существуют также священные вещи, которые установленным образом посвящены епископами богу, такие, как святилища и церковные здания, дары, предназначенные для богослужения, например, чаши, кресты, кадила. Их запрещено продавать, за исключением случаев, когда (нужно) выкупить пленных.

ИЗ КНИГИ II.

Глава XVI.

§ 3. О том, что судьи не могут оспаривать королевские хартии и выносить о них свои решения

Королевские хартии и действия королей не могут оспариваться ни судьями, ни частными лицами, и даже если возникнет сомнение (в отношении этих хартий), они (судьи) не должны сами их толковать, но в отношении сомнительных, темных, двусмысленных (мест) следует ждать истолкования королем, так как (право) толковать (хартии) должно принадлежать тому, кто даровал их[1]. И даже в том случае, если хартия окажется подложной, вследствие того, что она подчищена или потому, что к ней приложена поддельная печать, лучше и благоразумнее, чтобы решение о ней было вынесено в присутствии короля. Также никто не может судить об актах и хартиях короля с тем, чтобы подстрекать против них. Но каждый может сказать, что король должен творить правосудие и (делать) это хорошо, и если каким-либо образом он будет (творить правосудие) плохо, то это накладывает на него (обязанность) исправить допущенную несправедливость, дабы король и судьи в случае, если они совершат несправедливость, не подлежали суду бога живого. Король имеет над собой высшего — бога, а также закон, который делает его королем, также свою курию, а именно — графов, баронов, потому то они считаются как бы соправителями короля, а кто имеет соправителя, имеет и повелителя, и поэтому, если король будет (править) без узды, то есть не считаясь с законом, то они должны обуздать его, если же сами они вместе с королем будут необузданы[2], то в этом случае их подданные воскликнут: «О, господи Иисус Христос, надень узду и поводья на их челюсти». На это господь ответит: «Я нашлю на них могучий, неизвестный, живущий в дальних странах народ, язык которого они не

---

[1] Этим положением руководствовались королевские адвокаты при рассмотрении хартий, предъявлявшихся феодалами на процессах quo-warranto (см. ниже извлечения из этих протоколов).

[2] Эти положения трактата отражают ту политическую борьбу, которая происходила в Англии на протяжении всего XIII века и в которой крупнейшие феодалы Англии — бароны пытались добиться некоторого ограничения королевской власти в свою пользу.

будут понимать, народ, который разорит их и вырвет из земли их корни, и таким образом они понесут наказание за то, что они не желали справедливо судить своих подданных»; и затем, связав им руки и ноги, он бросит их в горящую печь и во мрак, где они будут рыдать и скрежетать зубами[1].

Глава XXIV.

§ 1. О привилегиях, о том, кто их может даровать и какие из них принадлежат королю

Теперь следует сказать о привилегиях, о том, кто может даровать привилегии, и кому и каким образом они передаются, и как ими владеют или как бы владеют, и как их удерживают при помощи фактического пользования ими.

Кто (может их даровать)? Следует знать, что сам господин король располагает по своему праву могуществом и властью над всеми, кто (пребывает) в его королевстве, ибо держит в своих руках все права, которые относятся к короне, светской власти и к мечу материальному, так как они относятся к управлению королевством. Он пользуется также (правом) суда и (вынесения) приговора, что составляет его юрисдикцию, чтобы он как слуга и викарий бога мог воздавать каждому, что ему надлежит. Он располагает также всем тем, что необходимо для соблюдения мира, чтобы вверенный ему народ находился в тишине и спокойствии, чтобы никто не избивал, не ранил и не обижал другого, чтобы никто не отнимал или похищал чужое имущество насилием и грабежом, чтобы никто никого не увечил и не убивал.

Он пользуется также принудительной (властью), чтобы наказывать правонарушителей. В его власти находятся законы, постановления (конституции и ассизы), принятые и утвержденные в его королевстве, которые он под присягой обязался соблюдать лично и принуждать своих подданных к их соблюдению. Ибо бесполезно создавать законы, если не будет того, кто их охраняет. Поэтому король имеет в своих руках такого рода права. И он

[1] Любопытно, что всем прочим подданным короля (кроме графов, баронов) Брактон отказывает в праве ограничивать волю короля и его соправителей, рекомендуя им в случае нарушения законов королем и его приближенными просить помощи у бога и ждать, пока он накажет виновных.

короля, если дело касается его лично, например, в случае преступления против величества, или в присутствии специально назначенных для этого судей, если дело касается частных лиц. Но жизнь и члены людей находятся во власти короля, и в отношении защиты и в отношении наказания, разве только кто-либо другой пользуется специальной привилегией[1].

Существуют также и менее значительные преступления, которые касаются отчасти короля в том смысле, что они являются нарушением его мира, отчасти же отдельных людей, против которых было совершено преступление, как например, воровство, грабеж в нарушение королевского мира, побои и другие подобные им.

Глава IX.

§ 3. Для какой цели король наделен юрисдикцией по своему праву (ordinaria)

(Король) для того создан и избран, чтобы вершить правосудие по отношению ко всем людям, потому что в его лице, как бы пребывает бог, который через него может творить свой суд и поддерживать и защищать то, что он (король) справедливо решил, ибо если бы не было никого, кто бы осуществлял правосудие, то мир легко мог бы быть уничтожен и было бы бесполезно создавать законы и осуществлять правосудие, если бы не было того, кто поддерживал их. Король же, (так как он является наместником бога на земле) должен отделять правое от неправого, справедливое от несправедливого, чтобы все его подданные жили честно и чтобы никто не мог вредить другому, и чтобы каждому по праву было обеспечено то, что ему принадлежит[2]. При этом он должен в отношении власти быть выше всех своих подданных. Он не должен иметь себе равного, ни тем более высшего, особенно в том, что касается правосудия, так, чтобы о нем действительно можно было бы

---

[1] Имеется в виду привилегия, по которой некоторые крупные феодалы пользовались правом вести в своей курии дела, подсудные короне, в частности и дела по тяжким уголовным преступлениям.

[2] Изображение Брактоном короля как наместника бога на земле и хранителя высшей справедливости, несомненно, отражает процесс усиления королевской власти, происходивший в Англии с середины XII до конца XIII века. Брактон здесь, очевидно, стремится подчеркнуть особую роль и значение короля в государстве.

говорить: «наш великий господин» или «его величество» и так далее[1]. Хотя в отношении правосудия его нельзя сравнить ни с кем в королевстве и хотя он всех превосходит могуществом, тем не менее (поскольку сердце короля находится в руке божьей) его власть не должна быть необузданной, пусть он наложит на нее узду умеренности и поводья воздержания, ибо если она будет необузданной, это может привести к несправедливости, ибо король как слуга и заместитель бога не может делать на земле ничего, кроме того, что он может делать по закону; и этому отнюдь не противоречит (известное положение): «То, что угодно государю, имеет силу закона», потому что в конечном счете (король) следует закону, а именно — закону королевства, на котором основывается его власть и который установлен должным образом после рассмотрения и обсуждения в совете королевских сановников, уполномоченных на это самим королем[2].

Таким образом, его власть основывается на правосудии, но не на бесправии, и так как он сам является творцом права, бесправие не должно рождаться из источника, из которого рождается право; и также он не должен сам совершать того, что он считает необходимым согласно своему долгу запрещать другим. Следовательно, король должен осуществлять власть закона как представитель и слуга бога на земле, ибо его власть только от бога, власть же совершать беззаконие принадлежит дьяволу, но не богу, и король окажется слугой того из них, чье дело он выполняет. Поэтому пока король творит справедливость, он является представителем царя небесного, но как только он склоняется к беззаконию, он становится слугой дьявола. И слово король (rex) происходит от слова «хорошо управлять» (bene regendo), а не от слова господствовать, властвовать (regnando), ибо король есть король, пока он хорошо управляет, но он становится тираном, когда он при помощи насилия подчиняет своему господству

[1] Это место находится в противоречии с тем, что в том же параграфе Брактон говорит об ограничениях, налагаемых на короля «законом королевства», а также с тем, что сказано в § 3 гл. 16 книги II о праве графов и баронов обуздать короля (см. выше).

[2] Брактон дает здесь свое и весьма вольное толкование известного принципа римского права, находящегося в явном противоречии с утверждением трактата о том, что король должен подчиняться закону королевства, который хотя и является созданием короля и его совета, но, будучи однажды издан, оказывается выше короля.

доверенный ему народ[1]. Пусть же он умеряет свою власть законом, который является уздой власти, ибо величию правителя подобает, чтобы государь признавал себя связанным законами. И ничто не свойственно более государственной власти, чем жить согласно законам, и важнее, чем эта власть, подчинение государя закону, и поэтому с полным основанием он должен воздать закону то, что закон предоставляет ему, ибо закон и делает его королем...

Глава X.

§ 1. О делегированной юрисдикции, которая принадлежит судьям

Выше мы говорили о юрисдикции по своему праву (ordinaria), которая принадлежит королю, теперь следует сказать о делегированной юрисдикции, когда кто-либо сам по себе не имеет никакой власти, но получает ее от другого, так как тот, кто передал ему (эту власть) не в состоянии осуществить юрисдикцию в отношении всех (поступающих к нему) дел. И если сам господин король не в состоянии рассмотреть все дела, то для того, чтобы облегчить ему труд, это бремя может быть разделено между многими. Король должен выбрать в своем королевстве мудрых и богобоязненных людей, правдивость которых очевидна, которые ненавидят корысть, (порождающую алчность), и назначить их судьями, шерифами, бейлифами и прочими своими должностными лицами, к которым можно обращаться как в спорных вопросах, так и с жалобами на несправедливость и которые не будут отклоняться от стези правосудия ни вправо, ни влево, ради земного благополучия или из-за страха вражды, но будут судить божий народ так, чтобы о них можно было сказать, как говорил псалмопевец, что решениями от их лица гласит справедливость; и пусть они решают, как следует поступать в соответствии с необходимостью и пользой, что дозволено (исполнять) согласно обещанию и что соответствует чести.

§ 2. О различных судьях

Из этих судей некоторые, самые главные, ведающие всеми делами, постоянные, высшие; они (всегда) находят-

[1] Здесь и далее Брактон снова выдвигает преимущественно морально-этические и религиозные обоснования необходимости добровольного самоограничения королевской власти.

ся при короле и обязаны исправлять (судебные) ошибки, допущенные другими (судьями)[1].

Есть и другие постоянные судьи, которые заседают в определенном месте, как например в (Суде Королевской Скамьи), разбирая все судебные дела, в отношении которых они имеют определенные полномочия; все они, приступая к осуществлению своей юрисдикции, приносят присягу.

Имеются и другие (судьи), переезжающие из одного места в другое, например, из графства в графство, иногда разбирающие всякого рода дела[2], иногда какой-либо специальный род дел, например, только дела по ассизам[3] или об (освобождении) из тюрем[4]; эти судьи, приступая к исполнению своих обязанностей, не приносят присяги, так как приказ господина короля считается основанием для их деятельности[5]. Наконец, имеются судьи, специально назначенные на какую-либо ассизу, которые не являются постоянными, ибо исполнив свою обязанность они вновь утрачивают свое право юрисдикции.

ИЗ КНИГИ IV.

Глава XXVIII.

§ 1. В отношении того, что заявляют о свободном держании (фригольде) и какое может быть выдвинуто возражение (exceptio) против этого

Против истца, заявляющего о свободном держании, может быть дано (право сделать) возражение (exceptio). В приказе (по ассизе о новом захвате) содержатся (слова), что такой-то несправедливо и без суда лишил такого-то его владения свободным держанием. В связи с этим следует выяснить прежде всего, какие существуют виды

[1] Имеется в виду высший суд, заседавший в присутствии короля с середины XIII века — Суд Королевского Совета.

[2] Имеются в виду разъездные судьи, совершавшие общие судебные объезды в графствах один раз в 7 лет.

[3] Разъездные суды, разбиравшие гражданские иски, главным образом иски о земле по владельческим ассизам.

[4] Специальные разъездные суды, разбиравшие дела лиц, сидящих в тюрьмах графства, в результате чего невинно арестованные лица или мелкие правонарушители освобождались.

[5] Королевский приказ о назначении судебных комиссий.

держаний и кто может выдвигать возражение (exceptio) против свободного держания, а кто не может. И следует знать, что свободное держание — это такое держание, которое кто-либо держит в качестве феода и своего наследственного владения для себя и для своих наследников, или только в качестве феода для себя и своих наследников. Свободным держанием также считается держание, переданное пожизненно, или на неопределенное время без какого-либо ограничения сроком, например, до тех пор, пока что-либо совершится или не совершится. Так, если говорится: «Я даю такому-то то-то до тех пор, пока я буду содержать его». Но свободным не может быть названо никакое держание, если оно держится на определенное число лет, месяцев или дней, хотя бы на срок в сто лет, который превосходит (обычную) жизнь человека[1]. Так, не может быть названо свободным держание того человека, который держит его по воле лорда до востребования так, что оно может быть у него отнято в любое время года, в любой год, или даже в любой день[2]. Равным образом держание называется свободным, чтобы отличить его от вилланского, ибо держание имеет один характер, когда оно свободное и другой, когда оно вилланское. Из свободных же держаний одни держат свободно за оммаж[3] и военную службу, другие в свободном сокаже[4] с присягой в верности или согласно (мнению) некоторых на условии принесения присяги в верности оммажа. Точно так же некоторые из свободных держаний находятся в полной, свободной, вечной милостыне[5], и они могут быть как имуще-

---

[1] Держание на определенное число лет в Англии XIII века — это обычно держание на условиях феодальной аренды. В реальной действительности арендаторы таких держаний часто были лично-свободными людьми.

[2] Держатели по «воле лорда» (ad voluntatem domino), это обычно крепостные крестьяне — держатели участков домениальной земли, а не обычных общинных наделов. Поэтому условия их держания регулировались не обычаем манора, а волей лорда.

[3] «Оммаж» — в средневековой Западной Европе — церемония, оформлявшая отношения вассальной зависимости между сеньором и его вассалом, во время которой последний признавал себя «человеком» (homo) вышестоящего феодала.

[4] «Сокаж» — свободное, но в отличие от рыцарского, не военное держание, за которое держатель уплачивал собственнику земли — феодалу — невысокую денежную ренту. Держателями «сокажа» чаще всего являлись зажиточные свободные крестьяне или мелкие феодалы.

[5] Земельные держания, пожалованные церкви или отдельным духовным лицам, обычно освобожденные от всех платежей и выполнения каких-либо служб и повинностей.

ством отдельных людей, так и бога, потому что (такие держания) даются не только богу и церквам, но также тем аббатам и приорам, которые там служат богу.

Свободные держания также могут принадлежать одному, либо сообща (многим) людям. Из общих держаний одни являются общими для многих наследников, когда они рассматриваются как один (наследник), другие являются как бы общими для соседей в силу соседства, когда общие поля разделяются и разграничиваются камнями, либо бревнами, либо рвами, помещаемыми на границах полей. чтобы можно было знать, что у кого должно находиться в качестве его отдельного свободного держания, и чтобы каждый мог знать, что принадлежит ему, а что другому. И то, что ставится для разграничения полей, принадлежит не одному, а (всем) сообща. Поэтому некоторые говорят, что если ров засыпан соседом, или в каком-либо направлении уменьшен, или если убраны пограничные камни, или срублены пограничные деревья, то это скорее нарушение границы владения, чем лишение владения. В самом деле, процесс может вестись в двух направлениях, так как понятие лишение владения содержит в себе эти два элемента: лишение владения свободным держанием и нарушение его границы; а нарушение границы не включает в себя понятие лишения владения; но поскольку лишение владения включает в себя оба эти правонарушения, дело может быть решено как лишение владения или как нарушение границы; ибо тот, кто совершает большее правонарушение, совершает тем самым и меньшее, но не наоборот. Однако сэр Мартин[1] разбирал иски о разрушении или изменении расположения пограничных знаков как относящиеся к фригольду, но не к изменению его границ. И он обычно говорил, что никто не может совершить несправедливое лишение владения, не нарушив границ, полностью или хотя бы частично не разрушив и не убрав пограничных знаков, как это доказано (практикой).

§ 2. О различных видах держаний

Держания также делятся на божьи и человеческие. Человеческие, как было сказано выше, принадлежат либо одному, либо сообща (многим), могут быть свободными

[1] Сэр Мартин Пэтесхэл (Pateshull) — один из виднейших судей в период правления Генриха III.

и совершенно независимыми, в зависимости от того, передаются ли они богу или людям. Так, священные и посвященные богу (вещи) совершенно свободны от какого-либо подчинения, они могут принадлежать только богу, но никакому частному лицу или отдельному человеку, поскольку то, что однажды было посвящено и передано богу прелатами с соблюдением должного ритуала, никогда не может быть возвращено в частное пользование, например, монастыри, кафедральные церкви, здания капитулов и приходов, освященные часовни и кладбища, независимо от того похоронен там кто-нибудь или нет. Ибо если все эти места однажды были освящены и посвящены (богу) они не должны быть вновь возвращены в пользование людей, как и предметы с ними связанные, без которых эти священные места не могут существовать.

§ 5. О вилланских держаниях

Существуют вилланские держания, из них одни держатся в полном (чистом) (purum) вилланстве, другие являются привилегированными. Тот, кто держит полное или (чистое) вилланское держание все равно, является ли он лично свободным, или рабом (servus), выполняет за это держание то, что ему прикажут, и ему не должны давать знать вечером, что он должен будет делать на следующий день, и он всегда обязан нести любые повинности. И он облагается тальей[1] в большем или меньшем размере. Он обязан также заплатить за разрешение выдавать замуж свою дочь (меркет) и таким образом он всегда обязан выполнять (заранее) неопределенные повинности, однако так, что если он лично свободен, он выполняет их на основании своего вилланского держания, а не своего личного статуса, и он также не обязан по закону платить меркет, ибо (этот платеж) относится только к вилланам, но не к свободным людям.

Если же он виллан, он должен выполнять все эти неопределенные повинности на основании и своего вилланского держания и своего статуса, а свободный человек, если он держит (землю) на таких условиях, не может удерживать в своих руках вилланское держание против воли лорда и его нельзя заставить держать, если он этого не пожелает.

[1] Специфический вилланский побор, размеры которого устанавливались по воле лорда.

Существует, однако, вилланское держание, которое не является столь полным (чистым), все равно, дается ли оно свободному человеку или виллану; его держат по договору за определенные точно обозначенные службы и повинности, хотя эти службы и повинности являются вилланскими. И поэтому, если свободный человек или отпущенный на волю или проданный виллан будет лишен такого держания, он не может получить его обратно (по иску) о свободном держании, так как оно является вилланским держанием, и ассиза (о новом захвате) здесь не может иметь места[1]. Однако можно передать дело присяжным, чтобы расследовать вопросы о договоре в отношении выражения воли и согласия того, кто отпустил виллана, потому что, если истец в таком случае вернет себе свое вилланское держание, это не нанесет несправедливости его лорду в виду (наличия) его собственного волеизъявления и согласия, и право не может ему помочь против его воли, ибо если лорд может отпустить на волю и наделить землей своего виллана, тем более он может заключить с ним договор, а если он может сделать большее, то тем легче он может сделать меньшее.

Есть также другой вид вилланского держания, которое держат от господина короля со времени завоевания Англии и называется оно вилланским сокажем (socagium villanum) и которое также является вилланским держанием, хотя и привилегированным[2].

Держатели доменов господина короля пользуются такой привилегией, что они не могут быть согнаны с земли, пока они желают и могут выполнять возложенные на них повинности, и такого рода вилланы-сокмены называются также прикрепленными к земле (glaebae ascriptitii). Они (тоже) выполняют вилланские повинности, но определенные и установленные. И их нельзя заставить против их воли держать такого рода держания, поэтому они называются свободными. Однако они так же, как и полные вилланы, не имеют права дарить или передавать свои держания

[1] Вилланы не имели права отстаивать свои земельные права в королевских судах, в частности по владельческим ассизам.

[2] Здесь и далее в этом параграфе Брактон имеет в виду вилланов старинного домена короны. Он не совсем точен, называя вилланским сокажем держания, которые «держатся от господина короля со времени завоевания Англии», так как в XIII веке, когда писался трактат, большинство маноров старинного домена уже находилось в руках других лордов, чьими держателями и считались вилланы-сокмены этих маноров. В остальном Брактон довольно точно описывает привилегии держателей такого типа.

кому-нибудь под видом дарения; и поэтому, если они хотят их передать, то должны сначала вернуть их лорду или его бейлифу, а те передадут их другим в качестве вилланского держания...

В манорах господина короля могут быть также рыцари и свободные держатели за военную службу и на праве свободного сокажа. Бывают и пришлые люди (adventitii), которые так же держат (свои земли) по договору, как и вилланы-сокмены, но они не пользуются привилегией этих последних, а только правом иска на основании договора...

5. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ БРАКТОНА
(BRACTON'S NOTE BOOK)

АПИСНЫЕ книжки Брактона — это собрание судебных протоколов различных королевских судов, составленное, как полагают большинство историков английского права, по распоряжению Генриха Брактона для использования им при написании трактата «О законах и обычаях Англии». Рукопись этого любопытного собрания протоколов впервые была обнаружена в Британском музее русским историком П. Г. Виноградовым в 1884 году и затем тщательно исследована и опубликована с подробными комментариями английским историком В. Ф. Мэтландом в 1887 году. Записные книжки Брактона содержат 1982 судебных протокола, относящихся к первым 24-м годам правления Генриха III (с 1216 по 1240 год). Это в основном судебные разбирательства, происходившие в центральных королевских судах. Как установил Мэтланд, большинство протоколов в Записных книжках выбрано из официальных судебных протоколов, которые в виде свитков хранятся в Лондонском публичном архиве.

Протоколы, собранные в Записных книжках, в подавляющем большинстве относятся к гражданским тяжбам и притом к делам наиболее запутанным, спорным, в которых смешивались различные формы исков и которые в первую очередь могли интересовать Брактона как юриста и автора трактата. Они отличаются большой подробностью в изложении и обстоятельств дела, и прений сторон, и формулировки решений. Они носят более официальный характер, чем записи «Годичных книг», но в то же время не так сухи и лаконичны, как протоколы, собранные в Placitorum abbreviatio.

В силу этого они являются весьма ценным источником по истории английского феодального права, судопроизводства и в некоторой степени по социальной и политической истории Англии XIII века. Извлечения из этого источника иллюстрируют некоторые судебные казусы, характерные

для XIII века и для позиции, занимаемой королевскими судами в некоторых актуальных вопросах социальной и политической жизни того времени.

Особенно большой интерес представляет последний документ (г), рисующий весьма типичную процедуру разбирательств по делам о невыполнении вилланом его повинностей в пользу лорда. Подобные иски, как правило, превращались в ходе судебного разбирательства в тяжбы о личном статусе вилланов и чаще всего кончались для последних так же плачевно, как и в данном случае.

Все приведенные ниже протоколы переведены с латинских подлинников, опубликованных Мэтландом в издании — Bracton's Note book. A Collection of cases decided in the king courts during the reign of Henry the third annoted by a lawyer of that time seemingly of Henry of Bracton — edited by W. F. Maitland, vol. I—III. London, 1887.

(а) СПОР О НАСЛЕДСТВЕ
1236 год. Суд coram rege

Дж. граф Честерский и Гентингдонский был вызван в суд для ответа Гуго Альбиниако, Вильяму графу Феррерс и Агнессе его жене, а также Гавизе графине Линкольнской на то, почему он незаконно отказывает им в передаче следуемой им по закону части из наследства Ранульфа, прежнего графа Честерского, тогда как, поскольку (последний) умер, находясь во владении графством Честерским, этим Гуго, Вильяму, Агнессе и Гавизе могут быть зачтены, в качестве их законной части, те земли из этого наследства, которые они держат в других местах (Англии). Граф ранее уже заявил, что он не желает отвечать по этому иску иначе, как по специальному решению королевской курии с участием его пэров, так как он был вызван (в суд) в графство Нортгемптон по иску о своих землях и держаниях, расположенных в графстве Честерском, где королевские приказы не имеют силы[1].

[1] Граф в данном случае пытался опереться на одну из иммунитетных привилегий, которой он пользовался в графстве Честерском и которая, по его мнению, состояла в том, что он не должен был су-

Ввиду того что до сих пор существовал такой обычай, по которому все его пэры и другие лица, пользующиеся подобными привилегиями, как например, епископ Даремский, или граф Маршалл, отвечали за свои земли и держания, расположенные внутри их иммунитетов, в суде, (заседающем) в землях и держаниях, расположенных за пределами их иммунитетов, было решено, что он должен отвечать (в таком же порядке)[1]. Тогда граф заявил, что он не считает себя обязанным отвечать по этому иску в отсутствии графини Линкольнской, которая является соистицей Гуго, Вильяма и Агнессы (в этом иске) и без которой их иск не должен слушаться, так как все они вместе выступают как бы в качестве одного наследника.

И так как графиня была вызвана (в суд) таким образом, что ей был назначен день в курии после того, как она явилась по (первому) вызову, то было решено, что хотя графиня не желает поддерживать этот иск, это не должно препятствовать остальным (истцам) добиваться своих прав. И поэтому пусть тяжба продолжается, а графиня будет оштрафована.

Затем явился граф и заявил, что он не считает себя обязанным отвечать (по этому иску) в суде coram rege, так как эта тяжба относится к числу общих тяжб[2], а это явно противоречит (ранее) дарованным привилегиям и хартии господина короля[3], чтобы общие тяжбы следовали за господином королем и чтобы кто-либо вызывался в суд coram rege по общим тяжбам иначе, как в какое-либо определенное место (установленное для слушания таких тяжб).

диться за пределами графства Честерского по делам, касающимся его владений, расположенных в этом графстве. Но так как, по его утверждению, в этом графстве не действовали королевские приказы, то он рассчитывал, видимо, таким образом вообще укрыться от судебного преследования.

[1] Это решение было принято, видимо, в королевской курии, хотя и не ясно, с согласия пэров графа или нет. Во всяком случае оно, несомненно, ущемляло иммунитетные привилегии графа, ибо, не отрицая их открыто, ставило их ниже прецедентов, имевших место в королевских судах.

[2] «Общие тяжбы» (communia placita) — термин, обозначавший в средневековой Англии гражданские тяжбы, подлежавшие с конца XII века компетенции специального центрального Суда Общих Тяжб.

[3] Имеется в виду 17-я статья Великой Хартии вольностей, запрещавшая Суду Общих Тяжб разъезжать по стране вслед за королем и предписывавшая, чтобы разбирательство таких тяжб производилось в определенном установленном месте. С этого времени суд имел своим постоянным местопребыванием Вестминстер.

А Гуго через своего адвоката и другие (истицы) ответили, что это (возражение) не должно им препятствовать, так как эта тяжба была первоначально возбуждена в суде coram rege, и сам граф однажды без всякого возражения уже отвечал в этом суде перед королем, и хотя (вообще) запрещено, чтобы общие тяжбы следовали за королем, это вовсе не значит, что никакая отдельная тяжба не может разбираться в присутствии короля, и просили судебного решения. Им был назначен определенный день в суде coram rege, чтобы там обсудить вопрос о соглашении между сторонами, и если там соглашение не состоится, то пусть разбирательство продолжится, начиная с той стадии, на которой оно находится в данный момент.

(Bracton's Note book, vol. III, p. 226, N 1213)

(б) ТЯЖБА ПО ПОВОДУ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ЛОРДА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕГО ВАССАЛУ

1225 год. Судебные разбирательства в Вестминстере Суд Общих Тяжб

Маргарет Багот, через своего адвоката, возбудила иск против Рожера Марсель, (требуя), чтобы он освободил ее от выполнения повинностей, требуемых с нее Милисентой де Стаффорд за ее свободное держание, которое она держит от него (Рожера Марсель) в Блемхилле, поскольку этот Рожер является промежуточным лордом[1] и обязан освободить ее. Поэтому она просит, чтобы ввиду неявки этого Рожера, его принудили явиться (в суд) путем наложения

[1] Промежуточный лорд (medius) — одно из промежуточных звеньев феодальной иерархии, держатель земли от главного лорда феода или его непосредственных вассалов, от которого в свою очередь держали более мелкие феодалы. По феодальному обычаю такой промежуточный лорд должен был уплачивать вышестоящему лорду все следуемые с его держаний ренты и повинности, в частности и те, которые поступали от его подвассалов так, чтобы эти последние не должны были иметь непосредственных отношений с вышестоящим сеньором. Невыполнение промежуточным лордом этого правила часто влекло за собой наложение ареста на имущество его вассалов, как это имеет место в данном случае. Чтобы снять арест, арьервассал должен был привлечь в суд промежуточного лорда и доказать, что он уплатил ему все следуемые платежи и что в задержке платежей главному лорду повинен промежуточный лорд.

ареста на его имущество, поскольку на ее имущество (уже) наложен арест за (неуплату) рельефа, следуемого с этого Рожера Рожеру де ля Шух за землю, которую она держит от этого Рожера Марсель из феода, который Рожер де ля Шух держал от Генриха Багот — сына и наследника Милисенты де Стаффорд, в настоящее время уже умершей[1].

Рожер (Марсель) явился и признал, что Маргарет выполнила в его пользу все службы, которые с нее следовали, но решительно отрицал, что из-за его неявки (в суд) на ее имущество был наложен арест, (ссылаясь на то), что она никогда к нему не приходила и ничего ему об этом не говорила. Он согласился с тем, чтобы ее оставили в покое (дали мир); он сказал также, что держит от Рожера де ля Шух, который здесь присутствует и который признал это и сказал (в свою очередь), что он держит от Генриха Багот и выполняет в его пользу службы, которые обязан выполнять. И он (Рожер де ля Шух) просит, чтобы этот Генрих был вызван в суд для объяснения, на каком основании он наложил арест на феод этого Рожера (Марселя) в Блэмхилле, поскольку он Рожер де ла Шух выполнил в пользу этого Генриха все повинности, которые он должен был выполнить за это держание; и просит назначить день и так далее.

Кроме того, шерифу было предписано, чтобы независимо от каких-либо случайностей и отсрочек, он первым делом заставил бы этого Рожера де ля Шух освободить скот вышеуказанной Маргарет, захваченный им за невыполнение повинностей Рожером Марселем, от которого она держит.

(Bracton's Note book, vol. III, p. 75, N 1043)

(в) ТЯЖБА ПО ПОВОДУ ПРАВА ОПЕКИ
1236 год. Суд coram rege

Рожер ля Шух, хранитель земли и наследник Бриана Стопхэм, одного из наследников Бриана де Инсула, был вызван в суд, чтобы отвечать Агате де Сент Джордж по иску о возвращении ей права опеки[2] (хранения) над третьей

[1] В данном случае феодальная иерархия состоит из четырех звеньев, и все они оказываются втянутыми в иск, возбужденный арьервассалом.

[2] Право опеки — одно из высокоценимых феодальных прав, согласно которому опекуном несовершеннолетнего наследника являл-

частью половины рыцарского феода, со всем к ней относящимся в Хордоне, каковое право принадлежит ей на том основании, что вышеупомянутый Бриан держал эту землю от нее за военную повинность.

Рожер явился и сказал, что пользуется этим правом опеки по воле теперешнего господина короля, который передал ему в опеку земли Радульфа сына Бриана де Стопхэм, одного из наследников Бриана де Инсула[1], и так как он пользуется этой опекой по воле господина короля, то обращается к господину королю, как к своему гаранту[2].

И Агата явилась и сказала, что он незаконно обращается к господину королю как к гаранту, потому что Бриан де Инсула не держал никакой земли непосредственно от короля, так что опека над всей землей, принадлежавшей вышеупомянутому Бриану (Стопхэм) должна принадлежать ей. И просит по этому поводу решения.

Рожер ответил, что специальным приказом господина короля он получил право на эту опеку и обратился к господину королю как к своему гаранту. И потому им был назначен день (для нового разбирательства) в суде coram rege.

И Агата через своего адвоката заявила, что Бриан де Инсула никогда не держал (земли) непосредственно от короля. А Рожер ответил, что он (Бриан) держал от господина короля некую землю в Портезе, а именно в качестве сержантерии[3] за службу, (которая обязывает его) выставлять для королевского войска одного легковооруженного

ся его непосредственный лорд, пользовавшийся на этом основании землей наследника и поступавшими с нее доходами до наступления его совершеннолетия.

[1] Право опеки в средневековой Англии можно было дарить и передавать по воле опекуна, а особенно, если оно принадлежало королю.

[2] Гарант (warrantor) — лицо, в силу каких-нибудь особых причин обязанное выступать в суде для доказательства прав истца или ответчика на землю, или какое-либо имущество. В качестве гаранта обычно должен был выступать или лорд, которому держатель принес оммаж за свое владение, или человек, подаривший или передавший истцу землю, какое-либо имущество или феодальное право (например, право опеки, как в данном случае), являющееся объектом тяжбы.

[3] Сержантерия — особый вид свободного держания, обусловленный выполнением какой-нибудь, обычно невоенной, службы в пользу лорда, от которого держится сержантерия. В данном случае за нее выполняется военная служба, но в своеобразной форме: держатель

воина на 15 дней в военной фуфайке с железным шлемом и копьем, и, кроме того, (он держит) еще землю в Кингесхале.

Позднее в Кенингтоне было засвидетельствовано, что этот Бриан держал непосредственно от короля некую землю, как это описано выше, и было решено, что право опеки принадлежит господину королю, а поэтому пусть Рожер держит (эту опеку) с миром.

(Bracton's Note book, vol. III, p. 197, N 1183)

(г) ТЯЖБА О ВИЛЛАНСКИХ ПОВИННОСТЯХ И СВОБОДНОМ СТАТУСЕ

1224 год. Суд Общих Тяжб

Аббат де Белло через своего адвоката возбудил иск против Вильяма, сына Андрея, требуя, чтобы тот выполнял законные службы и повинности, которые он обязан выполнять за свое держание, будучи вилланом аббата. Аббат заявил, что этот Вильям — его виллан, но (он) отрицает это и (отказывается) от выполнения повинностей. Аббат готов доказать, что Вильям является его вилланом и что его отец Андрей тоже был вилланом и исполнял должность старосты у этого аббата всю свою жизнь.

Вильям явился и так как (до этого) он несколько раз не являлся (в суд), то был оштрафован. Он отрицал свой вилланский статус и сказал, что он свободный человек и держит как свободный и предложил отдать себя на суд страны (присяжных)[1].

Аббат (снова) говорит, что Вильям — виллан и представляет в суд некоего Джона, родственника этого Вильяма, который показал, что Эйлард — его дед имел двух сыновей, а именно старшего Алурика и младшего Алуреда, и Алуред был отцом Джона, а Алурик — отцом Андрея,

---

сержантерии не обязан являться в войско сам, но только нанимает воина, притом на очень короткий срок, и не рыцаря, а легковооруженного, может быть, пешего воина.

[1] С этого момента тяжба о повинностях превратилась в тяжбу о статусе без какого-либо официального возбуждения нового иска. Такие превращения были обычным делом в королевских судах XIII — первой половины XIV века.

отца этого Вильяма, и признал, что сам он является вилланом аббата и что Эйлард, его дед, был вилланом, а также — и его сыновья.

А Вильям сказал, что он свободный, и так как Джон объявил себя вилланом, не признал его своим родственником, но признал, что он должен выполнять в пользу аббата за виргату земли, которую он от него держит, некоторые повинности, а именно: уплачивать в год 5 шиллингов в четыре срока и в день св. Мартина давать ему полбушеля пшеницы по мерке, которая была в употреблении во времена короля Генриха II, а также вместе со всеми людьми этой деревни находить одного человека после завтрака для прополки хлебов аббата, пока в этом будет нужда; и все вместе (то есть все крестьяне деревни) они за это получают (в свое пользование) один акр пшеницы из лучшей пшеницы аббата. Кроме того, в течение трех дней до полудня он должен посылать одного косца на луг своего господина и, в качестве вознаграждения, получать хлеб, сыр и свою часть барана или часть от 6 пенсов (долю стоимости барана) по выбору аббата, и часть одного сыра или двух пенсов, и соли. Когда же будет убран луг, для уборки которого он посылал человека, то он должен получить один пшеничный хлеб. Осенью он должен ежедневно жать по полакра, за что получает один сноп при уходе (с поля), и должен найти четырех человек, а он сам Вильям будет пятый, чтобы явиться или приехать на лошади (в домен); и он вместе со всей своей семьей должен возить хлеб в течение одного дня на своей телеге и за это трижды или дважды в день получать харчи и один сноп. Затем он должен два дня пахать в качестве пахотной помощи и вспахать 1 акр в качестве ежегодной повинности, и за вспашку этого акра его скот может пастись на господском пастбище. Он должен также найти одного человека для уборки соломы на один день до полудня, и за эту повинность вся его семья может выйти на господское жнивье для сбора соломы. И он говорит, что это все его повинности, и он не обязан выполнять других[1].

---

[1] Любопытно, что все отработочные повинности, перечисленные ответчиком, сопровождаются, хотя бы номинально, каким-либо вознаграждением, что, видимо, должно было подчеркнуть их «добровольный» характер.

Возможно, что именно это обстоятельство создавало у Вильяма иллюзию личной свободы и давало ему основание оспаривать свой вилланский статус.

Аббат говорит, что Вильям должен выполнять все эти повинности и многие другие, так как от выбора аббата зависит, всегда зависело и должно зависеть, потребует ли он эти повинности наряду с (оброком) пшеницей или пожелает удвоить те же повинности, не беря пшеницы. Например, там, где Вильям признает себя обязанным находить одного человека, он (в случае, если аббат не потребует пшеницы), должен находить двух, и так в отношении всех других (повинностей)[1]. Кроме того, он не имеет права женить сына или выдать замуж дочь без разрешения аббата[2] и должен участвовать в уплате тальи вместе со всеми прочими людьми этой деревни[3]. Наконец, если он не дает (оброка) пшеницей, то его овечий загон пусть будет на господском поле[4], и то, что он обязан выполнять все эти повинности, (аббат) готов доказать, если этого потребует суд.

И Вильям защищался и признал, что Алурик был его дедом и братом вышеуказанного Алуреда, но как и раньше отрицал, что он являлся вилланом. И когда его спросили, давал ли он когда-нибудь денежное вспомоществование[5] вместе с другими людьми этой деревни, он ответил, что нет, но что он и еще один свободный человек в этой деревне иногда давали денежное вспомоществование по своей доброй воле, но не по обязанности, и что его отец также некогда давал вспомоществование и что Джон держит землю, которая принадлежала Эйларду.

Учитывая, что Вильям признал всех людей этой деревни, кроме одного, вилланами, и подтвердил, что он вместе с ними выполняет все вышеупомянутые работы и получает за это то же, что и они, а, кроме того, признал, что Алурик был его дедом, а вышеупомянутый Джон держит землю,

---

[1] Аббат здесь старается подчеркнуть неопределенность повинностей Вильяма, которая в общем праве, юридической теории вилланства и в практике королевских судов часто использовалась как доказательство вилланского состояния человека.

[2] То есть должен уплачивать брачную подать (merkat), что считалось одним из важнейших признаков вилланского статута.

[3] Талья — (tallagium) — в данном случае произвольная вилланская подать — также признак вилланского состояния.

[4] Не ясно, о каком праве лорда здесь идет речь. Возможно, что имеется в виду так называемое «право фальды», на основании которого лорд в некоторых случаях мог требовать, чтобы овцы его вилланов ночевали в его загоне, на его поле с тем, чтобы он мог использовать полученный от них навоз в своем хозяйстве.

[5] Подразумевается та же талья.

раньше принадлежавшую Эйларду, и является его потомком, и в виду того, что он (Вильям) ничего другого не имеет сказать или на кого-либо сослаться в доказательство своей свободы, постановлено, что аббат имеет право (требовать с него выполнения) этих повинностей, а Вильям признан вилланом и подлежит штрафу.

(Bracton's Note book, vol. III, p. 46, N 1005)

6. ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ СУДЕБНЫХ ПРОТОКОЛОВ КОРОЛЕВСКИХ СУДОВ

ОБРАНИЕ сокращенных извлечений из протоколов различных королевских судов за период с начала правления Ричарда I (1189) до конца правления Эдуарда II (1327) было опубликовано в издании «Placitorum in domo capitulari Westmonesteriensi asservatorum abbreviatio». London 1811. Сокращенно — Placitorum abbreviatio. В этом собрании имеются протоколы судов Королевской Скамьи, Общих Тяжб, суда coram rege и, что особенно важно, разъездных судов, заседавших в разные годы в различных графствах. Материал протоколов расположен в хронологическом порядке по годам. Приведены как уголовные, так и разного рода гражданские дела, разбиравшиеся либо в обычном порядке, либо в порядке апелляции на решения низших судов и, в частности, феодальных курий. Среди имущественных исков особенно большое место занимают тяжбы о земле.

Ввиду их большой краткости протоколы Placitorum abbreviatio дают меньше материала по истории судопроизводства, чем «Годичные книги» и Записные книжки Брактона. Однако все собрание в целом является весьма ценным источником по истории английского права и государства, так как довольно полно отражает деятельность различных королевских судов, показывает, какого рода процессы были наиболее обычными и каким образом в судах применялись те или иные нормы права и законодательства.

Нашла свое отражение в протоколах и классовая борьба крестьян с феодалами, в частности по вопросу о повышении рент и огораживаниях общинных земель, борьба за землю и ренту внутри класса феодалов, борьба городов с их сеньорами за муниципальные привилегии, столкновения между светскими и церковными землевладельцами из-за земли и юрисдикции и прочее.

Документы 1а и 1б дают характерный пример тяжбы вилланов привилегированных маноров старинного домена короны с их лордом в связи с попыткой последнего

повысить их обычные повинности. Такого рода тяжбы были частым явлением во второй половине XIII века ввиду стремления многих феодалов повышать ренты и увеличивать барщину своих вилланов. Так как право на иск в королевском суде имели только вилланы старинного домена короны, то, пытаясь бороться с притязаниями своих лордов, вилланы обычно возбуждали иск в королевском суде, утверждая, что они являются держателями старинного домена. Если проверка этих утверждений в Книге Страшного Суда, часто проводившаяся весьма недобросовестно, показывала, что манор не являлся старинным доменом короны, то иск вилланов просто аннулировался, и они штрафовались за ложную жалобу. В данном случае, однако, манор Тависток был действительно манором старинного домена, но вилланы хотя и были признаны держателями старинного домена и даже лично-свободными людьми, тем не менее проиграли свой иск и по приговору суда были обязаны к беспрекословному выполнению вилланских повинностей.

Подобные классово-тенденциозные решения были обычными в тяжбах такого рода, в изобилии встречающихся в Placitorum abbreviatio. Даже там, где в силу принадлежности манора к старинному домену короны нельзя было прямо применить принцип exceptio villenagii, суд находил средства помочь феодалам в эксплуатации их вилланов.

Не менее характерен в смысле классовой тенденциозности королевских судов документ 2-й, где речь идет о тяжбе между городом Монтгомери и его сеньором Эдмундом Мортуомари по поводу общинных угодий. Решение суда в пользу лорда базируется здесь опять-таки на том чисто формальном основании, что первый процесс велся неправильно, так как суд стал разбирать вопрос по существу и выяснять подлинные причины столкновения между горожанами и их сеньором, вместо того, чтобы ограничиться наказанием последнего и его людей за насилия, совершенные над горожанами.

Документ 3-й представляет собой типичный образец многочисленных протоколов такого рода, встречающихся в Placitorum Abbreviatio за период с 1254—1267 гг. Речь здесь идет о грабежах, насилиях и захватах земель, совершавшихся английскими феодалами разных рангов в период так называемой баронской войны 1258—1267 гг. и за несколько лет до нее. Приведенный протокол очень ярко показывает, что в основе такого рода столкновений между феодалами в конце концов лежала борьба за землю и до-

ходы, в которой принимали самое активное участие не только мелкие и средние, но и весьма крупные феодалы. Именно к ним принадлежали в данном процессе как истица, так и ответчица.

Два последние протокола 4а и 4б — это характерный пример тяжб об огораживаниях. Такие тяжбы отражают значительный размах огораживаний в XIII веке, особенно после издания Мертонского и Второго Вестминстерского статутов. Они обычно возбуждались феодалом-огораживателем против крестьян как вилланов, так и свободных, которые, протестуя против огораживаний, разрушали изгороди и рвы, производили порубки и потравы на огороженных участках и пр. Королевские суды, как правило, в этих случаях выносили решения в пользу лорда, аналогичные приводимому судебному решению.

PLACITORUM ABBREVIATIO

1. ДЕЛО ДЕРЖАТЕЛЕЙ МАНОРА ТАВИСТОК

(а) РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В 1279—80 гг.

(краткая запись судебного решения)

Против держателей манора Тависток (который является манором старинного домена короны), было вынесено судебное решение, согласно которому они обязаны выполнять в пользу Вильяма Мартейн, наследника Генриха де Траси[1], сервильные[2] и вилланские повинности и могут претендовать на определенный статус только в отношении их личности, но не в отношении повинностей[3]. Это решение было принято девятью судьями (назначенными) по распоряжению короля.

---

[1] Как явствует из следующего протокола, тяжба была начата еще при прежнем лорде Генрихе де Траси, тогда как данное решение было принято при новом лорде Вильяме Мартейн.

[2] Дословно — рабские, по существу личные и преимущественно барщинные повинности.

[3] Под определенным статусом здесь следует понимать определенность повинностей и стабильность личного статуса держателей старинного домена. Суд в данном случае разделил это общее понятие и

(б) ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЯЖБЫ В КОРОЛЕВСКОМ СУДЕ CORAM REGE В 1280 году

По тяжбе, (которая ведется) между держателями манора Тависток и Гальфридом Каумвиль, лордом этого манора[1], (и жалобе этих держателей) о том, что он требует от них повинностей, которые они не обязаны (выполнять), было вынесено решение в следующей форме. (Текст решения опущен в протоколе[2]). Затем через три недели после Пасхи господин король, находясь в Вестминстере, приказал, чтобы ход процесса по этому делу был вновь пересмотрен и если была допущена какая-нибудь ошибка, чтобы она была исправлена, так как вышеуказанные люди (держатели) пожаловались господину королю, что им была причинена несправедливость, поскольку они являются держателями старинного домена короны и поэтому должны иметь определенный статус, то есть выполнять за свои держания только определенные повинности и службы. И король назначил (в качестве судей) Р. Хэнгхама, Р. Стэплатона, У. де Винберна, Томаса де Вейланда, Дж. де Валлибус, У. де Сахем, У. де Врэтон, Рожера Ловдей для того, чтобы они выслушали стороны и установили, велся ли этот процесс и принято ли решение по нему в соответствии со статусом этих держателей, который можно установить по Книге Страшного Суда. Перед этими судьями вышеуказанные люди через своего адвоката заявили, что они являются держателями старинного домена короны согласно справке, наведенной в Книге Страшного Суда. По данным этой справки Тависток (записан) как земля короля Эдуарда, которая платит королю за 5 гайд и имеет 24 плуга. В домене 10 плугов, 18 сервов, 7 свинопасов и 35 свиней. Там имеется 12 акров луга, 20 акров лесного пастбища в 1 лье длиной и так далее. В Экзетере к этому манору принадлежат 5 домов. Манор оценивается в 18 фунтов. Поскольку до сих пор люди старинного домена всегда имели определенный статус в отношении своих служб и повинностей, а они согласно вынесенному ранее судебному решению при-

---

признал за держателями манора Тависток только право на неизменность личного статуса.

[1] Продолжение тяжбы по апелляции крестьян велось уже при третьем лорде — Гальфриде Каумвиль.

[2] Здесь, очевидно, имеется в виду решение, принятое уже ранее в пользу Гальфрида после решения, помещенного в первом протоколе, но, видимо, аналогичное ему.

знаны людьми сервильного статуса[1] и лишены права претендовать на определенный статус, который имеют все прочие сокмены (sokemanni)[2] в Англии, и это очевидная ошибка, то они просят, чтобы эта ошибка была исправлена и чтобы за ними снова было признано право на определенный статус. А Гальфрид явился в суд сам и заявил, что они не могут претендовать на определенный статус, и сказал также, что эти люди уже ранее предъявляли в суде coram rege претензии на определенный статус против Генриха де Траси, который возразил им, (утверждая), что с незапамятных времен их предки, которые родились в этом моноре или являлись в нем новопришельцами (adventitii), имели сервильный статус, выполняли сервильные и неопределенные повинности по воле лорда. Тогда в отношении жалобы держателей и ответа Генриха де Траси было проведено расследование, на которое обе стороны согласились и которым установлено, что они (держатели) всегда имели сервильный статус. И поскольку каждый может добиваться для себя судебного решения в королевской курии, и они (держатели) добровольно доверились этому расследованию, он (Гальфрид Каумвиль) просит суд решить, могут ли они претендовать на иной статус, чем тот, который был за ними признан по вердикту присяжных. Кроме того, он считает, что Книга Страшного Суда не свидетельствует в их пользу, потому что на землях старинного домена, где держатели имеют определенный статус, встречаются и сокмены и люди другого состояния, но в отношении данного манора не было обнаружено, что там когда-либо проживали сокмены, но имелись только сервы и вилланы.

И вышеуказанные судьи выслушали эти доводы, ознакомились с предшествующим расследованием, торжественно

---

[1] Сервильный статус — то же, что и вилланский,— крепостной статус. В источниках XIII века крестьяне, называвшиеся сервами (servi), по своему правовому положению уже ничем не отличались от вилланов, нативов и т. д. Всеми этими словами называли крепостных, лично зависимых крестьян.

[2] Сокмены — до нормандского завоевания лично свободные, но зависимые в судебном отношении крестьяне, находившиеся под юрисдикцией (сокой) своего лорда. В XIII веке термин сокмен сам по себе почти не употребляется. Обычно ему сопутствует определение «свободный» (liber sokemannus) для обозначения свободных держателей или определение — «виллан» (villanus sokemannus). Вилланами-сокменами и назывались обычно привилегированные вилланы старинного домена короны, которые здесь неточно названы просто сокменами.

произведенным 80-ю рыцарями и тщательно проверенным опытными судьями, которые могли бы прекрасно поддержать свое решение, если бы они были живы, узнали, что первое решение было против держателей и (решили), что имеется больше доводов в пользу первого постановления, чем против него. А также по Книге Страшного Суда было установлено, что в ней нет никаких упоминаний о сокменах, но говорится только о сервах и вилланах, и выяснено с помощью расследования, что многие из них (держателей) являются новопришельцами, которым их держания были переданы по воле их лордов; и они (судьи) считают по вышеуказанным основаниям, что первый процесс велся правильно, и вышеуказанные (прежние) судьи законным образом провели расследование и вынесли судебное решение[1]. И так как второй процесс вытекал из первого и столь же законно завершился вторым судебным решением[2], то судьи (новые) постановили, что Гальфрид может идти с миром (sine die), а держатели пусть держат свою землю в выше указанном маноре за сервильные повинности, сохраняя однако свой личный свободный статус[3]. И отныне они не могут претендовать на какой-либо определенный статус и штрафуются за ложную жалобу. А Гальфрид пусть получит приказ на имя шерифа (о том), чтобы он (шериф) принуждал вышеуказанных людей к выполнению вилланских и сервильных повинностей в пользу этого Гальфрида всякий раз, как они будут этому сопротивляться, и чтобы в этом случае шериф без промедления передавал бы Гальфриду движимое имущество этих людей[4].

Placitorum abbreviatio, p. 270—271.

[1] Имеется в виду процесс, который велся еще против Генриха де Траси.

[2] Имеется в виду процесс, который велся держателями против Вильяма Мартейн или первый раз против Гальфрида де Каумвиля.

[3] Личная свобода держателей манора Тависток в данном случае выражается в том, что если они не хотят держать свои наделы за вилланские повинности, они могут от них отказаться.

[4] Приказ на имя шерифа обычно завершал такие тяжбы, проигранные вилланами-держателями против попыток их лордов усилить феодальную эксплуатацию. Такого рода приказы являются весьма красочной иллюстрацией тесного сотрудничества судебных и административных органов феодального государства в деле подавления малейшего неповиновения крестьян их лордам.

2. ТЯЖБА МЕЖДУ ЭДМУНДОМ МОРТУОМАРИ И ЖИТЕЛЯМИ (ГОРОДА) МОНТГОМЕРИ ИЗ-ЗА ОБЩИННЫХ ЗЕМЕЛЬ

РАЗЪЕЗДНОЙ СУД В УЭЛЬСЕ В 1303 году

Согласно приказу об исправлении судебной ошибки (cerciorari error) пересматривалось дело между людьми из Монтгомери — истцами и Эдмундом де Мортуомари — ответчиком, так как судьи, назначенные для слушания этого дела приказом короля, вопреки указанию этого приказа, расследовали не только дело о правонарушении, совершенном в ущерб этим людям людьми Эдмунда, но и произвели расследование об общинном пастбище в Ландисделль, об охотничьем заповеднике и рыбных ловлях на всем протяжении реки Северн и всех речек в Керри и Кадевинг, так как люди из Монтгомери претендовали на эти земли как на общинные угодья, находившиеся в их владении с незапамятных времен. И на основании этого расследования вышеуказанные судьи признали, что люди Монтгомери имеют право охоты и рыбной ловли на этих землях. А вышеуказанный Эдмунд пожаловался, что ему нанесли большой ущерб, потому что согласно этому решению он теряет свое свободное держание[1]. Судьи, пересматривавшие дело, постановили отменить ранее принятое решение в отношении свободного держания, но оставить в силе решение о правонарушениях, совершенных людьми Эдмунда против людей Монтгомери. Первое решение было вынесено в результате расследования разъездными судьями Бого де Кновилль и Робертом Корбет в 1291 году.

Placitorum abbreviatio, p. 293.

3. ТЯЖБА О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1258—1267 гг.

РАЗЪЕЗДНОЙ СУД В ГРАФСТВАХ ГЭМПШИР И СЭРРИ, 1266 год

Изабелла де Фортибус графиня Альбемарль была вызвана в суд, чтобы отвечать по иску Маргарет де Рипариус

[1] Под «свободным держанием» здесь имеются в виду захваченные Эдмундом Мортуомари в его личное пользование угодья, бывшие, по-видимому, раньше общинными.

графини Девонширской (по обвинению) в том, что она во время недавней смуты в королевстве захватила всякого добра и движимости этой Маргарет в (манорах) Христчерч Фрешуотер и Уроксхолл в графстве Гэмпшир — общей стоимостью в 1000 марок и на сумму в 100 марок в (маноре) Лэмхат в графстве Сэри, вывезла (это имущество) и до сих пор удерживает его. И Изабелла признала, что она должна этой Маргарет графине Девонширской за пользование доходами и прочими выгодами (emolumentis), которые она получала с этих маноров во время войны, 834 марки[1]; и обязалась уплатить ей их путем передачи Маргарет или ее душеприказчикам своего манора Севенхэмптон в Уильтшире с тем, чтобы Маргарет владела им и держала его со всем к нему относящимся до тех пор, пока она или ее душеприказчики не получат от доходов этого манора сумму долга.

Placitorum abbreviatio, p. 160.

4. ТЯЖБЫ ПО ПОВОДУ ОГОРАЖИВАНИЙ И ПРАВ СВОБОДНЫХ ДЕРЖАТЕЛЕЙ НА ПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЩИННЫМИ УГОДЬЯМИ

(а) КОРОЛЕВСКИЙ СУД, 1288 год

Томас, сын Гальфрида де Сэнгхем, возбудил иск против 20 держателей виллы Биллингфорд Трегот по обвинению в том, что они сломали его изгородь (в этой вилле) и порубили его деревья. Они (ответчики) заявили, что как было установлено при проверке круговой поруки (свободного поручительства) они должны владеть общинной дорогой, которая ведет к деревенской мельнице, а он (Томас) загородил эту дорогу. И бейлиф (при проверке круговой поруки) приказал, чтобы изгородь на дороге была снята, что они и выполнили. Присяжные показали, что они (ответчики) сломали эту изгородь на протяжении двух локтей.

Placitorum abbreviatio, p. 213.

---

[1] Видимо, ответчица захватила не только движимость истицы, но и ее земли, которые она эксплуатировала в течение всего периода смуты.

(б) РАЗЪЕЗДНОЙ СУД, 1290 год

Уолтер де Ротбир возбудил иск против Матильды де Мултон и 20 других лиц по обвинению в разрушении его изгороди в вилле Коместоркби. Ответчики заявили, что они имеют в этом месте общинное пастбище (communia) и поэтому недавно разрушили (изгородь). Вышеуказанный Уолтер заявил, что он является лордом этой виллы Коместоркби и возвел вышеупомянутую изгородь на своей собственной земле.

Присяжные показали, что он произвел огораживание с целью расширения своего парка и что ответчики недавно сломали эту изгородь[1]. При этом они показали, что ответчики в этой вилле имеют достаточно общинных угодий за пределами этой изгороди[2]. Поэтому судебное решение было принято в пользу Уолтера, против вышеуказанной Матильды.

Placitorum abbreviatio, p. 223.

---

[1] Здесь, несомненно, налицо сопротивление крестьян-держателей попыткам феодала огородить часть общинных угодий. Из протокола не ясно, являлся ли Уолтер Ротбир лордом крестьян-правонарушителей или лордом соседнего манора.

[2] Мотивировка судебного решения, вынесенного против крестьян-держателей, опирается на VI статью Мертонского статута, которая разрешала лордам огораживать общинные угодья при условии, если они оставляют своим свободным держателям достаточно общинных угодий и свободный проход к ним. Из этого же можно заключить, что разрушителями изгороди были в данном случае свободные держатели, а не вилланы, так как ни VI статья Мертонского, ни XLVI статья Второго Вестминстерского статута, также регулировавшая вопросы огораживаний, вовсе не упоминали о подобных правах для вилланов.

7. ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ГОДИЧНЫХ КНИГ»

(1302—1305)

ОДИЧНЫЕ книги» (year books) начали составляться с 90-х годов XIII века и регулярно велись вплоть до середины XVI века (до конца правления Генриха VIII). В отличие от обычных судебных протоколов они записывались не официальными лицами — судебными клерками, а начинающими юристами, проходившими в королевских судах своеобразную практику и собиравшими материал для своей будущей адвокатской деятельности. Авторы записей фиксировали лишь те моменты процесса, которые были интересны для них,— прежде всего доводы сторон, от имени которых обычно выступали опытные адвокаты, и мнения судей по наиболее спорным вопросам. В этой части записи «Годичных книг» гораздо полнее и подробнее, чем официальные протоколы. Зато они опускают или очень небрежно фиксируют другие важные для понимания процесса моменты: имена тяжущихся, обстоятельства дела и окончательное судебное решение. Записи «Годичных книг» отличаются также большой субъективностью выбора протоколируемых процессов. Естественно, что начинающих адвокатов больше всего интересовали самые сложные, запутанные дела, в которых одна форма иска в ходе судебного разбирательства превращалась в другую. Это сопровождалось длительными прениями сторон с выдвижением интересной для юристов аргументации (например, в публикуемых ниже документах а—д).

«Годичные книги» — очень ценный, хотя и своеобразный источник по истории английского феодального права и судопроизводства, а отчасти и социальных отношений той эпохи. Они ярко и живо рисуют картину судебных заседаний своего времени в центральных и разъездных королевских судах, поведения тяжущихся, их адвокатов, судей, комиссий присяжных (ассизы жюри). В них ощущается дыхание времени вплоть до живого разговорного языка

всех участников судебного разбирательства — выступления сторон записывались в «Годичных книгах» в свободной форме без официального шаблона, принятого в обычных протоколах. В то же время «Годичные книги» ярко иллюстрируют волокиту, царившую в судах, казуистичность общего права, крючкотворство адвокатов и судей, их явную необъективность и классовую пристрастность. Это особенно заметно в документе (б), в котором решение суда выглядит малоубедительным, так как вилланский статус истцов, на основе которого аннулируется их иск о смерти предшественника, остается недоказанным. То же относится к документу (в), где сочувствие судей явно на стороне лорда, против истца, которого они считают вилланом; и к документу (д), в котором описано, как судьи отпустили с миром человека, обвиненного в убийстве, потому что он предъявил королевскую хартию о помиловании, и оштрафовали его товарища за укрывательство помилованного преступника.

Большинство «Годичных книг» в разное время было опубликовано. Помещенные ниже извлечения переведены из «Годичных книг» 30—33-х годов правления Эдуарда I, то есть за годы 1302—1305. Эта часть протоколов была опубликована в 1863—1864 гг. Дж. Хорвудом в издании Rerum britanicarum medii aevi scriptores (Uear books of the reign of king Edward the I, vol. I, London 1863, vol II, London 1864).

(а) РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО АССИЗЕ О НОВОМ ЗАХВАТЕ

в Суде Общих Тяжб[1] в 1302 году

[Вильям Сейнор возбудил иск по ассизе о новом захвате против Уолтера Гея и пожаловался, что он лишил его владения семью акрами земли со всем (к ней относящимся) в (деревне) N.].

Кинг (адвокат ответчика): Здесь не может быть применена эта ассиза, так как мы заявляли, что Роджер, отец Уолтера Гея передал это держание некоему Роберту

[1] См. прим. на стр. 135.

Буссард в качестве приданого (liberum maritagium — franc-meirriage)[1] за своей дочерью Иоанной, по хартии, которая находится здесь; и этот Уолтер вступил во владение держанием по праву поворота (par la revercion) ввиду того, что эти Роберт и Иоанна умерли, не оставив потомства[2]; адвокат требует решения (по вопросу о том), может ли вестись разбирательство по ассизе, если он (Вильям) не предъявил документа, по которому это свободное держание перешло к нему.

Уэскот (адвокат истца): Если бы потомок Иоанны домогался этого держания на основе приказа «formedon en le descendre»[3] против вас, вступившего во владение на основании права возврата, то была бы необходимость в предъявлении дополнительного документа; но поскольку Вильям претендует на это держание как посторонний человек, на основании своей собственной сейзины (права владения), мы требуем судебного решения о том, необходимо ли при этих обстоятельствах предъявлять такой документ.

Кинг: Он (Вильям) никогда не владел (этой землей) и мы готовы отвечать.

Присяжные: Роджер Гей, отец Уолтера, отдал это держание Роберту в качестве приданого за своей дочерью Иоанной; Роберт совершил уголовное преступление и бежал из этих мест; Вильям, возбудивший иск по ассизе, женился на этой Иоанне, и они имели потомство. Затем Иоанна умерла, а Вильям остался во владении этой землей по закону Англии[4] и владел ею целых десять лет, пока

---

[1] Franc-marriage (лат. liberum maritagium) — см. примечание на стр. 216.

[2] Право поворота (revercion) — особое право на владение землей, связанное с условными дарениями, которое предусматривало возвращение земли дарителю или его наследнику при несоблюдении оговоренных в дарении условий. Чаще всего таким условием являлось наличие у держателя потомства. Передача земли в приданое, о котором идет речь в данном случае, представляла одну из форм такого условного дарения.

[3] Приказ «formedon en le descendre» — согласно первой статье Второго Вестминстерского статута 1285 г. (статья об условных дарениях) применялся для возбуждения иска о возврате условного дарения дарителю в случае невыполнения условий дарения или наследнику держателя, получившего условное дарение, если даритель или кто-нибудь другой захватил эту землю.

[4] Держание по «закону Англии» или «by courtesy» — обычай, согласно которому муж после смерти жены оставался во владении ее держанием до конца своей жизни, если у них были дети, к которым затем должно было перейти наследство.

Уолтер, сын Роджера, не лишил его владения; и они просят помощи (в этом деле).

Судья Брэмптон: Скажите нам, каков (причиненный) ущерб? — (очевидно при захвате владений Вильяма).

Присяжные: 10 шиллингов.

Полейн (видимо второй адвокат истца): Там был сундук стоимостью в две марки[1] и другое имущество.

Судья Бервик (второй судья): Установите точно размеры ущерба; Вы должны знать, что суждение выносится одновременно как в отношении (причиненного) ущерба, так и по основному вопросу, с тем, чтобы это дело не выходило за пределы данного суда и не было бы необходимости искать (возмещения) в Канцлерском суде.

Присяжные: (повторяют свое суждение).

Судья Брэмптон: Поскольку ассиза считает, что Вильям вступил во владение этим держанием под видом осуществления своего права, претендуя на него на основании закона Англии после смерти Иоанны и продолжал владеть им 10 лет, то даже, если он не имел на это (законных) прав, тот, кто претендует на эту землю, не должен был лишать его владения без суда. Поэтому настоящий суд присуждает, что Вильям должен быть восстановлен в своих правах на землю и (получить возмещение) ущерба, а вышеуказанный Уолтер, если он считает это для себя удобным, может возбудить иск по приказу «formedone en le reverti».

[Позднее явился Уолтер и возбудил иск по приказу «formedone en le reverti»[2] против Вильяма, основываясь на том, что содержалось в вердикте (первого разбирательства).]

Гентингдон (адвокат Вильяма): Вильям владел этим держанием по закону Англии и право на возврат (этой земли) принадлежит его сыну Джону[3], который является несовершеннолетним; и он просит оказать помощь истцу; и его сын находится здесь в суде и просит (засвидетельствовать) его возраст.

---

[1] Марка — 13 шиллингов 4 пенса.

[2] «Formedone en le reverti» — особая форма судебного приказа, применявшаяся для возбуждения иска о возвращении условного дарения дарителю или его наследникам в случае несоблюдения условий, которыми сопровождалось это дарение.

[3] После смерти Вильяма «как держателя по закону Англии» земля должна была перейти к Джону как прямому потомку Иоанны, за которой земля была дана в приданое в виде условного дарения.

Миддлтон (адвокат Уолтера): Вы не должны откладывать это разбирательство по причине несовершеннолетия Джона, потому что мы заявляем, что Роберт и Иоанна, его жена, умерли, не оставив потомства, и это является основанием для нашего иска.

Судья Гарвей (второй судья): Если здесь будет оказана помощь Вильяму, то Уолтер навсегда будет лишен права на иск, поэтому отвечайте еще раз.

Гентингдон: Этот приказ выдан позднее установленного срока.

Судья Бервик: Приказ выдан судом (Канцлерским судом) и следовательно, должен быть рассмотрен в суде; поэтому отвечайте еще раз.— [Это однако кажется странным, поскольку на основании статута он не предъявил этого приказа ранее.][1]

Гентингдон: Держание было передано Иоанне в качестве простого феода (simpelement)[2] и мы готовы отвечать.

[Противоположная сторона утверждает обратное.

Присяжные заявили, что держание было передано (Иоанне) в качестве условного дарения (fee tayle)[3]. На этом основании судья Брэмптон вынес решение о том, что Вильям должен быть восстановлен в праве владения. Позднее явился Вильям и заявил, что держание было передано до издания статута[4], в силу чего он должен держать его в течение всей своей жизни. Когда присяжных спросили и поручили им на основании принесенной ими присяги (выяснить), было ли это держание передано до или после издания статута, (они) ответили: «До (издания) статута».]

---

[1] Слова, помещенные в скобках, очевидно, представляют собой замечание того, кто записывал ход процесса, выражающее его недоумение по поводу слов судьи. Под статутом подразумевается первая статья Второго Вестминстерского статута, разрешавшая наследникам дарителя возбуждать иски о возврате условного дарения против держателей «по закону Англии».

[2] Simpelement — здесь означает держание на праве простого, обычного феода — fee simple, то есть обычного наследственного, ничем не обусловленного свободного земельного держания, в противовес условному дарению.

[3] Fee tayle — feodum talliatum — держание земли, обусловленное появлением потомства у того, кому оно передавалось. Если потомства не было, земля, подаренная на таких условиях, подлежала возврату дарителю или его наследникам. Одним из видов условного держания было и liberum maritagium.

[4] Второго Вестминстерского статута 1285 года.

Судья Брэмптон: Как давно умерла Иоанна?

Присяжные: Восемь лет тому назад.

Миддлтон: Поскольку Иоанна умерла после издания статута, мы считаем, что Вильям не может ни на что претендовать на основании закона Англии.

Судья Брэмптон: Поскольку выяснено, что держание было передано Роберту и Иоанне в качестве условного дарения до издания статута, а Вильям является вторым мужем Иоанны, и так как в этом случае до издания статута второй муж имел бы право держать (эту землю) по закону Англии (это видно из самого статута, который ограничивается замечанием о том, что «впредь никакой второй муж» и т. д.), то суд постановляет, что Вильям может держать эту землю до конца своей жизни; а после его смерти Уолтер без всяких затруднений может получить это держание.

Year books, vol I, p. 122—126.

(б) РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО АССИЗЕ О СМЕРТИ ПРЕДШЕСТВЕННИКА

в Суде Общих Тяжб в 1302 году

[Две сестры возбудили иск по ассизе о смерти предшественника после смерти R., их отца, против (некоего) Вильяма.]

Мэтфорд (адвокат ответчика): Мы не обязаны отвечать по их иску, так как они являются нашими крепостными (neyfs)[1] и мы владеем ими как нашими крепостными (требует судебного решения).

Гэнтингдон (адвокат истцов): Мы находимся здесь в королевском суде в качестве свободных лиц и судимся с Вами, и наш отец умер, находясь во владении (спорной) землей. ...Мы готовы отвечать и т. д.

Мэтфорд: Сначала докажите, что Вы имеете право претендовать на (ответ по) иску и тогда можете искать по ассизе.

Гентингдон: Некий Роберт, лорд (манора) С., поместьем которого теперь владеет Вильям, передал эти держания нашему деду на условии принесения оммажа

[1] Neyt, nativus — прирожденный крепостной, в XII—XIII вв. термин, равнозначный термину виллан (villanus).

феодальной верности), и по этой хартии, которую мы здесь (предъявляем), (мы требуем) судебного решения о том, можете ли Вы считать нас крепостными вопреки этому акту, совершенному тем, кто в то время имел власть отпустить нас на волю (de nous enfraunchir)[1].

Мэтфорд: Мы владеем Вами и владели Вашим отцом и т. д. (требует судебного решения).

Гентингдон: Поскольку кровь однажды получила свободу[2] от того, кто имел право (освободить ее), то даже если освобожденный человек затем выполнял вилланские повинности[3], это не делает его рабом по крови.

Кинг (второй адвокат истцов): Тот, кто однажды освобожден, должен быть свободен навсегда, если только после этого он сам не признает себя крепостным (si il ne seyt apres en serve) в результате соглашения в каком-либо суде, в котором ведутся протоколы[4]. В конце концов дело было передано на рассмотрение ассизы (присяжных), которая заявила, что R. был крепостным (neyf) сэра Вильяма.

Судья Бервик: Разве он (R.) умер, владея своей землей в качестве свободного наследственного держания?

Присяжные: Нет, сэр.

Судья Брэмптон: Поэтому суд постановляет, что Иоанна и Мод (сестры-истицы) штрафуются за ложную жалобу, а Вильяму — до свидания (отпускается с миром)[5].

Year books, vol. I, p. 137.

---

[1] Адвокат истцов исходит здесь из предположения, что передача земли в держание по хартии не совместима с вилланским статусом который в теории допускал только возможность наследственного владения вилланским наделом по обычаю манора (без письменного документа). Он считает, что передаче земли по Хартии должен был предшествовать отпуск на волю того, кому передавалась земля.

[2] «Освобождение крови» — отпуск на волю крепостного.

[3] Согласно обычной практике королевских судов XIII века длительное выполнение некоторых вилланских повинностей считалось аргументом в пользу признания человека вилланом.

[4] Такие признания себя крепостным в королевском суде были в XIII веке весьма часты и являлись обычно результатом длительной тяжбы между лордом и держателем о статусе последнего. В ходе такой тяжбы под давлением лорда и суда держатель часто был вынужден признать себя крепостным. Протоколы, за которыми признавалось значение официальных документов, в XIII веке имели право вести только королевские суды.

[5] Заключительный этап этого судебного разбирательства представляет типичный пример практического применения принципа «исключения вилланства (exceptio villenagiis) в королевском суде.

(в) РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО ВОПРОСУ О СТАТУСЕ МЕЖДУ ФЕОДАЛОМ И КРЕСТЬЯНИНОМ, КОТОРОГО ФЕОДАЛ СЧИТАЕТ СВОИМ ВИЛЛАНОМ, на зимней сессии королевского суда в Вестминстере[1] в 1304 году

[Некий Адам возбудил иск о незаконном заключении в тюрьму (bref de enprisonement) против некоего Винцента и заявил, что тот схватил его в такой-то день в деревне Рочвелл и незаконно заточил в тюрьму, чем нанес ему ущерб.]

Тоузби (адвокат ответчика): Сэр, его иск не может быть принят, т. к. он является нашим вилланом и мы захватили его как нашего виллана и готовы (это доказать).

Эссеби (адвокат истца): Сэр, его отец был свободным человеком и свободного состояния. Более того, мы утверждаем, что деревня Рочвелл, где он (Винцент) схватил его, принадлежит к феоду графа Глостерского и (вовсе) не является частью феода этого Винцента или его сеньории[2]. И так как он схватил его вне пределов своей сеньории и не желает отвечать за этот арест, мы просим судебного решения как потерпевшие[3].

Тоузби: Сначала докажите, что Вы имеете право получения ответа и тогда мы будем отвечать относительно места задержания.

Судья Говард: Даже, если он Ваш виллан, Вы полагаете, что можете схватить его всюду, где бы Вы его не нашли?

Тоузби: Я отвечаю на (вопрос о) лице (о личном статусе), потому что если бы я отвечал на вопрос о месте его ареста, я не смог бы потом отвечать на вопрос о его статусе.

Эссеби: Поскольку он не отвечает по поводу заключения в тюрьму и он схватил его (Адама) за пределами своей сеньории, (мы требуем) судебного решения.

---

[1] Очевидно, имеется в виду также Суд Общих Тяжб.

[2] Подразумевается территория, на которой данный лорд имеет какие-либо иммунитетные права.

[3] Адвокат истца пытается перенести центр тяжести судебного разбирательства на вопрос о том, на какой территории был произведен арест, чтобы отклонить попытки ответчика ссылаться на принцип «исключения вилланства».

Судья Хенгхэм: Когда человек владеет вилланом и этот виллан отправится на рынок или куда-либо за пределы его (лорда) феода, разве он (лорд) не может схватить виллана там, где найдет его? (предполагается утвердительный ответ)[1]. Поэтому, если он может в этом случае доказать свое владение (вилланом), то он может на законном основании оправдаться и в том, что он схватил его за пределами своего феода.

Тоузби: Сэр, мы владеем им как нашим вилланом, он наш виллан по рождению и имеет домициль (постоянное местожительство) среди наших вилланов; мы просим решения, имеет ли он право на ответ.

Эссеби: (Повторяет) уже сказанное.

Судья Хенгхэм: Он (Адам) присутствует здесь лично или через адвоката?

Эссеби: Через адвоката.

Судья Хенгхэм: Если бы он присутствовал здесь лично, то это имело бы значение, т. к. это давало бы большее основание предположить, что он (Винцент) не владеет им, как своим вилланом; поэтому отвечайте (еще раз).

Эссеби: Он свободный человек, свободного состояния; и он (ответчик) не владеет им, как вилланом; мы готовы отвечать. Противная сторона утверждает обратное. Поэтому[2]...

Year books, vol. II, pp. 54—56.

(г) СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО ПОВОДУ ПРЕВЫШЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПРАВ ФЕОДАЛЬНОЙ КУРИЕЙ

Разъездной суд в Корнуоле, 1302 год

[Десятком (свободного поручительства) было заявлено. что в городе Б. был схвачен вор, осужден и повешен. По этому поводу (разъездные) судьи распорядились, чтобы участники этого суда (осудившего вора)[3] явились и дали бы ответ об этом (деле). Они пришли и сказали, что в такой-то день некий Мэтью пришел на рынок в Б. и увидел

[1] Это замечание того, кто вел запись процесса.
[2] Запись не закончена, решение не известно.
[3] Имеются в виду вассалы — свободные держатели приора, обязанные по условиям держания посещать заседания его курии и принимать участие в происходящих там судебных разбирательствах.

там (в руках) у некоего Роберта своего коня, который был украден предыдущей ночью из его дома в городе Т. Мэтью поднял крик тревоги[1] против этого Роберта и человек и лошадь были схвачены. Затем приор Боддонский, которому принадлежат иммунитетные права (на этой территории), спешно собрал свою (судебную) курию, куда явился вышеуказанный Мэтью и обвинил этого Роберта в совершении уголовного преступления (felonye)[2], сказав, что он преступно захватил его коня, нарушил мир и т. д. И этот Роберт явился и признал свое преступление. Затем стюард, который вел заседание курии приора, вынес решение о том, что он (Роберт) должен быть повешен.]

Судья Спигурнелл: Вызовите приора.

Приор явился.

Спигурнелл: Преступление было совершено в пределах Вашего иммунитета?

Гентингдон (адвокат приора): Нет, сэр.

Спигурнелл: А где же?

Гентингдон: Сэр, мы не знаем.

Спигурнелл: Теперь, сэр приор, полагаете ли Вы, что имеете право разбирать в Вашей курии уголовные дела, совершенные за пределами Вашего иммунитета, если Вы претендуете только на право infangtheft?[3].

Гентингдон: Мы считаем, что право infangtheft распространяется на случаи, когда вор захвачен с поличным (ov meynour) тем, кто его преследует, и если он явится в суд, мы имеем право разбирать это дело и вынести судебное решение, если он (обвиняемый) будет уличен.

Спигурнелл: Я уже сказал Вам, что они (участники суда в курии приора) сообщили о том, что обвиняемый

---

[1] Hew and Cry — особая процедура, с помощью которой потерпевший или лица, являющиеся свидетелями какого-либо преступления, поднимали тревогу, побуждая власти к преследованию преступника.

[2] Felonye — тяжкое уголовное преступление, под которым подразумевались в средневековой Англии убийство, ограбление с убийством, поджог, государственная измена. Однако на практике, как в данном случае, под это понятие подводился и обычный грабеж или даже крупное воровство, особенно если это было по какой-то причине выгодно королевскому суду.

[3] Infangtheft — здесь, особое иммунитетное право, возникшее еще до нормандского завоевания, передававшее в руки феодала суд над ворами, пойманными с поличным, если они совершили преступление в пределах иммунитета данного лорда. Процедура судебного разбирательства по таким делам была крайне примитивной и граничила с самосудом, тем более что обычным наказанием в этих случаях являлась виселица.

признал себя вором, и они после этого вынесли решение. Можете ли Вы поступать так без представления заключения коронера[1]?

Гентингдон: Нет. Но если он (вор) явился в (наш) суд, если он захвачен с поличным, мы имеем право вынести приговор.

Спигурнелл: Вы хорошо слышали, как здесь было сказано, что Вы вынесли приговор человеку без обвинительного заключения коронера, который имеет право вести протоколы. Ваш суд не имеет этого права[2], и Вы не можете это отрицать. Ждите решения по Вашему делу в понедельник.

Year books, vol I, p. 500.

(д) СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Разъездной суд в Корнуоле, 1302 год

[Некий Джон Суинк совершил уголовное преступление (felonye) и немедленно после этого был арестован. Его друзья, пока он сидел в тюрьме, приобрели для него королевскую хартию о помиловании. Во время судебного объезда он был (несмотря на хартию) обвинен присяжными[3] в совершении уголовного преступления, а некий Роберт — в том, что он укрывал его, зная об этом преступлении. Вышеуказанный Джон Суинк явился перед судьями, и ему было предъявлено обвинение в этом преступлении, а он показал королевскую хартию и просил, чтобы в соответствии с этой хартией его отпустили бы с миром. Затем явился Роберт, и ему было предъявлено обвинение в укры-

[1] Коронер — должностное лицо в графстве, главной обязанностью которого был общий контроль над деятельностью шерифа, расследование и запись в особые свитки о всех уголовных делах, подлежащих судебному разбирательству, а также арест и представление в суд всех лиц, подозреваемых в преступлениях.

[2] Сеньориальные суды в отличие от королевских не имели права вести протоколы, и хотя фактически там велись краткие записи разбиравшихся дел, но эта запись не считалась официальным документом.

[3] Имеются в виду «обвинительные присяжные» — так называемое большое жюри — комиссия присяжных, назначавшаяся в каждой сотне для того, чтобы давать судьям сведения о лицах, совершивших или подозреваемых в совершении уголовных преступлений. На основе такого представления (presentment) королевские суды могли возбуждать преследование преступников и подозрительных лиц, не дожидаясь частного обвинения.

вательстве, и он ответил, что тот, кого он укрывал, сам никогда не был осужден за преступление и таким образом он, Роберт, не мог быть укрывателем. И ввиду того, что укрывательство есть лишь соучастие в преступлении, а главным является само преступление, то он просит судебного решения о том, должен ли он отвечать за укрывательство, которое является лишь соучастием.]

Судья Спигурнелл: Он был привлечен к суду за уголовное преступление здесь перед нами, и он предъявил королевскую хартию, которая свидетельствует о том, что король прекратил преследование за это преступление. Эта хартия предполагает, что король считал Джона совершившим преступление, и человек может считаться достаточно уличенным, если он сам признает, что он преступник. Поэтому мы рассматриваем его как уличенного (в преступлении).

Гентингдон (адвокат ответчика): Сэр, в хартии не сказано, «поскольку он был уличен», но только «поскольку он был привлечен к суду»; эти слова предполагают лишь, что он был обвинен, но вовсе не то, что он совершил преступление. Ведь многие люди через своих друзей приобретают такие помилования, полагая, что это наиболее верный путь (для освобождения); и быть может этот человек поступил так же.

Судья Бервик: Разве Вы не знаете случаев, когда король милует людей, объявленных вне закона, и несмотря на это помилованный отвечает (по суду) за правонарушение, за которое он был объявлен вне закона?

Гентингдон: Да, сэр; и в его хартии на этот случай имеются слова: «Несмотря на то что он был под судом» и т. д. Джон Суинк в данном суде освобождается от ответственности в силу королевской хартии; тем не менее, если кто-нибудь обвинит его в том же преступлении, то надлежало бы явиться ему как заключенному в тюрьму и отвечать за убийство; так мы и заявляем Вам, что если бы он был осужден за преступление, как по Вашему мнению явствует из приобретенной им хартии, то (Роберт) должен был бы сразу же отвечать за соучастие. И мы просим судебного решения в отношении того, должен ли он отвечать за укрывательство, в котором Вы его обвиняете, учитывая, что главный (преступник) еще не осужден, хотя он возможно позднее будет приведен сюда по иску другого лица, чтобы отвечать за это дело и возможно будет осужден.

Судья Бервик: Роберт, уплати штраф королю, так как ты не можешь отрицать, что ты укрывал его, а это — большой проступок против короля.

[Следует заметить, что судьи поступили так (оштрафовали Роберта) скорее ради выгоды короля, чем в соответствии с законом, потому что они приняли это решение для устрашения[1].]

Year books, vol. I, p. 502.

(е) СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ОБ УБИЙСТВЕ

Разъездной суд в Корнуоле, 1302 год

[Ричард и Джон были обвинены большим жюри (обвинительными присяжными) в убийстве. Они отдали себя на (суд) страны. Присяжные заявили, что они (Ричард и Джон) обнаружили ночью человека, который воровал (их) пшеницу, и попытались задержать его. Ричард неудачно набросился на него, и вор сбил его с ног. Ричард закричал, и его брат Джон прибежал (туда) и ударил этого человека (вора) по голове, вследствие чего тот умер. Суд постановил, что Ричард может быть свободен. А Джон, так как он духовного звания, был отправлен в тюрьму епископа[2]. Было заявлено, что когда произошел этот случай, Джону не было еще 12 лет.]

Судья Спигурнелл: Если он совершил это преступление до достижения семи лет, он не подлежит приговору. И если бы он до достижения двенадцатилетнего возраста совершил против мира какое-либо другое деяние, которое не наказуется потерей жизни или членов, то он (также) не должен был бы отвечать (за него в суде), так как он еще не является членом десятка, (ограждавшего мир).

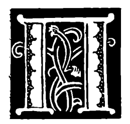
Year books, vol. I, p. 510.

[1] Последняя фраза, очевидно, выражает личное мнение автора записи этого судебного разбирательства.

[2] Дела по уголовным преступлениям духовных лиц вплоть до реформации (XVI в.) подлежали в Англии компетенции епископских судов.

8. КОРОЛЕВСКИЕ СТАТУТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА

ЕРИОД правления Эдуарда I (1272—1307) ознаменовался исключительной активностью феодального государства в области законодательства. За 35 лет его правления было издано 31 общегосударственное постановление. Можно считать, что регулярное общегосударственное законодательство ведет свое начало в Англии именно с этого времени.

Столь широкий размах общегосударственного законодательства в последней трети XIII века, конечно, нельзя объяснить личной склонностью Эдуарда I к законности и строгому порядку, как это считают многие буржуазные историки, присвоившие ему громкое имя «английского Юстиниана». Законодательная активность этого короля, очевидно, вызывалась прежде всего изменениями, происходившими в XIII веке в экономической и социальной жизни английского общества. Сложившиеся в предшествующий период прецедентным путем нормы «общего права» часто противоречили друг другу и, что гораздо важнее, отставали от новых явлений экономической и социальной жизни, мешая их дальнейшему развитию. Кроме того, в законодательных актах конца XIII века явно прослеживается определенная политическая тенденция — стремление во всем подчеркнуть верховенство центральной королевской власти и подчинить государственному регулированию все наиболее важные стороны экономической и социальной жизни общества.

Эта тенденция во многом определила и социальную направленность важнейших законодательных актов Эдуарда I. Хотя этот король, вступивший на престол после периода ожесточенной социально-политической борьбы 1258—1267 гг., стремился ладить со всеми группировками феодалов и был большим мастером политики лавирования, тем не менее в его законах отразилось явное стремление ограничить социальное и политическое влияние крупных

феодалов-баронов и укрепить положение мелких и средних феодалов рыцарского типа и примыкавшего к ним зажиточного свободного крестьянства, а также городской верхушки. Видя в этих слоях населения основную опору центральной власти, Эдуард I дополнял и изменял «общее право» в духе усиления защиты этих слоев населения и обеспечения их независимости от крупных землевладельцев.

При этом, однако, законодательство Эдуарда I продолжало традиции общего феодального права и в другом отношении: оно строго следовало принципу «исключения вилланства», как правило, даже не упоминая эту бесправную категорию населения и совершенно игнорируя ее нужды и интересы. Поэтому королевское законодательство конца XIII века в основе своей оставалось чисто феодальным, несмотря на его иногда довольно резкие выпады против политических притязаний аристократии.

Статуты конца XIII века различны по содержанию и по форме. Некоторые из них подтверждали уже существовавшие, по почему-либо бездействовавшие законы; другие содержали совершенно новые постановления. Часть была посвящена устранению противоречий между действовавшими нормами «общего права», их уточнению и дополнению, упорядочению судебной процедуры, борьбе со злоупотреблениями королевских чиновников; другие регулировали взаимоотношения между центральной властью и феодалами, между королем и церковью. Ряд статутов касался упорядочения торговли, кредита, денежного обращения в стране. Несколько постановлений были посвящены вопросам субинфеодации[1] и другим вопросам.

Нужно заметить, что с конца XIV века статутами стали называться только особенно торжественные и важные правительственные постановления, санкционированные парламентом, тогда как постановления, издававшиеся лично королем в его узком совете, назывались ордонансами. Однако в конце XIII века такого четкого разграничения еще не существовало, и под именем статутов фигурировали как законы, принятые с согласия парламента, так и законы, санкционированные советом магнатов или даже узким королевским советом.

---

[1] Передача земли феодалами держателям низших ступеней, которые обычно в свою очередь передавали ее другим, и т. д., что создавало все новые и новые звенья в феодальной иерархии.

Первый Вестминстерский статут[1] был издан в 1275 году на старофранцузском языке и в отличие от большинства других статутов конца XIII века получил весной того же года санкцию парламента с представительством от общин. Статут содержит 51 статью.

По содержанию все статьи статута могут быть разделены на несколько групп:

а) статьи направленные против иммунитетных прав и судов крупных феодалов (ст. ст. II, IX, XXXV).

б) статьи, имеющие в виду защиту материальных интересов рыцарей и свободных держателей против их лордов (ст. ст. XVI, XVII, XXI);

в) статьи, имеющие целью сделать более действенной борьбу с уголовными преступлениями (ст. ст. III, XII и XIV);

г) статьи, согласующие, упорядочивающие и дополняющие положения «общего права» и действующие нормы судопроизводства (ст. XXXVIII);

д) статьи, содержащие обещание короля ограничить фискальные претензии правительства к различным слоям населения (ст. ст. VI, XXXVI);

е) наконец, статьи, направленные на пресечение и ограничение взяточничества и других злоупотреблений королевских чиновников в центре и на местах (ст. ст. VIII, XXIX).

Хотя в I статье статута законодатели высказали пожелание, «чтобы одинаковое право оказывалось всем, как богатым, так и бедным, [illegible]взирая на лица», но в самом статуте это пожелание [illegible]ось нереализованным: он совершенно игнорирует за[illegible] каких бы то ни было интересов вилланства и полностью санкционирует платность королевской юрисдикции по гражданским делам. Тем самым блага нового статута остались недоступными для основной массы трудящегося населения страны — для вилланов, ввиду их бесправия, и для свободных бедняков города и деревни, ввиду их бедности.

Следующим по времени был изданный летом 1278 года в Глостере так называемый Глостерский статут. По всей вероятности, статут был санкционирован советом магнатов. Он был обнародован на старофранцузском языке. Как и Первый Вестминстерский статут, Глостерский

---

[1] Полный текст статута на русском языке помещен в издании «Вестминстерские статуты». Юриздат, 1948.

статут, состоящий из 15 статей, содержит разнообразные постановления, в основном посвященные упорядочению судебной процедуры и разъяснению и уточнению уже существующих постановлений. Исключение составляет вводная часть статута, которая представляет совершенно особый интерес и ставит его в ряд наиболее важных законодательных актов Эдуарда I.

Эта часть статута объявляет всеобщую проверку иммунитетных прав феодалов по всей Англии и устанавливает процедуру этой проверки. Все феодалы, претендующие на иммунитеты, согласно статуту должны явиться перед королем или его разъездными судьями и показать, какими привилегиями и на каком основании (quo warranto) они владеют.

Изданием Глостерского статута Эдуард I, продолжая традиционную политику английских королей по ограничению иммунитетных прав феодалов, сделал в этом направлении новый и весьма решительный шаг, установив, что законными являются лишь те иммунитетные привилегии, право на которые пожаловано феодалу королем и зафиксировано в королевской хартии.

Хотя статут и не имел в виду полную ликвидацию феодальных иммунитетов, но предполагал, во-первых, пресечение в дальнейшем узурпации королевских прав крупными феодалами, во-вторых, подчинение уже существующих иммунитетов и особенно иммунитетной юрисдикции — королю и его аппарату.

Статут о купцах (de [illegible]ercatoribus) был издан в октябре 1283 года в месте[illegible]ктон Бэрнелл (Acton Burnell), где в это время нахо[illegible]ся король. Статут составлен на старофранцузском языке и, по всей вероятности, был санкционирован только узким королевским советом (состав этого собрания точно неизвестен). По месту, где он был принят, этот статут иногда называют также Актон Бернелльским (Statute of Acton Burnell). Статут посвящен одному вопросу — обеспечению наиболее быстрой судебной защиты прав купцов-кредиторов против задолжавших покупателей.

Вместо старой очень сложной процедуры взыскания долгов, связанной с длинным и дорогостоящим судебным процессом, статут ввел новую, гораздо более выгодную купцам. Согласно статуту купец-кредитор, имея на руках долговое обязательство, засвидетельствованное муниципалитетом города, где была произведена долговая операция,

мог получить свои деньги без суда, предъявив это обязательство мэру города.

Статут в равной мере распространялся как на английских, так и на иностранных купцов, но не касался ростовщиков, так как в тексте его все время подчеркивается, что речь идет о платежах за проданные в долг товары. Совершенно очевидно, что он имел в виду интересы купечества и был рассчитан на поощрение внутренней и внешней торговли. В этом отношении характерно замечание вводной части статута, которая сетует на то, что из-за плохой защиты прав кредиторов иностранные купцы «потеряли желание посещать Англию со своими товарами, к ущербу самих этих купцов и всего королевства».

Второй Вестминстерский статут — один из наиболее пространных законов Эдуарда I — был принят на совете магнатов, состоявшемся в 1285 году, и опубликован на латинском языке. Он насчитывает 69 отдельных постановлений и по общему типу и характеру аналогичен Первому Вестминстерскому статуту[1]. Подавляющее большинство статей его относится к вопросам судебной процедуры и размежеванию компетенции различных королевских судов. В этом отношении характерны статьи XII, XXX, XXXI. Есть во Втором Вестминстерском статуте также статьи, направленные против феодальных иммунитетов и против злоупотреблений королевских чиновников. Характерным примером последних является статья XIII. Значительный интерес представляет статья IX, которая взяла под защиту свободных держателей низших ступеней против промежуточных лордов, а отчасти и верховных лордов феодов в отношении рент и повинностей. Этот спорный вопрос, часто возникавший при субинфеодации, статут решал к максимальной выгоде свободных держателей.

Все перечисленные до сих пор статьи статута в основном были направлены на защиту интересов средних и низших слоев господствующего класса против феодальной аристократии. Но наряду с этим во Втором Вестминстерском статуте имеется ряд статей, в которых явственно намечалась другая линия — линия защиты крупного феодального землевладения и материальных интересов баронства. В частности, несомненной уступкой баронским интересам была первая статья статута, обычно называемая

[1] Полный текст статута опубликован в издании «Вестминстерские статуты», Юриздат, 1948.

ресованным в максимальной свободе распоряжения землей. Им было гораздо выгоднее и проще продавать и покупать землю без всяких феодальных прикрытий.

Кроме того, статут был направлен и на укрепление королевской власти. Запрещение субинфеодации означало, что мелкие и средние держатели, выйдя из-под зависимости крупных феодалов, должны были стать непосредственными вассалами их верховного сеньора — короля. В дальнейшем это привело к сокращению ступеней феодальной иерархии и к огромному росту количества непосредственных вассалов короны, а следовательно, и к укреплению ее социальной опоры. Третий Вестминстерский статут, таким образом, является ярким примером политики компромиссов и лавирования между интересами разных групп класса феодалов, характерной для Эдуарда I.

Публикуемые ниже в выдержках переводы шести важнейших статутов Эдуарда I сделаны с латинских или старофранцузских оригиналов, помещенных в издании «Statutes of the Realm», edit. Luders, London, vol. I, 1810.

[Извлечения]

(а) ПЕРВЫЙ ВЕСТМИНСТЕРСКИЙ СТАТУТ 1275 года

I. Король желает и приказывает, чтобы мир святой церкви и всей страны хорошо поддерживался и охранялся во всех пунктах. И чтобы одинаковое право оказывалось всем, как богатым, так и бедным, не взирая на лица.

III. Постановлено также, чтобы отныне ни шериф, ни кто-нибудь другой ничего не требовал бы, никого не подвергал аресту и не налагал бы штрафов (на деревню) за побег вора или другого тяжкого уголовного преступника, пока этот побег не будет установлен разъездными судьями. И тот, кто поступит иначе, должен будет возместить тому или тем, кто уплатил штраф, столько, сколько он получил или взял с него и столько же — королю.

V. И так как выборы[1] должны быть свободными, король запрещает под угрозой тяжелого наказания, чтобы кто-либо из знатных людей или кто-нибудь другой силой оружия или (с помощью) коварства мешал бы (кому-либо) осуществить свободные выборы.

VI. И чтобы никакая городская община, бург или город и никакой человек не штрафовались бы без достаточных оснований, и (только) согласно тяжести преступления: то есть так, чтобы каждому свободному человеку было сохранено его свободное держание (son countenement); купцу его товары, виллану его упряжку (gaignage), и они должны штрафоваться только по решению их равных (lour piers)[2].

VIII. И ничего не следует брать за правильное ведение судебного дела (par beau pleyder)[3], как это было уже запрещено раньше в царствование короля Генриха, отца теперешнего короля.

IX. И так как мир в стране слабо соблюдался до сих пор из-за недостаточно быстрого преследования тяжелых уголовных преступников согласно установленным правилам, а именно из-за иммунитетов, где скрываются преступники, постановлено, чтобы все сообща были готовы по приказу и призыву шерифа или по тревожному крику соседей преследовать и арестовывать преступников, когда это будет нужно как внутри, так и вне иммунитетных территорий. И тот, кто не будет этого делать и будет уличен, должен уплатить высокий штраф королю. И если вина ляжет на владельца иммунитета, король возьмет иммунитет в свои руки, а если виноват будет бейлиф, он будет посажен в тюрьму на один год и уплатит большой штраф. А если у него нет никакого имущества, то он будет сидеть в тюрьме два года. И если шериф, коронер или же бейлиф в пределах иммунитета, а также вне его, за взятку, по просьбе или из-за каких-либо родственных связей скрыл, согласился или постарался скрыть тяжкие уголовные

---

[1] В собрании графств происходили выборы различных должностных лиц: коронеров, сборщиков налогов, членов различных комиссий по расследованиям. Здесь же с 70-х годов XIII века производились также выборы представителей в парламент от графств.

[2] Это постановление повторяет 20-ю статью Великой Хартии вольностей.

[3] Par beau pleyder — незаконный побор с тяжущихся, нечто вроде официальной взятки, широко применявшийся в королевских судах, несмотря на ряд запрещений, изданных еще при Генрихе III.

преступления, совершенные в его округе, не задержал или не арестовал преступника, когда он мог это сделать, в чем-либо другом не выполнил своих обязанностей к выгоде таких преступников, то он будет наказан заключением в тюрьму на один год и большим штрафом по усмотрению короля, если у него есть, чем заплатить, а если у него нет чем заплатить, то он будет сидеть в тюрьме три года.

XII. Постановлено также, что заведомо тяжкие преступники, явно имеющие дурную славу и не желающие подвергнуться расследованию относительно тяжких уголовных преступлений, в которых люди могут их обвинять перед судьями и королевским следствием, должны быть подвергнуты строгому и суровому тюремному заключению, как отказывающиеся отвечать по общему праву страны. Но это не относится к заключенным, которые арестованы по слабому подозрению.

XIV. В некоторых графствах практиковалось объявление вне закона лиц, привлеченных к суду за подстрекательство и принуждение к совершению преступления, за пособничество преступникам, за сокрытие их, одновременно с теми, кто привлечен по обвинению в совершении самого преступления; поэтому постановлено и приказано королем, что не следует объявлять вне закона лиц, обвиненных в таком подстрекательстве, принуждении, пособничестве преступнику и сокрытии его, пока не осужден тот, кто обвиняется как главный преступник, чтобы один закон действовал бы отныне по всей стране. Но на основании этого постановления не следует препятствовать тем, кто этого желает, возбуждать в ближайшем собрании графства обвинение против такого рода преступников так же, как против главных преступников. Однако их жалобы должны задерживаться до тех пор, пока главные виновники преступления не будут объявлены вне закона или приговорены к другому наказанию.

XXVI. И ни шериф, а равно никакой другой королевский чиновник не имеет права брать взяток за выполнение своих обязанностей. Они должны довольствоваться лишь тем, что они получают от короля. И тот, кто поступит иначе, обязан возвратить взятое вдвойне и будет наказан по усмотрению короля.

XXIX. Постановлено, что если какой-нибудь служитель, защитник или кто-нибудь другой совершит обман или сговор в королевском суде, заключит соглашение для обмана суда или одной из сторон и будет уличен в этом,

то он подлежит заключению в тюрьму на один год и день, и с этих пор его не будут допускать в суде в качестве чьего-либо защитника. Если же он не является защитником, он точно также должен быть арестован на один год и день по крайней мере. А если его преступление заслуживает большего, то он будет наказан по усмотрению короля.

XXXIV.[1] Так как в стране часто находились люди, распространявшие слухи, от которых возникали несогласия или причины для несогласий между королем и его народом или королем и магнатами королевства, то вследствие вреда, который проистекал и может проистечь от этого, запрещается отныне кому бы то ни было быть столь смелым, чтобы рассказывать или сообщать публично новости или слухи, благодаря которым может возникнуть несогласие или причина для несогласия, или недоверие между королем и его народом или королем и магнатами королевства. И тот, кто будет делать это, будет схвачен и посажен в тюрьму до тех пор, пока он не приведет в суд первого сочинителя слуха.

XXXVI. Так как до сих пор не было точно определено, сколько следует брать и в какие сроки для умеренного вспомоществования на принятие рыцарского звания старшим сыном и на выдачу замуж дочери[2], благодаря чему налагались неумеренные поборы и чаще, чем это было нужно, а народ чувствовал себя угнетенным, постановлено, что отныне с полного рыцарского феода будет взиматься только 20 шиллингов, с земли на праве сокажа с доходом в 20 фунтов (стерлингов) — 20 шиллингов, а с большего — больше и с меньшего — меньше согласно оценке. И никто не может требовать вспомоществования на посвящение в рыцари сына, если он (сын) не достиг еще 15 лет, и на выдачу замуж дочери, если ей нет семи лет. И об этом

---

[1] Эта статья статута, очевидно, связана с событиями предшествующего царствования и, в частности, с политическими смутами периода так называемой «баронской войны» 1258—1267 гг.

[2] Феодальные вспомоществования на принятие рыцарского звания старшим сыном сеньора и на выдачу замуж его старшей дочери были обычными феодальными поборами, которые держатели должны были беспрекословно выплачивать своим сеньорам. Согласно § 12 Великой Хартии вольностей они уплачивались королю без всякого разрешения его непосредственных вассалов. Эта статья статута впервые установила точную шкалу размеров таких поборов в зависимости от размера держания.

должно быть сделано указание в королевском приказе, изданном по этому поводу, если кто-либо будет требовать его (вспомоществования) раньше срока. И если случится, что отец после того, как он собрал это вспомоществование со своих держателей, умрет до того, как он выдал дочь замуж, его душеприказчики (executores) должны выдать дочери столько, сколько отец получил в качестве вспомоществования. И если для покрытия этого недостаточно имущества отца, то эти деньги должны быть возвращены дочери наследником (отца).

XXXVIII. Так как некоторые люди в этой стране (de la terre) нисколько не колеблются произносить ложные клятвы, чего не следует делать, из-за которых многие другие люди лишаются наследства и теряют свои права, постановлено, что отныне король, пользуясь своими правами, может даровать право расследования с помощью присяжных во всех тяжбах о земле и свободном держании или о вещах, касающихся свободного держания, когда он сочтет это необходимым.

(б) ГЛОСТЕРСКИЙ СТАТУТ 1278 года

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ (ВВОДНЫЙ), ИМЕНУЕМЫЙ ИНОГДА СТАТУТОМ QUO WARRANTO

В год от рождения Христова 1278 и правления короля Эдуарда, сына короля Генриха[1] — шестой этот король, будучи озабочен исправлением недостатков и усовершенствованием администрации и правосудия в королевстве, как того требуют благо народа и обязанности короля, созвал в Глостере в августе месяце наиболее сведущих (людей) своего королевства как больших, так и малых; (и там) было решено и постановлено, с общего согласия, что, поскольку в отношении иммунитетных привилегий и других дел отсутствовали (специальные) законы, в результате чего королевство терпело большой ущерб, а жители его бесчисленное множество раз подвергались разорению, необходимо внести различные дополнения в (действующее) право и издать новые постановления; также (было решено), что нижеследующие статуты, ордонансы и постановления должны впредь твердо соблюдаться всеми жителями королевства.

[1] То есть Эдуарда I.

Так как прелаты, графы, бароны и прочие люди королевства претендуют на владение различными иммунитетными привилегиями, то для проверки (их прав) на эти привилегии и вынесения судебного решения (по этому поводу) король должен назначить этим прелатам, графам, баронам и прочим определенный день[1]. Предусматривается с общего согласия, что вышеупомянутые прелаты, графы, бароны и прочие люди могут пользоваться такого рода иммунитетными привилегиями за счет прав короны до ближайшего приезда в графство, (где находятся иммунитеты), самого короля или разъездных судей, разбирающих общие тяжбы[2], или до тех пор, пока король не распорядится иначе, с тем, чтобы за королем оставалось право начать расследование, когда он пожелает, согласно тому, что будет написано в королевском приказе (по этому поводу). И такого рода приказы в отношении каждого ответчика (в отдельности) должны посылаться шерифам, бейлифам и другим (должностным лицам); и форма приказа должна изменяться в зависимости от различий в иммунитетных привилегиях, на которые претендует то или иное лицо.

И шерифы должны сделать публичные объявления во всех поселениях (своего графства), а именно, в больших городах, бургах, рыночных местечках и повсюду в других местах, что всякий, кто претендует на владение иммунитетными привилегиями согласно хартиям предков (теперешнего) короля, королей Англии или по другим основаниям, должен явиться перед королем лично или перед его разъездными судьями в такой-то день и в таком-то месте и дать там показания о том, на какие иммунитетные привилегии он претендует и на каком основании (e par quel garaunt). И сами шерифы должны явиться туда (в суд) лично вместе с их бейлифами и другими помощниками, чтобы дать показания перед королем относительно вышеупомянутых иммунитетных привилегий и всех дел, касающихся этих привилегий.

И шерифы должны то же самое публично объявить во время судебного объезда и также явиться на него в сопровождении своих бейлифов и других помощников, чтобы

---

[1] Для рассмотрения их претензий в суде, как явствует из нижеследующего.

[2] Имеются в виду обычные, а не какие-либо специальные разъездные суды.

дать показания перед судьями относительно этих иммунитетных привилегий и всех вещей, к ним относящихся.

И эти публичные объявления должны быть сделаны за 40 дней, как это принято при обычных вызовах (в суд); и если сторона, претендующая на владение привилегией, явится пред лицо короля, ее отсутствие в разъездном суде не будет сочтено за неявку, так как господин король по своей особой милости гарантировал, что он не будет преследовать ответчика из-за отсрочек (судебного разбирательства). И если ответчик по поводу такого рода привилегий будет отвечать перед вышеуказанными двумя разъездными судьями, то эти судьи должны защитить его от каких-либо притеснений со стороны других судей и даже со стороны самого короля, поставив его (короля) в известность о том, что дело ответчика рассматривается в их суде, как это было указано выше. Но если те, кто претендует на владение такими иммунитетными привилегиями, не явятся (в одну из этих инстанций) в назначенный им день, то их привилегии должны быть взяты шерифом в руку короля[1] подобно тому, как накладывается арест на имущество[2], с тем, чтобы они не могли пользоваться этими привилегиями до тех пор, пока они не явятся (в суд), чтобы вновь получить свои права. И когда они вследствие этой меры принуждения явятся (в суд), то если они потребуют, эти привилегии могут быть выкуплены ими[3].

И если случится, что ответчики (лорды-иммунисты) возразят (в суде), что они не должны отвечать без первоначального судебного приказа, и если станет известно, что они с помощью произвольных действий захватили и узурпировали какие-либо привилегии в ущерб королю или его предшественникам, то им следует ответить, что они должны отвечать (в суде) без всякого приказа, и пусть по этому поводу королевский суд вынесет такое решение, которое сочтет нужным. Но если они далее заявят, что их предшественник или предшественники умерли, находясь во владении этими привилегиями, то они (ответчики) должны быть

[1] То есть должны быть временно конфискованы.

[2] Арест на имущество согласно принятой в английском «общем праве» судебной процедуре обычно налагался в качестве меры принуждения. В данном случае эта мера, очевидно, имела целью принудить лордов-иммунистов явиться в суд для рассмотрения их претензий на привилегии.

[3] Обычно лорд-иммунист должен был уплатить за возвращение конфискованных привилегий некоторую сумму денег.

выслушаны, и истина должна быть установлена путем расследования через присяжных, и в соответствии (с показаниями присяжных) судьи должны рассмотреть это дело. И если будет обнаружено (при этом), что их предшественник умер, имея право владения на эту привилегию, тогда король должен получить в своей канцелярии первоначальный судебный приказ в следующей форме: «Король шерифу привет. Вызови с помощью верных посыльных такого-то, чтобы он явился к нам в такое-то место во время нашего ближайшего приезда в это графство, или перед нашими судьями в ближайший судебный объезд по ассизным искам, когда они явятся в эту область, чтобы дать показания, на каком основании он (например) пользуется правом проверки свободного поручительства в своем маноре в этом графстве», и пусть шериф предъявит имена посыльных и текст приказа. Или в такой форме — «на каком основании он держит сотню в указанном графстве»; или в такой форме — «на каком основании он претендует на свободу от пошлин для себя и своих людей по праву непрерывного владения после смерти своего предшественника»[1]. И шериф должен предъявить имена посыльных и текст приказа.

(в) СТАТУТ О КУПЦАХ 1283 года

Ввиду того что купцы, продававшие свои товары в долг разным лицам, до настоящего времени терпели большие убытки из-за отсутствия закона, с помощью которого они могли бы быстро вернуть свои деньги в день, назначенный для уплаты этого долга, из-за чего многие купцы воздерживались от приезда в эту страну со своими товарами к ущербу как самих купцов, так и всего королевства, король в своем совете приказал и постановил, чтобы купцы, которые желают обеспечить себе получение денег, данных в долг, пусть предлагают своим должникам (при заключении долговой сделки) явиться к мэру Лондона, Йорка или Бристоля[2] и в присутствии мэра и клерка, специально назначенного для этой цели королем, официально признать свой

---

[1] Сравните текст этих приказов с текстом приказа quo warranto, помещенным в разделе «Образцы судебных приказов» (стр. 113).

[2] Как видно из всего содержания статута, такая процедура в действительности могла практиковаться не только в указанных, но и в других наиболее значительных городах Англии. Эти города указаны здесь, видимо, для примера.

долг и срок его уплаты. И это официальное признание пусть будет занесено в свиток рукой этого клерка, которая должна быть (всем)известна. Затем вышеуказанный клерк своей рукой пусть напишет долговое обязательство, к которому должна быть приложена печать должника и королевская печать, специально предназначенная для этой цели и находящаяся на хранении у вышеуказанных мэра и клерка.

И если должник не уплатит долг в назначенный день, кредитор может явиться с этим долговым обязательством к (этим) мэру и клерку; и если на основании этого письменного обязательства и записи в свитке будет установлено, что этот долг был (официально) признан (должником) и что день платежа уже просрочен, то мэр немедленно должен распорядиться о продаже движимого имущества должника, в том числе его вещей и его наследственного городского держания[1] на сумму, равную сумме долга по оценке добрых людей, и деньги (вырученные от продажи) должны быть без промедления уплачены кредитору. А если мэр не найдет покупателя, который дал бы за эти вещи хорошую цену, он должен передать кредитору движимое имущество должника на сумму, возмещающую долг.

И акты о продаже движимого имущества (должника) и его наследственного городского держания или о передаче их кредитору должны быть для верности засвидетельствованы вышеупомянутой королевской печатью. И если должник не имеет в пределах юрисдикции этого мэра никакой движимости, за счет которой может быть взыскан долг, но располагает движимым имуществом где-нибудь в других частях королевства, то мэр должен направить канцлеру долговое обязательство с королевской печатью, составленное в присутствии этого мэра и вышеупомянутого клерка, и канцлер пусть пошлет приказ шерифу, в округе которого

---

[1] Этот пункт статута о продаже городского держания должника наряду с его движимостью (si com Chatles e burgage devisable) для покрытия долга несколько противоречит содержанию остальных частей статута, где определенно говорится о том, что должник отвечает за долг только своим движимым имуществом (mouvable — во франц. тексте). Это противоречие, очевидно, объясняется тем, что статут, хотя и в завуалированной форме, делал различие между должниками-горожанами и должниками-феодалами. Первые должны были отвечать перед кредитором всем своим имуществом, включая их наследственное городское земельное держание, вторые — только движимым имуществом. Это различие было устранено только Статутом о купцах 1285 года.

должник имеет движимость, чтобы шериф принудил его придти к соглашению с кредитором[1] в такой же форме, как это должен был сделать мэр, если бы движимость должника находилась бы в пределах его юрисдикции; и пусть те (люди), которые будут оценивать движимое имущество (должника), предназначенное для передачи кредитору, обратят особое внимание на то, чтобы установить умеренную цену (на эту движимость); ибо если они назначат слишком высокую цену к выгоде должника и к ущербу кредитора, то оцененные таким образом предметы будут переданы им самим по той цене, которую они установили, и с этого момента они будут отвечать за долг перед кредитором. И если должник заявит, что его движимое имущество передано или продано по более низкой цене, чем оно стóит, он не сможет получить никакого удовлетворения, если только мэр или шериф законно продали это имущество тому, кто дал за него наибольшую цену; ибо должник может винить только себя в том, что имея возможность сам продать свое движимое имущество и получить за него деньги своими руками до того, как кредитор начал свое преследование, он этого не сделал.

И если должник совсем не имеет движимого имущества, за счет которого может быть взыскан весь долг, он должен быть арестован и находиться в тюрьме до тех пор, пока он не заключит соглашения с кредитором (об уплате долга) или пока этого не сделают за него его друзья. И если у него нет собственных средств для поддержания своего существования в тюрьме, кредитор должен доставлять ему хлеб и воду, стоимость которых должник обязан возместить ему вместе с уплатой долга до выхода из тюрьмы[2].

И если кредитором является иностранный купец, должник будет содержать его на свой счет в течение всего времени, нужного ему (кредитору) для взыскания своего долга, вплоть до того дня, когда движимость должника будет продана или передана кредитору.

И если кредитор (при заключении долговой сделки) не удовольствуется гарантией, данной только самим должником, и понадобится найти свидетелей и поручителей, то эти поручители и свидетели должны явиться к вышеупомянутым мэру и клерку и дать им письменные долговые

[1] То есть расплатиться с кредитором за счет своего имущества.

[2] Этот пункт статута ясно указывает на то, что среди должников купцов часто встречались совсем малоимущие люди.

обязательства, как это было сказано выше относительно самого должника.

И если долг не уплачен в назначенный день, против свидетелей и поручителей должна быть применена такая же процедура, как выше было описано в отношении самого должника; но так, чтобы, если долг может быть полностью взыскан за счет движимости должника, поручители и свидетели не терпели бы ущерба; тем не менее в случае отсутствия у должника движимости кредитор должен получить возмещение долга за счет имущества поручителей таким же способом, как это выше было описано в отношении (взыскания долга) с самого должника.

И на содержание вышеупомянутого клерка король будет брать с каждого фунта (долга) один пенни. Король желает, чтобы это постановление и распоряжение соблюдалось отныне по всему его королевству Англии, в отношении всех людей, которые если пожелают могут (для взыскания долга) пользоваться такого рода долговыми обязательствами[1]; исключение составляют евреи, на которых этот статут не распространяется.

(г) ВТОРОЙ ВЕСТМИНСТЕРСКИЙ СТАТУТ 1285 года

1.[2] Во-первых, относительно земель, которые часто передаются на определенных условиях. Например, когда кто-нибудь дает землю какому-либо человеку, его жене и их потомству, рожденному в этом браке с добавлением такого положительно выраженного условия, что если этот человек и его жена умрут без наследников, рожденных в этом браке, земля, переданная им таким образом, должна вернуться к дарителю или к его наследникам; или когда человек передает держание в приданое с освобождением от всяких повинностей (in liberum maritagium)[3] и это держание сопро-

[1] То есть по своему выбору воспользоваться процедурой, предусмотренной статутом, или старой более сложной судебной процедурой, которая статутом не отменялась.

[2] Эта статья статута известна в литературе как статут de donis conditionalibus (об условных дарениях).

[3] Liberum maritagium — земля, выделенная при жизни владельца в пользу его дочери или какой-нибудь близкой родственницы в качестве приданого и освобожденная от всех повинностей до третьего поколения. Если у женщины, получившей liberum maritagium, не было потомства, то земля после ее смерти подлежала возврату дарителю или его наследникам.

вождается таким условием, хотя бы оно и не было выражено в дарственной грамоте, что если муж и жена умрут без наследников, рожденных от этого брака, то земля должна возвратиться к дарителю или к его наследнику. Далее, в случаях когда кто-нибудь дарит землю кому-нибудь из наследников, от него происходящих, то для дарителя и его наследников представлялось и представляется несправедливым, что их воля, выраженная в дарении, до сих пор (часто) не соблюдалась и не соблюдается и теперь.

Во всех вышеописанных случаях, после рождения детей от брака тех, кому было передано на этих условиях держание, до сих пор держатель имел власть отчуждать это держание и лишать таким образом свое потомство земельного наследства против воли дарителя и в противоречии с изложенным в акте дарения. И, кроме того, при отсутствии потомства у такого держателя, держание, переданное на таких условиях, должно быть возвращено дарителю или его наследнику согласно условиям дарения, выраженным в дарственной грамоте, даже если дети были, но потом умерли; тем не менее благодаря сделкам и передаче земли (feoffamento) со стороны тех, кому она была подарена на этих условиях, дарители до сих пор не имели возможности получать ее обратно, что явно противоречит условиям дарения.

По этому поводу наш господин король, понимая, сколь необходимо найти средство помощи в этих случаях, постановил, что воля дарителя, согласно условиям, ясно выраженным в дарственной грамоте, отныне должна соблюдаться, чтобы те, кому земля дана на подобных условиях, не имели права отчуждать полученные таким образом держания, которые после их смерти должны перейти к их наследникам или, в случае, если у них наследников не было или они были, но умерли — вернуться к дарителю или его наследникам.

Также отныне второй муж женщины после смерти своей жены не имеет права на землю, подаренную на таких условиях по «закону Англии» (per legem Angliae)[1], и потомство от второго мужа или жены не может наследовать такое держание.

[1] Держание по «закону Англии» или «by courtesy» — специфический для Англии обычай, согласно которому муж после смерти жены продолжал владеть ее держанием до конца своей жизни, если у них были дети, способные наследовать.

Непосредственно после смерти мужа или жены, которым было подарено это держание, оно должно перейти к их потомству или вернуться к дарителю или его наследникам, как указано выше.

И так как в каждом новом случае должно быть создано новое средство, то сторона, которая хочет возбудить дело, должна получить следующий приказ (breve): «Прикажи А., чтобы он по справедливости вернул В. такой-то манор со всем к нему относящимся, который С. дал такому-то мужу и такой-то жене и наследникам, происходящим от этого брака...», или «...который С. дал такому-то мужу в приданое за такой-то женщиной и который (манор) после смерти этого мужа и жены должен перейти согласно условиям указанного дарения сыну этих мужа и жены...» или «...который С. дал такому-то и его наследникам, происходящим от него, и который после его смерти должен перейти к его сыну В. согласно условиям дарения».

Приказ, с помощью которого даритель может получить обратно свое дарение в случае отсутствия наследников, достаточно часто применяется канцлером.

И пусть будет известно, что этот статут касается лишь тех случаев отчуждения земли вопреки условиям дарения, которые будут совершены после его издания, и не распространяется на дарения, сделанные до сих пор. Если же сделки в отношении таких земель будут произведены после (издания этого статута), то они должны быть аннулированы. Наследники (держателей) или те, к кому земля должна вернуться, если они достигли совершеннолетия и находятся в Англии и вне тюрьмы, должны получить безо всякого судебного разбирательства.

IX. Когда главные (capitales domini) лорды[1] в своем феоде налагают арест на чье-либо имущество за причитающиеся службы и обычные повинности, и (между ними и держателями) имеется промежуточный лорд (medius)[2], который обязан освободить держателя от уплаты этих повинностей (главному лорду), то у держателя не поворачивается язык после выкупа арестованного имущества отказаться от выполнения требования главного лорда, доказавшего в курии короля, что этот арест был законно наложен

[1] Capitales dominus — главный лорд феода, в данном случае лорд, которому принадлежит верховная собственность на данное земельное владение, хотя оно иногда держится от него через многих посредников.

[2] Medius — см. прим. на стр. 170.

на имущество его держателя, связанного с ним через промежуточного лорда.

И многие до сих пор тяжело притеснялись благодаря подобным арестам, потому что промежуточный лорд, хотя и имеющий имущество, на которое можно было наложить арест, затягивал явку в курию для ответа по приказу «о посреднике» (ad breve de medio)[1]. Еще хуже обстояло дело, если такой промежуточный лорд не имел никакого имущества.

Отныне в этом случае устанавливается следующий порядок. Как скоро (имущество) такого держателя на домене (in dominico), имеющего промежуточного лорда, подвергнется аресту, этот держатель должен немедленно испросить приказ «о посреднике».

И если промежуточный лорд, имея землю в том же графстве, не явится в суд вплоть до того, что на него наложат «большой арест»[2], то истцу в приказе о большом аресте будет указан день, до наступления которого должно два раза совещаться собрание графства, а шериф получит приказ о наложении «большого ареста» на имущество промежуточного лорда согласно содержанию приказа «о посреднике». И, сверх того, шериф на (этих) двух полных собраниях графства должен торжественно объявить о том, что промежуточный лорд должен явиться в день, указанный в приказе, (чтобы отвечать своему держателю). Если лорд явится в этот день, то поведется тяжба по обычным правилам, а если он не явится, то он теряет службы своего держателя, и с этого времени держатель не будет ни в чем отвечать перед ним. Но после исключения указанного лорда-посредника, держатель будет отвечать только перед главным лордом за те службы и повинности, которые он прежде выполнял в пользу этого лорда-посредника. И указанный главный лорд не имеет (впредь) права налагать арест на имущество этого держателя, пока тот будет выполнять все должные службы и повинности.

---

[1] Breve de medio — приказ, с помощью которого возбуждается иск против промежуточного лорда.

[2] «Большой арест» (le grand destrece) — арест, налагаемый на имущество ответчика с целью принудить его к явке в суд. После троекратного вызова он в случае неявки подвергался штрафу. Затем он вызывался еще три раза, и если не являлся, снова подвергался штрафу. Штраф взимался путем частичного наложения ареста на движимое имущество ответчика. Если же он не являлся и после этого, то у него конфисковалась земля и движимое имущество, что означало «большой арест».

И если главный лорд будет требовать с держателя больше (повинностей), чем обычно выполнял в его пользу промежуточный лорд, то держатель будет иметь право на такие же возражения, какие имел бы посредник.

XII. Многие по злому умыслу, желая причинить вред другим, возбуждают ложные обвинения в убийстве и других тяжких уголовных преступлениях с помощью обвинителей (appellatores)[1], которые не имеют никакого имущества и поэтому не могут отвечать за ложное обвинение ни господину королю, ни обвиненным за понесенный ущерб. Поэтому постановлено, что если кто-нибудь, обвиненный таким образом, очистит себя от возведенного на него обвинения в курии короля, то судьи, которые будут слушать и решать такого рода жалобу, должны наказать обвинителя годичным тюремным заключением, и он обязан возместить обвиненному ущерб согласно решению судей, которые должны учесть заключение и арест обвиненного, а также бесчестие, которому он подвергся из-за этого ареста или каким-либо другим способом. Кроме того, (такие обвинители) должны уплатить большой штраф в пользу короля. И если случится, что эти обвинители не имеют никакого имущества, из которого они могли бы возместить вышеуказанный ущерб, то по желанию потерпевшего надо расследовать, по чьему подстрекательству и злому умыслу было возбуждено это обвинение. И если с помощью такого расследования будет обнаружено, что кто-нибудь по своему коварству побудил (обвинителя) к ложному обвинению, то этот подстрекатель должен быть принужден с помощью наложения ареста на его имущество явиться перед судьями. И если (там) он будет уличен законным образом в такого рода коварных подстрекательствах, то он будет наказан тюремным заключением и возместит ущерб, как это было сказано выше относительно (непосредственного) обвинителя. В случае обвинения в убийстве человека для неявки обвинителя в суд не может быть никакого законного оправдания в какой бы курии ни решалось это дело.

XIII. Шерифы позволяют во время своих объездов[2] ложно обвинять перед собой некоторых людей в воровстве

---

[1] Appellatores — обвинители, возбуждающие обвинение в частном порядке в отличие от обвинения, возбуждаемого шерифом или королем в результате показаний обвинительных присяжных.

[2] Объезд шерифа — sherif turn. Два раза в год шериф объезжал свое графство для проверки десятков свободного поручительства и для разбора мелких уголовных преступлений.

и других преступлениях и затем заключают в тюрьмы незаконно обвиненных невинных людей и вымогают у них деньги, хотя бы они не были обвинены законно с помощью 12 присяжных[1]. Поэтому постановлено, что шерифы во время своих объездов или в других случаях, когда они имеют власть расследовать преступления по приказаниям короля или по своей должности, могут производить эти расследования только с помощью не менее, чем двенадцати полноправных людей, которые должны приложить к этому расследованию свою печать, как это обычно делается.

И те, кого они найдут виновными в результате расследования, должны быть арестованы, как это делалось раньше. А если (шериф) арестует тех, кто не был признан виновным по этому расследованию, то пострадавший может возбудить против него иск с помощью приказа «об аресте» (breve de inprisonemento)[2] так же, как и против всякого другого лица, произведшего арест, не имея на то распоряжения. И все, что сказано (выше) относительно шерифа, относится к каждому бейлифу иммунитета.

XXI. В статуте, принятом в Глостере, указано, что если кто-либо сдаст свою землю другому на условии уплаты 1/4 дохода с земли или более, то тот, кто сдал, или его наследник через два года после прекращения платежей может возбудить иск о возвращении земли, переданной на таких условиях из домена. Точно так же решено, что если кто-нибудь в течение двух лет не выполняет службы и обычные повинности, которые он обязан выполнять в пользу своего лорда, то лорд имеет право на иск о возвращении земли с помощью следующего приказа: «Прикажи А., чтобы он справедливо вернул В. такое-то держание, которое он держит от него за такие-то службы и которое должно быть возвращено указанному В. потому, что, как говорят, указанный А. уже два года не выполняет их». И не только в этом случае, но и в случае, предусмотренном в вышеупомянутом Глостерском статуте, приказ о вводе во владение должен быть дан наследнику истца против наследников держателя и тех, кому отчуждено такого рода держание.

---

[1] То есть с помощью обвинительных присяжных (см. выше) или какой-либо другой комиссии присяжных.

[2] Приказ de inprisonemento выдавался для возбуждения иска о незаконном аресте против шерифа или какого-либо другого чиновника.

дела, как это обычно делалось в старину. Также предписано, чтобы судьи, назначенные для разбирательства ассиз, не принуждали присяжных обязательно точно высказать, имело ли место лишение владения или нет, с тем, чтобы они установили истину о фактических обстоятельствах и просили помощи у судей[1]. Но если они по своей воле хотят сказать, имело ли место лишение владения или не имело места, то такой вердикт допускается под их ответственность. И отныне судьи не должны назначать в ассизы и жюри других присяжных, чем те, которые были сначала приглашены для этого.

XXXI. Когда кто-нибудь выдвинет возражение в суде, а судьи откажутся его допустить и представивший возражение запишет их и попросит, чтобы они приложили к этому (документу) печать, судьи обязаны приложить печать, и если один из них не захочет, то должен приложить другой — его товарищ. И если (затем) король по жалобе на действия судей прикажет представить ему протокол и в свитке не окажется этого возражения, а истец представит его в письменной форме с печатью судей, то судье будет приказано явиться в определенный день для того, чтобы он признал эту печать своей или отказался от нее. И если судья не может отрицать, что это его печать, то должно быть вынесено решение о том, следует ли принять это возражение или отвергнуть его.

XXXVIII. Шерифы, сотники (hundredarii) и бейлифы иммунитетов (libertatum) имели обыкновение до сих пор притеснять лиц, находящихся под их юрисдикцией, тем, что включали в жюри и ассизы людей больных, дряхлых и страдающих длительными или временными заболеваниями, а равно людей, находящихся во время этого назначения вне графства; они созывали также чрезмерное количество присяжных, чтобы вымогать у них затем деньги за то, что потом отпускали их с миром; и таким образом ассизы и жюри отнимали много времени у бедных людей, тогда как богатые оставались дома, благодаря данным ими взяткам.

Поэтому постановлено, что отныне в каждую ассизу должно назначаться не более 24 человек. Старики свыше 70 лет, люди, страдающие постоянными болезнями, нездо-

[1] Имеется в виду запрещение судьям насильно исторгать у присяжных ответ в прямой форме, если они не могут его дать по ходу расследования, чтобы таким образом не извращать истину с помощью чисто формальных показаний.

ровые во время составления ассизы или находящиеся в это время вне графства, не должны призываться в жюри присяжных и в малые ассизы. И никто не может быть включен в ассизу даже для расследования в пределах графства, если он имеет держание, которое приносит доход менее 20 шиллингов в год. И если такие ассизы и жюри будут действовать за пределами графства, то они должны состоять только из тех, кто имеет держание с доходом не менее 40 шиллингов в год, за исключением свидетелей в отношении хартий или письменных актов, присутствие которых необходимо, если они способны к выполнению этой обязанности. Но этот статут не касается жюри по Великой ассизе[1], в которые часто приходится включать рыцарей, не живущих в данном графстве, но имеющих там земли, по причине малого количества рыцарей.

И если шерифы или бейлифы иммунитетов нарушат в каком-нибудь пункте этот статут и будут в этом уличены, то они должны возместить потерпевшей стороне понесенные убытки и кроме того уплатить штраф королю. И пусть назначенные для принятия ассиз судьи, когда они прибывают в графство, выслушивают жалобы в отношении статей, содержащихся в этом статуте, и осуществляют правосудие по вышеуказанной форме.

д) ВИНЧЕСТЕРСКИЙ СТАТУТ 1285 года

1. Ввиду того что изо дня в день растет количество грабежей, убийств, поджогов и случаев воровства, а (обвинительные) присяжные не желают изобличать своими показаниями преступников, предпочитая лучше оставлять безнаказанными ограбления пришлых людей, чем обвинять этих преступников, которые большей частью являются жителями их графства, а если даже родом из другого графства, то их укрыватели живут по близости; и ввиду того что присяжные поступают так потому, что ни сами они, ни другие жители графства до сих пор не должны были участвовать в возмещении ущерба (потерпевшим) и не были предусмотрены наказания за укрывательство (преступников) и нерадение, наш господин король для уничтожения засилья преступников установил в этих

[1] В жюри по Великой ассизе могли участвовать только рыцари, тогда как в других случаях в жюри допускались и зажиточные фригольдеры графства.

случаях наказания с тем, чтобы отныне присяжные не щадили бы и не укрывали преступников, если не ради уважения к своей присяге, то хотя бы из-за страха наказания. И он приказал, чтобы во всех собраниях графств и сотен, на рынках, ярмарках, а также во всех других местах, где бывают сборища народа, было бы торжественно объявлено, что впредь никто не может рассчитывать на оправдание по причине его неведения (о совершенном преступлении), и что отныне каждое графство должно так хорошо охраняться, чтобы немедленно после совершения подобных грабежей и преступлений начиналось бы преследование (виновных) по свежим следам из деревни в деревню, из одной местности в другую.

II. Далее, если это потребуется для изобличения преступников, должно быть произведено расследование сначала лордом в его деревне[1], затем в сотне[2] и в иммунитетном округе или в графстве[3], а иногда сразу в двух, трех или четырех графствах, если уголовные преступления совершены на границах (нескольких) графств.

И если жители той или иной местности не пожелают взять на себя поимку преступников, то они будут наказаны тем, что каждая местность, то есть народ, живущий в этой местности, будет считаться ответственной за совершенный грабеж и за возмещение причиненного ущерба; так что вся сотня, в которой был совершен грабеж, вместе с иммунитетными территориями, входящими в ее состав, будет ответственна за этот грабеж. А если грабеж был совершен на границе двух сотен, то обе они и находящиеся в их пределах иммунитеты будут отвечать за это, и не позднее, чем через сорок дней после того как было совершено это преступление. В течение этих сорока дней жители местности (где было совершено преступление) должны взять на себя или ответственность за это преступление, или обязательство представить преступников.

IV. И для большей безопасности всей страны король приказал, чтобы в больших городах, окруженных стенами, ворота запирались на время от захода до восхода солнца; и чтобы никто (посторонний) не находился бы в пригороде или где-нибудь вблизи города с 9-ти часов (вечера) до наступления следующего дня, если только хозяин

[1] На территории которой совершено преступление.
[2] То есть в собрании сотни.
[3] То есть в собрании графства.

(дома, где он находится) не возьмет это на свою ответственность.

И бейлифы городов должны каждую неделю или по крайней мере раз в 15 дней производить расследование о людях, укрывающихся в пригородах или в других местах близких к городу; и если они обнаружат людей, которые поселили у себя или как-нибудь иначе принимали лиц, подозреваемых в нарушении мира, то они (бейлифы) должны в этом случае привлечь этих людей к ответственности.

И приказано, чтобы отныне все города охранялись, как это было раньше, а именно так, чтобы со дня Вознесения до дня св. Михаила в каждом крупном городе каждые ворота охранялись шестью людьми, а в каждом порте или бурге двенадцатью людьми, в каждом местечке (ville) шестью или четырьмя людьми, в зависимости от числа жителей. И город должен охраняться непрерывно в течение всей ночи — от захода солнца до его восхода. И если мимо стражи пройдет какой-либо посторонний человек, он должен быть взят под арест до утра. И если он не покажется подозрительным, то (утром) он может быть отпущен. Но если он вызовет подозрение, его следует немедленно представить шерифу, который должен арестовать его и, не причиняя ему никакого ущерба, содержать под стражей до тех пор, пока он не будет должным образом очищен (от этого подозрения). И если они (подозрительные посторонние лица) воспротивятся аресту, то страна должна поднять против них тревожный крик и те, кто охраняют город, должны начать и вести их преследование по тревоге вместе со всеми жителями города и окрестных поселений, поднимая в них также тревогу до тех пор, пока беглецы не будут схвачены и переданы шерифу, как было сказано выше. И за арест таких чужаков никто не должен нести наказания.

V. Далее приказано, чтобы большие проезжие дороги, ведущие от одного рыночного местечка к другому, были бы расширены в тех местах, где имеется лес, кусты или канавы так, чтобы там на расстоянии двухсот футов по обе стороны от дороги больше не было канав, подлеска или кустов, в которых мог бы спрятаться близ дороги какой-либо человек, замышляющий преступление. Однако это постановление не распространяется на дубы и другие большие деревья. И если из-за небрежности лорда (местности, по которой проходит дорога), своевременно не уничтожившего канав, подлеска и кустов (на дороге) будет совершен

грабеж, то лорд будет считаться ответственным за это преступление; а если там произойдет убийство, то лорд уплатит штраф по воле короля. И если лорд окажется не в состоянии вырубить подлесок, то ему должны помочь в этом окрестные жители. И король также желает, чтобы в его домениальных владениях и в лесах, расположенных как внутри, так и вне его заповедников, дороги также были бы расширены, как это указано выше. И если случится, что близ большой проезжей дороги находится парк, то владелец (этого парка) должен сократить его площадь (так, чтобы деревья находились не менее, чем) на расстоянии в 200 футов от дороги, как было указано выше, или возвести стену, живую изгородь или ров, которые препятствовали бы преступникам выходить (на дорогу) и совершать преступления.

VI. Далее приказано, чтобы каждый человек имел бы в своем доме вооружение, необходимое для охраны (мира, согласно древней ассизе[1]); а именно, каждый человек в возрасте от 15 до 60 лет должен принести присягу в том, что он будет иметь вооружение в соответствии с размерами его земельных владений и движимого имущества: при наличии земли с годовым доходом в 15 фунтов или движимости — на 40 марок (следует иметь) кольчугу, шлем, меч и кинжал; при наличии земли с годовым доходом в 5 фунтов — дублет[2], железный шлем, меч, кинжал; при наличии земли с годовым доходом от 40 до 100 шиллингов (следует иметь) меч, лук со стрелами и кинжал; а кто имеет годовой земельный доход меньше, чем в 40 шиллингов, обязан иметь алебарду, ножи и прочее мелкое оружие, и кто имеет движимость меньше, чем на сумму в 20 марок, пусть имеет меч, нож и прочее мелкое оружие; в все прочие (люди), живущие вне территории лесных заповедников, должны иметь луки и тонкие стрелы, а в пределах лесных заповедников — луки и короткие утолщенные стрелы. И проверка (наличия) этого вооружения должна производиться дважды в год. И в каждой сотне и иммунитете должны быть выбраны два констебля, чтобы проверять наличие предписанного вооружения. А констебли должны представлять назначенным для этого разъездным судьям всех обнаруженных ими нарушителей этих постановлений в отноше-

---

[1] Имеется в виду ассиза о вооружении Генриха II (1181 г.).

[2] Согласно Оксфордскому словарю — плотно облегающая мужская одежда с рукавами или без рукавов, с короткими полами.

нии вооружения и охраны городов и дорог. И они должны также представлять им лиц, которые укрывают у себя чужаков в горных поселениях, если они отказываются отвечать за них. И назначенные для этого судьи должны в каждом очередном парламенте докладывать об этом королю, а король пусть принимает меры (относительно этих нарушителей). И отныне шерифы и бейлифы, управляющие каким-либо округом или частью лесного заповедника в пределах иммунитетов или вне их, независимо от того принадлежат ли (эти иммунитеты) большим или малым людям, пусть участвуют вместе со всеми жителями этой местности в преследовании (правонарушителей) по тревоге. И для этого они должны иметь коней и соответствующее оружие. Если же среди них найдутся такие, которые не будут этого иметь, то констебль должен представить их (имена) судьям, которые сообщат затем об этом королю, как было сказано выше. И король приказывает и запрещает, чтобы отныне ярмарки и рынки размещались на кладбищах, что нарушает достоинство святой церкви.

Дано в Винчестере 8 октября 13 г. правления короля (Эдуарда I).

(e) ТРЕТИЙ ВЕСТМИНСТЕРСКИЙ СТАТУТ ИЛИ СТАТУТ QUIA EMPTORES 1290 года

I. Известно, что в прежние времена свободные держатели магнатов продавали свои земли другим людям с тем, чтобы эти люди и их наследники держали бы купленные земли от тех, кто им эти земли продал, а не от главных лордов этих феодов (non de capitalibus dominis feodorum)[1]; благодаря этому главные лорды часто теряли права на выморочные держания, на выдачу замуж наследниц и на опеку над землями и держаниями, входящими в их фонды; и это казалось магнатам и другим лордам весьма неудобным и тяжким, и в таких случаях было очевидно, что они лишаются своих наследственных владений. Поэтому господин король в своем парламенте в Вестминстере после Пасхи на 18 году своего царствования, то есть через 15 дней после праздника св. Иоанна Крестителя, по настоянию магнатов своего королевства соизволил приказать

[1] То есть таким образом, что все связанные с проданным держанием феодальные права переходили от главного лорда к лордам-посредникам.

и постановил, что отныне каждому свободному человеку (unlicuique libero homini) будет позволено по желанию продавать свою землю или держание или его часть, но так, чтобы тот, кто получил ее в феод, держал бы эту землю или держание от того же главного лорда и за те же службы и обычные повинности, за которые прежде их держал тот, кто их дал ему в феод.

II. И если кто-нибудь продаст часть своих земель и держаний, то получивший их в качестве феода будет держать их непосредственно от главного лорда; и сейчас же на него налагаются все те повинности, которые следуют с этих земель (главному) лорду; причем в этом случае в пользу главного лорда должна идти и та часть повинностей, которую должен был бы ранее получать продавец феода.

III. И пусть будет известно, что с помощью таких продаж и покупок земель или держаний, а также их частей, эти земли или держания частью или целиком никоим образом не могут попадать в «мертвую руку», благодаря каким-либо измышлениям против содержания статута, раньше изданного по этому поводу[1]. И следует знать, что этот статут имеет силу только в отношении проданных земель, которые держатся на праве собственности простого феода (fee simple)[2], и что он имеет силу на будущее время. И он вступит в действие к ближайшему празднику св. Андрея.

[1] То есть Статута «О мертвой руке». Имеется в виду Статут «О мертвой руке» или о церковных людях, изданный в 1279 году, который запрещал духовным лицам вступать во владение светскими феодами, а владельцам этих феодов — продавать или дарить духовным лицам свои земли.

[2] То есть на праве наследственного феода, в отличие от тех владений, которые держались на определенный срок на праве заповедного имения, и т. п.

9. ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПРОТОКОЛОВ „PLACITA DE QUO WARRANTO“

ОКУМЕНТЫ, известные в истории английского государства и права под общим названием Placita de quo warranto, представляют собой протоколы судебных разбирательств, связанных с исками короны против духовных и светских феодалов по обвинению их в незаконном присвоении земельных, судебных или фискальных прав короны или в злоупотреблении этими правами. Иски такого рода практиковались уже в первой половине XIII века, но особенно массовый характер они приобрели со второй его половины, в частности после издания Глостерского статута 1278 года. Этот статут[1] объявлял обязательную проверку всех феодальных иммунитетов Англии с точки зрения законности их обоснования и предусматривал проведение массовых судебных расследований с целью установления характера иммунитетных прав, которыми пользовались английские феодалы. Сейчас же после издания статута специальные судебные комиссии начали, переезжая из графства в графство, вызывать всех феодалов, претендующих на те или иные иммунитеты, и требовали от них ответа, «на каком основании» (quo warranto) они пользуются своими привилегиями. Протоколы подобных расследований, которые особенно интенсивно велись во всех графствах Англии с 1278 по 1290 год, и составляют основной материал издания Placita de quo warranto. Кроме этих протоколов, в нем встречаются также тяжбы о земле между королем и отдельными феодалами, незаконно с точки зрения короля, присвоившими те или иные коронные земли, а также весьма любопытные коронные иски по обвинению отдельных феодалов в том, что они не позволяют своим свободным держателям посещать подчиненные центральной администрации собрания сотен и графств, требуя, чтобы те вместо этого посещали их феодальные курии.

[1] См. выше стр. стр. 201—202, 210—213.

Протоколы, содержащиеся в Placita de quo warranto, весьма ярко и наглядно рисуют все судебные и административные привилегии английских феодалов — от самых широких до самых незначительных. В то же время, поскольку иски quo warranto возбуждались короной против феодалов, то прения сторон в этих процессах (королевский представитель — pleader защищал права короны, а сам феодал или его адвокат права лорда-иммуниста) очень ярко отражают различие взглядов правительства, с одной стороны, и феодалов-иммунистов — с другой на законность тех или иных иммунитетных прав. В силу этого Placita de quo warranto представляют собой ценнейший источник для изучения антииммунитетной политики английского феодального государства в XIII веке.

Помещенные ниже протоколы двух исков quo warranto — один против духовного, другой — против светского феодала типичны для документов, помещенных в Placita de quo warranto. В них фигурирует почти полный набор аргументов, обычно выдвигавшихся королевскими представителями против притязаний феодалов. В основе всей этой аргументации лежит положение, отчетливо высказанное королевским представителем Гуго Лоутером (документ б), согласно которому все судебные и фискальные привилегии составляют неотъемлемую часть короны и могут быть отделены от нее только при помощи королевского пожалования.

Перевод протоколов с латинского языка сделан по изданию «Placita de quo warranto», London. 1818.

(а) ИСК КОРОЛЯ ПРОТИВ АББАТА РАМЗЕЙСКОГО В РАЗЪЕЗДНОМ СУДЕ В ГРАФСТВЕ ГЕНТИНГДОН В 1286 году

Аббат Рамзейский был вызван в суд, чтобы отвечать господину королю, на каком основании (quo warranto) он претендует на то, чтобы производить проверку круговой поруки свободного поручительства, захватывать в свою пользу приблудной скот и клады, обнаруженные на его

земле, держать рынок в своем иммунитетном округе (banleuca)[1] в Рамзее, выполнять средствами своей администрации королевские приказы на данной территории[2], принимать первоначальные судебные приказы короля и разбирать все дела, касающиеся его иммунитетных владений (libertatem) с помощью своих собственных судей; а также, на каком основании он претендует на то, чтобы назначать коронеров[3] для получения судебных штрафов со своих держателей и движимого имущества осужденных и беглых уголовных преступников, пользоваться охотничьими заповедниками, кроличьими садками, правом захватывать обломки кораблекрушения, выброшенные на берег на этой территории. (Он должен был также) отвечать, на каком основании он протендует на освобождение себя и своих держателей от посещения собраний сотен и графств[4], от уплаты вспомоществования шерифу[5], штрафов за убийство и грабежи[6].

И адвокат аббата явился в суд от его имени и сказал, что король Генрих II даровал богу и св. Бенедикту[7] и церкви Рамзейской соку и саку (soke and sak)[8], право сбора пошлин (toll), право разбирать в суде аббата тяжбы

---

[1] Banleuca — пространство, в границах которого какой-либо феодал или монастырь пользуется юрисдикцией или иммунитетными правами.

[2] Здесь имеется в виду иммунитетное право, обычно известное в источниках XIII века под названием returnus brevium, которое практически было связано с запрещением въезда на иммунитетную территорию представителям местной королевской администрации.

[3] Коронер — должностное лицо короля в графстве (подробно см. примечание 1 на стр. 196). Это было весьма важное иммунитетное право.

[4] Регулярное посещение собраний сотен и графств рассматривалось многими свободными держателями и феодалами как обременительная повинность.

[5] Плата на содержание шерифа, которую обязаны были вносить все жители графств.

[6] Имеются в виду штрафы, налагаемые шерифом или разъездным судом на деревни, в которых было совершено убийство или грабеж и виновники не были обнаружены.

[7] Рамзейский монастырь принадлежал к Бенедиктинскому ордену.

[8] Сока и сака (soke and sak) — термин англосаксонского происхождения, первоначально означавший вообще право юрисдикции феодала на определенной территории. В XII—XIII вв. обычно употреблялся в более узком значении права феодала иметь свою судебную курию для разбора всех гражданских тяжб, возникающих между свободными жителями территории его иммунитета. «Сокой» называлась также территория, на которую распространялись иммунитетные права феодала.

о земле всех его держателей с держателями других лордов (theam), право судить и наказывать воров, захваченных с поличным (infangentheft), получать штрафы с перекупщиков, штрафы за убийство, брать в свою пользу обнаруженные в земле клады и все прочие привилегии, относящиеся к короне[1], в тех землях, которые аббат имеет на расстоянии одной лиги (leugatam)[2] вокруг церкви Св. Бенедикта (в Рамзее). И он (т. е. Генрих II) также пожаловал, чтобы эта территория на расстоянии одной лиги[3] навсегда была освобождена от контроля королевских лесничих, от королевских заимок и других подобных вещей.

Томас канцлер (монастыря) представил, сверх того, Хартию Генриха I, в которой засвидетельствовано, что иммунитетная территория в Рамзее простирается до холмика, возвышающегося над виллой Вистоу, и проходит через середину виллы Вистоу, прилегая к вилле Рэвелей до морского побережья...

Он сказал также, что на основании этой хартии аббат претендует на право владения найденными в его земле сокровищами[4], на право выполнять своими средствами королевские приказы (returnus brevium), получать первоначальные приказы (breve originale) и разбирать иски по ним с помощью своих судей[5], иметь своих коронеров и разбирать дела, подсудные короне в пределах своего иммунитета. Что касается права захватывать бродячий скот, то аббат претендует на него на основании давности (abanti-

---

[1] Перечисленные в данном протоколе иммунитетные права, дарованные монастырю по Хартии Генриха II, почти дословно воспроизводят формулу обычной иммунитетной хартии, которая сложилась еще в донормандский период и затем постоянно использовалась нормандскими и анжуйскими королями в качестве основного элемента иммунитетных хартий; к ней, смотря по надобности, добавлялись другие привилегии, обычно выраженные в латинских терминах. Эта англосаксонская формула гласила: «soke and sak, toll and theam, infangentheft and utfangentheft».

[2] Лига (leuca, leuga, leugata) — мера длины. Английская лига — около 7920 футов или полторы мили.

[3] Имеется в виду территория в радиусе одной лиги от виллы Рамзей.

[4] Довольно распространенная в Англии XIII века привилегия, связанная с правом собственности феодала на землю.

[5] Имеются в виду первоначальные судебные приказы из королевской Канцелярии, без которых нельзя было начать разбирательство дела ни в королевском, ни в сеньориальном судах (как в данном случае).

quo). Что же касается права проверки свободного поручительства[1], (адвокат) заявил, что аббат пользуется им по Хартии короля Джона, деда теперешнего короля, которую он представил и в которой это право было засвидетельствовано. Относительно рынка Томас сказал, что король Генрих-отец теперешнего короля — даровал аббату и конвенту Рамзейскому право держать рынок в Рамзее каждую среду. И эта хартия дана за подписью (рукой) самого короля в Кембридже 20 марта 1224 года.

Что касается права аббата получать судебные штрафы с его держателей и права на имущество осужденных и беглых уголовных преступников — жителей его территории, то аббат претендует на них по давности, а также по Хартии короля Вильяма, в которой указано, что ни шериф, ни кто-либо другой не имеет права вмешиваться в дела, касающиеся этой церкви, аббата и монахов, ради пользы этого монастыря. А на охотничьи заповедники и кроличьи садки аббат имеет право давности, а также на основании вышеуказанной Хартии, в одной из статей которой постановлено, что король пожаловал этому аббату и монахам право мирно и спокойно держать леса и охоты, которые должны быть свободны от несения каких-либо повинностей и от уплаты налогов, называемых у англичан «geldum» или «scot» [2].

Та же Хартия короля Вильяма освобождает аббата от посещения собраний сотен и графств и вспомоществования шерифу. В ней сказано, что король считает аббата и монахов свободными от участия в судебных делах, разбираемых в собрании графства и сотни, и от всех платежей и взносов, которые относятся к королю.

А Гильберт Торнтон, который ведет дело от имени короля[3], сказал, что вышеупомянутый аббат и его предшественники незаконно присвоили себе из территории графства, лежащей вне их иммунитетного округа (banleuca), иммунитетные привилегии в некоторых местах на расстоянии 2-х лиг, в некоторых — 3-х лиг, а кое-где на расстоянии 5-и и 6-и лиг (от Рамзея), хотя согласно их правам и представленной хартии они могут претендовать

---

[1] См. примечание 2 на стр. 113.

[2] Имеются в виду государственные налоги, преимущественно поземельный налог, взимавшийся со времени нормандского завоевания со всех держателей земли, независимо от их личного статуса.

[3] Королевский представитель (pleader).

(б) ИСК КОРОЛЯ ПРОТИВ РОЖЕРА МОРТУОМАРИ В РАЗЪЕЗДНОМ СУДЕ В ШРОПШИРЕ В 1292 году

Эдмунд Мортуомари был вызван в суд, чтобы отвечать по иску господина короля о том, на каком основании он претендует на право разбирать дела посудные короне (placita coronae)[1] и захватывать приблудный скот в деревнях Бромптон, Бэктон и других. (Далее следует перечисление названий еще 28 деревень). И Эдмунд явился и сказал, что Корнелл, Хинтс (и еще 7 деревень) являются частями манора Клейбер Мортуомари и что господин король Генрих, отец теперешнего короля, даровал Рожеру Мортуомари, отцу этого Эдмунда, наследником которого он является, и его (Рожера) наследникам этот манор Клейбер со всеми его частями и всем к нему относящимся с тем, чтобы они владели им и держали его, будучи освобождены от уплаты тальи[2], обязанности посещать собрания сотен и графств и выполнения других повинностей, поступавших (ранее) с этого манора и его частей господину королю. И король повелел, чтобы никакой шериф, бейлиф или другой слуга короля не вступал бы на территорию манора и его частей для того, чтобы производить аресты имущества за неуплату тальи или непосещение собраний сотен и графств или за невыполнение других вышеупомянутых повинностей[3]. И Эдмунд заявил, что он претендует на вышеуказанные привилегии в маноре Клейбер и его частях на основании этой хартии.

Будучи спрошен, держит ли он лично перечисленные деревни, которые он называет частями манора Клейбер, Эдмунд ответил, что эти деревни во время составления хартии находились в руках держателей вышеуказанного Рожера, и Рожер тогда являлся верховным лордом этих

---

[1] Placita coronae — одно из наиболее широких иммунитетных прав английских феодалов XIII века, по которому они могли разбирать дела подсудные короне, то есть дела о тяжких уголовных преступлениях, наиболее важные имущественные иски, в частности иск о земле по владельческим ассизам.

[2] Здесь талья — феодальный платеж вышестоящему лорду.

[3] Имеется в виду право returnus brevium — право административного иммунитета в средневековой Англии. При наличии этого права у лорда-иммуниста шериф не имел права въезжать на иммунитетную территорию. Для выполнения каких-либо предписаний короля на этой территории он передавал приказ бейлифу иммунитета, который должен был выполнить его сам и сообщить шерифу о его выполнении.

деревень, а теперь их держит он — Эдмунд, и он имеет над ними верховную власть и право требовать с них повинности (servicium)[1].

И Гуго Лоутер (представитель короля) заявил, что вышеупомянутый Рожер-отец на основании этой хартии мог и должен был пользоваться какими-либо привилегиями или вольностями только в тех деревнях, которые он во время составления хартии держал в своем домене[2]. И поскольку Эдмунд признал, что Рожер не держал деревни (о которых идет речь) в домене в то время, (то Г. Лоутер) требует судебного решения по вопросу об этих привилегиях. Тогда Эдмунд в отношении других деревень заявил, что он претендует там на право разбирать все дела подсудные короне и что он сам и его предки с незапамятных времен пользовались во всех этих деревнях подобной привилегией и выносили судебные решения о жизни и членах[3] без того, чтобы шериф, коронер или другой королевский чиновник когда-либо вступали на эту территорию для исполнения там своих обязанностей. И во всем этом положился на решение присяжных (ponit se super patriam)[4]. Гуго Лоутер ответил, что вышеуказанные привилегии составляют некую совокупность прав короны, благодаря которой король является королем, и эти привилегии не могут быть отделены от прав короны без специального королевского пожалования. И поскольку вышеуказанные деревни находятся внутри территории графства, где никто не может быть королем, кроме господина короля, и поскольку вышеупомянутый Эдмунд не представил никакого специального королевского документа на этот счет, (Гуго Лоутер) просит решения, имеет ли (Эдмунд) право претендовать на подобные привилегии. А что касается маноров Шипл и Рэгг, он сказал, что они не являются частями

[1] Эдмунд Мортуомари в данном случае считает, что его иммунитетные права на территории, относящейся к манору Клейбер, связаны не только с непосредственным владением этой землей и ее эксплуатацией, но и с его верховными сеньориальными правами на эту землю.

[2] Королевский представитель толкует хартию иначе в том смысле, что ее пожалование касается иммунитетных прав лордов Мортуомари лишь на территории собственно домена.

[3] Судебные разбирательства «о жизни и членах» (de vita et membris) — суд по тяжким уголовным преступлениям, которые карались смертью и членовредительством.

[4] В ходе процесса ответчик вынужден был выдвинуть обоснование своих прав давностью владения, установить которую можно было только с помощью расследования через присяжных.

манора Клейбэр Мортуомари, и просил от имени короля, чтобы это было расследовано присяжными.

Присяжные провели расследование и заявили под присягой, что вышеперечисленные маноры являются частями Клейбер Мортуомари[1]. Эдмунду был назначен день судебного разбирательства в Личфилде через неделю после дня св. Гиллярия. Затем через неделю после дня Очищения блаженной Марии в Стаффорде был назначен день для вынесения решения (в суде) coram rege после праздника Вознесения, в том месте, где король в это время будет находиться.

Placita de quo warranto, p. 675.

[1] То есть присяжные высказались в пользу ответчика-лорда.

10. ПОСТАНОВЛЕНИЯ О СУДАХ И СУДЬЯХ XIV ВЕКА

ЕРИОД с 1327 года (начала правления Эдуарда III) до конца 70-х годов XIV века характерен относительно мирным внутренним политическим развитием Англии. После непрерывных смут в годы правления Эдуарда II, которые закончились низложением этого короля, наступил период временной консолидации господствующего класса. Этому немало способствовала начавшаяся в 1337 году агрессивная война с Францией, пользовавшаяся большой популярностью в широких кругах феодалов и купеческой верхушки городов. Объединению феодальной знати помогало также все большее обострение классовой борьбы в деревне. Хотя эта борьба еще не прорывалась в массовых восстаниях, но исподволь подготовляла их повседневными конфликтами.

Эти условия стимулировали дальнейшее развитие и укрепление политической системы сословной монархии, сложившейся к началу XIV века, в частности окончательное оформление парламента с его двухпалатной структурой и правом законодательной инициативы палаты общин. В то же время наблюдалось постепенное восстановление престижа королевской власти, пошатнувшейся при Эдуарде II, которая поддерживалась растущим авторитетом парламента.

Эта политическая тенденция отразилась в постановлениях правительства, направленных на укрепление расшатавшейся в период смут начала XIV века судебно-административной системы. Характерно, что правительство и парламент постоянно подчеркивали преемственную связь новых постановлений со статутами Эдуарда I. Действительно, нетрудно заметить, что по своему содержанию многие из статутов и ордонансов XIV века как бы продолжают законодательство этого короля.

Так, Нортгемптонский статут 1328 года прямо опирается на Статут 1299 года «О взимании штрафов» и

деньги и взятки используют свое влияние в интересах одной из тяжущихся сторон в судах.

Особое место среди публикуемых ниже документов занимает Статут 1352 года, впервые в английском праве и законодательстве определяющий понятие «государственной измены». Его издание свидетельствует о том, что к середине XIV века появилась необходимость в определении такого рода преступлений. Это, очевидно, было связано с укреплением власти короля и представления о короле как главе государства. Если в более ранний период преступления против личности и интересов короны рассматривались прежде всего как нарушение вассальных отношений его подданными, как личная измена королю, то теперь возникает новое понятие — «государственной измены» как преступления, направленного не только против личности короля, но и против всего государства. Соответственно этому Статут 1352 года определяет первым и наиболее тяжелым видом государственной измены посягательство на жизнь короля, королевы и наследника престола, а также военные действия против короля со стороны кого-либо из его подданных. Характерно, что статут определяет в качестве «государственной измены», хотя и меньшего масштаба, также и убийство слугой господина, женой мужа, клириком или мирянином вышестоящего прелата, то есть случаи, когда человек убивает того, кому он в силу каких-то причин обязан повиноваться. Во всех других случаях убийство считается не «государственной изменой», а лишь обычным уголовным преступлением. Обращает на себя внимание и то, что статут не рассматривает как «государственную измену» вооруженные конфликты и военные действия, которые ведут друг против друга подданные короля, если эти действия не нарушают интересов последнего (хотя, казалось бы, такого рода междоусобицы, нарушая мир в стране, должны подрывать престиж центральной власти). В этом можно видеть нежелание правительства вмешиваться в конфликты между феодалами из боязни вызвать недовольство последних. Вместе с тем такое ограничение понятия государственной измены заставляет предполагать, что уже в 60-е года XIV века военные столкновения между феодалами, предвещавшие настоящие феодальные войны XV века, были довольно обычным явлением.

Политика английского феодального государства по отношению к крепостным крестьянам ярко проявилась в

Статуте 1385 года. Статья II этого статута показывает, что после крестьянского восстания 1381 года, окончившегося поражением, в Англии наблюдались массовые побеги вилланов в города, где они рассчитывали укрыться от крепостного гнета. Запрещая судам даже принимать к производству иски вилланов против их лордов, статут недвусмысленно обнаруживает классовую тенденцию политики правительства в этом вопросе.

Все помещенные ниже переводы сделаны со старофранцузского языка по текстам статутов, опубликованных в издании Statutes of the Realm, London, 1810, vol. I—II.

[Извлечения]

(а) ИЗ НОРТГЕМТОНСКОГО СТАТУТА 1328 года

Статья II.

Ввиду того, что преступники, совершившие убийства, грабежи, другие тяжкие уголовные преступления и прочие правонарушения против мира, до сих пор всемерно поощрялись тем, что им слишком легко даровались грамоты о прощении, приказано и постановлено, что такие грамоты впредь не должны выдаваться, за исключением тех случаев, когда король может даровать их, не нарушая своей присяги[1], а именно, если человек убил другого в порядке самообороны или в силу несчастного случая. Преступники также поощрялись тем, что судебные комиссии, назначавшиеся для освобождения тюрем и слушания уголовных дел (oyer et terminer)[2], составлялись из лиц, представляемых могущественными людьми. Это противоречит форме

[1] Имеется в виду коронационная присяга короля.

[2] Судебными сессиями oyer et terminer назывались в XIII—XIV вв. специальные судебные сессии по уголовным делам, назначавшиеся в том или ином графстве чаще всего в связи с какими-нибудь местными феодальными эксцессами и смутами. Обычно ведение этих сессий с помощью специальных распоряжений передавалось ассизным судьям, которые таким образом временно получали дополнительные полномочия.

статута, принятого в 27 году правления короля Эдуарда, деда теперешнего короля, где сказано, что судьи, назначаемые для разбора ассиз, могут одновременно производить освобождение тюрем только (в том случае), если оба они принадлежат к светскому званию. Если же один из них является мирянином, а другой клириком, то они могут освобождать тюрьмы, только присоединив к себе еще одного мирянина из жителей данного графства[1]. Поэтому постановлено, что такого рода судебные комиссии не должны составляться вопреки вышеуказанному статуту и разбирательства по ассизам, аресты и объявления должны производиться не иначе, как согласно форме прежнего статута, изданного в правление вышеназванного короля — нашего деда[2] только судьями, назначенными обычным образом, которые должны быть честными и лояльными людьми, хорошо знающими законы. (Постановлено также), чтобы судебные комиссии, предназначенные для разбора уголовных дел, назначались бы не иначе, как согласно форме вышеуказанного статута, изданного во времена нашего деда. (А именно), только судьями Скамьи или разъездными судьями, а также, в случае особенно тяжелых преступлений, по специальной милости — королем.

Статья VII.

В отношении наказаний за уголовные преступления — грабежи, убийства, разные правонарушения и притеснения народа, совершенные в прошлое время, решено, что наш верховный сюзерен — господин король назначит судей для разных частей страны (в Суде Королевской скамьи или где-нибудь еще), как это обычно делалось во времена правления его деда, из числа наиболее могущественных людей страны, имеющих большое влияние, и некоторых судей обоих Судов Скамьи[3], а также (из числа) других

---

[1] Имеется в виду статут, принятый в 1299 году и известный под общим названием «О взимании штрафов». III и IV статьи этого статута посвящены тем же вопросам, что и статья II Статута 1328 года. (см. Statutes, vol. I, pp. 129—130.)

[2] Имеется в виду тот же Статут 1299 года.

[3] Под «обоими Судами Скамьи» в данном контексте и далее подразумеваются собственно Суд Королевской Скамьи — центральный королевский суд по уголовным делам и Суд Общих Тяжб — центральный королевский суд по гражданским делам. Если не считать Суд Королевского Совета, заседавший обязательно в присутствии короля (coram rege), «Суды Скамьи» считались высшими судебными

лиц, хорошо знающих право. И они должны вести расследование, судебные разбирательства и выносить решения по искам как частных лиц, так и самого короля[1] обо всех уголовных преступлениях, грабежах, убийствах, воровстве, притеснениях, заговорах и обидах, нанесенных народу вопреки праву, статутам и обычаям страны как должностными лицами короля, так и всеми прочими, кем бы они ни были, в пределах иммунитетов и вне их. Они должны также вести расследование и судебные разбирательства по частным искам и по искам короны (о правонарушениях, совершенных) всеми шерифами, коронерами, помощниками исчиторов, бейлифами, констеблями и всеми прочими должностными лицами и их помощниками внутри и вне иммунитетных территорий[2].

И наш верховный господин король и все магнаты королевства обязались впредь поддерживать мир, охранять и защищать этих королевских судей, когда они прибудут (в их земли), с тем, чтобы принятые ими судебные решения не оставались неосуществленными, но выполнялись бы. И они обязались не укрывать преступников и не поддерживать их тайно или явно. Однако король и его совет, издавая этот акт, не имеют намерения нанести какой-либо ущерб магнатам этой страны, которые пользуются иммунитетными привилегиями, или городу Лондону и другим городам и бургам, а также Конфедерации Пяти Портов[3] в отношении их иммунитетных привилегий.

Statutes, vol. I, p. 259.

инстанциями в королевстве. Суд Королевской Скамьи являлся также апелляционным судом по всем делам, выше которого был только Суд Королевского Совета.

[1] Иски по тяжким уголовным преступлениям нередко возбуждались королем (если не находилось частных обвинителей) в порядке охраны «королевского мира».

[2] Эти расследования должны были касаться не только правительственной администрации, но и должностных лиц лордов-иммунистов.

[3] Пять Портов — Конфедерация нескольких крупных портовых городов на южном побережье Англии (Гастингс, Сендвич, Дувр, Ромней, Хит, Уинчелси, Рай). Как вся Конфедерация, так и входившие в нее города пользовались широкими торговыми и иммунитетными привилегиями, которые окончательно были утверждены за ними в 1278 году. Наместник Пяти Портов — представитель короля в Конфедерации, осуществлявший контроль над самоуправлением отдельных городов, следивший за тем, чтобы они не нарушали прав короны и являвшийся связующим звеном между Конфедерацией и центральным правительством.

(б) ИЗ ВЕСТМИНСТЕРСКОГО СТАТУТА 1330 года «ОТНОСИТЕЛЬНО СУДЕЙ И ШЕРИФОВ»

Статья II.

Постановлено, чтобы не реже трех раз в год или еще чаще, если это необходимо, во все графства Англии назначались добропорядочные и благоразумные люди, происходящие из других мест, которые должны проводить ассизы и расследования с участием присяжных (жюри) и свидетелей, а также освобождать тюрьмы[1]. Также там должны быть назначены добропорядочные и законопослушные люди для поддержания мира[2]. И в документе, удостоверяющем их назначение, должно быть указано, что лица, обвиняемые (в преступлениях) и задержанные этими хранителями мира, не могут отпускаться на поруки ни шерифами, ни другими должностными лицами, если их нельзя отпустить на поруки по закону, и что такие подозреваемые лица могут быть освобождены только по общему праву (common law). И судьи, назначенные для освобождения тюрем, не имеют права выпускать на свободу лиц, которые были обвинены перед хранителями мира. И вышеуказанные хранители мира должны направлять свои обвинения судьям, а те имеют право проводить расследования о шерифах, тюремщиках и других лицах, которые освобождали или отпускали на поруки находившихся под их охраной лиц, обвиненных (в преступлениях) и не подлежащих (по закону) освобождению, и наказывать этих шерифов, тюремщиков и других, если они совершили что-либо в нарушение этого акта.

Статья XI.

Далее. До сих пор различные люди нашего королевства, как магнаты (graunts), так и прочие, составляли союзы, соглашения и заговоры, имеющие целью поддержку одной из тяжущихся сторон в судебных разбирательствах и ссорах, из-за чего многие люди несправедливо разорялись, некоторые вынуждены были платить разорительные выкупы, а другие из страха быть искалеченными и

---

[1] «Освобождение тюрем» — см. выше, прим. 3 на стр. 114.

[2] Эти лица были непосредственными предшественниками мировых судей (см. ниже).

побитыми не осмеливались искать своих прав в суде или жаловаться. Присяжные же при расследованиях боялись выносить свой вердикт к большому ущербу для народа и умалению закона и общего права. Поэтому решено, что отныне судьи обеих Скамей, а также ассизные судьи, куда бы они ни приехали для проведения своих сессий или расследований согласно системе nisi prius[1], выслушивали бы и рассматривали обвинения, возбужденные королем или тяжущимися против лиц, поддерживающих одну из сторон, а также тех из них, которые заключают с тяжущимися сделки на условиях получения части исковой суммы и совершают прочие (незаконные) дела, перечисленные выше. Также и разъездные судьи должны рассматривать этого рода дела, когда они прибудут в графство. И те дела, которые не могут быть решены судьями одной или другой Скамьи согласно системе nisi prius ввиду кратковременности их пребывания в графстве, должны быть перенесены в другие места, где они (также) должны вести судебные разбирательства[2], и решать там согласно праву и разуму.

Статья XIV.

Также согласились, что парламент должен собираться ежегодно один раз и чаще, если это будет необходимо.

Статья XV.

И так как шерифы до сих пор устанавливали такой высокий размер фирмы[3] за ваппентеки[4], что бейлифы не могли взыскать эту фирму, не прибегая к вымогательству и притеснению народа, постановлено, что отныне шерифы

[1] См. выше (стр. 223) примечание 1 к статье XXX Второго Вестминстерского статута 1285 года.

[2] В другие графства, куда может переехать судебная комиссия.

[3] Фирма — в данном контексте откупная сумма. Шерифы, отчитывавшиеся перед Казначейством во всех доходах с графства, нередко в XIII и XIV вв. вносили в Казначейство фирму графства, а затем собирали ее с подвластного населения обычно с большим превышением суммы фирмы. Часто шерифы практиковали сдачу на откуп доходов с сотен и ваппентеков своим помощникам-бейлифам.

[4] Ваппентек — wappentake — административный округ в северных графствах Англии, аналогичный по размерам и характеру сотням в Центральных и Южных графствах Англии. Несколько сотен или ваппентеков составляли территорию графства. Ордонанс, очевидно, был разослан шерифам всех графств.

должны сдавать на откуп свои сотни и ваппентеки только за старую фирму, не превышая ее размеров, а назначенные в графства судьи должны производить расследования о вышеуказанных шерифах и наказывать их, если будет обнаружено, что они нарушают этот статут.

Statutes, vol. I, pp. 261, 264, 265.

(в) ИЗ ОРДОНАНСА О СУДЬЯХ 1346 года

Король Эдуард шерифу Лондона привет[1]. Из многочисленных жалоб, поступающих к нам, мы узнали, что закон нашей страны, который согласно нашей коронационной клятве мы обязаны поддерживать, плохо соблюдается, и его осуществление часто нарушается благодаря корыстной поддержке и защите одной из тяжущихся сторон как в судах, так и вообще в стране, осуществляемой разными способами. Поэтому движимые в этом деле совестью и желая быть угодными богу, облегчить и успокоить наших подданных, а также свою совесть, и для того, чтобы обеспечить выполнение нашей вышеупомянутой (коронационной) клятвы, мы с согласия магнатов и других мудрых людей из нашего совета постановили следующее:

Статья I.

Мы приказываем, чтобы наши судьи отныне обеспечивали осуществление закона и прав всем нашим подданным, в равной мере богатым и бедным, независимо от личности, и не нарушали бы права из-за каких-либо писем или распоряжений, полученных ими от нас, или от кого-либо другого, или на каком-либо ином основании.

И если подобные письма, приказы, распоряжения, нарушающие закон, препятствующие его осуществлению или осуществлению прав тяжущихся поступят к судьям или к другим лицам, имеющим отношение к законам согласно обычаям королевства, судьи и другие вышеупомянутые лица должны разбирать дело и вести судебные заседания и процесс так, как если бы они не получали никаких писем приказов или распоряжений. И они обязаны уведомить нас и наш совет о подобных распоряжениях, которые про-

[1] Ордонанс, очевидно, был разослан шерифам всех графств.

тиворечат законам. И желая, чтобы наши судьи осуществляли бы равное право в отношении всех людей, не обнаруживая никакого пристрастия, мы постановили и приказали, чтобы судьи приносили бы присягу в том, чтобы отныне и в течение того времени, пока они будут исполнять должность судьи, они не будут принимать ни денежного вознаграждения, ни одежды ни от кого, кроме нас самих, и что они никоим образом не будут принимать от людей, дела которых должны ими рассматриваться, никаких подарков или взяток, ни сами лично, ни через других, ни открыто, ни тайно, за исключением только пищи или напитков незначительной стоимости. И (они должны присягнуть в том), что не будут давать никаких советов могущественным или малым людям в делах, в которых мы являемся тяжущейся стороной, которые касаются или могут коснуться нас в каком-нибудь пункте, под угрозой того, что мы по своей воле распорядимся их личностью, землями и движимостью, если они будут нарушать свою присягу. И в связи с этим мы повысили жалованье этих наших судей насколько это необходимо, чтобы удовлетворить их.

Статья II.

То же самое мы постановили в отношении баронов Казначейства[1]. И мы открыто потребовали от них в нашем присутствии, чтобы они в соответствии с разумом осуществляли право в отношении всех наших подданных, как больших, так и малых.

Статья III.

Далее мы приказали, чтобы все лица, назначенные судьями в комиссии oyer et terminer, и все (те лица), которых они присоединяют к себе в графствах[2], а также судьи, разбирающие ассизы в графствах и производящие освобождение тюрем, и лица, которых они присоединяют к себе, должны до того, как они получат свои полномочия принести клятву, состоящую из нескольких пунктов, согласно предписанию, полученному ими в нашем совете или в нашей Канцелярии.

---

[1] Бароны Казначейства — члены судебной коллегии, с начала XIII века возникшей при казначействе и известной под названием Суда Казначейства.

[2] См. выше Статут 1328 года.

Статья IV.

Далее мы приказали и твердо настаиваем на том, чтобы под страхом наказания никто из членов нашего дома или наших приближенных, а также ни прелаты, ни эрлы, ни бароны, ни другие большие и малые люди, какого бы они ни были сословия или состояния, не принимали участия в каких-либо тяжбах, не касающихся их лично, с тем, чтобы поддерживать в них (одну сторону) тайно или открыто, за подарки или посулы, ради дружбы или покровительства, из-за недоверия и ненависти, или по какой-либо другой причине, так как это нарушает закон и затрудняет его действие. Но каждый человек имеет полное право искать и защищать свое право в наших и других судах в соответствии с законом. И мы твердо приказали нашему сыну, а также присутствовавшим при этом графам и другим магнатам, чтобы они сами без всяких отступлений выполняли этот ордонанс и не допускали со стороны своих приближенных никаких попыток нарушить его тем или иным способом.

Статья V.

Затем нам стало известно, что многие лица поддерживают в корыстных целях одну из тяжущихся сторон в судебных процессах и (в свою очередь) пользуются поддержкой (своих) лордов, что еще более поощряет их к нарушениям законов. Благодаря такой поддержке многие люди в графствах разорялись, права многих нарушались, или осуществление их откладывалось, а некоторые невинные люди обвинялись, осуждались или притеснялись другим способом. Все это приводило к разорению их владений и к очевидному притеснению народа. Поэтому мы приказали и приказываем, чтобы все магнаты впредь удаляли бы из свит и ливрей[1], состоящих на их содержании, лиц, поддерживающих в данном графстве тяжущиеся стороны в корыстных целях, и не оказывали бы им помощи, благоволения и какой-либо поддержки. Кроме того, мы распорядились, чтобы в назначенный день такие лица явились бы перед нами лично или перед теми членами нашего

[1] «Ливреи» — в XIV и XV вв. военные свиты крупнейших феодалов Англии, содержавшиеся на их счет. Все члены этих свит получали от своих лордов одинаковое обмундирование — отсюда и название «ливрея».

совета, которых мы для этого уполномочили. Их дела должны быть тщательно расследованы, а им следует приказать, чтобы впредь они воздерживались от оказания подобной поддержки или помощи (одной из тяжущихся сторон), которую они ранее осуществляли в этой стране к ущербу нашего народа.

Статья VI.

Далее мы желаем и приказываем, чтобы судьи, назначенные для рассмотрения ассиз, имели бы также полномочия для проведения во время (ассизных) сессий расследований относительно шерифов, исчиторов, бейлифов, а также помощников (всех этих должностных лиц) и (относительно) лиц, поддерживающих из корыстных целей тяжущиеся стороны, известных взяточников из присяжных в данном графстве, по поводу тех взяток, незаконных вознаграждений и других доходов, которые вышеперечисленные должностные лица берут с населения за исполнение своих обязанностей и по поводу всего того. что непосредственно относится к их должности. Расследование должно вестись также по поводу того, что они (эти должностные лица) составляют комиссии присяжных из лиц, пользующихся дурной славой и подозреваемых в злоупотреблениях; а также относительно лиц, поддерживающих тяжущиеся стороны, взяточников, присяжных, которые берут с тяжущихся взятки и вознаграждения, благодаря чему в нарушение всех законов населению ежедневно наносятся тяжелые убытки и ущерб, и нарушается общее право.

И все те, кто будет уличен в подобных злоупотреблениях, должны быть наказаны в соответствии с разумом и законом как по жалобам, возбужденным нами[1], так и по частным жалобам. И мы обязали наших канцлера и казначея выслушивать жалобы (на подобные злоупотребления) от всех тех, кто пожелает пожаловаться и заботиться о скорейшем пресечении (этих злоупотреблений).

Поэтому мы Вам приказываем широко опубликовать вышеизложенные статьи и постановления в нашем городе (или в том месте, которое Вы сочтете наиболее удобным в Вашем округе), чтобы те, кто испытывает вышеперечисленные тяготы, могли добиваться их пресечения согласно

[1] То есть в порядке государственного обвинения.

вышеуказанному ордонансу; и чтобы наш народ мог знать наши намерения и желания в этом отношении и наше стремление к тому, чтобы право оказывалось всем нашим подданным как бедным, так и богатым; и чтобы нарушители (законов) обуздывались бы и подвергались наказанию.

Дано в Вестминстере 7 марта в год нашего царствования в Англии 20-й, а во Франции — 7-й.

Statutes, vol. I, pp. 303—305.

(г) ИЗ СТАТУТА, ИЗДАННОГО В ПАРЛАМЕНТЕ, ЗАСЕДАВШЕМ В ВЕСТМИНСТЕРЕ В 34 ГОДУ ПРАВЛЕНИЯ ЭДУАРДА III

(1360—1361 гг.)

Статья I.

Постановлено, чтобы в каждом графстве Англии для поддержания мира был назначен лорд[1] и с ним трое или четверо из наиболее достойных жителей графства вместе с несколькими знатоками права. И они пусть имеют полномочия обуздывать преступников (offenders), мятежников и взяточников, преследовать их, арестовывать и подвергать наказанию согласно характеру их правонарушений и преступлений, а также согласно законам и обычаям королевства и в соответствии с тем, что они по общему совету и решению сочтут лучшим. И они должны также собирать сведения и производить расследования обо всех тех, которые занимались воровством и грабежом за морем[2], а теперь вернулись сюда и бродяжничают, не желая работать, как это они обычно делали раньше[3]. И хранители мира[4] могут задерживать и арестовывать всех, кто обвиняется (присяжными) или находится под подозрением, и сажать их в тюрьмы. И от всех тех, о которых идет дурная

---

[1] Здесь речь идет о мировых судьях, на должность которых должны были назначаться наиболее влиятельные представители местного дворянства (лорды).

[2] Очевидно, имеются в виду лица, служившие в английских войсках на континенте и участвовавшие в Столетней войне (1337—1453).

[3] Здесь можно видеть явный намек на лиц, не желающих работать по найму за низкую заработную плату. Статут подтверждает постановления рабочих законов XIV века, согласно которым такие «преступники» были подсудны мировым судьям (см. ниже Рабочее законодательство).

[4] То есть мировые судьи-лорды и их помощники.

слава, они могут требовать поручительства перед королем и народом за их хорошее поведение, а всех остальных наказывать должным образом. И все это для того, чтобы подобные смутьяны и мятежники не позорили бы народ, не причиняли бы ему ущерб, не нарушали бы мир, а купцы и другие лица, проезжающие по большим дорогам королевства, не терпели бы беспокойства и не боялись бы нападений со стороны этих преступников. И мировые судьи должны также слушать и решать все возбужденные короной дела о всякого рода тяжких уголовных преступлениях и правонарушениях, совершенных в их графстве, в соответствии с законами и обычаями данного графства; и чтобы приказ о проведении сессии для рассмотрения и решения дел (oyer et terminer) выдавался (впредь) в соответствии с изданным по этому поводу статутом, и судьи, назначенные на эти сессии, указывались бы судом, а не одной из тяжущихся сторон. И король желает, чтобы все общие расследования, (право на) проведение которых в пределах той или иной сеньории до сих пор было предоставлено кому-либо, были бы полностью прекращены и отменены по причине того зла и притеснений, которые терпел народ из-за этих расследований. И чтобы судьи налагали бы за правонарушения, совершенные тем или иным лицом, умеренные и справедливые штрафы, учитывая при этом тяжесть проступка и причины, по которым он мог быть совершен.

Statutes, vol. I, p. 364, 365.

(д) ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ТОМ, КАКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДОЛЖНЫ СЧИТАТЬСЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНОЙ

ИЗ СТАТУТА 1352 года, ПРИНЯТОГО В ВЕСТМИНСТЕРЕ В ПОЛНОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Статья II.

Поскольку до настоящего времени не было единого мнения о том, какие преступления следует считать государственной изменой, король по просьбе (Палаты) лордов и (Палаты) общин сделал (в парламенте) декларацию следующего содержания:

(Государственной изменой считается), если кто-нибудь замышлял или осуществил убийство нашего господина короля, или нашей госпожи, его супруги королевы, или их старшего сына и наследника; или если кто-нибудь совершил насилье над королевой, или старшей незамужней дочерью короля, или над женой его старшего сына и наследника; или если кто-нибудь поднял войну против господина короля в его королевстве, или был сторонником врагов короля внутри страны, оказывая им помощь и поддержку в нашем королевстве, или вне его, и если (такие лица) были на основании неопровержимых улик обвинены в (подобных преступлениях) людьми одного с ними сословия. А также (государственной изменой считается), если человек подделал большую или малую королевскую печать, или королевскую монету, или привез в это королевство фальшивую монету, подделанную под английские деньги, например монету, называемую Люксембургской[1] или другую, похожую на английскую, и зная, что эта монета фальшивая, покупал за нее товары или производил ею платежи к обману нашего господина короля и его народа. Кроме того, (государственной изменой) считается, если человек убил канцлера, казначея или королевского судью одного из судов Скамьи, или одного из разъездных или ассизных судей, или какого-нибудь другого судью, назначенного для разбора дел при исполнении их обязанностей. И само собой понятно, что все вышеперечисленные случаи, которые должны считаться государственной изменой, восходят к судебной компетенции нашего господина короля и к его королевскому величеству. И в этих случаях право конфискации имущества (преступников) — его земель, которые он держит как от самого короля, так и от других лордов, принадлежит (только) нашему верховному лорду (королю).

Кроме того, существует другой вид государственной измены, а именно, когда слуга убьет своего господина, или жена — мужа, или когда мирянин или клирик убьет своего прелата, которому он принес феодальную клятву верности (foi) и покорности. В таких случаях право на конфискацию земли преступника должно принадлежать лорду, от которого он держит феод. И так как в последующее время могут быть совершены многие другие подобные акты государственной измены, которые невозможно предусмотреть

[1] Подделанный серебряный пенс.

и определить (как государственную измену) в настоящее время, постановлено, что если к судьям попадет какое-либо другое дело, которое можно счесть за государственную измену, они должны подождать с принятием судебного решения по этому делу, пока перед королем в его парламенте не будет объявлено, следует ли считать это преступление государственной изменой или иным уголовным преступлением.

И если какой-либо человек (житель) этого королевства открыто или тайно выступит на коне во главе вооруженных людей против какого-либо другого человека, чтобы убить, ограбить, или захватить его в плен и держать до тех пор, пока тот не уплатит выкуп, то король и его совет не считают, что за такой поступок следует судить, как за государственную измену, но полагают, что виновного надо судить лишь за уголовное преступление или правонарушение, согласно законам страны, которые действовали в прежние времена, и согласно тому, как этого требует (данное) дело. И если такие и подобные им случаи до настоящего времени разбирались какими-либо судьями в порядке преследования за государственную измену, и поэтому земли и держания (виновных) перешли в руки короля в результате конфискации, то главные лорды феодов должны (теперь) получить те земельные владения, которые преступники держали непосредственно от них, все равно, находятся ли они в руках короля, или в результате пожалований и другим способом перешли в руки третьих лиц.

При этом, однако, королю предоставляется льготный срок еще на один год[1] и за ним сохраняется право на пустошь и движимое имущество (преступников), которые в вышеуказанном случае должны принадлежать (только) королю. И в этом случае (истцу)[2] должен быть дан приказ scire facias[3] против того, кто держит конфискованную землю, без какого-либо первоначального приказа, и наш господин король не должен оказывать (держателю)[4] какой-либо защиты в вышеуказанном иске; в отношении же

---

[1] То есть король имеет право удержать у себя землю, конфискованную у таких преступников, еще на один год после издания данного постановления.

[2] Непосредственному лорду уголовного преступника, земля которого ошибочно конфискована в пользу короля.

[3] См. стр. 112, прим. 1.

[4] То есть тому человеку, к которому попала земля, конфискованная у уголовного преступника.

земель, которые находятся в руках короля, шерифу того графства, где они находятся, должен быть направлен приказ о немедленной передаче этих земель из рук короля (истцу).

Statutes, vol. I, pp. 319—320.

(е) ИЗ СТАТУТА 1385 года, ИЗДАННОГО В ПАРЛАМЕНТЕ В ВЕСТМИНСТЕРЕ

Статья II.

Об исках беглых вилланов против их лордов

...Далее, так как многие вилланы и нативы[1], принадлежащие магнатам и другим людям, как клирикам, так и мирянам, бегут в большие и малые города и на (другие) привилегированные территории, как, например, в город Лондон или в другие ему подобные места, и (затем) возбуждают против своих лордов различные (ложные) иски для того, чтобы с их помощью получить свободу[2], решено с общего согласия, что ни лорд, ни какие-либо другие лица не могут привлекаться к суду их вилланами для того, чтобы отвечать перед ними по закону.

Statutes, vol. II, p. 38.

[1] Нативы (nativi) — так же как и «вилланы», обозначение крепостного, лично-зависимого крестьянина.

[2] Очевидно, речь идет об исках, которые вилланы возбуждали против своих лордов с целью доказать свой свободный статус, потому что такие иски им было удобнее вести, находясь в городе, вне пределов досягаемости своих лордов.

11. ЗАКОНЫ О РАБОЧИХ 1349—1350 годов

АБОЧЕЕ законодательство второй половины XIV века в Англии представляет собой целую серию аналогичных по содержанию законов (1349, 1350/51, 1361, 1388 гг.), имевших целью обеспечить дешевой рабочей силой те социальные слои деревни и города, которые уже в этот период использовали в своем хозяйстве наемных рабочих (батраков — в деревне, подмастерьев, сезонных рабочих — в городе).

Потребность в такого рода законах была вызвана резким вздорожанием наемной рабочей силы, которое явилось следствием большой нехватки наемных рабочих, особенно в деревне. Непосредственным толчком к обнаружению этого кризиса рабочей силы послужила «черная смерть» — эпидемия чумы, обрушившаяся на Англию в 1348 году и значительно сократившая численность трудового населения страны. Однако более глубокие корни этого кризиса лежали в некоторых особенностях экономического развития английской деревни, где благодаря раннему развитию товарно-денежных отношений и коммутации ренты[1] уже с начала XIV века в хозяйстве значительной части феодалов все больше и больше стал применяться наемный труд, хотя и в своеобразной полуфеодальной форме. В качестве наемных рабочих этой эпохи по большей части выступали крестьяне, имевшие небольшой, а иногда и довольно значительный земельный надел. Они нередко наряду с работой по найму уплачивали ренту своему лорду, а в отдельных случаях даже несли в его пользу некоторые отработочные повинности. Лишь незначительная часть рабочих этого периода состояла из безземельных батраков, живших исключительно продажей своих рабочих рук. Нанимателями рабочей силы в деревне были главным образом мелкие и средние землевладельцы, часто сочетавшие эксплуатацию

[1] Коммутация ренты — замена натурального оброка или барщины феодальной денежной рентой, производившаяся феодалами под влиянием развития товарно-денежных отношений.

наемного труда с чисто феодальной эксплуатацией зависимых от них крестьян. Поэтому конфликты, происходившие в деревне между нанимателями и наемными рабочими в связи с ростом заработной платы, хотя и свидетельствовали о ростках новых социальных отношений, но в целом еще оставались в рамках противоречий феодального общества.

Нехватка и вздорожание рабочей силы в деревне побудило государство вмешаться в эти конфликты между феодалами-нанимателями и крестьянами, работавшими по найму, с тем, чтобы отстоять интересы первых против вторых. Попутно государство было вынуждено вмешаться также во взаимоотношения между нанимателями и наемными рабочими в городах и устанавливать пониженные цены на предметы первой необходимости, так как в противном случае все попытки понизить заработную плату сельскохозяйственным рабочим были бы заранее обречены на провал.

Из всего сказанного выше социальная направленность рабочего законодательства в целом очевидна: оно защищало интересы определенной части феодалов, применявших наемный труд в своих хозяйствах, и было враждебно значительной части крестьянства (в основном малоземельному крестьянству); в городах оно было выгодно ремесленной и купеческой верхушке и ущемляло интересы подмастерьев, сезонных рабочих, а также мелких ремесленников, живших трудом своих рук. В силу этого рабочее законодательство нельзя считать проявлением антифеодальной политики английского государства. Типично феодальными были также и способы, которыми статуты о рабочих пытались искусственно снизить заработную плату: штрафы, аресты, заковывание в колодки, клеймение рабочих, запрещение им уходить от нанимателя без его разрешения. Все эти меры создавали для лиц, работавших по найму, новую систему внеэкономического принуждения в общегосударственном масштабе.

Характерно, что, издавая статуты о рабочих, правительство действовало в полном единодушии с парламентом, и в частности, с Палатой общин, которая при помощи петиций и биллей добивалась издания все новых и все более строгих законов.

Такая решительная позиция Палаты общин объяснялась тем, что представленные в ней мелкие и средние феодалы и городская верхушка были особенно заинтересо-

ваны в дешевой рабочей силе. Более крупные феодалы, располагавшие значительным количеством крепостных крестьян и большими средствами для найма, не нуждались в рабочем законодательстве и постоянно сами нарушали его постановления.

Вообще Статуты о рабочих выполнялись очень плохо и постоянно нарушались как рабочими, так и нанимателями, что и вынуждало Палату общин требовать издания все новых и новых законов по этому поводу, а правительство — идти навстречу этим требованиям. В целом эти постановления так и не достигли своей основной цели — снижения заработной платы наемным рабочим и полного их подчинения власти нанимателей. Однако они значительно обострили классовую борьбу в английской деревне второй половины XIV века и способствовали росту недовольства малоземельного крестьянства, которое сыграло такую большую роль в восстании под руководством Уота Тайлера.

Первым актом Рабочего законодательства был «Ордонанс о рабочих и слугах», изданный королем Эдуардом III и его советом 18 июня 1349 г. От последующих статутов Ордонанс отличается своим обобщающим характером: в нем гораздо меньше подробностей, но зато более отчетливо выступают общие принципы подхода правительства к «рабочему вопросу», легшие в основу всего рабочего законодательства. Обращает внимание то обстоятельство, что Ордонанс в первую очередь регулирует вопросы, связанные с сельскохозяйственным наемным трудом, что вообще характерно для Рабочего законодательства того периода.

Статут о рабочих 1351 года был издан по петиции парламента, собравшегося в феврале того года в Вестминстере. По сравнению с Ордонансом 1349 года, статут гораздо более пространно и даже мелочно регулировал все вопросы, связанные с наймом рабочих.

Основное внимание в нем уделялось вопросу о заработной плате сельскохозяйственных рабочих (ст. ст. I и II).

Устанавливались также ставки оплаты строительных рабочих и цены на товары основных ремесленных профессий (ст. ст. III и IV). Помимо тюремного заключения, рабочие, виновные в нарушении статута, карались еще и штрафом. В отличие от Ордонанса 1349 года, согласно которому нарушители его должны были судиться в обычных

сеньориальных судах или судах сотен и графств, Статут 1351 года создавал для этой цели специальные суды, которые должны были четыре раза в год объезжать все графства Англии.

Все эти дополнения и уточнения к Ордонансу были вызваны тем, что он очень плохо соблюдался, как это видно из преамбулы Статута 1351 года и его VI-й статьи.

Русский текст Ордонанса 1349 года и Статута 1351 года без изменений перепечатан из сборника «Английская деревня в XIII—XIV вв.», Соцэкгиз, 1936, где они опубликованы в переводе Д. М. Петрушевского.

[Извлечения]

(а) ОРДОНАНС О РАБОЧИХ И СЛУГАХ
AN ORDENANCE CONCERNING LABOURERS AND SERVANTS
(1349 г.)

«Так как большая часть народа и больше всего рабочих и слуг уже умерла в эту чуму, то некоторые, видя затруднительное положение господ и малочисленность слуг, не желают служить иначе, как получая чрезмерное вознаграждение, а некоторые предпочитают, пребывая в праздности, просить милостыню, вместо того, чтобы трудом снискивать средства к жизни. Поэтому мы, имея в мысли те серьезные неудобства, которые могут произойти от недостатка, в особенности, в пахарях и других сельских рабочих имели об этом рассуждение с прелатами и знатью и другими сведущими людьми, с нами находившимися, и по их единодушному совету постановили:

Чтобы каждый мужчина и каждая женщина королевства нашего Англии, какого бы состояния они ни были, свободного или крепостного, крепкие телом и в возрасте до шестидесяти лет, не живущие торговлей и не занимающиеся ремеслом и не имеющие собственности, которой бы жили, ни собственной земли, возделыванием которой могли бы быть заняты, и не находятся на службе у другого, если его или ее позовут служить соответственно их состоянию,

обязаны служить тому, кто их позовет, и брать то вознаграждение деньгами и натурой, которое в местностях, где они обязаны будут служить, обыкновенно давали в двадцатый год царствования короля нашего в Англии или в последние пять или шесть лет. Предусматривается при этом, что сеньоры должны иметь преимущественное перед другими право удерживать у себя на службе вилланов или держащих у них вилланскую землю, но так, однако, чтобы эти сеньоры удерживали у себя лишь стольких, сколько им необходимо, и не больше.

И если такой мужчина или женщина, когда его или ее станут нанимать на службу, не захочет этого сделать, и это будет доказано двумя заслуживающими доверия людьми перед шерифом или бейлифом короля или перед деревенским констеблем, где бы это ни произошло, они немедленно должны быть ими или кем-либо из их людей схвачены и отправлены в ближайшую тюрьму и там пребывать под строгим караулом, пока не найдут поручительства в том, что будут служить, как указано выше.

И если жнец, косец или другой сельский рабочий или слуга какого бы состояния ни был, находящийся у кого-либо на службе, раньше окончания условленного в договоре срока от названной службы без разумной причины или без позволения хозяина уйдет, то должен быть наказан заключением в тюрьму, и никто под страхом того же наказания не смеет принимать и держать у себя на службе такового.

Никто также никому не должен платить или обещать платить вознаграждение натурой или деньгами больше обычного, как сказано выше, и никто его в ином размере не должен требовать или получать под страхом уплаты вдвое против того, что было так уплачено, обещано или потребовано или получено, тому, кто чувствовал от этого ущерб, а если никто из таких людей не пожелает возбудить преследование, в таком случае (эта уплата должна быть произведена) всякому, кто возбудит это преследование; и этого рода судебное преследование должно происходить в курии лорда той местности, в которой произошел данный случай; и если лорды деревень или маноров против настоящего постановления нашего сами или через своих служащих в чем-либо осмелятся поступить, тогда преследование против них должно происходить в названной выше форме в графстве (т. е. в собрании графства), в вапентеке (округ, соответствующий сотне), в трети или

в других наших куриях подобного рода под угрозой штрафа, втрое превышающего то, что ими или их служащими было таким образом заплачено или обещано, и на случай, если кто до настоящего постановления заключил с кемлибо соглашение о службе за большее (против положенного) вознаграждение, то он не обязан платить то, что он должен бы был платить в силу соглашения и что выходит за пределы того, что было в обычае ему платить, а платить больше он не смеет под страхом вышеуказанного штрафа.

Равным образом и седельные мастера, скорняки, кожевники, сапожники, портные, кузнецы, плотники, каменщики, кровельщики, кроющие черепицей, лодочные и корабельные мастера, возчики и всякие иные ремесленники и рабочие не должны брать за свой труд и мастерство больше того, что в названный двадцатый год и в другие предшествующие обычные годы, как сказано раньше, в местностях, где им пришлось бы работать, таким было в обычае платить; и если кто возьмет больше, будет заключен в ближайшую тюрьму указанным выше способом.

Точно так же и мясники, содержатели харчевен, пивовары, хлебники, торговцы живностью и все другие продавцы каких бы то ни было съестных припасов обязаны продавать эти съестные припасы по умеренной цене, сообразуясь с ценой, по какой эти съестные припасы продаются в ближайших местностях, так, чтобы эти продавцы имели умеренную прибыль, а не чрезмерную, сообразно с тем, как требует того расстояние от тех мест, из которых привозятся эти съестные припасы. И если кто эти съестные припасы станет продавать иначе и в этом в вышеуказанной форме будет уличен, то пусть уплатит вдвое против того, что он получил, потерпевшему или — если последнего не окажется налицо — другому, кто пожелает возбудить против него судебное преследование в данном месте. И пусть мэр и бейлифы городов и бургов, торговых сел и иных, а также портов и приморских мест имеют власть производить расследование обо всех и каждом, кто в чемлибо провинился против этого, и взыскивать вышеназванный штраф в пользу тех, по чьему иску эти провинившиеся были уличены; и в случае, если эти мэр и бейлифы выполнением вышеуказанного пренебрегут и в этом будут уличены перед судьями, которые нами назначены будут, тогда эти мэр и бейлифы должны быть этими судьями вынуждены уплатить тройную цену так проданной вещи этому потерпевшему или другому, за его отсутствием вчи-

нившему иск и, кроме того, понесут тяжелую кару и перед нами.

И так как многие здоровые нищие, пока имеют возможность жить выпрашиваемой милостыней, отказываются работать и проводят жизнь в праздности и грехах, а иногда и в грабеже и в других преступлениях, то никто под страхом вышеназванного заключения в тюрьму не смеет что-либо давать таким, которые без всякого затруднения могут работать, по соображениям благочестия и в виде милостыни и этим поддерживать их в их праздности, чтобы таким образом принудить их зарабатывать необходимое для жизни.

Повелеваем тебе, крепко наказывая, чтобы все вышеуказанное ты велел всенародно оповестить в городах, бургах и торговых селах, морских портах и других местах в пределах твоей власти, где найдешь нужным как в пределах иммунитетов, так и за их пределами, и соблюдать и чинить должные взыскания, как сказано выше, и это, поскольку ты любишь нас и общую пользу королевства нашего и желаешь сохранить собственную безопасность, не преминешь исполнить. Скреплено королем в Уэстминстере 18 дня июня. Самим королем и всем советом».

(б) СТАТУТ О РАБОЧИХ
STATUTUM DE SERVIENTIBUS, LE STATUS DARTIFICIERZ ET SERVANNTZ, THE STATUTE OF LABOURERS
(1350—51 гг.)

«В то время как против злонамеренности слуг, которые стали дороги после чумы и не хотят служить иначе, как за чрезмерную плату, недавно был издан нашим сеньором королем с согласия прелатов, знати и других из его совета ордонанс, что такого рода слуги как мужчины, так и женщины обязаны служить, получая денежную плату и содержание, которые были обычным в местах, где они должны служить в двадцатый год царствования названного нашего сеньора короля или пятью или шестью годами раньше, и что эти слуги в случае отказа служить таким образом будут подвергаться наказанию путем заключения в тюрьму, как об этом более подробно говорится в этом ордонансе; и после этого разным людям в каждом графстве были даны поручения производить расследования и

подвергать наказанию всех тех, кто пойдет против этого; и вот, насколько дано понять нашему сеньору королю в настоящем парламенте петицией общины, оказывается, что названные слуги, не обращая никакого внимания на названный ордонанс, но лишь на свои удобства и свое чрезмерное корыстолюбие, отказываются служить как магнатам, так и другим, если не получат денежного жалования и содержания вдвое и втрое больше того, какое они обыкновенно получали в названный двадцатый год и перед тем, к великому урону магнатов и разорению всей общины, против чего эта же община просит какого-нибудь средства. Вследствие этого в этом парламенте, с согласия прелатов, графов, баронов и других магнатов и названной общины, здесь собравшихся, для того, чтобы обуздать злонамеренность названных слуг, было повелено и постановлено нижеследующее:

I. Чтобы каждый возчик, пахарь, погонщик при плуге, пастух овец, свинопас, скотница и все другие слуги брали денежное жалование и содержание, обычные в названный двадцатый год и четырьмя годами раньше, так что в местностях, где было в обычае выдавать им пшеницу, пусть они берут вместо бушеля (пшеницы) 10 пенсов или пшеницу, как будет угодно дающему, пока не будет сделано об этом другого постановления; и чтобы они нанимались на целый год или другие обычные сроки, а отнюдь не поденно; и чтобы никто из них не брал за выпалывание сорных трав или за уборку сена больше одного пенни в день, а косцы лугового сена за акр или за день (должны брать) 5 пенсов, а жнецы хлеба в первую неделю августа — по 2 пенса, а во вторую — по 3 пенса, и так до конца августа, и меньше в тех местностях, где было в обычае меньше давать, где не требовали, не давали и не получали еды или другого угощения; и чтобы такие рабочие открыто несли в своих руках в торговые города свои инструменты и здесь нанимались в публичном месте, а отнюдь не в частном.

II. Также чтобы никто не брал за молотьбу квартера пшеницы или ржи больше 2 пенсов с фарсингом и за квартер ячменя, бобов, гороха и овса 1 пенс с фарсингом, если столько обычно давали, а в местностях, где обыкновенно жали за определенный сноп и молотили за определенный бушель, чтобы никто не брал больше и ни в каком другом виде, чем было в обычае в названный двадцатый год и до этого; и чтобы эти слуги давали клятву два раза в год перед сеньорами, сенешалями, бейлифами и констеблями каждой деревни соблюдать это и что никто из них не уйдет

из деревни, где он обитает зимою, чтобы наниматься на службу летом, если он может иметь службу в той же деревне, получая, как сказано выше. Исключением является, что люди графств Стаффордского, Ланкастерского и Дерби и люди Кравена и Уэльской и Шотландской марки и других местностей могут приходить в августе работать в другие графства и безопасно возвращаться, как они обычно делали до этой поры; и чтобы те, кто отказывается давать такую клятву или исполнять то, что они клялись или взялись исполнять, забивались в колодки названными сеньорами, сенешалями, бейлифами и констеблями деревень на три дня и более или же препровождались в ближайшую тюрьму, чтобы там пребывать, пока не пожелают оправдаться; и чтобы колодки были заведены в каждой деревне для этой оказии до пятидесятницы.

III. Также, чтобы плотники, каменщики, кровельщики, кроющие черепицей, и другие кровельщики домов не брали поденно за свою работу иначе, чем они брали, а именно: мастер-плотник — 3 пенса и его подручный — 2 пенса, мастер-каменщик — 4 пенса и другой каменщик — 3 пенса и их слуги — по одному пенни с фарсингом. Кровельщик черепицей — 3 пенса и его помощник — 1 пенни с фарсингом и другой кровельщик, кроющий папоротником и соломой — 3 пенса и его помощник — 1 пенни с фарсингом. Также штукатуры и другие рабочие, строящие стены из глины, и их помощники таким же образом, без еды и питья именно от пасхи только до св. Михаила, а от этого времени меньше согласно норм и усмотрению судей, которые будут для этого назначены; и чтобы те, которые занимаются перевозкой на суше и по воде, не брали больше за такую перевозку, чем они обыкновенно брали в названный двадцатый год и четырьмя годами раньше.

IV. Также, чтобы башмачники и сапожники не продавали башмаков, сапог и других вещей, относящихся к их ремеслу, иначе, как они обыкновенно делали в названный двадцатый год; и чтобы золотых дел мастера, седельные мастера, люди, занимающиеся ковкой лошадей, шорники, дубильщики кож, люди, занимающиеся выделкой кож, скорняки, портные и все другие мастеровые, ремесленники и рабочие, и все другие слуги, здесь отдельно не названные, дали клятву перед названными судьями заниматься своим ремеслом и исполнять свои обязанности так, как они это делали в названный двадцатый год и предшествующее время, не отказываясь делать это из-за этого ордонанса; и

если какой-нибудь из названных слуг, рабочих, мастеров или ремесленников после принесения такой клятвы пойдет против этого ордонанса, пусть будет наказан штрафом — выкупом и заключением в тюрьму по усмотрению названных судей.

V. Также, чтобы названные сенешалы, бейлифы и констебли названных деревень принесли клятву перед этими судьями, что будут вести тщательное расследование всеми добрыми способами, какие только у них окажутся, обо всех тех, кто пойдет против этого ордонанса, и осведомлять этих судей об их именах всякий раз, как они будут приезжать на сессии в данную местность; так что названные судьи, получив от этих сенешалов, бейлифов и констеблей сведения об именах бунтовщиков, приказывают арестовать их, чтобы они явились перед этими судьями дать ответ о таких нарушениях закона и заплатить штраф и выкуп королю, в случае если они будут в этом изобличены, и, кроме того, они должны быть препровождены в тюрьму и там пребывать до тех пор, пока не найдут поручителя в том, что будут служить и брать и делать свою работу и продавать продажные вещи так, как сказано выше; и в случае, если кто-либо из них пойдет против своей клятвы и в этом будет изобличен, будет иметь тюрьму в течение четверти года, так что каждый раз, как он провинится и будет в этом изобличен, будет подвергаться двойному наказанию; и чтобы эти судьи производили расследование каждый раз, как будут прибывать (на сессию), о названных сенешалах, бейлифах и констеблях, представили ли они (им) добросовестное и лояльное осведомление и не скрыли ли того за подарки, из потворства или по родству, и наказывать их штрафом и выкупом, если они окажутся виновными в этом. И чтобы эти судьи имели власть производить расследование и подвергать должному наказанию названных должностных лиц, мастеровых, рабочих и других слуг, а также содержателей харчевен, постоялых дворов и тех, которые продают съестные припасы в розницу и другие предметы, здесь отдельно не названные как по иску стороны, так и в силу публичного обвинения, и выслушивать и решать и приводить приговор в исполнение, требуя явки ответчика или обвиняемого после первого же (направленного к шерифу) приказа, если нужно будет, и уполномочивать других, им подчиненных в таком числе и таких, как они найдут лучшим для охраны этого ордонанса; и чтобы те, которые будут искать против таких слуг, мастеровых и рабочих об излишках взятых у

них, и те будут в этом изобличены по их иску, получали бы этот излишек (обратно); а в случае, если никто не пожелает вчинять иска, чтобы получить такой излишек, тогда бы он был взыскан с названных слуг, мастеровых, рабочих и ремесленников и передан сборщикам пятнадцатой деньги в облегчение деревень, где такой излишек был взят.

VI. Также, чтобы шерифы, констебли, бейлифы, смотрители тюрем, клерки судей или шерифов и всякие другие должностные лица не брали ничего, пользуясь своей должностью с этих слуг в виде подарков и другим способом; и если они что-нибудь взяли таким способом, то, чтобы они передали это сборщикам десятой и пятнадцатой деньги[1] в помощь общине на время, на которое десятая и пятнадцатая деньга установлены равно как и на все время прошедшее, так и будущее; и чтобы названные судьи производили расследования на своих сессиях, не получали ли названные должностные лица чего-либо с этих слуг, и то, что они найдут путем таких расследований, что названные должностные лица получили, пусть эти судьи велят взыскать с каждого из названных должностных лиц и передать названным сборщикам вместе с уплаченными излишками, штрафами и выкупами, а также с пенями со всех тех, которые будут оштрафованы перед названными судьями, в облегчение деревень, как сказано выше; и в случае если излишек, найденный в одной деревне, выходит из пределов количества пятнадцатой деньги этой деревни, то чтобы остаток такого излишка был взыскан и уплачен сказанными сборщиками ближайшим бедным деревням в помощь их пятнадцатой деньги, по совету названных судей; и чтобы штрафы, выкупы, излишки и пени названных слуг и рабочих на будущее время, когда будет взиматься названная пятнадцатая деньга, передавались названным сборщикам в названной выше форме, по письменному соглашению между ними и названными судьями так, чтобы эти сборщики были уполномочены этими соглашениями; в случае, если названные штрафы, выкупы, пени и излишки не будут уплачены в помощь вышеназванной пятнадцатой деньге и когда прекратится взимание этой пятнадцатой деньги, взимать их в пользу короля за ответственность шерифа графства.

VII. Также, чтобы названные судьи устраивали свои сессии во всех графствах Англии по меньшей мере четыре

---

[1] Имеется в виду государственный налог, взимавшийся в размере $^1/_{10}$ или $^1/_{15}$ с движимого имущества всех жителей королевства.

раза в год, а именно, в праздники благовещения нашей госпожи, св. Маргариты, св. Михаила и св. Николая, а также всякий раз, когда окажется надобность в этом, по усмотрению судей; и чтобы те, которые говорят в присутствии названных судей или другие вещи делают в их отсутствии или присутствии к ободрению или поддержке названных слуг и рабочих в противность этому ордонансу, подвергались суровому наказанию по усмотрению названных судей. И если кто-либо из названных рабочих, ремесленников или слуг убежит из одного графства в другое по причине этого ордонанса, чтобы шерифы графств, где будут найдены такие беглецы, велели их задерживать по приказу судей тех графств, откуда они убежали, и препровождали их в главную тюрьму этого же графства, чтобы они там пребывали до ближайшей сессии этих же судей; и чтобы названные шерифы возвращали такие приказы этим судьям в их ближайшие сессии, и чтобы этот ордонанс соблюдался и выполнялся как в городе Лондоне, так и в других городах и бургах и в других местах в стране, как внутри иммунитетов, так и за их пределами».

12. ТРАКТАТ «О ПОРЯДКЕ ВЕДЕНИЯ ПАРЛАМЕНТА»

НОНИМНЫЙ трактат «О порядке ведения парламента» (Modus tenendi parliamentum) является интересным и своеобразным источником по истории английского средневекового парламента. Он был обнаружен среди документов XIV века в нескольких рукописных списках, из которых один был написан на французском, остальные — на латинском языке. В трактате дано подробное описание состава, порядка созыва, процедуры заседаний, важнейших функций парламента, то есть всех парламентских порядков, которые, по словам автора трактата, якобы существовали в Англии с незапамятных времен. Относя запись этих порядков к донормандскому периоду, автор наивно пытается выдать свое творение за нечто вроде апробированной веками инструкции по всем вопросам, связанным с организацией парламента (см. вступление к трактату).

Однако, по общему мнению всех исследователей, занимавшихся этим источником, начиная с XVII века, под этой своеобразной формой скрывается любопытный памятник английской политической мысли, относящийся к XIV веку. Вопрос о том, насколько он может служить также источником по истории английского парламента, решается в зависимости от датировки трактата и оценки его внутреннего содержания, которые до сих пор вызывают споры в литературе[1].

Имя автора трактата осталось невыясненным, но исходя из его содержания и, в частности, из того, что в нем настойчиво подчеркивается особо важная роль в парламенте представителей низшего духовенства (прокторов), большинство современных историков считают, что он был написан духовным лицом, близко знакомым с парламентскими порядками и общей организацией центрального управ-

[1] Некоторые историки считают, что трактат был написан в первой четверти XIV века, другие относят его появление к последней четверти того же столетия.

ления своего времени,— может быть, клерком королевской канцелярии или самого парламента.

Описание парламента, данное в трактате, не во всем соответствует тому, что мы знаем о нем из официальных источников того времени. Автор выступает как реформатор парламента, стремясь кое-что изменить, уточнить, усовершенствовать и упорядочить в его структуре и организации. Усовершенствования, предлагаемые автором трактата, имели одну общую политическую тенденцию — усилить в парламенте значение и роль представительного элемента — так называемых представителей общин. Предвосхищая будущий рост политического значения представителей рыцарства и горожан в Палате общин конца XIV века, о которой он впрочем еще ничего не знает, и изображая желаемое за действительное, автор настойчиво подчеркивает первенствующее положение «общин» в парламенте по сравнению с прелатами и баронами. Ту же политическую тенденцию можно обнаружить и в постоянном стремлении трактата подчеркнуть высокий авторитет парламента в целом, почетный характер участия в нем, торжественность его заседаний, а также — в некотором недоверии к королю: отсутствие последнего в парламенте согласно трактату может быть оправдано только болезнью и только в том случае, если эта болезнь засвидетельствована специальной комиссией парламента (см. раздел «Об отсутствии короля в парламенте»). Анонимный автор трактата, несомненно, сторонник усиления политического влияния парламента, а внутри парламента — представителей общин за счет крупных феодалов — прелатов и баронов. Его программа ближе всего к тем политическим взглядам, которые в политической борьбе второй половины XIII века — начала XIV века отражали интересы средних слоев феодалов и городской верхушки. В борьбе за власть, происходившей внутри класса феодалов в первой четверти XIV века (в правление Эдуарда II, 1307—1327), участвовали три основные группировки: придворная группа фаворитов и государственных сановников во главе с королем, которая, выступая под лозунгом усиления королевской власти, фактически домогалась бесконтрольного распоряжения государственной казной и неограниченного обогащения; баронская группировка, стремившаяся установить контроль над правительством путем создания режима баронской олигархии, в конечном итоге с той же целью личного обогащения и укрепления своего политического авторитета; наконец,

третья группа, представлявшая интересы основной массы,— средних и низших феодалов, которую поддерживали наиболее крупные города и прежде всего Лондон, а также низшее и среднее духовенство, которое в этот период пыталось использовать парламент для того, чтобы оградить церковь от фискальных притеснений короны. Эта группировка, равно враждебная планам бесконтрольного хозяйничания в стране как королевской, так и баронской партии, стояла за укрепление парламента и своего влияния в нем, которого она постепенно добивалась, хотя временами поддерживала то баронов (в 1311 и 1327 гг.), то короля (в 1322 г.).

Содержание и общая политическая тенденция Modus tenendi допускают предположение, что трактат выражал в какой-то мере чаяния этой последней группировки. Но при всей своей политической тенденциозности трактат отнюдь не носит отвлеченного утопического характера. Политические идеалы автора тесно связаны с реальной действительностью. Автор трактата довольно точно описал сословный состав, порядок созыва, открытия заседаний, роспуска парламента, его политические функции. Из этого описания отчетливо выступают контуры сословного собрания, в котором представлены эксплуататорские социальные слои английского феодального общества,— феодалы всех рангов и городская верхушка, но совершенно отсутствуют представители крестьянских масс и городских низов.

Данный перевод трактата сделан с последнего его издания на латинском языке, опубликованного в сборнике документов по конституционной истории Англии, составленном В. Стеббсом (W. Stubbs, Select Charters and other illustrations of english Constitutional history arranged and edited by W. Stubbs, Oxford, 1874).

[Извлечения]

MODUS TENENDI PARLAMENTUM

Здесь будет описан порядок, каким велись заседания парламента короля Англии и его английских подданных во времена короля Эдуарда сына короля Этельреда. Этот

порядок был оглашен наиболее мудрыми людьми королевства в присутствии Вильяма, герцога Нормандии, завоевателя и короля Англии, по распоряжению этого завоевателя и, будучи им одобрен, использовался как в его правление, так и во времена его преемников королей Англии.

О вызове в парламент (путем королевского приказа о явке — summonitio).

Вызов (summonitio) в парламент должен производиться за сорок дней до первого дня заседаний парламента.

В парламент должны вызываться и являться (туда) на основании своих держаний все вместе и каждый в отдельности: архиепископы, епископы, аббаты, приоры и другие высшие духовные (лица), которые держат (свои земли) на праве графства (per comitatum)[1] или баронии (per baroniam)[2] и (не должен являться) никто из низшего духовенства, если только их присутствие и явка не потребуется на ином основании, чем на основании их держания, например, если они являются членами королевского совета или если их присутствие в парламенте будет сочтено необходимым; и король обязан возместить им затраты и расходы, произведенные на поездку и пребывание в парламенте. И такие низшие духовные лица не должны вызываться в парламент приказом короля о явке (по общей форме), но король обычно посылал им одновременно другие свои письма с просьбой, чтобы они присутствовали в его парламенте.

Равным образом, король обычно посылал свои приказы о явке архиепископам, епископам и другим привилегированным лицам, как-то аббатам, приорам и прочим духовным лицам, каждый из которых в силу иммунитетов и привилегий обладает юрисдикцией с тем, чтобы сами они от каж-

---

[1] Термин «графство» употреблен здесь не в обычном значении территориальной единицы административного деления средневековой Англии, а в значении земельного держания in capite, по размерам якобы равного земельному держанию графа (эрла). В действительности такого рода земельных держаний и такого технического термина в Англии XIII и начала XIV века не было. Они вымышлены автором.

[2] Держание per baroniam в Англии XI—XIV вв.— крупное феодальное земельное владение, которое держалось непосредственно от короля и на котором лежал определенный комплекс военных повинностей (так называемая военная квота). Размеры бароний и требуемая с них военная квота в XIII и начале XIV века были очень различны.

дого деканата и архидиаконата[1] Англии в этом деканате и архидиаконате произвели выборы двух знающих и достойных прокторов из (духовенства), которые должны явиться в парламент, присутствовать там, принимать на себя, отстаивать и выполнять то, что выполняли бы все вместе и каждый в отдельности духовные лица их деканатов и архидиаконатов, если бы они лично присутствовали в парламенте. И эти прокторы должны являться в парламент, имея при себе в двух экземплярах грамоты, снабженные печатью вышестоящих (духовных лиц) и удостоверяющие, что они присланы в качестве представителей этих лиц; из этих двух экземпляров один должен быть передан клеркам парламента для занесения в свитки, а второй — оставаться на руках у самих прокторов.

И так с помощью этих двух способов все духовенство должно вызываться в парламент.

О светских (лицах)

Равным образом должны вызываться и являться в парламент, все вместе и каждый в отдельности, графы и бароны, и равные им, а именно те, кто имеет земли и ренты, дающие им доход, равный доходу с полного графства[2] или баронии[3], то есть доходы с двадцати рыцарских феодов, считая доходность каждого феода в 20 фунтов, что составляет

---

[1] «Деканаты» и «архидиаконаты» — в средневековой Европе и, в частности, в Англии территориальные единицы иерархической организации католической церкви. В Англии в XIII—XIV в.в. было 18 епископств (диоцезов), каждое из которых делилось на несколько архидиаконатов, возглавлявшихся архидиаконами; архидиаконаты в свою очередь делились на деканаты во главе с деканами. В каждый деканат входило несколько приходов.

[2] Как уже было указано выше, феодального держания — «графства» в Англии XIII—XIV вв. в действительности не было. Поэтому, очевидно, что размеры и доходность «полного графства», указанные в трактате, вымышлены его анонимным автором и не имеют никакого реального основания.

[3] Барония, как было указано выше, — обычный тип крупного феодального земельного держания in capite, существовавший в реальной действительности Англии XI—XIV вв. Однако попытки автора трактата дать точное определение размеров и доходности «полной баронии» также носят произвольный и малообоснованный характер. Во-первых, потому, что в XIII—XIV вв. в результате дробления и субинфеодации баронии были очень различны по размерам и доходности; во-вторых, потому, что ни один из источников этого периода не содержит указаний на то, что барония состояла из 13⅓ рыцарских феодов, как дальше утверждает автор трактата.

всего 400 фунтов или (земли) с доходом одной полной баронии, то есть с тринадцати и одной трети рыцарского феода, и считая доход с каждого феода в 20 фунтов, что составляет всего 400 марок[1].

И никакие светские (лица) более низкого положения не должны вызываться (приказами короля) и являться в парламент на основании своих держаний, если их присутствие там не будет полезно и необходимо по другим причинам, и тогда в отношении их следует поступать так же, как было указано в отношении низших духовных лиц, которые меньше всего обязаны являться в парламент на основании своих держаний.

О баронах Пяти Портов

Король также должен посылать наместнику Пяти Портов свои приказы о том, чтобы он повелел жителям каждого порта выбрать от этого порта двух достойных и знающих баронов[2] для явки и присутствия в его парламенте с тем, чтобы они отвечали, принимали на себя, отстаивали и выполняли то, что касается их баронии, как если бы сами жители этих бароний, все вместе и по отдельности, лично там присутствовали. И пусть эти бароны являются, имея при себе в двух экземплярах грамоты с печатью общин своих портов, удостоверяющие, что они надлежащим образом выбраны и уполномочены для этой цели и посланы от имени этих бароний; из этих грамот одна должна быть передана клеркам парламента, другая — оставаться на руках у самих баронов. И когда эти бароны, получив разрешение, уезжали из парламента, то они обычно получали приказ за большой печатью, адресованный наместнику Пяти Портов о том, чтобы он возместил бы вышеупомянутым баронам за счет общины этого порта законные издержки и расходы, (произведенные) ими с первого дня, когда они отправились в парламент, до того дня, когда они оттуда уехали домой. При этом в приказе ясно указывалось время их пребывания в парламенте, день, когда они прибыли туда, и день, когда получили разрешение уехать; и в этом приказе обычно указывалось, сколько эти бароны должны получить с тех общин за каждый день, а именно, кто больше, кто меньше.

---

[1] Марка равна $^2/_3$ фунта стерлингов.

[2] Баронами Пяти Портов в XIII и в первой половине XIV века назывались все свободные и полноправные жители городов Конфедерации. В действительности представители Пяти Портов в парламент в XIV веке не вызывались.

согласно их личным достоинствам и уважению (которым они пользовались), но обычно с таким расчетом, чтобы обоим баронам в день выходило не больше 20 шиллингов, учитывая длительность их пребывания (в парламенте), труды и расходы; такие расходы должны возмещаться курией, лицам, избранным таким способом и посланным (в парламент) за общину (города) только в том случае, если эти лица вели себя в парламенте честно и хорошо.

О рыцарях

Равным образом король имел обыкновение посылать свои приказы всем шерифам Англии, чтобы каждый из них повелел жителям своего графства выбрать от этого графства двух достойных, уважаемых и сведущих рыцарей для того, чтобы они явились в его парламент таким же образом, как это было описано выше в отношении баронов (Пяти Портов) и в отношении такого же рода их грамот; но возмещение расходов двух рыцарей каждого графства не должно превышать одну марку в день[1].

О горожанах (de civibus)[2]

Таким же образом обычно поручалось мэру и шерифам Лондона, а также мэру и бейлифам или мэру и горожанам Йорка и других городов (civitatum), чтобы они избрали от общины своего города по два достойных, уважаемых и сведующих горожанина для явки и присутствия в парламенте таким же образом, как было описано выше в отношении баронов Пяти Портов и рыцарей графств; и горожане обычно находились в равноправном положении с рыцарями графств в отношении (оплаты) их расходов на поездку в парламент, пребывание (там) и возвращение (оттуда)[3].

---

[1] В действительности оплата рыцарей графств была значительно ниже — 4 шиллинга в день каждому депутату от графства.

[2] В данном разделе речь идет о приглашении в парламент представителей от тех городов, которые в официальной документации обозначались как «городские общины» (civitates). Техническое значение этого термина в отличие от другого термина, которым также обозначались города — burgus, в историографии точно не установлено. Можно предполагать, что им обозначались наиболее крупные города, пользующиеся наиболее широкими муниципальными привилегиями, такие, как Лондон, Йорк, Линкольн, Уинчестер, Норич и ряд других.

[3] В действительности представители всех городов оплачивались одинаково, независимо от того, определялись ли эти города как civitas или как burgus.

О представителях бургов (de burgensibus)[1]

Равным образом обычно поручалось и следовало (поручать) бейлифам и добрым людям бургов, чтобы они избрали из своей среды и за себя двух достойных, уважаемых и сведущих жителей (burgenses), для явки и присутствия в парламенте таким же образом, как было описано выше в отношении горожан. И оба представителя каждого бурга обычно получали на свои расходы не более 10 шиллингов в день, а иногда полмарки; и размер этой оплаты обычно устанавливался курией[2] в зависимости от величины и могущества бурга и от достоинства посланных (в парламент) лиц.

О сложных судебных разбирательствах

Когда в королевстве или вне возникнут сложные тяжба, спор или дело будь то в мирное или в военное время, это дело должно быть доложено в письменном виде и оглашено в полном (составе) парламента, а затем изучено и обсуждено, там пэрами парламента[3], а если это будет необходимо, король, или если он отсутствует, кто-нибудь от его имени пусть предложит тому рангу пэров, которого это касается, чтобы они обсудили бы это дело между собой, а дело в письменном виде передается их клерку, чтобы они приказали зачитать его перед ними в определенном месте; и пусть они между собой рассудят и решат, каким образом

[1] Здесь речь идет о представителях менее значительных городов, обычно обозначавшихся бургами, которые, однако, также являлись инкорпорированными городами и пользовались более или менее широкими муниципальными привилегиями. В действительности распоряжения о выборе представителей от городов обоего типа посылались одновременно в одном документе и не прямо должностным лицам этих городов, но через шерифов графств.

[2] Скорее всего здесь имеется в виду городской совет, хотя значение этого термина в данном контексте не совсем ясно. В действительности городские депутаты получали значительно меньшую оплату — 2 шиллинга в день каждый. Правда, отдельные города считали возможным иногда оплачивать их выше этой официальной расценки.

[3] Термин «пэр» или «пэры» (pares) употребляется автором трактата в своеобразном значении. Он не мог знать института наследственного пэрства, который сложился только к концу XIV века. Поэтому для него пэры отнюдь не наследственные члены Палаты лордов. Пэрами он называет членов всех сословных групп, представленных в парламенте, а иногда употребляет это слово в еще более широком значении членов парламента вообще. Такой именно смысл оно имеет в данном разделе.

лучше и справедливее следует поступить в этом деле, как если бы они отвечали перед богом за короля и за себя лично и за тех людей, которых они представляют. И все свои возражения и мнения они должны изложить в письменном виде, чтобы, выслушав затем все их возражения, советы и мнения, можно было бы решить дело, согласно лучшему и наиболее благоразумному совету, с которым согласилась бы, по крайней мере, большая часть парламента.

Если же вследствие разногласий между ними, королем и некоторыми магнатами будет ослаблен мир королевства или придет в волнение народ и вся страна, так что король и его совет сочтут нужным обсудить и исправить это дело, передав его на рассмотрение всех пэров королевства[1]; или если король и королевство будут обеспокоены войной или возникнет какое-нибудь сложное дело перед канцлером Англии, или сложная тяжба перед судьями и при обсуждении подобных дел, все или хотя бы большая часть (парламента) не придут к соглашению, то сенешал, констебль и маршал или двое из них, пусть выберут 25 лиц из всех пэров королевства, то есть двух епископов и трех прокторов, двух графов и трех баронов, пять рыцарей и пять горожан, что составит всего 25 человек. И эти 25 могут выбрать из своей среды 12 человек (чтобы они пришли к соглашению), а эти 12—6 человек, (чтобы они согласились), а эти 6—3-х человек, (чтобы они договорились). Но эти трое уже не могут сократить свой состав без разрешения короля, а если король согласится, то они могут избрать двух, из которых один должен передать свои полномочия другому. Итак, в конце концов, один человек может поставить свое решение выше всего парламента. Таким образом, количество людей постепенно сокращается от 25-ти до одного единственного человека; и если не может придти к соглашению и принять решение бо́льшее количество лиц, то, как уже было сказано, за всех пусть решает один человек, у которого никак не может быть разногласий с самим собой; при этом, однако, за королем и его советом сохраняется право, если они пожелают и смогут (это сделать), изучить и исправить такого рода решения после того, как они будут представлены в письменном виде; однако это должно быть сделано в полном (составе) парламента и с его согласия, а не за спиной парламента.

---

[1] Здесь имеются в виду все сословные группы, представленные в парламенте.

О делах, (подлежащих ведению) парламента

Дела, ради которых созван парламент, должны обсуждаться согласно парламентскому календарю и согласно порядку представленных и подшитых (зарегистрированных) петиций, так чтобы никому не оказывалось предпочтение; кто первый представил (петицию), тот первый и поведет (свое дело). В парламентский календарь все дела парламента нужно заносить в следующем порядке: прежде всего дела о войне, если идет война, а также прочие дела, касающиеся лично короля, королевы и их детей; во вторую очередь — общие дела королевства, например, об установлении (новых) законов, направленных против недостатков прежних (законов), дела судей и управления, а также отправление правосудия — каковые более всего являются общими делами; в третью очередь должны быть занесены (в календарь) частные дела, и эти последние, согласно порядку подшитых петиций, как уже было сказано.

О днях и часах (заседаний) парламента

Парламент не должен собираться в дни воскресения, но может заседать во все дни, кроме этих и других трех дней, а именно — праздника Всех Святых, Духова дня и Рождества Святого Иоанна Крестителя; каждый день парламент должен открываться в половине первого, и в этот час король и все пэры королевства обязаны там присутствовать; и парламент должен заседать в общественном месте, но не в частном или потайном; в праздничные дни парламент должен открываться в час дня, из-за богослужения.

О (различных) рангах пэров[1]

Король — есть глава, начало и конец парламента, поэтому он не имеет равного себе по рангу и таким образом первый ранг состоит из одного короля; второй ранг состоит из архиепископов, епископов, аббатов, приоров — держателей на праве баронии; третий ранг — из прокторов клира;

[1] Под различными «рангами пэров» в данном контексте следует понимать отдельные группы членов парламента, различающиеся между собой по своему сословному положению или по характеру вызова в парламент. Исключение составляет король, который, по словам самого автора, не имеет себе равных, хотя и составляет первый «ранг пэров».

четвертый ранг — из графов, баронов и прочих магнатов и знатных людей (королевства) — держателей земель с доходом, равным доходам графства или баронии, как это было указано выше под заголовком «о светских (лицах)»; пятый ранг состоит из рыцарей графств; шестой — из представителей городов и бургов. Итак, парламент в целом состоит из шести рангов. Но пусть будет известно, что если бы какой-нибудь из этих рангов, за исключением только короля, отсутствовал, парламент все же считается в полном (составе), если только представители всех вышеуказанных рангов были заранее вызваны должными королевскими приказами о явке в парламент (summonitiones)[1].

О составе парламента

После описания того, каким образом и в какое время должен производиться всякий вызов в парламент и кто обязан являться туда по вызову, а кто не обязан, затем следует сказать (о том), кто обязан по своему должностному положению являться в парламент и присутствовать там в течение всей сессии без (королевского приказа о вызове); в этой связи нужно указать, что два главных клерка парламента, избранные королем и его советом, и другие низшие клерки (числом пять), а также главный глашатай Англии со своими помощниками и главный привратник Англии — эти две должности, глашатая и привратника, обычно совмещались в одном лице,— обязаны присутствовать (в парламенте) с первого дня. Канцлер Англии, казначей, камерарий, а также бароны казначейства, судьи, все клерки и рыцари короля вместе с его судебными чиновниками, все, кто является членами Королевского Совета, должны явиться во второй день, если у них нет законного оправдания в том, что присутствовать не могут, и в этом случае они должны прислать убедительные оправдания.

О начале (заседаний) парламента

Господин король должен сидеть в центре главной скамьи и должен обязательно присутствовать (в парламенте) в первый и в шестой день (сессии); канцлер, казначей.

[1] Это место явно противоречит тому, что автор трактата говорит далее в разделе «О вспомоществовании королю» относительно полномочий парламента при отсутствии тех или иных его членов.

бароны казначейства и судьи обычно регистрируют случаи отсутствия в парламенте в следующем порядке. В первый день называют представителей бургов и городов всей Англии, и если кто в (этот) день не явился, то бург (пославший его) должен быть оштрафован на 100 марок, а город — на 100 фунтов. Во второй день называют рыцарей графств всей Англии, и если кто не явился в этот день, графство, от которого он избран, штрафуется на 100 фунтов. В третий день заседаний парламента называют баронов Пяти Портов, затем баронов и затем графов; если не явился кто из баронов Пяти Портов, то барония, которую они представляют, штрафуется в размере 100 марок; таким же образом штрафуется барон — на 100 марок и граф — на 100 фунтов; и так же поступают с теми, кто является равными графам, и баронам, то есть имеет земли и ренты, приносящие им доход, равный доходам с одного графства или баронии, как было сказано выше. В четвертый день называют прокторов духовенства, и в случае неявки в этот день кого-либо из них, штраф налагается на епископа их (диоцеза) в размере 100 марок за каждый архидиаконат, представитель которого не явился (в парламент). В пятый день называют деканов, приоров, аббатов, епископов, наконец, архиепископов, и если кто-нибудь из них не явился, то каждый архиепископ штрафуется в размере 100 фунтов, епископ, держащий полную баронию — в размере 100 марок, и в такой же сумме (берется штраф) с аббатов, приоров и других. В первый день (парламента) должно быть сделано торжественное объявление, сначала во дворце или монастыре, или в каком-либо другом общественном месте, где заседает парламент, а затем публично в городе, (где он собрался) о том, чтобы все те, кто желает подать петиции и жалобы в парламент, представили бы их в течение ближайших пяти дней с первого дня (заседаний) парламента.

Об объявлении (причины созыва) в парламенте

После прочтения проповеди (архиепископа) канцлер или главный судья Англии, то есть тот, кто ведет судебные разбирательства в высшем королевском суде (coram rege), или другой достойный, уважаемый и красноречивый судья или клерк, назначенный канцлером и главным судьей, должен стоя объявить о причинах (созыва) парламента, сначала по роду (дел), а затем по (их) видам. И пусть будет

известно, что все присутствующие в парламенте, кто бы они ни были, за исключением короля, говорить должны стоя, так, чтобы все в парламенте могли слышать того, кто говорит, и если он говорит неясно или слишком тихо, пусть повторит все снова и говорит громче, или кто-нибудь другой пусть скажет за него.

О речи короля после объявления

После объявления о делах парламента король должен попросить духовных лиц и светских, называя всех их по рангам, а именно: архиепископов, епископов, аббатов, приоров, архидиаконов, прокторов и других клириков, графов, баронов, рыцарей представителей и городов и бургов и прочих светских, чтобы они усердно, старательно и от всего сердца трудились при рассмотрении и обсуждении парламентских дел, исходя из того, что они сочтут и почувствуют надлежащим (сделать) для выполнения прежде и больше всего божьей воли, а затем — ради чести короля и их самих.

Об отсутствии короля в парламенте

Король во всех случаях (всегда) должен лично присутствовать в парламенте, если этому не препятствует какой-нибудь телесный недуг; и в последнем случае он может находиться в своей палате, не выезжая, однако, за пределы манора или, по крайней мере, того города, где заседает парламент; при этом он должен вызвать двенадцать лиц из наиболее значительных и достойных членов парламента, а именно двух епископов, двух графов, двух баронов, двух рыцарей графств, двух горожан, двух жителей бургов, чтобы они увидели его и засвидетельствовали бы его состояние, и в их присутствии он должен уполномочить архиепископа (той) провинции (в которой собрался парламент), сенешала и своего главного судью на то, чтобы они, все вместе и раздельно, открыли бы парламент и продолжали бы (его вести) от имени короля. В этих полномочиях должны быть ясно указаны причины отсутствия короля, достаточно убедительные для прочих знатных людей и магнатов парламента с приложением письменного свидетельства вышеуказанных двенадцати пэров короля. (Все это необходимо) по причине того, что в парламенте из-за отсутствия короля нередко подымался шум и ропот, потому что весьма вредно и опасно для всей общины парламента и даже всего

королевства, когда король отсутствует в парламенте; и он не должен и не может отсутствовать там, кроме как по вышеуказанной причине.

О том, как следует рассаживаться в парламенте

Во-первых, как уже было сказано, король должен сидеть в середине главной скамьи, и справа от него пусть сидит архиепископ Кентерберийский, а слева — архиепископ Йоркский (Эборакский), а сейчас же за ними в один ряд епископы, аббаты и приоры, таким образом, чтобы они всегда (находились) среди лиц вышеуказанных рангов на своем месте и чтобы каждый сидел только среди своих пэров. За этим должен следить сенешал Англии, если король не назначит кого-либо другого. У ног короля с правой стороны должны сидеть канцлер и главный судья Англии, а также их коллеги и клерки, которые находятся в парламенте, а у ног короля с левой стороны пусть сидит казначей, камерарий, а также бароны казначейства, судьи Скамьи и их клерки, которые находятся в парламенте.

О вспомоществовании королю

Король обычно просил у своего королевства вспомоществование только в случае военной нужды, или когда нужно было возвести в рыцарское звание сыновей или выдать замуж дочерей[1]; и в этих случаях такие вспомоществования должны испрашиваться в полном составе парламента, причем просьба об этом в письменном виде должна быть передана каждому рангу пэров парламента, и ответ на нее должен быть дан также в письменной форме. И пусть будет известно, что разрешение такого вспомоществования (парламентом) требует, чтобы все пэры парламента дали на это свое согласие; и следует заметить, что два рыцаря, явившиеся в парламент от графства, имеют более веский голос в парламенте в согласии или в возражении (на сбор вспомоществования), чем самый могущественный граф Англии и также точно прокторы духовенства каждого епи-

[1] В реальной действительности XIII—XIV вв. парламент главным образом давал свою санкцию на налоги на движимость, тогда как щитовые деньги и феодальные вспомоществования, постепенно прекратившие свое существование в начале XIV века, чаще всего собирались как без разрешения, так и с разрешения совета магнатов.

скопата, если все они согласны (между собой), имеют в парламенте более веский голос, чем сам епископ; и то же относится ко всем делам, которые должны утверждаться, отклоняться или осуществляться парламентом. Из этого следует, что король может держать парламент с общиной своего королевства, в отсутствие епископов, графов и баронов, если они были вызваны в парламент, хотя бы ни один епископ, граф или барон не явился на эти вызовы; потому что в прежние времена не было ни епископов, ни графов, ни баронов, и всё же короли и тогда держали свои парламенты. Но совершенно по-иному (обстоит дело) в противоположном случае: если общины — духовные и светские — с соблюдением всех правил были вызваны в парламент, но по каким-то причинам не захотели явиться (туда), считая, например, что король правит ими не так, как нужно, и указывая в подробностях, в чем он управляет плохо, то парламент не может состояться вовсе, хотя бы архиепископы, епископы, графы, бароны и все их пэры находились бы вместе с королем. Отсюда ясно, что все то, что должно быть осуществлено, утверждено или отклонено, уступлено или отвергнуто парламентом, должно получить согласие общины парламента, которая состоит из трех рангов или родов (членов)[1] парламента, а именно — из прокторов духовенства, рыцарей графств, представителей городов и бургов, которые (вместе) представляют всю общину Англии, но (никак) не из магнатов, потому что каждый из них заседает в парламенте за себя лично, а не за кого-нибудь другого.

О закрытии парламента

Парламент не должен разъезжаться, пока остается хотя бы одна не обсужденная петиция или пока, по крайней мере, не будет решено, как на нее ответить; и если король разрешит противное, то это незаконно; никто из пэров парламента не имеет права и не должен в одиночку уезжать из парламента, не получив (на это) разрешения от короля и всех своих пэров, и это (разрешение должно быть дано) в полном составе парламента. И о такого рода разрешении делается запись в свитке парламента; а если кто-нибудь из пэров[2] во время (сессии) парламента

[1] Имеются в виду три сословные группы в парламенте.
[2] Имеются в виду члены парламента вообще.

заболеет так, что не сможет являться в парламент, то пусть он в течение трех дней посылает в парламент (своих людей) с оправданием (в неявке); если же он не явится в третий день, то к нему следует послать двух его пэров[1], чтобы увидеть его и засвидетельствовать его болезнь; и если возникнет подозрение, то пусть эти два пэра присягнут, что они говорят правду. И если станет известно, что он притворялся (больным), то он должен быть оштрафован, как за неявку, а если тут нет притворства, то пусть пришлет к ним (то есть в парламент) достойного заместителя, который бы за него присутствовал в парламенте; здоровый же человек не может быть прощен за неявку, если он в здравом уме.

Закрытие парламента должно производиться следующим образом: сначала следует спросить и публично объявить в парламенте и во дворце, где заседает парламент, есть ли кто-нибудь, представивший в парламент петицию и еще не получивший на нее ответа; если никто не откликнется, то следует предположить, что всем оказана помощь или, во всяком случае, насколько возможно дан ответ в соответствии с правом. И только тогда, когда никто из представивших петиции по этому поводу ничего не возразит, мы можем отпустить наш парламент.

О копиях записей, сделанных в парламенте

Клерки парламента не должны никому отказывать в выдаче копии его дела, но должны выдавать ее каждому, кто потребует, и обычно могут брать один денарий за 10 строчек, если только не будет очевидна бедность (клиента) — в этом случае они ничего не должны брать. Парламентские свитки должны иметь ширину в 10 дюймов. Парламент заседает в том месте королевства, которое угодно королю.

[1] Имеются в виду члены той сословной группы, к которой принадлежит заболевший депутат.

13. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ ДЖОНА ФОРТЕСКЬЁ

ОЛИТИЧЕСКИЕ трактаты Джона Фортескьё «Похвала законам Англии» и «Управление Англией» представляют значительный интерес как для истории английского феодального права и администрации, так и для истории развития средневековой политической мысли. Автор их Джон Фортескьё жил в бурную для Англии эпоху — в XV веке (он родился около 1395 года — умер, по-видимому, в конце 70-х или в начале 80-х годов XV столетия).

Англия XV века была страной больших контрастов. С одной стороны, укрепление и относительное процветание мелкого крестьянского хозяйства в результате освобождения основной массы английского вилланства от крепостной зависимости, быстрое развитие торговли и ремесла, подготовлявшее переход к мануфактурному производству в конце XV — начале XVI века; с другой,— ожесточенные феодальные смуты, которые в период с 1455 по 1485 гг. приняли характер настоящих феодальных войн, известных под общим названием войны Алой и Белой розы. Эти феодальные смуты были проявлением глубокого кризиса крупного феодального хозяйства, который был вызван падением крепостничества и неспособностью большинства крупных феодалов приспособиться к новым экономическим условиям. Вынужденные ликвидировать домениальное хозяйство и жить получением обычно очень невысокой в XV веке денежной ренты со своих крестьян, английские феодалы не могли извлекать из своих земель доходов, достаточных для ведения той роскошной жизни, к которой они привыкли. Это побуждало их искать дополнительных источников дохода сначала в Столетней войне, а когда она в 1453 году закончилась бесславно для Англии,— во внутренних войнах и прежде всего в борьбе за влияние на центральное государственное управление. Находясь во главе правительства, та или иная феодальная группа могла легко обогащаться за счет расхищения государственных финансов

и земельных владений короны. В период войны Алой и Белой розы эта борьба между феодальными группами за политическое влияние в стране приобрела внешнюю форму борьбы за престол между сторонниками правящей династии Ланкастеров и ее противниками, поддерживавшими притязания на английскую корону герцогов Йоркских. В 1461 году после ряда военных столкновений Генрих VI Ланкастер был низложен и королем под именем Эдуарда IV стал герцог Эдуард Йоркский. В 1470 году ланкастерцам удалось вновь восстановить на престоле Генриха VI, однако уже весной 1471 года Эдуард IV снова стал королем, а Генрих VI и его наследник были убиты, и власть на последующие 15 лет закрепилась в руках Йоркского дома.

Феодальные смуты и войны, терзавшие Англию в течение всего столетия, ложились тяжелым бременем на крестьянство, горожан, мелких джентри, занятых своим хозяйством, подрывали благосостояние населения, мешали дальнейшему развитию земледелия и ремесла, угрожая стране полной разрухой. В то же время они подрывали и разлагали всю судебно-административную систему английской сословной монархии, сложившуюся в XIII—XIV вв. Враждующие феодальные группы использовали государственный аппарат в центре и на местах в своих корыстных интересах, воздействуя на судей и государственных чиновников подкупом и прямым насилием. Взяточничество и коррупция разъедали сверху донизу все феодальное государство. Они коснулись также и парламента — этого наиболее характерного для английской сословной монархии учреждения, которое постепенно утрачивало к концу XV века значительное политическое влияние, приобретенное им во второй половине XIV и в начале XV века. Парламент, который даже в период своего расцвета представлял интересы только эксплуататорских слоев английского средневекового общества, теперь вообще терял свой представительный характер. Выборы в парламент в городах и графствах превращались в фикцию, так как происходили под прямым и часто вооруженным давлением враждовавших феодальных клик, каждая из которых стремилась заполнить Палату общин максимальным числом своих сторонников. Члены парламента, таким образом, являлись представителями не столько сословных групп, от которых они номинально избирались, сколько тех династических партий, которые способствовали их избранию.

В результате, уже в правление Генриха VI правящие клики совершенно перестали считаться с парламентом, взимая налоги без его согласия и не принимая во внимание его требований и петиций.

Недовольство широких масс крестьянства, ремесленников, купечества, мелких джентри этой политической анархией, постепенно накапливавшееся уже в 30—40-х годах XV века, впервые и наиболее ярко проявилось в восстании под руководством Кэда (1450). Главную силу этого восстания представляло крестьянство, но к нему примкнули также горожане и некоторая часть джентри. Программа восставших носила в основном политический характер. Они требовали облегчения государственных налогов, прекращения незаконного давления на выборах в парламент, возвращения королю расхищенных феодалами домениальных земель, прекращения засилия феодальных клик при дворе. С политической точки зрения эта программа представляла собой неосуществимую в то время попытку реформировать систему английской сословной монархии, очистить ее от коррупции и начавшегося разложения, направить ее деятельность в интересах более широких слоев населения.

Положить конец политической анархии и разрухе в условиях Англии второй половины XV века, очевидно, могла только новая, более централизованная форма государства — абсолютная монархия. Именно поэтому после подавления восстания Кэда, испуганные массовыми выступлениями крестьянства, богатые горожане и мелкие джентри стали связывать свои надежды на установление внутреннего мира в стране со сменой династии, видя в герцогах Йоркских сильных правителей в противовес слабому больному Генриху VI, являвшемуся игрушкой в руках придворных интриганов. Учитывая это обстоятельство, Эдуард IV, вступив на престол, попытался, хотя и не совсем удачно, играть роль короля-самодержца.

Социально-политическая обстановка Англии XV века оказала решающее воздействие на образ мыслей и политические идеи Джона Фортескьё. Выходец из дворянской семьи графства Девоншир, сравнительно крупный землевладелец, получивший юридическое образование, Фортескьё был видным представителем ланкастерской бюрократии. С 1442 по 1461 год он занимал высокий пост Главного судьи верховного Суда Королевской Скамьи, с 1461 по 1471 год, находясь в эмиграции, он носил почетный титул канцлера в эмигрантском Ланкастерском правительстве.

По своим политическим убеждениям он до последних лет жизни оставался ланкастерцем. В защиту наследственных прав Ланкастерского дома им было написано три специальных трактата[1]. Как верный слуга Генриха VI, он был в 1461 году объявлен государственным изменником, и все его земли были конфискованы. Можно думать, что с Ланкастерской партией его связывала не только личная преданность, материальные интересы и высокая должность, занимаемая им при Генрихе VI, но и то, что правление Ланкастерской династии в представлениях Фортескьё связывалось с политической системой сословной монархии, горячим приверженцем и апологетом которой он всегда был. Воспитанный на политических идеях конца XIV и начала XV века, когда парламент пользовался большим престижем, Фортескьё на всю жизнь сохранил пиетет перед той политической системой, которую он называл «власть королевская и политическая» (dominium regale et politicum) и под которой следует, очевидно, понимать монархию с сословным представительством. Характерно, что даже в своем последнем политическом трактате «Управление Англией», написанном уже после его примирения с Эдуардом IV, которое произошло в 1471 году[2] и адресованном, как полагают, этому королю, Фортескьё продолжал отстаивать свою политическую теорию превосходства «ограниченной» (то есть сословной монархии) над абсолютной, хотя в то же время и ратовал за укрепление центрального правительственного аппарата.

Доказательству этой своей теории Фортескьё посвятил три трактата: латинский трактат De Natura Legis Naturae (О природе естественного закона), написанный в 1461—1464 гг., латинский трактат De Laudibus legum Angliae (Похвала законам Англии), написанный между 1468—1470 гг. и уже упоминавшийся трактат «Управление Англией»(The Governance of England), написанный в отличие от двух первых на английском языке.

---

[1] De Titulo Edwardi Comito Marchiae; Defensio juris domus Lancastriae; A Defence of the Hause of Lancaster.

[2] Фортескьё был взят в плен в битве при Тьюкибери. В качестве условия его помилования Эдуард IV потребовал, чтобы он принес извинение и написал трактат в доказательство прав Эдуарда IV на престол. Фортескьё выполнил оба эти требования, был прощен и получил все ранее конфискованные у него земли. Последний его трактат был написан уже после этого «примирения».

Общие теоретические идеи, лежащие в основе всех трех трактатов, совершенно одинаковы и часто даже формулируются в одних и тех же выражениях. Ярче и полнее всего они высказаны в публикуемых ниже переводах глав (IX, XII, XIII, XVIII, XXXIV, XXXVII) наиболее известного из этих трактатов — «Похвала законам Англии». В них Фортескьё всячески доказывает превосходство «власти одновременно политической и королевской» (dominium politicum et regale), то есть сословной монархии над ничем не ограниченной властью короля, аргументируя эти положения ссылками на научные авторитеты и «исторические», главным образом, библейские примеры. При этом автор обнаруживает свое знакомство с Аристотелем, Фомой Аквинским, блаженным Августином, каноническим и римским правом. Сами по себе теоретические рассуждения Фортескьё мало оригинальны. Они имеют большое сходство с другими политическими трактатами XIV—XV века, развивавшими теорию «сословной монархии». Поэтому главный интерес, особенно последних его двух трактатов, заключается в том, что в них эти общие политические теории подкрепляются практическим опытом самого Фортескьё и преломляются сквозь призму реальных политических отношений Англии XV века. И в «Похвале законам Англии», и в «Управлении Англией» — противопоставление ограниченной монархии — абсолютной построено на противопоставлении политического строя Англии XV века — политическому строю Франции того времени. В первом трактате, который написан в форме диалога между Фортескьё и наследным принцем Ланкастерского дома Генрихом, превосходство английских порядков широко аргументируется данными об английской судебной системе, о порядке законодательства налогового обложения, восхвалением института присяжных, а также материальным благополучием подданных английского короля по сравнению с подданными французского короля, который властвует над ними, как тиран.

Во втором трактате основное внимание автора обращено не столько на восхваление английской политической системы (хотя в главах I, II, III этот мотив звучит попрежнему), сколько на устранение тех зол, которые, по мнению автора, мешают ее правильному функционированию.

Политическая теория Фортескьё, несмотря на то, что в своих трактатах он широко оперирует понятиями

«народ» (populus и plebs) и «свобода», ничего общего не имеет с теорией народоправства, ибо под согласием «народа» или «всего королевства» он подразумевает лишь согласие сословного парламента, в котором без всяких оснований видит орудие для достижения народной свободы. Характерно и то, что наилучшей политической формой он считает не республику, а «смешанную» форму государства, как он называет ограниченную монархию.

Переводы из трактата «Похвала законам Англии» даны по тексту, опубликованному в издании J. Fortescue, De laudibus legum Angliae, ed. A. Amos, Cambridge, 1825, а из трактата «Управление Англией» — по тексту, опубликованному в издании «The Governance of England, otherwise called the Differance between an absolute and limited Monarchie by Sir John Fortescue», ed. Ch. Plummer, Oxford, 1885.

[Извлечения]

(а) «ПОХВАЛА ЗАКОНАМ АНГЛИИ»

Из главы IX

Второе, государь, что тебя тревожит, можно устранить с такой же легкостью. Очевидно, ты сомневаешься в том, обратиться ли тебе к изучению английского или же римского (гражданского) права, ибо о римском праве по всему миру разносится слава, как о наилучшем из всех прочих человеческих законов. Пусть тебя не смущает, государь, это мнение. Дело в том, что король Англии не может по своему произволу изменять законы своего королевства, потому что он господствует над своим народом не в силу одной лишь власти короля (regale), но и в силу власти политической (politico)[1]. Если бы он правил ими только,

[1] Под «властью политической» (dominium politicum) Фортескье здесь и далее понимает власть, осуществляемую королем вместе со всем государством — полисом, «народом» (под народом он подразу-

как король, он мог бы (сам) изменять законы своего королевства, облагать своих подданных тальей[1] и прочими налогами без совещания с ними; именно такой способ правления имеет в виду положение (римского) права, согласно которому «Что угодно государю, имеет силу закона»[2]. Но совсем по-другому должен (поступать) король, управляющий своим народом политически (politice), потому что он не может ни изменять законы сам без согласия своих подданных, ни отягощать подвластный ему народ против его желания необычными налогами, так что его народ, управляемый законами, принятыми по его желанию, свободно извлекает доходы из своего имущества и не подвергается вымогательствам со стороны короля или кого-нибудь другого; то же самое, впрочем, может иметь место и под королевским правлением, пока король не превратится в тирана. О таком короле философ (Аристотель) говорит в третьей главе своей Политики: **«для государства важнее, чтобы оно управлялось лучшим мужем, чем лучшими законами»**[3]. Но так как не всегда случается, чтобы правитель был таким мужем, то св. Фома (Аквинский) в книге «О власти государей» (de regimine principum), которую он написал для кипрского короля, считает нужным стремиться к такому устройству королевства, при котором король не может по своей воле управлять народом как тиран; а это возможно только в том случае, если королевская власть ограничена политическим законом.

Из главы XII

Некогда люди, которые превосходили других силой, будучи жадными до почестей и славы, часто силой оружия подчиняли себе соседние племена и заставляли их себе служить и повиноваться своим приказаниям, которые они освящали как законы для этих людей.

мевает, конечно, только господствующие классы). Это выражение в переводах на английский язык иногда передается как «ограниченная монархия», что несколько его модернизирует.

[1] Талья (tallagium) — термин применялся в XII—XIII вв. для обозначения налога, взимавшегося с домениальных владений короны и в первую очередь с городов и всегда носившего произвольный характер.

[2] Одно из известных положений Кодекса Юстиниана (Институции).

[3] Выделено Фортескьё.

Народ, долгое время терпевший эти законы, таким образом хотя и находился в подчинении у завоевателя, пользуясь, однако, его защитой против несправедливостей, причиняемых ему другими людьми, в конце концов мирно покорялся господству завоевателя, считая, что удобнее подчиниться власти одного, которая может защитить его от других людей, чем постоянно подвергаться притеснениям со стороны каждого, кто вздумает его преследовать.

Так возникли некоторые государства, и те государи, которые таким образом управляли своими подданными, присвоили себе имя королей (nomen regis), от слова «править» (regendo), а их власть называется королевской (regalis)...

(Далее идет ряд примеров, почерпнутых из библейских легенд).

Теперь, светлейший государь, если я не ошибаюсь, ты имеешь представление о том, как возникли государства с чисто королевским управлением. Далее я постараюсь объяснить, почему и каким образом первоначально возникли государства, управляемые политически (politice), чтобы, узнав о происхождении обоих этих видов государств, тебе было бы легче понять причину их различий, о которой ты спрашиваешь.

Из главы XIII

(Фортескьё ссылается на высказывания блаженного Августина и Аристотеля, по мнению которых, как он считает, во всяком обществе должны быть управляемые и правители.)

Поэтому когда народ в какой-либо стране стремится объединиться в политическое тело, всегда необходимо, чтобы один человек стоял бы во главе всего этого народа в качестве главного правителя, которого обычно называют королем (Regem).

Таким образом, так же как из зародыша формируется физическое тело человека, которым управляет одна голова, так из народа вырастает государство, представляющее собой (некое) мистическое тело, которое управляется одним человеком, представляющим как бы голову этого тела. И так же, как в естественном теле, согласно философу (Аристотелю) сердце является первым жизненным центром и содержит в себе кровь, которую оно рассылает в другие члены (тела), благодаря чему они живут и наби-

рают силы, так и в политическом теле первую жизненную основу составляют стремления народа, заключающие в себе кровь, то есть мудрую заботу о благе этого народа, которая направляется в голову и во все члены этого тела, благодаря чему оно получает питание и укрепляется. Закон же, по которому сборище людей формируется в народ, можно сравнить с нервами человеческого тела, ибо как при помощи нервов укрепляется единство тела, так с помощью закона, наименование которого происходит от слова «связывать» (ligando), такого рода мистическое тело оказывается связанным и сохраняет свое единство.

И как все кости и другие члены человеческого тела выполняют свои многочисленные функции при помощи нервов, так и члены политического тела приводятся в действие с помощью законов. И как голова физического тела не может изменить его нервы и силу его мышц и не может отказать своим членам в нужном им притоке крови, так и король, являющийся как бы головой политического тела, не может изменять законы, действующие в этом политическом теле или отнять у народа против его воли или по принуждению то, что принадлежит ему по праву. Здесь ты уже можешь видеть, государь, все формальные установления, свойственные всякой политической власти, по которым ты можешь определить границы той власти, которую король может осуществлять в отношении подданных и законов (в таком государстве). Ведь король поставлен для охраны законов, а также жизни и имущества своих подданных, и власть, которую он имеет, получена им от народа, так что он и не должен претендовать на какую-либо другую власть над своим народом (кроме такой).

Таким образом, я как можно более кратко ответил тебе на твой вопрос о том, отчего происходят столь большие различия в характере королевской власти. Я твердо уверен, что эти различия определяются исключительно теми различиями происхождения этой власти, которые я показал, как ты мог по ходу моего изложения легко понять из всего сказанного выше. Так, в королевстве Англии, которое произошло от Брута и троянцев[1], привезенных им с собой

[1] Здесь Фортескьё опирается на одну из широко распространенных в средневековой Англии исторических легенд, согласно которой основателем британского государства был Брут, являвшийся по преданию потомком троянца Энея. Эта легенда в качестве вполне достоверного сообщения была впервые изложена в «Истории Британии»

из Италии и Греции, возникла смешанная форма правления — одновременно и политическая и королевская (dominium politicum et regale).

Из главы XVIII

Теперь осталось только выяснить, являются ли статуты Англии хорошими или плохими законами. Ведь они проистекают не из одной лишь воли государя, как это имеет место в отношении законов тех государств, которые управляются по-королевски, где иногда законы предусматривают выгоды только самого законодателя, причиняя большие потери и унижения его подданным. Статуты Англии не могут издаваться таким способом, поскольку они основываются не только на воле государя, но и на согласии всего королевства[1], так что они не наносят ущерб народу и не пренебрегают его выгодами. При этом предполагается, что необходимые мудрость и благоразумие (этих законов) обеспечиваются тем, что они издаются по совету не одного или какой-нибудь сотни благоразумных людей, но, как некогда в римском сенате, (по совету) более, чем трех сотен выборных лиц, что могут точно подтвердить тебе те, кто хорошо знает организацию английского парламента, а также порядок и способ его созыва. И если статуты, изданные с такой торжественностью и благоразумием, вступив в действие не будут отвечать намерениям законодателей, то они могут быть немедленно изменены, но только с согласия общины и лучших людей королевства, которые принимали участие в их издании.

Теперь тебе должны быть ясны, государь, все особенности английских законов. И ты можешь сам определить, насколько они хороши, сравнивая их с законами других народов; и так как во всем мире ты не найдешь более со-

---

Жофруа Монмаусского, написанной во второй половине XII века, и затем неоднократно повторялась во многих исторических сочинениях.

[1] Как видно из дальнейшего текста, под «согласием всего королевства» автор подразумевает санкцию парламента, которая со второй половины XIV века была обязательной для издания статутов. Однако Фортескьё совершенно умалчивает здесь о том, что, помимо статутов, король в Англии XIV и XV вв. мог своею властью издавать также ордонансы, которые не требовали никакой санкции парламента, то есть могли приниматься без «согласия королевства».

вершенных, то ты неизбежно признаешь их не только хорошими, но и наилучшими (законами), какие только можно пожелать.

Из главы XXXIV

Ты уже слышал выше, мой государь, что в римском праве главным является то положение, максима или правило, которое гласит: «То что угодно государю — имеет силу закона»; законы Англии не признают этого положения, поскольку государь (в Англии) господствует над своим народом не только как король (regaliter), но и политически (politice), в знак чего во время коронации он принимает присягу в том, что будет соблюдать эти законы. Некоторые короли Англии с неохотой приносили эту присягу, полагая, что из-за нее они не могут править своими подданными по своей воле, как это делают короли, обладающие абсолютной властью, которые правят своим народом (plebem) на основании римского права и преимущественно на основании упомянутой выше его максимы так, что они меняют законы, издают новые, подвергают людей наказаниям, облагают своих подданных налогами по своему произволу и желанию и решают судебные дела, как и где хотят. Вот почему эти твои предшественники пытались уничтожить политические узы, чтобы иметь возможность, как это делают другие (государи), властвовать над своим народом только по-королевски (regaliter tantum dominari) или, лучше сказать, неистовствовать; при этом они не понимали того, что власть короля в обоих случаях по существу одинакова, как это доказывается в вышеупомянутом трактате «О природе естественных законов», и того, что управлять народом политически означает не узы, а свободу для короля, так как (такое управление) обеспечивает безопасность не только народа, но и самого короля, а также освобождает его от немалых забот.

Чтобы тебе было это еще яснее, следует обратиться к опыту в отношении обоих этих видов правления и, рассмотрев сначала королевский образ правления, с помощью которого своими подданными правит король Франции, затем выяснить, каковы результаты опыта (одновременно) королевского и политического образа правления, с помощью которого король Англии управляет подвластными ему народами.

(Следующие две главы — XXXV и XXXVI — действительно посвящены очень красочному сравнительному описанию жизни подданных французского и английского королей, которое сделано автором с нескрываемой симпатией к английским порядкам).

Из главы XXXVII

Святой Фома (Аквинский) в книге, которую он написал для короля Кипра — «О власти государей», указывал, что «король дан ради королевства, а не королевство ради короля». Из этого вытекает, что все могущество короля должно быть направлено на благо его государства, которое состоит в основном в защите его (государства) от вторжений извне и в охране его жителей и их имущества от несправедливостей и грабежей со стороны их соплеменников. Поэтому короля, который не в состоянии осуществлять это, приходится признать бессильным. Но если он сам настолько подчиняется своим собственным страстям или (финансовой) нужде, что не может удержать свои руки от того, чтобы не обирать своих подданных, в силу чего он сам разоряет их настолько, что они не могут за счет своих средств ни существовать сами, ни поддерживать (его), то насколько же более слабым следует признать его в этом случае, чем тогда, когда он не в состоянии защитить своих подданных против несправедливостей, причиняемых им другими людьми? В самом деле, такой король не только бессилен, но он является как бы воплощением бессилия, ибо нельзя считать свободным того, кто связан сетями подобного бессилия. С другой стороны, свободен и могуществен тот король, который в состоянии защитить жителей страны от чужих и своих, а их добро и имущество — не только от посягательств соседей и сограждан, но и от собственных своих насильственных захватов и вымогательств, пусть вопреки собственным чувствам и несмотря на нужду (в деньгах) самого короля. Кто же может быть могущественнее и свободнее, чем тот, кто в состоянии победить не только других, но и самого себя? А это может и всегда так поступает король, управляющий своим народом политически. Поэтому государь, тебе должно быть ясно из опыта, что твои предки, которые стремились уничтожить политическое правление, не только не смогли бы обрести таким образом бóльшего могущества, к чему они стремились, но

могли бы подвергнуть величайшей опасности и бедам как свое личное благополучие, так и благо всего королевства[1].

Тем не менее все то (плохое), в чем, как видно из данных опыта, можно упрекать государя, который правит по-королевски, проистекает скорее не из-за недостатков закона, по которому он правит, но из-за отсутствия должной заботы, а также (из-за) небрежности такого правителя. Потому что сами по себе власть и достоинство (такого короля) ничуть не меньше достоинства власти короля, правящего политически и, как я это ясно доказал в вышеупомянутом трактате «О природе естественных законов», могущество королей обоего рода — одинаково. Но практическое осуществление власти по-королевски настолько труднее и настолько более опасно для самого короля и его народа, как это ясно показано выше, что мудрый король не должен стремиться к замене ограниченной монархии абсолютной. Поэтому и вышеупомянутый святой Фома считал, что следует стремиться к тому, чтобы все страны мира управлялись политически (politice).

(б) «УПРАВЛЕНИЕ АНГЛИЕЙ ИЛИ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ АБСОЛЮТНОЙ И ОГРАНИЧЕННОЙ МОНАРХИЕЙ»

Из главы XII

Здесь показано, какой ущерб был бы нанесен Англии, если бы общины королевства обеднели.

Некоторые люди говорят, что было бы хорошо для короля, если бы общины Англии были столь же бедными, как общины Франции. Тогда они не поднимали бы восстаний, что они часто делают теперь и чего не делают и не в состоянии делать общины Франции, так как они не имеют ни оружия и доспехов, ни средств, на которые могли бы их приобрести. О людях, которые так думают, можно

[1] Здесь, как и в ряде других мест выше, Фортескьё, очевидно, имеет в виду английских королей более раннего периода, таких, как Эдуард II и Ричард II, которые пытались править, не считаясь с волей парламента. Он предостерегает своего собеседника — предполагаемого наследника престола Ланкастерской династии — от печальной участи этих королей, которые, как известно, в конце концов были низложены по решению парламента.

сказать словами философа: «ad pauca respicientes de facili enunciant», то есть «они понимают слишком мало, но слишком легко дают советы». Ибо ясно, что эти люди мало заботятся о благе королевства Англии, могущество которого в значительной мере опирается на лучников[1], не являющихся богатыми людьми. И если бы лучники стали еще беднее, то они не имели бы возможности приобретать луки, стрелы, кожаные панцыри и другое оборонительное вооружение, с помощью которого они могли бы противостоять нападающим на нас врагам, которые могут явиться с любой стороны, поскольку наша страна — остров, и поскольку мы не можем рассчитывать на помощь со стороны какого-нибудь другого королевства. Поэтому, если мы не будем достаточно могущественными сами, мы станем добычей всех наших врагов, а наше могущество в значительной мере опирается на наших скромных лучников. Поэтому они не только должны иметь вооружение, о котором говорилось выше, но также должны много упражняться в стрельбе из лука, что невозможно без значительных расходов, как это хорошо известно каждому опытному (в этом деле) человеку. Поэтому обеднение общин, которое означает прежде всего обеднение наших лучников, привело бы к упадку главной мощи нашего королевства. Далее, если, как полагают те, кто желает, чтобы общины обеднели, бедные люди не могут легко поднимать восстания, то как можно будет подавить мятеж, поднятый каким-нибудь могущественным человеком, если общины будут настолько бедны, что они не смогут сражаться и по этой причине помочь королю в такой войне? Зачем же королю ежегодно производить наборы в армию, если считать за благо, чтобы общины не имели военного снаряжения и не могли бы сражаться?

О, как неразумно мнение этих людей, не имеющее под собой никаких оснований! Ведь всегда, когда до сих пор общины восставали в этой стране, самые бедные люди

---

[1] Лучники — стрелки из лука, составлявшие в XV веке важнейший элемент военных сил Англии. Лучники вербовались в основном из свободных крестьян среднего достатка и служили в армии в качестве наемных солдат. Согласно установившейся еще со времени ассизы о вооружении 1181 года практике (см. выше), каждый свободный человек и, в частности, крестьянин, обязан был иметь всегда в наличии необходимое вооружение; лучники XV века должны были за свой счет приобретать и всегда иметь при себе луки, стрелы и оборонительное вооружение и снаряжение.

всегда являлись главными зачинщиками и участниками этих (мятежей)[1]. А более зажиточные люди участвовали в них неохотно, (лишь) из боязни потерять свое имущество. И часто они вынуждены были выступать вместе с мятежниками только ввиду того, что более бедные люди угрожали отнять у них имущество; из этого ясно, что именно бедность была главной причиной всех подобных восстаний. Бедные люди восставали по причине своей бедности, чтобы приобрести имущество, а богатые поддерживали их потому, что не хотели стать бедными, потеряв свое добро. Что произошло бы, если бы все общины стали бедными? Воистину эта страна уподобилась бы королевству Богемии, где общины из-за своей бедности поднялись против знати и объявили общим достоянием все ее имущество[2]. Далее, обязанности и достоинство короля требуют, чтобы он стремился сделать свое королевство богатым; и позор тому, кто правит бедным королевством и о ком люди могут говорить, что он правит только нищими. Но еще более позорно, если король вступил на престол богатого государства, а затем разорил его. И совесть такого короля должна быть отягощена тем, что, будучи обязан защищать это королевство и его богатства, он без всяких законных оснований отнимал у своих подданных их имущество. Пусть защитит бог нашего государя от такого бесчестия и пошлет ему такую милость, чтобы он смог увеличить богатства своего королевства и (обеспечить) его процветание, приобретя себе этим славу и уважение на вечные времена.

Далее, королевство Франции не в состоянии добровольно давать своему государю субсидии из своих средств, потому что общины этого королевства настолько бедны, что не могут отдать что-либо из своего имущества. И король там не осмеливается просить субсидий у своих знатных, опасаясь, что если он их обложит, они вступят в заговор с общинами и, может быть, низложат его. Но наши общины богаты и поэтому они дают своему королю иногда пятнадцатую и десятую долю (своей движимости), а часто другие более крупные субсидии, если он нуждается в этом для блага или защиты его королевства. Например, такие

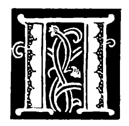
[1] Видимо, намек на восстания под руководством Уота Тайлера (1381 год) и Джека Кэда (1450 год).

[2] Фортескьё имеет в виду здесь Гуситские войны в Чехии и, в частности, видимо, движение таборитов.

более крупные субсидии имеют место, когда королевство дает своему королю одну пятнадцатую или десятую за пятилетие (вперед), или разрешает ему брать девятую часть шерсти или девятую часть зерна своих подданных за пять лет (вперед). Подданные не могли бы это делать, если бы они, подобно общинам Франции, были разорены своим королем. И ни в одной хронике нет упоминаний о том, что такого рода субсидии когда-либо давались в каком-либо христианском королевстве, (кроме Англии); и никакой другой (король) не мог бы добиться этого. Причиной этого является то, что нигде, за исключением немногих вышеупомянутых мест, народ не может так свободно распоряжаться своим имуществом и пользоваться столь благоприятными законами, как мы. Далее, мы видим ежедневно, как люди, потерявшие свое имущество и впавшие в нищету, становятся разбойниками и ворами; и кто же станет заниматься таким делом, если его не довела до этого бедность! Сколько же было бы воров в этой стране, если бы все общины обеднели? И воистину величайшая безопасность и наибольшая честь может быть обеспечена королю, когда все сословия его королевства пользуются благосостоянием. Ибо ничто не может побудить его народ к мятежу, кроме отсутствия средств или отсутствия правосудия. При этом, конечно, если у народа нет имущества, то он восстанет, утверждая, что отсутствует и правосудие. Если же он не беден, то он никогда не восстанет, пока король не превратится в настоящего тирана, совершенно отказавшись отправлять правосудие.

14. АКТ КАСАТЕЛЬНО ФЕРМ И ОВЕЦ 1533 года

УБЛИКУЕМЫЙ ниже «Акт касательно ферм и овец» является одним из аналогичных законодательных актов правительства Тюдоров, направленных против так называемых огораживаний, обращения пахотной земли в пастбища и сгона крестьян-держателей с земли. «Огораживания» с конца XV и особенно в XVI веке сопровождались массовым насильственным обезземеливанием крестьянства, были главным средством аграрного переворота, приведшего к превращению феодального землевладения в буржуазное. Таким образом, огораживания и происходившая одновременно с ними экспроприация мелких городских товаропроизводителей явились той формой, в которой в Англии совершался процесс «первоначального накопления».

Правительство Тюдоров, представлявшее феодальное государство и стоявшее всецело на почве защиты феодального способа производства, было встревожено столь быстрой перестройкой аграрных отношений, в которой оно справедливо видело нарушение феодальных традиций. Кроме того, оно было обеспокоено нараставшим недовольством крестьян и опасалось, что столь быстрое их разорение подорвет финансовую и военную мощь государства, так как крестьянство являлось основным налогоплательщиком и поставляло контингенты для наборов наемников и ополченцев в армию.

Исходя из этих соображений, короли из династии Тюдоров, начиная с Генриха VII и кончая Елизаветой, пытались приостановить огораживания или, по крайней мере, замедлить и ограничить процесс обезземеливания крестьянства. Первый статут такого рода — «Акт против разрушения деревень» был издан еще в 1489 году и запрещал собственникам земли уничтожать дома и строения, находящиеся на их земле, с целью превращения этой земли в пастбище. Акт 1515 года, повторяя Статут 1489 года,

более крупные субсидии имеют место, когда королевство дает своему королю одну пятнадцатую или десятую за пятилетие (вперед), или разрешает ему брать девятую часть шерсти или девятую часть зерна своих подданных за пять лет (вперед). Подданные не могли бы это делать, если бы они, подобно общинам Франции, были разорены своим королем. И ни в одной хронике нет упоминаний о том, что такого рода субсидии когда-либо давались в каком-либо христианском королевстве, (кроме Англии); и никакой другой (король) не мог бы добиться этого. Причиной этого является то, что нигде, за исключением немногих вышеупомянутых мест, народ не может так свободно распоряжаться своим имуществом и пользоваться столь благоприятными законами, как мы. Далее, мы видим ежедневно, как люди, потерявшие свое имущество и впавшие в нищету, становятся разбойниками и ворами; и кто же станет заниматься таким делом, если его не довела до этого бедность! Сколько же было бы воров в этой стране, если бы все общины обеднели? И воистину величайшая безопасность и наибольшая честь может быть обеспечена королю, когда все сословия его королевства пользуются благосостоянием. Ибо ничто не может побудить его народ к мятежу, кроме отсутствия средств или отсутствия правосудия. При этом, конечно, если у народа нет имущества, то он восстанет, утверждая, что отсутствует и правосудие. Если же он не беден, то он никогда не восстанет, пока король не превратится в настоящего тирана, совершенно отказавшись отправлять правосудие.

14. АКТ КАСАТЕЛЬНО ФЕРМ И ОВЕЦ 1533 года

УБЛИКУЕМЫЙ ниже «Акт касательно ферм и овец» является одним из аналогичных законодательных актов правительства Тюдоров, направленных против так называемых огораживаний, обращения пахотной земли в пастбища и сгона крестьян-держателей с земли. «Огораживания» с конца XV и особенно в XVI веке сопровождались массовым насильственным обезземеливанием крестьянства, были главным средством аграрного переворота, приведшего к превращению феодального землевладения в буржуазное. Таким образом, огораживания и происходившая одновременно с ними экспроприация мелких городских товаропроизводителей явились той формой, в которой в Англии совершался процесс «первоначального накопления».

Правительство Тюдоров, представлявшее феодальное государство и стоявшее всецело на почве защиты феодального способа производства, было встревожено столь быстрой перестройкой аграрных отношений, в которой оно справедливо видело нарушение феодальных традиций. Кроме того, оно было обеспокоено нараставшим недовольством крестьян и опасалось, что столь быстрое их разорение подорвет финансовую и военную мощь государства, так как крестьянство являлось основным налогоплательщиком и поставляло контингенты для наборов наемников и ополченцев в армию.

Исходя из этих соображений, короли из династии Тюдоров, начиная с Генриха VII и кончая Елизаветой, пытались приостановить огораживания или, по крайней мере, замедлить и ограничить процесс обезземеливания крестьянства. Первый статут такого рода — «Акт против разрушения деревень» был издан еще в 1489 году и запрещал собственникам земли уничтожать дома и строения, находящиеся на их земле, с целью превращения этой земли в пастбище. Акт 1515 года, повторяя Статут 1489 года,

предписывал лордам, виновным в его нарушении, не позднее чем через год, восстановить разрушенные строения и пустить землю вновь под обработку. Публикуемый ниже Акт 1533 года, констатируя тяжелые бедствия крестьянства вследствие огораживаний, запрещал кому-либо одновременно держать более 2000 овец и арендовать более двух домов или держаний. Таким способом правительство пыталось воспрепятствовать расширению пастбищного хозяйства и сосредоточению большого количества земель у одних и тех же лиц за счет обезземеливания крестьян-держателей.

В 1597—1598 гг. последовал еще один статут — «Акт о поддержании сельского хозяйства и земледелия», который под угрозой высоких штрафов предписывал вернуть под обработку все земли, обращенные под пастбища после первого года правления королевы Елизаветы (1558), и запрещал дальнейшую конверсию земли, то есть превращение пахоты в пастбище[1].

Следует, однако, заметить, что статуты против огораживаний не имели успеха, так как противоречили экономическим интересам значительной части феодальных собственников земли — нового дворянства и буржуазии, из которой вербовались кадры капиталистических фермеров, также заинтересованных в огораживаниях. Поскольку королевские статуты не посягали на право феодальной собственности дворян и не обеспечивали права полной собственности крестьян на их участки, то они, естественно, не могли воспрепятствовать сгону последних с земли и открыто игнорировались дворянством.

Текст акта в переводе Е. А. Косминского перепечатан без изменений из «Хрестоматии по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время», под редакцией В. П. Волгина, М.—Л., 1929, стр. 172—173.

---

[1] Все упомянутые выше статуты против огораживаний опубликованы в русском переводе Е. А. Косминского в «Хрестоматии по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время», под редакцией В. П. Волгина, М.—Л., 1929, стр. 167, 168, 185—186.

[Извлечения]

Разные лица из числа королевских подданных, которым бог в своей благости дал большое изобилие в движимой собственности, в течение последних лет постоянно измышляли, изобретали и пробовали пути и средства к собиранию и соединению в немногих руках возможно большего количества ферм и возможно большего количества скота и особенно овец; для этого они все земли, которые им удавалось получить, обращали под пастбище, а не под обработку и таким образом не только довели до разорения церкви и деревни, и повысили прежний уровень рент со своих владений в этом королевстве, и ввели такие чрезмерные допускные платежи[1], что они не под силу ни одному бедному человеку, но также подняли цены на всякого рода зерно, скот, шерсть, свиней, гусей, кур, цыплят, яйца и прочие почти вдвое против обычных прежних цен. В силу этого поразительное множество народа в этом королевстве не может купить еды, питья и одежды для себя, своих жен и детей и доведено до такого отчаяния своей бедностью и нищетой, что с каждым днем впадает в воровство, разбой и другие преступления или жалким образом погибает от голода и холода. И всенижайшие и преданные подданные короля думают, что одной из важнейших причин, побуждающих этих алчных и жадных людей собирать... в своих руках большие участки земли,.. прежде кормившие бедных крестьян, и обращать их под пастбище, а не под обработку, является только большая выгодность овцеводства, сосредоточившегося теперь в этом королевстве в руках немногих лиц сравнительно с общим числом королевских подданных, так что у некоторых имеется 24 000 овец, у других 20 000, у одних больше, у других меньше, вследствие этого хорошая овца, которая продавалась на мясо за 2 ш. 4 п.[2] или, самое большее, за 3 ш., теперь продается за 6 ш., 5 ш. или, самое меньшее, за 4 ш. И стон[3] шерсти для сукна, прежде продававшийся в некоторых графствах этого королевства за 18 п. или 20 п., теперь продается за 4 ш. или, самое меньшее, за 3 ш. 4 п, а в тех местностях, где он продавался за 2 ш. 4 п. или 2ш., самое большее, за

[1] О допускных платежах см. Савин, Английская деревня в эпоху Тюдоров, М., 1903, стр. 143 и 154—156.

[2] Ш.— шиллинг; п.— пенс.

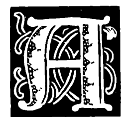
[3] Стон (stone) — мера веса. Варьировалась в разное время и в разных местах. Теперь 14 фунтов.

3 ш., он теперь продается за 5 ш. или, самое меньшее, за 4 ш. 8 п., и так цены подняты во всех частях королевства. И это вызывает крайнее недовольство всемогущего бога, упадок гостеприимства в этом королевстве, уменьшение численности королевского народа и создает препятствие к производству сукна, в котором обычно находило работу много бедного народа; и если, в заключение, не будет найдено средство против этого, то все это может обратиться к крайнему опустошению и смуте в этом королевстве, от чего боже сохрани. Поэтому королевскому высочеству... и лордам духовным и светским... с согласия общин, собранных в данном парламенте, угодно постановить и сделать законом,.. чтобы, начиная с праздника св. Михаила 1535 г., никто не смел иметь в собственности и держать ни на своей земле, ни на арендованных им землях других лиц, ни где бы то ни было в пределах этого королевства, каким-либо обходом, обманом или уловкой, одновременно более 2000 овец всякого рода, под страхом штрафа в 3 ш. 4 п. за каждую овцу сверх числа, определенного в этом акте... Далее постановлено,... что, начиная с Рождества, никто не должен брать ни на срок жизни, ни на года, ни по воле лорда, ни по грамоте (indenture)[1], ни по копии протокола манориальной курии ни как-либо иначе более двух домов или крестьянских держаний, к которым принадлежит какая-либо земля,... и никто не может владеть такими вновь приобретенными держаниями числом до двух,.. если он не живет в тех же приходах, где находятся такие держания, под страхом штрафа в 3 ш. 4 п... за каждую неделю владения...

[1] Indenture — грамота, писавшаяся в двух экземплярах на одном куске пергамента и разрезавшаяся по зубчатой (indentata) линии. Для установления подлинности оба представленные в суд экземпляра складывали по линии разреза. Держания по грамоте — держания общего права (находящие юридическую охрану в обычных королевских судах), то есть фригольд или аренда общего права.

15. АКТ О НАКАЗАНИИ БРОДЯГ И ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ БЕДНЫМ И НЕТРУДОСПОСОБНЫМ 1572 года

КТ 1572 года — один из наиболее жестоких законов «кровавого законодательства против экспроприированных» (Маркс). Это законодательство в Англии конца XV—XVI вв. было вызвано к жизни массовым обнищанием крестьянства и городских ремесленников вследствие огораживаний, секуляризации монастырских земель, роспуска феодальных дружин и развития мануфактур, разорявших городских мелких товаропроизводителей. Так как эти мануфактуры были не в состоянии сразу использовать труд экспроприированных, в стране образовались огромные массы бродяг, нищих, безработных, вынужденных для поддержания жизни идти на преступления. Правительство Тюдоров было встревожено таким ростом бездомного и безработного голодающего населения, которое легко было поднять на восстание, а также ростом преступлений в стране. Будучи не в силах обеспечить работой и жилищем эту массу обездоленных, оно обрушилось на них серией свирепых законов, которые под угрозой жестоких наказаний запрещали бродяжничество и нищенство и пытались принудить работоспособных пауперов работать на любых условиях на тех, кто пожелает их нанять.

«Отцы теперешнего рабочего класса,— писал К. Маркс,— были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов. Законодательство рассматривало их как «добровольных» преступников, исходя из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих условиях»[1].

Первый акт против бродяг и нищих был издан в 1495 году. Он проводил резкое различие между трудоспособными и нетрудоспособными бродягами и нищими,

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I. 1949, стр. 738.

подвергая первых более тяжелым наказаниям (заковывание в колодки). Нетрудоспособным лицам предписывалось жить в своей сотне и запрещалось просить милостыню вне этой сотни[1]. Это различие было закреплено статутами 1530 и 1536 годов, которые разрешали старым и больным нищим собирать милостыню, но работоспособных бродяг предписывали подвергать бичеванию и брать с них клятву, что они будут работать. Статут 1547 года интересен тем, что он обязывал «бродяг» в течение месяца найти себе работу, в противном случае угрожая отдать их в рабство тому, кто донесет на них как на праздношатающихся. Такой «раб» не мог покинуть господина под угрозой клеймения, отдачи в пожизненное рабство, а в случае третьего побега — смертной казни. Публикуемый ниже Акт 1572 года отличался еще большей жестокостью в отношении работоспособных бродяг и нищих. Он предписывал подвергать их бичеванию кнутом и клеймению, если их уличат в ниществе первый раз, смертной казни во второй раз, если их никто не пожелает взять в услужение, и смертной казни без всякой пощады в третий раз. Статут интересен тем, что содержит первую попытку точного определения трудоспособности праздношатающихся бродяг и «упорных нищих» (статья V), а также тем, что он обязывал местные власти графства и городов обеспечить существование нетрудоспособных больных и престарелых нищих, возлагая их содержание на местных налогоплательщиков. Тем самым статут положил начало английскому «законодательству о бедных», которое было вынужденным признанием нищеты как обычного и закономерного явления в стране. Обе тенденции этого постановления получили дальнейшее развитие в двух актах 1597 года, которые трактовали вопрос о наказании трудоспособных бродяг и вопрос о содержании нетрудоспособных нищих отдельно друг от друга. «Акт о призрении бедных» 1597 года содержит подробные предписания о том, как надо выявлять в графствах и городах нуждающихся в содержании бедняков, каким образом с ними следует обходиться и откуда брать средства на их содержание[2]. Характерно, что этот акт предусматривал

[1] Русский перевод Статута 1495 года см. в «Хрестоматии по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время», под редакцией В. П. Волгина. М.— Л., 1929, стр. 222.

[2] См. «Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время», под редакцией В. П. Волгина. М.—Л., 1929, стр. 226.

эксплуатацию даже этих «законных» нищих и, в частности, детей в качестве бесплатных рабочих в оборудованных на средства прихода мастерских или в качестве учеников там, где местные власти находили нужным.

Второй акт этого же года «О наказаниях бродяг и упорных нищих» предписывал устройство для них исправительных домов в каждом графстве и городе, а в качестве наказаний для бродяг устанавливал публичное бичевание кнутом, «пока его или ее спина не покроется кровью», с высылкой по месту рождения, а в некоторых случаях — изгнание из Англии в «заморские страны»[1].

Следует иметь в виду, что, помимо борьбы с бродяжничеством и преступлениями, которая объявлялась их официальной целью, законы против экспроприированных преследовали и другую цель: обеспечить приток дешевой рабочей силы во вновь развивающуюся мануфактурную промышленность, подчинить её дисциплине наемного труда и создать этим возможность огромных прибылей для нарождающейся буржуазии.

Текст акта в переводе Е. А. Косминского перепечатан без изменений из «Хрестоматии по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время», под редакцией В. П. Волгина, М.—Л., 1929, стр. 223—224.

[Извлечения]

II. [Лица свыше 14 лет, взятые за выпрашиванием милостыни, должны быть заключены в тюрьму до следующей сессии]...

V. Для полного определения того, какие лица должны считаться в силу этого акта праздношатающимися, бродягами и упорными нищими и нести наказание за свой беспутный образ жизни, ныне объявляется и устанавливается властью настоящего парламента: всякое лицо и лица, которые являются или называют себя ходатаями по делам

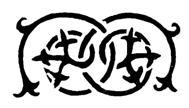
[1] См. «Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время», под редакцией В. П. Волгина, М.—Л., 1929, стр. 227—228.

и шляются там и сям в какой-либо области или областях этого королевства, не имея достаточных полномочий, выданных от лица нашей верховной госпожи королевы, и все другие праздные лица, которые бродят в какой-либо области одного королевства и занимаются хитрой и ловкой и беззаконной азартной игрой или, как некоторые из них, заявляют, что имеют познания в физиономистике, хиромантии и других вредных науках, чем обманывают людей, говоря, что могут предсказать им судьбу, смерть или богатство, и рассказывая тому подобные фантастические измышления; и всякое лицо или лица, здоровые и крепкие телом и способные работать, не имеющие земли или хозяина, не занимающиеся какой-либо законной торговлей, ремеслом или профессией для снискания средств к существованию, и которые не могут объяснить, каким законным путем они добывают себе пропитание; и все фехтовальщики, вожаки медведей, актеры и менестрели, не принадлежащие какому-нибудь барону этого королевства или какой-либо особе высшего ранга, все жонглеры, разносчики, паяльщики и мелкие торговцы, которые бродят, не имея разрешения по меньшей мере двух мировых судей; все чернорабочие, здоровые телом, праздношатающиеся и отказывающиеся работать за ту разумную плату, какая установлена и обычно дается в тех местах, где таким лицам приходится жить; все подделыватели разрешений и паспортов и все пользующиеся ими, зная, что это подделка; все студенты Оксфордского или Кембриджского университетов, странствующие, выпрашивая милостыню и не имея на то разрешения от комиссара, канцлера или вице-канцлера этих университетов за их печатью, все матросы, лживо заявляющие, что потерпели кораблекрушение,.. и все лица, выпущенные из тюрем, которые просят вспомоществования или идут к себе на родину или к друзьям, не имея разрешения от двух мировых судей той области, где они были освобождены,— все такие лица должны быть почитаемы за бродяг и упорных нищих, предусмотренных настоящим актом; сюда же относятся все те лица, которые после сего будут преступать или нарушать те добрые приказы, какие во 2-й части настоящего акта установлены для помощи престарелым и немощным беднякам.

XVI. По человеколюбию необходимо позаботиться о бедных, престарелых и немощных, а бродяг и упорных нищих наказывать; а бедные, престарелые и немощные

люди должны получить подходящие жилища и убежища по всему этому королевству для того, чтобы жить там, чтобы после этого никто из них не нищенствовал и не бродяжничал. Поэтому настоящий парламент своей властью постановляет, чтобы мировые судьи всех и отдельных графств Англии и Уэльса и все прочие мировые судьи, мэры, шерифы, бейлифы и прочие должностные лица каждого сити, бурга, округа и иммунитета в этом королевстве в пределах своих полномочий должны накануне ближайшего праздника св. Варфоломея или в самый праздник распределить между собой обязанности, и после этого в каждом из своих подведомственных округов произвести тщательные розыски и расследования относительно всех престарелых, немощных и дряхлых бедняков, родившихся в оных округах, проживавших там в течение 3 лет до настоящего парламента, которые живут или вынуждены жить милостыней и на счет народной благотворительности; после этого розыска следует завести регистрационную книгу, содержащую имена и прозвища всех тех престарелых, дряхлых и немощных бедных, которые находятся в этих округах, каковая книга должна всегда быть у этих судей, мэров, бейлифов и прочих чиновников, или кого-либо из них. И когда число этих бедных людей, вынужденных жить милостыней, будет точно выяснено, тогда эти судьи, мэры, бейлифы, шерифы и прочие должностные лица должны по своему усмотрению в надлежащее время назначить в каждом своем округе подходящие и удобные места и предоставить там этим бедным лицам жилище и убежище, если приход, в котором они живут, не захочет или не сможет им таковых предоставить. И должны также в надлежащее время подсчитать всех оных бедных в вышесказанных округах и на основании этого (сообразно количеству) установить размеры еженедельного взноса на помощь и поддержку оных бедных в пределах каждого округа. И, сделав это, вышеупомянутые судьи, мэры, шерифы, бейлифы и прочие должностные лица в пределах своих округов должны по своему доброму усмотрению обложить налогом всех жителей, проживающих в каждом сити, бурге, местечке, деревне, поселке и местности в оных округах; этот налог должен уплачиваться еженедельно для помощи бедным людям, и имена всех обложенных этим налогом жителей должны также быть записаны в регистрационную книгу вместе с суммой взноса. И (эти должностные лица) должны также по своему усмотрению в каждом своем

округе назначить или найти сборщиков на целый год, которым была бы указана вышеназванная сумма, которую они должны собирать и взимать в сказанной пропорции и выдавать этим бедным в количестве, которое назначат судьи, мэры, шерифы, бейлифы и прочие должностные лица. Также они должны назначить по своему усмотрению надзирателей за оными бедными людьми на срок одного года. И если кто откажется быть надзирателем, то каждый отказавшийся заплатит пеню в 10 шиллингов за каждую такую провинность...

ГЕРМАНИЯ

1. Земский мир
2. Вормсский конкордат
3. «Саксонское зерцало»
4. Записи Магдебургского права
5. «Золотая булла»
6. Каролина

1. ЗЕМСКИЙ МИР

XI ВПЛОТЬ ДО XVI века в Германии неоднократно издавались и возобновлялись постановления о так называемом «земском мире» (Landfriede)[1]. К XI веку распалась империя Карла Великого. Ширилось закрепощение крестьян. Церковные и светские феодалы соперничали друг с другом в их ограблении. Крестьяне отвечали восстаниями, подавлявшимися с звериной жестокостью.

Католическая церковь пыталась «страхом божьим», угрозой отлучения усмирить, умиротворить массы, оградить церковные богатства и духовенство от посягательств на них. Она объявляла «божий мир», устанавливала замиренные места (церкви, кладбища и др.), замиренные дни («от заката солнца в среду до восхода в понедельник»), определяла лиц, находящихся под защитой «мира» (священники, монахи, женщины, пилигримы и др.).

Постановления о «божьем мире» провозглашались прежде всего на территории Франции[2]. Католическая церковь добивалась применения этих постановлений на территории Германии. Это сочеталось со стремлением католической церкви занять первенствующую роль в осуществлении государственной власти, чтобы «меч светский подчинялся мечу духовному». Обострялась борьба между папой и императором (вспомним драматические эпизоды борьбы Генриха IV с папой Григорием VII), сплетавшаяся с борьбой между крупными феодалами и мелкими вассалами и городами. Генрих IV, опираясь на более широкие круги рыцарства и города, противопоставил «божьему миру» (pax Dei, treuga Dei) «светский мир» (pax profana), объединявший феодалов и горожан для защиты собственности. Такой «мир» стал впоследствии называться миром

---

[1] Постановления эти носили различные названия: pax, treuga, constitutio pacis, Friedsbriefe, а с конца XIII века Landfriede, gemeine Landfriede, Reichslandfriede и др.

[2] Наиболее известный декрет о «божьем мире» был объявлен Клермонтским собором в 1096 году.

земель — «земским миром». Первый Земский (имперский) мир 1103 года (Juramentum) обязывал охранять собственность и жизнь, грозя похитителям, поджигателям, убийцам ослеплением или потерей руки.

Постепенно содержание «мира» расширялось. Частыми были походы в Италию, и императоры перед отправлением в поход обычно провозглашали «мир», возобновление старого «мира» (renovatio antique pacis), угрожая все более суровыми наказаниями нарушителям. Таковы были мир 1152 года, мир Фридриха I для Рейнской Франконии 1179 года. По миру 1179 года села, крестьяне, клирики, монахи, женщины, купцы и другие должны «пользоваться миром». Файды допускались лишь со вторника до захода солнца в четверг. Убийцам грозили смертной казнью (повешением), нанесшим раны — лишением руки, уклонившимся от суда — имперской опалой.

Содержание «мира» менялось в зависимости от того, удавалось ли папскому престолу выдвигать «своего» императора или нет. Участились еретические движения, отражавшие борьбу крестьян и горожан против феодальной эксплуатации и против поддерживавшей (и осуществлявшей) ее католической церкви. Генрих, которого папа противопоставил отцу его — Фридриху II, в Имперском земском мире 1234 года подчеркивал необходимость «подавления всеми силами вероломства еретиков».

Хотя Фридрих II и расправился с «папскими приспешниками», с сыном и его «пособниками и советниками», он, по характеристике Маркса «разбойник и враг всякого свободного строя», в изданном им Имперском земском мире 1235 года требовал также борьбы с еретиками, ибо *«еретики* столь же опасные *враги монархии в государстве, как и папства в церкви»*[1].

Фридрих II в борьбе за императорскую власть хотел угодить и папе, и князьям. Показательными в этом отношении являются два закона Фридриха II «Закон в пользу духовных князей» 1220 года и «Возобновление закона короля Генриха (сына Фридриха) в пользу (светских) сеньоров» 1232 года.

В «Законе в пользу духовных князей» Фридрих обязывался не захватывать церковного имущества, не при-

---

[1] «Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 250.

свaивать церковной юрисдикции, права установления в пределах церковной юрисдикции пошлин, чеканки монет и т. п. Он грозил опалой захватчикам церковного имущества, отлученным от церкви, ссылаясь на то, что «меч материальный создан в помощь мечу духовному». Но эту помощь он готов был оказать как «награду за преданность духовных князей». Фридрих записал: «Чем более полную преданность мы видели со стороны названных князей по отношению к нам, тем отменнее будем мы всегда стараться заботиться об их выгодах».

«Закон в пользу светских сеньоров» 1232 года был издан в плане подкупа князей, превращения их в орудие в руках Фридриха II. Последний лицемерно заявлял о своей заботе о правах князей и магнатов. Он записал: «Как голова сидит на благородных членах, так наша власть крепко держится, и столь огромное цесарское величие правит и возвышается, опираясь на них, как на плечи, и поддерживаясь ими, как плечами». И, чтобы им угодить, Фридрих в законе 1232 года выступил против городов, своих естественных союзников, на которых он нередко опирался в борьбе против духовных и светских князей. Он потребовал от городов, чтобы они вернули земли феодалам, не принимали «людей» феодалов, изгнали пфальбюргеров — горожан, пользовавшихся городскими правами, но живших вне городской черты (за пределами городских столбов — Pfählen), которым положение горожанина облегчало освобождение от вассальной зависимости, от различных феодальных повинностей, «служб» и которых в случае нужды защищали крепкие стены городов.

Имперский земский мир 1235 года продолжал в общем ту же линию. Расстроив папские козни, Фридрих все же обязывал защищать церковные имущества, заявляя: «Вольностям и правам церквей тем щедрее должно покровительствовать наше благоволение, чем преданнее они и их управители содействуют (нам) в духовных и мирских (делах)».

Фридрих тщился упорядочить суд, чтобы «дела... вершили по справедливости, согласно разумным земским обычаям», он боролся с файдами, «чтобы никто не являлся мстителем за свои обиды, потому что, где перестает действовать авторитет закона, там ничто не обуздывает своеволия жестокости». Он говорил и о чеканке монет, и о пошлинах, и о безопасности дорог, о конвое, который из средства охраны от грабежей превратили «бесчестным

любостяжением» в источник дохода. И снова ополчался против пфальбюргеров.

То обстоятельство, что «земский мир» издавался вслед за восстанием сына Фридриха II — Генриха, сказалось на том, что семь статей «мира» посвящены сыновьям (и их соучастникам), выступавшим против отцов своих, и особое место уделено борьбе с государственными преступниками.

Земский мир 1235 года был составлен на двух языках, вернее в двух версиях — латинской и немецкой. И любопытно, что латинская версия начинается с призыва, чтобы в городах, селениях и во всех местах империи подчинялись епископам и архидиаконам, «чтобы соблюдались их распоряжения и праведные решения по делам церковным». И лишь в 15-й и следующих статьях говорится о сыне, «забывшем чтить отца». В немецкой же версии «постановления о земском мире» начинаются с осуждения сыновей. Этим Фридрих II словно обращался с жестом примирения к папе римскому, а ко всем германским сторонникам Генриха — с угрозой подвергать их беспощадной опале, «по всей строгости закона навеки лишить их всяких прав и всякой возможности совершать законные акты, ставши... лишенными чести и прав»...

После Фридриха II процесс ослабления империи продолжался. Период «междуцарствия» (1250—1273) раздирал и разорял страну.

Города объединялись в оборонительные союзы для борьбы против феодалов, разбойничавших рыцарей и плебейства; часть рыцарей, нередко поступавших на службу к городам, входила порою в эти союзы. Учащались восстания. Из них наиболее известным было восстание под предводительством Тиле Колуна по прозванию «Деревянный башмак», который, как отметил Маркс, привлек на свою сторону всех крестьян и горожан вплоть до Майнца и даже многих рыцарей[1]. Феодалы с чрезвычайной жестокостью расправились с восстанием. Погибли тысячи крестьян.

Вместе с тем снова и снова делались попытки объединить феодальные силы в борьбе против городов и крестьян. Постановления о земском мире следовали одно за другим. Их издавал Рудольф в 1287 году, Альбрехт I — в 1303 го-

[1] См. «Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 291.

ду. Борьба за императорский престол толкала к более широкому союзу против папы римского. Людовик Баварский возвратился к мысли опереться на города. Имперский земский мир 1323 года делает попытку объединить феодальные и антифеодальные силы; и от тех и других настойчиво требуют присяги императору. Карл IV и в «Золотой булле» 1356 года и в Земском мире 1371 года запрещал отдельные союзы и признавал «Союзы и лиги, о которых известно, что их заключили между собою князья, города и другие ради общего мира, провинций и земель».

Такое объединение необъединимого могло привести «только ко всеобщей усобице»[1]. Множились мелкие союзы феодалов, враждовавших и с городами, и между собой. Города в свою очередь объединялись в союзы, прибегали в борьбе с феодалами к наемным дружинам. Деревни, небольшие города разрушались, ограблялись и феодальными отрядами и наемными дружинами.

В 1389 году император Венцлав сделал еще одну попытку на сейме в Эггере примирить феодалов и города, призвать их содействовать друг другу в соблюдении постановления об объявленном им «земском мире», объединить их в борьбе против всякого восставшего, (boze gesellschaft), которого «должны мы (император) и князья, сенаторы и города со всеми нашими и их силами преследовать без всякого обмана» (§ 18).

В начале XV века обострилась борьба и за императорский, и за папский престол. Были периоды, когда в Германии считалось два императора, а в Италии — три конкурировавших папы. Дробление феодальных владений еще более усилилось. «Все светские княжества были так раздроблены и распылены, что многие члены рыцарского сословия были могущественнее князей»[2]. Так, Верхняя и Нижняя Бавария находились (каждая) под властью нескольких герцогов.

Гуситское движение испугало немецких феодалов. Они снова попытались объединиться для борьбы с этим движением. Сигизмунд перед отправлением в поход против гуситов опубликовал Имперский земский мир 1429 года, и то только на год. Он сделал еще одну попытку объеди-

---

[1] «Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 148.

[2] Там же, стр. 211.

нить всех против гуситов, но ничем иным не мог он грозить, кроме имперской опалы, которая никого уже не страшила.

Собравшийся в 1431 году сейм в Нюрнберге не решился даже предписать продлить Земский мир 1429 года. Альбрехт II в 1438 году делает попытку от имени курфюрстов провозгласить «курфюрстский имперский земский мир», разделить страну на 4 или на 6 округов, поставить во главе всех округов Hauptmann'ов, передав им всю полноту власти, сделав каждого из них судьею и охранителем мира (capitaneus pacis generalis). Этот проект тогда так и не осуществился[1]. Фридрих III в «Реформации» 1442 года вынужден был признать, что стоны раздаются по всей стране, что грабежи, поджоги, распри, бесчинства солдатчины раздирают империю, что все терпят нужду, что порядок умер. Шла кровопролитная разорительная борьба в Венгрии, Богемии. Фридрих III призывал князей духовных и светских, графов, сеньоров, рыцарей, города к объединению, повторял почти все прежние постановления о земском мире, но не было реальной силы, «рук» для их исполнения.

И суда по-настоящему не было. Господствовало «кулачное право», судили «по праву сильного». Расправы появившихся для борьбы с антифеодальными силами тайных судилищ, так называемых судов фемов[2], дополняли картину «бессудной земли».

Все сильнее стал раздаваться призыв к порядку. «*Сословия* требовали, чтобы в империи был установлен порядок»[3].

Император Максимилиан в 1495 году провозгласил «вечный мир». Еще раз запрещались файды, грабежи, захваты, осады, самоуправство, «хвататься за меч» под страхом императорской и имперской опалы, утраты «всех милостей, привилегий и прав».

Но все эти попытки навести порядок, установить «мир» оказывались бесплодными. В дальнейшем постоянно слышались жалобы на нарушения и этого постоянного «вечного мира».

---

[1] О нем вспомнили в 1500 году, см. «Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 97.

[2] О судах фемов см. В. Корецкий, Лекции по истории государства и права, М., 1947, стр. 86 и сл.

[3] «Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 94.

Франц Зиккинген как-то сказал: «Это старые песни: в приказаниях нет недостатка, а недостаток в повинующихся»[1].

Ниже приводятся:

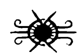
а). Могунтинский имперский мир 1103 года;

б). Мир Фридриха I для Рейнской Франконии;

в) и г). Законы Фридриха II 1) в пользу духовных князей 1220 года; 2) в пользу светских князей 1232 года[2];

д). Имперский земский мир Фридриха II 1235 года;

е). Вечный земский мир 1495 года.

[Извлечения]

(а) МОГУНТИНСКИЙ ИМПЕРСКИЙ МИР 1103 года[3] PAX MOGUNTINA

В год от воплощения Господа 1103 император Генрих в Майнце скрепил своей рукой и установил; также руку приложили архиепископы и епископы. Принес присягу сын короля и первые люди всего королевства, герцоги, маркграфы, графы и очень многие другие... Принесли присягу на мир церквам, клирикам, монахам, мирянам, как-то: купцам, женщинам, не похищать их насилием, и евреям.

Присяга такова: никто да не нападет на чей-либо дом, не разоряет пожаром, не захватывает из-за денег, не ранит, не бьет, не убивает. А кто сделает это, теряет глаза или руку. Если кто его будет защищать, понесет то же

[1] См. Шлоссер, Всемирная история, т. XI, стр. 298.

[2] Хотя эти законы Фридриха II не относятся к постановлениям о земском мире, но они приводятся здесь (как это отмечено во вступительных замечаниях) для уяснения обстановки, породившей Земский мир 1235 года.

[3] Текст из Monumenta Germaniae. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum, т. I, стр. 125—126 приводится в переводе, данном в сборнике «Средневековье в его памятниках», сборник переводов, под редакцией К. Егорова, М., 1913, стр. 234—235.

наказание. Если убежит в замок, то присягнувшие миру, обложив его, через 3 дня воюют его. Если кто уйдет от кары, то бенефиций, если таковой у него есть, отбирается сеньором, а вотчина отходит к его родственникам. Если кто украдет на 5 солидов или больше, теряет глаза или руку. Если украдет меньше, чем на 5 солидов, лишится волос, будет сечен розгами и отдаст украденное; и если трижды произведет такое воровство или грабеж, теряет глаза или руку. Если в дороге встретится тебе твой враг и ты можешь вредить ему, вреди; если убежит в чей-либо дом или двор, пусть останется невредим.

Этой присягой друзья короля пользуются, как щитом, врагам же ни в коем случае она не помогает.

(б) МИР ФРИДРИХА I ДЛЯ РЕЙНСКОЙ ФРАНКОНИИ 1179 года[1]

Фридрих, Божией милостью Римский император и всегда священный. По обязанности императорского служения мы должны по всей нашей империи предписывать мир, сообразуясь с нуждой и положением провинций, а, предписав, охранять его нашей властью. Итак, когда в первое воскресенье Великого поста... мы восседали для суда в городе Вейссенбурге, причем при нас сидели князья и знатные той земли, а стояли — министериалы и люди той земли и все вместе хотели древнего мира, установленного нашим предшественником Карлом, божественным августом; мы его возобновили и приказали с ближайшей Пасхи в течение двух лет ненарушимо хранить. Содержание же его таково:

1. Селения, жители их, клирики, монахи, женщины, купцы, земледельцы, мельницы, евреи, подчиненные императорскому фиску, охотники и звероловы... во всякий день да пользуются миром, кроме тех, которые ставят сети или закладывают капканы; эти нигде и никогда не должны иметь мира.

2. Если кто имеет врага, которого хочет преследовать, то пусть преследует его на поле без вреда для его имущества, и, если захватит, то пусть тотчас представит его

---

[1] Текст из Monumenta Germaniae. Constitutiones ..., т. I, стр. 330 и сл. приводится в переводе, данном в сборнике «Средневековье в его памятниках», под редакцией К. Егорова, М., 1913, стр. 235—237.

судье для суда. Если преследуемый прибежит к плугу, на мельницу или в деревню, то получает полный мир.

3. Преследовать же врага можно только в определенные дни недели, именно во II, III, IV до захода солнца. В течение остальных четырех дней пусть враг имеет полный мир.

4. Если кто-либо преследует бегущего врага до поселка и внесет его в поселок стремительность коня, а не собственная воля, то в воротах поселка пусть отбросит копье и оружие, от которого сможет освободиться; в поселке же он должен подтвердить присягой, что попал в него не по собственной воле, а по стремительности коня; иначе будет нарушителем мира.

5. Если кто нарушит этот мир убийством, то, если будет пойман, подвергнется смертной казни. Если кого ранит — отнимут руку.

6. Если обвиняемый, свершив злодеяние, убежит, то пусть будет призываться на суд трижды с промежутками по 14 дней. Если явится, пусть очистится сам-сём, если только кто-либо из друзей убитого или раненого не пожелает вызвать его на поединок. Если обвиняемый будет побежден, то коли он убийца — повесить, коли он только пролил кровь — лишить руки.

7. Если убийца или членовредитель будет захвачен на месте и будет утверждать, что сделал это, защищая свою жизнь, то пусть очистится сам-сём с добрыми и честными мужами, если только друг убитого или раненого не захочет обличить его поединком.

9. Если лиходеи, законным образом вызванные в суд, в три двухнедельных срока презрят явиться, то, кроме обвиняемого, подвергаются опале укрыватели и соумышленники, если только они не очистятся от этого обвинения единоличной присягой. Судьи, произнеся опалу на лиходеев, должны явиться пред императором и просить его, чтобы он, милостивец, своей властью наложил на них (лиходеев) опалу. Они же (судьи) сам-сём должны доказать, что три двухнедельных срока действительно были даны и притом по закону.

10. Если же опальные пробудут в императорской опале год и день, то будут вне закона и лишены впредь всякого права и не будут иметь никакого права ни на бенефиции, ни на аллоды. Таких опальных ни император, ни другой судья не должен освобождать от опалы раньше, чем удовлетворят истца.

11. Нарушитель мира, вызванный судьей на суд, должен придти только с 30 мужами,— не больше двадцати девяти, чтобы сам он был тридцатый; все они да не носят другого оружия, кроме меча...

13. Если путнику на коне необходимо покормить коня, то пусть поставит одну ногу на дороге и серпом или ножом срежет сколько нужно злаков и подкрепит коня своего на дороге, но ничего с собой не увозит; траву же может не косить, но пустить лошадь на самый луг и пасти, сколько нужно. Кто поступит иначе, будет нарушителем мира.

14. Крестьяне и люди их состояния, выходя за околицу, да не носят другого оружия, кроме меча. В селениях же пусть не носят ни мечей, ни другого оружия. В домах же пусть имеют какое угодно оружие так, что если судья будет нуждаться в их помощи для восстановления нарушенного мира, они оказались бы готовыми, с оружием, так как в этом они обязаны повиноваться судье сообразно с его приказанием и обстоятельствами дела.

16. Постановляем также и предписываем императорской властью князьям, знатным, свободным и министериалам преследовать грабителей, разбойников, воров, фальшивомонетчиков и их укрывателей.

(в) ЗАКОН ФРИДРИХА II В ПОЛЬЗУ ДУХОВНЫХ КНЯЗЕЙ 1220 года[1]

CONFOEDERATIO CUM PRINCIPIBUS ECCLESIASTICIS

...Воздавая достодолжное внимание (тому), с какою пользою и верностью любезные верные наши духовные князья доселе служили нам возвышением нас на вершину империи и засим поддержкою нас в этой власти, наконец, благосклонным и единодушным избранием себе в короли и государи сына нашего Генриха, мы решили, что те, которыми мы были возвышены, должны быть всегда возвышаемы, и те, которыми мы были поддержаны, должны впредь всегда быть поддерживаемы вместе со своими церквами нашею защитой против всяческого (угрожающего им) вреда. И так как в ущерб им, вследствие продолжительных смут в империи, которые, по милости божией, ны-

[1] Перевод по тексту, приведенному в сборнике K. Zeumer, Quellensammlung zur Geschichte der Deutschen Reichsverfassung in Mittelalter und Neuzeit.

не улеглись и улягутся, укоренились некоторые обычаи, правильнее сказать, злоупотребления в виде (установления) новых сборов и (выпуска новых) монет, которые обыкновенно путем подделок взаимно подрывают друг друга, а (также) в виде войн между управителями церковными имениями (фогтами) и других зол, коим нет числа — то мы с помощью некоторых постановлений будем бороться с этими злоупотреблениями.

1. Прежде всего, мы обещаем, что никогда в будущем по смерти какого-либо духовного князя мы не станем захватывать в казну оставленного им имущества, не допуская также, чтобы какой-нибудь мирянин под каким-либо предлогом захватывал его себе; но да поступят они во владение (законного) правоприемника, если предшественник умрет, не оставив завещания, а завещание же его, если таковое будет сделано, должно, согласно нашей воле, считаться действительным. Если же кто-либо, вопреки настоящему постановлению, дрезнет захватить себе оставленное имущество, тот пусть считается опальным и поставленным вне закона и пусть навсегда лишится (своего) лена или бенефиция, ежели у него таковой будет.

2. Также впредь мы не будем вводить новые пошлины и монеты на их территориях или в пределах их юрисдикций, не посоветовавшись с ними или против их воли, но будем нерушимо и крепко соблюдать и оберегать старинные пошлины и права (на чеканку) монеты, предоставленные их церквам, и ни сами не будем всего этого нарушать, ни другим не позволим вредить, потому что монетное обращение обыкновенно нарушается и монеты падают в цене из-за подделок, чего мы совершенно не допускаем.

3. Также людей, принадлежащих им в силу зависимости какого бы то ни было рода, по какой бы причине они ни перестали оказывать им повиновение, мы не будем, во вред им принимать в наших городах. И то же, согласно нашей воле, должно повсюду соблюдаться ими между собою и всеми светскими (владетелями) по отношению к ним.

4. Также мы постановляем, чтобы никто не наносил ущерба владениям какой-либо церкви из-за вражды со светскими их управителями (фогтами); если же кто нанесет такой ущерб, то возместит его в двукратном размере и (сверх того) заплатит нашей казне сто марок серебра.

5. Также, если кто-нибудь из них (духовных князей) обвинит в соответствии с феодальным правом своего вассала, оскорбившего его, и таким образом отнимет его лен.

то последний мы сохраним за ним (за оскорбленным духовным князем). Если же он по доброй и свободной своей воле захочет передать (этот) лен нам, мы примем его не поддаваясь ни чувству любви к кому-нибудь, ни страху перед чьей-либо ненавистью. Каким бы образом ни оказался у духовного князя какой-нибудь лен свободным, даже по причине смерти получившего данный лен, мы ни в коем случае собственной властью и еще менее путем насилия не вступим (во владение им), если не сможем получить его по доброй воле и с свободного его соизволения, но будем стараться действенно оберегать (этот лен) для него.

6. Так же, как это надлежит по закону, мы будем избегать лиц, отлученных ими (духовными князьями) от церкви, когда о них мы будем извещены или самими (духовными князьями) устно или письменно, или через почтенных, заслуживающих доверия посланцев; и пока с них не будет снято отлучение, мы не позволим им выступать в судах, делая в этом отношении то различие, что отлучение не освобождает их от обязанности отвечать — однако, без помощи адвокатов по возбужденным против них обвинениям, но отнимает у них право и возможность высказывать (на суде) свои суждения, давать свидетельские показания и возбуждать обвинения против других.

7. И так как меч материальный создан в помощь мечу духовному, то, если нам каким-либо из указанных выше способов станет известно, что отлученные пробыли под отлучением более шести недель,— за отлучением да последует наша опала, которая не должна быть снимаема раньше, чем будет снято отлучение.

8. И как мы, с своей стороны, обещали им всякими способами им помогать и их защищать судом праведным и действенным, так и они, с своей стороны, клятвенно обещали по мере сил своих действенно помогать нам против всякого человека, который окажет насильственное сопротивление такому нашему суду, применяемому в их пользу.

10. Также, следуя примеру деда нашего, блаженной памяти императора Фридриха, мы повелеваем, чтобы ни один из наших должностных лиц не присваивал себе в городах этих князей какой-либо юрисдикции (в делах) о пошлинах, или о монетах, или в каких бы то ни было других делах (обязанностях), за исключением периода в 8 дней до всенародно объявленного нашего сейма в этом месте и периода в 8 дней после его окончания. И даже в течение этих дней они да не дерзают нарушать (exce-

dere) юрисдикцию князя и обычаи (данного) города. И сколько бы раз мы ни въезжали в какой-либо из их городов не для имперского сейма, они (должностные лица) не должны иметь в нем никаких прав, но да пользуется в нем полною властью его князь и сеньор.

11. Конечно, чем более полную преданность мы видели со стороны названных князей по отношению к нам, тем отменнее будем мы всегда стараться заботиться об их выгодах. И так как забвение, враг памяти, через долгое течение времени обыкновенно погребает дела человеческие, то мы, приложив (к сему) особливо неусыпное попечение, выражаем желание, чтобы эти дарованные церквам нашею милостью пожалования стали вечными, постановляя, чтобы наследники наши и преемники по императорской власти сохраняли их в силе и проводили в жизнь и заставляли мирян в помощь церквам соблюдать их.

И дабы это сделалось известно грядущим (поколениям) и не (ускользнуло) от ведения и не выпало из памяти теперешнего, мы повелели записать это на этом листе и этот лист отметить подписями имен тех, которые при сем присутствовали, то есть князей и скрепою нашей печати.

(Далее следуют подписи духовных князей, с архиепископами майнцским, трирским и кёльнским во главе).

(г) ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЗАКОНА КОРОЛЯ ГЕНРИХА В ПОЛЬЗУ (СВЕТСКИХ) СЕНЬОРОВ ИМПЕРАТОРОМ ФРИДРИХОМ II, 1232 год[1]
STATUTUM IN FAVOREM PRINCIPUM

Во имя святой и нераздельной Троицы. Фридрих II божиею споспешествующею милостию, присно августейший император римлян, король Иерусалима и Сицилии. Высокий престол нашей императорской власти возвеличивается, и мы со всяческою справедливостью и в мире руководим главными ее органами, когда с должной предусмотрительностью заботимся о правах наших князей и магнатов; как голова сидит на благородных членах, так наша власть крепко держится, и столь огромное цесарское величие правит и возвышается, опираясь на них, как на плечи, и поддерживаясь ими, как плечами. Итак, да будет ведомо

[1] Перевод по тексту, приведенному в указанном сборнике K. Zeumer'a.

настоящему веку и будущему потомству, что на Юлиевом поле (in foro Julii) близ Sibidatum, съехавшись с любезным сыном нашим Генрихом, римским королем, по просьбе князей и магнатов, множество которых, заслуживающих нашего почтения, там присутствовало,— о том, чтобы мы скрепою нашей власти продолжили пожалования, дарованные им этим королем, сыном нашим, на общем (генеральном) сейме в Вормсе,— мы сочли необходимым благосклонно согласиться на их просьбы, так как достойным образом их возвышая, мы идем к возвышению нашего и всей империи благосостояния.

1. И так то, что, как известно, предоставил (князьям) этот король, сын наш, мы предоставляем (им) и даруем, закрепляя навеки...

2. Также,— чтобы новые рынки ни в коем случае не могли мешать старым.

3. Также никто да не принуждается ходить на какой-нибудь рынок против его воли.

4. Также не допускается сворачивание со старых больших дорог (stratae) иначе, как по желанию проезжающих.

6. Также каждый из князей да пользуется свободно, согласно принятым обычаям своей земли, вольностями, юрисдикциями, территориями и центами (centis)[1], свободными и находящимися от него в феодальной зависимости.

10. Также граждане, которые называются пфальбюргерами, подлежат совершенно изгнанию (из городов).

12. Также люди, принадлежащие князьям, знатным, министериалам и церквам, не должны быть (в случае их побега) принимаемы в наших городах.

14. Также мы ни сами, ни через наших (людей) не будем чинить препятствий праву князей конвоировать проезжающих через их земли, которые они держат в качестве лена от нас (от нашей руки), и не примиримся с нарушениями (этого права).

16. Также ни один (человек) вредный для страны, или осужденный судьею, или подвергнутый опале не должен быть заведомо принимаем в наших городах; а принятые и (потом) разоблаченные должны быть изгнаны (оттуда).

17. Также мы не допустим чеканки в землях какого-либо князя никакой новой монеты, из-за которой ослаблена была бы монета этого князя.

[1] Centa — десятая часть сотни,— от немецкого Zehn.

19. Также в наших городах истец будет подавать иск по месту жительства ответчика (actor forum rei sequetur), если только ответчик или основной должник не окажется проживающим в том же месте (что и истец); в последнем случае он будет обязан отвечать в этом же месте.

20. Также пусть никто не берет в залог имений, которые отданы кому-нибудь в лен, без согласия и руки высшего сеньора (domini principalis).

22. Также люди, проживающие в наших городах, должны выполнять в отношении своих сеньоров и управителей все повинности, полагающиеся по обычаю и закону, по своим имуществам, находящимся за пределами города; но не должны отягчаться неполагающимися поборами (exactionibus).

(д) ИМПЕРСКИЙ ЗЕМСКИЙ МИР ФРИДРИХА II 1235 года[1]

CONSTITUTIO PACIS

Фридрих II, божиею споспешествующею милостию присно августейший император римлян, король Иерусалима и Сицилии.

Достигнув престола императорского величества по воле божественного провидения, мы озаботились укреплением наших мероприятий по управлению подвластными (нам людьми) двойною скрепой — мира и справедливости, дабы благодаря этому тем приобрело себе известность имя наше, что ему послужило бы к славе, подданным же ко спасению. Ибо тем, главным образом, укрепляется власть государя, когда, оберегая мир и осуществляя справедливость, она является столь же страшной для злонравных, сколь желанной для добронравных. Посему настойчиво заботясь в целях управления порученным нам государством о том, чтобы в наши счастливые времена крепко держалось над подчиненными нам народами империи кормило мира и справедливости,— мы, по совету и с согласия возлюбленных князей духовных и светских, на торжественном сейме, проведенном в Майнце, повелели обнародовать в присутствии этих князей и множества знатных и других верных империи некоторые постановления, заключенные в определенное (количество) глав, потому что, хотя по

[1] Текст в Monumenta Germaniae. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum, т. II, стр. 241 и сл.

всей Германии и находятся (лица), поставленные для разбора тяжб и дел частных лиц на основе унаследованных сыздревле обычаев и неписаного права, однако оставались еще не введенными надлежащим образом кое-какие важные (нормы), касающиеся установления общего благосостояния и спокойствия империи, некоторая часть коих,— когда по тому или иному случаю дело доходило до суда,— разрешалась более придуманным мнением, чем приговором, (опирающимся на) установленный закон (statuti juris) или — при расхождении взглядов судей — на принятый обычай. Каковые (постановления), облеченные силой публичных заветов, мы повелели соблюдать всем и каждому, определив наказания для преступавших священные постановления, как (того) требует достоинство оскорбленного величества и злонамеренность правонарушителя.

1. Вольностям и правам церквей тем щедрее должно покровительствовать наше благоволение, чем преданнее они и их управители содействуют (нам) в духовных и мирских (делах). Итак, мы накрепко постановляем и настоятельно предписываем, чтобы в городах (civitatibus, opidis), селениях и во всех местах нашей священной империи никто вопреки закону не оказывал неподчинения (юрисдикции) епископов и архидиаконов, но чтобы соблюдались их распоряжения и праведные решения по делам церковным.

3. Нередко случается, особенно среди ратных людей, что возникшая распря приостанавливается (затихает) заключением перемирия с принятием (сторонами) взаимных обязательств, ибо то, что по временам устраняется в человеческих дурных отношениях, снова (повторно) начинает грозить гибелью, если не будет подвергнуто наказанию. Поэтому мы крепко и настоятельно предписываем: если тот, в отношении которого будет нарушено перемирие, вместе с тем, под чьим поручительством оно было обещано, и еще с двумя почтенными мужами незапятнанной репутации докажет под присягою перед своим судьею (факт) нарушения перемирия, то нарушитель (такового) да подвергнется опале с невозможностью избавиться от нее без согласия на то истца (потерпевшего), либо да лишится руки. Если же тот, кто ручался за соблюдение перемирия, не пожелает дать свидетельского показания для выяснения истины, то он должен быть принужден к этому судьею, разве только под присягою заявит о своем неведении; в противном случае, будучи изобличен (во лжи), пусть потеряет руку. Если же перемирие будет нарушено убийством

кого-нибудь, и какой-либо кровный родственник убитого по вышеуказанной форме докажет это, то нарушитель мира, будучи изобличен (в убийстве), да будет навеки лишен чести и прав.

4. Необходимо предъявлять к судье требования о поведении, соответствующем его должности, потому что тот, кто судит других, обязан выделяться (своей) нравственностью. Итак, под страхом лишения нашего покровительства, мы крепко-накрепко постановляем, чтобы наши князья и все прочие, которые держат судебную власть непосредственно от нас, дела, разбираемые у них, вершили по справедливости, согласно разумным земским обычаям, и чтобы то же самое они предписывали прочим судьям, стоящим ниже их и держащим свою судебную власть от них. Кто этого не сделает, того мы, по всей строгости закона подвергнем особенному наказанию, не намереваясь поступаться ничем из принадлежащего нам права или из полагающегося в нашу пользу штрафа, не желая в этом никому давать ни спуску, ни пощады. Вместе с тем, мы предписываем, чтобы то же самое твердо соблюдалось высшими судьями в отношении низших судей.

5. Для того созданы органы власти (magistratus) и законы, чтобы никто не являлся мстителем за свои обиды, потому что, где перестает действовать авторитет закона, там ничто не обуздывает своеволия жестокости. Поэтому мы постановляем, чтобы никто, в чем бы ни были причинены ему вред или обиды, не мстил сам за себя; но пусть, подав прежде жалобу, добивается в законном порядке перед своим судьей окончательного решения, разве только ему непосредственно придется силою отражать силу для защиты своего тела или своего имущества, что называется необходимою обороной (nothwere). Если же кто в иных случаях прибегнет к мщению, тот да заплатит вдвое за ущерб, нанесенный противнику, потеряв в дальнейшем право на какой-либо иск за нанесенные ему вред или обиды.

6. Если кто-нибудь по (своему) делу обратится, как сказано выше, к судье, (но) не получив удовлетворения должен будет волей-неволей объявить файду своему врагу, что в просторечии называется widersage, то он обязан будет сделать это в дневное время, и с этого момента вплоть до четвертого дня, то есть в течение трех целых дней, и объявивший войну, и тот, кому объявлена война, будут соблюдать ненарушимый мир как в отношении их лиц, так и в отношении их имущества. Тот же, относительно

которого будет нарушено это постановление, пусть подаст жалобу судье; последний либо сам, либо через своего посланца вызовет нарушителя мира, и если нарушитель мира не докажет своей невиновности, (принеся присягу) (сам)-седьмой с участием почтенных людей в том, что он не нарушал этого постановления, то да подвергнется он вечной каре, которая называется лишением чести и прав.

7. Так как присвоение чужого без согласия хозяина является правонарушением, то тем более строгому каждый подлежит преследованию за воровство и обман, чем наглее он присваивает себе что-либо из доходов государства. Поэтому мы постановляем, чтобы все пошлины как на сухопутных, так и на водных (дорогах), кем бы и где бы они ни были установлены после смерти блаженной памяти отца нашего императора Генриха, были совершенно отменены, за исключением тех случаев, когда тот, кто их собирает, докажет, что у него есть законное право на сбор этих пошлин. Также предписываем мы, чтобы устранено было и совершенно прекращено повышение всяческих пошлин и чтобы они, как подобает, оставались в том виде, как раньше были установлены. Если же кто окажется нарушителем этого нашего постановления и будет вымогать в ненадлежащем месте что-либо сверх полагающегося и установленного, тот, будучи изобличен в этом в законном порядке пред своим судьею, да понесет наказание, как разбойник и грабитель на большой дороге. От получающих же пошлины как на сухопутных, так и на водных (дорогах) мы требуем, чтобы они использовали (держали) их надлежащим образом для ремонта мостов и дорог, честно заботясь как можно лучше в интересах путешествующих и плавающих, с коих они собирают пошлины, об их спокойствии, безопасности и конвое, так чтобы те не потерпели никакого ущерба на всем протяжении их участков. Всякий же, кто трижды будет в законном порядке изобличен пред нами в том, что он не соблюдал этого постановления, должен потерять право сбора пошлин в пользу того сеньора, от которого получил его.

9. Если возникнет война или распря между какими-либо (сеньорами), из которых один или тот и другой пользуется (дорожными) пошлинами и сборами за конвой (проезжающих), то пусть никто из них и никто иной не совершает никакого грабежа проезжающих из ненависти или за вину того, кому (в данном месте) принадлежит право взимания (дорожных) пошлин или (за) конвой, так

чтобы проезжающие по дороге пользовались безопасностью и спокойствием. Кто будет поступать против этого, тот да будет караем, как грабитель на большой дороге.

10. Мы предписываем, чтобы все большие дороги находились в общем пользовании, и чтобы совершенно прекратилось насильственное сворачивание проезжающих на другие дороги (coactas stratas).

12. Безрассудно покушаться на недозволенное, оскверняя продажностью или бесчестным любостяжанием то, что создано для блага человечества. Мы строго запрещаем, чтобы кто-либо кому-либо давал конвой в пути (conductum) за плату, если он не получил права на представление (этого) конвоя от императорской власти на основе феодального права.

13. Мы предписываем, чтобы пфальбюргерство было совсем упразднено и ликвидировано во всех городах, как в наших, так и в (городах) других (сеньоров). Также повелеваем мы, чтобы повсюду совершенно не было больше мунтманов[1].

14. Никто да не дерзнет захватывать у кого-либо имущество и обеспечение долга (pignorare) без разрешения судьи (данной) провинции; кто это сделает, тот да будет наказан, как грабитель.

15. Так как порок, (состоящий в) неблагодарности вообще, является немаловажным преступлением, то тем суровее он должен караться в отношении сына, когда (последний) забывает чтить отца, за благодеяния коего он не в состоянии отплатить никаким послушанием или преданностью. Поэтому настоящим эдиктом, долженствующим иметь силу навеки, мы постановляем, что сын, который силою выгонит своего отца из (его) зáмка, земель или иных владений, либо причнит пожары и опустошения (его) имения, либо вступит в союз с врагами отца, обязавшись клятвою или честным словом (причинять) тяжкий урон отцовской чести или разорение его имения, что в просторечии называется verderpnusse (пагуба), должен быть по всей строгости закона лишен (права) наследовать всяческое имущество как с отцовской, так и с материнской стороны, движимое и недвижимое, также (своих) ленов, (своей) собственности и (всего) перешедшего (к нему раньше) по наследству,— и притом так, чтобы никогда уже

[1] Мунтман — зависимый, находящийся под патронатом.

не получить восстановления в своих правах или прощения ни от отца, ни от какого-либо судьи, если отец, принеся присягу вместе с двумя мужами доброго имени, не пораженными в правах, людьми почтенными, в присутствии судьи изобличит этого сына в каком-либо из перечисленных уже злодеяний.

16. Если же сын, который покусится на жизнь своего отца, либо насильственно наложит на него руки, ранив его или заключив в оковы, будет изобличен в этом пред лицом своего судьи, то да будет он вышеназванным образом по всей строгости закона навеки лишен всяких прав и всякой возможности совершать законные акты, ставши, как в просторечии говорится, erenlos u rehtlos (лишенным чести и прав) причем в отношении его (не должно) иметь места никакое восстановление (в правах).

17. Свидетели же, на которых по этим (делам) пред лицом судьи сошлется отец,— если не встречается препятствий в кровном родстве, которым они связаны с отцом или с сыном, и нет решительно никаких возражений и заявлений об (их) отводе,— обязаны дать свидетельские показания по чистой правде; в случае же их отказа, они должны быть принуждены (к этому) судьей в согласии с обычно применяемым (в таких случаях) законом, разве только они под присягой заявят о своем неведении.

18. Слуги же и крепостные люди отца, по совету и с помощью которых сын совершил одно из перечисленных выше преступлений, изобличенные отцом по вышеуказанной форме пред их судьей, должны подлежать по всей строгости закона вышеуказанному наказанию, сопряженному с потерею навеки чести, (и прав) почему они и называются в просторечии erenlos u rehtlos; однако против них нельзя возбуждать такого процесса отдельно, если прежде в целях борьбы с злодеяниями и коварством не был возбужден процесс против сына.

19. Разумеется, и все другие, по совету и с помощью которых сын выступит против отца, изобличенные свидетелями, да будут подвергнуты опале, и да не будет снята с них опала, если они не уплатят отцу вдвойне за причиненный по их совету и помощи ущерб, а судье — что полагается, а именно уголовный штраф (wette). Если кто-нибудь из них окажется вассалом отца, тот сверх этого да будет по всей строгости закона лишен навеки своего лена. Если же сеньор (то есть пострадавший отец) когда-нибудь вернет ему этот лен, то обязан будет (отдать) его судье

(что-нибудь) равноценное из своего недвижимого имущества, либо за отсутствием такового, уплатить денежную его стоимость.

20. Во всех, однако, упомянутых делах всякий свидетель должен быть свободным, не пораженным в правах и хорошей репутации, если в этих делах как (потерпевшие) отцы, будут выступать князья и другие лица хотя бы и более низкого состояния, чем сам (свидетель), даже слуги (министериалы). Слуги же (министериалы) должны допускаться (в качестве свидетелей) в делах слуг (министериалов) и лиц более низкого состояния, но не в делах свободных; а крестьяне и крепостные — в делах своих равных, но не в делах лиц более высокого состояния.

21. Если же отец из-за (преклонного) возраста, слабости, нахождения в плену или по другой законной причине не сможет (лично) преследовать (по суду) своего обидчика, то кто-нибудь из его кровных родственников, объявив под присягой о причине с точным её обозначением, помешавшей отцу (лично обратиться к суду), должен быть допущен к ведению данного дела, как (если бы выступал сам) отец, с предоставлением ему (на суде) всякого права, которое принадлежало бы отцу.

Все эти особые (постановления) будут иметь общую силу на вечные времена в знак ненависти и отвращения к преступлению, совершаемому наперекор естественной справедливости, (предписываемой) божеским и человеческим правом.

22. Установлено различие наказаний по характеру преступников. Вот почему мы преследуем подвергшихся опале как (за) государственные преступления, так, чтобы даже посягательство (на тех), которых тяжесть их преступления лишила их отечества, оставалось безнаказанным. Итак, крепко и строго мы предписываем и постановляем, что приговор об опале должен обнародоваться только в публичных местах. И опала не должна быть снимаема иначе, как по предварительному представлению достаточного обеспечения того, что истцу (потерпевшему) будет дано удовлетворение согласно обычаю земли. Если же судья не сделает этого, то мы по соответствующей жалобе накажем этого судью, как того требует закон. Также мы строго предписываем, чтобы всякий судья, как высший, так и низший, никого (из тех, с) которых снимается опала, не освобождал от штрафа, называемого wette, дабы другие более страшились подвергнуться опале.

23. Так мы постановляем, чтобы всякий, кто пробудет под императорской опалой в течение года и дня, провозглашался нашим приговором лишенным чести и прав (erenlos u rehtlos), если истец, на основании жалобы которого он подвергся опале, изобличит его в этом пред нами, как полагается по закону.

24. Также всякий, кто будет обвиняться другим с вызовом на поединок в преступлении оскорбления величества, (в том), что покушался подстрекательством либо пособничеством на что-либо мятежное против нас и империи, да будет нашим приговором признан лишенным чести и прав, если в данный ему законный срок он не явится, чтобы очистить себя.

То же самое (при обвинении) в вероломстве и в коварном убийстве (называемом mort).

25. Мы предписываем и строго требуем, чтобы никто не принимал к себе опальных и не давал им заведомо пристанища; если же кто сделает это и будет в законном порядке в том изобличен, тот да понесет наказание наравне с опальным, если только сразу не заявит, принеся присягу (сам) седьмой с участием почтенных людей, не пораженных в правах, что (поступил так) по неведению. Где бы опальный ни подвергся гонениям или нападениям, никто да не заступается за него; а если кто заступится за него, зная (о его опале), и будет в том изобличен в законном порядке, тот да разделит с ним его вину и да будет рассматриваться (сам) как опальный.

26. Ни один город да не принимает заведомо к себе опального, никто да не заступается за него, когда ему будут причинять какое-нибудь зло; ничего не до́лжно давать ему из сострадания; никто не должен участвовать с ним в купле или продаже; но все да избегают его. Если город, с общего согласия, примет заведомо его и если этот город будет иметь стены, то местный судья пусть разрушит стены; давший ему приют да будет наказан как опальный, а дом его да будет разрушен. Если у города не будет стен, судья пусть подожжет его, и никому да не будет позволено его защищать. Если город окажет (этому) сопротивление, то и город, и люди, которые окажут сопротивление, да лишатся всех своих прав. Если судья, в судебном округе которого (этот город) находится, не сможет это сделать, то об этом будет доведено до нашего сведения, и мы добьемся, чтобы это было исполнено.

27. Преступление пресекается в самом начале, если устраняется возможность укрывательства. Вот почему мы, согласно государственным законам, преследуем одинаковою карою как воров, так и тех, которые дают ворующим приют, получая долю из укрытого или купленного. Итак, мы постановляем, что кто бы ни купил заведомо награбленное или украденное или дал бы приют, то есть (был бы) заведомым укрывателем не состоящих под опалой[1] грабителей и воров, тот да заплатит вдвойне собственнику, которому принадлежала вещь, если будет изобличен в этом в законном порядке в первый раз. Если же в содеянии сего он будет изобличен вторично, то да будет наказан, как грабитель, если вещи окажутся награбленными, и как вор, если вещи окажутся украденными.

28. Приходится заботиться (как) об управлении империи (в целом, так) и о делах различных земель и областей; и так как постоянно требуется, чтобы все это устраивалось нашими заботами, то мы хотим, чтобы (те) дела тяжущихся, на которых мы не можем председательствовать лично, вершились вместо нас мужем испытанной верности и незапятнанной репутации, поставленным во главе судов. К нему пусть и обращаются за нерушимыми судебными решениями, кроме тех (дел), которые мы приберегаем специально для нашего (личного) рассмотрения. Итак, мы постановляем, чтобы при нашем дворе (curia nostra) имелся юстициарий, муж свободного состояния, который оставался бы в той же должности, если он будет отправлять ее хорошо и согласно с законом, не менее года. Он должен председательствовать на суде ежедневно, за исключением воскресений и иных больших праздников, творя суд всем тяжущимся, кроме князей и других высоких особ в делах, касающихся их лиц, прав, чести, ленов, собственности или наследств, и кроме самых важных дел. Разбор вышеуказанных дел и вынесение по ним решений мы сохраняем за нашим величеством. Судья этот по тем важным делам лиц, которые относятся к его компетенции, не будет назначать сроков или дней без нашего специального разрешения. Он не будет ни подвергать виновных опале, ни снимать опалу с опальных. Ибо и это мы сохраняем за властью нашего превосходительства. И он присягнет в том, что не будет за (отправление) правосудия ничего брать, что ни по любви, ни из ненависти, ни по просьбе, ни за взятку, ни из страха,

[1] Укрывательство опальных карается особо, см. ст. ст. 25 и 26.

ни из сострадания и ни по какой иной причине не вынесет иного решения, чем то, которое честно, без всякого обмана и злого умысла будет считать и признавать праведным по своей совести. Если же мы отдаем и представляем (ему) права (на штрафы), называемые в просторечии wette и связанные со снятием опалы,— конечно, с тех (лиц), дела которых рассматривались у него,— с тем большею преданностью да исполняет он свои судейские обязанности и не принимает ни от кого подарков. Этих штрафов он ни с кого не будет снимать, дабы люди более страшились опалы.

29. Он будет иметь (при себе) специального нотариуса, (письмоводителя), который будет записывать имена подвергнутых опале, а также (имена) истцов и самое дело или жалобу и день, в который (виновные) будут объявлены под опалой; также имена освобожденных от опалы и (имя) истца, по жалобе которого они были объявлены под нею, причину и день снятия опалы, имена поручителей (тех лиц), которые освобождаются от опалы,— кто они такие и откуда (родом),— или иного вида обеспечение, которое представит подлежащий освобождению (от опалы), согласно обычаям страны, в целях удовлетворения подавшего жалобу. Он будет принимать и хранить письменные заявления, содержащие в себе жалобы. Никакой иной обязанности по делам дворцового суда (curie) не будет лежать на нем. Он будет записывать имена тех, на которых будут возводиться обвинения или делаться доносы, как на людей вредных для (данной) местности, делая пометку об их бесчестии; и будет вычеркивать (из этого списка) их имена, когда они освободятся от подозрения. Он будет записывать все решения, вынесенные в нашем присутствии по более важным делам, особенно такие, которые будут возникать в результате столкновения разноречивых суждений, что в просторечии называется gesamint Urteil, чтобы в будущем в подобных делах уже не было спорности, (причем) должна быть обозначена та местность, согласно обычаям которой было вынесено решение. Он должен быть мирянином (laicus), имея в виду приговоры, (связанные с пролитием) крови, каковые не позволяется записывать духовному лицу, и кроме того, еще в тех видах, чтобы его можно было подвергнуть надлежащему наказанию, если совершит преступление по должности. Он принесет также присягу по (установленной) форме, как (это) делает и юстициарий, в том, что и он будет вести себя честно и согласно с законом при отправлении своей должности, ничего

не записывая и не совершая вопреки закону и долгу, по доброй совести, безо всякого злого умысла и обмана.

Для общего (благо) состояния и спокойствия империи изданы и обнародованы эти постановления по совету и с согласия князей как духовных, так и светских, а также множества лиц благородного звания (nobilium) и иных верноподданных империи на торжественном сейме, проведенном в Майнце.

(e) ВЕЧНЫЙ ЗЕМСКИЙ МИР 1495 года[1]

Мы, Максимилиан, божьей милостью король римский, всеавгустейший император, король Венгрии, Кроации, эрцгерцог Австрии и прочая. Поэтому, по единодушному очередному совету почетных и высокородных наших любезных племянников, дядей, курфюрстов и князей, духовных и светских, а также прелатов, графов, господ и сословий установили мы, воздвигли, учредили и создали во всей священной империи и германской нации всеобщий мир, предписываем, учреждаем и создаем его в силу настоящего послания:

1. Итак, с момента этого объявления никто, какого бы звания, сословия или состояния он ни был, с другим бы не враждовал, не шел на него войною, не грабил, не разбивал, не перетягивал на свою сторону, не осаждал и для этого ни сам лично, ни в своих интересах при помощи кого-либо другого, не должен ни служить, ни становиться на постой в каком-либо замке, городе, рыночном месте, укреплении, деревнях, усадьбах или селениях или, помимо воли другого, не должен насильственно преступно завладевать им или огнем и мечем или иным путем причинять аналогичный вред. Никто также не должен подобным лицам оказывать содействие или пособничество советом, помощью или другим каким-либо путем, а также не должен их умышленно или по неосторожности укрывать, давать им приют, кормить их или поить, содержать или терпеть их пребывание; а если кто имеет один к другому какую-либо претензию, то он должен искать удовлетворения и обращаться к нему или в суд, если дело до настоящего времени или теперь находится в производстве камергерихта и передано на его

[1] Перевод по тексту, приведенному в указанном сборнике K. Zeumer'a.

разрешение или будет передано или (вообще) относится к его компетенции.

2. И тем самым мы прекратили и отменили всякую открытую вражду и самоуправство во всей империи, прекращаем и отменяем их своей полномочной властью римского короля за силою настоящего послания.

3. И если кто-либо, какого бы звания или сословия он или она ни были, а также один или несколько будут действовать или осмелятся так действовать, как установлено в объявлении следующего параграфа, они должны за свои деяния подпадать, наряду с другими репрессиями, под опалу нашу и священной империи, которую мы настоящим признаем и объявляем нашей и священной империи опалой; следовательно, их личность и имущество будут предоставлены всем, и никто не должен и не может считаться действующим в отношении их противозаконно или преступно. Так же всякое обязательство, долг и причитающаяся им выгода от договора о союзе, на которых они (нарушители мира) могли бы притязать и требовать по отношению к тем, которые были бы обязаны, отпадают и отмирают, а также все лены, поскольку нарушитель ими пользовался, переходят к ленному господину, и тот не обязан эти лены или их части, пока нарушитель мира жив, передавать в качестве лена ему или другим ленным наследникам.

4. И если курфюрсты, князья, прелаты, графы, господа, рыцарство, город или другие, какого бы сословия, звания или состояния они ни были, духовные или светские, или их люди потерпят ущерб вследствие нарушения этого мира, и нарушитель не будет установлен, а кто-нибудь будет подозреваться, но жалобщик этого не сможет доказать, и все же вследствие устного доноса тот будет в подозрении, то пусть курфюрст, князь, прелат, граф, господин, рыцарство или город, которому или людям которого прелатам, графам, господам, рыцарству, подданным или родственникам причинен ущерб, пусть должны будут и смогут на того или тех (подозреваемых) указать и привлечь к суду и принять от них очистительную присягу. И если подозреваемый или подозреваемые будут уклоняться от оправдания или не пожелают явиться в суд, то пусть они считаются виновными в нанесении вреда и в нарушении мира и пусть еще раз против них будут действовать согласно этому предписанию. Однако тогда пусть тот самый курфюрст, князь, прелат, граф, господин, рыцарство или город даст тому или тем сопровождающую охрану туда и обратно и на время судеб-

ного заседания, пока они опять не будут в безопасности для них самих и для их людей, которых они приведут с собой в суд. И если охранно-судебная грамота не сможет быть им вручена, то нужно ее прибить в двух или трех концах, где они вернее всего будут действовать и пребывать. И если, вопреки этому миру и нашему предписанию, кто-либо будет ограблен, ему будет причинен вред, он подвергнется нападению, то все их люди, которые будут вызваны (для преследования) по горячим следам или окажутся на месте, пусть поспешат с оружием и с добросовестной серьезностью пусть действуют против такого преступника и хватают его, как если бы это было их личное дело.

5. И никто не должен такому преступнику и нарушителю мира давать убежища, укрывать, кормить, поить, содержать, заступаться за него в пределах своей округи, своих владений или территорий, а должны таких задерживать и судить их по долгу службы, со всей строгостью и на основе всеобщей жалобы потребовать от них ответа по закону, чтобы, наоборот, их не охранять, не защищать или за них заступаться, а чтобы они были лишены одновременно сочувствия, безопасности, свободы или сопровождающей охраны, поскольку они на все это, равно как и на возмещение, не могут претендовать, и ни в коем случае они не должны пользоваться (всем этим), в то время, когда мы их лишаем всякого сочувствия, защиты их безопасности и сопровождающей охраны, кем бы они такому нарушителю мира ни были предоставлены.

6. И если преступники и нарушители мира получили бы пристанище, поддержку или вообще подобную защиту или выгоду, так что было бы нужно государственное вмешательство или военный поход; а также, если бы кто-либо, на которого распространяется этот земский мир, со стороны кого-либо, на которого этот земский мир не распространяется, какого бы сословия, звания или состояния духовного или светского он бы ни был, подвергся бы вражде, войне или потерпел бы ущерб; или если бы преступники и вредители нашли бы убежище, содержание или помощь и содействие, то это дело по инициативе пострадавших или нашего камер-судьи, должно быть доведено до нашего сведения или наших учреждений и годичного собрания курфюрстов, князей и имперских сословий для того, чтобы подвергшемуся военному нападению или пострадавшему незамедлительно была оказана помощь, содействие и спасение. Если, однако, преступное действие или что-либо

подобное свершится при таких обстоятельствах, что нельзя будет вследствие бедственного положения дожидаться годичного собрания, то мы даем настоящим право нашему камер-судье от нашего имени вызвать нас и курфюрстов, князей и имперские сословия в соответствующее обстоятельствам место суда, куда мы и они и наши и их учреждения незамедлительно прибудут или куда мы пошлем вооруженную силу для совещания и принятия мер; однако это не должно исключать того, что наш камер-судья и наш камергерихт должен во всякое время по жалобе потерпевшего или подвергшегося военному нападению судить преступника и нарушителя мира по закону.

7. И так как имеется много конных и пеших слуг, часть которых вообще не имеет над собой никакой власти, равно как и не обязаны никому службой или, обязавшись быть под чьей-либо властью, они этого по праву и справедливости не выполняют, а слоняются по стране на свой страх и риск, то мы определяем и устанавливаем, что мы хотим, чтобы такие конные и пешие слуги не были бы терпимы в священной империи и не получали пристанища, а где они будут обнаружены, они должны быть забраны, допрошены с пристрастием и их преступные действия должны быть строго наказаны и, по меньшей мере, все их состояние должно быть отобрано, обращено в военную добычу, а они должны быть в меру необходимости связаны присягой и поручительством.

8. Точно так же, если бы духовные лица, которые не находятся под нашим наблюдением, стали бы действовать против этого нашего мира и запрета, то пусть прелаты, которые имеют над нами непосредственную судебную власть, примут, по заявлению пострадавшего, меры к тому, чтобы вернуть и возместить ущерб, поскольку хватит для этого их состояния, и пусть сурово накажут тех за преступление. Если же последние (прелаты) будут медлить, и преступник не будет наказан, то мы лишим их, а также и преступников, нашей и имперской милости и защиты и не желаем их, как нарушителей мира, в их строптивости ни оправдывать, ни защищать ни в какой мере. Однако им должна быть дана возможность оправдаться, если они заподозрены, как это установлено для светских лиц.

9. И никто не должен быть связан никаким письменным обязательством, никакими обязанностями или другим образом, если это противоречит этому миру, теперь или в будущем, на время действия этого земского мира, и мы все

подобные (обязательства) нашей королевской верховной властью объявляем и признаем недействительными; однако все другие части, пункты и статьи таких письменных обязательств, обязанности и повинности, составляющие их содержание, остаются незатронутыми и ненарушенными, и этот земский мир никому не должен по его честному письменному обязательству, ничего ни давать .и ни отнимать, ни отнимать и ни давать. И тот или та, которые вследствие совершенных правонарушений, указанных выше и ниже, будут находиться в опале, не должны и нами быть освобождаемы от этого, а пусть он или она, с согласия потерпевшего, сами по закону освобождают себя из-под опалы.

11. Мы отменяем все и всяческие милости, привилегии, свободы, обычаи, договоры и обязательства, исходящие от нас или наших предшественников на престоле или от других исходящие и установленные, которые в какой-либо мере находятся или требуют действий в противоречии с этим нашим миром, какими бы словами, оговорками, высказываниями они ни были бы установлены или признаны обязательными, и мы настоящим объявляем их своей римской королевской полновластностью отмененными, и мы желаем, чтобы никто, какого бы звания, сословия или состояния он ни был, в противоречии с этим миром и предписанием при помощи такой милости, свободы, обычая или договора не должен был бы и не мог бы защищаться, охраняться или быть ответственным.

12. И пусть этот мир и предписание не отменяют общего нашего и имперского права и других регламентов и предписаний, ранее изданных, а пусть они их развивают, и с часу этого обнародования пусть каждый будет обязан их придерживаться.

13. При этом присутствовали наши любезные племянники, дяди, зятья и доверенные люди, курфюрсты, князья, посланцы, прелаты, графы, владетельные господа, рыцарство и представители городов в надлежащем числе.

2. ВОРМССКИЙ КОНКОРДАТ 1122 года

ЕМЕЛЬНЫЕ владения католической церкви превращали епископов в светских феодальных властителей, князей церкви. Неизбежно они должны были включиться в феодальную лестницу. Императоры, короли или иные светские сеньоры наделяли их епископствами и связанными с этим земельными владениями. При наделении епископством германский император вручал духовному лицу кольцо и посох, которые являлись символами светской власти в землевладениях последнего.

Такой обряд наделения епископствами (называвшийся инвеститурой) облегчал императору возможность раздачи владений своим сторонникам, вмешательства в выборы епископов, извлечения доходов из этого дела.

Разгорелась борьба между папами и императорами вокруг инвеституры. Папа Григорий VII запретил инвеституру, рассматривая ее как недопустимую симонию[1]. Его приемник — Пасхалий II в стремлении добиться подчинения себе германских епископов пытался даже лишить их имперских владений. «...Пасхалий II предложил... *возвратить все земли и доходы*, которыми церковь владела как *имперскими ленами*, за что король должен *клятвенно отказаться от всех притязаний на инвеституру*»[2].

Это не могло удовлетворить самих князей церкви, ибо лишало их основы их власти. Поэтому архиепископ Трирский, являвшийся главою делегации, направленной императором Генрихом V к папе Пасхалию II, говорил: «Никто ведь не может владеть иначе (без инвеституры) ни городами, ни замками, ни приречными земельными марками, ни правом взимания пошлин, ни какими-либо другими королевскими регалиями»[3].

---

[1] Симония — практика продажи и купли церковных должностей в католической и других церквах.

[2] «Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 106.

[3] Беркут, Борьба за инвеституру во время императора Генриха V, ч. 1, Киев, 1902, стр. 137, 138.

Он настаивал на сохранении того порядка при выборах епископов, который соблюдался со времен «святых апостольских мужей Григория Великого и других», а именно:

«До открытого объявления самого избрания — заранее доносить о таковом, то есть о предстоящем избрании, на усмотрение императора и, если кандидат окажется подходящим, испрашивать у того же императора соответствующее на данный случай согласие, затем, по канонически — через участвующий в капитуле клир и предварительную просьбу народа — совершенном и объявленном избрании одобренного к нему лица, новоизбранный представляется императору, чтобы получить от него право на регалии — через вручение инвеституры кольцом и посохом; далее он приносит клятву верности и ленную присягу, после чего происходит, наконец, и самое — свободное и без симонии — посвящение вновь поставленного прелата в его сан»[1].

Только при папе Каликсте II императору Генриху V удалось достичь соглашения. В сентябре 1122 года в Вормсе был заключен конкордат (Pax Wormatiensis cum Calixto II).

По этому соглашению император отказался от инвеституры кольцом и посохом и предоставил церкви право «свободно совершать каноническое избрание и посвящение епископов», а папа признал, что «избрание Тевтонской земли епископов» должно производиться в присутствии короля «без симонии и какого-либо насилия» и чтобы избранный епископ получал «державные права передачей скипетра» и исполнял свои обязанности по отношению к императору.

К. Маркс, оценивая этот конкордат, писал:

«*Решено, между прочим, что слово инвеститура* не должно употребляться при *королевском пожаловании епископов регалиями;* зато *выборы епископов должны происходить в присутствии короля, следовательно под его влиянием;* и *спорные вопросы в связи с выборами* должны решаться не папой, а *императором* и *епископами диоцеза...*»[2]

Перевод текста дается из сборника «Средневековье в его памятниках», под редакцией Д. Н. Егорова.

---

[1] Беркут, Борьба за инвеституру во время императора Генриха V, ч. 1, Киев, 1902, стр. 137, 138.

[2] «Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 108.

(а) ГРАМОТА ИМПЕРАТОРА

Во имя святой и нераздельной Троицы. Я, Генрих, Божиею милостию император Римский, священный, из любви к Богу, святой Римской церкви и владыке папе Каликсту и ради спасения души моей уступаю Господу Богу, и святым Его апостолам Петру и Павлу, и святой вселенской церкви всякую инвеституру кольцом и посохом и предоставляю во всех церквах, находящихся в пределах королевства моего и империи, свободно совершать каноническое избрание и посвящение.

Владения же и державные права св. Петра, кои от начала сей распри и до нынешнего дня, при отце моем или при мне были отняты, возвращаю оной святой Римской церкви, буде они у меня; буде же я их не имею, неложно поспособствую вернуть их.

Владения же всех иных церквей, князей и других людей, как клириков, так и мирян, отторгнутые в этой борьбе (in werra ista), я, с согласия и приговора князей, верну, буде они у меня; буде же я их не имею, неложно поспособствую вернуть их.

И заключаю честный мир с владыкою папой Каликстом, со святою Римской церковью и со всеми, кто был или есть на их стороне.

И если в чем-либо святая Римская церковь потребует помощи, я неложно помогу и окажу должную справедливость, если на что-либо она мне пожалуется. Все сие совершено с согласия и совета князей, коих имена ниже следуют: Адальберт, архиепископ Майнцский; Ф., архиепископ Кельнский; Г., епископ Регенсбургский; О., епископ Бамбергский; Б., епископ Шпейерский; Г., епископ Страсбургский; Г., епископ Утрехтский; У., епископ Констанцский; Э., аббат Фульденский; герцог Генрих, герцог Фридрих, герцог С., герцог Пертольф, маркграф Типольд, маркграф Энгельберт, палатин Годфрид, пфальцграф Оттон, граф Беренгарий.

Я, Фридрих, архиепископ Кельнский и архиканцлер, скрепляю.

(б) ГРАМОТА ПАПЫ

Я, епископ Каликст, раб рабов Божьих, тебе, возлюбленному сыну моему Генриху, Божиею милостию императору Римскому, священному предоставляю: избрание Тев-

тонской земли епископов, а равно и аббатов от местной власти зависящих,[1] производить в присутствии твоем без симонии и какого-либо насилия с тем, чтобы ты, буде возникнет разногласие, по совету и решению митрополита и соепископов поддержал бы правую сторону и помог.

Избранный же да получает от тебя державные права передачей скипетра и исполняет вытекающие отсюда по отношению к тебе обязанности.

Посвященный же в других частях империи да получит от тебя в шестимесячный срок державные права чрез передачу скипетра и исполняет вытекающие отсюда по отношению к тебе обязанности.

А если ты будешь мне жаловаться на что-либо и просить помощи, я по долгу служения моего окажу тебе надлежащую помощь.

Заключаю честный мир с тобою и со всеми, кто есть и был на твоей стороне во время сей распри.

[1] Часть аббатов (князья-аббаты) зависела непосредственно от Рима.

3. «САКСОНСКОЕ ЗЕРЦАЛО»

АКСОНСКОЕ Зерцало» — памятник германского права XIII века. В это время расширялся процесс закрепощения крестьянства на захваченных германскими феодалами землях, развивались городское ремесло и торговля, обострялись противоречия между феодальными властителями, в особенности между светскими и церковными феодалами. Бесконечные феодальные войны, распри, междуцарствия, грабежи и разбои (феодальные замки, по существу, были «разбойничьими гнездами») разоряли страну, народные массы. Маркс писал об этом периоде германской истории: «Отныне (в Германии) многолетняя кровавая гражданская война; **в Германии нарушается всякий порядок;** при этом выигрывает только хищная светская и духовная знать... Епископы присваивали себе все возможное; их притязания как светских князей, увеличиваясь с каждым днем, привели... к смешению светского и духовного судопроизводства»[1].

Среди свободных — так называемого шеффенского сословия — усиливалась тяга к «порядку». Им казалось, что записью обычаев, пусть раздробленных, как раздроблена была феодальная власть, можно установить порядок, оградить себя от произвола феодалов, ввести «феодальную законность» вместо «кулачного права». Наряду с повторявшимися вновь и вновь призывами о «земском мире», «конституциями» германских императоров, каноническими сводами стали составляться частные «записи права». Так появилось «Саксонское Зерцало», а за ним, и в значительной мере на его основе, «Немецкое Зерцало» (в первой половине XIII в.), «Швабское Зерцало» (во второй половине XIII в.) и др. Многие постановления «Саксонского Зерцала», оказавшиеся до известной степени приспособленными к товарно-денежным отношениям развивавшихся городов, были восприняты ими. В грамотах города Магдебурга, на-

[1] «Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 243.

чиная с 1261 года, в Weistümer[1] городских шеффенов оказались весьма обширные и дословные заимствования из «Саксонского Зерцала». На него нередко (вплоть до 1900 г.) и позднее ссылались в судах северных и восточных земель Германии. Не следует, конечно, переоценивать реальное значение «Саксонского Зерцала», как и других записей того времени. Маркс отметил, что «в то время имелось очень много писаного права, происходит также его научная обработка, но отсутствует применение права, суды могли решать, но не было рук для исполнения их приговоров»[2]. Но все же как правовой памятник «Саксонское Зерцало» ценно сейчас, ибо оно «правдиво отражало, как образ женщины зерцало» феодальное право Германии XIII века.

«Саксонское Зерцало» составлено было, по-видимому, между 1224 и 1230 гг. Автором его считается Эйке фон Репков, шеффен одного из графств близ города Магдебурга. Оно было написано по-латыни, а затем, как утверждает автор, он по просьбе своего графа перевел «Зерцало» на немецкий язык (северонемецкий диалект). Самой ранней рукописью, дошедшей до нас (а по данным профессора Homeyer'a, наиболее полно исследовавшего «Зерцало», всего насчитывается 188 рукописей), является Кведлинбургская. Она относится к XIII веку и написана на северонемецком диалекте.

Вскоре стали появляться рукописи на южно- и средненемецких диалектах[3]. В некоторых из них (начиная с XIV века в Гейдельбергской и Дрезденской) стали появляться глоссы к «Зерцалу». Другие рукописи сопровождались своеобразными рисунками, иллюстрирующими с достаточной наглядностью содержание ряда статей.

Уже ранним рукописям «Саксонского Зерцала» предпосылалось стихотворное введение, в котором Эйке (а частью и его последователи) рассказывал об истории составления «Зерцала», защищаясь от нападок, вероятно, довольно частых в то время.

Антиепископская, по существу, направленность «Зерцала», борьба против чрезмерных притязаний духовной

[1] Высказывания, суждения шеффенов («мудрых») о существовании (по данным вопросам) обычного права; отсюда и сборники обычаев назывались тогда «Weistümer».

[2] «Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 280.

[3] На современный немецкий язык перевод «Зерцала» был сделан лишь в XX веке (Гиршем).

знати, подчеркивание раздельной роли двух мечей (духовного и светского), более или менее последовательное проведение этого дуализма в судебной структуре, в разграничении компетенций судов — церковных и светских — вызвали отрицательное отношение католической церкви к «Зерцалу». Ряд его статей поэтому был признан еретическим и осужден.

«Саксонское Зерцало» — памятник феодального права. Его содержание определялось классовой структурой германского общества того периода, основой которого была феодальная, сословная собственность на землю.

Основное классовое деление, которое проводит «Саксонское Зерцало»,— деление на свободных, с одной стороны, и на зависимых и крепостных — с другой.

Свободные делились на две резко отграниченные сословные группы: на «свободных господ», знатных, «благородных» князей, графов и на свободных, но не «благородных», которых называли «свободными шеффенского сословия», в связи с тем, что из их среды выбирались шеффены для участия в графских и епископских судах. Это деление определяло подсудность и военный ранг (щит)[1].

На другом конце общественной лестницы находились крепостные (Leibeigene). Они считались собственностью господина; крепостного можно было отыскивать судом, как любую вещь.

О них автор почти ничего не говорит, может быть, потому, что свободного страшила самая мысль о несвободе. «По правде говоря,— заявлял Эйке,— мой ум не может понять того, что кто-нибудь должен быть в собственности другого» (книга III, ст. 42 § 3). Между свободными и крепостными находились многочисленные разряды зависимых, полусвободных — Birgelden (несших денежные повинности), Pfleghaften (чиншевиков), Landsassen (арендаторов), Laten (литов — потомков чиншевиков) и батраков.

На высшей ступени зависимых людей находились министериалы (служилые), но их положение зависело от усмотрения, (то есть произвола) господина. Автор «Саксонского Зерцала» замечает: «Вам не следует удивляться, что в этой книге так мало говорится о праве служилых людей, ибо оно столь многообразно, что никто не может сказать о нем все: под каждым епископом, аббатом, аббатисой слу-

[1] Первый щит принадлежал королю, второй и третий — князьям, четвертый — графам, пятый — шеффенскому сословию.

жилые люди имеют различные права» (книга III, ст. 42 § 2).

В соответствии с указанным делением свободных «Саксонское Зерцало» состоит из двух частей:

1. Landrecht (земское право), в котором изложено, главным образом, право свободных шеффенского сословия.

2. Lehnrecht (ленное право), право «свободных господ», «благородных», крупных феодальных земельных собственников.

Ландрехт говорит о сословном делении и связанных с ним вопросах родства, происхождения, семейных отношений, наследования и так далее, о преступлениях и наказаниях, о судоустройстве и процессе, о судебных доказательствах.

Ленрехт сообщает о ленных отношениях, порядке получения, держания и утраты ленов, о видах ленов (в том числе и о городских ленах), о ленном суде.

«Саксонское Зерцало» (в особенности Ландрехт) составлено как судебник, отражающий казуистическую практику судов (шеффенских прежде всего). Значительное место в нем наряду с многочисленными статьями, касающимися земельных отношений, уделено борьбе со «злодеяниями против собственности». Наказания за «злодеяния» отличались своей жестокостью. В большинстве случаев «Саксонское Зерцало» не ограничивалось возмещением вреда, штрафом, вергельдом, столь характерными для предшествующего периода. Шлоссер отмечал жестокость наказаний того периода, к которым, по его словам, немцы привыкли в Италии. Они «выкалывали глаза, сажали на кол, жгли, сдирали кожу и зарывали живыми в землю»[1]. В соответствии с этим «Саксонское Зерцало» устанавливало такие виды смертной казни, как колесование, сожжение на костре, повешение, отсечение головы, такие изувечивающие наказания, как вырывание языка, отсечение руки и т. д. (см. книгу II, ст. ст. 13 и 59 § 1 и др.).

Самое раннее издание «Саксонского Зерцала» — Базельское (1474 г.). В XVI веке много раз появлялись издания Зобеля. Имеются издания Ludovici (1720 г.), Гёртнера (1732 г.) и др.

[1] Шлоссер, Всемирная история, т. VII, стр. 97.

[Извлечения]

«ЗЕМСКОЕ ПРАВО»
LANDRECHT

„Названье примет пусть оно
„Зерцало Саксов" от того,
Что право саксов в нем дано,
И, чтоб его правдиво отражало,
Как образ женщины зерцало".

(Из стихотворного предисловия, строки 178 -182)

КНИГА I

Статья 1.

Два меча предоставил бог земному царству для защиты христианства. Папе предназначен духовный, императору — светский. Папе предназначено ездить верхом в положенное время на белом коне, и император должен держать ему стремя, чтобы седло не сползло. Это значит: кто противится папе и не может быть принужден церковным судом, того император обязан принудить при помощи светского суда, чтобы был послушен папе. Точно так же и духовная власть должна помогать светскому суду, если он в этом нуждается.

Статья 2.

§ 1. Каждый христианин обязан по достижении им совершеннолетия участвовать трижды в году в церковном суде в том епископстве, где он проживает. Свободные же люди бывают трех родов: шеффенские люди, которые должны участвовать в епископском суде; чиншевики в суде пробста; и поселенцы в суде декана[1].

§ 2. Равным образом они должны участвовать в светских судах. Шеффены — в суде графа через каждые 18 недель по королевскому приказу (банну). Если же суд по поводу преступления назначается через 14 ночей после очередного (созванного в установленный законом срок — von dem echten Dinge) суда, то (шеффены) обязаны участвовать в нем, чтобы осуществить суд над преступлением.

[1] Пробст и декан — духовные лица. Пробст руководил хозяйством монастыря, декан — священник капитула.

§ 3. Чиншевики тоже обязаны на основе их земельной собственности участвовать в суде шультгейса (префекта) через каждые 6 недель. Из их среды должен быть избран судебный пристав, если (прежний) судебный пристав умрет.

§ 4. Поселенцы, не имеющие никакой земельной собственности в данном месте, обязаны участвовать в суде гографа[1] через каждые 6 недель. В этом суде, как и в каждом суде фогта, должен сельский староста обвинять тех, кто не является на суд, хотя и обязан явиться (равно как и по делам, в которых при преследовании преступника) криком призывали на помощь, (в случаях) нанесения людям кровавых ран, (затем) если кто-либо побьет другого или причинит другому вред обнаженным мечом, или (в делах) о всяком преступлении, за которое полагается (лишение) жизни или руки, если по этому поводу не была возбуждена перед судом жалоба (потерпевшим). По другому (поводу) он не обязан обвинять.

Статья 3.

§ 2... установлено 7 военных щитов, из которых королю принадлежит первый; епископам, аббатам и аббатисам — второй; светским князьям — третий, если они становятся вассалами епископов; сеньорам — четвертый, шеффенским людям и вассалам — пятый, а их вассалам — шестой... О седьмом щите не известно, имеет ли он ленное право и военный щит... Шестой щит превратился в седьмой, благодаря тому, что светские князья стали вассалами духовных князей, чего раньше никогда не было. Как феодальная лестница кончается на седьмом щите, точно так же и родство заканчивается седьмой степенью.

§ 3. Далее заметим, где родство начинается и где оно кончается: в голове находятся муж и жена, которые соединены законным браком. Место шеи занимают дети, если они полнородные, происходят от того же отца и той же матери. Неполнородных (единокровных или единоутробных) отодвигают в следующую часть тела. Если, однако, два брата женятся на двух сестрах, а третий брат на сторонней женщине, то их дети все же равны при получении наследства,

[1] Гограф (гауграф) стоял во главе гау — подразделения графства. Он имел право суда над поселенцами и низшими свободными главным образом по делам пойманных на месте преступления.

если они равного рождения. Дети полнородных братьев находятся там, где плечи сходятся с руками; равным образом и дети сестер. Эта первая степень родства, которую причисляют к родным,— дети братьев и дети сестер. В локтевом суставе находится вторая (степень родства). В запястьи третья. В первом суставе среднего пальца — четвертая. Во втором суставе пятая. В третьем суставе среднего пальца шестая степень родства. На седьмом месте находится ноготь, а не сустав, поэтому здесь кончается родство, и его называют ногтевым родством. Те, которые находятся между головой и ногтем и могут причислить себя к одинаковому месту родства, получают наследство в равной доле. Кто может причислить себя к более близкому родству, тот прежде получает наследство. Родство кончается на седьмой степени для наследования; хотя папа разрешил брать жену в пятой степени родства. Но папа не может устанавливать никакого права, которое ухудшало бы наше земское или ленное право.

Статья 4.

9 На гермафродитов и на карликов не переходит ни наследство, ни лен, равно как и на детей калек. Наследники и их ближайшие родичи должны тогда принять попечение о них. Далее, если родится ребенок немым, или безруким, или безногим, или слепым, то он — наследник по земскому праву, но не наследует лена. Но если он получил лен до того, как он таким стал, то он лена не теряет. Прокаженный не получает ни лена, ни наследства. Но если он получил их до заболевания, то он сохраняет и передает по наследству, как другой человек.

Статья 5.

§ 1. Если сын при жизни отца возьмет жену равного рождения и приживет с ней сыновей, а затем умрет раньше своего отца, не будучи еще выделен, то его сыновья участвуют в наследстве своего деда наравне с братьями их отца вместо своего отца. Но все они получают только долю одного лица. Не может быть такого положения в отношении детей дочери, чтобы они получили одинаковую долю, что и дочь из наследства деда или бабки.

Статья 6.

§ 1. Что бы человек ни оставил после себя из своего имущества, называется наследством.

§ 2. Кто принимает наследство, тот должен по закону платить долги в пределах стоимости движимого имущества. Долг, вытекающий из кражи, разбоя или по игре, он не обязан покрывать, равным образом и какой-либо иной долг, в котором он не получил встречной выгоды или не был поручителем...

Статья 14.

§ 1. Хотя по ленному праву (Ленрехту) господин (сеньор) передает лен отца только одному сыну, но этого нет по земскому праву, чтобы он (сын) один его получал, разве только он предоставит своим братьям то, что им причитается в ленном имуществе.

Статья 16.

§ 1. Никто не может обрести иного права, кроме того, которое ему свойственно по рождению. Если он, однако, отказывается перед судом от своего права и притязает на другое право, которое он не может обосновать, он теряет оба права. Исключение составляет крепостной, отпущенный на свободу; тот приобретает права свободного поселенца.

§ 2. Если ребенок рожден свободным и законным, то он сохраняет права отца. Если же отец или мать — министериалы господина, то ребенок приобретает права согласно рождению.

Статья 17.

§ 1. Если мужчина умирает бездетным, то его наследство получает его отец. Если у него нет отца, то наследство получает мать преимущественно перед его братом. Наследство после отца или матери, сестры или брата получает сын, а не дочь, разве только что сына нет, тогда его получает дочь. Если наследство переходит к более дальним, чем сестры и братья, наследникам, тогда все (находящиеся) в одинаково близком родстве, получают равные доли, будь то мужчина или женщина: эти называются саксонскими

сонаследниками[1] (ganerven). Однако дитя сына или дочери получает наследство преимущественно перед отцом, и перед матерью, и перед братом, и перед сестрой и вот почему: наследство не уходит от потомков до тех пор, пока имеются нисходящие потомки, равные по рождению. Кто не равен другому по рождению, тот не может получить его наследства.

Статья 23.

§ 1. Если сыновья не достигли совершеннолетия, то военное снаряжение (от вдовы) берет старший способный носить меч родственник, равный по рождению, и становится опекуном детей до их совершеннолетия. Тогда он должен вернуть им все их имущество, разве только он сможет доказать, куда он израсходовал его в их интересах, или что он утратил это имущество вследствие грабежа или несчастного случая и без его вины.

Статья 24.

§ 1. После выделения военного снаряжения пусть жена возьмет ее утренний дар (morgengabe). К нему относятся все рабочие лошади, рогатый скот, козы и свиньи, которые гонятся на пастбище пастухом, далее — огороженный (усадебный участок) и дом.

§ 3. Затем она берет все, что относится к женской доле (gerade). Это овцы, и гуси, и шкатулка, вся пряжа, постели, подушки, простыни, скатерти, полотенца, купальные простыни, умывальники, подсвечники, льняное белье и все женское платье, перстни, браслеты, головные украшения, псалтырь и все богослужебные книги, которые обычно читают женщины, кресла, лари, ковры, пологи, стенные ковры и все головные повязки. Это все то, что принадлежит к женской доле. Еще принадлежат к ней различные мелочи, как щетки, ножницы, зеркало, но их я отдельно не перечисляю. Материя, которая не скроена для женских платьев, и золото и серебро не в изделиях — не принадлежат женщинам. Все что имеется, кроме перечисленных вещей, все относится к наследству.

[1] Здесь явно пережиток общей родовой собственности.

Статья 27.

§ 1. Каждая женщина оставляет двоякого рода наследство: свою женскую долю (gerade) — своей родственнице, которая является ближайшей по женской линии, и наследство — ближайшему родственнику, будь то женщина или мужчина.

§ 2. Каждый мужчина рыцарского рода оставляет двоякого рода наследство: наследство ближайшему родственнику, равному ему по рождению, кто бы он ни был, и военное снаряжение ближайшему способному носить меч родственнику. Кто не принадлежит к рыцарству и военного щита не имеет, тот в случае смерти оставляет только наследство, но не военное снаряжение.

Статья 31.

§ 1. Муж и жена не имеют раздельного имущества при их жизни. Если же жена умирает при жизни мужа, то после нее не переходит по наследству к ближайшим (ее) родственникам никакое движимое имущество, кроме женской доли и земельной собственности, если она ее имеет. Жена не может без согласия мужа также отчуждать что-либо из ее имущества так, чтобы он этим потерпел ущерб в (своих) правах.

§ 2. Если муж берет жену, то он берет в свое владение (gewere) все ее имущество на правах законной опеки. Поэтому жена не может давать мужу никакого дара ни из ее земельной собственности, ни из ее движимого имущества, так как тем самым она отнимает это имущество у своих законных наследников после своей смерти; муж не может приобрести никакого другого права владения на имущество жены, кроме того, которое он приобрел с самого начала в силу его права на опеку.

Статья 33.

Теперь послушайте относительно жены беременной после смерти мужа и доказавшей, что она была беременна ко дню погребения или к 30 дню после погребения. Если ребенок родится живым, и если жена имеет об этом четырех свидетелей мужчин, которые об этом слыхали, и двух женщин, которые ей помогали при родах, то ребенок получает наследство отца. Если ребенок затем умрет, то наследство

сонаследниками[1] (ganerven). Однако дитя сына или дочери получает наследство преимущественно перед отцом, и перед матерью, и перед братом, и перед сестрой и вот почему: наследство не уходит от потомков до тех пор, пока имеются нисходящие потомки, равные по рождению. Кто не равен другому по рождению, тот не может получить его наследства.

Статья 23.

§ 1. Если сыновья не достигли совершеннолетия, то военное снаряжение (от вдовы) берет старший способный носить меч родственник, равный по рождению, и становится опекуном детей до их совершеннолетия. Тогда он должен вернуть им все их имущество, разве только он сможет доказать, куда он израсходовал его в их интересах, или что он утратил это имущество вследствие грабежа или несчастного случая и без его вины.

Статья 24.

§ 1. После выделения военного снаряжения пусть жена возьмет ее утренний дар (morgengabe). К нему относятся все рабочие лошади, рогатый скот, козы и свиньи, которые гонятся на пастбище пастухом, далее — огороженный (усадебный участок) и дом.

§ 3. Затем она берет все, что относится к женской доле (gerade). Это овцы, и гуси, и шкатулка, вся пряжа, постели, подушки, простыни, скатерти, полотенца, купальные простыни, умывальники, подсвечники, льняное белье и все женское платье, перстни, браслеты, головные украшения, псалтырь и все богослужебные книги, которые обычно читают женщины, кресла, лари, ковры, пологи, стенные ковры и все головные повязки. Это все то, что принадлежит к женской доле. Еще принадлежат к ней различные мелочи, как щетки, ножницы, зеркало, но их я отдельно не перечисляю. Материя, которая не скроена для женских платьев, и золото и серебро не в изделиях — не принадлежат женщинам. Все что имеется, кроме перечисленных вещей, все относится к наследству.

[1] Здесь явно пережиток общей родовой собственности.

Статья 27.

§ 1. Каждая женщина оставляет двоякого рода наследство: свою женскую долю (gerade) — своей родственнице, которая является ближайшей по женской линии, и наследство — ближайшему родственнику, будь то женщина или мужчина.

§ 2. Каждый мужчина рыцарского рода оставляет двоякого рода наследство: наследство ближайшему родственнику, равному ему по рождению, кто бы он ни был, и военное снаряжение ближайшему способному носить меч родственнику. Кто не принадлежит к рыцарству и военного щита не имеет, тот в случае смерти оставляет только наследство, но не военное снаряжение.

Статья 31.

§ 1. Муж и жена не имеют раздельного имущества при их жизни. Если же жена умирает при жизни мужа, то после нее не переходит по наследству к ближайшим (ее) родственникам никакое движимое имущество, кроме женской доли и земельной собственности, если она ее имеет. Жена не может без согласия мужа также отчуждать что-либо из ее имущества так, чтобы он этим потерпел ущерб в (своих) правах.

§ 2. Если муж берет жену, то он берет в свое владение (gewere) все ее имущество на правах законной опеки. Поэтому жена не может давать мужу никакого дара ни из ее земельной собственности, ни из ее движимого имущества, так как тем самым она отнимает это имущество у своих законных наследников после своей смерти; муж не может приобрести никакого другого права владения на имущество жены, кроме того, которое он приобрел с самого начала в силу его права на опеку.

Статья 33.

Теперь послушайте относительно жены беременной после смерти мужа и доказавшей, что она была беременна ко дню погребения или к 30 дню после погребения. Если ребенок родится живым, и если жена имеет об этом четырех свидетелей мужчин, которые об этом слыхали, и двух женщин, которые ей помогали при родах, то ребенок получает наследство отца. Если ребенок затем умрет, то наследство

переходит к матери, если она равна ему по рождению, и устраняются всякие притязания (gedinge) на лен отца, так как ребенок жил после смерти отца. Лен становится (после смерти ребенка) для господина вакантным, если ребенок был показан столь большим, что он мог быть жизнеспособным. Если ребенок был открыто (публично) принесен в церковь, то тот, кто это видел и слышал, должен быть свидетелем, что ребенок был жив.

Статья 34.

§ 1. Земельная собственность может быть с согласия наследников отчуждаема без разрешения судьи, если только (отчуждатель) держит половину гуфы[1] и дворовой участок, на котором может развернуться повозка; при этом он должен уплатить судье законно (причитающееся) ему.

§ 2. Если кто-нибудь отчуждает свое имение, а затем его обратно получает в виде лена, то господин от этого дара ничего не будет иметь, если он не сохранит имения в своем непосредственном владении год и день. После этого он может неоспоримо опять передать имение тому же в лен, причем ни тот, ни его наследники тогда не смогут претендовать на аллодиальное (право) собственности на это имение.

§ 3. Если судья неправомерно препятствует кому-нибудь в отчуждении его земельной собственности, то тот может произвести отчуждение перед королем при посещении им саксонской земли так же, как он должен был это сделать перед судьей, если только можно будет доказать, что судья чинил препятствия незаконно.

Статья 35.

§ 1. Все сокровища, находящиеся в земле глубже, чем вспахивает плуг, принадлежат королевской власти.

Статья 38.

§ 1. Наемные бойцы (в судебном поединке) и их дети, актеры и все незаконнорожденные, и воздававшие (осужденные) за кражу и грабеж или возвращающие (награб-

---

[1] Гуфа — обычно отгороженный участок земли размером от 1/4 до 1/3 га.

ленное), и изобличенные на суде или которые откупаются от смертной казни или телесных наказаний (выкупают жизнь или кожу и волосы) — все они лишенные прав.

Статья 46.

Девушки и женщины должны иметь опекуна при всяком иске потому, что нельзя опровергнуть свидетелями того, что они на суде говорят или делают.

Статья 53.

§ 1. Кто не является на призыв о помощи, или кто жалобу подает не по закону, или кто вызывает на поединок имеющего законное право не участвовать с ним в поединке, или кто в назначенный день суда не явится в срок или вообще уклоняется, или на суде говорит и действует противозаконно, или кто не уплачивает присужденной судом суммы, тот по поводу каждого такого дела платит судье штраф (gewedde). И по поводу каждой вины, за которую кто-либо получает возмещение (bute), судья может требовать штраф (gewedde). Однако часто уплачивается судье штраф за непристойности, совершаемые во время заседания суда, когда ни жалобщик, ни тот, против кого направлена жалоба, не получает возмещения (bute).

Статья 59.

§ 1. Судья может рассматривать, где бы он ни был, в пределах своего судебного (округа) любые иски и преступления, разве только кто-либо предъявил иск о земельной собственности или если обвиняют свободного шеффенского звания в преступлении. Это судья может рассматривать только в местах созыва очередных судебных заседаний приказом (банном) короля. Приказом короля никто не может судить, если не получил приказа (банна) от короля... Кто судит приказом короля, не получив его, должен отвечать своим языком.

§ 2. Судья, который судит приказом короля, не должен вести очередного заседания без своего шультгейса, перед которым он должен обязаться к правосудию. Поэтому он должен прежде всего спросить шультгейса о его суждении, время ли быть судебному заседанию, и затем, должен ли

он запретить преждевременный уход из суда и запрещать совершать непристойное в суде. Когда это выполнено, тогда каждый может подавать иск о том, что его задевает, через своего представителя (говорителя)[1], чтобы при его помощи не упустил (чего-либо).

Статья 60.

§ 1. Без представителя (говорителя) может человек искать и отвечать, если он хочет рисковать нести ущерб, который может произойти от того, что он оговорится и не сможет уже этого исправить, как это возможно при наличии говорителя, если он какое-либо слово своего говорителя не подтвердил.

§ 3. Где человек ищет право (правосудия), (там) он должен участвовать и помогать праву (правосудию).

Статья 61.

§ 1. Жалобщик (истец) не должен давать поручителей, пока не будет назначен день рассмотрения его жалобы. Кто не может выставить поручителя и не имеет там наследственной земельной собственности, тот должен находиться во власти судебного пристава, если он жалуется на преступление, или жалоба о том подана против него.

Статья 62.

§ 1. Никого нельзя принуждать приносить жалобу, которой он не возбуждал. Каждый может умолчать о своем ущербе, доколе он желает. Если он призывает на помощь, то он должен это сделать в законной форме, так как призыв на помощь есть начало жалобы.

§ 6. Свидетельские доказательства, на которые кто-либо ссылается, должны быть представлены в течение шести недель, или тотчас же, если он пожелает. Если же (свидетелями) должны доказать (право на) земельную собственность, это должно быть представлено немедленно или к ближайшему заседанию суда.

§ 7. Судья должен спрашивать человека (сторону), подтверждает ли он слова представителя (говорителя), и

[1] Vorsprecken (Prolocutor) произносил вместо стороны требуемые процессуальными правилами слова.

должен спрашивать о решении (суждении) между речами двух сторон (лиц) (у шеффена).

§ 8. Какое решение (суждение) первым запрашивается, то первым должно быть дано (найдено).

§ 9. Оба, и жалобщик, и тот, против кого жалоба подана, могут по поводу каждой речи трижды совещаться (со своими представителями — говорителями) столь долго, пока судебный пристав их не пригласит вновь (на судебное заседание).

§ 10. Во всех городах имеется суд, где судьи судят на основании решения (суждения шеффенов).

Статья 63.

§ 1. Кто хочет вызвать на судебный поединок лицо равного с ними сословия, тот должен просить судью, чтобы управомочил его на это в отношении нарушителя мира, которого он здесь видит. Если ему будет указано по решению (шеффенов), что он вправе это сделать, то он должен спросить, где он может его схватить, чтобы это способствовало осуществлению его права. Тогда ему предоставляют право схватить у воротника. Когда он им овладеет и затем с разрешения (суда) отпустит, он должен его осведомить, почему он им овладел. Это он может сделать немедленно или посовещавшись (с говорителем) по этому поводу. Затем он должен его обвинить в том, что он нарушил его мир или на королевской дороге, или в деревне. В какой форме он мир нарушил, так он должен и указать в жалобе. Затем он должен далее его обвинять, что он его ранил и учинил над ним насилие, которое он может доказать. Затем он должен показать рану или рубец, если рана зажила. Затем он должен жаловаться дальше, что он ограбил его имущество, что он взял так много, что это не бесценок и не недостойно поединка. В отношении этих трех преступлений он должен жаловаться одновременно. Если он умолчит об этом, то он проиграл поединок.

§ 2. Затем он говорит дальше: «Я видел сам его самого и прокричал ему призывом помощи. Если он согласен это признать, то это мне любо, а если он это отрицает, то я его буду изобличать по праву, которое мне предоставляет народ или шеффены, если суд происходит приказом короля». Затем тот пусть потребует поруки, и она должна быть ему предоставлена. Однако допускается исправить свою жалобу до представления поруки. Когда порука представлена,

тогда тот доказывает свою невиновность или присягой или судебным поединком, если жалобщик его законно вызвал (на поединок), и если он может иметь место; я имею в виду, если он, несмотря на ранение, может сражаться.

§ 3. Каждый может отказаться от поединка с тем, кто низшего по сравнению с ним рождения. Тому, кто выше стоит по рождению, нижестоящий не может отказать в поединке по мотивам высшего рождения, если только тот его вызвал. Отказаться далее от поединка можно, если вызов последовал после полудня, разве только вызов был начат раньше. Судья должен озаботиться о щите и мече для того, кого обвиняют, если он в том нуждается. Далее кто-либо может воспрепятствовать поединку между его родственниками, если они оба являются его родственниками, и если он может присягнуть на реликвии сам-сем в том, что они близкие родственники, что они по закону не могут друг с другом сражаться.

§ 4. Судья должен дать двух посланцев каждому из тех, которые должны сражаться, и они должны следить за тем, чтобы те были вооружены по правильному обычаю. Кожаной и полотняной одежды они могут надеть столько, сколько они хотят. Голова и ноги спереди должны быть обнажены, а на руках они могут иметь лишь тонкие перчатки; обнаженный меч в руках и один подпоясанный или два — это предоставляется их свободному выбору; круглый щит в другой руке, на котором допускается только дерево и кожа, кроме оковки, которая может быть из железа; кафтан без рукавов поверх нижней одежды. Мир должен быть обеспечен на поле под страхом смертной казни, чтобы никто не мешал их поединку. Каждому из них судья должен дать человека, который имеет палку. Они ни в коем случае не должны мешать, кроме как если один из них упадет, тогда он должен простереть между ними (сражающимися) палку; то же (должны сделать), если один из них будет ранен или будет просить о палке,— этого он не может сделать, если он не имеет разрешения от судьи. После того как на поле установлен мир, они должны по закону испросить поле, которое судья им должен предоставить. Они должны снять с ножен наконечники, ибо они имеют разрешение от судьи. Оба они должны вооруженными предстать перед судьею и присягнуть; один — что обвинение, которое он предъявил ответчику правильное, и другой — что он невиновен, что бог ему поможет в их поединке. Когда они впервые сходятся, к солнцу они должны быть поставлены

в равном положении. Если будет побежден тот, против кого жалуются, то его будут судить, если же он победит, то его освобождают от штрафа и возмещения.

§ 5. Обвинитель должен первым выйти на поле. Если другой слишком долго медлит, то судья должен потребовать его через судебного пристава в том доме, где он вооружается, и должен послать с ним (с приставом) двух шеффенов. Точно так же его нужно вызывать во второй и в третий раз. Если он не явится после третьего вызова, то обвинитель должен встать и просить о поединке и сделать два взмаха (мечом) и один толчок по воздуху. Этим он победил его в споре по обвинению против него выдвинутому, и судья должен его (обвиняемого) судить так, как если бы он был побежден в поединке.

КНИГА II

Статья 1.

Если сеньоры клятвой объединяются и при этом игнорируют империю, то они действуют тем самым против империи.

Статья 7.

Четыре случая имеются, которые признаются законным препятствием (явки в суд): арест и болезнь, служба богу вне страны и имперская служба. Если кто-либо не может явиться в суд потому, что ему препятствует эта причина, и это будет законно доказано одним из его посланцев, кто бы он ни был, то это остается для него без вредных последствий, и он получает срок до ближайшего судебного дня, когда он освободится от законного препятствия.

Статья 12.

§ 5. Кто оспорит решение, но этим ничего не добьется, тот должен за это уплатить судье штраф, а тому, чье решение он оспорил, возмещение, и судье уплатить издержки, которые он понес на посланцев.

§ 9. Когда кого-либо запрашивают о решении, и он его предлагает по своему разумению, как он считает это наиболее праведным, то если даже решение окажется неправильным, он из-за этого не несет никакого ущерба.

§ 13. Оспаривать решение нужно стоя. Предлагать решение (в суде, проводимом) по приказу короля, нужно сидя, каждый в своем судейском кресле...

Статья 13.

§ 1. Теперь внемлите о преступлениях и какое за них наказание ожидает. Вора надлежит повесить. Если же в деревне произойдет кража днем ценою меньше трех шиллингов, то за это сельский староста в тот же день может подвергнуть телесному наказанию (побоям и выстриганию волос) или (дать) откупиться тремя шиллингами. Затем тот считается обесчещенным и лишенным прав.

§ 3. Такое же наказание полагается за неверные меры и неверные весы, за обман в торговле, если это раскрывается.

§ 4. Всех тайных убийц (mordere) и тех, которые ограбят плуг, или мельницу, или церковь, или кладбище, а также изменников и тайных (ночных) поджигателей, или тех, которые выполняют чужое поручение в своих корыстных целях,— их всех следует колесовать.

§ 5. Кто убьет кого-нибудь, или (незаконно) возьмет под стражу, или ограбит, или подожжет, кроме тайных (ночных) поджогов, или изнасилует девушку или женщину, или нарушит мир, или будет застигнут в нарушении супружеской верности, тем следует отрубить голову.

§ 6. Кто укрывает краденое или награбленное или оказывает этому помощь, и если он будет изобличен в этом, его следует наказать, как тех[1].

§ 7. Христианина — мужчину или женщину,— если он неверующий, и того, кто имеет дело с волшебством или с отравлениями, если он будет в том изобличен, следует подвергнуть сожжению на костре.

§ 8. Судья, который не наказывает за преступление, тот сам подлежит тому же наказанию, которому должен был подвергнуться преступник. Никто не обязан посещать судебное заседание этого судьи и участвовать с ним в суде, поскольку он сам пренебрег правосудием.

Статья 16.

§ 1. Каждый должен давать поруку за своего господина, которому он обязан верностью, и за способных носить

[1] См. предыдущий параграф.

меч родственников по делам об убийстве, искалечении и о нанесении ран.

§ 2. Кто искалечит или ранит другого и будет в этом изобличен, тому отрубают руку. За преступление, (в совершении которого) кого-либо изобличили поединком, его лишают жизни.

§ 3. Каждый получает возмещение (bute) сообразно своему рождению, если он не был лишен этого права.

§ 4. Если судебный пристав отвечает перед судьей за то, что упустил что-либо (из причитающегося) ему по праву, он отвечает королевскими ударами: это — 32 удара зеленым дубовым прутом длиною в два локтя.

§ 5. За рот, нос и глаз, язык, уши и мужские половые органы, за руки и ноги, если кому-либо изувечат и нужно будет возместить ему за это, то должны оплатить ему половиною вергельда.

§ 6. Каждый палец (руки) и палец ноги имеет особое возмещение — причитающегося ему вергельда десятая часть.

§ 8. Если кого-либо побьют без кровавых ран или обругают лжецом, тому должно дать возмещение сообразно его рождению.

Статья 18.

§ 1. В отношении кого бы то ни было нельзя выносить решения о том, как его наказать, пока он не будет настолько изобличен, что его должно подвергнуть наказанию.

Статья 19.

§ 2. Господин может освободить один раз своего человека-осужденного, если он присягнет на священной реликвии в том, что тот в силу рождения является его человеком и что он невиновен в том, в чем его обвиняют.

Статья 32.

§ 3. Если слуга сбежит от своего господина самовольно, то он должен господину уплатить столько же, сколько ему господин обещал; а то что ему было уплачено, то он должен вернуть вдвойне.

Статья 36.

§ 1. Если кто-нибудь на другой день найдет украденную или ограбленную у него вещь у кого-нибудь, который ее открыто купил и не скрываясь пользовался и о том имеет свидетелей, то его нельзя обвинить в том, что он пойман с поличным, даже если у него найдут украденную вещь, разве только он раньше был лишен прав. Ибо с согласия судьи он может законным образом истребовать (по своду) (anevangen) свою вещь.

§ 2. Если же тот откажется вернуть вещь без суда, то он должен потребовать от него вернуть ему вещь на суде. Если тот от этого откажется, то он должен позвать (соседей) на помощь и схватить его как вора, как если бы он был застигнут с поличным и выдал себя попыткой к бегству. Если же тот добровольно явится в суд, он должен законным образом добиться вещи.

§ 3. Если тот возражает, когда это касается одежды, что он ее соткал, а когда это касается лошади или скота,— что он их вскормил в своей конюшне, то тогда может держать вещь тот, у кого она находится во владении (geweren), если он может это доказать сам-третей из числа односельчан и может удержать вещь с большим правом, чем тот, который искал по своду.

§ 4. Если он скажет, что он вещь купил на общем рынке, но что он не знает у кого, то его нельзя обвинить в краже, если он только докажет место (покупки) и принесет в том присягу. Он теряет, однако, свои деньги, которые он за вещь заплатил, а тот получает свою вещь, которая была у него украдена или ограблена, если он требует ее присягой на священной реликвии сам-третей полноправных лиц, которые знают, что он утратил вещь вследствие кражи или грабежа.

§ 5. Если он говорит, что вещь ему передана или он ее купил, то он должен назвать правопередатчика (ручателя) (geweren), от которого он купил, и указать то место, где он купил. Он должен, однако, присягнуть в том, что он отсылает к надлежащему правопредшественнику (to rechte tücht). Тогда тот должен следовать за ним в течение 14 ночей, куда он направится, но не по судоходной воде. Если ему будет представлен правопередатчик, как полагается по закону, то правопередатчик должен отвечать вместо него за вещь. Если же с правопередатчиком он потерпит неудачу, то он должен вещь вернуть с возмещением и со штра-

фом; и если его будут привлекать за кражу или ограбление, то он должен очиститься по закону.

§ 6. Можно ссылаться на многих правопередатчиков (последовательно) с одного на другого, пока не дойдут до того, который сам вскормил в своей конюшне, если речь идет о скоте, или сам соткал, если это одежда.

(§ 8. У кого найдут по своду вещь, тот должен сохранить ее в своем владении до тех пор, пока она законно не будет у него отсуждена.)

Статья 38.

Должен быть им возмещен вред, причиненный чьей-либо небрежностью, будь-то от пожара или колодца, который не был обнесен оградой высотой (до) колена над землей, или если кто-либо застрелит или сбросит человека или животное тогда, когда он целился в птицу. За это ему не отказывают в жизни и здоровье (не подвергают его смертной казни или изувечивающим наказаниям), хотя бы человек умер, но он должен отплатить за него его вергельдом.

Статья 39.

§ 1. Кто зерно ворует ночью, тот отвечает виселицей. Если же он ворует днем, то отвечает шеей (ему отрубают голову).

Статья 53.

То, что чиншевик возводит на чужой земле, с которой он уплачивает чинш, то он может снести, если он оттуда уходит, а также (это может сделать) его наследник после его смерти, кроме забора спереди и сзади и кроме дома и навоза хлева; это должен господин выкупить по оценке крестьян. Если он этого не сделает, то он (чиншевик) забирает это с другими (вещами).

Статья 58.

§ 2. Теперь внемлите когда что причитается. В день св. Варфоломея (24 августа) причитаются всякого рода чинши и повинности. В день св. Вальбурга (11 мая) причитается десятина с ягнят. В праздник Успения (Богородицы —

15 августа) десятина с гусей. В день св. Иоанна (Крестителя — 24 июня) всякого рода десятина с мяса, где ежегодно десятины выкупаются деньгами. Там, где они не выкупаются, там срок взноса наступает тогда, когда животное получает потомство. В день св. Маргариты (13 июля) — все десятины с хлебов; со всего, что раньше заскирдовано, десятина причитается уже тогда. В день св. Урбана (25 мая) причитается десятина с виноградников и садов. С чьего-либо посева, который он произведет своим плугом, десятина причитается с того момента, как прошла борона, и с сада с того момента, как он засажен и расчищен. Чинш с мельниц, и с пошлин, и с монет, и с виноградников причитается тогда, когда наступает день, назначенный для его уплаты.

Статья 59.

§ 1. Если господин хочет удалить своего чиншевика со своего имения, если только он не урожденный этого имения, он должен ему объявить (об этом) на Сретенье (2 февраля). Точно так же должен поступить чиншевик, если он хочет покинуть землю.

КНИГА III

Статья 3.

Женщину, которая носит в себе живого ребенка, нельзя присуждать более, чем к коже и волосам (к телесному наказанию), а слабоумных и сумасшедших не следует также подвергать наказанию. Если же они кому-либо причиняют вред, то их опекун должен возместить его.

Статья 26.

§ 1. Король — всеобщий судья повсеместно.

§ 2. В иноземном суде свободный шеффенского сословия не обязан ни с кем принять поединок. Однако он должен отвечать перед судом, в районе которого он имеет родовое имение[1]. Если он там имеет шеффенское кресло, то

[1] Handgemal — совокупность признаков шеффенского достоинства, обозначающих право на шеффенское кресло в определенном суде. Основным таким показателем шеффенских прав является земельная собственность — родовое имение, герб которого носит шеффен.

там же он обязан участвовать в суде. Кто, однако, шеффенского кресла там не имеет, тот должен посещать высший суд по месту своего жительства.

§ 3. Это кресло передает по наследству отец старшему сыну; если он не имеет сына, то он передает кресло по наследству ближайшему и старшему, способному носить меч родственнику, равного с ним рождения.

Статья 30.

§ 2. Судья должен быть равным судьей для всех людей. Он не должен ни предлагать (находить) решения (суждения), ни опротестовывать.

Статья 32.

§ 2. Если кто-либо утверждает, что он свободный, а другой утверждает, что это его крепостной, так как он себя отдал ему, то тот может это опровергнуть присягой, если только это не было совершено перед судом.

§ 3. Если же он утверждает, что тот его крепостной по рождению, то он его сохраняет при помощи присяги над реликвиями с двумя своими людьми.

§ 4. Если на него претендует другой господин, то оспорить это он может сам-сём со своими родственниками или достойными доверия людьми.

§ 5. Если, однако, тот сможет доказать свою свободу сам-сём со своими родственниками, тремя со стороны отца и тремя со стороны матери, то он отстоит свою свободу и устраняет все их свидетельства.

§ 6. Кто имеет человека во владении, тот с большим правом может при помощи свидетелей удержать его за собою, чем тот, который не имеет (владения).

§ 7. Если кто-нибудь отдает себя перед судом в качестве крепостного, то его наследник вправе против этого законно возражать и вернуть его в свободное (состояние).

§ 8. Если, однако, господин удержит его до его смерти, то он получит его наследство и его детей, если они принадлежат ему и если он прижил (этих детей) после отдачи себя (господину).

§ 9. Если кто-либо отказывается от своего господина и отдает себя другому и его потребуют в суд, а его господин, которому он отдал себя, не явится для того, чтобы выступить за него по закону, то тот, который на него претендует,

отсудит его себе сам-третей со своими родственниками, если он изобличит его при помощи двух своих прирожденно принадлежащих ему людей. Если он его изобличил, он может завладеть им по закону ударом по шее, если он хочет.

Статья 42.

§ 2. Вам не следует удивляться, что в этой книге столь мало говорится о праве служилых людей; ибо оно столь многообразно, что никто не может сказать о нем все.

§ 3... По правде говоря, мой ум не может понять того, что кто-нибудь должен быть в собственности другого.

§ 6. Воистину, крепостное состояние имеет своим источником принуждение, и плен, и несправедливое насилие, что с древних времен выводится из неправедного обычая и теперь хотят возвести его в право.

Статья 45.

§ 1. Так вот узнайте всех людей вергельд и возмещение. Князья, бароны, шеффенского звания люди эти равны по возмещению и вергельду. Однако князей и баронов чтят уплатой золотом и им дают в качестве возмещения 12 золотых пеннингов, из которых каждый должен весить, как три серебряных пеннинга. Стоимость золотого пеннинга принимается за 10 серебряных; таким образом, 12 пеннингов составляют 30 шиллингов. Свободным шеффенского звания людям уплачивают возмещение 30 шиллингов полноценными пеннингами; 20 шиллингов весом должны быть равны одной марке. Их вергельд равен 18 фунтам полноценных пеннингов.

§ 2. Жена имеет половинное возмещение и вергельд ее мужа. Девушка и незамужняя женщина имеет половинное возмещение согласно ее рождению (сословию).

§ 3. Муж, далее, является опекуном своей жены с момента, как она с ним повенчана. Жена, далее, является одного с ним сословия с момента, как она разделила с ним ложе; после смерти мужа она свободна от прав (в отношении к ней) мужа.

§ 4. Именуемые чиншевиками (birgelden u pflechhaften)[1] и заседающие в суде шультгейса получают в качестве

[1] Birgelden, pflechhaften — крестьяне-чиншевики. Глосса разъясняет, что birgelden — это чиншевики, которые землю наследуют и могут продавать, а pflechhaften — это те, которые родились на этой земле и не могут ее отчуждать.

возмещения 15 шиллингов и 10 фунтов в качестве вергельда.

§ 5. Из их числа можно избрать судебного пристава, если требуется; он должен иметь не менее трех своих гуф. Избирать его должны судья и шеффены.

§ 6. Другие свободные именуются поселенцами, они приходят и уходят вроде гостей и не имеют земельной собственности в стране. Им также уплачивают 15 шиллингов в качестве возмещения и 10 фунтов вергельда.

§ 7. 20 шиллингов и 6 пеннингов и полушка составляет возмещение литов и 9 фунтов их вергельд.

§ 8. Две шерстяные перчатки и одни навозные вилы составляют возмещение батрака. Его вергельд состоит из горы пшеницы, заполняющей стог из 12 стоек, причем одна стойка отстоит от другой на сажень. Каждая стойка должна иметь 12 гвоздей один над другим, каждый гвоздь должен быть отдален от другого на длину человека до плеч для того, чтобы гору можно было бы заполнить от гвоздя до гвоздя; каждый гвоздь должен иметь по 12 кошельков и в каждом кошельке должно быть по 12 шиллингов[1].

§ 9. Детям священников и незаконнорожденным дается в качестве возмещения два воза сена, которые могут тащить двухлетние бычки. Актерам и всем тем, которые передают себя в собственность другого, служит в качестве возмещения тень человека. Наемным бойцам (в поединках) и их детям дают в качестве возмещения светлый блик от солнца на щите. Два веника и ножницы составляют возмещение для тех, которые утратили свои права кражей, грабежом или другими деяниями.

§ 10. Возмещение лицам, лишенным прав, приносит им мало пользы, но оно потому установлено, что за возмещением следует штраф судье.

§ 11. Лишенные прав не имеют вергельда. Тем не менее, если кто-нибудь ранит, или ограбит, или убьет кого-либо из них, или изнасилует женщину, лишенную прав, и тем самым нарушит мир, то того нужно судить по закону о нарушении мира.

[1] Эти гиперболические размеры даны в насмешку, так как такой вергельд является явно несуразным. Такой же насмешкой является установленное для батраков возмещение две перчатки и навозные вилы.

Статья 52.

§ 1. Немцы должны выбирать короля по закону. Когда он посвящен теми епископами, которые к тому назначены, и вступает на престол в Аахене, тогда он получает королевскую власть и королевский титул. Когда его посвящает папа, тогда он получает и императорскую власть и императорский титул.

§ 2. Короля избирают судьей над земельной собственностью и леном и над жизнью каждого. Однако император не может быть повсеместно и судить все преступления во всякое время; поэтому он передает князьям графство и графам шультгейство.

§ 3. В четвертые руки не должен передаваться ни один лен, имеющий (право) суда (над преступлениями, влекущими за собою смертную казнь и отсечение) руки; исключение составляет шультгейство в графстве, так как ни один судья не может вести созываемый в установленные сроки суд без шультгейса. Если кто-нибудь подает жалобу на судью, то он (судья) должен отвечать перед шультгейсом, ибо шультгейс является судьей в отношении его вины. Точно так же пфальцграф — судья над императором, а бургграф — над маркграфом.

Статья 57.

§ 1. Императора не может ни папа, ни кто-либо другой отлучать от церкви с того момента, как он посвящен, кроме трех случаев: если он сомневается в истинной вере, или если он оставляет свою законную жену, или если он разрушает божий храм.

§ 2. При выборах императора первый голос принадлежит епископу Майнца, второй — Трира, третий — Кёльна. Среди светских первый при выборах — пфальцграф рейнский, имперский стольник, второй — герцог саксонский, маршал, третий — маркграф бранденбургский, имперский камерарий. Имперский шенк[1], король богемский не имеет права избрания, потому что он не немец. Затем выбирают все имперские князья духовные и светские. Те, которые

[1] Шенк — придворное звание, соответствующее русскому «кравчий», «стольник».

первыми названы при избрании, должны голосовать не по собственному усмотрению, а должны первыми голосовать за того, кого все князья изберут императором.

Статья 58.

§ 1. Имперские князья не должны иметь никакого другого светского господина, кроме короля.

Статья 60.

§ 2. В какой город государства ни прибудет король, для него свободна (чеканка) монеты и пошлина, и в какую страну он ни прибудет, для него свободен суд, так что он может судить по всем жалобам, которые еще не начаты в суде и которые еще не разрешены.

§ 3. Если, далее, король прибудет в страну в первый раз, должны быть представлены ему все противоправно (бессудно) арестованные, и они должны быть приведены к нему и по суду изобличены или отпущены, как только их можно прислать, после того, как их затребует на суд король или его посланцы от того человека, или от того двора, или от того дома (замка), где они находятся в заключении или находились. Если уклоняются от того, чтобы их привести после того, как они были затребованы для суда, и это может быть доказано перед королевским посланцем, то немедленно объявляются в опале все те, которые их арестовали, и дом (замок), и люди, которые их противоправно (бессудно) задерживают.

Статья 61.

§ 1. Каждые восемнадцать недель должен граф назначать заседания своего суда в неприсутственные (замиренные) дни в установленном правом судебном месте, где должны находиться шультгейс и шеффены и судебный пристав.

§ 2. Никто не может быть шультгейсом, если он не свободный и если он не родился в той стране, где находится суд.

§ 3. Судебный пристав должен по меньшей мере иметь полгуфы своей земли.

§ 4. Все обязанные участвовать в суде должны находиться (ждать) в суде от восхода солнца до полудня, когда судья присутствует.

Статья 69.

§ 1. Где суд идет по приказу (банну) короля, там ни шеффены, ни судья не должны быть в судейских шапках, ни в шляпах, ни в шапочках, ни в клобуках, ни в перчатках. Мантии они должны иметь на плечах. Они должны быть без оружия.

§ 2. О любом, будь то немец или венд, крепостной или свободный — они должны судить трезвыми. Никто не должен высказывать (находить) решения не так, как они. Они должны высказывать (находить) решения сидя.

§ 3. Если их решение будет оспаривать кто-либо равного сословия, он должен попросить место (скамью), чтобы предложить другое решение. Тогда должен встать тот, который предлагал (находил) решение, и этот должен сесть на его место и предложить (найти) то, что ему кажется (соответствующим) праву, и перенести решение туда, куда он по праву должен перенести.

«ЛЕННОЕ ПРАВО»

LEHNRECHT

Глава первая

1. Если кто хочет ознакомиться с ленным правом, пусть читает эту книгу и не пренебрегает ее учением.

4. Клирики и женщины, крестьяне и купцы и лишенные прав и незаконнорожденные и все нерыцарского звания со стороны отца и деда — все они не имеют ленного права.

8. Ленник должен своему господину принести известную присягу в том, что он ему будет верен и будет ему другом. Таким образом, ленник является по отношению к своему господину обязанным, поскольку он его человек и от него держит лен.

9. Ленник должен нести надлежащую королевскую службу, объявленную решением господина в присутствии двух его людей за шесть недель до похода. Служба должна

осуществляться в пределах германской земли, входящей в состав Римской империи.

16. Ленник должен также служить своему господину тем, что он принимает участие в решениях ленного суда, когда это потребуется господину, до полудня и в судебные дни.

19. Двое могут быть наделены леном таким образом, что один получает владение леном, а другой является его будущим правопреемником в этом имении после его смерти, если он ленного наследника, то есть сына, в момент смерти иметь не будет.

24. Отец передает по наследству сыну владение равно как и лен; поэтому сын не обязан просить господина, чтобы он дал ему лен отца.

39. Земельный участок может принадлежать нескольким господам таким образом, чтобы один имел от другого, однако так, чтобы этот участок находился в (действительном) владении одного.

40. Если кто получает чинш с земельного участка, то считается, что он находится в его владении.

45. После смерти отца сын должен в течение года и шести недель признать перед господином со сложенными руками свою вассальную (зависимость) по отцовскому лену.

47. Когда ленник просит господина о признании вассалитета, он должен произнести следующие слова: «Господин, я хочу быть наделен вами леном, который мне принадлежит по праву, вследствие чего я прошу первый, второй и третий раз признать мой вассалитет по отношению к вам, как мне надлежит по праву; свидетелями этого я призываю всех присутствующих ваших людей».

48. Если господин отклонит принятие его в вассалы, то ленник будет владеть имением без обязательства службы, по которому он предлагал быть вассалом, и больше он никогда не должен впоследствии получать имение от того господина, поскольку он имеет среди своих людей живых свидетелей того факта, что господин не просил себе имения; и он будет передавать это имение по наследству своим сыновьям и сможет своим имением наделять леном своих людей.

49. Ибо согласно праву ленник сохраняет то, чем господин, вопреки справедливости, отказался наделить. Ленник не должен вторично просить о признании, разве только для того, чтобы возобновить засвидетельствование.

50. Господин не должен отвергать принятие ничьей вассальной (зависимости), кроме, как от того, кто не имеет имперского щита.

67. Доход от лена малолетних должен получать господин, доколе они не достигнут 12-летнего возраста.

88. Кто меняет свою светскую жизнь на духовную, тот не передает лена по наследству, и надежда на лен у надеющихся отымается.

94. Никто не может быть лишен владения, если только оно не будет от него отнято по суду.

98. Всякое владение доказывается свидетельством семи. Если, однако, будут доказывать свидетелями владение леном двое спорящих, из которых ни один не будет наделен леном от другого, то должны быть выслушаны свидетели обоих и должны быть спрошены люди, проживающие в той же деревне или в какой-либо соседней близлежащей. Чье владение будет подтверждено наибольшим количеством свидетелей, за тем должно быть (признано) владение. Это доказательство должно быть ограничено той местностью, где расположены имения, о которых идет спор, для того, чтобы и господин мог слышать или двоих своих людей послать туда.

99. Если, однако, спор не может быть разрешен вследствие разноречивых показаний или незнания, каждый из спорящих должен присягой показать, какое владение (место) считает своим.

100. Если каждый будет присягой показывать своим, то либо нужно поделить между ними, либо проверить правильность этого при помощи божьего суда водою. Все же не дозволено применять суд божий по каждому делу; только там, где истина не может быть выяснена (обычным) судом, там прибегают к божьему суду.

101. Если и господин, и вассал приписывают себе владение леном, то доказательства владения представляет вассал.

116. Если господин отнимет неправосудно у вассала имение или несправедливо откажет в наделении леном или не захочет быть гарантом (warandus) (его права) на лен, который ленник от него держит, то ленник может жаловаться высшему господину (сеньору), который должен в присутствии двоих своих вассалов через своего посланца от того потребовать, чтобы жалобщику оказал он правосудие. Если тот этого не сделает, то высший господин на себя берет имение и станет вместо прежнего господина гарантом (прав на) имение.

130. То, что кто-либо получает не на основании вассальных (отношений), не признается леном; следовательно, если господин наделяет своего министериала, то это совершается не на основании вассалитета, а по праву (господского) двора. Эта передача — вне ленного права, а является передачей, связанной с должностью.

Глава вторая

О порядке судопроизводства

1. После того, как мы остановились на этом месте, обратимся к порядку судопроизводства.

Господин (сеньор) пусть спросит одного из своих вассалов в присутствии двух других вассалов, судить ли ему по ленному праву своего вассала по обвинению его, и в какой срок и в каком месте он должен вести против него судебное преследование.

2. Если вынесенное постановление допускает судебные действия, господин, начиная с этого дня или в ближайшие шесть дней, вызывает вассала явиться в течение 14 дней в ленный суд в указанную деревню или курию, которая находится в распоряжении у господина, либо которую держит кто-либо от него.

11. Если ленник не хочет выслушать обвинение его господином или о назначенном дне ленного (суда) в то время как он находился так близко от господина, что мог знать об этом, то он не избежит (судебного) штрафа.

14. Прежде всего господин спрашивает, наступило ли время суда, и после каждого предложенного (найденного) решения он спрашивает у своих вассалов, следуют ли они ему. Вассалы господина имеют 14-дневный срок, если они не знают, какое предложить решение, и спрошенный один за другим каждый приносит в том присягу.

23. После каждого показания свидетеля господин спрашивает, закончил ли он свои показания, как это надлежаще полагается.

35. Господину дозволено разрешать жалобы одного из своих людей на другого, состоит ли один из них на его службе, либо оба.

40. Когда господин начнет судить вышеуказанным порядком, то он должен пригласить одного из своих вассалов, который должен обратиться с речью к обвиняемому. Когда обвиняемый явится перед господином в первый раз, то

господин должен его спросить, явился ли он таким образом, что он хочет дать ответ в ленном суде, после чего тот, если хочет, может попросить посовещаться (с представителем) и если он может отказаться, то пусть откажется. Если он этого сделать не может, то он должен вернуться к своему господину, говоря: «Вот я явился отвечать, как я это обязан по закону».

41. Тогда господин (соответственно) правосудию предъявляет обвинение отдельно по каждому делу и предлагает, чтобы он дал об этом ответ. Тогда обвиняемый просит представителя (говорителя) и каждый раз испрашивает разрешение посовещаться раньше, чем выйти.

42. (Ему) отказывают в представителе (говорителе), если по первому же обвинению (он) сам отвечает.

43. По каждому выступлению (представителя) вассал запрашивается, подтверждает ли он слова своего представителя (говорителя). Оплошность представителя не может вредить вассалу, пока он не подтвердил его слова. При разноречивости двух выступлений господин спрашивает, какое правильное.

52. Если вассал сморкается, или брызжет слюной, или кашляет, или чихает, или если он становится с иной стороны от своего представителя, чем стоял раньше, или чистит себя, или оглядывается вокруг, или мух сгоняет, чтобы они ему не мешали — по таким поводам он не штрафуется господином, хотя все же некоторые имеют ошибочное мнение по этому поводу.

55. Вассал не должен садиться в присутствии господина без его разрешения; но если он изнемогает, то пусть ложится, и пусть он принесет присягу, если господин не захочет поверить, что необходимость заставляет его лечь. Но больше трех раз в один день пусть не штрафует господин.

56. Курию, в которой судит господин, обвиняемый не должен покидать до тех пор, пока господин не кончит судить.

57. Каждый вассал господина, который не лишен королевского щита, может оспаривать (предложенное, найденное) решение другого (вассала).

60. Когда вассал оспаривает решение, то он говорит следующее: «Если ты называешься N. и ты тот, кем называешься, то вот ты и мне и себе предложил (нашел) несправедливое решение ленного суда, что порицаю и которое оспариваю и спрашиваю, с кем я должен сражаться и в каком месте и в какое время».

Глава третья

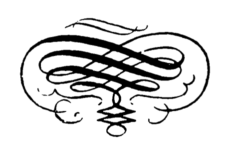
О городском лене

1. Городской лен не переходит во вторые руки, но если все же горожанин передает такого рода лен, то ленник сохраняет лен по ленному праву от этого господина, но к другому господину он не переходит.

2. Горожанин не несет службы своему господину, но он должен пребывать в городе, должен защищать его от врагов и находить господину решения, когда это потребуется.

3. Городской суд не должен находиться в руках господина, кроме как в его городах, где в нахождении решений участвуют только те, которые держат от господина городские лены, и в отношении городских ленов могут свидетельствовать только горожане.

13. Без ущерба для его чести вассал может взять с господина залог за его долг или позвать его об этом в суд, если только раньше он возбудит против него законную жалобу перед его вассалами и если господин отказал ему в правосудии в ленном суде.

господин должен его спросить, явился ли он таким образом, что он хочет дать ответ в ленном суде, после чего тот, если хочет, может попросить посовещаться (с представителем) и если он может отказаться, то пусть откажется. Если он этого сделать не может, то он должен вернуться к своему господину, говоря: «Вот я явился отвечать, как я это обязан по закону».

41. Тогда господин (соответственно) правосудию предъявляет обвинение отдельно по каждому делу и предлагает, чтобы он дал об этом ответ. Тогда обвиняемый просит представителя (говорителя) и каждый раз испрашивает разрешение посовещаться раньше, чем выйти.

42. (Ему) отказывают в представителе (говорителе), если по первому же обвинению (он) сам отвечает.

43. По каждому выступлению (представителя) вассал запрашивается, подтверждает ли он слова своего представителя (говорителя). Оплошность представителя не может вредить вассалу, пока он не подтвердил его слова. При разноречивости двух выступлений господин спрашивает, какое правильное.

52. Если вассал сморкается, или брызжет слюной, или кашляет, или чихает, или если он становится с иной стороны от своего представителя, чем стоял раньше, или чистит себя, или оглядывается вокруг, или мух сгоняет, чтобы они ему не мешали — по таким поводам он не штрафуется господином, хотя все же некоторые имеют ошибочное мнение по этому поводу.

55. Вассал не должен садиться в присутствии господина без его разрешения; но если он изнемогает, то пусть ложится, и пусть он принесет присягу, если господин не захочет поверить, что необходимость заставляет его лечь. Но больше трех раз в один день пусть не штрафует господин.

56. Курию, в которой судит господин, обвиняемый не должен покидать до тех пор, пока господин не кончит судить.

57. Каждый вассал господина, который не лишен королевского щита, может оспаривать (предложенное, найденное) решение другого (вассала).

60. Когда вассал оспаривает решение, то он говорит следующее: «Если ты называешься N. и ты тот, кем называешься, то вот ты и мне и себе предложил (нашел) несправедливое решение ленного суда, что порицаю и которое оспариваю и спрашиваю, с кем я должен сражаться и в каком месте и в какое время».

Глава третья

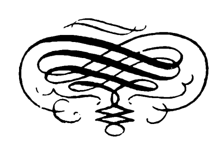
О городском лене

1. Городской лен не переходит во вторые руки, но если все же горожанин передает такого рода лен, то ленник сохраняет лен по ленному праву от этого господина, но к другому господину он не переходит.

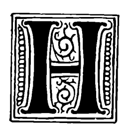
2. Горожанин не несет службы своему господину, но он должен пребывать в городе, должен защищать его от врагов и находить господину решения, когда это потребуется.

3. Городской суд не должен находиться в руках господина, кроме как в его городах, где в нахождении решений участвуют только те, которые держат от господина городские лены, и в отношении городских ленов могут свидетельствовать только горожане.

13. Без ущерба для его чести вассал может взять с господина залог за его долг или позвать его об этом в суд, если только раньше он возбудит против него законную жалобу перед его вассалами и если господин отказал ему в правосудии в ленном суде.

4. ЗАПИСИ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА

АЧАЛО развития особого городского права в Германии связано с ростом городов, обычно строившихся в местах, где происходили ярмарки. Местность, где строили города, обычно отмечалась особым знаком — Weichbild (Wich, лат.— vicus — поселение, укрепленное место). Этот знак (bild) представлял собою крест с мечом или перчаткой (символ власти) и колонну Роланда (символ непосредственного подчинения городов королевской власти). С течением времени словом Weichbild стали обозначать в саксонских областях городское самоуправление, городское право (в аллеманских — Marktrecht — рыночное право, в баварских и австрийских — Burgfrieden — городской мир). Название Weichbild стали применять главным образом к Магдебургскому городскому праву и к источникам городского права, находившимся под непосредственным влиянием Магдебургского права.

Город Магдебург был основан в 805 году Карлом Великим в месте, где шла оживленная торговля со славянскими племенами — вендами и аварами. Уже в XII веке Магдебургская городская община добилась некоторых привилегий (известна привилегия, дарованная архиепископом Викманном в 1188 году патрициату, «лучшим» города Магдебурга в ограждение от плебса, городских низов, которых архиепископ пренебрежительно называл глупцами).

Одним из важнейших органов власти того времени был суд. Он был орудием усмирения и ограбления (штрафами и вирами) подвластных, примирения (в некоторой мере) господствующих. Вокруг суда, его организации шла ожесточенная борьба между городами и феодалами, а внутри городов — между городской верхушкой (патрициатом), рядовыми горожанами и плебсом. Этим объясняется то, что важнейшие источники права, в частности Магдебургские источники, тогда носили характер судебников. В городах развивались суды шеффенов. В Магдебурге они рано приобрели значительное влияние. К ним обращались за советами по отдельным делам и даже за «записями» (кодексами)

городского права (города Гольдберг, Неймарк, Бреслау, Гёрлиц и др.). Известны обязательства городов обращаться в спорах, возникавших между ними, за решениями магдебургских шеффенов (такие обязательства давали городу Бреслау города Лигниц, Ольмюц, Намслау и др.).[1]

Магдебургские источники широко использовали «Саксонское зерцало», приспособив его к потребностям развивавшихся городов, их ремесла и торговли, их борьбы против феодального грабежа и сопротивления угнетаемых.

Саксонский Вейхбильд был записан, по-видимому, в 60-х годах XIII столетия. До нас дошло лишь издание XV века. Отражая борьбу за самостоятельность судебной власти, подчеркивая превалирующее значение городского права, которое «весьма долго существовало со старых времен», Вейхбильд был составлен в форме наставления шеффенам и ратманам о том, как нужно судить, а горожанам — о том, как они «должны искать свое право». Города настойчиво добивались определения своих прав хотя бы в условиях относительной законности.

И Вейхбильд (ст. 18) говорил словами купцов, обращенными к королю: «Если каждой земле дано и установлено свое право, то и они хотят знать, при каком праве они существуют».

«Право, сообщенное шеффенами в Магдебурге городу Гёрлицу в 1304 году», представляет собою один из наиболее значительных памятников Магдебургского права.

К XIV веку немецкие города в результате острой борьбы полностью или частично освободились от власти местных феодалов. Росла их экономическая мощь. Феодалы, все более запутывавшиеся в долгах, вынуждены были давать политические «вольности» городам, ибо «у жителей городов было могучее оружие против феодализма — *деньги*»[2]. Самостоятельные города сами для себя формировали право. Например, местный феодал, маркграф Бранденбургский, не принимал никакого участия в передаче Магдебургского права городу Гёрлицу; его согласия на эту передачу не испрашивали. В Гёрлицком документе — в заключительной его части — упомянуто лишь о том, что «право города Магдебурга было сообщено шеффенами Магдебурга горожанам города Гёрлица с доброй волей» и что свидетелями этого

---

[1] Об этом см. E. Th. Gaupp, Das alte Magdeburgische und Hallische Recht, Breslau, 1826.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 441.

являлись «Бертольд Ронебиц рыцарь, Хеннинг — сын господина Яна, Купе Лянга, Бетман Конинг, Вальтер фон Слонштете, Бертрам Брандан, Хейнеман рыцарь, Бертольт фон Рандове, Бруно сын Бернгарда». Все они были представителями городской верхушки — патрициата и связанного с ним рыцарства. Из их среды выбирали шеффенов «на длительный срок» (в Вейхбильде — «на постоянный срок»). Шеффенов в известной мере противопоставляли городским советникам (ратманам) — представителям более широких кругов горожан. Ратманов выбирали лишь на один год, и они могли собираться, как правило, только «по совету мудрейших».

В Гёрлице, как и во многих немецких городах, между шеффенами и ратманами нарастала борьба за власть, в особенности за судебную, отражавшую борьбу патрициата и рядовых горожан. Гёрлицкое право свидетельствует о том, что «шеффенскому сословию» удалось в значительной степени отстоять свое привилегированное положение. И может быть, для его закрепления патрициат Гёрлица просил шеффенов Магдебурга «сообщить» ему право Магдебурга.

Разнообразны постановления Гёрлицкого права. Мы находим в нем постановления, во многом повторявшие постановления «Саксонского Зерцала», нередко дословно — о структуре суда, порядке судопроизводства, о различных видах преступлений и наказаний, направленных на охрану собственника и собственности, о владении (gewehre), отчасти терявшем чисто феодальные черты и приобретавшем все более явные черты зарождавшейся буржуазной собственности, об имущественных отношениях, о брачносемейных и наследственных отношениях, характеризовавшихся подчеркнуто зависимым и неравноправным положением женщин.

Ниже приводятся выдержки из «Саксонского Вейхбильда» в переводе со старонемецкого текста, напечатанного в издании Daniels und Gruben, Das Sächsische Weichbildrecht, Berlin, 1858 и «Права, сообщенного шеффенами в Магдебурге г. Гёрлицу в 1304 году», напечатанного в той же работе Gaupp'а, стр. 269—320.

[Извлечения]

(а) «САКСОНСКИЙ ВЕЙХБИЛЬД»

1.

...Городское право — это то, которым городские люди ранее в старых городах пользовались или между собою установили в добрых городах по закону короля Карла; его вы должны узнать в этой книге; следовательно, оно (это право) относится и к тем (городам), которые имели обыкновение пользоваться городским правом из Магдебурга, из Кёльна и из других добрых городов Саксонской земли.

18.

Тогда купцы сказали королю: если каждой земле дано и установлено свое право, то и они хотят знать, при каком праве они существуют. Об этом поведал король совместно с советом ратуши у вод[1] изобильных кораблями, которые строили укрепленные города с крепостными стенами, при каком праве они должны существовать. Так дал им король созданное таким путем право, которое он сам постоянно имел при своем дворе[2]. Тогда он подтвердил им права и предложил им руку. Тогда один купец взял его за руку и снял перчатку с его правой руки. Тогда ему был дан судебный мир Петра ради господа бога и с королевским крестом. Это тоже грамота: где больше строят города или рынки, там устанавливают крест на рыночной площади, чтобы было видно, что это городской мир, и вешают королевскую перчатку, чтобы было видно, что там королевский мир и что это воля короля, поскольку городское право весьма долго существовало со старых времен.

19.

...Если в городе Майсен не известно его право, то оно должно быть доставлено из Галле, если его правом будет все охвачено. Потому что они должны хранить все городское право в саксонской земле. Однако согласно Ландрехту,

---

[1] Имеется в виду ратуша во Франкфурте на Майне.
[2] В своем поместье.

не должно так быть, чтобы опротестованное решение переносилось в марку, в графство, если маркграф судит своей властью...

20.

Так вот можете слушать и внимать, где должны те, которые из Галле, искать свое право, если они его не знают. Его они должны добыть из Магдебурга, а те, что из Магдебурга должны его им дать перед четырьмя скамьями; и шеффенам должно быть дано их право, и они должны быть свидетелями того, что решение дано. Посланцы должны присутствовать, так как решение дано обоим сторонам и так как им наказано, чтобы они видели и слышали, что справедливо поступают в отношении обеих сторон, и судья должен дать им довольствие и военное снаряжение. Если решение принято именем короля, то решение должно быть доставлено в ближайший судебный день бургграфа, кроме случая крайней необходимости. Если же оно принято именем графа, то решение должно быть ему доставлено в течение 14 ночей; если шультгейс[1] имеет судебную власть от графа, а должность от владетельного господина, то бургграф имеет судебную власть от короля, а судейскую должность от владетельного господина.

22.

... Если присуждается в Галле, а переносится в Магдебург, где также выносится решение, то обоим городам платят пеню и штраф, в Магдебурге и в Галле.

25.

Слушайте и внимайте, как начинается суд по городскому праву. Шеффенов должно быть одиннадцать, а судья[2] должен быть двенадцатым, когда он должен отыскивать бургграфу первое решение, если бургграф не может творить законный суд без шультгейса. Слушайте, что первое шультгейс должен ответить на вопрос фогта. Фогт должен спро-

---

[1] Шультгейс — заместитель графа и судья по делам графской юрисдикции.

[2] Имеется в виду фогт, который является представителем (заместителем) бургграфа в городском суде в качестве судьи.

сить шультгейса: время ли для суда? Если это ему будет подтверждено, то он должен спросить его: должен ли он считать суд надлежащим? Тогда ему подтверждают по праву, что он должен и обязан считать так, поскольку он (фогт) имеет законную власть. Тогда он спрашивает дальше, что он по закону должен запрещать. Тогда ему отвечают по закону: срыв суда[1], создание помехи, непристойные речи. Эти три ответа, которые должен шультгейс дать фогту. Тогда он спрашивает одного шеффена, будет ли законно, что он должен судить в этом суде, что один другому препятствует в его жалобе о причиненной неправде. По этому поводу тот должен просить мир у судьи, чтобы осуществить право, если один другому препятствует в его жалобе дракой или руганью или другой обидой, чтобы он был укреплен в своем праве; и он получает свою пеню и платит судье штраф, и если происходит суд перед фогтом, то штраф три фунта...

29.

Слушайте о фогте, на которого жалуются, что он несправедливо судит по дружбе или за взятку или путем отказа от суда или сам поступает неправомерно, чего он по праву делать не должен. Поскольку он избран, чтобы осуществлять право, укреплять право и пресекать неправомерное, буде он будет обвинен по этому поводу перед его же судом, то судьей над ним должен быть шультгейс. Тогда его принуждают законными решениями, что он перед ним должен отвечать в том порядке, как я сейчас хочу сказать. Он предлагает фогту решением встать, если имеется на него жалоба, и предлагает решением, чтобы он другого фогта посадил на свое место, который бы его судил по праву. Фогт должен это сделать и посадить своего шультгейса; тот должен судить фогта; ровным образом как фогт должен судить шультгейса. Поэтому фогт не может созывать законный суд без своего шультгейса, потому что он должен предстать перед его судом, если на него поступает жалоба; и если он незаконно уклоняется год и день, то у его владетельного господина свободна судейская должность[2], которую он от него имеет, и королю он платит королевский штраф.

[1] Уходом из заседания суда.

[2] Судебный лен вакантен, так как фогт теряет судейские права.

30.

Теперь слушайте о бургомистрах, которых в городе выбирают на один год. Так знайте, какую власть они должны иметь. Они должны судить о всевозможных мерах, о неверном весе, о всяких продажах, о недоиспеченном хлебе и проданном плохом мясе и о всяких неправильных весах и о разных торговцах, не нарушают ли они какие-либо правила, которые установлены в городе для торговли. Когда устанавливают флагшток, в это время они[1] не должны торговать. Когда кончили торговать те, которые имеют оседлость в городе и когда наступил полдень и снимают флагшток, то они могут опять торговать, чем хотят. Кто эти правила, как выше сказано, нарушает, того бургомистры присуждают к телесным наказаниям или к 36 шиллингам выкупа, если право на поручительство он утратил. Это подлежит усмотрению бургомистра — взыскать пфенниги или подвергнуть телесному наказанию.

31.

Когда хотят подарить земельную собственность в пределах города, то тот, кто должен прийти в надлежащий суд и спросить, как он должен передать свою земельную собственность, чтобы это было в законной форме. Тогда выясняют у него по закону с присягой наследников, является ли (земельная) собственность наследственной или подаренной. Если же она не наследственная и не подаренная, а купленная на свои пфенниги, то он может ее подарить, кому он хочет без чьих-либо возражений, и тот одаряемый может ее принять. Когда он ее получил, то он должен спросить, дана ли ему собственность? Если ему дано решение, то он просит о передаче во владение в судебном порядке. Тогда пусть ему даст ввод во владение фогт или шультгейс, если это происходит перед ним, и пусть пойдут вместе шеффены, чтобы они слышали и видели, что ввод во владение был произведен законно и в формальном порядке на случай, что они должны будут быть свидетелями, если понадобится. Пусть судья возьмет его за правую руку и скажет так: это дарение, которое осуществлено перед судом, и вот я тебя ввожу в обладание и считаю присужденным тебе (су-

[1] Разносчики не должны торговать в тот промежуток времени, когда поднят флаг.

дебное) решение и призываю шеффенов, которые при этом присутствовали и тут присутствуют, во свидетели, что я дал ввод во владение. И пусть он тогда опять пойдет на свое судейское место. И пусть тогда выступит тот, кто введен во владение, и просит судью (сказать в порядке) решения, согласен ли он быть ему свидетелем, что он ввел его во владение земельной собственностью. Об этом судья должен обязаться присягой, так как об этом он поклялся в суде. Равным образом, как свидетельствует судья, также должны дополнительно свидетельствовать и шеффены. Пусть после этого тот, кто подарил земельную собственность, будет уверен в принятии (одаряемым) обязанности военной службы в законной форме.

42—44.

.. Они выбирают шеффенов и ратманов в пределах города; шеффенов на постоянный срок, ратманов на один год... ратманы избирают бургомистра — или двух или одного — и учреждают свой городской суд, если хотят... Ратманы имеют власть судить относительно всяческих правонарушений в тех же пределах, как и шеффены.

(б) ПРАВО, ПОСЛАННОЕ (СООБЩЕННОЕ) ШЕФФЕНАМИ МАГДЕБУРГА ГОРОДУ ГЁРЛИЦУ В 1304 году

КАК БЫЛ ОСНОВАН ГОРОД МАГДЕБУРГ

Во времена великого короля Отто был основан самым первым город Магдебург. В его время был построен монастырь на горе. Его сын, король Отто рыжий, издал постоянно (действующее) право — вейхбильд — по своей воле и по совету мудрейших. Во время его царствования епископом Магдебурга был Альбрехт, который получил свой паллиум[1] от папы Иоанна и был епископом 13 лет и 7 месяцев.

[1] Паллиум — белый шерстяной воротник, надевавшийся высшим католическим духовенством,— символ духовных и судебных прав, принадлежавших высшему духовенству.

Статья 1.

О советникак (ратманах)

Когда был основан город Магдебург, он получил право (вейхбильд) по своей доброй воле и по совету мудрейших. На совет созывали (горожан), чтобы они избрали шеффенов и советников (ратманов), шеффенов — на длительный срок, а советников — на один год. Они тогда дали присягу и присягают с тех пор каждый год, когда их избирают, в том, что не будут щадить своих сил, чтобы блюсти честь и добрую славу города по совету мудрейших. Ратманы собираются на городской суд (burding), когда они пожелают, по совету мудрейших, когда объявляют призыв на помощь, и (тогда они) вызываются согласно их присяге..... То, в чем они поклялись в городском суде, они должны всегда соблюдать. Тот, кто нарушит это (клятву, присягу), должен отвечать (перед судом). Если кто не явится на городской суд, когда звонит колокол, тот платит шесть пфеннигов. Если ему сообщают о городском суде (а он не явится), то он уплачивает 5 шиллингов. Советники (ратманы) облечены властью разбирать различные дела, относящиеся к нарушению правил относительно мер и весов и продажи съестных припасов. Нарушители этих правил должны платить штраф в сумме 3-х вендских (западнославянских) марок, т. е. 36 шиллингов.

Статья 2.

О правах мелких торговцев

Если торговцы в чем-либо провинились или не внесли возложенный на них штраф (бусу), нарушив клятву, данную городу или советникам (ратманам), и если доказано, что этот поступок совершен по отношению к советникам (ратманам), то нарушителя остригают и избивают плетью (hut und har) или он уплачивает три шиллинга, но это зависит от ратманов, что они захотят принять. (Выбор наказания — по усмотрению ратманов). Подвергшийся же стрижке и избиению (плетью) или откупившийся деньгами становится бесправным и не может перепродавать съестные припасы, разве только ратманы ему (это) позволят. Такой же приговор распространяется и на других людей, которых уличили в торговле недоброкачественными съестными припасами, и они не могут больше иметь лавки без разрешения ратманов.

Статья 3.

О судебных днях высшего (бургграфского) судьи

Наш высший судья, который здесь заседает, заседает 3 раза в году. Одно судебное заседание проводится в день святой Агаты, другое — в день святого Иоанна Пресветлого, третье — в восьмой день святого Мартина. Если эти дни приходятся на праздник или на запрещенные (неприсутственные) дни, то он (судья) пропускает судебный день. Если он (граф) не явится в судебный день, или если там не будет шультгейса, то суд также не состоится, так как шультгейс должен найти (предложить) бургграфу первым решение. Если шультгейс не является на судебное заседание, то он уплачивает бургграфу 10 фунтов. Штраф не взимается при уважительных причинах неявки в суд (echte not), которые доказываются как это (установлено) правом.

Статья 4.

О правах бургграфа

Если произойдет что-либо противозаконное в течение 14 ночей до судебных дней бургграфа, то эти (дела) разбирает бургграф и никто другой. Дела о насилии, преследовании, нападении на дом разбирает бургграф и никто другой. Если бургграф не может быть (там), то горожане выбирают судью вместо бургграфа для разбора дела, если виновный застигнут на месте преступления (unme eine hanthaftege tat).

Статья 5.

О штрафах (взыскиваемых) бургграфом (gewette)

Штраф (gewette) (в пользу) бургграфа и вергельд, которые присуждаются судом, должны быть уплачены в течение 6 недель. Штраф в пользу бургграфа — 3 фунта, штраф в пользу шультгейса — 8 шиллингов. Если бургграф поднялся, когда он судил, то его суд закончился, и он кладет дела (на стол). Суд шультгейса заканчивается через 14 ночей, на следующий день после 14 ночей.

Статья 6.

О судебных днях шультгейса

Шультгейс имеет 3 судебных дня, установленных законом. О судебном дне, когда судит шультгейс, никто не может извещать лицо (возбудившее дело), кроме самого шультгейса, или судебного посланца (vrone bote), но не слуги его (шультгейса). Если шультгейса не окажется дома, когда случится преступление, то горожане назначают вместо шультгейса судью (при поимке виновного) на месте преступления. Шультгейс должен быть (из среды) наделенных леном, и этот лен должен быть правильным (соответствовать праву). Он должен иметь также банн от господина (сеньора) земли (страны).

Статья 8.

Если раненый взывает о помощи

Если кто-либо ранен и зовет на помощь, и захватит виновного и приведет его в суд с криками о помощи, и будет там сам седьмым среди прибежавших на крик о помощи (shreiman), то (виновный) не освобождается от наказания. За ранение со смертельным исходом виновный платится шеей (т. е. головой), за рану — рукой. Если рана глубиной в ноготь и длиной в веко, то виновный не освобождается от наказания, и это справедливо.

Если рана нанесена ножом и виновный захвачен на месте преступления и приведен в суд с криком о помощи, то потерпевший может требовать его шеи (т. е.головы).

Статья 9.

Если кто-либо перед судом показывает другому свою руку

Если кто-либо показывает свою раненую руку другому, который был захвачен на месте преступления с криком о помощи и приведен в суд, то против него должна быть подана жалоба (иск) так: «Высокочтимый господин судья, я подаю жалобу перед богом и Вами на этого человека, которого я захватил на месте преступления, и это произошло в пределах городского права (вейхбильда) на императорской

дороге, и он нарушил мир по отношению ко мне и злонамеренно ограбил мое тело и имущество и ранил меня. Так как он нарушил мир по отношению ко мне, чему я сам был очевидцем, и стал криком звать на помощь, и имею добрых свидетелей моего зова о помощи, и хочу за раны победить его в суде согласно закону (праву). И так как мне предоставлено здесь право, то я прошу о вынесении ему приговора, и я прошу указать в приговоре, где я должен привести его в исполнение, и чтобы мне помогли в осуществлении моего права».

Тогда тот (обвиняемый) просит о гарантии правильности жалобы и объявляет себя невиновным в (совершении) действия. Тот, кто захватил его (обвиняемого) на месте преступления, может лучше (скорее) доказать (преступление) сам-седьмой со свидетелями, чем тот (обвиняемый)—оказаться невиновным.

Если же он (истец) докажет свою правоту, что дело было именно так, то ему (обвиняемому) отрубают руку или голову (шею) в зависимости от дела. В качестве свидетелей он может иметь любого человека, не лишенного прав, за исключением отца его, сына его, брата и его слуги.

Статья 12.

О деле, после которого прошла одна ночь

Если кого-либо ранили, и он не явился (не подал сразу жалобы) в суд и после этого дела прошла ночь, и если (потерпевший) затем явится, то (обвиняемый) не будет привлечен к ответственности, будучи сам-седьмой среди своих свидетелей. Если потерпевший не подаст жалобы в течение трех судебных заседаний, он может привести его (обвиняемого) к четвертому судебному дню, если он его вызвал в суд и предъявил обвинение согласно закону.

Статья 13.

О нападении, совершенном на дом

Если кто-либо напал на другого в его доме днем или ночью и совершил противозаконное насилие, или изнасиловал жену или девушку, и если его поймали на месте преступления с криком о помощи и привели в суд, и если у

потерпевшего есть свидетели, а он сам-седьмой, и если он может доказать согласно закону преступление или насилие, то обвиняемому отрубают шею. Если же после этого преступления прошла ночь, то это дело может разбирать только бургграф и никто другой. Если же обвиняемого не уличили на месте преступления, то он освобождается от ответственности будучи сам-седьмой (со свидетелями), даже если тот (потерпевший) на него показывает.

Статья 16.

О нарушении владения (gewere) или о захвате движимого имущества

Если нарушалось чье-либо владение так часто, как часто он (владелец) уезжал и приезжал, столь же часто он (нарушитель) должен платить судье штраф (wetten), если у него не было отобрано это имущество по суду. Если же кто-либо отбирает товары или движимое имущество за долг по суду и он должен истребовать это имущество в течение трех судебных дней, и на четвертый судебный день оно ему присуждается, и он удостоверяет это (свидетелями), и если (должник) после этого явится за своим имуществом, то тот, кому со свидетелями было присуждено имущество, скорее может его получить, чем тот (должник).

Статья 17.

О всякого рода преступлениях

Всякого рода жалобы (иски) о насилиях над женщинами, на преследование, на нападение на дом, (поданные) по истечении ночи, не разбирает никто, кроме бургграфа. Если у кого-либо его имущество или его дом, находящийся в пределах городского права (вейхбильда), отбирается согласно правому приговору вследствие жалобы на то, что девушка или женщина подверглась насилию в его доме, то этот дом необходимо разрушить, но не переносить его. Если же у кого-либо дом отбирается за кражу или за грабеж, и он ограбил своих граждан, то дом необходимо разрушить, и он становится общим всех людей. Всякого рода преступления по жалобам, которые доказаны, никто не может (опровергнуть) присягой. Если же не было никаких доказательств (в пользу жалобы), то лучше оправдать

(обвиняемого), по праву, даже если кто-нибудь может быть свидетелем (против него). Жалобы на всякого рода преступления при поимке на месте преступника должны заявляться на суде жалобой (иском) и подтверждаться свидетелями — сам-седьмой согласно праву о земском мире. Насилие, преследование и нападение на дом необходимо подтверждать («сам-седьмой») по праву о земском мире.

Статья 18.

О преступлениях, обнаруженных на месте их совершения

Преступлением, обнаруженным на месте его совершения, является такое действие, когда доставляют захваченного на месте совершения кражи или грабежа в суд. Преступлением, обнаруженным на месте его совершения, является также (действие), когда (кого-либо) захватывают с мечом в руке или с другим оружием, с которым он нарушал мир, и доставляют в суд со свидетелями, созванными на помощь; или когда (обвиняемый) в нарушении мира захвачен при (попытке) к бегству.

Статья 19.

О поручительстве (von burgezoge)

Если кто-либо поручится за другого, обвиняемого в правонарушении, и не выполнит свое (поручительство), то он должен уплатить штраф судье и возместить жалобщику (истцу) то, о чем он ищет, установленный ему вергельд: (т. е.) за убийство — 18 фунтов, за ранение — 9 фунтов, и таким образом жалоба будет удовлетворена...

Статья 20.

О свадебном подарке (morgengabe)

Если кто-либо берет жену и муж умрет, то жена ничего не получает из его имущества, кроме того, что он дал ей в качестве свадебного подарка или данного им ей на суде пожизненно.

подтвердить он, сам-седьмой, с шестью (свидетелями), которые это видели и слышали. Если происходит примирение или дается ручательство, и сторона нарушила его, и (нарушитель) уличен в этом судьей и шеффенами согласно закону, то за ранение он платится рукой, а за убийство — шеей (головой). Если нарушается поручительство, то виновный (платит) по установленному для него вергельду: за рану — 9 фунтов, за убийство — 18 фунтов; и он не может быть освобожден от этого наказания как это (установлено) правом.

Статья 28.

О поединке (von Kamphrechte)

Если кто-либо сражается в поединке, то, если добьется победы, платится за нанесение раны рукой, а за убийство — шеей (головой). В пределах городского права (вейхбильда) никто не имеет права затевать поединок, за исключением того, когда рана была получена тем, кто затеял поединок, и при этом присутствовал свидетель.

Статья 29.

Если оба получили ранения

Если оба в поединке получили одинаковые ранения и если оба подали жалобу, тот, кто оказался победителем, платится рукой, если обе раны были получены в поединке. Если кто-нибудь (из противников) умрет до подтверждения в суде факта поединка, то оставшийся в живых платится шеей (головой).

Статья 30.

Если оба нанесут друг другу ранения

Если оба нанесут друг другу одинаковые ранения, один из них должен итти к судье в его дом и (подать) жалобу; другой должен явиться в течение 4-х судебных заседаний (скамей) и подать жалобу с криками о помощи шеффенам, или судебному посланцу, или судебным заседателям, а также послать своего гонца за судьей и показать свои раны. Первой считается жалоба того, кто докажет со свидетелями, что подавал ее в течение 4-х судебных заседаний (скамей).

Статья 31.

О возбуждении дела спустя ночь после происшествия

Если кого-либо ранили и он возбудил дело спустя ночь (после ранения), то ему должно быть предоставлено право просить разобрать это дело в следующий судебный день. Если же рана получена в поединке, то дело немедленно передается судье, как дело о преступлениях с поимкой на месте их совершения.

Статья 34.

О дарении

Если муж или жена получают перед судом дар, то жена может с полученной ею частью делать, что она хочет, без возражения (со стороны) любого, то же и муж может делать с полученной им частью. Если жена умирает без наследников и если не найдется наследников со стороны ее мужа, то ее доля имущества переходит в наследство к ее ближайшему родственнику, будь-то мужчина или женщина, которые ей равны по рождению. То же относится и к части мужа. Равным образом это относится ко всему золоту и серебру, что осталось после 30-го дня,[1] а также к зерну, мясу, пиву, одежде, вину; все это принадлежит к наследству мужа, а не жены.

Статья 35.

О правомерном владении (*eigenliche gewere*)

Если кто-либо подает жалобу на другого по поводу имущества, которым он обладает по праву и которое другой удерживает неправомерно, и которое он (жалобщик) получил по наследству от отца, и если явится тот, на кого подана жалоба, и скажет, что он приобрел владение на это имущество и имеет (право) владения (gewere), и что он имел это имущество год и один день без возражения с чьей-либо стороны, и что это его законное чиншевое имущество, то он должен немедленно подтвердить документом свое право владения и предъявить его в тот же день и тогда он сохраняет за собою свое чиншевое имущество, если он владел

[1] 30-дневный срок траура.

бургграфа,— о чем ему должны объявлять. Если же к кому-либо предъявляется иск о возмещении (долга) со свидетелями в том же самом суде и если он (ответчик) говорит, что он возместил (долг), то лучше он должен подтвердить это (свидетельством) почтенных людей. Он может это сделать сразу же, если хочет, или спустя три раза по 14 ночей в суде шультгейса. Если же кто-либо хочет присягнуть своей собственной рукой, он должен это сделать в те же судебные дни.

Статья 44.

Об (установленном) правом месте судебного разбирательства

Судья должен творить суд во все (установленные для этого) дни в (предназначенном) правом месте суда. Когда же подается жалоба относительно возмещения без свидетелей, то он (судья) может разбирать это дело везде.

Статья 47.

Если кто-либо требует возвращения украденного имущества

Если кто-либо подает в суд жалобу, в которой требует возвращения украденного имущества — одежды или чего-либо другого из имущества,— то он должен отправиться в суд и поклясться собственной рукой перед святым, что это было его имущество и что оно еще принадлежит ему, но что оно было у него украдено или захвачено путем грабежа. Если же то была лошадь, возвращения которой требует кто-либо, ибо ее у него украли или (захватили путем) грабежа, то он (потерпевший) должен обратиться в суд; он должен своей правой ногой наступить лошади на левую переднюю ногу, а своей левой рукой взять лошадь за ее правое ухо, а затем призвать святого и того, кто зачитывает слова присяги, и поклясться именем святого над головой лошади, что лошадь принадлежит ему еще и теперь, но что ее у него украли или (захватили путем) грабежа; таким образом он ссылается на свое владение (gewere) и должен поклясться именем святого, что он правильно требует (ищет) лошадь. Тогда тот (ответчик) должен следовать праву, если не может его (истца) перебороть (в споре).

Если же кто-либо утверждает, что он купил лошадь на вольном рынке и если у него нет (доказательств) о приобретении владения, то он теряет лошадь и серебро, данное за нее, но не уплачивает за это штрафа (gewette) (судье).

Статья 50.

О женщине, уличенной на месте совершения преступления

Если женщину захватили на месте преступления при совершении убийства или нанесении ран во время драки, то истец должен уличить ее сразу сам-седьмой с почтенными людьми. Чтобы стать невиновной, она должна подвергнуться суду. При обвинении женщины в убийстве или нанесении ран, обнаруженных в тот же день, лучше ее освободить от ареста, чем подвергать ему, при условии если она найдет, согласно праву, поручителей сама седьмая с почтенными людьми. Если женщину обвиняют спустя ночь после совершения преступления, то она освобождается от ответственности и не подвергается аресту в том случае, если поклянется своей собственной рукой перед святым.

Статья 52.

Если шеффен подвергается оскорблению при исполнении своих обязанностей

Если кто-либо оскорбит словом шеффена в суде при исполнении им своих служебных обязанностей вместе со своими коллегами, и они это слышали, то виновный должен уплатить шеффену бусу, а судье — причитающийся ему штраф. Это распространяется на всякого, кто бы это ни совершил.

Статья 55.

Об иске против неопороченного человека

Если днем произойдет столкновение (драка) и если обвинят при этом неопороченного человека, которого там не видели, он сможет избежать обвинения сам-седьмой с почтенными людьми, которые там присутствовали и смогут преодолеть (обвинение) его в столкновении (драке).

Если обвиняют неопороченного человека в убийстве ночью спящего или за нанесение ран в столкновении (драке), происшедшем ночью, то он может избежать обвинения сам-седьмой с почтенными людьми, бывшими там, где это происшествие произошло, (если они могут подтвердить), что он невиновен в совершенном (преступлении).

Статья 56.

О говорившем вместо (стороны) (von vorsprechen)

Если кто-либо просит (об участии в суде) того, кто будет говорить вместо него (vorsprechen), тот должен говорить его слово согласно праву. (Если) он (последний) откажется, (то) платит штраф (судье).

Статья 62.

Никто не может привлекаться к ответственности в другой суд

Пока граждане по Магдебургскому праву проводят свои судебные заседания и обращаются за правосудием по праву города к их господину епископу и к бургграфу, и к шультгейсу, они не могут обращаться в другой суд, находящийся за пределами (этого) города[1].

Статья 64.

О долге

Если кто-либо предъявляет другому иск о долге и взыскивается этот долг по суду, то он (ответчик) должен уплатить в тот же день свой долг, а судье — причитающийся ему штраф. Если кому-либо предъявляется иск о долге и если тот признает свой долг, то он должен уплатить (истцу) (долг) в течение 14 ночей. Если он не уплатит (долга), то судья получает причитающийся ему штраф. Он (судья) должен приказать ему уплатить (долг) через 8 дней, затем через 3 дня и, наконец, через день или ночь, и если он (должник) нарушит эти (сроки), то судья так часто получает свой штраф (сколько сроков ему было назначено). Если ему нечем заплатить ни штрафа, ни долга, то у него

---

[1] На этой статье заканчивается право 1295 года.

конфискуется его имущество, а если у него нет имущества, он подвергается (королевскому) банну, так что его должны арестовать (и держать) пока кто (либо) не прийдет (для уплаты) долга и штрафа, как выше указано, и не заплатит штраф судье...

Статья 67.

О выморочном наследстве

Если остается наследство и если никто не предъявит на него своих прав в течение года и одного дня, то оно переходит во власть короля.

Статья 84.

Когда братья или другие люди совместно имеют имущество

Если братья или другие люди имеют вместе имущество и увеличивают его своими средствами или своим трудом, то доходы — общие, это же и (в отношении) потерь. Если кто-либо получит (имущество) вместе с женой, то он не делит его со своими братьями.

Статья 85.

О беременной женщине

Теперь послушайте о женщине, которая несет в себе ребенка (беременна) и после смерти мужа придет беременной на его похороны или на тридцатый день (после его смерти). Если этот (ребенок) родится живым и если эта женщина имеет свидетельство двух женщин, которые помогали ей при родах, то ребенок получает наследство своего отца. А если ребенок впоследствии умрет, то наследство переходит матери, если она равна ему по рождению. Если его мертвого принесут в церковь открытым, (тот), кто видит и слышит это, должен точно засвидетельствовать его тело (что он мертв) (и) что оно было (в церкви); тогда наследник отца и мать могут после погребения ребенка передать (его имущество) кому они захотят, в установленном судебном порядке.

за долг: истец должен содержать его (должника) как свою челядь пропитанием и работой. Он может его держать в оковах или в кандалах, но не должен его мучить. Если он освободит (отпустит) его, или если должник убежит от него, то он (должник) не освобождается от уплаты долга до тех пор, пока он ему не уплатит долга. Если он не может представить поручителя за весь (долг), то он всегда сам является залогом за долг.

Статья 99.

Если кто-либо не отвечает перед судом

Если кого-либо привлекают к ответственности перед судом и судья требует от него ответа по праву, а он отказывается отвечать или освободить себя (от ответа) по праву, тогда на него возлагают штраф. Так же поступают и во второй и в третий раз, и если он все же не дает ответа, он признается виновным. Если дело идет о жизни или здоровье потерпевшего, то последний должен подтвердить это сам-седьмой.

Статья 100.

О сроке уплаты долга

(Кредитор) должен ждать уплаты долга в (требуемый срок) до захода солнца в своем собственном доме или (в доме) судьи, где и (вручается) долг.

Статья 105.

О правах судьи

Во всех городах существует право, по которому судья судит (с правом предлагать) приговор (решение). О каком приговоре сначала спрашивают — его нужно прежде всего предлагать. Оба — истец и тот, о котором заявлен иск — (ответчик) имеют право на полное высказывание по каждому вопросу трижды так долго, пока исполнитель не остановит их. Ясно, что истец или ответчик не обязан сам выступать перед судом с того момента, когда у него есть представитель (vorspreche). Если судья задает вопрос — подтверждает ли он слова своего представителя — он должен отвечать только «да» или «нет» или просить слова.

Статья 117.

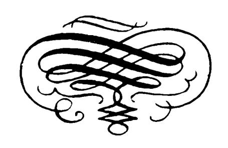
Если ребенок в свои годы несовершеннолетия причиняет ущерб

Ни один ребенок в свои несовершеннолетние годы не может делать (все), что могло бы нанести ему ущерб. Если он нанесет побои кому-нибудь или искалечит, его опекун должен возместить ущерб его вергельдом, если он полностью на него возложен. Какой ущерб был нанесен, он должен быть возмещен по оценке из имущества ребенка. Если же кто-либо убьет ребенка, то он должен дать его полный вергельд. Если кто-либо будет бранить ребенка или побьет его прутьями за его преступление, то он освобождается от (возмещения) ущерба, если он поклянется перед святыми, что он побил его за его преступление.

Статья 138.

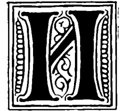
Что является законным препятствием неявки в суд (*echte not*)

Есть три случая, которые (можно считать) законными препятствиями: болезнь, пребывание в плену и служба государству за пределами страны. Болезнь должен под присягой подтвердить посланец в суд от больного, иначе он не будет отпущен на свободу. Пребывание в плену или служба за пределами страны (но не служба своему господину) подтверждаются (доказываются) при возвращении в страну присягой (клятвой) «собственной рукой», если ответчик не захочет проиграть дело.

5. «ЗОЛОТАЯ БУЛЛА»

(1356 г.)

МПЕРАТОР средневековой германской империи («священной римской империи германской нации») избирался феодалами. Вначале не существовало определенного порядка его избрания. В выборах принимали участие все знатные, главным образом князья. К концу XII века выделились князья-избиратели (курфюрсты), «которые первыми избирали» (qui primi sunt in electione). Остальным объявляли об избрании императора, и они тем или иным способом присоединялись. В качестве князей-избирателей выступали обычно 3 духовных (архиепископы Майнцский, Кельнский и Трирский) и 3—4 светских князя.

К середине XIII столетия притязания быть единственными светскими князьями-избирателями заявляли — герцог саксонский, маркграф бранденбургский, король чешский и пфальцграф рейнский. Острая борьба шла вокруг права голоса чешского короля. Его оспаривали баварские герцоги. В выборах 1257 года принимал участие Оттокар II Чешский. «Саксонское Зерцало» (книга III, ст. 57 § 2) отказывало чешскому королю в праве избирать, «потому что он не немец». В избрании Рудольфа Габсбургского (1273 г.) вместо чешского короля принимал участие Генрих Баварский. Затем при избрании Адольфа в 1291 году чешский король получил снова право голоса.

Борьба между князьями за преобладание и за влияние на выборах осложнялась борьбой папства за господство в Германии. Бессилие имперской власти способствовало тому, что папы достигли здесь такого влияния, какого они не могли добиться ни в Англии, ни во Франции. Стремясь превратить императора в простого управителя, фогта церкви (advocatus ecclesiae), папы стали присваивать себе право выражать одобрение или неодобрение избранному императору, устраивать своего рода examen personae, считая, что им принадлежит право апробации избранного.

Когда в 1198 году голоса избирателей разделились между Филиппом Швабским и Оттоном IV (сыном Генриха Льва), папа Иннокентий III в декреталии Venerabilem 1202 года приписал себе право окончательного суждения, кто должен стать императором. Заявляя, что право и власть избрания (римского) короля, долженствующего позднее стать (германским) императором, достались князьям-избирателям «от апостольского престола, передавшего римскую империю от греков германцам в особе велелепного Карла», Иннокентий писал:

«4. Но и князья должны признавать и всячески признают, что право и власть рассмотрения особы, избранной королем, долженствующей стать императором, принадлежит нам, которые ее помазываем, освящаем и коронуем; ибо по правилам вообще соблюдается, что рассмотрение особы касается того, кому принадлежит рукоположение. Ведь если бы князья — не только с разногласием, но и в согласии между собой — избрали королем какого-либо святотатца или отлученного, тирана или слабоумного, еретика или язычника, то разве мы должны были бы помазать, освятить и короновать человека такого рода? Да не будет этого никоим образом!».

Бонифаций VIII прямо заявлял, что он вправе распоряжаться империей и ее частями. Папы притязали на право смещать императоров путем отлучения от церкви. Григорий VII отлучил Генриха IV, Иннокентий III — Оттона IV, Иннокентий IV — Фридриха II, Иоанн XXII — Людвига Баварского и т. д.

Это вызывало противодействие князей. Борьба особенно обострилась при Людвиге Баварском (в первой половине XIV столетия). На основании решения, организованного в Рензе в 1338 году союза курфюрстов, Людвиг Баварский заявлял о притязаниях папы Иоанна XXII:

«... Прибегают к кое-каким злочестивым и извращенным толкованиям и мерзким притязаниям, заявляя лживо и лукаво против императорской власти и авторитета, против прав князей-избирателей и прочих князей и верных империи, будто императорское достоинство и власть исходит от папы, и что избранный император не является истинным императором или королем прежде, чем он не будят от папы, и что избранный император не является ским престолом; и (так как) с помощью такого рода гнусных притязаний и пагубных учений исконный враг возбуждает споры, разжигает распри, создает соперничество и

устраивает мятежи, то поэтому мы, для избежания такого зла, по совету и с согласия князей-избирателей и других князей империи объявляем, что императорское достоинство и власть исходят непосредственно от единого только бога; и что издревле она (эта власть) покоится на законе и обычаях империи; что после того, как кто-либо избирается в императоры или короли имперскими избирателями или большей частью их, он тотчас на основании одного только избрания должен считаться и называться истинным королем и императором римским... и не нуждается в одобрении, утверждении, поддержке или соизволении папы, либо апостольского престола или какого-либо другого».

Карл IV, избранный в 1346 году в императоры при поддержке папы и французского короля, опираясь на силу Чехии, стремился укрепить положение чешского королевства, преодолеть претензии Австрии, Баварии и папы римского на решающую роль в Германской империи. Для этого он был вынужден закрепить власть курфюрстов, объединить их в какой-то мере, ослабить вражду между ними. Карл созывает Нюрнбергский сейм 1355 года, «чтобы посоветоваться для общей пользы о мире и походе в стране». На основании постановления этого сейма Карл IV издал «Золотую буллу» для того, чтобы не было раздора «между семью князьями-избирателями Священной империи, которыми она должна освящаться, как семью сияющими светильниками в единстве семиобразного духа», чтобы «противодействовать будущим опасностям раздоров и разногласий между князьями-избирателями»[1].

«Золотую буллу» первоначально называли Carolina (по имени Карла), но чаще просто «курфюрстской буллой» и лишь через 10 лет (с 1366 г.) — «Золотой буллой» (по привешенной золотой печати). Она была курфюрстской буллой и по содержанию. Из 31-й главы 6 — посвящены вопросам, связанным с избранием «римского короля, долженствующего стать императором». 4 — попыткам (безуспешным) установить феодальный порядок (о файдах, о земском мире, о городских союзах и прочем), а 21 — князьям-избирателям (курфюрстам), их привилегиям, их участию в управлении и придворной жизни.

«Князья-избиратели стоят во главе всех должностей императорского двора», сказано в ст. 3-й «Золотой буллы». Из их среды назначались эрц-канцлеры, викарии, маршалы

[1] Из введения к «Золотой булле».

и другие высшие придворные должности. Им принадлежала монополия выбора императора. Их согласие (consensus principium) необходимо было для раздач имперских имуществ и имперских ленов.

На их ежегодных съездах должны были решаться важнейшие вопросы. Они имели право суда над императором и право его смещения. Закреплено было признание равенства курфюрстов императору: «Они являются частью нас самих» (ст. 24-я). Они пользовались такой же «священностью и неприкосновенностью», как и император. Ст. 24-я «Золотой буллы», заимствуя в значительной мере постановление римских императоров Аркадия и Гонория о преступлениях против величества (crimen laese maiestatis) (397 г.), считает посягательство на курфюрстов таким же преступлением, как и посягательство на императора.

Курфюрсты обладали такими же регалиями, как и император. Им принадлежали высшие судебные привилегии (privilegium de non evocando и privilegium de non appellando).

Так закреплялась в «Золотой булле» «великокняжеская (курфюрстская) олигархия». Маркс назвал «Золотую буллу» «основным законом немецкого многовластия»[1].

«Золотая булла» оказала влияние на последующее развитие государственного права в Германии, где она считалась действующим законом вплоть до XIX века.

Власть империи была призрачной[2]. Курфюрсты меньше всего желали ее усиления. Это наложило отпечаток на содержание «Золотой буллы». Вместо вопросов государственного строительства — забота о княжеских привилегиях, о конвое, о рангах, о местах на пиршествах, в процессиях и прочее, сочетаемая со стремлением удержать свою власть методами жесточайшего террора, заимствованными у поздней римской империи.

Как составлялась «Золотая булла», точно не известно. Известно лишь, что написана она была не сразу, ибо состоит из двух частей. Первая часть (так называемая Нюрнбергская — 1—23 ст. ст.) принята в январе 1356 года на Нюрнбергском сейме. Вторая — Мэцская (с 24 главы до конца) составлена, вероятно, в декабре 1356 года явно по

---

[1] «Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 827.

[2] См. там же, стр. 319.

требованию курфюрстов, в интересах усиления их власти.

Сохранилось 7 рукописей (по числу курфюрстов) «Золотой буллы», отличающихся в отдельных частностях. И поныне спорят о том, какая из рукописей является оригиналом.

Спорят и о том, кто был автором буллы. Одни приписывают авторство самому Карлу, другие — известному итальянскому юристу Бартолу, третьи считают, что булла была составлена в недрах императорской канцелярии. Эта точка зрения поддерживается большинством комментаторов и исследователей. Ее принял и Маркс. Он записал: «Кроме «составленных» самим Карлом IV-м статей, касающихся церемониала, одеяний, торжеств, рангов и т. п., все остальное, как предполагают, было делом рук Иоанна фон-Неймарка и Рудольфа фон-Фридберга»[1]. Оба они были сотрудниками императорской канцелярии. Неймарк — нотариусом, Фридберг — ученым юристом, затем канцлером.

«Золотая булла» была написана по-латыни.

Ниже даются извлечения из «Золотой буллы» 1356 года[2].

Для более подробного ознакомления с папскими доводами в пользу того, что якобы ему принадлежало право утверждать избранного курфюрстами императора, и с борьбой некоторых императоров, особенно Людвига Баварского против этих папских притязаний, дополнительно приводятся: Декреталий папы Иннокентия III 1202 года, резолюция князей-избирателей в Рензе в 1338 году относительно избрания короля, закон Людвига Баварского 1338 года об избрании императора, извлечение из «Защитника мира» Марсилия Падуанского, который, как и Данте, отрицал притязания пап на светскую власть, на их вмешательство в избрание императоров.

---

[1] «Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 82 и сл.

[2] Перевод по тексту, приведенному в указанном сборнике K. Zeumer'a с учетом текста и комментариями в изд. Ludewig 1716 (т. I), 1719 (т. II).

[Извлечения]

(а) «ЗОЛОТАЯ БУЛЛА»

Глава II

Об избрании римского короля

1. После же того, как... князья-избиратели или их послы вступят в город Франкфурт, они должны немедленно, на другой же день, рано утром прослушать в присутствии их всех в церкви св. апостола Варфоломея заказанную ими мессу... И архиепископ майнцский даст им форму присяги, и он с ними и они или, в случае их отсутствия, (их) послы с ним принесут на народном языке присягу...

3. Наконец, по принесении князьями-избирателями или (их) послами... присяги... пусть приступят они к избранию и никак уже названного города Франкфурта не покидают, прежде чем большая часть их не выберет временного главу мира или христианского народа, то есть римского короля, долженствующего стать императором. Если же они не успеют это сделать в течение 30 дней, считая без перерыва со дня принесения упомянутой присяги, то после этого, по прошествии этих 30 дней, пусть они питаются лишь хлебом и водою и никоим образом не выезжают из вышеназванного города до тех пор, пока ими или большею частью их не будет избран правитель или временный глава верующих, как об этом сказано выше.

4. После же того, как в том же месте они или большая по числу часть их совершит избрание, такое избрание должно считаться и рассматриваться так же, как если бы оно было совершено ими всеми единодушно без чьего-либо несогласия. И так как то, о чем ниже пишется, по древнему, установленному и похвальному обычаю всегда до селе нерушимо было соблюдаемо, посему и мы постановляем и предписываем всей полнотой данной нам императорской власти, что тот, кто вышеуказанным способом будет избран римским королем, тотчас же по окончании избрания, прежде чем он в силу власти Священной империи займется какими-нибудь другими делами или предприятиями, должен всем вместе и каждому в отдельности князьям-избирателям, духовным и светским, которые считаются ближайшими членами Священной империи, незамедлительно и беспрекословно подтвердить и одобрить своими грамотами и печатями

все их привилегии, грамоты, права, вольности, пожалования, старинные обычаи, а также почетные саны и все, что они от империи получили и чем обладали вплоть до дня выборов, и все перечисленное повторить еще раз им, после того как будет коронован императорской короной. Такое подтверждение избранный сам сделает и повторит каждому князю-избирателю особо, сперва от своего королевского имени, а затем под императорским титулом, и во всем этом будет обязан всем этим князьям-избирателям вместе и каждому из них в отдельности не чинить никаких препятствий а, наоборот, без злого умысла оказывать милостивую поддержку.

5. Мы постановляем, наконец, что в случае, если три князя-избирателя, присутствующие (на выборах), или (их) послы за (их) отсутствием, изберут в римские короли четвертого среди них или из их среды, то есть князя-избирателя, присутствующего или отсутствующего, то голос этого избранного, если он будет присутствовать, или его послов, в случае его отсутствия должен иметь полную силу, увеличивая число избирающих и образуя большинство вместе с (голосами) прочих князей-избирателей...

Глава III

О местах, занимаемых архиепископами Трирским, Кёльнским и Майнцским

...Красе и славе Священной римской империи, чести императора и желанному благу государства благоприятствует единодушие достопочтенных и светлейших князей-избирателей, которые, как высокие столпы, с ревностным благочестием и предусмотрительной мудростью поддерживают собою священное здание и помощью коих укрепляется десница императорской власти; и чем более полной благодатью взаимного благоволения связываются они между собою, тем более обильные блага мира и спокойствия счастливо изливаются на христианский народ.

Поэтому, чтобы между достопочтенными архиепископами майнцским, кёльнским и трирским, князьями-избирателями Священной империи пресечены были впредь на вечные времена поводы ко всяческим спорам и подозрениям, которые в будущем могли бы возникнуть относительно первенства или ранга их мест на императорских и королевских собраниях; и чтобы сами они, пребывая в спокойствии

сердец и душ, лучше, в полном единодушии и со рвением действенной любви могли размышлять на утешение христианскому народу о делах Священной империи, мы, по обсуждении со всеми князьями-избирателями, как духовными, так и светскими, и по их совету постановляем и полнотой императорской власти настоящим законным эдиктом, долженствующим сохранять силу на вечные времена, утверждаем, что вышеназванные достопочтенные архиепископы при всех публичных императорских актах, как-то, в судах, при наделении ленами, на званых обедах, а также на совещаниях по всяким прочим делам, ради которых случится, что они должны будут собраться для обсуждения вопросов, касающихся обоюдной пользы и чести их и империи,— могут, в праве и должны сидеть так: (архиепископ) трирский — прямо против лица императора; майнцский — в своем архиепископстве и в своих областях, и за пределами своих областей в пределах канцлерства по Германии, за исключением лишь Кёльнской области, а Кёльнский — в своем архиепископстве и в своих областях и за пределами своих областей во всей Италии и Галлии — по правую сторону римского императора...

Глава IV

О князьях-избирателях вообще

1. Сверх сего мы постановляем: всякий раз, как отныне впредь случится проводить имперское торжественное собрание (curiam), при любом заседании, как в совете, так и за (обеденным) столом, и в любых иных местах, где императору или римскому королю случится заседать вместе с князьями-избирателями,— чтобы по правую сторону императора или римского короля, непосредственно за архиепископом майнцским или кёльнским, а именно, за тем (из них), которому придется в то время, в силу его привилегии, сидеть с указанной правой стороны от императора, сообразно с тем, в какой это будет местности и в какой из областей,— должны занимать места: первое — король Богемии, как государь, коронованный и помазанный, а непосредственно за ним второе — пфальцграф рейнский; с левой же стороны, непосредственно за тем из названных архиепископов, которому придется сидеть с левой стороны, первое место займет герцог саксонский, а за ним второе — маркграф бранденбургский.

2. Далее, когда бы и сколько бы раз в будущем ни случалось (престолу) Священной империи быть вакантным, архиепископ майнцский будет тогда иметь власть,— как он имел (эту) власть, насколько известно, сыздавна,— созывать письменными извещениями прочих вышеупомянутых князей, своих соучастников по упомянутым выборам; когда же они все или те, которые смогут и пожелают присутствовать (на выборах), соберутся к назначенному дню выборов, названный архиепископ майнцский — и никто другой — должен будет опросить голоса своих соизбирателей, каждого в отдельности, в следующем порядке: первого, разумеется, он опросит архиепископа трирского, коему мы предоставляем первый голос, который, как нам известно, принадлежал ему до сих пор; второго — кёльнского архиепископа, коему по рангу и должности присвоено первому возлагать королевскую корону на римского короля; третьего — короля Богемии, коему, среди светских князей-избирателей, по его королевскому сану, по праву и по заслугам принадлежит первенство; четвертого — пфальцграфа рейнского; пятого — герцога саксонского; шестого — маркграфа бранденбургского; о голосах их всех названный архиепископ майнцский расспросит в указанном порядке. После этого названные князья-избиратели, его соучастники (по выборам), спросят, в свою очередь, его, чтобы и он сам выразил свое мнение и объявил им, (за кого подаст) свой голос.

3. Сверх того, на торжественных имперских собраниях (curïis) маркграф бранденбургский будет подавать воду для омовения рук императора или римского короля, а король Богемии — первый кубок, который, однако, он, в силу привилегии своей королевской власти, не будет обязан подавать, имея королевскую корону (на голове), если только не пожелает (сделать это) по доброй воле; затем пфальцграф (рейнский) будет обязан подносить блюдо, а герцог саксонский, как это повелось исстари, исполнять обязанности маршала.

Глава V

О праве пфальцграфа (Рейнского), а также герцога Саксонского

1. Далее, сколько бы раз, как сказано выше, ни оказывался престол Священной империи вакантным, светлейший пфальцграф рейнский, эрцтрухзес (верховный стольничий)

Священной империи на основании своего княжеского достоинства или пфальцграфской привилегии должен до принятия власти будущим римским королем быть временным правителем (provisor) этой империи в рейнских землях, в Швабии и в областях, где действует франконское право, с властью творить суд, предоставлять церковные бенефиции, собирать налоги и доходы, раздавать лены, принимать присяги на верность вместо (императора) и от имени Священной империи...

И мы желаем, чтобы в тех местах, где действует саксонское право, этим же правом временного правления (provisionis) пользовался светлейший герцог Саксонский эрцмаршал Священной империи, таким же образом и на таких же условиях, как это изображено выше.

2. И хотя император или римский король по тем делам, за которые его могут призвать к ответу, должен, как это говорят установлено по обычаю, держать ответ перед пфальцграфом рейнским, эрцтрухзесом, князем-избирателем Священной империи, однако сам пфальцграф не будет вправе производить этот суд ни в каком другом месте, кроме как при императорском дворе, то есть (там), где на ту пору император или римский король окажется пребывающим.

Глава VII

О наследовании князей-избирателей

Среди тех бесчисленных забот, которыми ежедневно утруждается сердце наше ради благосостояния Священной империи, коей мы благополучно, по воле божьей, правим, наши помыслы направлены главным образом на то, как бы всегда соблюдалось желанное и благотворное единение между князьями-избирателями Священной империи, и (как бы) сердца их в согласии искреннего благорасположения пребывали. Их заботливостью тем легче и тем скорее может быть оказана помощь колеблющемуся миру, чем менее в их среду будет закрадываться какое-либо недоразумение и чем чище будет сберегаться их (взаимное) благорасположение после того, как будут устранены (всяческие) сомнения, и право каждого будет с полной ясностью провозглашено...

Для того чтобы между сыновьями этих светских князей-избирателей в будущем не могли возникать поводы к

беспорядкам и несогласиям по вопросам указанного права, голоса и власти, и (чтобы), таким образом не мог быть опасными проволочками (dilationibus) нанесен ущерб общему благу,— мы с божьей помощью, желая наилучше предотвратить будущие опасности, устанавливаем и императорской властью постановляем настоящим законом, долженствующим иметь силу на вечные времена, чтобы после того, как кто-либо из этих светских князей-избирателей скончается, право, голос и власть в этих выборах переходили беспрекословно к его законному перворордному сыну недуховного звания...

Глава VIII

Об иммунитете короля Богемии и обитателей (его) королевства

В бозе почившими императорами и римскими королями, нашими предшественниками, некогда всемилостивейше было предоставлено и пожаловано светлейшим королем Богемии, нашим прародителям и предшественникам, а равно королевству Богемии и этого королевства короне, и по похвальному обычаю с незапамятных времен нерушимо и долговременно соблюдаемому и предписанному теми, кто его соблюдает без возражений и без перерывов, установлено, что никакой князь, барон, сеньор, рыцарь, слуга, городской обитатель, горожанин, одним словом никто из этого королевства и всех принадлежащих ему земель, где бы они ни находились,— какого бы положения, звания, ранга или состояния он ни был,— не может впредь на вечные времена быть вызываем и привлекаем, по настояниям какой-нибудь из сторон ни в какой суд за пределами этого королевства и ни в чей-либо иной суд, кроме как в суды короля Богемии и судей его королевской курии. Посему, по надлежащем рассмотрении, возобновляя и вместе с тем подтверждая императорским авторитетом и полнотой императорской власти эту привилегию, обычай и пожалование,— мы этим нашим настоящим императорским постановлением, долженствующим сохранять силу на вечные времена, устанавливаем, что если, вопреки указанной привилегии, обычаю или пожалованию, кто-либо из вышеназванных, как-то: князь, барон, сеньор, рыцарь, слуга, обитатель города, горожанин или крестьянин или иной кто-либо из ранее упомянутых лиц, по какому-либо делу, уголовному, гражданскому, или

смешанному, или по какому бы то ни было процессу, в какое бы то ни было время вызван будет в чей бы то ни было суд за пределами названного королевства Богемии, то он ни в малейшей мере не будет обязан являться (туда) или давать ответ на (этом) суде.

Поэтому, если случится, что против таких не являющихся будут каким-либо судьей за пределами Богемии, именем чьей бы власти он ни действовал, возбуждаться каким-нибудь образом судебные дела, вестись процессы или выноситься и объявляться приговоры, предварительные (по частному вопросу) или окончательные (по основному делу), один или несколько, по каким бы то ни было делам или процессам,— (в таком случае) мы нашей волей и вышеназванной полнотой императорской власти признаем совершенно ничтожными и отменяем такого рода вызовы, предписания, процессы, приговоры, а равно их (принудительные) исполнения и все, что могло бы на основании их или части их воспоследовать, быть потребовано или совершено. К этому мы в особенности добавляем и императорским эдиктом, долженствующим сохранять силу на вечные времена, нашей волей и упомянутой полнотой власти постановляем, чтобы, как в названном королевстве Богемии с незапамятных времен непрестанно соблюдалось, так и впредь не дозволялось бы никакому князю, барону, сеньору, рыцарю, слуге, обитателю города, горожанину или крестьянину, словом, никакому лицу или обитателю часто упоминавшегося королевства Богемии, какого бы положения, ранга, сана или состояния они ни были или он ни был,— апеллировать к какому бы то ни было иному суду на какие бы то ни было процессы, приговоры, предварительные (по частному вопросу) или окончательные (по основному делу) или на предписания короля Богемии или каких бы то ни было его судей, а также на принудительные исполнения этих (приговоров), состоявшихся или вынесенных в королевском суде, или в присутствии короля королевства, или (в суде) вышеназванных судей, исполненных или подлежащих исполнению...

Глава IX

О золотых и серебряных и иного вида рудниках

Настоящим постановлением, долженствующим сохранять силу на вечные времена, мы устанавливаем и, по надлежащем рассмотрении, объявляем, что наши наследники,

короли Богемии, а равно князья-избиратели, все вместе и каждый в отдельности, которые когда-либо будут,— духовные и светские,— всеми копями, золотыми и серебряными, и рудниками олова, меди, железа, свинца и других любых металлов, а также соли, как найденными, так и могущими быть найденными когда-нибудь впоследствии в указанном королевстве, в землях, ему принадлежащих и во владениях, подвластных тому же королевству,— могут полностью обладать и законно владеть со всеми, безо всякого исключения, правами, как таковые (вещи) могут находиться и обыкновенно находятся в (чьем-либо) владении...

Глава X
О монетах

Кроме того, мы постановляем, чтобы каждому будущему королю Богемии, нашему преемнику, (предоставлено было) следующее право, которое, как известно, предоставлялось с древнего времени нашим предшественникам, достославным королям Богемии, и которым они мирно и беспрерывно обладали, а именно (право) производить и разрешать производить чеканку золотых и серебряных монет во всяких местах и частях своего королевства, подчиненных ему земель и принадлежащих (ему владений), где король предпишет и где ему заблагорассудится,— всяким способом и во всякой форме, которые до сего времени соблюдались в самом королевстве Богемии и в этих (его землях);...

Равным образом мы желаем, чтобы настоящее постановление и пожалование, в силу настоящего нашего императорского закона, полностью было распространено на всех князей-избирателей, как духовных, так и светских, на их преемников и законных наследников во всех тех видах и на всех тех условиях, как говорится выше.

Глава XI
Об иммунитете князей-избирателей

Мы постановляем также, что никакие графы, бароны, сеньоры, ленники, вассалы, владельцы замков, рыцари, слуги, горожане, городские обитатели и никакие (вообще) лица, подданные церквей кёльнской, майнцской и трирской, какого бы положения, состояния и сана они ни были,

(как) в прежние времена не могли быть вызываемы, (так) и отныне впредь на вечные времена не должны и не могут быть привлекаемы и вызываемы по требованию какого бы то ни было истца вне территории и за границами и пределами этих церквей и владений, к ним принадлежащих, в какой бы то ни было и в чей бы то ни было суд, кроме как в суд архиепископов майнцского, трирского и кёльнского и их судей, как это и было соблюдаемо, насколько нам известно, в прежние времена...

Мы желаем, чтобы это же постановление в силу настоящего нашего императорского закона полностью было распространено на светлейших: пфальцграфа рейнского, герцога саксонского и маркграфа бранденбургского, князей-избирателей светских, или недуховных, на их наследников, преемников и подданных — во всех тех видах и на всех тех условиях, как говорится выше...

Глава XII

О собрании князей-избирателей

Среди тех многообразных забот о государстве, которыми беспрестанно занимается наша мысль, наше величество по многом размышлении усмотрело, что необходимо будет, чтобы князья-избиратели Священной империи для обсуждения (вопросов, касающихся) блага самой империи и земного мира, собирались чаще, чем это принято, так как они — (эти) прочные основы и незыблемые столпы империи,— живя в землях, далеко отстоящих друг от друга, имеют возможность сообщать друг другу и вместе с тем обмениваться друг с другом мнениями о наиболее тягостных недостатках (настоятельных нуждах) знакомых им областей и способны благотворными, предусмотрительными решениями своими умело содействовать надлежащему исправлению таковых. И вот на торжественном сейме (curia) нашем, проведенном в Нюрнберге нашим величеством вместе с достопочтенными духовными и светлейшими светскими князьями-избирателями и многими другими князьями и сеньорами, мы, переговорив с этими князьями-избирателями и по их совету, сочли за нужное вместе с названными князьями-избирателями, как духовными, так и светскими, к общей пользе и благу установить, что эти князья-избиратели должны впредь лично съезжаться ежегодно один раз,

спустя четыре, считая непрерывно, недели после праздника Пасхи, (то есть) воскресения Господня, в каком-либо из городов Священной империи...

Глава XV

О заговорах

Кроме того, проклятые и священными законами порицаемые заговоры и (тайные) сходки или недозволенные сообщества (лиги) в городах или за их пределами, между городом и городом, между лицом и лицом, либо между лицом и городом,— под предлогом ли покровительства или принятия в граждане,— или заговоры какой бы то ни было окраски, а также союзы и соглашения и заведенный насчет этого обычай, который мы рассматриваем скорее, как пагубу,— мы отвергаем, осуждаем и по надлежащем рассмотрении объявляем лишенными силы; (а именно те соглашения и союзы), которые города или лица какого бы то ни было сана, состояния, или положения до настоящего времени устраивали или в будущем вздумают устраивать, как между собой, так и с другими без одобрения сеньоров, подданными или слугами коих они (являются) или на землях коих они пребывают, даже если они (эти соглашения) и не направлены против этих сеньоров; поскольку не подлежит сомнению, что (эти заговоры и сообщества) признавались священными законами в бозе почивших августейших предшественников наших недопустимыми и подлежашими отмене. Отсюда, конечно, исключаются те союзы и лиги, о которых известно, что их заключили между собою князья, города и другие ради общего мира провинций и земель...

Глава XVI

О пфальбюргерах

Далее, так как некоторые граждане и подданные князей, баронов и других (лиц),— как на это до нас доходят частые жалобы,— стремясь сбросить с себя узы исконного подданства и даже с безрассудной дерзостью пренебрегая им, добиваются, чтобы их приняли в число граждан других городских общин; и довольно часто в прошлом добивались этого; и, однако, в действительности продолжают проживать в землях, в больших и малых городах и селениях прежних сеньоров, которых они осмелились или осмелива-

ются так коварно покинуть, претендуя (в то же время) на пользование вольностями и защитой тех городских общин, к которым они так переходят,— их в областях Германии обыкновенно называют пфальбюргерами; — то, поскольку не должно потворствовать ничьему коварству и обману, мы полнотой императорской власти, находя поддержку в мудром совете князей-избирателей духовных и светских, по надлежащем рассмотрении постановляем и настоящим законом, долженствующим сохранять силу на вечные времена, утверждаем, что отныне и впредь упомянутые граждане и подданные, издевающиеся так над теми, кому они подчинены, ни в коем случае не должны ни в каких землях, местностях и провинциях Священной империи получать права и вольности тех городских общин, принятия в гражданство которых они столь коварно добиваются и доселе добивались,— разве только они, переселяясь на самом деле со всем своим имуществом в эти городские общины, имея там свои очаги и постоянно и действительно, а не фиктивно, там проживая, принимают в них на себя полагающиеся налоги и муниципальные повинности...

Глава XVII

Об объявлениях частных войн (файдах)

Относительно тех, которые под предлогом, что у них имеется законное основание к объявлению частной войны (файды) каким-либо лицам, объявляют (эту) войну в местах, где те не имеют жилищ (domicilia) или обычно не проживают, и заранее их не предупреждают, мы объявляем бесчестным нанесение всякого ущерба, причиняемого поджогами, расхищениями или грабежами тех, которым объявлена война. И так как нельзя брать под защиту ничей обман или коварство, то настоящим постановлением, долженствующим сохранять вечную силу, мы определяем, что такого рода объявления частных войн, таким путем совершенные и готовящиеся в будущем быть совершенными против каких бы то ни было сеньоров или лиц, с которыми (дотоле) поддерживалось общение, знакомство или добрая дружба, не имеют законной силы; и никому не дозволяется под предлогом объявления частной войны нападать на кого-либо, производя поджоги, расхищения или грабежи, если об объявлении войны не будет послано извещение за три полные дня (до начала ее) лично тому, против кого

объявляется война; или об этом не будет публично объявлено в том месте, где последний обычно проживает, и если (факт) посылки такого рода извещения не сможет быть полностью подтвержден достоверными свидетелями. Всякий же, кто иначе вздумает объявлять войну и нападать на кого-нибудь не так, как упомянуто, должен без судебного разбирательства (Io ipso) лишиться чести, как если бы не было сделано никакого объявления войны. Также мы предписываем подвергнуть его, как изменника, через любых судей установленным наказаниям. Мы запрещаем и осуждаем незаконные войны и раздоры, все вместе и каждую в отдельности, также все незаконные поджоги, расхищения и грабежи, непричитающиеся и необычные пошлины, навязанные конвои и обычные вымогательства платы за эти конвои,— под страхом наказаний, которыми священные законы повелевают карать все вышеуказанные (деяния) и каждое из них.

Глава XX

О неотделимости курфюршеств от прав, с ними связанных

Так как все княжества и каждое (из них) в отдельности, в связи с которыми светские князья-избиратели получают, как известно, права и голос на выборах римского короля, долженствующего потом стать императором, до такой степени сопряжены и неразрывно соединены с этим правом, должностями, санами и с другими правами, с ними связанными и от них проистекающими, что право, голос, должность и сан, а также другие права, относящиеся к какому-либо из этих княжеств, не могут доставаться никому другому, кроме того, о ком известно, что он владеет самим курфюршеством с его территорией, вассально-зависимыми землями, ленами и доменами и со всем к нему относящимся,— то настоящим императорским эдиктом, долженствующим сохранять силу на вечные времена, мы предписываем, что каждое из названных курфюршеств должно в такой степени оставаться и быть навеки нераздельно соединенным и связанным с избирательным правом, голосом, должностью и всеми прочими санами, правами, и всем к нему относящимся, что владетель какого-либо курфюршества должен также пользоваться спокойным и свободным обладанием правом, голосом, должностью, саном и всем к нему относящимся и почитаться всеми за князя-избирателя; и

сам, а не (кто-либо) иной, должен быть без всяких возражений приобщаем и допускаем прочими князьями-избирателями к выборам и ко всем иным актам, которые надо будет совершать ради чести и блага Священной империи; и ничто из вышеизложенного никогда не должно быть отделяемо либо обособляемо от другого, так как все это нераздельно и должно быть нераздельным; и ни в судах, ни вне (их) не может быть ни требуемо, ни получаемо, ни даже судебным решением отделяемо; и никто, заявляющий притязание на одно без другого, не должен быть выслушиваем...

Глава XXII

О местах князей-избирателей в процессиях и кому надлежит вести инсигнии

Для определения же порядка следования в процессиях (светских) князей-избирателей в присутствии шествующего императора и римского короля, о чем мы упомянули выше, мы постановляем, чтобы всякий раз, как на торжественном императорском собрании князьям-избирателям придется вместе с императором или римским королем шествовать в процессиях при каких-либо актах или торжествах, и нужно будет нести императорские инсигнии, — герцог саксонский, несущий императорский или королевский меч, должен шествовать непосредственно перед императором или королем и находиться между ним и архиепископом трирским; а пфальцграф рейнский, несущий императорскую державу, должен шествовать от герцога саксонского с правой стороны, маркграф же бранденбургский, несущий скипетр, — с левой по прямой линии; король же Богемии должен следовать непосредственно за самим императором или королем, не имея никого посередине.

Глава XXIV[1]

Если кто-либо с князьями, рыцарями или частными лицами или даже с какими бы то ни было лицами из плебса вступит в преступное сообщество и принесет клятву данного сообщества относительно убийства достопочтенных и светлейших наших и Священной римской империи духовных или светских князей-избирателей или одного из них,

[1] С этой главы начинается 2-я часть буллы, составленная в декабре 1356 года.

здания. Поэтому мы предписываем и настоящим императорским эдиктом, долженствующим сохранять силу навеки, приказываем, чтобы отныне и впредь на вечные будущие времена достославные и величественные княжества, а именно: королевство Богемское, пфальцграфство Рейнское, герцогство Саксонское и маркграфство Бранденбургское, их территории, области, зависимые и вассальные земли и любое к ним принадлежащее, не раздроблялись (по долям), не разделялись (в натуре) и не расчленялись под каким-либо условием; но с тою целью, чтобы они, наоборот, навсегда оставались в совершенной своей целостности, в них должен наследовать первородный сын, и ему одному должно принадлежать право и верховенство...

Глава XXIX

1. Мы узнали также из вполне ясных известий и преданий древних, что с незапамятных времен теми, кто нам счастливо предшествовал, беспрерывно соблюдалось то, что избрание римского короля, будущего императора, совершалось в вольном городе Франкфурте, первая коронация — в Ахене, а первый его королевский сейм проводился в городе Нюрнберге; поэтому мы объявляем, что по тем же основаниям вышеуказанное должно соблюдаться и на будущее время, если этому или чему-либо из этого не встретится законное препятствие...

(б) ДЕКРЕТАЛИЙ «VENERABILEM»[1] ИННОКЕНТИЯ III В ПОЛЬЗУ ОТТОНА IV

(март 1202 года)

Благородному мужу, герцогу Царингии.

1. Достопочтенного брата нашего... архиепископа зальцбургского, и возлюбленного сына... аббата салемского, и благородного мужа... маркграфа Восточной марки, отправленных к апостольскому престолу послами от некоторых князей мы милостиво приняли и сочли нужным даровать им благосклонную аудиенцию; также и письма, отправленные нам через них некоторыми князьями, мы пове-

[1] Venerabilis — достопочтенный. По обычаю папские постановления назывались по первому слову текста документа. Данный декреталий начинается со слов «Достопочтенного брата».

ли тщательно прочесть и отметили себе все, что в них содержалось.

2. Среди прочего же, сообщенного нам указанными князьями в тех письмах, они главным образом применяют следующие возражения: они говорят, что достопочтенный брат наш епископ палестринский, легат апостольского престола играл роль либо избирателя, либо следователя; если избирателя, то он пустил свой серп на чужую жатву и, вмешиваясь в избрание, умалил достоинство князей; если же следователя, то он, по-видимому, действовал противозаконно при отсутствии одной из обеих сторон, поскольку она не была вызвана и поэтому не должна была считаться упорствующей.

3. Мы же, будучи обязаны по долгу апостольского служения отдавать каждому должное в правосудии, не хотим ни давать другим узурпировать наше правосудие, ни присваивать себе право князей. Посему признаем, как должно, за теми князьями, которых это по праву и древнему обычаю заведомо касается, право и власть избрания короля, долженствующего позднее стать императором; тем более, что такого рода право и власть достались им от апостольского престола, передавшего римскую империю от греков германцам, в особе великолепного Карла.

4. Но и князья должны признавать и всячески признают, что право и авторитет рассмотрения особы, избранной королем и долженствующей стать императором, принадлежит нам, которые ее помазываем, освящаем и коронуем; ибо по правилам вообще соблюдается, что рассмотрение особы касается того, кому принадлежит рукоположение. Ведь если бы князья — не только с разногласием, но и в согласии между собой — избрали королем какого-либо святотатца или отлученного, тирана или слабоумного, еретика или язычника, то разве мы должны были бы помазать, освятить и короновать человека такого рода? Да не будет этого никоим образом!

5. Итак, отвечая на возражения князей, мы утверждаем, что наш легат, епископ палестринский, не играл роли избирателя (относительно чего нам возражали в своих письмах некоторые из князей), поскольку он не устроил ничьего избрания и сам не избирал, и таким образом отнюдь не вмешался в избрание; и он не играл роли следователя, ибо не счел нужным ни утвердить, ни также опротестовать ничьего избрания касательно действий избирателей, и таким образом ни в коей степени не присвоил себе права князей

и не нарушил его. А выполнил он обязанность обличителя, так как обличил особу указанного герцога как недостойную, а особу самого короля (изобразил) достойной получения императорского сана, не столько по стремлениям избирателей, сколько по заслугам избранных — хотя известно, что многие из тех, кто по праву и обычаю обладает властью избрания короля, долженствующего стать императором, согласились на (том, чтобы избрать) именно короля Оттона, и хотя из того, что сторонники Филиппа дерзнули избрать его в отсутствие прочих и оказав им пренебрежение, явствует, что они действовали противозаконно; ибо достоверно в отношении права, что пренебрежение, оказанное (хотя бы) одному лицу больше препятствует избранию, чем противоречие со стороны многих. В силу этого может считаться не лишенным справедливости, что лица, злоупотребившие предоставленной им властью, заслужили утрату своей привилегии; ибо при отсутствии такого рода беззакония прочие смогли бы использовать свое право.

6. А поскольку вышеуказанный герцог принял корону и помазание и не там, где должно, и не от того, от кого должно, упомянутый же король получил и то и другое, и где должно, то есть в Ахене, и от кого должно, то есть от достопочтенного брата нашего архиепископа кёльнского, то, по требованию справедливости мы безусловно считаем и именуем королем не Филиппа, а Оттона. При свержении же вышеназванного Филиппа, герцога швабского, по причине очевидных препятствий в отношении его особы, требовалось не обвинение, а скорее осуждение, потому что очевидное нуждается не в обвинении, а в осуждении. А что в случае разделения голосов князей при избрании мы, после увещания и выжидания можем благоприятствовать одной из сторон (в особенности, раз у нас испрашивают помазание, освящение и коронование, как это у нас обе стороны многократно испрашивали) — это одинаково явствует по праву и по примеру. Ведь если князья после увещания и выжидания, либо не смогут, либо не пожелают притти к согласию, то неужели апостольский престол должен будет остаться без адвоката и защитника, и их вина преизольется ему в наказание? Князья, однако, знают и твоему благородию небезызвестно, что когда Лотарь и Конрад были избраны при разногласии, то первосвященник римский короновал Лотаря, и он по коронации достиг императорского сана, причем тогда тот же Конрад обратился, наконец, к его милости.

7. Итак, мы сочли нужным через посольство князей увещать их, дабы подобно тому, как мы воздержимся от нарушения их собственного права, так и они сами никоим образом не выказывали себя нарушителями нашего права, но отступались бы от вышеназванного герцога, отвергнутого нами не иначе, как по справедливому суждению, и не отказывались бы присоединиться к вышеназванному королю Оттону,— разве только они законным порядком смогут возразить и доказать что-либо против (его) особы или действий.

8. Ибо препятствия (относительно) герцога швабского знаменательны, а именно: публичное отлучение, очевидное клятвопреступление и общеизвестное преследование, которому родители его и сам он дерзнули подвергать апостольский престол и иные церкви. Ибо в бытность свою в Тоскане он был предшественником нашим, благой памяти папой Целестином, публично и торжественно после многократного увещания связан узами отлучения по причине вторжения в отчину блаженного Петра и опустошения ее; что он и сам позднее признал, поскольку через своего посла просил нашего предшественника о благодетельном снятии отлучения, а еще позднее тайным образом дал с себя снять отлучение после своего избрания близ Вормса, вопреки предписанию нашего полномочия, лишь фактически (так как юридически нельзя было), тогдашнему епископу сурийскому.., которого мы вместе с аббатом святого Анастасия послали в Германию для освобождения достопочтенного брата нашего архиепископа салернского. Отсюда явствует, что, он был избран в состоянии отлучения; и не без основания представляется, что он и поныне по той же причине связан узами отлучения, так как вышеупомянутый епископ не мог снять с него отлучения собственной властью, властью же нашего полномочия он не имел на это ни бо́льших, ни иных прав, нежели было дозволено апостольским престолом. Полагаем, что он очевидным образом подпадает действию приговора по отлучению еще и потому, что хотя вероломный Марквальд, враг бога и церкви, по заслугам скован за свое беззаконие узами общеизвестного отлучения, вместе со всеми своими сторонниками, как германскими, так и латинскими (как мы уже сообщили вам, насколько помнится, в послании нашем, отправленном через П. судью Пьяченцы, посла самого Филиппа, и это послание достигло, полагаем, слуха самого Филиппа) — сам он (Филипп), будучи извещен об этом не только докладом данного

судьи, но и общественной молвой, тем не менее не только общается с этим отлученным, но и благоприятствует ему по злобе своей и изощряет через послов и письма его ярость, дабы дражайшего во Христе сына нашего Фридриха, короля Сицилии, сиятельного племянника своего, уже лишенного им отцовского наследия, лишить также материнского владения. Он же, побуждаемый порочным честолюбием, дерзнул также, вопреки собственной присяге, касательно которой он даже не спросил совета у апостольского престола, захватить королевскую власть (и даже) не избрать кого-либо другого королем — что, во всяком случае, представлялось бы допустимее, поскольку надлежало касательно данной присяги сперва запросить апостольский престол, как его кое-кто благоразумным образом и запросил — престол, обладающий по божьему устроению, полнотой власти. И недостаточно для полного оправдания его, если ту присягу объявят незаконной, так как он все-таки должен был сперва запросить о ней нас, а не нарушать ее по собственной предерзости. А что вопрос о том, была ли упомянутая присяга законной или незаконной и надлежало ли поэтому ее соблюдать или не надлежало, подлежит нашему суду — это никому здравосмыслящему небезызвестно.

9. А что Филипп происходит из рода гонителей, в этом, полагаем, князья не сомневаются, поскольку Генрих, первый из этого рода принявший императорский сан, дерзнул пленить предшественника нашего, благой памяти папу Пасхалия вместе с епископами, кардиналами и многими знатными римлянами; Фридрих же, отец самого Филиппа, долгое время возбуждал схизму против предшественника нашего, блаженной памяти Александра; а как вел себя Генрих, брат самого Филиппа, с убийцами епископа Лоди, святой памяти Альберта, которого он же сперва заставил пребывать в изгнании, а также Конрад, который захватил вышеупомянутого епископа Остии — достаточно нам известно; как он же, далее, приказал достопочтенного брата нашего, епископа Озимо, бить по лицу, рвать волосы из бороды его и недостойно обращаться с ним в присутствии многих; как он, далее, приказал членовредительски лишить носа некиих ближних церкви римской; как он пленил вышеупомянутого архиепископа салернского и приказал иных клириков сжечь на костре, а иных — утопить в море — (все это) достигло, полагаем, твоего и других князей слуха.

10. Сверх того, если бы вышеупомянутый герцог завладел императорским саном — чего да не будет! — то погибла

бы вольность князей относительно избрания и исчезло бы доверие прочих во всем прочем. Ибо если,— как некогда Фридрих наследовал Конраду и Генрих позднее Фридриху, так и теперь либо Фридрих наследовал бы Филиппу, либо Филипп Генриху,— то императорский сан оказался бы принадлежащим не по избранию, а по наследству. И поскольку многие из имперских князей не менее знатны и могущественны, то это послужило бы им в ущерб,— если бы оказалось, что никто не может удостоиться императорского сана, кроме как из дома герцогов швабских.

11. Итак, поскольку мы никак и ни в коем случае не можем отклониться от нашего решения, но скорее должны твердо пребывать в нем, а ты нам часто считал нужным внушать в письмах, чтобы мы никоим образом не благоприятствовали тому самому герцогу — увещаем и призываем в господе твое благородие и препоручаем через апостольское писание, дабы ты в меру своей уверенности в нашем благорасположении и в меру нашей надежды на твою верность вообще всецело отступился от вышеназванного герцога Филиппа, невзирая на присягу, если ты принес ему таковую в отношении королевского сана, ибо такого рода присяга не должна соблюдаться, раз он отвергнут касательно достижения императорского сана. К вышеупомянутому же королю Оттону, которого мы, с божьего соизволения, предполагаем призвать к императорскому венцу, примкни явно и мощно, дабы, примкнув к нему согласно нашему увещанию, преимущественно заслужить среди первейших его милость и благоволение — к чему мы, из любви к твоему благородию, приложим действенное старание.

Дано в Латеране.

(в) РЕЗОЛЮЦИЯ В РЕНЗЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ИЗБРАНИЯ КОРОЛЯ[1]

(июля 16-го 1338 года)

Во имя Господа аминь. Через настоящий публичный документ да будет всем ведомо, что

...в год от воплощения Его (Господа) 1338-й, в день 16-й месяца июля, около 7-го часа этого дня, в 6-й индиктион[2] и в 4-й год папства господина папы Бенедикта XII, на

[1] Перевод по тексту, приведенному к статье K. Zeumer, Ludwigs, des Bayern Königswahlgezetz, «Licet iuris», Neues Archiv der Gesellchaft für ältere deutsche Geschichtskunde, 1904, стр. 110 и след.

[2] Индиктион (греч.) — период в 15 лет.

померии, расположенном возле рейнской виллы над течением Рейна, где князья-избиратели Священной римской империи имеют обыкновение собираться чаще всего для обсуждения выборов или других дел этой империи.

почтенные во Христе отцы Господа архиепископы церквей: Генрих Майнцский, Вальрам Кёльнский и Балдвин Трирский, а также сиятельные князья и государи: Радульф, Руперт-Руперт и Стефан, представители пфальцграфа Рейнского, с общим для всех них правом голоса; также Радульф, герцог Саксонии, и Людвиг, маркграф Бранденбургский, собравшись вместе и лично занявшись обсуждением законов империи и ее обычаев,* переговорив также с возможно большим числом церковных и светских верных названной империи и опросив об этом согласно и единообразно по порядку приведенных к присяге трех приглашенных к ним,

(после всего этого), поскольку принято обычаем, чтобы выносили определение сами князья, они приговором своим заявили и определением провозгласили, что

по закону и по древнему общепризнанному обычаю империи избранный — даже неединогласно (etiam in discordia) — в римские короли имперскими князьями-избирателями или большею по числу их частью не нуждается в провозглашении, одобрении, утверждении, признании или соизволении апостольского престола для того, чтобы воспринять заведывание достоянием и правами империи или королевский титул, и что относительно этого такой избранный не имеет надобности прибегать к этому престолу; но что с незапамятных времен установлено, принято и заведено, что избранные имперскими князьями-избирателями единодушно или, как выше (сказано), большею частью (их) воспринимали королевский титул и заведывание достоянием и правами империи; и по закону и обычаю могли и будут мочь делать это беспрепятственно, не имея и не получая на это никакого одобрения или разрешения (от) упомянутого апостольского престола.

Когда это было провозглашено и так определено, названные государи — князья-избиратели — всех и каждого в отдельности, присутствовавших там же тогда на их переговорах и совещаниях, особо, под их присягой, какую они обязаны были принести или принесли империи, спросили, что́ они сами думают об обсужденных, определенных и провозглашенных правах и обычаях империи. Все они, и каждый из них в отдельности, высказываясь, давая свои

суждения и определения в тех же самых словах или в подобных им, в конечном итоге единодушно сошлись на том, в чем заключалось мнение вышеназванных курфюрстов.

(г) ЗАКОН ЛЮДВИГА БАВАРСКОГО ОБ ИЗБРАНИИ ИМПЕРАТОРА[1]

(август 1338 года, Франкфурт)

...Свидетельства того и другого права могут удостоверить (сделать очевидным), что императорское достоинство и власть произошли с самого начала непосредственно от единого только бога, чтобы он через императоров и королей мог дать роду человеческому мирские законы, и что император исключительно в силу избрания теми, кому принадлежит (право) избрания, делается истинным императором и не нуждается в утверждении или одобрении со стороны кого-нибудь другого, потому что в земных делах он не имеет никого выше себя, но (наоборот) ему подчинены все народы; (да) и сам Господь Иисус Христос заповедал, что «богу должно будет воздавать божие, а кесарю кесарево»; но так как некоторые, ослепленные корыстолюбием и честолюбием, и некоторые, мнящие себя обладающими пониманием Писания, но уклоняющиеся от пути правильного знания, прибегают к кое-каким злочестивым и извращенным толкованиям и мерзким притязаниям, заявляя лживо и лукаво против императорской власти и авторитета, против прав князей-избирателей (курфюрстов) и прочих князей и верных империи, будто императорское достоинство и власть исходят от папы, и что избранный в императоры не является истинным императором или королем, прежде чем он не будет утвержден, одобрен и коронован папой или апостольским престолом; и (так как) с помощью этого рода гнусных притязаний и пагубных учений исконный враг возбуждает споры, разжигает распри, создает соперничество и устраивает мятежи,— то поэтому мы, для избежания такого зла, по совету и с согласия князей-избирателей и других князей империи, объявляем, что императорское достоинство и власть исходят непосредственно от единого только бога и что издревле она (эта власть) покоится на законе и обычаях империи, что после того, как кто-либо избирается в императоры или короли имперскими избирателями едино-

[1] Перевод по тексту, приведенному в указанной статье K. Zeumer'a, стр. 100 и след.

гласно или большею частью их, он тотчас же, на основании одного только этого избрания, должен считаться и называться истинным королем и императором римским, и ему должны оказывать повиновение все подданные империи. и он имеет полную власть управлять достоянием и правами империи и делать (все) прочее, что входит в компетенцию истинного императора и не нуждается в одобрении, утверждении, поддержке или соизволении папы, либо апостольского престола или кого-нибудь другого.

И настоящим, имеющим сохранять силу навеки, законом мы постановляем, чтобы избранный в императоры единогласно или большей частью князей-избирателей считался и признавался всеми на основании одного только избрания за истинного и законного императора, (чтобы) ему обязаны были повиноваться все подданные империи, чтобы ему принадлежали административные и судебные права и (вся) полнота императорской власти, и чтобы все признавали и непоколебимо заявляли, что он (действительно) имеет и получил (эту власть).

Если же кто осмелится заявлять притязания (спорить) или возражать против этих провозглашений, постановлений и определений или против какого-нибудь (одного) из них, либо соглашаться с заявляющими (такие) притязания или (так) говорящими, либо слушаться их приказаний, посланий или предписаний, то их (этих людей) мы с этого момента лишаем и признаем лишенными юридически и фактически всех феодов, которые они держат от империи, всех пожалований, судебных прав, привилегий и иммунитетов, предоставленных им нами или нашими предшественниками.

Сверх того, мы постановляем, что совершенное ими преступление должно рассматриваться как оскорбление величества, и они подлежат всем наказаниям, полагающимся тем, которые совершают это преступление...

(д) ИЗ «ЗАЩИТНИКА МИРА» («DEFENSOR PACIS») МАРСИЛИЯ ПАДУАНСКОГО[1]

(1324 г.)

Некоторые римские государи со времен Константина пожелали свое избрание по-дружески передавать на засви-

[1] Перевод сделан по изданию Qoldast Monarchiae S. R. imperii sive tractatuum de iuresdictione imperiale, Francorti, 1668, ч. II, гл. 26.

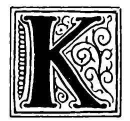
детельствование римским епископам, дабы, выражая в их лице особое почтение ко Христу, получить от него, через посредство (этих) епископов, более полное благословение и благодать для управления своей империей; таким же или приблизительно подобным образом некоторые римские императоры, ради придания торжественности своему восшествию на престол, чтобы ознаменовать его и получить более полную божественную благодать, поручали римским епископам возлагать на них царскую корону. Но кто же станет утверждать, что это возложение дает римскому епископу больше власти над римским императором, чем (такое же возложение) реймскому епископу над королем франков? Ибо торжественные обряды этого рода не вручают власти, а лишь отмечают власть, уже полученную или врученную. И вот из этого почтения, так добровольно выраженного римскими государями, римские епископы, не раз уже заявлявшие притязания на то, что им не принадлежит, пользуясь простодушием, чтобы не сказать малодушием — государей, создали обычай, или правильнее говоря, злоупотребление,— называть то одобрение и благословление избранного лица, которое они давали ему устно или письменно, утверждением этого избрания. И в то время, как римские государи не замечали, какие вредные замыслы крылись под видом этого названия (утверждения), римские епископы постепенно придали ему (сначала) скрытно, а теперь уже открыто, такой смысл, что никто, как бы правильно он ни был выбран в римские короли, не должен ни называться королем, ни иметь власти римского короля, ни осуществлять ее, если он не будет одобрен римским епископом. А это одобрение, как он утверждает, целиком зависит от воли одного только римского епископа, потому что в таких решениях он не признает на земле никого ни выше себя, ни равного себе и не обязан в этом деле или в других делах следовать совету,— хотя бы и прибегая к нему,— своих собратьев, которых называют кардиналами, но может, если пожелает, в чем угодно действовать наперекор им в силу неограниченности (полноты) своей власти. Но поистине тут римский епископ по своему обыкновению из истинного выводит ложное, а из хорошего дурное. Ибо из того, что римский государь по своему благочестию добровольно оказывал ему почтение, запечатлевая для себя свое избрание и испрашивая его благословение и заступничество перед Богом, не следует, чтобы избрание римского государя зависело от его воли. Разве это не было бы чем-либо иным, как

власть избранных будет зависеть от римского епископа. Ибо, пока названный епископ, хотя бы действуя самым несправедливым образом и притязая на то, что ему не принадлежит, будет иметь возможность чинить им (избранным) препятствия и устранять их, он будет чинить эти препятствия как словом, так и делом.

Если же римский епископ, выставляя по своему обыкновению свою заботливость о простом народе и (свое) благочестие, скажет, что для того ему вручено (право) утверждать или одобрять выборы римского государя, чтобы не смог как-нибудь возвыситься до императорской короны еретик, который затем принесет величайший вред обществу верующих, то ему со всей вежливостью надо будет ответить, что такое избрание не нуждается в его одобрении, раз оно проводится и совершается тремя высокопочтенными христианскими архиепископами, из коих каждый получил от Христа епископскую или священническую власть, такую же, как и римский первосвященник, и верными (сынами церкви) светскими князьями, с которыми указанные религиозные пастыри и прелаты производят выборы упомянутого римского государя на совместном собрании. Невероятно, чтобы эти семеро больше ошибались или поддавались дурным намерениям, чем воля одного римского епископа, который мнит, что ему по праву позволительно опираться только на свое мнение в силу неограниченности той власти, которую он неподобающим образом себе приписывает. Ведь этак он кого угодно по своему произволу сможет признать за еретика и лишить права на избрание, вследствие чего по указанным причинам свелась бы на нет должность князей-избирателей и постоянно оказывалось бы невыполнимым избрание и возведение (в императоры) выбранного лица.

6. КАРОЛИНА

АРОЛИНА — важнейший памятник средневекового германского уголовного права. Первый проект Каролины был составлен в 1521 году Вормсским рейхстагом, затем были разработаны Нюрнбергский (1524), Шпеерский (1529) и Аугсбургский (1530) проекты. Утверждена Каролина в 1532 году рейхстагом в Регенсбурге в царствование Карла V. Источниками Каролины были Бамбергское уложение (Bambergensis — «mater Carolinae») и почти идентичное ему Бранденбургское уложение (Brandenburgika — «soror Carolinae»), составленные Шварценбергом (Freiherr Johann von Schwarzenberg), жившим в 1463—1528 гг. Им были использованы предшествующие немецкие и итальянские источники. Особенно значительным было влияние итальянского права на развитие положений общей части уголовного права Каролины.

Каролина действовала полностью или частично на всей территории Германии, причем в отдельных местах признавалась как Gemeines Deutsches Recht (общее германское право) по 1870 год. Она была издана в период обостренной борьбы между феодалами и крестьянами, между центральным германским правительством, стремившимся к установлению абсолютизма, и местными феодалами.

Поражение революции 1525 года ухудшило и без того тяжелое положение крестьян. Каролина еще более усиливала феодальный гнет.

В двенадцати тезисах требований, которые были выдвинуты крестьянами во время восстания, было написано: «До сих пор велось обыкновение, что ни один бедный человек не имел права ни охотиться на птиц, ни ловить рыб в господских владениях. Это кажется нам совершенно несправедливым, несогласным с братской любовью и словом божиим...» (п. 4). Победившая феодальная контрреволюция установила в Каролине: «Тот, кто ворует рыбу из прудов или водоемов, должен быть также наказан подобно

вору. Но если кто вылавливает рыбу из текучей незапруженной воды, принадлежащей другому лицу, то он должен быть подвергнут телесному или имущественному наказанию, в зависимости от сорта рыбы, обстоятельств дела и звания лиц...» (ст. 169). Это означало, что применялись все наказания, полагавшиеся за кражу, вплоть до смертной казни.

Если восставшие крестьяне требовали, чтобы леса были переданы в распоряжение общины, и «каждый в случае нужды мог получить от общины дрова и лес» (п. 5), то Каролина устанавливала наказание за кражу и запрещенную порубку леса «по обычаю данной земли или места» (ст. 168), то есть по старонемецкому праву.

Крестьяне в своих требованиях писали: «Мы чувствуем себя глубоко обиженными той безбожной несправедливостью, с которой постоянно увеличивают наши наказания...», а в Каролине имеет место значительное усиление наказаний по сравнению с тем, что говорилось ранее в Landsrecht. Жестокость наказаний в Каролине является исключительной даже для той эпохи.

Яркую характеристику Каролины дал Ф. Энгельс, писавший: «Из тех назидательных статей Каролины, которые говорят об «отрезании ушей», «отсечении носа», «выкалывании глаз», «обрубании пальцев и рук», «обезглавлении», «колесовании», «сожжении», «пытке раскаленными щипцами», «четвертовании» и т. д., нет ни одной, которой бы милостивый сеньор и покровитель не мог бы применить к своим крестьянам по своему усмотрению. И кто бы мог оказать крестьянину защиту? В судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги»[1].

Стремление создать единый источник уголовного права и процесса встретило на рейхстаге в Регенсбурге противодействие. Окончательному принятию проекта помешали сепаратистские тенденции Саксонии, Бранденбурга и Пфальца.

Эти тенденции имели своим результатом то, что в окончательном тексте Каролины говорится: «Мы не желаем, однако, сим наставлением лишить курфюрстов, князей и сословия их исконных, унаследованных и правомерных обычаев». Но в конце текста Каролины все же пере-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 357.

числяются «дурные, неправильные обычаи, кои соблюдаются в иных местах и краях», и говорится: «Мы повелеваем, дабы все власти упразднили такие обычаи, и они не должны впредь применяться, соблюдаться и поддерживаться, ибо мы в силу императорской власти отменяем, уничтожаем и окончательно искореняем их настоящим (постановлением), и они не должны впредь вводиться» (ст. 218).

Каролина содержит положения уголовного права и уголовного процесса. Из 219 статей уголовному праву посвящены 77 (ст. ст. 104—180); все остальные статьи касаются вопросов уголовного процесса.

В области процесса и судоустройства Каролина восприняла идеи иностранного права. Происходит вытеснение, хотя и не окончательное, шеффенов и замена их специалистами-юристами. Окончательное решение спорных и нерешенных вопросов передается во многих случаях ученым юристам. Обвинительный процесс заменяется инквизиционным. Значительно расширяется письменность судопроизводства, отпадают непосредственность и гласность. Процесс ведется судом по собственной инициативе, и содействие обвинителя не является более необходимым, так как движение процесса происходит по инициативе суда, а не сторон. Признание не имеет строго решающего значения, и суд должен убедиться в искренности признавшегося (ст. 48 и сл.).

Центральным пунктом производства является пытка (ст. ст. 16, 20, 25, 27, 28, 44, 53, 56, 58 и др.) Доказательства путем косвенных улик исключаются (ст. ст. 22, 67). Основной стадией процесса является следствие, и последнее судебное заседание уже не имеет никакого значения и носит чисто формальный характер (ст. 93). Права обжалования приговоров не имеется.

Каролина предусматривала религиозные преступления, в том числе: богохульство (ст. 106), клятвопреступление (ст. 107), колдовство (ст. 109). Ересь не упоминалась. Некоторые государственные преступления, предусмотренные в Бамбергском уложении — оскорбление величества, своего господина, дезертирство,— из Каролины исключены, осталась только общая наказуемость за памфлеты (Schmachschrift — ст. 110). Дальнейшие статьи карали за подделку денег, документов, межевых знаков. Большое внимание уделено охране нравственности и чести; карался противоестественный разврат, кровосмесительство, изнасилование, совращение малолетних, супружеская измена,

двоебрачие и т. д. Среди имущественных преступлений указывается «Ferretung» (преступление, близкое к злоупотреблению доверием), поджог, разбой и очень подробно — кража (ст. ст. 157—175). Запрещается под угрозой смертной казни личная месть (Fehde). Тяжелые наказания угрожают за мятеж (Aufruhr) и Landzwang, состав преступления, имевший в виду, очевидно, участников крестьянских восстаний.

Большое число статей рассматривает вопрос об убийстве (ст. ст. 130—155).

Специально предусматривается отравление, детоубийство, подкидывание детей, аборт, а также обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, в частности необходимая оборона, неосторожное убийство, причинная связь и ряд процессуальных вопросов, связанных с рассмотрением дел об убийстве. Последняя статья этого раздела (ст. 180) предусматривает незаконное освобождение арестованных.

Многие составы преступлений, таким образом, отсутствуют, например, телесные повреждения, оскорбление, повреждение имущества и т. д.

Характер наказаний в Каролине отличается сугубой жестокостью. Основное наказание — смертная казнь разнообразными способами: четвертование, колесование, сожжение, повешение, утопление, закапывание живым, сажание на кол, отрубание головы мечом. Из числа других наказаний упоминаются талион, членовредительские наказания, конфискация имущества. Лишение свободы имеет лишь небольшое значение.

Каролина была опубликована на немецком языке и впервые издана в Майнце в 1533 году (Editio princeps — Ivo Schöffer); после этого Каролина неоднократно переиздавалась. Русский перевод Каролины печатается впервые[1].

[1] Русский текст Каролины передан издательству проф. М. Д. Шаргородским.

[Извлечения]

CONSTITUTIO CRIMINALIS CAROLINA — C.C.C.; PEINLICHE GERICHTSORDNUNG — P.G.O.

Статья I.

О судьях, судебных заседателях и судебных чиновниках

Прежде всего Мы постановляем, повелеваем и желаем, чтобы все уголовные суды были снабжены и пополнены судьями, судебными заседателями и судебными писцами из мужей набожных, достойных, благоразумных, опытных, наиболее добродетельных и лучших из тех, что имеются и могут быть получены по возможностям каждого места. Для сего надлежит также привлечь дворян и ученых.

Во всяком случае все власти должны приложить возможное усердие, дабы уголовные суды были устроены наилучшим образом и никому не причиняли неправды, ибо сим важным делам, касающимся чести, тела, жизни и имущества, подобают ревностные и предусмотрительные заботы.

Посему все власти, имеющие уголовные суды, должны быть строго предупреждены, что при нарушении сего никто не сможет извинить свое упущение или небрежность какими-либо приемлемыми правомерными доводами: напротив, он будет наказан за это в силу настоящего Уложения.

До настоящего времени в иных местах некоторые из дворян и прочих лиц, коим по их должности или иным причинам подобает самолично вершить сей суд, избегают участвовать в заседаниях подобных судов и почитают сие за бесчестие для своего звания, а из-за этого злодейство зачастую остается безнаказанным. Между тем такое отправление правосудия не должно и не может нанести никакого урона их чести или их званию, но напротив служит к утверждению правосудия, наказанию злодеев и оказывает честь таким дворянам и должностным лицам. Посему они должны самолично участвовать в сих уголовных судах в качестве судей и судебных заседателей всякий раз, как сие по положению вещей представится за благо и необходимость, и должны действовать и поступать при этом как

подобает и надлежит, согласно Нашему настоящему Уложению.

Мы желаем, дабы иные дворяне и прочие лица, кои в силу исконного обычая лично чинили сей суд до настоящего времени, и впредь также осуществляли правосудие без каких бы то ни было указаний, и сей обычай и порядок должен соблюдаться во всей своей силе и крепости.

Статья VIII.

Если будет установлено преступление, караемое смертной казнью, или будут обнаружены прямые доказательства этого, то должно учинить допрос под пыткой в целях полного осведомления, потребного для открытия истины, а также для подтверждения ее сознанием виновника, как будет разъяснено относительно тех, кто будет привлечен к суду истцом.

Статья IX.

Если же арестованный при применении допроса под пыткой или без такового не сознается в преступлении, в коем его подозревают, то для назначения смертной казни должен быть учинен розыск для подтверждения обвинения; сие также разъясняется ниже относительно тех, кто будет привлечен к суду истцом.

Статья XII.

Об аресте истца впредь до предоставления им поручительства

Коль скоро обвиняемый будет заключен в тюрьму, истец или его уполномоченный должен быть взят под стражу, доколе он не представит надлежащий залог, обеспечение и поручительство, которое как будет ниже сего указано, судья и четыре шеффена признают удовлетворительным соответственно обстоятельствам дела и достоинству обоих лиц.

Это должно быть сделано, чтобы побудить истца оплатить произведенные судебные издержки, а также бесчестие и ущерб, причиненный обвиняемому в том случае, если истец не сможет доказать уголовного обвинения или своих прав, или преступления обвиняемого, или же если в течение

определенного, назначенного судом срока, он не сможет предъявить такие улики и подозрения, которые судья и суд или большая часть судебных заседателей признают достаточно удовлетворительными; или же если истец проиграет дело по каким-либо иным причинам.

Дабы обвиняемый, подвергавшийся аресту, мог успешнее и выгоднее достичь возмещения понесенных им судебных издержек, ущерба и бесчестия, от его воли и желания должно зависеть возбуждение производства об этих издержках, убытках и бесчестии перед тем судьей, которому подсуден истец, возбуждавший против него уголовное преследование, или перед уголовным судом, который вел это судопроизводство и вынес ему оправдание. Такой процесс должен вестись суммарно, без особых формальностей, и решение суда должно быть выполнено без дальнейшей апелляции и расследования. За исключением подобных случаев и, сверх того, что ему было ранее предоставлено, уголовный суд не должен распространять своей компетенции на гражданские дела.

Статья XVI.

О преступлениях явных

Судья и судебные заседатели должны быть в особенности предуведомлены относительно тех случаев, когда преступление было совершено публично и явно при отсутствии добросовестных побуждений, правомерно освобождающих от уголовного наказания. Например, если кто-либо публично и умышленно проявляет вражду или нарушает мир; или если кто-нибудь застигнут на месте преступления или имеет при себе заведомо добытое грабежом или кражей и при том не может предъявить никаких возражений или правомерных доводов в свое оправдание. Ниже сего (при установлении каждого уголовного наказания) находятся указания о том, когда имеются извиняющие обстоятельства.

Если при таких и тому подобных несомненных и явных злодеяниях виновный дерзостно захочет отрицать такое явное преступление, то судья должен подвергнуть его особо суровому допросу под пыткой, дабы с наименьшими издержками достичь приговора и исполнения наказания за такие явные и несомненные преступления.

Статья XVIII.

Об обстоятельствах, из коих можно извлечь доброкачественные доказательства преступления

Как уже было и будет ниже сего указано в настоящем Нашем и Священной Империи Уголовно-судебном Уложении согласно общему праву взятие под стражу, заключение в тюрьму, а равно допрос под пыткой тех, что будут заподозрены и обвинены в преступлении и не сознаются,— должны быть основаны на доброкачественных доказательствах, признаках истины, подозрениях и уликах преступления, поскольку невозможно описать все те обстоятельства или признаки истины, кои образуют достаточные доброкачественные улики, подозрения и доказательства.

Статья XXIII.

Каким образом должны быть доказаны достаточные улики преступления

Для того чтобы улики были признаны достаточными для применения допроса под пыткой, они должны быть доказаны двумя добрыми свидетелями, как будет затем предписано в иных статьях о достаточном доказательстве.

Но если главное событие преступления доказано одним добрым свидетелем, то сие в качестве полудоказательства образует улику соответственно тому, что предусмотрено далее в статье тридцатой.

Статья XXV.

Об общих уликах и доказательствах, относящихся ко всем преступлениям

Прежде всего сообщаем относящиеся сюда разъяснения о том, когда и каким образом подозрения могут образовать доброкачественное доказательство.

Если не располагают упомянутыми во многих нижеследующих статьях доказательствами, предписываемыми в качестве достаточного основания для допроса под пыткой, то на основании нижеследующих и других, им подобных, уличающих обстоятельств, кои невозможно описать полностью, надлежит расследовать:

Во-первых, является ли подозреваемый, по слухам, таким отчаянным и легкомысленным человеком с дурной славой, что можно считать его способным совершить преступление, а также не совершил ли сей человек подобного преступления ранее, не посягал ли на сие и не был ли за то осужден. Однако такая дурная молва должна исходить не от врагов (обвиняемого) или легкомысленных людей, а от людей беспристрастных и добросовестных.

Во-вторых, не был ли подозреваемый обнаружен или застигнут в месте, опасном и подозрительном касательно преступления.

В-третьих, в случае, когда виновного видели на месте преступления или на пути туда или оттуда, но он не был опознан, то должно расследовать (обратить внимание), не обладает ли подозреваемый таким же обликом, одеждой, вооружением, лошадью или чем прочим, что было вышеуказанным образом замечено у виновного.

В-четвертых, проживает ли и общается ли виновный с людьми, совершающими подобные деяния.

В-пятых, относительно причиненного вреда или ранения должно дознаться, не мог ли подозреваемый иметь повода для упомянутого преступления в зависти, вражде, угрозах или ожидании какой-либо выгоды.

В-шестых, если раненый или потерпевший по иным причинам сам обвиняет кого-либо в преступлении, находясь на смертном одре или подтверждая обвинение своей присягой.

В-седьмых, если кто-либо по поводу преступления становится беглецом.

Статья XXVI.

В-восьмых, если кто-либо ведет с другим лицом важную имущественную тяжбу, так что дело касается большой части его пропитания, добра и имущества, то он будет почитаться большим недоброжелателем и врагом противной стороны. Поэтому, если его противник по процессу будет тайно убит, против него возникает предположение (презумпция), что он учинил сие убийство, и если этот человек сверх того и по своему поведению возбуждает подозрение, что убийство совершено им, то при отсутствии у него надлежащих оправданий, он может быть взят в тюрьму и допрошен под пыткой.

Статья XXIX.

Общие доказательства, каждое из которых в отдельности достаточно для допроса под пыткой

Если некто при совершении преступления потерял, обронил или оставил после себя что-либо, и при том смогли обнаружить и установить, что сие принадлежит виновному, то после того, как расследуют, кто непосредственно перед этим обладал потерянным, должно применить допрос под пыткой. Если же, напротив, тогда приведут в оправдание какие-либо обстоятельства, которые, если они будут установлены или доказаны, устраняют упомянутое подозрение, то в таком случае подобные оправдания должны быть обязательно приняты во внимание до применения допроса под пыткой.

Статья XXX.

О полудоказательствах

Если кто-либо основательно доказывает главное событие преступления при помощи одного-единственного доброго и безупречного свидетеля (подобно тому, что сказано ниже о добрых свидетелях и показаниях), то сие называется и является полудоказательством. Подобное полудоказательство составляет достаточно доброкачественную улику и подозрение в преступлении. Но если кто-либо желает доказать иные обстоятельства, признаки истины, улики, доказательства или подозрения, то он должен сделать сие при помощи по меньшей мере двух добрых, добродетельных и безупречных свидетелей.

Статья XLIV.

О достаточных уликах колдовства

Если кто-либо вызывается обучить других людей колдовству или угрожает кого-либо околдовать и учинит над тем, кому он угрожал, что-либо подобное, а также если кто-либо нарочито общается с колдунами или колдуньями или пользуется заколдованными вещами или колдовскими словами и действиями и будет учить этому других

лиц,— то сие составляет достаточную улику колдовства и достаточный повод для применения допроса под пыткой.

Статья LXVIII.

О лжесвидетелях

Свидетели, коих уличат и изобличат в том, что они путем ложных и злостных свидетельских показаний подвели или пытались подвести невинного под уголовное наказание, должны быть подвергнуты тому наказанию, которое они хотели навлечь своими показаниями на невинного.

Статья CIV.

Предуведомление о том, как должно карать за уголовные преступления

Если кто-либо согласно нашему общему писаному праву должен быть по суду подвергнут смертной казни, то надлежит присудить способ и формы таковой, соответствующие обстоятельствам и злостности преступления, согласно добрым обычаям или указаниям благого и сведущего в праве судьи.

В тех случаях, когда Наше императорское право не предписывает и не допускает карать кого-либо смертью, мы также и в настоящем Нашем Имперском Уложении не устанавливаем смертной казни, но предоставляем право за некоторые преступления подвергать телесным или увечащим наказаниям с тем, однако, чтобы наказанному была сохранена жизнь.

Подобные наказания также могут назначаться и применяться согласно добрым обычаям каждой страны или же по указаниям благого и сведущего судьи, как было предписано выше сего относительно смертной казни. Если же Наше императорское право устанавливает какое-либо уголовное наказание, неприемлемое по обстоятельствам данного места и времени, или не могущее применяться в известной части согласно букве закона, а также в том случае, если это право не указывает вида и меры каждого уголовного наказания в отдельности, но повелевает руководствоваться добрыми обычаями и указаниями сведущих судей,

то судьи из любви к справедливости и в стремлении к общему благу должны назначать и осуществлять наказания по своему усмотрению соответственно обстоятельствам и злостности преступления.

В особенности надлежит иметь в виду, что во всех тех случаях, когда Наше императорское право не устанавливает и не допускает смертной казни и какого-либо другого телесного, увечащего или позорящего наказания,— судья и судебные заседатели также не должны никого приговаривать к смертной казни или прочим уголовным наказаниям. И дабы судьи и судебные заседатели, не обучавшиеся этим правам, назначая подобные наказания, не действовали вопреки праву и добрым приемлемым обычаям, ниже сего будет установлено, когда и как должны применяться некоторые уголовные наказания согласно упомянутому праву, добрым обычаям и мудрости.

Статья CV.

О случаях преступлений и наказаний, не упомянутых в законе

Необходимо далее иметь в виду, что если в нижеследующих статьях не установлены, недостаточно разъяснены или непонятны уголовные наказания в случае подлинно уголовных преступлений или обвинений, то судья и судебные заседатели должны обратиться за советом о том, каким образом должно применяться и толковаться наиболее правильно Наше Императорское право и настоящее Наше Уложение в сих непредвиденных или непонятных случаях, и принимать свое решение соответственно этому.

Ведь в настоящем Нашем Уложении не могут быть упомянуты и описаны все непредвиденные случаи судебных решений и наказаний.

Статья CVII.

О наказаниях тех, что произнося присягу перед судом, дадут ложную клятву

Если кто-либо принесет лжеприсягу перед судьей и судом, и такая присяга касается мирских благ, так что присягавший ложно извлекает из этого выгоду, то он прежде

всего обязан, если он в состоянии это сделать, возвратить потерпевшему полученное путем лжеприсяги имущество. Так как в Священной Империи существует всюду обычай отсекать принесшему лжеприсягу те два пальца, которыми он присягал, Мы также не желаем изменять данное общепринятое телесное наказание. Но тот, кто своей ложной присягой навлекает на кого-либо уголовное наказание, должен быть подвергнут тому наказанию, которое он хотел своей лжеприсягой навлечь на другого. Такому же наказанию подлежит тот, кто заведомо, умышленно и коварно подстрекал к сему принесшего такую лжеприсягу.

Статья CVIII.

О наказании тех, что нарушают присягу, принесенную перед судом

Если кто-либо нарушает принесенную перед судом присягу такими делами и деяниями, за которые он согласно Нашему Императорскому праву и настоящему Уложению и без того может быть подвергнут смертной казни, то сия смертная казнь должна быть непременно осуществлена. Если кто-либо умышленно и дерзновенно нарушает присягу такими делами, за которые он не подлежит смертной казни, то как принесший ложную присягу, он должен быть наказан отсечением руки или пальцев или иначе, как упомянуто в ближайшей предшествующей статье. В том случае, если приходится опасаться совершения им дальнейших преступлений, то с ним надлежит поступать, как предписано в статье сто семьдесят шестой.

Статья CIX.

О наказании колдовства

Если кто-либо путем колдовства причинит людям вред или ущерб, то он должен быть подвергнут смертной казни, и сия казнь должна быть произведена путем сожжения. Если же кто-либо занимается колдовством, но не причинил этим никому вреда, то он должен быть соответственно обстоятельствам дела наказан иначе, причем судьи должны воспользоваться указаниями и советами (законоведов), как указано ниже сего об испрашивании советов.

Статья CX.

О наказании письменного противоправного уголовного поношения

Если кто-либо распространяет пасквильные письма, именуемые по-латыни Libell famoss, и не подписывает их, вопреки установленному правом порядку, своим правильным именем и прозвищем, несправедливо и без повода приписывая кому-либо такие пороки и злодеяния, что в случае признания их соответствующими истине, оклеветанный мог бы быть подвергнут смертной казни или телесным или позорящим уголовным наказаниям, то такой злостный клеветник по обнаружении подобного злодеяния должен быть подвергнут наказанию, которое он хотел навлечь своим злостно несоответствующим истине клеветническим письмом на невинно оклеветанного. Если даже будет обнаружено, что приписываемое позорящее деяние соответствует истине, то все-таки разгласитель таких позорящих сведений должен быть наказан согласно праву и по усмотрению судьи.

Статья CXI.

О наказании фальшивомонетчиков и тех, кто чеканит монету, не имея на то привилегии

Монета подделывается трояким образом: во-первых, если кто-либо выбивает на ней ненадлежащий монетный знак; во-вторых, если кто-либо прибавляет к ней ненадлежащий металл, в-третьих, если кто-либо злостно уменьшает ее правильный вес.

Подобные фальшивомонетчики должны быть наказаны следующим образом: те, что изготовляют такую фальшивую монету или (подложные) клейма, а также те, что выменивают или иным путем приобретают подложную монету и злоумышленно и коварно вновь сдают ее в ущерб ближнему,— согласно обычаю и постановлениям закона должны быть подвергнуты смертной казни путем сожжения; те, что заведомо предоставляют для этого свои дома, должны за это подвергнуться конфискации этих домов. Тот, кто самоуправно и злостно уменьшает правильный вес монеты или чеканит монету, не имея на то привилегии, должен быть заключен в тюрьму и подвергнут телесному или имущест-

венному наказанию согласно указанию (законоведов). Тот, кто переплавляет чужую монету, чтобы испортить ее и уменьшить ее вес, должен быть также подвергнут телесному или имущественному наказанию, смотря по обстоятельствам дела. Если что-либо подобное произойдет с ведома и с согласия властей, то эти власти теряют свою привилегию и должны быть лишены ее.

Статья CXIII.

О наказании за подделку мер, весов и предметов торговли

Если кто-либо злостно и преступным образом подделывает меры, весы, гири, пряности или иные товары и пользуется ими, выдавая их за правильные, то он должен быть подвергнут уголовному наказанию путем изгнания из страны или сечения розгами или иному телесному наказанию. Если же эта подделка производилась часто, особо злостно и в значительных размерах, то виновный должен быть подвергнут смертной казни по получении совета от законоведов, как указано в конце настоящего Нашего Уложения.

Статья CXX.

О наказании прелюбодеяния

Если супруг возбудит уголовное обвинение и изобличит кого-либо в том, что он совершил прелюбодеяние с его женой, то такой прелюбодей вместе с прелюбодейкой должны быть подвергнуты наказанию по постановлениям Наших предшественников и Нашему Императорскому праву.

Таким же образом надлежит поступить, если супруга желает возбудить уголовное обвинение против своего мужа или той особы, с которой он совершил прелюбодеяние.

Статья CXXIII.

О наказании сводничества и пособничества в прелюбодеянии

Нередки также случаи, что неразумные женщины и в особенности невинные девушки, которые иначе были бы неопороченными честными особами, бывают вовлечены

некоторыми злыми людьми, мужчинами и женщинами, в греховное и плотское деяние с целью лишить их невинности путем злостного обмана или преступно их обесчестить. Таких злостных сводников и сводниц, а также тех, что заведомо преступным и злоумышленным образом предоставляют для этого свои дома или допускают, чтобы эти действия совершались в их жилищах, надлежит соответственно обстоятельствам дела и советам законоведов подвергнуть изгнанию из страны, выставлению у позорного столба отрезанию ушей, сечению розгами или иному наказанию.

Статья CXXIV.

О наказании за измену

Тот, кто злоумышленно учинит измену, должен быть согласно обычаю подвергнут смертной казни путем четвертования. Если это будет женщина, то её надлежит утопить.

В том случае, когда измена могла причинить великий ущерб и соблазн, например, если измена касается страны, города, собственного господина, одного из супругов или близких родственников, то возможно усугубить наказание путем волочения (к месту казни) или терзания клещами перед смертной казнью. В некоторых же случаях измены можно сперва обезглавить, а затем четвертовать преступника.

Судья и судебные заседатели должны соразмерять назначаемое наказание с обстоятельствами дела, а в случае сомнений обращаться за советом (к законоведам). Однако те лица, благодаря свидетельству которых судья или власти могут подвергнуть злодея надлежащему наказанию, могут быть освобождены от всякого наказания.

Статья CXXV.

О наказании поджигателей

Изобличенные в злоумышленном поджоге должны быть подвергнуты смертной казни путем сожжения.

Статья CXXVI.

О наказании разбойников

В силу постановлений Наших предшественников и Нашего общего императорского права всякий, изобличенный в злостном разбое, должен быть подвергнут казни

(путем обезглавливания) мечом, или же иной смертной казни, принятой в этих случаях по добрым обычаям каждой страны.

Статья CXXVII.

О наказании тех, кто учинит народный бунт

Если кто-либо в стране, городе, владении или области умышленно учинит опасный бунт простого народа против власти, и это будет обнаружено, то соответственно тяжести и обстоятельствам его преступления он будет подлежать казни путем отсечения головы, или сечению розгами и изгнанию из страны, края, судебной области, города или места, где он возбудил бунт. При этом судья и судебные заседатели должны обратиться за надлежащими советами дабы не причинять никому несправедливости и предотвратить подобные злоумышленные мятежи.

Статья CXXX.

Во-первых, о наказаниях того, кто отравляет тайно ядом или зельем

Тот, кто причинит вред жизни или телу другого лица при помощи яда или отравы как предумышленный убийца, должен быть подвергнут смертной казни путем колесования, если он является лицом мужского пола. Если же такое преступление совершит женщина, ее надлежит утопить, или приговорить к иной смертной казни согласно обычаю. Подобных злостных преступных людей надлежит для вящего устрашения прочих перед той или иной смертной казнью волочить (к месту казни), либо терзать тело раскаленными клещами более или менее (жестоко) в зависимости от положения лица и характера убийства, как это установлено относительно убийства.

Статья CXXXI.

О наказании женщин, убивающих своих детей

Женщина, которая злоумышленно, тайно и по своей воле убьет своего ребенка, уже получившего жизнь и сформировавшиеся члены, да будет согласно обычаю заживо

погребена и забита кольями. Но дабы предупредить смущение от этого (от подобной казни), Мы разрешаем топить таковых злодеек тем судам, кои имеют подходящие для сего водоемы в своем распоряжении. Однако же там, где подобное зло приключается часто, Мы желаем применения упомянутого обычая погребения (заживо) и побиения кольями ради вящего устрашения подобных жестоких женщин, или же пусть перед утоплением злодеек рвут калеными щипцами соответственно указаниям, полученным от законоведов.

В случае, если женщина в тайне родит и скроет живого, и, как выше указано, сформировавшегося ребенка, коего затем найдут мертвым, и если при допросе такая опознанная мать станет приводить доказательство в свое оправдание (а подобные случаи до нас иногда доходили), например (укажет), что ребенок ее не по ее вине родился мертвым, то она должна доказать подобную свою невиновность путем прямых и добрых доказательств и доводов свидетельскими показаниями, как предусмотрено в статье семьдесят четвертой. Если обвиняемая представит свидетелей, то не должно доверять упомянутым оправданиям на основании только слов, без самого тщательного расследования и определенных достаточных доказательств, иначе каждая такая виновница преступления смогла бы освободиться при помощи подобных сказок. Между тем, если женщина таким образом тайно носила сформировавшегося ребенка и по своей воле одна и без помощи другой женщины родила, то подобные роды без всякой помощи, при которых, как можно было предвидеть, произойдет смерть (ребенка), показывают с наибольшей вероятностью, что подобная мать действовала с злым умыслом, чтобы скрыть свое распутство путем убийства невинного ребенка, перед которым она была виновата и до и после его рождения. Поэтому, если подобная убийца захочет настаивать на своих оправданиях путем доводов ложных, произвольных и бездоказательных после того, как указанные улики достаточно установят ее безбожное и бесчеловечное злодеяние и убийство, то надлежит вынудить ее при помощи самой жестокой пытки к сознанию в этом убийстве и осудить, как указано выше, к смертной казни. Если судья и заседатели сомневаются, виновна или невиновна подобная женщина, они обязаны запросить совет у законоведов, сообщив им все обстоятельства дела, как будет ниже указано.

Статья CXXXIII.

О наказании тех, что совершают изгнание плода беременной женщины

Если кто-либо изгонит живой плод у женщины путем насилия, (вредной) пищи или напитка, а также если кто сделает бесплодным мужчину или женщину, и если подобное деяние учинено умышленно и по злой воле, то мужчина должен быть казнен путем (отсечения головы) мечом, а женщина, хотя бы она учинила это сама над собой, должна быть утоплена или подвергнута иной смертной казни. В том же случае, если изгнанный у женщины плод (ребенок) не был живым, судьи обязаны применить наказание соответственно указанию законоведов, или иначе, как то будет указано в конце настоящего уложения.

Статья CXXXIV.

О наказании врача, причинившего смерть своими лекарствами

Если врач по небрежности или невежеству, хотя и неумышленно, причинит смерть кому-либо, и ученые и сведущие в лекарстве (люди) признают, что он легкомысленно и дерзновенно злоупотребил лекарствами, или необоснованным, недопустимым лечением, на которое он не должен был осмеливаться, и этим причинил смерть кому-либо, то он должен быть наказан сообразно характеру и обстоятельствам дела и по указанию законоведов. В сем случае надлежит уделить особое внимание легкомысленным людям, дерзающим заниматься лекарством, не имея никакого основательного обучения. Но ежели врач причинит подобным образом смерть, действуя умышленно, то он должен быть наказан, как умышленный убийца.

Статья CXXXVII.

О наказании предумышленных убийц и убийц, кои не могут предъявить достаточных извинений

Всякий предумышленный убийца или убийца в случае, если он не сможет предъявить правомерных извинений (своего деяния), должен быть лишен жизни. По обычаю

иных мест предумышленные убийцы и убийцы приговариваются равным образом к колесованию. Между тем должно соблюдать различие между ними, и именно так, чтобы, следуя обычаю, умышленный и нарочитый убийца подвергался колесованию, тогда как другой, совершивший убийство случайно или в гневе, подвергался смертной казни путем отсечения головы мечом, если он не имеет на то вышеупомянутых извинений. Если же предумышленное убийство было совершено против особ высшего достоинства, своего собственного господина (сеньора), между супругами или близкими родственниками, то для вящего устрашения перед окончательной казнью могут применить иные телесные наказания, как например, терзание калеными клещами или волочение к месту казни.

Статья CXLVII.

О том, если кто-либо ранен и умрет, и сомневаются, от ран ли он умер

Если кто-либо будет ранен и спустя некоторое время после того умрет таким образом, что будет сомнительно, умер ли он от причиненных ему ран или по иной причине,— то в подобных случаях обе стороны могут представить надлежащих свидетелей по делу (как то указано по поводу доказательства); в особенности надлежит привлечь хирургов и иных сведущих в деле людей, кои знают, как держался умерший после ранения и схватки и как долго он прожил после ранения. При решении подобного дела судьи обязаны обратиться за советом к законоведам всюду, как указано в конце Нашего настоящего Уложения.

Отсюда следуют некоторые статьи о краже.

Статья CLVII.

Сперва о наиболее легкой краже, совершенной тайно

Если кто-либо впервые совершил кражу стоимостью менее пяти гульденов, и при том вор не был окликнут, замечен или застигнут до того, как он достиг своего убежища, а также если он не совершал взлома и не влезал (в помещение), и украденное стоит не менее пяти гульденов,

то эта кража тайная и самая легкая. Если подобная кража будет затем раскрыта, и вор будет захвачен с украденным, или без такового, то судья должен приговорить его, если вор имеет средства, уплатить потерпевшему двойную стоимость покражи. Если же вор не в состоянии уплатить подобный денежный штраф, он должен быть наказан заключением в тюрьму на некоторый срок. И если вор не имеет или не может достать ничего большего, то он должен по крайней мере возвратить украденное потерпевшему, или же оплатить или возместить его стоимость, а потерпевший должен возместить властям денежную пеню из этого простого возмещения украденного, но не свыше его стоимости.

При выпуске (из тюрьмы) вор должен оплатить стоимость своего кормления в тюрьме и заплатить тюремщикам за их труды и усердие (если ему есть из чего) или дать о том обычное поручительство; сверх того он должен дать наилучшим образом вечную клятву в том, что он будет соблюдать общий мир.

Статья CLVIII.

О более тяжелой краже, совершенной в первый раз

Если при указанной первой краже стоимостью ниже пяти гульденов вор был застигнут ранее, чем он достиг своего убежища, и вызвал смятение или причинил вред, хотя при краже не совершал взлома и не влезал (в помещение), то такая кража признается открытой; и так как деяние отягощено упомянутым смятением и соблазном, то вор должен быть выставлен к позорному столбу, высечен розгами и изгнан из страны. Прежде всего, однако, вор должен возвратить потерпевшему украденное или возместить его стоимость, если он в состоянии это сделать. Сверх того, он должен дать наилучшим образом вечную клятву (не нарушать общего мира). Если же вор будет признан таким лицом, в отношении которого можно надеяться на исправление, то судья (однако, не без разрешения и согласия высшей власти) может наказать его в гражданском (порядке) — вор должен будет заплатить потерпевшему за украденное в четверном размере, и сверх того подлежит во всех отношениях тому, что установлено выше в предшествующей статье о тайной краже.

Статья CLIX.

О еще более тяжелой опасной краже, совершенной в первый раз путем вторжения или взлома

Если вор для вышеупомянутой кражи и днем или ночью влезет или путем взлома проникнет в чье-либо жилище или (хранилище), или пойдет на кражу с оружием, намереваясь поранить того, кто окажет ему сопротивление, то такая кража признается, как указано выше, особо опасной предумышленной кражей со взломом или вторжением, независимо от того, будет ли эта кража первая или повторная, большая или малая, и будет ли (вор) встречен или замечен до того или после того. Точно так же при краже, совершенной с оружием, предполагается насилие или нанесение ран. Посему в подобных случаях мужчина должен караться повешением, а женщина утоплением или иным путем, сообразно положению лиц и усмотрению судьи, с выкалыванием глаз или отсечением одной руки, или иным подобным тяжким телесным наказанием.

Статья CLXII.

О краже в третий раз

Если будет задержан кто-либо, совершивший кражу в третий раз, и эта третья кража будет вполне установлена, как разъяснено ранее о раскрытии истины, то он будет признан многократно ославленным (уличенным) вором и будет рассматриваться наравне с тем, кто действовал насильственно, и должен быть подвергнут смертной казни: мужчина — путем повешения, женщина — путем утопления, либо иным путем по обычаю каждой земли.

Статья CLXIV.

О малолетних ворах

Если вор или воровка будут в возрасте менее четырнадцати лет, то они, независимо от каких-либо иных оснований, не могут быть осуждены на смертную казнь, а должны быть подвергнуты вышеупомянутым телесным наказаниям по усмотрению (суда) и должны дать вечную клятву. Но если вор по своему возрасту приближается к четырна-

дцати годам, и кража значительна или же обнаруженные при том вышеуказанные отягчающие обстоятельства столь опасны, что злостность может восполнить недостаток возраста, то судья и шеффены должны запросить, как указано ниже, совета, должно ли подвергнуть такого малолетнего вора имущественным или телесным наказаниям, либо смертной казни.

Статья CLXXI.

Кража священных и освященных предметов в освященных или неосвященных местах

Подобная кража освященных предметов в освященных местах является более тяжкой, чем иная кража, и может произойти трояким образом: во-первых, если кто крадет что-либо священное или освященное в освященном месте; во-вторых, если кто крадет что-либо освященное в неосвященном месте; в-третьих, если кто крадет неосвященный предмет в освященном месте.

Статья CLXXII.

О наказании за вышеупомянутую кражу

Тот, кто похитил дароносицу, в коей находятся святые дары, должен быть приговорен к смертной казни путем сожжения. Если же кто-либо украдет иной золотой или серебряный сосуд со священным содержанием или без него, или же потир или дискосы, независимо от того, произошла ли такая кража в освященном или неосвященном месте; а также если кто-либо с намерением совершить кражу взломает священную церковь, скинию (алтарь) или ризницу, или откроет их с преступными намерениями,— то такой вор должен быть подвергнут смертной казни соответственно обстоятельствам дела и согласно указанию законоведов.

Статья CLXXIII.

Если кто-либо изломает или вскроет церковную кружку, в которую собирают священное подаяние, или путем хитрости украдет из нее, или учинит что-либо иное подобным образом, то он должен быть подвергнут телесному наказанию или смертной казни по указанию законоведов.

Статья CLXXVI.

О наказании или мерах безопасности в отношении лиц, от которых, по приведенным ниже основаниям, приходится ожидать зла и преступления

Если кто-либо произвольно или умышленно нарушит вечную клятву, совершив деяние, за которое его нельзя подвергнуть смертной казни;

если кто-либо, будучи осужден за совершенное в прошлом преступление, будет хотя бы словесно или письменно угрожать другому лицу учинить такое же зло, однако, без дальнейших отягчающих обстоятельств, и при этом не совершит таких действий, за которые его можно было бы подвергнуть смертной казни, как предусмотрено ниже сего в статье сто семьдесят восьмой; если по вышеупомянутым или иным достаточным основаниям кто-либо возбудит недоверие и подозрение в том, что он не прекратит своих преступных и вредоносных действий и злодеяний и не оставит людей пользоваться правом и справедливостью;

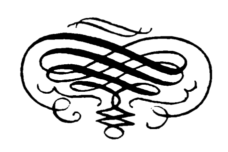
если подобные обстоятельства будут достаточно доказаны, а указанное лицо не сможет представить достаточного поручительства, удостоверения или обеспечения,—

то для предупреждения в будущем подобного противоправного причинения вреда и зла, такого незаслуживающего доверия лихого человека должно заключить в тюрьму и держать до тех пор, пока он не представит по решению того же суда достаточное поручительство и обеспечение относительно подобных неправомерных и преступных действий.

Подобное наказание не должно, однако, назначаться легкомысленно, без достаточно обоснованных, как указано выше, предположений о (возможности совершения) преступления в будущем, но, напротив, должно применяться лишь по совету законоведов.

Такой заключенный должен содержаться при том суде, которым он был обвинен и изобличен. Если он не может содержать себя в этой тюрьме за счет собственных средств, то тогда караульные деньги, полагающиеся тюремщику за его содержание в тюрьме, должен выдавать истец в размере, устанавливаемом судьей. Для этого истец делает надлежащие взносы наличными. Если истец также не в состоянии произвести такие издержки, то эти издержки должны

нести (органы) власти. Если же обнаружится в том же или ином суде, что указанный заключенный имеет достаточно большое имущество для полной или частичной оплаты своего содержания в тюрьме и окарауливания, то власти не должны препятствовать употреблению этого имущества на его содержание.

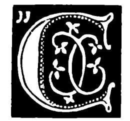

ИСПАНИЯ

1. «Семь партид мудрого короля дона Альфонса»
2. Инквизиция в Испании

1. «СЕМЬ ПАРТИД МУДРОГО КОРОЛЯ ДОНА АЛЬФОНСА»

«СЕМЬ ПАРТИД мудрого короля дона Альфонса» — один из наиболее замечательных памятников права феодальной Испании — составлен в 1256—1265 гг. Этот памятник интересен тем, что дает довольно полную картину общественного и государственного строя Испании, а также ее правопорядка в период завершения реконкисты[1] и начала национального объединения в стране. «Партиды» — крупная юридическая компиляция в ряду других, составленных в XIII веке во время царствования короля Леона и Кастилии Альфонса. Среди юридических памятников того времени можно отметить завершение свода законов, названного «Семь частей» и начатого еще отцом короля Альфонса Фернандом III. До нас дошла в рукописи XV века только одна книга, представляющая скорее трактат по богословским и каноническим вопросам, чем сборник законов. Во время царствования Альфонса X был составлен другой сборник законов, получивший название «Зерцало» (El Espéculo) или «Зерцало всех законов». Этот сборник дошел до нас во фрагментарном виде в рукописях конца XIII или начала XIV века. Судя по прологу к нему, можно полагать, что в этот сборник были включены извлечения из так называемых «фуэрос», представлявших собой пожалования королей, светских и духовных феодалов городам и некоторым сельским общинам. Фуэрос предоставляли общинам права на самоуправление, на изъятие их из юрисдикции сеньоров и другие льготы. Кроме того, при Альфонсе X была проведена работа по унификации городского права.

«Семь партид» — это новое, более совершенное и полное издание законов, почти приближающееся к кодификации. Они являются не только сводом действовавшего тогда в

---

[1] Реконкиста—т. е. «обратное завоевание» (718- 1492)—период в истории Испании, когда жители Пиренейского полуострова отвоевывали территории, захваченные в VIII веке арабами и берберами.

Леоне и Кастилии права, но и обширным теоретическим трактатом по вопросам богословия, философии и правоведения, свидетельствующим о высоком уровне образованности и познаний его составителей.

Имена юристов, участвовавших в составлении «Партид», не известны[1].

Источниками для «Партид» послужили «фуэрос» и «добрые обычаи» (buenas costumbres) Кастилии и Леона, каноническое право, пандекты и сочинения глоссаторов — итальянских юристов XII века, составлявших толкования (глоссы) к своду законов Юстиниана (Corpus juris civilis). В «Партидах» заметна тенденция к унификации права, которая, однако, встречала большие трудности в условиях существовавшей тогда в Испании феодальной раздробленности и поэтому проводилась непоследовательно.

Характерно также, что «Партиды» не были утверждены как при Альфонсе X, так и при его преемниках. И только в 1348 году при короле Альфонсе XI на кортесах в Алькалá был принят и утвержден королем Устав, придавший законную силу «Партидам» и объявивший их обязательными во всех случаях, когда они не противоречат фуэрос и привилегиям крупных феодалов.

Как было сказано выше, в «Партидах» дана довольно полная картина общественного и государственного строя в Кастилии и Леоне, которую можно считать характерной (с некоторыми вариантами) для всей Испании.

Основными занятиями трудящегося населения в Кастилии и Леоне были земледелие и скотоводство. Ремесло до XIII века еще не было достаточно распространено. Торговля получила большое развитие к XIII веку, когда в таможнях Фландрии и Германии заключались соглашения о ввозе испанских товаров. С расширением международной торговли увеличилось денежное обращение.

Социальная структура в Кастилии и Леоне имела типические феодальные черты. Господствующий класс, светские и духовные феодалы делились на ряд групп.

Среди светских феодалов (caballeros) самое привилегированное положение занимала знать, которая приобрела большие богатства различными путями — пожалованиями от королей, войнами и посредством заключения выгодных

---

[1] Рафаэль Альтамира-и-Кревеа, История Испании, т. 1, М., 1951, стр. 120—121.

браков. Так как во владениях этой знати было множество крепостей и замков, она могла оказывать упорное сопротивление королям в их политике централизации страны и нередко вела войны с ними. То же обстоятельство благоприятствовало росту феодальных усобиц между самими магнатами. За знатью сохранились различные привилегии. Лица, принадлежавшие к этой группе, именовались «знатными людьми» (ricos hombres)[1].

Ко второй группе принадлежали лица, которые отбывали военную службу за свой счет (обычно в коннице) и носили название милитов, кавальеро, инфансонов и т. д. Они находились обычно в вассальной зависимости от знати и впоследствии стали называться гидальго (hidalgo).

Почти равное положение с этой группой заняли рыцари, происходившие от горожан, получивших от королей соответствующие пожалования. Они назывались «рыцарями вольных городов» (caballeros de villa). Эти лица, очевидно, принадлежали к группе купцов или зажиточных ремесленников в городах и составляли городскую аристократию (патрициат). Им был дан ряд льгот в виде права получать должности в органах городского самоуправления (portiellos), освобождения от уплаты подати и смягчения наказаний за преступления. Короли покровительствовали этой группе, так как нуждались в увеличении своей армии рядовыми рыцарями-бойцами в условиях постоянных междоусобиц и войн.

В Леоне и Кастилии, как и в других королевствах Испании, весьма значительную роль играло духовенство. Особенно могущественными были монастыри, владевшие обширными земельными угодьями и большим количеством крепостных. У духовенства имелась своя знать в лице князей церкви — прелатов, резко отличавшихся по своему богатству и положению от низшего духовенства.

Важное место занимали жители городов, ремесленники, получившие личную свободу. К ним перешла немалая доля земельной собственности, причем некоторые фуэрос препятствовали переходу собственности (особенно на землю) от горожан к дворянам.

Жители городов добились таких привилегий, что могли казнить или подвергать увечащим наказаниям дворян, совершавших преступления в пределах города.

---

[1] Слово «rico» означает «богатый». Но это слово в XII—XV вв. означало также «знатность».

нужно им подчиняться. И как люди обязаны соблюдать их. И как нужно по ним судить. И как нужно связывать с ними законы, изданные заново. И почему нельзя освобождать людей от суда по Законам, если эти люди говорят, что они их не знают. И кого можно избавить от наказания, предписанного законами, даже если эти люди их не знают.

Закон I

Какие это законы

Эти законы установлены для того, чтобы люди умели жить хорошо и в полном порядке, как это угодно Богу; и кроме того, как надлежит в хорошей жизни в этом мире, и хранить веру в Господа нашего Иисуса Христа полностью, так, как она есть. Кроме того, чтобы люди жили друг с другом в праве и в справедливости, как это далее показывается в соответствующих законах. И те, которые, как указано, относятся к вере, в соответствии с предписаниями Святой Церкви, мы поместили в первую партиду этой книги. А другие, говорящие о жизни людей, помещены в шести следующих партидах.

Закон II

О естественном праве и праве народов

Jus naturale в латыни, как и в романсе[1], это — естественное право, присущее людям по природе, а также другим животным, обладающим сознанием. Так, в соответствии с требованиями этого права, мужчина соединяется с женщиной, что мы называем браком, и в браке выращивают люди своих детей, равно как и все животные. Кроме того, в латинском языке существует понятие jus gentium, что значит общее право всех людей, которое применимо (только) к людям, а не к другим живым существам. И оно было найдено с помощью разума, и, кроме того, применяется путем принуждения, ибо люди не смогли бы жить между собой в мире и согласии, если бы все они не пользовались им. Таким образом, по этому праву каждый человек знает, что́ ему принадлежит в отдельности: и поделены

[1] Романса (romanza) — сначала разговорный латинский язык, затем группа романских языков.

поля, и границы городов; и кроме того, люди должны воздавать хвалу Богу и подчиняться своим отцам и матерям и своей стране, которую по-латыни называют «patria». Далее это право признает, что каждый может защищать себя против тех, кто сделает по отношению к нему бесчестие или насилие. И, более того, он должен понимать, что все, что он делает для спасения себя от насилия, которое собираются применить против его личности, он делает по праву. И по побуждению этих двух факторов, и этих двух видов права, которые мы назвали выше и взяли из других больших ученых книг, соединили мы все законы этой нашей книги в соответствии с тем, как их нашли написанными в книгах древних мудрецов, поместив каждый закон на его место в соответствии с порядком, по которому мы их издали.

Закон III

О разделении законов

Хотя законы и едины в юридическом смысле, они делятся на два вида в смысле их назначения.

Первый вид предназначен на благо души, второй — на благо тела. Первый относится к вере, второй — к хорошей жизни. И ниже мы скажем, как следует составлять каждый из этих видов. И этими двумя видами законов управляется весь мир; ибо в них заключено поощрение добродетелей каждого в соответствии с тем, какие он должен иметь, и наказание за зло. И разделения благ проводится тремя способами. Первый относится к старшим, как к сеньорам, так и к отцам, поскольку каждый из них имеет право делать добро из того, что принадлежит ему: отцы — детям или другим родственникам, по природе их рода; сеньоры — своим вассалам или другим людям, которые находятся в их владениях для службы. И другое разделение — среди равных как в обручении, так и в браке. Ибо благодеяние, таким образом, обратится в пользу того, кто его делает, и притом двояко. Во-первых, ему хорошо делать это. Во-вторых, все обращается к его же собственной чести и выгоде. И третье разделение — среди младших, как то: среди детей, или слуг, или вассалов, или крепостных (siervos), и благодеяние это совершается с большой добротой того, кто его оказывает; и появляются поэтому блага, которые весьма благородны: одно из них — величие, другое —

Закон XVI

Как все должны хранить законы[1]

Поскольку король получает власть для того, чтобы творить справедливость, он должен блюсти законы, иначе на его приказания не будут обращать внимания и общественное благо пострадает. И народ также должен блюсти законы, ради своей жизни и своего благосостояния, ибо именно благодаря законам люди живут в мире и получают удовлетворение и выгоду от того, что имеют. Если бы они не соблюдали законов, они тем самым показали бы, что не хотят повиноваться ни Богу, ни их светскому властителю, и идут против них, и толкают себя на путь гибели по трем причинам: неповиновения, дерзости, злобы...

...И никого нельзя освободить от подчинения закону, какую бы религию он ни исповедывал и какую бы он власть ни имел и как бы он ни был знатен.

Закон XVII

Как надо улучшать законы

Ничто не совершенно в этом мире, поэтому если в законах окажется что-либо, требующее исправления, надо сделать его следующим образом. Если король понял ошибку, он должен согласовать все с понимающими людьми и знатоками права, и они должны хорошо рассмотреть, что надо исправить, и притом король должен советоваться с лучшими людьми и из многих земель, дабы много людей пришло к одному соглашению. Хотя право — хорошее и благородное дело (cosa), однако чем более оно согласовано и обсуждено, тем оно лучше и тверже. И когда придут к соглашению, король должен во всеуслышание объявить об ошибках, которые были раньше в законах, и о том, какое он имел право устранить эти ошибки. И это самый лучший способ устранить их. Но если король не имеет ни такого количества людей, ни таких понимающих, ни таких знатоков, то он должен советоваться с теми, кто больше любит Бога и его, короля, и благополучие земли.

---

[1] Ниже дается краткое содержание закона.

Закон XXI

Кого можно извинить за незнание законов

Указанные здесь — это те, кого можно освободить от наказания, предписанного законами... Например, если кто-нибудь является сумасшедшим до такой степени, что не знает, что делает... То же относится к мальчику менее четырнадцати лет; к девочке менее двенадцати лет, хотя бы она и предавалась сладострастию. Все они должны освобождаться от наказания за неимением разума. И далее, если они случайно будут моложе десяти с половиной лет и совершат какой-либо другой проступок, как-то: кражу, убийство или ложь, или еще что-нибудь дурное, то они также будут освобождены от наказания, ввиду их малого возраста и недостатка соображения. Далее постановляем, что рыцари, которые должны защищать страну и освобождать ее от врагов Веры с помощью оружия, должны быть извинены за непонимание законов, а именно в случае, если потеряют свое имущество или часть его, благодаря аукционам или тяжбам во вред самим себе, или потеряют что-либо с течением времени. Все это естественно, если это случается во время войны.

...Однако, если рыцарь солжет или совершит предательство, или вероломство, или проступок, и любому будет понятно, что это плохо, то его нельзя простить. И то же самое относится к крестьянам, обрабатывающим землю или живущим в местах ненаселенных, и к пастухам, которые ходят со скотом по горам и пустыням, и к женщинам, живущим в подобных местах.

ТИТУЛ II

ОБЫКНОВЕНИЕ (УЗУС), ОБЫЧАЙ И ФУЭРО

Ничто не может препятствовать законам, имеющим силу и твердость, указанную нами, кроме трех видов права (cosas). Первый — узус, второй — обычай, третий — фуэро. Они происходят один от другого и имеют в себе естественное право, как это здесь указывается; как из букв появляется слово и из слов предложение, и из предложения суждение (razon), так из времени (tiempo) появляется узус, из узуса — обычай, и из обычая — фуэро. И потому хотим сказать в данном титуле, что такое узус и как он

те, кто по природе свободны, делаются крепостными и попадают под власть другого человека, что не соответствует природе. И слово «крепостной» — «siervo» — произошло от латинского слова «servare», что означает, как и в романсе, «сохранять». И это «сохранение» было установлено императорами. Ибо в древности всех, кого брали в плен, убивали. Но императоры сочли за благо и постановили, чтобы их не убивали, а сохраняли им жизнь и пользовались ими. И есть три вида крепостных. Первый вид — это те, кого берут в плен во время войны и кто, следовательно, является врагом Веры. Второй вид — это те, кто рождается от крепостных женщин. Третий вид — это те, которые были свободны, но дали продать себя. И в этом случае необходимо, во-первых, чтобы человек сам согласился, чтобы его продали; во-вторых, чтобы он получил часть своей цены; в-третьих, чтобы он знал, что он (был) свободен; в-четвертых, чтобы тот, кто его покупает, думал, что он крепостной; и в-пятых, чтобы тот, кто дает себя продать, был старше двадцати лет.

Закон II

В каком положении находятся те, кто родился от крепостной женщины и свободного мужчины

Если человек родился от свободного отца и матери-крепостной, то он является крепостным, так как следует положению своей матери; но если случится, что она, будучи беременной, получила вольную, то ребенок, рожденный ею, становится свободным, даже если мать носила его в своем чреве после того, как ей дали вольную, не более одного часа или даже менее. И пусть даже мать затем снова станет крепостной, ребенок всегда останется свободным, так как он получил эту свободу в течение того времени, когда мать носила его после получения вольной, независимо от того, был ли этот промежуток времени большим или малым. Однако дети, рожденные от свободной матери и отца-крепостного, будут свободными, ибо всегда следуют положению матери, как это сказано выше. И хотя выше мы сказали, что дети должны следовать положению матери, все же дети, рожденные от свободного отца и свободной матери, должны следовать положению отца, как в отношении почестей, так и в отношении привилегий.

Закон V

В каких случаях крепостной должен охранять своего сеньора от вреда

Всякий крепостной должен охранять своего сеньора от вреда и бесчестия любым способом, как он это может и умеет; и должен повиноваться ему, и возвеличивать его честь, и умножать его доходы всяческим способом. И все это не только в отношении сеньора, но и в отношении его жены, и его детей; и если им понадобится его помощь, когда кто-либо захочет их убить, или обесчестить, он должен поспешить к ним и умереть за них, дабы спасти их от смерти и от бесчестия. И каждый крепостной должен делать это хорошо и верно, и не может таким образом просить себе прощения, что не сделал так, ибо не мог; разве только если был болен и не мог выполнить своего долга, или был схвачен или заперт, или находился так далеко, что не мог никак поспешить на помощь. И если крепостной ранит или убивает кого-либо, защищая своего сеньора от смертельной опасности, он не должен быть наказан.

Закон VI

Какую власть сеньоры имеют над крепостными

Сеньор имеет полную власть над своим крепостным, чтобы делать с ним все, что захочет. Но при всем этом, он не должен ни убивать его, ни оскорблять, даже если для этого будет повод, за исключением приказа местного судьи; и не должен ни ранить его, ни морить его голодом, разве только если застанет его со своей женой или с дочерью, или если крепостной сделает другое преступление, подобное этому. В таком случае сеньор может его убить. Затем постановляем, что, если, кто-либо будет так жесток со своими крепостными, что будет морить их голодом, или ранит их, или повергнет их в такие бедствия, что они не смогут терпеть их, то в таких случаях крепостные могут пожаловаться судье. И он, по своей должности, обязан выяснить истину, так ли это; и если найдет, что это правда, то он должен продать их и возместить их стоимость сеньору. И он должен сделать это так, чтобы они никогда не смогли вернуться под власть того, по чьей вине он их продал.

человека, назначенного Каудильо[1] рыцарей, или других людей на границе, или в другом месте по приказанию короля, и покинувшего их в опасности без согласия короля. Точно так же, если он обнаружил рыцаря, покинувшего в таком месте короля или другого своего Каудильо. Четвертая, когда обвинил бы человека, убившего его сеньора, или мстил бы за него, или открыл предательство, которое хотели совершить в отношении короля или королевства. Однако в трех первых случаях король или другой сеньор, перед кем крепостной открыл преступников, должны возместить сеньору стоимость крепостного.

Закон IV

Как крепостная становится свободной, когда ее сеньор помещает ее в публичный дом, чтобы заработать на ней

Если кто-нибудь помещает своих крепостных женщин на глазах у всех в публичный дом или в какой-нибудь другой дом или другое место, предоставляемое мужчинам за плату, то постановляем, что за такие действия сеньор теряет своих крепостных женщин и потому они становятся свободными. И повелеваем, что те, кто рассудит так за нас там, где это произошло, должен защитить этих женщин, дабы их прежний сеньор никогда не обратил бы их снова в крепостное состояние и не имел бы никакого права на них.

Закон V

Как крепостной, по причине женитьбы, может быть свободным

Если какой-нибудь крепостной женился на свободной женщине с ведома своего сеньора и без препятствий с его стороны, то крепостной становится благодаря этому свободным. То же самое постановляем мы в том случае, если крепостная выйдет замуж за свободного человека. И еще постановляем, что если сеньор женится на своей крепостной, то она по этой причине становится свободной.

---

[1] Предводителем.

Закон VI

Как крепостной становится свободным, делаясь священнослужителем или получая Духовный Сан

Если чей-либо крепостной делается священнослужителем или получает Духовный Сан с ведома и согласия своего сеньора, то постановляем, что становится поэтому свободным. И если он становится священнослужителем без ведома своего сеньора, тот может потребовать его в течение одного года и вернуть его в крепостное состояние, даже если он получил Сан Субдиакона или ниже.

Закон VII

Каким образом с течением времени крепостной может получить свободу

Если чей-либо крепостной живет десять лет, имея хорошую веру и считая добросовестно себя свободным на земле своего сеньора, или двадцать лет на другой земле, пусть сеньор его даже не видел, то он становится поэтому свободным. Но если он не имеет хорошей веры и, зная, что он крепостной, находится двадцать лет в бегах, то не становится от этого свободным; если сеньор его поймает, он может сделать его крепостным. Но если случится, что проходит таким образом тридцать лет, он считается свободным, и его бывший сеньор не имеет никаких прав на него. При этом подразумевается, что он находится на земле Христиан. Но если он находится на земле Мавров, когда бы он туда ни попал, становится свободным, так же как и Христианин, будучи пленником на земле Мавров, может и бежать, и вернуться на землю Христиан.

Закон VIII

О том, как вольноотпущенник должен почитать того, кто его освободил, и его жену, и какие знаки уважения он должен им оказывать

Поскольку свобода — это одно из самых ценных благ и самое дорогое в этом мире благо, потому те, кто ее получает, очень должны повиноваться своим сеньорам, которые их освободили, и любить, и почитать их. И любым образом

люди должны знать хорошее деяние и благодарить за него тех, от кого они его получили; и ничто не является для них столь важным, как это. Итак, как крепостничество есть самое жестокое установление в этом мире (если не грех), и самое презренное состояние, так и свобода есть самое дорогое и самое ценимое. И потому вольноотпущенник и его дети должны очень уважать своего сеньора, который ему дал свободу, и оказывать ему во всех случаях почтение и также его детям; но другим чужим, сделанным по завещанию сеньора его наследниками, вольноотпущенники не обязаны оказывать почтения. И почет, который они должны делать сеньору, освободившему их, заключается в следующем: они должны приветствовать его каждый раз при встрече с ним и его детьми, склоняясь перед ними; и всякий раз, когда придет сеньор и вольноотпущенник будет сидеть, он должен встать перед ним, и принять его очень хорошо, и говорить ему хорошие слова, и оказывать ему всякие почести, какие только может. И не должен ни вступать с ним в тяжбу, ни говорить что-либо против него, ни приказывать ему ничего, а разве только попросить разрешения у местного судьи, и не может ни обвинять, ни бесчестить сеньора никоим образом; разве только если он должен делать это по поводу чего-либо, что затрагивает королевство или личность короля; или если сеньор сделал крепостного совсем инвалидом, ранив его оружием или совершив другое преступление против него так, что его никак нельзя извинить. И даже если крепостной должен судиться с сеньором, он не может этого сделать без разрешения судьи, как указано выше. Но если вольноотпущенник является опекуном какого-нибудь сироты, он может вступить с сеньором в тяжбу по поводу чего-либо, что имеет отношение к этому сироте. И также в других случаях вольноотпущенник должен уважать своего освободителя и помогать ему. Так что если он видит, что какая-нибудь из вещей сеньора находится в таком положении, что он может потерять ее, то он должен стараться сохранить ее для сеньора так же, как если бы это была его собственная вещь. И это он должен делать в отсутствие сеньора. И также должен его охранять другим образом, а именно: если он видит, что сеньор, освободивший его, дошел до такой бедности, что ему нужна помощь своего вольноотпущенника, он должен придти к нему на помощь, дав ему поесть, и попить, и одеться, и обуться в соответствии со своим богатством и возможностями, которые он имеет.

Закон IX

По каким причинам сеньор может вернуть в крепостное состояние того, кому он дал вольную

Есть такие сеньоры, которые освобождают своих крепостных просто по доброй воле, желая сделать им добро и милость и не беря от них никакого выкупа. И есть другие, которые освобождают их за сумму, которую получают, или же потому, что сеньор в своем завещании приказал своему наследнику освободить их. И поэтому, если сеньор освобождает своего крепостного по доброй воле, не беря выкупа, или если получает выкуп от самого крепостного, который дает его за себя, и такой вольноотпущенник затем совершит какое-либо преступление против своего сеньора, или его детей, как-то: обвинит их в чем-нибудь, или обесчестит, или завяжет дружбу с их врагами с целью нанести ему вред, то постановляем, что сеньор может обратить его за это снова в крепостное состояние, доказав один из указанных фактов на суде. Но если выкуп, полученный сеньором за освобождение, не вольноотпущенник дал за себя, а кто-либо другой дал его за него, или если сеньор освободил крепостного по приказанию другого, своего собственного сеньора, тогда, если вольноотпущенник даже и совершил одно из вышеназванных преступлений, постановляем, что тот, кто его так освободил, не может вернуть его в крепостное состояние. Однако он может заявить на него местному судье, и судья должен наказать его, и дать наказание в соответствии с совершенным им преступлением.

Закон X

Какие права могут иметь сеньоры на имущество вольноотпущенников

Мы уже сказали, какие права имеет сеньор в отношении личности вольноотпущенника. Сейчас хотим сказать, какое он имеет право на его имущество; и постановляем, что если вольноотпущенник умирает без завещания и не оставляет ни сына, ни внука, кто наследует его добро, ни отца, ни брата, ни сестры, которые являлись бы свободными, то в таком случае все имущество вольноотпущенника должно отойти к сеньору. И если он сделает завещание,

и не имеет никого из вышеназванных родственников, и если имущество вольноотпущенника стоит 100 золотых мараведи[1] или свыше, то должен оставить своему сеньору третью часть того, что имеет. И если случайно имеет меньше стоимости ста мараведи, то не обязан оставлять сеньору ничего, если сам не захочет. И если вольноотпущенник умирает без завещания и оставляет кого-либо из вышеуказанных родственников, то сколько бы ни стоило его имущество, сеньор не имеет никакого права на него. А это право должен иметь его сын или ближайший родственник из тех, кого мы назвали выше.

ТИТУЛ XXV

О ВАССАЛАХ

Вассалитет — это великая и многосторонняя обязанность, которую имеют как вассалы по отношению к своим сеньорам, так и сеньоры по отношению к вассалам...

Закон I

Что такое сеньор, и что такое вассал

Сеньором называется тот, кто имеет власть над теми, кто живет на его земле. И такого человека все должны называть сеньором... Кроме того, сеньором называется каждый человек, имеющий право вооружать и воспитывать людей для благородства своего рода, а такого человека не должны называть сеньором, кто не является его вассалом и не получает благодеяния от него. И вассалы — это те, кто получает честь и благодеяние от своих сеньоров, как-то: рыцарское звание, или землю, или деньги за ту службу, которую должны им выполнять.

Закон II

Сколько имеется видов власти сеньора и вассальной зависимости

Существует пять видов власти сеньора и вассальной зависимости. Первый и самый обширный — это власть, которую король имеет над всеми, кто находится в его секре-

[1] Мараведи — золотая и серебряная монета, введенная маврами ($^1/_{34}$ реала).

терии. Это называется по-латыни merum imperium, что означает абсолютное, полное право судить и повелевать всем на его земле. Второй — это власть, которую имеют сеньоры над своими вассалами по причине благодеяния и чести, которую получают от них, как указано выше. Третий вид — это власть сеньоров над своими солярьегос (solariegos)[1] по причине бегетрии (behetria)[2] или девисы (devisa)[3] в соответствии с фуэро Кастилии. Четвертый — это власть отцов над своими детьми; обо всем этом мы говорили выше в соответствующих законах. Пятый — это власть сеньоров над своими крепостными, как это сказано выше в соответствующих законах.

Закон IV

Как один человек может стать вассалом другого

Один человек может стать вассалом другого в соответствии со старинным обычаем в Испании таким образом: давая себя в вассалы тому, кто его принял, и целуя руку в знак признания его власти. И также другим способом, посредством клятвы верности, что является более важным, так как благодаря клятве человек не просто становится вассалом другого, а обязан теперь выполнять, что обещал, как по договору. И клятва верности означает, что человек теперь принадлежит другому, дав ему заверение в том, что даст или выполнит обещанное. И эта клятва имеет место не только в договоре о вассальной зависимости, но и во всех других договорах и соглашениях, которые люди заключают между собой с намерением выполнять их.

Закон V

Когда вассал обязан целовать руку сеньору и когда нет

Вассал должен целовать руку сеньору, становясь его вассалом, как мы указали в предыдущем законе. И также должен делать это, когда его посвящают в рыцари, после

---

[1] Солярьегос — люди, работавшие на чужих землях и платившие с них подати или арендовавшие участки земли. Это колоны и сервы, получившие свободу, но обязанные платить оброки и выполнять ряд повинностей.

[2] Бегетрии — крестьянские общины, члены которых получили личную свободу, но еще находились под властью сеньоров.

[3] Девиса — феодальный сбор в день святого Хуана.

того, как ему надели шпагу. То же самое должен делать после того, как он попрощался с сеньором. И также, в каждом из этих случаев вассал должен целовать руку знатному человеку, согласно обычаю Испании; в других же случаях нет. Однако королю как знатные люди, так и другие его вассалы обязаны целовать руку в тех случаях, о которых говорилось выше. И также должны ему целовать ее всякий раз, когда переходит из одного места в другое, и они выходят принять его; и всякий раз, когда снова возвращается в свой дом, или хочет покинуть его, чтобы идти в другое место; и когда дает им что-нибудь, или обещает оказать им благодеяние или милость. И они обязаны целовать руку королю по двум причинам. Первая — по предписанной природой обязанности, которая возложена на них в отношениях с королем. И вторая, ввиду признания ими власти, которую он над ними имеет.

Закон VI

Какая обязанность существует в отношениях между вассалами и сеньорами

Вассалы имеют очень большие обязанности в отношениях с сеньорами. Они должны их любить и почитать, и охранять, и увеличивать их добро, и препятствовать причинению им вреда как только могут. И должны им служить верой и правдой за то благодеяние, которое получают от них. Затем постановляем, что сеньор должен любить и уважать, и охранять своих вассалов, и делать им добро и милость и препятствовать причинению им вреда и бесчестия. И когда эти обязанности хорошо выполняются, то каждый выполняет тем самым свой долг, и растет, и крепнет подлинная любовь между ними. Существует еще много других обязанностей между вассалами и сеньорами, ибо они должны друг друга охранять во время войны и мира, и об этих обязанностях мы говорили во второй Партиде этой книги, в соответствующих законах.

Закон VII

По каким причинам вассал может уйти от сеньора, в какое время и каким образом

Ни уйти, ни расторгнуть договор с сеньором вассал не может в течение одного года после своего посвящения в рыцари, ни из-за бедности, ни из-за работы, которую его

заставляет выполнять сеньор, ни по какой другой причине; разве только, если он должен будет сделать это по одной из следующих причин: первая, если сеньор пытается убить своего вассала. Вторая, если пытается обесчестить его жену. Третья, если его разорили бессмысленным образом, и это разорение не будет признано справедливым ни на суде равных ему (amigos), ни на суде короля, ни его курии. Так что по любой из этих причин вассал спокойно может уйти от своего сеньора в любое время, раньше чем через год, или позже. Но через год и дальше может уйти от него, даже если сеньор и не совершил никакого проступка по отношению к нему. Итак, если ему не доставляет удовольствия жить со своим сеньором, так как последний плохо платит вознаграждение или по какой-либо другой причине, то может спокойно уйти от него. И когда собирается распрощаться с ним, должен это сделать сам, а не через когонибудь; разве только, если боится, что сеньор его убьет или обесчестит; в таком случае он может проститься с ним через другого гидальго. И прощание со своим сеньором должно происходить так: вассал говорит сеньору: «Ухожу от вас и целую вам руку и с этого момента не являюсь более вашим вассалом». И когда кто-либо другой прощается от имени вассала, должен сказать так: «Такой-то рыцарь уходит от вас и целую вам руку за него; и говорю вам от его имени, что с этого момента он не является более вашим вассалом».

Закон IX

Какое наказание заслуживает вассал, который получает вознаграждение от сеньора и не служит ему

Если вассал, ушедший от сеньора, с которым он жил, получит от него вознаграждение и не захочет служить ему; если сеньор сам лично призвал его, или своим письмом, чтобы он пришел к нему служить, и тот не захотел, то должен заплатить сеньору полученную от него сумму в двойном размере, так как не захотел ему служить. Затем постановляем, что если вассал служит сеньору, и тот не дает ему жалования, то за все время неоплаченной службы он должен дать вассалу двойное жалование. Но если сеньор не нуждается в службе вассала, поскольку ничего особенного не случается, и не посылает за ним, в этом случае вассал не обязан возмещать сеньору ничего из того,

что он от него получил, хотя и не служил ему. Ибо он всегда был готов придти к нему на службу и не виноват, что сеньор не посылал за ним.

Закон X

По каким причинам король может изгнать знатных людей

Знатными людьми по обычаю Испании называют тех, кого в других странах называют графами или баронами. И таких король может изгнать по одной из трех следующих причин. Первая, когда хочет отомстить им за антипатию, которую питает к ним. Вторая, за дурные поступки, совершенные ими в стране. Третья, по причине преступления, в котором содержится предательство или измена.

ТИТУЛ XXVI

О ФЕОДАХ

Феод — это один из видов благодеяния, оказываемого сеньорами своим вассалам по причине вассальной зависимости последних...

Закон I

Что такое феод и откуда произошло это название и сколько видов его имеется

Феод — это благодеяние, оказываемое сеньором какому-либо человеку, поскольку тот стал его вассалом; и тот дает ему клятву быть верным ему. И произошло это название от слова «fe» — верность, которую вассал всегда должен иметь по отношению к сеньору. И есть два вида феода. Первый, когда дается феод в виде имения, или замка, или другого места для поселения. И подобный феод нельзя отобрать от вассала; разве только, если не выполнит заключенные с сеньором договоры; или если совершит такой проступок, за который должен потерять феод, как это показывается далее. Другой вид — это так называемый «Feod de Cámara». И он дается, когда король каждый год кладет мараведи одному из своих вассалов в его сокровищницу (Cámara). И такой феод король может отобрать у него, когда захочет.

Закон III

Кто может установить феод и кому

Дать или установить феод могут императоры и короли и другие знатные сеньоры, и могут дать в феод имущество, принадлежащее им полностью. Также могут давать в феод архиепископы и епископы и другие Прелаты Святой Церкви то имущество, которое их предшественники имели обыкновение давать. Но другое имущество, которое обычно не давалось в феод, они не могут дать вновь. И может быть дан или установлен феод любому человеку, не являющемуся вассалом другого сеньора, ибо в законе записано так: никто не может быть вассалом двух сеньоров.

Закон IV

Каким образом нужно давать и принимать феод

Предоставлять и давать феод могут сеньоры своим вассалам следующим образом. Вассал преклоняет колена перед своим сеньором и должен положить руки между руками сеньора, обещая ему и клянясь ему, и давая ему торжественное обещание, что всегда будет служить ему верой и правдой, и что даст ему добрый совет всякий раз, как сеньор того потребует, и не откроет тайн сеньора, и поможет ему по мере сил и возможностей против всех людей в мире, и будет увеличивать его доходы, и отвращать от него бедствия, и что будет хранить и выполнять обязательства, заключенные с ним по причине полученного феода. И после того, как вассал поклянется и обещает все это, сеньор должен дать ему инвеституру в виде кольца или другого предмета из тех, которые он дал ему в феод; и сделать его владельцем этого лично, или через надежного человека, которому он прикажет это сделать.

Закон V

Какую службу вассалы должны нести своим сеньорам за феод. И затем, как сеньоры должны охранять своих вассалов

Указанную службу, которую вассалы обязаны нести сеньорам, когда получают от них феоды, должны выполнять так, как обещали... И если случайно какая-то услуга,

которую вассал должен оказать сеньору, не названа, ибо пока она только подразумевается, то вассал обязан в силу владения феодом, который он имеет от сеньора, помогать ему во всех войнах, которые тот должен начинать по праву. И кроме того, во всех войнах, которые начали бы другие ему во вред.

Кроме того, постановляем, что сеньоры должны помогать вассалам и защищать их права, как могут, дабы те не получили ни ущерба, ни бесчестия, ни чего-либо другого. И должны во всем сохранять им верность, так же. как и вассалы обязаны сохранять ее в отношении своих сеньоров.

Закон VI

Кто должен наследовать феод и кто нет

Феоды — это такое имущество, которое люди не могут наследовать так, как прочие виды имущества, передающиеся по наследству. Если даже вассал, имеющий феод от сеньора, оставит сыновей и дочерей, когда умрет, дочери не унаследуют в этом феоде ничего; напротив, сыновья. один или два, или сколько бы их ни было, наследуют его целиком и полностью. И они обязаны служить сеньору, поскольку он, сеньор, дал этот феод их отцу, таким же образом, как отец должен был служить ему за его феод.

И если случайно сыновья его не останутся в живых, и будут внуки от одного из его сыновей, но не от дочери, то они должны унаследовать феод, как сделал бы их отец, если бы был жив. И унаследование феодов не идет от внуков дальше, но возвращается затем к сеньорам, и к их наследникам. Но если вассал после своей смерти оставит сына, или внука, который будет немым, или слепым, или больным, или ненадежным и потому не сможет служить за феод, то этот сын или внук не будет заслуживать того, чтобы иметь его, и не должен наследовать его никоим образом.

То же самое постановляем, если кто-нибудь из них будет монахом, или другим служителем культа, или таким священнослужителем, кто не сможет нести службу за феод, по причине сана, который он имеет. И когда мы говорим, что сын или внук вассала может наследовать феод, то мы

подразумеваем, что вилла, или замок, или другое наследство дано, как указано, в качестве феода. Но королевство, или область, или графство, или другой королевский дар, полученный в качестве феода, не может быть унаследован ни сыном, ни внуком вассала, если император, или король, или другой сеньор, который дал феод отцу или деду, не предоставит его его детям или его внукам.

Закон VIII

По каким причинам вассал может потерять феод

Вассал может потерять феод при своей жизни, если не будет нести сеньору или его детям службу, которую он обещал нести в силу владения феодом. Кроме того, постановляем, что вассал может потерять феод, если не защитит сеньора в бою. И еще постановляем, что теряет его, если обвинит своего сеньора, или будет пытаться причинить ему вред, угрожающий его имуществу или обесчестить его личность.

И, кроме того, постановляем, что если вассал знает, что некоторые пытаются причинить вред его сеньору или что ему могут причинить большой вред каким-нибудь образом, и не старается отвратить его, как только может, или не предупредит сеньора об этом, то за это лживое молчание он теряет свой феод. Кроме того, постановляем, что если вассал совершает заговор, или даже клятву, или вступает в общение с другими с намерением причинить вред или причинит какой-нибудь вред своему сеньору; если попадет в каком-нибудь месте сам, или с другими, желая ранить его, или убить, или захватить в плен, или обесчестить; или если поднимет на него руку с явным намерением совершить с ним один из этих проступков, или если старается добиться его смерти каким угодно способом, то должен потерять феод, который имеет, по любой из этих причин. Кроме того, постановляем, что если сеньора заключили в тюрьму или в какой-нибудь замок, или в другое место, и вассал не старается освободить его оттуда, то должен потерять поэтому феод, который имеет. И еще постановляем, что если сеньора, или его жену подвергли осаде в каком-нибудь замке, или в городе, или в другой крепости и вассал находится в числе осаждающих то он должен потерять поэтому феод.

Закон IX

За какие проступки против своего сеньора вассал теряет феод и кроме того, как сеньор теряет собственность на феод, если совершит проступок против вассала

Если вассал убил брата, или сына, или внука сеньора, должен за это потерять феод. И кроме того, постановляем, что если вассал ляжет с женой сеньора, или с его дочерью, или невесткой, то должен потерять феод. То же самое, если старается каким-нибудь образом получить или привести кого-нибудь из них, чтобы заставить их нанести ему такое бесчестие. И за все эти вышеупомянутые проступки, и за каждый из тех, о которых мы говорили в предыдущем законе, вассал должен потерять феод; по этим же причинам сеньор теряет собственность на феод, если совершит один из подобных проступков против личности вассала, или его жены, или его детей, или его внуков, или его невесток; и собственность сеньора на феод переходит после этого к вассалу на вечные времена по праву наследства.

Закон X

Как вассал не должен отчуждать феод и как сын после смерти отца своего должен прийти поклясться в верности сеньору или его детям

Если вассал продал или заложил феод, полученный от своего сеньора, или совершил его отчуждение целиком или частично без согласия сеньора, то сеньор может отобрать его, не давая за него никакого возмещения. Кроме того, постановляем, что если сын, которого оставил вассал, имевший феод от сеньора, в течение года и одного дня не придет к сеньору, который дал феод его отцу, чтобы принести присягу и клятву, что будет хранить ему верность за этот феод и нести ему службу за него, так же как его отец обязан был делать это при жизни, то теряет за это феод; разве только, если ему меньше четырнадцати лет, ибо в таком случае он не теряет его. И постановляем, что то же самое должен делать вассал или его сын наследнику сеньора, после того, как сеньор умрет.

Закон XI

Кто должен быть судьей между сеньором и вассалом, когда у них возникает спор из-за феода

Если между сеньором и вассалом возникает спор из-за феода, и сеньор говорит, что вассал сделал что-то, за что он должен потерять его, а вассал говорит, что это не так, и что он хотел честно выполнить свой долг, то тогда эту тяжбу, или другую подобную, должен разрешать не сеньор. Напротив, постановляем, что если у сеньора есть другие вассалы, имеющие от него феод, то сеньор и вассал должны взять одного или двух из них, получив от них на то согласие, дабы выслушали и разрешили тяжбу; и после того, как их выберут и дадут им право решить дело, каждый из них должен высказать свое твёрдое мнение. Но другие споры, которые возникнут между вассалами из-за феодов, полученных ими от сеньора, должен выслушать и решить сам сеньор. И если спор будет между вассалом и другим, чужим человеком, то его должен решить судья, который слушает все тяжбы, даже если то, из-за чего они имеют спор, относится к феоду. То же самое, если спор будет между вассалами двух сеньоров. И то, что мы сказали в этом Титуле о вассалах, имеющих феод, относится также и к вассалам других сеньоров и также к тем, кто имеет его феод от королей. И все способы, какими вассалы должны охранять своих сеньоров и какое наказание заслуживают, если совершат проступки против них,— это мы показываем во второй «Партиде» данной книги, где говорится о врагах и о войнах.

СЕДЬМАЯ ПАРТИДА,

в которой говорится об обвинениях и дурных поступках людей, и наказаниях и карах, которые они за это получают

ТИТУЛ XXVI

О ЕРЕТИКАХ

Еретики — это те безумцы, которые стараются извратить слова Господа нашего Иисуса Христа и дать им другой смысл.., противоположный тому, который был дан им

Святыми Отцами, и в который верит Святая Римская церковь, и который она велит хранить...

Закон I

Откуда происходит слово «еретики», сколько их видов и какой вред они приносят людям, которые с ними общаются

«Haeresis» как в латыни, так и в романсе означает разделение[1], и отсюда происходит слово еретик, то есть отклонившийся от Католической Религии Христианин. Существует очень много сект и категорий еретиков, но две из них самые главные. К первой относятся те, кто верует, но его верования расходятся с подлинной Верой, которую Римская церковь повелевает исповедовать и блюсти. Ко второй категории относятся те, которые вообще не веруют, и это очень негодные люди, думающие, что душа умирает вместе с телом и что ни за добро, ни за зло, которое человек делает в этом мире, он не получит ни награды, ни наказания. И те кто думает так, хуже животных. И от еретиков, к какой бы категории они ни принадлежали, исходит большой вред на земле, так как они всегда стараются разрушить добрую волю людей и ввести их в заблуждение.

Закон II

Кто может обвинить еретиков, и перед кем, и какое наказание они заслуживают после того, как доказана их ересь; и кто может наследовать их имущество

Еретики могут быть обвинены любым человеком из народа перед местным епископом, или местными викариями. И они должны проверить их знание положений Религии и Таинств, и если откроется, что они путаются в них или в чем-либо другом, что относится к Римской церкви и что она должна хранить, то их надо обратить и изъять из них заблуждение различными доводами и добрыми словами; и если они захотят вернуться к католической религии

[1] Первоначальное значение слова «hereo» «брать, выбирать», что по смыслу означает право свободного выбора религиозных верований.

и исповедовать её, то их надо простить. И если случится, что будут упорствовать, то их надо судить как еретиков и передать их затем светским судьям, и те должны наказать их следующим образом: если проповедовал ересь, был закоренелым, то его надо сжечь на огне так, чтобы он умер. И такое же наказание заслуживают неверные, которые, как мы указали выше, в предыдущем законе, не верят ни в награду, ни в наказание в другом мире...

Затем постановляем, что имущество тех, кто осужден за ересь, или умер в еретической вере, должно перейти к их детям или потомкам...

Закон III

Как дети, не являющиеся католиками, не могут наследовать наравне с другими имущество своего отца, который был еретиком

Если человек осужден за ересь и имеет детей-еретиков и детей, исповедующих католическую религию, то постановляем, что те, кто исповедуют католическую религию, должны иметь все имущество своего отца и не должны отдавать другим ни единой его доли. Однако, если впоследствии, поняв свою ошибку, они вернутся к католической религии, то их братья должны отдать каждому из них часть имущества их отца. Но в отношении плодов и урожая, если братья-католики имели их в то время, когда другие были еретиками, они не обязаны давать им отчета, если те об этом их попросят.

Закон IV

Как тот, кто признан еретиком, не может иметь ни звания, ни общественной должности, а должен потерять то, что имел раньше

Ни звания, ни государственной должности не может иметь тот, кого судили за ересь. И потому не может быть ни папой, ни кардиналом, ни патриархом, ни архиепископом, ни епископом; также не может иметь никаких почестей и званий, относящихся к Святой Церкви. Далее постановляем, что тот, кто является еретиком, не может быть ни императором, ни королем, ни герцогом, ни графом; и не может иметь никакой должности, ни почетного места из

тех, которые относятся к светской власти. И еще постановляем, что если в отношении кого-либо доказано, что он еретик, то он должен потерять за это то звание, которое имел раньше, и затем древние предусматривают, что он не может оставить завещание, разве только если он захочет оставить свое имущество детям-католикам.

Кроме того, постановляем, что в отношении него недействительны завещания других, и он не может считаться наследником другого человека. И еще постановляем, что ни его собственное завещание, ни дарение или продажа, сделанные ему или сделанные им кому-либо, не имеют силы с того дня, когда его судили за ересь, и впредь.

Закон V

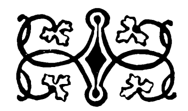
Какое наказание заслуживают те, кто скрывает еретиков

Некоторые люди прячут и принимают в своих домах еретиков, ходящих по земле тайком, проповедуя и совращая сердца людей и вводя их в заблуждение; и те, кто это делает, жестоко ошибаются. И потому запрещаем всем людям нашего государства ни сознательно принимать в своем доме еретика, ни соглашаться на то, чтобы он учил или проповедовал в нем, ни чтобы еретики собирались в его доме с целью устроить между собой беседу или совещание; и если кто-нибудь сознательно поступит наоборот, постановляем, что теряет тот дом, где он принял еретиков и дал им возможность делать что-либо из вышеназванных вещей, и что дом этот переходит в собственность церкви. Ибо будет полезно, что то место, где собирались враги католической религии, послужит церкви и что там соберутся ныне верные Христиане, которые в нее веруют, и ее хранят и защищают. Но если кто-нибудь охраняет чужой дом и принимает еретиков без приказания и без ведома хозяина дома, то даже если еретики и будут делать там вышеназванные вещи, хозяин не должен терять из-за этого свой дом. Ибо, раз он ничего не знал, за ним нет никакой вины. И потому постановляем, и считаем это справедливым, что тот, кто принял еретиков, должен заплатить за это штраф в десять золотых фунтов в сокровищницу короля. И если у него нет чем заплатить, то его должны прямо на месте на глазах у всех наказать плетьми, и глашатай должен объявить перед ним, за что его бьют.

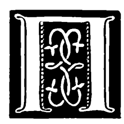
Закон VI

Какое наказание заслуживают те, кто дает еретикам приют в своих замках или на своих землях

Никакой Христианин не должен давать приюта еретикам ни в своем доме, ни в своем замке, ни в каком-нибудь другом месте; и кто приютит их таким образом, тем самым обманывает Бога и сеньора этой земли, и дает еретикам возможность творить свои дурные дела. Ибо среди них имеются такие, которые колеблются, стать ли им еретиками, так как боятся наказания, и не колеблются стать ими, если находят человека, который может защитить их; и потому постановляем, что если кто-нибудь их принимает и дает им приют на своей земле, после того, как его известили о приговоре об отлучении, данном против них каким-либо Прелатом Святой Церкви, если он мятежник и не подчиняется приговору Прелата и упорствует в течение года, то его следует предать за это позору (инфамации) так, чтобы никогда не мог иметь ни должности, ни почетного места. И более того, если он знатный человек, сеньор (этой) земли или какого-нибудь замка, то теряет поэтому право на владение землей и замком, которые отходят к королю; и еще более того, его нужно изгнать с этой земли; и если он подл и низок, то его самого и все, что имеет, отдать на милость короля, который должен дать ему такое наказание, какое он заслуживает за подобный проступок.

2. ИНКВИЗИЦИЯ В ИСПАНИИ

УБЛИКУЕМЫЕ ниже документы по истории инквизиции в Испании характеризуют деятельность этого учреждения в период, называемый в истории «новой инквизицией». В этот период в Испании установилась абсолютная монархия в результате объединения Кастилии и Арагона под властью Фердинанда, короля Арагона, и его супруги Изабеллы, королевы Кастилии.

Для укрепления королевской власти в условиях феодального строя и в специфических условиях Испании, где был очень силен религиозный фанатизм, королевская власть нуждалась в поддержке римско-католической церкви, пользовавшейся громадным влиянием в широких кругах испанцев. Преследование еретиков, мавров и евреев было вызвано рядом причин. Ереси не только колебали авторитет римско-католической церкви, но представляли собой угрозу и для светской власти, так как значительная часть ересей являлась идеологической формой борьбы угнетенных классов против духовных и светских феодалов.

К XVI веку авторитет римско-католической церкви значительно пошатнулся благодаря реформации в Германии, влияние которой проникло и в Испанию, считавшуюся оплотом римско-католического вероисповедания. В приводимом здесь отчете и мемориале об ауто-да-фе 1559 года указывается на «составы преступления» приговоренных к сожжению и другим наказаниям еретиков. Они разделяли «лютеранские ереси и мнения проклятого ересиарха Мартина Лютера».

Растущее влияние «лютеранской ереси» вызвало во всей Европе, где еще сохранилось господство римско-католической церкви, стремление со стороны реакционных кругов всеми мерами противодействовать влиянию реформационных идей. Все эти обстоятельства привели к реорганизации инквизиции в постоянно действующее учреждение с кадрами квалифицированных богословов и со строго централизованной системой.

Фердинанд и Изабелла нуждались не только в том, чтобы ослабить мятежных феодалов своим планом централизации государства и установления абсолютизма. Они были кровно заинтересованы и в обуздании всякого сопротивления, в том числе и в виде ересей, также подрывавших авторитет государственной религии, являвшейся идеологической опорой королевской власти.

Для достижения своих целей Фердинанд и Изабелла использовали реорганизованную инквизицию. Как указывает Маркс, «... благодаря инквизиции церковь превратилась в самое несокрушимое орудие абсолютизма»[1]. Фердинанду и Изабелле удалось путем ряда маневров добиться полной независимости инквизиции в Испании от римского папы.

В булле папы Сикста IV 1 ноября 1478 г. было установлено, что состав инквизиционных судов Испании определяется королевской властью. От нее же зависят назначение и смещение инквизиторов.

В 1481 году был учрежден «святой трибунал», а затем должность главного инквизитора с высшим советом при нем (супрема), руководившим деятельностью всех судов. Особой жестокостью прославился главный инквизитор Торквемада. За 15 лет его деятельности было сожжено 8220 еретиков и приговорено к другим наказаниям около 89 326 человек.

Документы, приводимые здесь, показывают наиболее мрачные стороны деятельности инквизиции: пытку как средство добиться признания обвиняемого («царица доказательств» в инквизиционном процессе) и ауто-да-фе, характеризующее жестокость и лицемерие церкви, которая передавала осужденных еретиков светской власти, так как «милосердие» не позволяло-де церкви приводить самой в исполнение смертные приговоры (ecclesia abhorret ab sanguine). Публикуемые документы взяты из книги С. Г. Лозинского «История инквизиции в Испании», СПб., 1914, стр. 469—477.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 431.

(а) ПЫТКА

(Мадрид, Arch. hist., секция Толедская Инквизиция, leq. 112, № 61, Schäfer, I, 417—420)

ПРОТОКОЛ ПЫТКИ НАД ФРАНСИСКО РОБЕРТОМ

На суде Святой Инквизиции в Толедо утром 17 августа 1569 года пред сеньорами инквизиторами лиценциатом Хуаном Белтраном де Гевара и доном Педро Веларде, в присутствии лиценциата Уркису, главного викария, замещающего иногда судью, предстал Франсиско Роберт, и когда он явился, ему сказали, что в виду единогласия в его деле, он должен сознаться и покаяться для облегчения совести.

Тогда он сказал, что согласен и попросил их милость поскорее покончить это дело.

Ему сказали, что по его признаниям относительно святых, и обедни, и насмешек над монахами, как подтвердили также свидетели, есть основание считать его лютеранином и разделяющим заблуждения Лютера, и, что из любви к Богу и Его Святой Матери, ему советуют сказать и объявить правду относительно всего, что он сделал и сказал против нашей Святой Католической Веры, и назвать лиц, внушивших ему это. Но после этих убеждений из него не могли вытянуть больше того, что он сказал на исповеди, причем он добавил, что, хотя и сказал многое, но не верит этому.

Ему ответили, что его дело рассмотрено вышеназванными сеньорами инквизиторами, и судьею, и советниками, и они вынесли впечатление, что он говорит неправду, вследствие чего они пришли к убеждению, что необходимо пытать его. Однако его предупредили, что из любви к Богу, ему предлагают до начала пытки, сказать правду, ибо сие необходимо для облегчения его совести.

Он ответил, что уже сказал правду.

Ввиду сего... по рассмотрении документов и данных процесса, мы вынуждены присудить и присуждаем сего Франсиско Роберта к пытанию водой и веревками, по установленному способу, чтобы подвергался пытке, пока будет на то воля наша, и утверждаем, что в случае, если он умрет во время пытки, или у него сломается член, это случится по его вине, а не по нашей, и, судя таким обра-

зом, мы так провозглашаем, приказываем и повелеваем в сей грамоте, заседая в суде.

Лиценциат Хуан Белтран.
Лиценциат Веларде.
Лиценциат Уркису.

Сего Франсиско Роберта спросили, хочет ли он сказать правду; если же не хочет, то приговор войдет в силу.

Он ответил, что не знает, что сказать.

Тогда было приказано объявить сей приговор, который и был объявлен сими сеньорами инквизиторами и судьею в присутствии сего Франсиска Роберта и, по прочтении его Франсиско Роберту, ему предложили сказать что пожелает. И тогда приказали отвести его в комнату пыток и отвели.

Затем, находясь уже в комнате пыток, сии сеньоры инквизиторы и судья спросили сего Франсиско Роберта, не хочет ли он сказать правду до раздеванья. Он ничего не ответил и стал раздеваться.

И когда он был раздет, сего Франсиско Роберта стали увещевать сказать правду до начала пытки. Он ответил: я не знаю, что угодно вашей милости. Тогда его посадили на скамью и стали вязать руки веревками и прежде, чем прикрутить их, его увещевали сказать правду. Он ответил, что ему нечего говорить.

1. Тогда было приказано прикрутить и дать один поворот веревке. И так было сделано. Он произнес: О, Господи.

2. Тогда приказали дать второй поворот и дали, и ему предложили сказать правду. Он сказал: Скажите, чего вы желаете от меня, и я готов служить вашей милости.

3. Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и прикрутили, и сказали ему, чтобы сказал правду из любви к Богу. Он ничего не ответил.

4. Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и прикрутили, и он ничего не сказал.

5. Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и сказали, чтобы сказал правду из уважения к Богу. Он ответил: Я сказал правду, я говорю правду. И застонал.

6. Приказали еще раз прикрутить веревку и прикрутили, и он ничего не ответил, а только застонал.

7. Тогда еще раз прикрутили веревку и сказали, чтобы сказал правду. Он простонал и ничего не сказал.

8. Тогда приказали потуже прикрутить веревку и прикрутили, и сказали, чтобы сказал правду. Он ответил, что не знает, чего от него хотят.

Ему ответили, что желают услышать от него правду. Он ничего не ответил.

9. Приказали еще раз прикрутить веревку и прикрутили, и сказали ему сказать правду. Он ничего не ответил. Затем сказал: я был сумасшедшим, я был пьяным, не знаю, как и когда.

10. Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и прикрутили веревку, и сказали ему, чтобы сказал правду ради Бога. Он простонал.

11. Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и сказали ему, чтобы сказал правду. Он ничего не ответил.

12. Ему еще прикрутили веревку, и он ничего не сказал.

13. Ему еще раз прикрутили веревку, и он только простонал.

14. Ему еще раз прикрутили веревку, и он только простонал: ох, ох.

15. Ему еще раз приказали прикрутить веревку и прикрутили, и он ничего не сказал.

Приказали еще раз прикрутить и прикрутили. Он сказал: Сеньор Инквизитор, да, я обвиняю одного фламандца, работавшего там, где я.

Его спросили, в чем он обвиняет сего фламандца. Он ответил, что не знает этого.

Приказали привязать к станку веревку, стягивавшую ему руки.

Тогда его привязали к станку и сказали ему, чтобы, из любви к Богу, сказал правду прежде, чем приступят к пытке.

Он ответил, что отец и мать научили его тому, что говорят их милости.

Ему сказали, чтобы сказал, чему его научили, и что он верит в это. Он ответил, что Малтес, заключенный в этой же тюрьме, говорит много дурного про испанцев, утверждая, что они — евреи и негодяи, и много добра про фламандцев.

Затем сказал, что не знает, что говорить.

Затем приказали привязать его к станку за каждую руку одною веревкою и за каждое бедро одною веревкою, по веревке сверху и над коленями, и еще за ступню, по веревке на каждой.

Затем в каждую веревку вставили палку, к рукам и бедрам, и ступням, и привязали ему голову, и тогда сказали ему, что просят, из уважения к Богу, сказать правду до начала пытки.

Он ответил: Я готов служить Богу и заплакал. И за нежелание сказать правду приказали прикрутить веревку у правой руки и прикрутили. Он заплакал и ничего не говорил.

Тогда ему прикрутили палку левой руки и сказали, чтобы он сказал правду. Он закричал, плача: Прощай, Пресвятая Дева Мария.

Тогда приказали прикрутить палку от левой ноги и попросили сказать правду. Он закричал, затем сказал, что работал во Франции с одним maestre público[1].

Ему сказали, чтобы сказал про этого maestre público, что тот заставлял его делать и говорить. Он ответил, что ничего.

Тогда приказали прикрутить палку от правой ноги и сказали, чтобы сказал правду. Он крикнул несколько раз Иисус, Мария.

Тогда было приказано прикрутить палку у правого бедра. Он крикнул много раз: Иисус, Мария.

Тогда его попросили сказать правду из любви к Богу. Он сказал: О, Господи и Пресвятая Дева! О, Господь и Пресвятая Дева! И больше ничего не могли вытянуть из него.

Тогда приказали прикрутить палку у левого бедра. Он застонал и закричал.

Тогда было приказано прикрутить палку от нижней части ноги. Он ничего не сказал.

Тогда было приказано прикрутить палку от правой ноги. Он ничего не сказал.

Тогда приказали поднести к его лицу чашу и сказали ему, чтобы сказал правду, пока не начнется пытка. Он ничего не сказал.

1. Тогда приказали облить его кувшином воды, и облили, и он сказал: О, Господи, чего же от меня хотят!

2. Тогда его облили из второго кувшина воды.

Тогда ему сказали, чтобы лучше сказал правду прежде, чем его будут пытать еще. Он сказал: что же хотят ваши милости, чтобы я сказал?

Ему ответили, что хотят, чтобы он сказал правду

Он сказал, что отрекается от отца и матери.

---

[1] Maestre publico — должностное лицо.

Когда его спросили, почему он отрекается от отца и матери, он прочитал «Отче наш» и сказал, что больше ничего не знает.

3. Тогда приказали облить его еще из одного кувшина и облили, и сказали, чтобы сказал правду. Он сказал: отпустите меня. Я уйду в монастырь молиться Богу за Вашу милость.

Потом он сказал, что бросится в колодец в Мадриде с горя, что ему нечего есть.

Тогда сеньоры инквизиторы сказали, что его довольно пытали, и пытку прекратили, и ушли из комнаты, и сего Франсиско Роберта отвязали.

В присутствии меня,
Хоана де Вергара (секретаря).

(б) АУТО-ДА-ФЕ 1559 г.[1]

(Официальный отчет)

(*Мадрид, Нац. библ.; код. Аа 105, лист 213—219, Schäfer, I, 442—452*)

Отчет и мемориал о суде святой Инквизиции, имевшем место в Вальядолиде в день Св. Троицы двадцать первого мая тысяча пятьсот пятьдесят девятого года в присутствии принца дона Карлоса, нашего сеньора, и принцессы тетки его, правительницы этих королевств, и многих прелатов, и грандов, и кавалеров сего королевства. Этот суд был наиболее торжественный из всех когда-либо виданных, и на него собралось бесконечное множество народу со всего королевства, и даже чудесно было смотреть, как много народу стеклось в Вальядолиде.

Этот суд происходил на площади Святого Франсиска, где устроили огромные подмостки от монастыря Святого Франсиска до консистории[2] в ширину, и на нем другие подмостки, очень крупные в высоту; на последних находилась обширная квадратная площадь больших размеров, а на двух углах со стороны монастыря Святого Франсиска были устроены ступеньки, число которых уменьшалось по мере повышения, так что наверху, на каждом углу, оста-

[1] Ауто-да-фе буквально — акт веры — приговор инквизиционного суда, оглашавшийся публично.

[2] Консистория — в данном случае учреждение при епископе для отправления правосудия по его юрисдикции.

валась только одна ступенька для сидения одного лица, и все ступеньки и подмостки были открыты, сделаны только из дерева и окружены балюстрадою из колонок, выточенных с большим искусством. И от этих ступенек на обоих углах шли большие и широкие подмостки, совсем открытые, так что со всех сторон площади можно было видеть всех, находившихся на них. И эти подмостки шли до самой консистории, а шагах в двадцати от края стояла открытая кафедра, несколько приподнятая над подмостками, так что на нее вели три ступеньки, и все было окружено точеною балюстрадой, и это для подсудимых, которым читают приговоры. И от этой кафедры шли другие подмостки до здания консистории, очень большие и широкие, но более низкие, чем для подсудимых, для служащих Святой Инквизиции и придворных алгуасилей[1], и с двух сторон этих подмостков находились две кафедры для лиц, читающих приговоры. А далее шли еще подмостки вдоль здания консистории, перекрытые от одного угла до другого навесами из шелка, затканного золотом и покрывалами из роскошного шелка, дававшими тень, и рядом с этим углом висел занавес из желтого дамаска, за которым сидел дон Карлос, наш сеньор. На всем остальном пространстве площади сплошь до самого начала улиц, были воздвигнуты тоже подмостки и под подмостками для принцев и советов, и дам, и грандов, были устроены еще два ряда тройных подмостков, один под другим для знатных коллегиальных сеньоров и огромного количества монахов всех орденов, и над этими подмостками были протянуты навесы из шелка. От подмостков, куда вела лестница со ступеньками для еретиков, поднимающихся на свои подмостки, шла улица шириною в пятнадцать шагов, защищенная с обеих сторон забором, сколоченным из досок; эта улица шла до здания Инквизиции и предназначалась для подсудимых и для сопровождающих их, чтобы народ не мешал им. А длиною эта улица была не менее, чем расстояние выстрела из лука. И вся эта улица от начала до конца была перекрыта богатыми навесами и так запружена народом, что одни наседали на других от тесноты, и многие явились уже с предыдущей субботы, ибо собралось столько народу из стольких мест и таких разнообразных слоев, что невозможно передать и рассказать.

---

[1] Алгуасил — судебный исполнитель, служитель при инквизиционном суде, полицейский, жандарм.

Принципы вышли очень рано утром в пять часов и пришли на свои подмостки, находившиеся перед зданием консистории; с ними явились члены всех советов, кроме совета Инквизиции и суда, которые пришли позже перед подсудимыми. Они несли впереди королевское знамя и королевский герб со скипетрами. Далее шел граф де Буэндиа с непокрытою головою и с обнаженною шпагою в руках, простоявший таким образом во время всего суда, так как это старинный суд и церемония королей кастильских и привилегия вышеназванного графа де Буэндиа. С монархами вышло много грандов и кавалеров, и все уселись на своих местах, приготовленных каждому заранее. Принц наш сеньор сел и сидел все время на кресле из орехового дерева, обитом черным бархатом, а рядом с ним сидела на таком же стуле принцесса, одетая в национальный наряд, в черном плаще и черной кастильской мантилье, в белых перчатках с золоченым веером в руке, очень красивая и нарядная. А принц был одет в свободный кафтан и обыкновенный национальный плащ, вязаные чулки и бархатные штаны, суконную шапку, со шпагою на боку и перчатками в руке. А у ног принца и принцессы сидели дамы и знатные особы. Тут же находились Гутиере Лопес де Падилья и другой сеньор из дворца, и дон Гарсиа де Толедо, которые не показывались, и принц с принцессою не могли видеть их. А перед принцем и принцессою, в двух шагах от них, находился, как сказано, вышеназванный граф де Буэндиа. Больше вперед, справа от королевских мест, у выхода с подмостков находились спереди скамьи. На первой скамье сел граф Эстабле и далее адмирал, и далее маркиз де Асторга, и маркиз де Дениа, и маэстро де Монтеса, и рядом с ними прочие другие гранды и сеньоры, и члены дворца. Еще далее придворные алькальды[1] и члены высшего суда. А вокруг этих скамей расположилась стража и придворная конная гвардия, вооруженная пиками. И все эти места и сидения были перекрыты многочисленными навесами из шелка замечательных цветов. А с другой стороны подмостков, где сидели принц и принцесса, слева внизу сидел архиепископ севильский, главный инквизитор, и члены советов Святой Инквизиции, и нижеместные инквизиторы. Далее сидели члены совета американских владений и военного совета и суда и чины финан-

[1] Алькальд (арабское al-kadi — судья) в Испании мэр города и судья.

сового ведомства. Все эти места тоже были перекрыты очень богатыми навесами и материями. У этого угла было воздвигнуто рядом с архиепископом красное знамя с императорским гербом на золоченом древке и сверху золотой, очень ценный крест. На этих подмостках находилась спереди кафедра, с которой читалась проповедь. В этот день проповедь читал брат Мельхиор Кано, домениканский монах из провинции. Затем вышли на эти подмостки из здания Инквизиции еретики и подсудимые по улице с забором, как сказано выше, а впереди шла стража его величества; затем причт главной церкви с крестом, покрытым траурной материей, далее суд и совет Инквизиции и инквизиторы со своим знаменем.

На этот суд явились, как было сказано раньше, тридцать живых человек и одна статуя. С каждым еретиком и подсудимым шли по 2 члена Инквизиции, назначенные для них. Ибо из города и из других мест приехало более четырехсот членов Святой Инквизиции, и у них было немало споров о том, кто должен сопровождать подсудимых. И среди них было много видных лиц — регидоров[1], и алькальдов крепостей, и лиц, занимающих другие видные должности и очень богатых. И чтобы удовлетворить всех, назначили для сопровождения подсудимых половину из местных и половину из приезжих, и, несмотря на то, что подсудимых было двести человек, сопровождающих оказалось слишком много. А придворные алгуасилы шли разодетые очень внушительным и видным образом.

Перед началом суда была прочитана одна бумага Святой Инквизиции, в которой выражалась просьба принцам и всем прочим присутствующим, чтобы они оказали помощь Святой Инквизиции и поклялись в этом. По прочтении ее лиценциат Франсиско Бака, инкивизитор, встал с книгою в руке и с золотым крестом, и подошел к принцам, и опустился перед ними на колени, умоляя поклясться именем Господа Бога нашего и святым Евангелием, которое лежит перед ними, и на сем кресте, что, как католики и христианские монархи, они будут хранить святую католическую веру, соблюдая службу Божью и службу Святой Инквизиции в сих кастильских владениях, благоволя к ним и сообщая им обо всех случаях и вещах, которые дойдут до их сведения и будут касаться Святой Инквизиции, оказывая всяческую поддержку и помощь для наказания

[1] Регидор — член общинного совета.

Принципы вышли очень рано утром в пять часов и пришли на свои подмостки, находившиеся перед зданием консистории; с ними явились члены всех советов, кроме совета Инквизиции и суда, которые пришли позже перед подсудимыми. Они несли впереди королевское знамя и королевский герб со скипетрами. Далее шел граф де Буэндиа с непокрытою головою и с обнаженною шпагою в руках, простоявший таким образом во время всего суда, так как это старинный суд и церемония королей кастильских и привилегия вышеназванного графа де Буэндиа. С монархами вышло много грандов и кавалеров, и все уселись на своих местах, приготовленных каждому заранее. Принц наш сеньор сел и сидел все время на кресле из орехового дерева, обитом черным бархатом, а рядом с ним сидела на таком же стуле принцесса, одетая в национальный наряд, в черном плаще и черной кастильской мантилье, в белых перчатках с золоченым веером в руке, очень красивая и нарядная. А принц был одет в свободный кафтан и обыкновенный национальный плащ, вязаные чулки и бархатные штаны, суконную шапку, со шпагою на боку и перчатками в руке. А у ног принца и принцессы сидели дамы и знатные особы. Тут же находились Гутиере Лопес де Падилья и другой сеньор из дворца, и дон Гарсиа де Толедо, которые не показывались, и принц с принцессою не могли видеть их. А перед принцем и принцессою, в двух шагах от них, находился, как сказано, вышеназванный граф де Буэндиа. Больше вперед, справа от королевских мест, у выхода с подмостков находились спереди скамьи. На первой скамье сел граф Эстабле и далее адмирал, и далее маркиз де Асторга, и маркиз де Дениа, и маэстро де Монтеса, и рядом с ними прочие другие гранды и сеньоры, и члены дворца. Еще далее придворные алькальды[1] и члены высшего суда. А вокруг этих скамей расположилась стража и придворная конная гвардия, вооруженная пиками. И все эти места и сидения были перекрыты многочисленными навесами из шелка замечательных цветов. А с другой стороны подмостков, где сидели принц и принцесса, слева внизу сидел архиепископ севильский, главный инквизитор, и члены советов Святой Инквизиции, и нижеместные инквизиторы. Далее сидели члены совета американских владений и военного совета и суда и чины финан-

[1] Алькальд (арабское al-kadi — судья) в Испании мэр города и судья.

сового ведомства. Все эти места тоже были перекрыты очень богатыми навесами и материями. У этого угла было воздвигнуто рядом с архиепископом красное знамя с императорским гербом на золоченом древке и сверху золотой, очень ценный крест. На этих подмостках находилась спереди кафедра, с которой читалась проповедь. В этот день проповедь читал брат Мельхиор Кано, домениканский монах из провинции. Затем вышли на эти подмостки из здания Инквизиции еретики и подсудимые по улице с забором, как сказано выше, а впереди шла стража его величества; затем причт главной церкви с крестом, покрытым траурной материей, далее суд и совет Инквизиции и инквизиторы со своим знаменем.

На этот суд явились, как было сказано раньше, тридцать живых человек и одна статуя. С каждым еретиком и подсудимым шли по 2 члена Инквизиции, назначенные для них. Ибо из города и из других мест приехало более четырехсот членов Святой Инквизиции, и у них было немало споров о том, кто должен сопровождать подсудимых. И среди них было много видных лиц — регидоров[1], и алькальдов крепостей, и лиц, занимающих другие видные должности и очень богатых. И чтобы удовлетворить всех, назначили для сопровождения подсудимых половину из местных и половину из приезжих, и, несмотря на то, что подсудимых было двести человек, сопровождающих оказалось слишком много. А придворные алгуасилы шли разодетые очень внушительным и видным образом.

Перед началом суда была прочитана одна бумага Святой Инквизиции, в которой выражалась просьба принцам и всем прочим присутствующим, чтобы они оказали помощь Святой Инквизиции и поклялись в этом. По прочтении ее лиценциат Франсиско Бака, инкивизитор, встал с книгою в руке и с золотым крестом, и подошел к принцам, и опустился перед ними на колени, умоляя поклясться именем Господа Бога нашего и святым Евангелием, которое лежит перед ними, и на сем кресте, что, как католики и христианские монархи, они будут хранить святую католическую веру, соблюдая службу Божью и службу Святой Инквизиции в сих кастильских владениях, благоволя к ним и сообщая им обо всех случаях и вещах, которые дойдут до их сведения и будут касаться Святой Инквизиции, оказывая всяческую поддержку и помощь для наказания

[1] Регидор — член общинного совета.

и искоренения всякого заблуждения и ереси. И если сделают так, и прикажут, да поможет им и благословит их Господь, даже без их просьбы. После сего вышеназванные принц и принцесса возложили руки на Евангелие и на крест, и поклялись оба, и тогда поднялся вышеназванный инквизитор и ушел, поклонившись им; и сие было достойно такой похвалы, что вызвало у всех много радости и удовольствия. После того, что сей брат Мельхиор читал проповедь более часа, настало время читать приговор.

Лица, вышедшие на этот суд, как приговоренные к сожжению, так и покаявшиеся в ереси с санбенито[1] и свечами, суть следующие:

Сожженные или приговоренные к сожжению

1. Доктор Августин де Касалья, житель Вальядолида, каноник[2] Саламанки, проповедник и капелан его величества, сын чиновника финансового ведомства Касальи, потомок евреев из Касальи, около Севильи. Отец его был заключен в тюрьму Святой Инквизицией. Дед его был сожжен — по слухам, а этот человек был виновником всего зла, и посеял, и проповедывал среди других всякую ересь и лживые мнения, за которые они были осуждены, а сам проповедывал в Германии против лютеран.

2. Франсиско де Виверо, брат вышеназванного доктора Августина Касальи, житель Вальядолида, священник из Ормигос.

3. Маэстро Алонсо Перес, священник, житель Паленсии. Эти трое, будучи священниками, вышли в рясах без колпаков и санбенито, которые были надеты на них только позже, когда их лишили сана.

4. Кристобал де Окампо, житель Саморы, нищенствующий из приоратства[3] Сан-Хуан.

5. Кристобал де Падилья, житель Саморы.

6. Лиценциат[4] Эрресуэло, ученый юрист, житель Торо.

[1] Санбенито — одежда, надевавшаяся на раскаявшихся еретиков, спереди и сзади пересеченная андреевским крестом. Иногда она была разрисована изображением дьявола и языками адского пламени.

[2] Каноник — член капитула (коллегии духовных лиц) при кафедральных соборах.

[3] Приоратство — местопребывание приора (настоятеля монастыря).

[4] Лиценциат — окончивший высшую школу, не имеющий еще ученой степени, но получивший разрешение на преподавание в высшей школе.

7. Лиценциат Перес де Эррера, судья из Логроньо, брат Висенты Переса, комендант дворца его величества.

8. Хуан Гарсиа, золотых дел мастер, житель Вальядолида. По слухам, его ересь была открыта женою, которую заставили неоднократно поклясться в этом.

9. Гонсало Ваэс, португалец, житель Хельвеса, еврей, принявший христианство и сожженый как еврей.

10. Донья Беатриса де Виверо, сестра вышеназванного доктора Касальи, жительница Вальядолида.

11. Донья Катерина де Ортега, жительница Вальядолида, вдова командора[1] Лойаса и дочь лиценциата Эрнандо Диас, бывшего прокурора королевского совета его величества.

12. Катерина Роман, жительница Педросы.

13. Хуана Бласкес, служанка маркизы де Алканьисес, родом из Толедо, племянница Хуана из Пальмы, священника, жителя Толедо, дочь одного из его братьев, женатого на рабыне доньи Санчи де Гусман, жены дона Педро Ласо, жительницы Толедо.

14. Изабелла де Эстрада, святая женщина, жительница Петросы.

15. Донья Элеонора де Виверо, бывшая жена чиновника финансового ведомства в Касальи, мать вышеназванного доктора Августина де Касальи. Статуя ее и кости были сожжены, ибо ее не было уже в живых. Кости ее были вынуты из одной очень видной часовни в Вальядолиде, где они хранились под позорною надписью, и были положены в гроб для сожжения. Затем был немедленно издан приказ о снесении главных домов, где она жила, и домов всех ее детей, чтобы положить на них место камень с надписью о преступлении, приведшем к этому. А причиною, по которой это было сделано немедленно, послужило то, что в этих домах собирались для проповедей еретики. Все эти люди были осуждены и сожжены, а имущество их было конфисковано и потомки лишены прав.

Примирившиеся с церковью

1. Дон Педро Сармиенто, сын маркиза Поза, старый командор де Керетана, житель Паленсии, присужден к ношению санбенито и пожизненному заключению в тюрьме,

---

[1] Командор — одно из высших званий в рыцарских орденах.

что весьма печально для такого знатного и видного кавалера, и конфискации имущества.

2. Дон Луис де Рохас, его племянник, наследник титула и имущества маркиза Поза, как внук старого маркиза и сын старшего сына его. Присужден к ношению санбенито, к запрещению выезда из королевства и участия в кортесах в Вальядолиде и конфискации имущества.

3. Донья Менсиа де Фигероа, жена вышеназванного дона Педро Сармиенто, бывшая придворная дама королевы. Присуждена к санбенито, к пожизненному заключению и конфискации имущества.

4. Хуан де Ильоа Перера, кавалер, командор ордена Святого Иоанна, житель Торо. Присужден к санбенито и пожизненному заключению и ссылке, куда пошлют, и к лишению права выезда из королевства и участия в кортесах в Вальядолиде и конфискации имущества.

5. Хуан де Виверо, брат вышеназванного доктора де Касальи, житель Вальядолида. Присужден к санбенито, и пожизненному заключению, и конфискации имущества.

6. Антон Мингес, житель Педросы. Присужден к санбенито, и пожизненному заключению, и конфискации имущества.

7. Даниэль де ла Куадра, житель Педросы. Санбенито, пожизненное заключение и конфискация имущества.

8. Антон Басор, англичанин, слуга вышеуказанного дона Луиса де Рохас маркиза де Поза. Санбенито до возвращения в тюрьму и год заключения в тюрьме и конфискация имущества.

9. Донья Анна Анрикес, жена дона Хуана Алонсо, жителя Торо, сына дона Мехиа, сеньора де Сантофринеа, жителя Саламанки, и сама она дочь маркизы де Алканьисес. Санбенито до возвращения в тюрьму и заключение в монастыре.

10. Донья Марья де Рохас, монахиня Святой Екатерины Сиенской в Вальядолиде, дочь маркизы де Алканьисес, сестра монаха Доминго де Рохас, заключенного в тюрьму за подобную же ересь. Присуждена к санбенито на глазах у народа и к возвращению в монастырь без права голоса, и с последним местом в хоре и в трапезной, и к лишению права на какие бы то ни было почести.

11. Донья Хуана де Силья, жена вышеназванного Хуана де Виверо, брата вышеназванного доктора де Касальи. Санбенито и пожизненное, неотменимое тюремное заключение, и конфискация имущества. Эта женщина —

по слухам — дочь дона Хуана де Рибера, маркиза де Монтемайор, и одной вассалки его, жительницы Вильасека де ла Сагра по имени Марифлорин, которая вышла замуж за вышеназванного Хуана де Виверо без разрешения своих родных.

12. Донья Франсиска де Суинига, святая женщина, дочь Антонио из Баеса, чиновника финансового ведомства его величества, жительница Вальядолида. Санбенито и пожизненное заключение, и конфискация имущества.

13. Донья Констансия де Виверо, жена Эрнандо Ортиса, чиновника финансового ведомства его величества, и сестра вышеназванного доктора де Касальи. Санбенито и пожизненное заключение, и конфискация имущества.

14. Марина де Саведра, жена Сиснероса де Сото, жительница Саморы; санбенито, пожизненное заключение и конфискация имущества.

15. Элеонора де Сиснерос, жена вышеназванного сожженного на костре лиценциата Эрресуэло, жительница Торо. Санбенито, пожизненное заключение и конфискация имущества.

16. Изабелла Мингес, прислуга доньи Беатрисы де Виверо, сожженной на костре. Санбенито, пожизненное заключение и конфискация имущества.

Таким образом, сожженных было пятнадцать со статуей и костями матери доктора Касальи, а покаявшихся шестнадцать, хотя в тюрьме осталось еще много таковых для другого суда.

То, во что верили и чего держались эти люди, по внушению и проповедям вышеназванного доктора де Касальи были: лютеранские ереси и мнения проклятого ересиарха Мартина Лютера, причем

они отрицали власть Папы,

они утверждали, что духовенство не обязано сохранять обет безбрачия и может жениться,

отрицали существование чистилища,

далее утверждали, что все люди спасены страданиями Господа нашего Иисуса Христа, и что дела благотворительные, набожные и другие, творимые ради Господа, не имеют никакой цены,

что поклонение и почитание святых есть насмешка, и что люди, поклоняющиеся иконам, идолопоклонники,

что молитвы Ave Maria и Salve надо читать не дальше слов mater dei,

что истинный Бог не присутствует в святых таинствах, даже в крови в чаше, а что это делается только в память о Его страданиях,

они вспоминали Тайную Вечерю по четвергам и причащались хлебом и вином,

они утверждали, что папа такой же человек, как все другие, и не имеет больше власти, чем другие, а если вообще имеет, то такую же, как епископы и монахи,

они говорили, что нет необходимости исповедоваться вслух, и что исповедь вообще необходима только Богу непосредственно,

что брак не есть таинство, и монахи и монахини могут вступать в брак.

Далее, они держались еще многих лютеранских заблуждений, приводимых ими в оправдание себя.

Кроме вышеназванных заблуждений, дон Педро Сармиенто ходил еще по церквам и по местам, где есть распятие, но не глядел на них и не поклонялся им, и не входил в церковь, а если и делал это иногда, то делал не из веры, а воображал, что находится на пути к истине и что попадет на небо, хотя бы Господь не желал этого, и войдет в рай, в сапогах со шпорами. И помогал, и поддерживал еретиков, чтобы уезжали в Германию, и давал им деньги на дорогу.

Приговор этим лицам был прочитан лиценциатом Хуаном де Вергара, докладчиком, и Хуаном де Вергара, общественным нотариусом из Толедо, призванным для этого назначения.

Первый приговор, прочитанный с кафедры вышеназванным лиценциатом де Вергара, был приговор доктору де Касалья. Второй, прочитанный тем же лицом, был приговор Франсиско де Виверо, брата его, священника из Ормигос. Затем, с другой кафедры рядом с главным инквизитором, прочитал другой приговор вышеназванный Хуан де Вергара, общественный нотариус из Толедо, и по прочтении сего, вышеназванный лиценциат де Вергара прочитал еще один приговор. И когда надо было читать сей последний приговор, принципы приказали ему перейти к другой кафедре, ближе к ним, и так он перешел туда и прочитал все приговоры, какие были предназначены для него и были наилучшими, ибо так было приказано. И принципы слушали очень внимательно и выслушали их очень хорошо.

По прочтении приговоров священникам, каковыми были вышеназванный доктор Августин де Касалья и брат

его Франсиско де Виверо, и маэстро Алонсо Перес, с подмостков принцев перешел на подмостки еретиков епископ Паленсии, одетый в папское облачение с весьма пышными украшениями и серебром и окруженный священниками, и с величайшей торжественностью и церемониалом лишил сана трех вышеназванных священников, а после лишения сана им одели на головы колпаки, что не было сделано раньше; и это несомненно.

Все это время вышеназванный доктор Касалья выражал свое огорчение слезами и иначе, а брат его Франсиско де Виверо смеялся, а вышеназванный Алонсо Перес не выразил ничего. И когда окончилась церемония лишения их сана, вышеназванный доктор де Касалья упал на колени перед принципами, говоря: Королева моя, священное Ваше Величество, умоляю Вас, никогда я не испытал такого бесчестия, как это. Смилуйтесь надо мною, чтобы я мог сказать и выразить, какой я великий грешник, и другие слова сожаления.

И немедленно подошли к нему алгуасилы Инквизиции и суда, убрали его оттуда и заставили вернуться на подмостки, где он находился раньше. И, поднимаясь по ступенькам на свое место, он столкнулся с доньей Констанцией де Виверо, бывшей женою чиновника финансового ведомства Эрнандо Ортис, своею сестрою, и вернулся к королеве и сказал громко: Умоляю Ваше Величество, смилуйтесь и пожалейте сестру мою, вдову с тринадцатью сиротами, и с этими словами он поднялся на подмостки и сел на свое место на верху, причем алгуасилы приказали ему замолчать. Но он встал на стул и сказал громко, целуя крест в своих руках: Да возрадуется небо, приведшее меня в такое состояние, что я могу истинно признать перед Богом, что был Великим грешником и плачусь сим наказанием за свои грехи! Да будет слава и хвала Господу! И да возьмут с меня другие пример, чтобы не совершать подобных преступлений, и еще Господь Бог оказал мне величайшую милость в мире, приведя меня в такое состояние, чтобы душа моя не погибла. И соизвольте сжалиться надо мною, Ваше Величество, и простить мне грехи мои.

Когда еретики спускались, чтобы им прочитали приговоры, и когда они шли назад, их провожали туда и обратно алгуасилы Святой Инквизиции и суда, и придворные, и алгуасилы Инквизиции приносили стул и приказывали потом убрать его.

В полдень принципы ушли обедать и пообедали так быстро, что почти никто не заметил, как прошло время, а затем вернулись на свои места. Все же остальные сеньоры, члены советов и инквизиторы не сошли с мест, пока не кончился суд в четыре часа вечера.

Сперва сошли еретики, приговоренные к сожжению, на площадь, где их встретили местные корегидоры и алькальды с многочисленными алгуасилами и придворными чинами, и отсюда вела улица до городских ворот, запруженная огромной толпою народа, как из этого города, так и из многих других мест. Кавалеры повезли их на ослах; мужчин усадили по-мужски, женщин — по-дамски. И каждого осла вел проводник. Последним ехал доктор Касалья, а рядом с ним несли статую и кости доньи Элеоноры де Виверо, матери его, в гробу. И каждого осужденного сопровождали монахи и видные люди, наставляя их умереть хорошо, а народ громко кричал, что таково правосудие Его Величества над этими мужчинами и женщинами за лютеранскую ересь и их приказано сжечь. И вышеназванный доктор Касалья подвигался по улицам, крича всем, чтобы думали, как живут, и просили Господа Бога избавить их от Дьявола, и что он верит во все и во святую матерь римскую церковь, и непременно умрет с этою верою, и прочие прекрасные слова раскаяния и огорчения. Франсиско де Виверо, брат его, и маэстро Алонсо Перес не говорили ничего, и также лиценциат Эрресуэло. И так их вывели из города в поле, где были вкопаны в землю пятнадцать очень высоких столбов и под каждым груда дров, так что можно было видеть их вблизи и издалека. И вышеназванный доктор Касалья по выезде в поле, закричал громко, что умирает за то, что был лютеранским еретиком и что Господь оказал ему великую милость, дав одуматься во время и познать Иисуса Христа, и раскаяться, и что все, умиравшие с ним, умирают из-за его учения и по его вине, и прочие слова искреннего сожаления с убеждением вышеназванного лиценциата Эрресуэла обратиться к вере Христовой, и что все обратное, сказанное ему, были ложь и фальшь, и ересь, чтобы он умер, признав истину, заключающуюся в нашей святой католической вере. А этот Эрресуэло не выказал ни малейшего сожаления или раскаяния, ни когда взошел на костер, ни когда стоял на нем. И так его сожгли живым, как упорного, не раскаявшегося еретика. А когда он спускался с подмостков, идя на сожжение, то шел так надменно, что, по-

встречавшись на одной из ступенек с Элеонорою де Сиснерос, его женою, покаявшеюся еретичкою, сидевшей в санбенито ниже его, он толкнул ее в гневе великом за то, что не умирала, как он. И как этот, так и брат доктора Касальи, умерли сколько было видно и слышно, еретиками без раскаяния.

Первым задохся Кристобал де Окампо, житель Саморы, второю донья Беатриса Виверо, сестра доктора Касальи, и далее один за другим до девятого, которым был вышеназванный доктор Касалья. Сей последний говорил великие слова покаяния, поднимаясь по лестнице наверх к столбу и, стоя на месте, снял левой рукою колпак с головы и сказал: Это митра, которую его величество дал мне; это плата, которую дают мир и дьявол тем, кто следует ему, и с этими словами он бросил колпак из рук и поднес к губам правой рукою крест и поцеловал его с великим пылом и рвением, говоря: это знамя должно избавить меня от пут, которыми дьявол окружил меня, и я надеюсь на милосердие божие для спасения души моей и умоляю Господа, прося заступничества у Пресвятой Девы Марии, и у апостолов, и у мучеников, и у девственниц, и у исповедников; и возведя взор к небу, он сказал палачу: можешь начинать, брат мой. И палач начал крутить веревку, а вышеназванный доктор стал говорить: верую, верую и целовал крест; и так он задохся и сгорел.

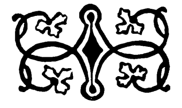
Вышеназванные Франсиско Виверо и лиценциат Эрресуэло не выказали, как было сказано, ни малейшего сожаления или раскаяния, как еретики; и когда присутствующие увидели, что вышеназванный Эрресуэло так упирается в неверие, один из гвардии короля, стоявший тут же, нанес ему топориком рану в кишки, так что потекло много крови, и его сейчас же подожгли, и он умер еретиком. По сожжении всех еретиков, место, где их сожгли, осталось так чисто и без всяких следов, что нельзя было подумать, что там происходила казнь. И это достойно изумления.

Остальных грешников свели с подмостков назад в здание Инквизиции. Дона Педро Сармиенто и дона Луиса де Рохас, и Хуана де Ульоа Перера увели оттуда в королевскую тюрьму. Говорили, что эти люди были не только еретиками, но и изменниками, и что их повели туда, чтобы отрубить головы им. Но говорят также, что Его Величество король не велел судить их по недостатку доказательств против них.

На следующий день, в понедельник, во дворце состоялось общее собрание великих сеньоров и членов совета, но не известно, о чем там говорилось. Надо полагать, что о чем-нибудь очень важном.

Во вторник утром на площади. на стуле и сиденьи, где находился доктор Касалья, показался деревянный крест из двух палок, грубо сколоченных гвоздями. Некоторые стали говорить, что это сделали еретики, но, несмотря на все выдумки, оказалось, по наведении справок, что ночью на месте костра спало много бездомных и безночлежных людей. И они сказали, что из страха перед дьяволом, они сделали крест из палок, найденных на месте сооружения подмостков, и положили его там.

Таким образом, оказалось насмешкою все, что говорили: будто там и на месте сожжения доктора Касальи были положены какие-то записки.

ИТАЛИЯ

1. Статуты Коммуны Падуи
2. Акты освобождения крепостных
3. «Установления Правосудия»

германским императором Фридрихом I (Барбароссой). Согласно этому договору император отказался от назначения главы городского управления — подесты; город получил право выбирать высших должностных лиц и все права верховной власти в пределах городской черты (регалии).

Статуты Падуи показывают, что этот город имел все типические черты средневекового города, освободившегося от власти феодалов, но, в свою очередь, превратившегося в коллективного феодала.

Классовый характер городского самоуправления Падуи ярко обнаруживается в определении категорий лиц, имеющих право быть членами Большого или Малого Совета (например, ст. 19, книга 1). Статуты определяют полномочия и обязанности должностных лиц и в значительной степени ограничивают их произвол, за который эти лица отвечают штрафами в казну города.

Представляют интерес нормы, относящиеся к уголовному праву. В них еще сохранились пережитки обычаев, оставшихся от родового строя (например, изгнание из города и право получить в течение месяца прощение от родственников и др.).

Переводы извлечений сделаны по изданию Statuti del Comune di Padova dal secolo XII all'anno 1285, Padova, 1873.

[Извлечения]

КНИГА I

III. Об обязанностях подесты[1]

15. В правление подесты господина Лоренцо Тьеполо 1265 г. Подеста Падуи под клятвой обязан в июне месяце

[1] Высшее должностное лицо в итальянских коммунах. Обычно на этот пост избирался житель другого города. Длительность срока службы подесты в Падуе — 1 год (1175—1295 гг.) и 6 месяцев (1295—1406 гг.).

собирать Совет Шестидесяти[1] и должностных лиц, которые должны принести клятву; как советники (judici)[2], так и светские лица (laycі)[3] и нотарии (notarii)[4]. Если он не выполнит все вышесказанное, пусть заплатит Коммуне Падуи 100 лир. И под угрозой указанного штрафа он не может просить или иметь освобождение от [соблюдения] данного статута.

16. В правление подесты господина Роберто де Роберто, 1276 г., индикция четвертая. Было прибавлено. Подеста Падуи в течение 15 дней с начала своего правления с помощью людей, выбранных [им] по одному из сотни[5], должен довести Большой Совет[6] до 600 [членов]. При этом он не должен допускать в данный Совет свыше одного, на его взгляд лучшего [представителя] от семьи и хозяйства, платящего налог (dacia)[7] И [он должен] отстранять лиц, если он обнаружит, что они являются слугами и прислужниками других, хотя бы они сами и платили налог. И [должен] выводить лиц моложе 20 лет. Если же, по удалении указанных лиц, данный Совет не будет доведен до 600 [членов], тогда удаляются все те, кто не являются конными (miles) и пешими (pedes) воинами[8]. Если и после этого удаления [Большой Совет] не будет

---

[1] Совет Шестидесяти, он же Малый Совет, обсуждал вопросы, выносившиеся затем на утверждение Большого Совета. В Падуе вначале состоял из 40 членов.

[2] Лица, имевшие специальную юридическую подготовку и выполнявшие функции юридических советников при наиболее важных должностных лицах коммуны, обладали правом самостоятельного расследования отдельных дел.

[3] Светские лица, имеющие право на занятие должностей в коммуне (см. ст. 228).

[4] Писцы при должностных лицах коммуны.

[5] Город Падуя был разделен на четыре территориальные части (квартерии), каждой из которых соответствовала определенная территория дистрикта (всей подчиненной городу территории). Городской квартерий составляли 5 сотен.

[6] Высший законодательный орган городской коммуны. В его компентенцию входили все наиболее важные вопросы государственного управления. В Падуе вначале состоял из 400, затем (с 1277 года) из 1000 членов.

[7] Налог с имущества, которым облагались все жители города и дистрикта; ложился основной своей тяжестью на плечи низших слоев населения: например, с имущества стоимостью в 1 лиру взималось $^1/_{20}$ лиры налога, с имущества в 100 лир — 2,5 лиры.

[8] Граждане Падуанского дистрикта, несшие в зависимости от своей состоятельности конную или пешую службу в падуанском ополчении.

доведен до указанного числа, тогда удаляются наименее полезные [лица], таким образом, чтобы Совет был доведен точно до указанного количества [членов]. Если названные подеста и избранные им другие [лица] нарушат сказанное выше или часть из сказанного, каждый из них за каждое нарушение должен заплатить коммуне Падуи 25 лир в венецианских денариях[1]. И любой может донести на них. Половина штрафа пойдет коммуне, другая — доносчику. И это должно обязательно [соблюдаться].

. . . .

18. В правление того же подесты и в тот же год[2]. [Состав] Совета Шестидесяти должен меняться раз в четыре месяца следующим образом. После того, как в Большом Совете будет проведено разделение на квартерии, составляются списки. Тот, кто имеет [место в этом] списке, может воспользоваться им сам или передать другому. Кто [уже] находится в Совете в течение четырех месяцев, пусть уступит на восемь месяцев [место другим]. В Совете не могут быть в одно и то же время отец и сын, братья, дядя и племянник, сын брата или сестер, дед и внук, сын дочери или сына. И пусть будет [в Совете] по три [человека] от сотни.

. . . .

19. В правление того же подесты и в тот же год. Кто не является по происхождению гражданином Падуи, или он сам или его отец, кто в течение продолжительного времени не живет с челядью (massaricia) и семьей в городе Падуя, как другие граждане, и не платит налог (dacia) [с имущества стоимостью] по меньшей мере в 50 лир, тот не может быть [членом] Большого или Малого Совета.

. . . .

21. В правление подесты господина Микеле де Ауро[3]. Было прибавлено. Или если он не жил постоянно до настоящего дня в городе Падуе в течение 40 лет и более, не живет сейчас и не выполняет повинности, возложенные на него Коммуной Падуи. И пусть докажет это с помощью

---

[1] Лира (libra, фунт) состояла из 20 солидов, солид — из 12 малых денариев. На территории Падуанского дистрикта в XIII веке имели хождение венецианские и веронские денарии.

[2] Предыдущий статут был принят в 1269 году в правление подесты Роландионо де Каносса.

[3] 1272 год.

трех или четырех свидетелей, падуанских граждан, в присутствии одного из советников (judex) подесты после того, как его вызовет синдик[1] коммуны.

. . . .

31. В правление подесты господина Якопино Рубео 1274 г. Подеста не может просить и иметь освобождение от [выполнения] какого-либо необязательного статута[2], если сначала он не придет к согласию с двумя третями народных анцианов[3] и анцианов коммуны[4] о необходимости постановки [вопроса] об этом статуте перед Советом. Если они согласятся, пусть тогда подеста прикажет поставить [вопрос] об этом статуте в Совете Шестидесяти. Если большинство Совета Шестидесяти решит, чтобы подеста был освобожден от [соблюдения] статута, тогда подеста Падуи может поставить [вопрос] об отмене указанного статута в Большом Совете. И если Большой Совет двумя третями [голосов] решит, чтобы подеста был освобожден от этого статута, пусть тогда подеста будет свободен [от выполнения его]. А по-другому не может быть.

. . . .

41. В правление подесты господина Томазино Джустиниано 1270 г. Подеста должен заставлять записывать всех осужденных на изгнание Коммуной Падуи,— как вообще изгнанников за долги, так и за долги коммуне и изгнанников за преступления[5]. Он должен приказывать, чтобы их [список] зачитывался в Совете раз в месяц и чаще, если ему это покажется [необходимым]. Если он найдет изгнанников в [самом] Совете, он должен прогнать и осудить их, согласно указаниям статута, а именно, схватить и держать их, пока не заплатят штраф (condemnacio) за то, что были пойманы и [штраф] за то, за что были изгнаны: за

---

[1] Судебный чиновник.

[2] Статуты делились на две категории. Выполнение одних было обязательным во всех случаях, другие могли быть отменены специальным решением Совета (необязательные статуты).

[3] Должностные лица Коммуны Падуи, следившие за соблюдением общественного порядка и взимавшие мелкие штрафы.

[4] Должностные лица города (анцианы коммуны) и цехов (народные анцианы).

[5] Осужденным на изгнание за долги вообще запрещалось появляться в городе и пригородах (ст. 552); изгнанникам за долги коммуне запрещалось появляться в коммунальном дворце и на прилегающих к нему улицах, преступники же изгонялись вообще за пределы дистрикта.

преступление или долг коммуне. Если подеста не сделает этого, пусть заплатит 50 лир из своего жалованья.

. . . .

50. В правление подесты господина Роберто де Роберто 1276 г. Было прибавлено. Нельзя расследовать гражданские или уголовные и другие преступления, кроме убийств[1], со времени которых прошло три года и расследование которых не было предпринято коммуной в течение [этих] трех лет. Пусть это также имеет место и для ранее совершенных преступлений, но подеста, однако, обязан закончить [расследование] преступлений, совершенных менее трех лет назад.

. .

VI. О суде подесты Падуи

89. В правление подесты господина Джерардино Лонго 1266 г. Постановляем, что подеста Падуи имеет право расследования и раскрытия всех преступлений и осуждения и наказания тех, кто их совершил, тех, кто обвиняется в том, что совершили их, тех, кто приказал их совершить и тех, кто обвиняется в том, что приказали их совершить,— в соответствии с характером преступлений, преступников и мест [совершения преступлений] и [в соответствии с тем], как подесте покажется полезнее поступить для [вящего] мира Коммуны Падуи.

90. В правление подесты господина Роландино де Каносса 1269 г. Право суда применяется подестой только [по отношению к следующим] преступлениям: вооруженное нападение, удар, ранение, выдергивание волос, увечье, убийство или обвинение в убийстве, воровство на сумму, большую 60 солидов, грабеж, насилие, разбой, поджог, лжесвидетельство, подлог грамоты или документа, изнасилование, ранение животных, порубка и кража леса, плодов с фруктовых деревьев и лодок, если при этом нанесен ущерб, превышающий 10 лир, лживые суждения и советы и нечестные, [использующие] служебное положение, приобретения. [Подеста] не может увеличить [сферу своего] суда сверх указанных вопросов и [должен] действовать только отмеченным выше образом.

. . . .

[1] ...Nes recognoscere possit civiliter vel criminaliter de maleficiis, excepto homicidii...

XV. Клятва юстициариев и их занятия

156. Я, юстициарий, клянусь на священном евангелии, что буду добросовестно следить, чтобы торговля в городе и пригородах Падуи велась с применением законных денег, мер веса, стариев (sextario)[1] и всех [других] законных мер, чтобы не торговали на других весах кроме коммунальных и дважды в каждую неделю буду требовать и разыскивать [фальшивые] гири и меры в городе и пригородах. Буду следить, чтобы печники не продавали известь в медных стариях и если кто [это] нарушит, доложу [о нем] в течение трех дней советнику (judex) подесты, назначенному для [расследования] преступлений. Если обнаружу фальшивые меры или гири, представлю и их и нарушителя названному советнику. В тавернах города и пригородов не буду ни есть, ни пить и ничего не приму, используя служебное положение, ни сам, ни через другого, от [сельской] коммуны или частного лица, кроме того, что мне положено от подесты, а именно — 12 лир. Не совершу кражи и не причиню ущерба коммунальному имуществу и не дам согласия на это. Не приму больше того, что мне положено от подесты и не соглашусь, чтобы было принято от моего [имени]. А если узнаю, что кто-то дал или принял что-то, если только не помешает законная причина, в течение восьми дней сообщу [об этом] подесте или его советнику.

XXII. О количестве ординарных должностных лиц и их жалованье

228. В правление подесты господина Роландино де Каносса 1269 г. Количество светских должностных лиц и их категории следующие. К первой группе должностных лиц относятся: три консула[2], казначей (caniparius), юстициарий, рыцарь — катаверор (catavere miles)[3]. Ко второй группе относятся: три консула, комендант замка (potestas

---

[1] Меры сыпучих тел.

[2] Одна из высших магистратур коммуны. Консулы занимались расследованием и решением судебных дел.

[3] Сборщик коммунальных доходов. Одновременно наблюдал за выполнением службы другими чиновниками.

citadelle), народный светский катаверор (catavere laycus de popolo), светский прокуратор (procurator laycus)[1] и юстициарий. К третьей группе светских должностных лиц относятся: три консула, казначей, ингроссатор[2] и юстициарий. К четвертой группе должностных лиц относятся: три консула, комендант замка, светский катаверор — рыцарь (catavere laycus miles), светский экстиматор (extimator laycus)[3] и юстициарий.

. . . .

230. Старый статут, принятый до 1236 г. Один раз в три месяца должны избираться 12 советников (judici), из которых один — советник прокуратора, один — экстиматора, один — катаверора, один — ингроссатора, восемь — советники дворца (judici ad palacium); в их числе двое новых на [каждый] срок. Пусть они имеют от коммуны 12 лир на три месяца каждый.

231. [На каждый срок] необходимо избрать 12 консулов, по 3 на квартерий, четырех юстициариев, по одному на квартерий, трех светских катавероров, из них двоих рыцарей (miles) и одного из народа (de popolo), одного светского ингроссатора и двух казначеев. Пусть каждый из них имеет [жалование] от коммуны 12 лир за три месяца [службы]. Кроме этого, должны избираться шесть нотариев коммунальной казны (ad canipas comunis), два для получения штрафов (ad exigendum banna), три нотария катавероров, два нотария ингроссаторов, из которых один пусть будет прежний, а другой — новый и два нотария юстициариев, один — прежний, другой — новый. Пусть они получат каждый 12 лир за три месяца [службы]. Также должны избираться 12 нотариев консулов и среди них не должно быть ни одного нового. Каждый из них должен получать от коммуны 20 лир раз в три месяца. И также должны быть избраны шесть нотариев советника подесты. Они должны получить от коммуны за три месяца [службы] 40 лир и разделить их между собою поровну. Кроме этого, раз в три месяца нужно избрать восемь нотариев службы печати (ad officium sigilli) и десять нотариев прокураторов и экстиматоров. И раз в три месяца должны избираться 40 нотариев дворцовой службы

[1] Надзиратель за коммунальным имуществом.
[2] Чиновник, следивший за дорогами, каналами, мостами и пр. и разрешавший межевые споры.
[3] Оценщик имущества.

(ad palacium) лично советниками дворца (judex palacii). Среди них должно быть восемь новых нотариев; так чтобы на каждый [служебный] стол приходилось четыре прежних и один новый нотарий.

. . . . .

XXIII. О должностных лицах вообще

235. Старый статут, принятый в 1210 г. Если какое светское лицо (laycus) города Падуи находилось на ординарной службе, за что получало жалование, то оно не должно больше занимать ординарных должностей, пока не пройдет два года со времени окончания его [прежней] службы. И никто не может оставаться больше трех месяцев на какой-либо ординарной должности.

236. В правление подесты господина Гутифредо де ла Турре 1274 г., индикция вторая. Постановляем, что тот, кто не платил и не платит налог (dacia) Коммуне Падуи, не несет воинскую службу в качестве рыцаря (miles) или пешего воина (pedes) и [не выполняет] другие повинности (angaria), возложенные на него коммуной, как это делают и должны делать другие граждане, не может занимать какую-либо ординарную, экстраординарную и любую другую гражданскую должность, т. к. это противоречит законам, привилегиям, исключениям и заявлениям. И пусть это [правило] соблюдается вечно.

237. В правление подесты господина Лоренцо Тьеполо 1265 г. Постановляем, что советник (judex) и светское лицо (laycus) не может занимать должности прокуратора, консула, или экстиматора, а рыцарь (miles) не может быть казначеем, катаверором и комендантом замка, если он во время избрания не уплачивает Коммуне Падуи налога [с имущества, оцененного] по меньшей мере в 200 лир, или если с него не взимается для Коммуны Падуи [боевой] конь, и если он в течение длительного времени не живет в городе и не является по происхождению, сам или его родители, падуанским гражданином.

238. В правление подесты господина Роберто де Роберто 1276 г. Было прибавлено. Если он не имеет недвижимого имущества в Падуе или падуанском дистрикте стоимостью в 500 лир в венецианских денариях. Никто, как советник, как светское лицо, так и нотарий, не может занимать какую-либо ординарную, экстраординарную или

любую [другую] гражданскую должность в городе Падуе, если он не будет по происхождению сам, или его отец, гражданином Падуи, постоянным жителем города и во время выборов не будет записан [в книге уплаты налогов] и не платит налога [с имущества стоимостью] по меньшей мере в 25 лир.

245. В правление подесты господина Томазино Джустиниано 1271 г. Содержатель таверны, булочник, мельник, мясник, ремесленник, торговец зерном, фруктами и птицей не может быть избран юстициарием и [другим] должностным лицом (juratus armorum) или его нотарием и не должен занимать эти должности. Если кто займет любую из указанных должностей, или даст клятву [перед ее] занятием, пусть заплатит коммуне 10 лир штрафа, А если он затем получит жалованье, пусть вдвойне возместит его коммуне. То, что он осуществит [во время] службы, не будет иметь силы. [Также] никто под угрозой вышеуказанного штрафа не может быть юстициарием или [другим] должностным лицом, если ему меньше 25 лет.

. . . .

XXXI. О гастальдах и братствах

399. Старый статут, принятый до 1236 г. Никто не может избираться и быть гастальдом какого-либо братства (fratalia), если он сам не [принадлежит] к этой коллегии (collegio) и не занимается этим ремеслом (arte) лично и в течение продолжительного времени. Никакой серв и человек, женатый на анцилле[1], не состоявший в этом братстве в течение года, не должен избираться и быть гастальдом какого-либо братства. А также тот, кто в течение 10 лет не живет в городе Падуе.

. . . .

403. В правление подесты господина Марко Квирино 1261 г. Если кто-либо займет должность гастальда какого-нибудь братства, [а сам он будет] из другого братства, то гастальдом быть он не может. Также не может быть гастальдом какого-либо братства [лицо, которое] не платит налог (dacia) [с имущества оцененного] в 25 лир и которое по происхождению и рождению не [является] падуанцем.

[1] Несвободная женщина.

. . . .

407. В правление подесты господина Марко Квирино 1261 г. Никто не может заниматься каким-либо ремеслом, если он не состоит в братстве этого ремесла. И гастальды обязаны принять его в указанное братство, если он захочет вступить. Если же не захочет вступить [в братство], заниматься этим ремеслом не может. Гастальды обязаны, если захочет вступающий, отвести ему мастерскую (stacio). За вступление в любое братство гастальды ничего не должны брать с него.

. . . . .

XXXV. Клятва граждан и народа падуанского

460. В честь [господа] бога, святой девы Марии, святых Просдочимо и девы Джулии, и святого Антония-исповедника, римской церкви, подесты и всех друзей Коммуны Падуи. Клянусь на священном евангелии, что, к какой бы части [жителей] я ни принадлежал, я буду говорить и поступать к чести города и Коммуны Падуи. Отдам все свои силы и приложу старания, чтобы подеста мог вершить свой суд, чтобы коммуна и анцианы, гастальды падуанского народа и все граждане сохраняли свои права. Не буду [участвовать] в сговоре, сходке [seu monopolio] и кознях против чести подесты, города и народа падуанского. Если узнаю, что кто-нибудь против них [что-либо] предпринимает или замышляет, сообщу [об этом] подесте и анцианам так быстро, как только смогу. Если услышу или узнаю, что кто-то хочет восстать с оружием или без оружия против подесты и общего блага падуанского государства, или [услышу] чей-то призыв к оружию, или то, что кто-то выступил с оружием против общего блага и чести подесты и государства падуанского, на этот призыв не откликнусь, но поспешу к подесте и анцианам народа падуанского так быстро, как только смогу и, если буду извещен нунцием подесты или анцианов и звоном колоколов коммуны Падуи, окажу им насколько смогу помощь и участие. Если не выполню [этого], все мое имущество должно быть и пусть будет конфисковано, а я должен буду [принять] высшую меру наказания — смерть. Доверие, оказанное мне анцианами и гастальдами никому не разглашу. И приложу все силы, чтобы те, кто предпримет что-либо против блага и чести подесты, коммуны и народа падуанского, были [подвергнуты] высшей мере

наказания, а их имущество было конфисковано и должно быть в результате этого [поступка] конфисковано.

. . . .

463. В правление подесты господина Джиберто ди Дженте 1263 г. Присяга граждан должна возобновляться ежегодно в ноябре месяце. И все граждане должны присягнуть заново в сроки, установленные анцианами. Кто не присягнет, тот после этого не считается гражданином. На тех, кто присягнул, заводятся три книги. Одна из них находится у подесты, другая — у анцианов и третья — у братьев миноритов. В этих трех книгах должно быть записано сословие граждан [в целом] и его члены [в отдельности].

КНИГА II

I. О юрисдикции Падуанской коммуны

471. Старый статут, принятый до 1236 г. Во славу падуанского города и его юрисдикции, [во имя] силы и благосостояния народа падуанского постановляем, чтобы никто не запрещал и не угрожал кому-либо из Падуи и Падуанского дистрикта обращаться к подесте или его должностным лицам для свершения и проведения закона. Если это нарушит граф или другое лицо, которое знало об этом, пусть заплатит 200 лир, если гастальд или другой нунций господина будет виновником этого,— 50 лир, если какое другое лицо,— 25 лир. Если они не уплатят указанное, то должны быть изгнаны [из дистрикта] и не могут вернуться до тех пор, пока не уплатят [штраф]. Никто не может и не должен пользоваться какой-либо юрисдикцией или правом взимания налогов в Падуе и Падуанском дистрикте. Если кто это нарушит, пусть заплатит Коммуне Падуи: рыцарь (miles) — 500 лир, пеший воин (pedes) — 200 лир.

472. В правление подесты господина Роландино де Каносса 1269 г. Для почета бога, святой девы Марии и всех святых, а также для благосостояния города и населения Падуи постановляем, чтобы подеста Падуи, тот который есть сейчас и те, которые будут в будущем, должен и обязан следить и наблюдать, чтобы суд не творился в каком-нибудь замке, местности или вилле Падуанского

дистрикта, а только во дворце Падуанской коммуны в присутствии подесты Падуи или его советников и должностных лиц Коммуны Падуи. Если господин земли нарушит это, пусть заплатит в качестве штрафа Коммуне Падуи 1000 лир. А тот, кто за него это сделал, пусть лишится прав и заплатит Коммуне Падуи в качестве штрафа 500 лир. Если он не может заплатить эти 500 лир, то господин земли должен заплатить их. Сельская коммуна, нарушившая это, должна заплатить Коммуне Падуи 500 лир штрафа в денариях. Нотарий, который напишет грамоту, должен лишиться правой руки. Тот, кто прикажет кому-либо, чтобы он шел для суда к кому-то [другому] вышеуказанным образом и по указанной форме, или по другой форме, но, очевидно, что это относится к вышеуказанному, лишается ноги. В качестве достойного и доброго обеспечения выполнения и поддержания всего этого каждый из магнатов и могущественных людей падуанского государства должен предоставить в казну Коммуны Падуи 10 000 лир. После этого по усмотрению господина подесты и его анцианов должен каждый представить в зависимости от своих возможностей до трех тысяч лир. Все сельские коммуны подобным образом должны представить обеспечение в 1000 лир, а после этого — до 300 лир. И каждый из них должен поклясться, что ничего не сделает и не позволит сделать ни против вышесказанного, ни против чего-либо из вышесказанного. Пусть они не помогают осужденным за преступления и преступникам ни в своих землях, ни где бы то ни было, а даже, насколько это в их силах, пусть их схватят и представят или прикажут представить подесте Падуи. Никто из двухсот рыцарей (milites) городского войска, которые должны выступать по указу подесты или по призыву, никто из 500 пеших воинов (pedites), никто из других должностных лиц, анцианов и гастальдов не должен ничего брать и иметь из указанного обеспечения.

473. Старый статут, принятый до 1236 г. Жители какой-либо виллы или общины (universitas) не должны и не могут уступать какому-нибудь магнату, могущественному человеку или другому лицу право на занятие должности подесты, или марика, или декана, или публикана, синдика или ректора[1] в какой-нибудь вилле, как по чьему-либо

[1] Должностные лица в сельской местности, исполнявшие судебные и административные функции.

(possessiones) или что-либо подобное (vel quasi) и десятины на территории какой-нибудь виллы, а в ней самой или в ближайших и соседних виллах и на их территории кто-либо имеет собственность (dominium), или юрисдикцию (comitatum), или взимает налоги (forcia), или является магнатом, то, когда первый из них придет к подесте Падуи, каковой будет в это время, и перед ним поклянется и заверит с помощью трех свидетелей доброй репутации, что известно в вилле или в ближайших виллах, в соседних краях и в местности, где живет жалобщик, что он не может мирно пользоваться указанными имением, владением, подобного рода имуществом или десятинами ни сам, ни его близкие, ни его работники как в самой вилле и на ее территории, так и в соседних и ближайших виллах, ни когда он там находится, ни когда туда приходит или оттуда уходит, или убирает урожай вследствие страха, ненависти, угроз, вследствие закрытия или открытия вод или в результате какого-либо другого поступка или действия по какому-либо другому предлогу того, кто имеет собственность, юрисдикцию, взимает налоги или является магнатом в этой вилле и на ее территории, в ближайших и соседних виллах и краях или от его близких, его слуг, оруженосцев, челяди или других людей этого магната, то тогда подеста должен приказать одному человеку из города Падуи, кого захочет избрать жалобщик, и другому, кого захочет избрать тот магнат или получающий налоги, как было сказано, чтобы они, после того, как дадут клятву, оценили указанное имение, владение, подобное имущество, десятины в течение трех дней после клятвы. Если в указанное время не придут к согласию, при котором не может и не должно быть никакого наказания, насилия, изгнания или принуждения указанным присяжным относительно вышеуказанных владений, ни лично, ни в имуществе, то подеста должен и обязан исходить при оценке указанных владений из клятвы жалобщика и по меньшей мере трех свидетелей доброй репутации, которых захочет представить жалобщик. Когда такая оценка будет сделана и она будет одобрена тремя свидетелями, как уже было сказано, подеста под угрозой двойного штрафа принуждает магната купить указанные владения, имение, подобного рода имущество и десятины и уплатить деньги в течение двух месяцев. Подеста больше не должен официально принимать никаких доводов и свидетелей со стороны магната и никого другого. Когда перед подестой явится кто-либо, желая по-

клясться, как было сказано выше, подеста должен тотчас его клятву принять и в течение восьми дней после клятвы должен заставить любого, кого назовет жалобщик, клятвенно подтвердить (testimonium veritati) то, о чем все говорят. Если кто-либо сам, кто-нибудь из его близких или его нунций пойдет или решит пойти в какую-нибудь виллу, в которой имеет имение и в которой кто-либо имеет собственность, юрисдикцию или является магнатом, или пойдет в ближние виллы и во время прихода, ухода или пребывания там будет причинено какое-то бесчестие и беззаконие, ему самому, его ближним или нунциям тем [лицом], кто имеет собственность, юрисдикцию и является магнатом или его слугами или близкими, как беспричинно, так и с привлечением какого-то повода, то решением подесты, каковой будет править в это время, господин или магнат будет наказан: возместит совершенное бесчестие и уплатит штраф в пользу Коммуны Падуи. При этом доверяется одной клятве того, кому было нанесено бесчестие. Если же он будет убит, то доверяется клятве наследника или наследников, подтвержденной публичной молвой или другим добрым доказательством.

644. То же устанавливаем в отношении чьего-либо работника (laborator), постояльца (inquilinus), жильца (habitator): если кто будет оскорблен или убит кем-нибудь из вышеуказанных лиц, то пусть подеста таким же образом присудит возмещение беззакония ответчиком или его наследниками и подобным же образом те должны уплатить штраф.

645. Пусть никто из сервов не занимает публичные должности в какой-либо вилле. Если это будет нарушено, то вилла за каждый случай заплатит Коммуне Падуи 25 лир, а серв будет изгнан с должности и за каждый случай заплатит Коммуне Падуи 100 солидов...

. . . .

XXV. О либеллляриях[1] и земледельцах

646. Старый статут, принятый в июне 1222 г. Кто бы и на каких бы условиях ни владел землей и домом, полученными им самим или через другого человека посредством либеллярной грамоты, он должен платить и представ-

[1] Арендаторы, державшие землю сроком от 10 до 29 лет, а иногда на несколько поколений на основе либеллярной грамоты.

лять фикт[1] и взнос так же, как платит тот, кому было дано [держание] на основе либеллярной грамоты, и точно так же, как тот во всем обязан господину.

647. Если кто, имеющий либеллярную грамоту, в которой говорится, что запрещено отчуждение и продажа иначе, как определенным образом, совершит отчуждение, то владение пусть беспрепятственно возвратится господину. Если владение либеллярным держанием или либеллярными правами перейдет к тем лицам, кому это запрещено, и они будут ими владеть в течение двух лет, то пусть владеют точно так же, как если бы была совершена продажа, хотя бы продажа или отчуждение не могли быть доказаны, и господину принадлежат те же права, как если бы было доказано, что совершено было отчуждение: господин сохраняет свои права на личные службы, то есть словно на того, с кем заключен контракт или на его наследников, а также на фикт, повинности и взносы предшествующих лет. То же самое касается мельниц и долгосрочных аренд.

. . . .

649. Каждый виллан или работник (laborator), который обрабатывает чужую землю, должен измерять зерно полной мерой, когда оно зелёное и провеянное, а когда оно сухое — неполной мерой.

650. Старый статут, принятый в 1212 г. Если чей-либо либеллярий, который платит половину, треть, четверть или другую часть урожая, совершит убийство, то виноградники и деревья, которые он держит по либеллярному договору, не уничтожаются, а только уничтожаются плоды этого года из доли либеллярия. И с этого момента пусть [сад и виноградник] останутся у господина, с сохранением прав убийцы, если он будет сослан в изгнание, чтобы он имел их [по возвращении]. Это же относится к либеллярным землям. Дом же разрушается.

651. Также все работники (laboratores) на виноградниках и либеллярии должны отдавать господину часть, ему принадлежащую, в винограде или вине — по желанию господина. Если господин выберет свою часть в винограде, то работник или либеллярий должен отвозить часть господина только в саму виллу, привезя виноград в телеге или в бочке, в зависимости от желания господина. Кто это нарушит, заплатит коммуне 60 солидов. Господин или

[1] Фикт — арендная плата за землю, установленная договором.

его нунций вправе выбрать, чтобы либеллярий разделил виноград по сортам или в зависимости от участков так, как решит господин, и ту часть, которая пошла господину, чтобы он первый отвез в кладовую (caneva) господина или к месту, к которому должен отвезти по обычаю, прежде чем дотронется до своей доли и повезет её. Или, если захочет господин, пусть прикажет разделить виноград по корзинам и тогда пусть по своему выбору возьмет, как больше хочет, а именно: полную корзину — первую, вторую, третью и так одну за другой. [Либеллярий] должен возделывать по меньшей мере 12 корней олив на каждый камп[1] виноградника в горах и их хорошо обрабатывать, ухаживать и поддерживать. С них должен давать часть господину, как и с других плодов, согласно тому, какую часть он платит вином. Должен, как это говорится в либеллярной грамоте, давать нунцию нужную пищу, еду. Если нарушит вышесказанное или не соблюдет что-либо из сказанного и господин решит его обвинить, должен искупить это уплатою коммуне 60 солидов и столько же господину. Если господин не примет виноград, или будет в отъезде, крестьянин должен и обязан дать ему часть молодого сусла (aqua prima), согласно мерам и условиям чистого вина, изготовив это сусло по желанию господина.

652. Либеллярии, которые имеют виноградники или земли, отведенные под виноградники, должны всю эту землю тщательно возделывать и не увеличивать расстояние между рядами виноградных лоз свыше семи футов (pedes), за исключением расстояния между последним рядом лоз и изгородью, где смогла бы удобно проехать повозка с виноградом и корзинами. Следует добросовестно обрабатывать лозы на винограднике и охранять виноград, чтобы не замышлялось дурного и не было ничего украдено каким другим образом ни самим либеллярием, ни кем из его семьи, ни кем другим. Если либеллярии или кто из отмеченных [лиц] за этим не присмотрят, и господин изволит их обвинить, они должны заплатить 60 солидов коммуне и столько же господину. Либеллярий, работник и виллан прежде чем молотить зерно, бобы, озимую пшеницу, ячмень и прежде чем давить виноград и отвозить зерно, должны предупредить господина или его нунция за два дня или за день до молотьбы или давки винограда, чтобы тот присутствовал при молотьбе или давлении

[1] Мера земельной площади (0,4 га).

винограда. Если он не захочет присутствовать, работа из-за этого не останавливается, что бы ни молотил или давил крестьянин, но права господина сохраняются. Это же устанавливаем относительно крестьян, работников и либелляриев, которые платят господину половину, треть, четверть или другую часть урожая. Если что не будет из этого сделано, нарушитель заплатит 60 солидов коммуне и столько же господину.

653. Также каждый, кто вносит какой-либо фикт или повинности на вилланском праве (ad villanaticum)[1] по либеллярному договору или каким-либо другим образом, должен давать и вносить пшеницу до праздника Св. Марии в сентябре и другие хлеба до праздника всех Святых. Кто нарушит это, заплатит коммуне 60 солидов, из которых половина пойдет коммуне, а другая половина — господину.

654. Также если виллан или работник, который обрабатывает... земли другого, не обложенные определенно установленным фиктом, сметает стог соломы с земли, которую он обрабатывает, а затем решит его разбросать, то не может этого делать без разрешения господина. Если же разбросает, должен платить столько господину, сколько должен платить других культур[2]. Кто нарушит это, заплатит 100 солидов. Половина этого штрафа идет господину, а другая половина — коммуне.

. . . .

659. Старый статут, принятый до 1236 г. Каждый виллан, работник или рыбак, который обрабатывает чужую землю и [использует] чужие воды, должен платить господину десятину в земельных плодах, пчёлах, рыбах, гусях и других вещах, с которых платится десятина, а именно: десятый старий [зерна], десятая рыба, десятый цыпленок, десятый гусь. Если имеет меньше десяти гусей, должен давать с них десятину согласно количеству. Если какая-либо земля, которая ранее возделывалась и обрабатывалась, будет затем оставлена под луг, и из нее будет сделан луг, [её владелец] должен платить десятину, за

[1] Держание при котором крестьянин выплачивает господину часть урожая, оставляя остальное себе. Здесь употреблено в противовес господскому праву (ad domnicatum), при котором земля обрабатывается за счет господина, который получает весь урожай и выплачивает работнику поденную плату.

[2] То есть, по-видимому, платящий, например, 1/3 урожая должен отдать за свой проступок 1/8 соломы.

исключением земель в округе Коммуны Падуи и также тех земель, которые обрабатывались более 20 лет назад. Каждый в виде десятины должен платить два денария за козленка, четыре денария за теленка, шесть денариев за жеребенка. Однако вследствие этого статута право взимания терратика[1], остается и принадлежит тем же, кто по обычаю взимал терратик.

660. Также каждый, кто платит десятину, должен платить десятину господину или на корню, или в зерне, по желанию господина [везде], кроме округи падуанской. Если кто нарушит это, или что-либо из этого указанного выше, за каждый нарушенный параграф заплатит штраф 60 солидов. Половина этого штрафа пойдет коммуне, другая половина — господину десятины.

661. Старый статут, принятый в июне 1224 г. Устанавливаем, что если кто владел или как будто бы владел какой-либо десятиной или правом получения десятины в течение 30 и более лет, он сам или его родители, то он имеет законный предлог и оправдание [владеть ею дальше].

662. Старый статут, принятый до 1236 г. Виллан, работник или либеллярий должен призвать сборщика десятины до того, как начнет уборку урожая, чтобы тот пришёл для получения десятины. Если господин десятины не имеет здесь, в этой деревне, сборщика, тогда в то время, когда собирается зерно с посева, пусть [крестьянин] призовёт двоих из своих соседей, которые засвидетельствовали бы величину десятины. И пусть он соберёт и сохранит десятину с другим своим зерном, пока господин или сборщик не возьмет её. Должен также собрать и сохранить квартизиум[2]. Кто это нарушит, в любом случае заплатит коммуне 60 солидов, из которых половина пойдёт коммуне, а другая половина будет того, чья десятина. Виллан и работник должны давать десятину с винограда господину или нунцию, если захочет господин. Это после того, как господин вместе с вилланом или работником виноградника разделит виноград. Кто нарушит это, заплатит 20 солидов. То же относится и к децимам. Столько стариев сухого зерна вносит [крестьянин] господину по неполной мере, сколько ему полагается [вносить] только что сжатого — по полной мере зерна. Кто нарушит это, пусть заплатит

---

[1] Терратик — поземельные повинности с феодального держания.
[2] 1/40 урожая, выплачивавшаяся церкви.

коммуне 60 солидов так, что половина пойдет коммуне, а половина — господину.

XXVI. Об отпуске вилланов

663. Старый статут, принятый до 1236 г. Если господин манса[1] захочет отпустить крестьянина со своего манса, то он должен это сделать сам или через своего нунция за 15 дней до или 15 дней после праздника св. Петра[2]. Если он этого не сделает, то после в течение одного года не может прогнать его. Это же касается и раскорчеванных земель. Если крестьянин захочет уйти с манса господина, то он должен объявить это господину за 15 дней до или 15 дней после праздника св. Петра. Если же крестьянин этого не сделает, то он должен оставаться на мансе еще год против своей воли. Если господин отпустит виллана с манса, то виллан получит половину соломы, а другая половина и весь навоз останутся господину на мансе. То, что было сказано о соломе, также относится и к сену, в том случае, если виллан имел от господина луг, с которого он ничего не платил. Также устанавливаем, что если крестьянин продаст или передаст сено, солому или навоз, то он должен возместить стоимость господину.

. . . .

665. Старый статут, принятый до 1236 г. После того как разрешение уйти будет дано господином виллану или после того, как он попросит у господина это разрешение, виллан не должен ни сам, ни с помощью другого срубать или грабить ивовые деревья и побеги, а также другие деревья на мансе, и сносить или разрушать изгороди этого манса. Кто нарушит это, заплатит коммуне 40 солидов и сверх того, возместит ущерб и вдвойне уплатит ущерб господину. Это также соблюдается по отношению к работнику на других землях и владениях, хотя бы они не были мансами. То же соблюдается, если нужно предупредить отсутствующего. Если будет объявлено у его дома и если крестьянин не выполнит этого, то тогда следует доверять его господину на основе его клятвы (sacramentum sequendi), если речь идет о 60 солидах и менее, а если речь идёт о большей сумме, вплоть до 10 лир, то следует доверять [другой] клятве господина. В обоих случаях дол-

[1] Земельный надел феодально-зависимого крестьянина.
[2] 29 июня.

жен быть человек доброй славы и репутации. Крестьянин не должен срубать деревья на мансе господина без его разрешения. Кто нарушит это, заплатит коммуне 60 солидов и вдвойне возместит ущерб господину. При этом следует доверять господину, как было указано выше.

666. Старый статут, принятый в 1222 г. Если крестьянин получит от господина разрешение [уйти с манса] и [после этого] сделает какие-нибудь строительные работы в домах или других постройках на мансе, то крестьянин не должен трогать эту работу и господин не должен ему за неё ничего давать. Если же господин даст ему разрешение [на эту работу], то тогда господин должен уплатить крестьянину по решению доброго человека за всё то дерево и черепицу, которые тот истратил на дома и другие постройки. Если же господин не уплатит, то крестьянин [все равно] обязан уйти.

XXXI. О налогах и повинностях [взимаемых с] вилл

690. В правление подесты господина Роберто, сына Роберто де Реджио. 9 июля 1275 г. Решаем и постановляем, что если на какую-нибудь виллу Падуанского дистрикта с согласия всех или двух третей жителей этой виллы будет наложен налог в зависимости от дохода [плательщиков], с повышением и понижением [размера налога], согласно тому порядку и форме, как платится [налог] в городе Падуя, то каждый житель этой виллы и дистрикта, будь он рыцарь или пеший воин, каждый живущий в этой вилле с семьей и массариями должен платить возложенный на него налог и выполнять все повинности (angaria) своей виллы, так же, как это делают остальные его соседи, без мольбы и жалоб, без ссылок на либеллярный договор и без того, чтобы дело доходило до угрозы вмешательства советника.

. . . .

700. Старый статут, принятый в 1224 г. Не разрешается никакой коммуне продавать, передавать, закладывать или делить между своими членами что-либо из коммунальных владений или их части без разрешения господ и совладельцев коммуны. Если какая коммуна нарушит это, передача не будет иметь силы ни юридически, ни фактически. При этом сохраняются права сельских коммун и права господ и совладельцев на лес и пастьбу скота, а именно, что должна упомянутая община рубить лес и

пасти скот в своих нуждах в этой вилле и на ее территории, особенно у своих домов и своих виноградников. Коммуна, которая нарушит это, заплатит Коммуне Падуи 50 лир. Сельские коммуны должны сохранять коммунальные владения и не могут их закладывать, передавать и делить между своими членами. То, что было разделено и отчуждено или заложено или разделено коммуной за пять лет до этого, должно в течение года быть возвращено назад в пользование коммуны с помощью публиканов и синдиков вилл. Если в указанное время сельская коммуна с помощью своих синдиков или мариков или другим образом, каким смогут, указанное выше не получит, тогда господа и совладельцы вилл могут требовать и получить это коммунальное имущество от любого владельца, так же, как может и сельская коммуна получить и иметь его для себя, если будут согласны господа и совладельцы.

701. В правление подесты господина Марко Квирино 1261 г. Каждый, кто должен нести повинности с городом, а не с виллой, не может занимать в вилле какую-либо должность, кроме должности подесты.

КНИГА III

II. Об убийствах

712. Старый статут, принятый до 1236 г. Если кто-либо убьет кого-нибудь в Падуе и Падуанском дистрикте, то, если он будет схвачен, карается высшим наказанием, если только в течение месяца со времени смерти [убитого] не получит прощение (pax) его наследников. Если не будет схвачен, то пусть будет [осужден] на изгнание, но имеет право в течение месяца со времени смерти [убитого] получить прощение [наследников]. В этих случаях прощение должно быть добровольным и не принудительным. Прощение может быть дано и получено опекуном, опекунами или большей частью опекунов наследника умершего, а также попечителем вспылившего, промотавшегося или любовника, с ведома этого любовника. 1272 г., индикция 15. В правление подесты господина Бартоломео де Соппо. Было прибавлено. Опекунами или попечителями убийцы и убитого. И пусть полученное прощение имеет силу и соблюдается. Нельзя получить прощение спустя месяц [после убийства], и убийца должен быть схвачен, сколько бы не прошло [времени] после убийства. Если убийца по-

лучит прощение и избежит расплаты за убийство, пусть он заплатит Коммуне Падуи в качестве штрафа 100 лир в венецианских денариях. А если сбежит, чтобы не быть убитым, пусть он будет [осужден] на вечное изгнание, половина всех его имуществ отойдет Коммуне Падуи, а другая половина — наследнику умершего. Так должно быть и [в том случае], если убийца ничего не предпримет для своего оправдания. То же соблюдается [в том случае], если какой-нибудь падуанский [гражданин] убьет другого падуанского [гражданина] за [пределами] Падуанского дистрикта.

. . . .

717. Если кто будет обвинен в убийстве и прекон[1] вызовет его на суд подесты по [обвинению в] убийстве, то, если он в течение восьми дней не явится, пусть будет [осужден на] изгнание, хотя бы не было установлено, что убийство совершил он, а имущества его, кроме домов, разрушаются. До тех пор, пока он не явится на суд подесты, его должны разыскивать. Если он захочет, чтобы его изъяли из книги, [в которой записаны изгнанные], он должен представить коммуне 25 лир штрафа. Однако, [ставится] такое [условие], что после того, как его выпишут из книги, он должен дать достойную гарантию того, что по приказу подесты он [немедленно] явится. Другого штрафа по поводу того, что не пришел на суд подесты или по другому поводу вследствие убийства, на него накладывать нельзя. Если он придет на суд подесты до того, как его имущества будут подвергнуты разорению, разрушать их [уже] нельзя. Если он заключит мир с наследниками умершего раньше, чем будут разрушены его имущества, после этого его имущества разорены быть не могут, но он представит в качестве штрафа 100 лир, а если не сможет, 50 лир, но не меньше.

VI. О различных преступлениях и штрафах

770. Старый статут, принятый до 1236 г. Если какой-либо серв или свободный человек, сговорившись с другим, совершит кражу, грабеж или поджог или причинит ущерб человеку, с которым, как очевидно, [его] господин имел

[1] Мелкий судебный чиновник.

тяжбу или ссору, и будет ясно, что он это сделал по приказанию господина или того, с кем сговорился, то господин серва должен под клятвою защитить себя [от обвинения] и, если сможет, передать серва тому [человеку], кому был нанесен ущерб. Если не сможет передать свои права на серва, пусть тогда вдвойне возместит [нанесенный ущерб]. Кроме этого, пусть с помощью поручителей даст пострадавшему достойную гарантию [того], что добросовестно и без обмана схватит указанного серва и передаст ему и не окажет серву ни совета, ни помощи. Если не сделает [этого], то должен безоговорочно возместить ущерб, кражу, поджог или оценку [стоимости причиненного ущерба]. В случае, если [речь идет о] свободном человеке, господин, с которым тот сговорился, должен оправдаться с помощью клятвы, как было сказано выше. Если свободный человек сбежал, пусть господин обещает, что добросовестно приложит силы поймать его и что передаст его подесте, не оказав ему помощи и не дав совета. Если он не сделает этого, безусловно, принуждается к возмещению ущерба.

. . . .

775. В правление подесты господина Якопино Рубео 1267 г. Если кто-нибудь сам или с помощью другого разрушит, или уничтожит, или прикажет разрушить насыпь (agger), считая насыпью то, что записано в книге статутов Коммуны Падуи, то, если он будет схвачен, пусть он будет наказан высшей мерой [наказания], а если бежит, пусть будет осужден на вечное изгнание.

. . . .

IX. О вещах, которые не должны вывозиться за пределы Падуанского дистрикта

800. В правление подесты господина Джованни Бадоарио 1259 г. Если кто выведет быков, лошадей, ослов или других животных [за пределы Падуанского дистрикта], он должен их лишиться. Половина штрафа с этого пойдет коммуне, другая половина — доносчику.

801. В правление подесты Джиберто ди Дженте 1263 г. Пусть никто не вывозит семена льна за пределы Падуанского дистрикта. Кто это нарушит, будет осужден на 25 лир [штрафа]. Если он не сможет заплатить их в течение месяца со времени осуждения, следует отрезать ему ногу. И подеста и никто из его семьи не сможет дать ему

никакого освобождения, а если нарушит, пусть подеста заплатит коммуне 100 лир из своего жалованья.

802. В правление подесты господина Лоренцо Тьеполо 1265 г. Никто не должен вывозить шкурки козлят и [готовый] пергамент за пределы Падуанского дистрикта. Кто нарушит это, должен лишиться шкурок и пергамента и сверх этого заплатить коммуне 100 солидов.

803. В правление подесты господина Якопино Рубео 1267 г. Нельзя вывозить уголь за пределы Падуанского дистрикта. Кто это нарушит и вывезет, должен лишиться лодки, повозки или животных, или того, на чем перевозился уголь и самого угля. Доносить может [на него] любой, и половина [штрафа] идет коммуне, другая — доносчику.

. . . .

805. В правление подесты Матео де Корриджо 1270 г. Никакой иностранец не может покупать в городе Падуе золото или серебро для вывоза из Падуанского дистрикта. И если вывезет, лишится его. Половина его пойдет коммуне, а другая половина — доносчику.

КНИГА IV

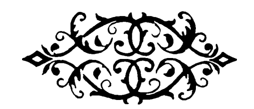
XVI. О налогах и повинностях Падуанской коммуны

1185. В правление подесты господина Марко Квирино 1257 г. Все владения Падуи и Падуанского дистрикта, которые подлежали несению повинностей (factiones et honera) со времени освобождения Коммуны Падуи, должны нести эти повинности; [это] владения, которые перешли к коммуне или как выморочные или по завещанию или в результате дарения на случай смерти или по какой-либо другой причине или поводу.

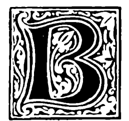
1186. В правление подесты господина Марко Квирино 1261 г. Никто не может продавать или отчуждать или сдавать в либеллярную аренду либо передавать свое право на какие-либо владения, расположенные в Падуе или в Падуанском дистрикте, лицам, проживающим в Падуе или в Падуанском дистрикте, которые выполняют [возложенные на них] повинности, [или] не обложены этими повинностями. В случае нарушения [этого постановления] продавец теряет полученные деньги, а покупатель, или тот, кому [владение] отчуждено, теряет это владение и оно переходит к коммуне. Договор теряет силу, и владение свободно переходит к

коммуне. И каждый может донести и [получить] половину [штрафа]. И это должно соблюдаться также по отношению к чужакам. И пусть это будет нерушимо.

1187... В правление подесты господина Роберто де Роберто 1276 г. индикция четвертая. Решаем и постановляем во имя блага и мира Коммуны Падуи, чтобы во всем соблюдалось равенство и чтобы каждый выполнял существующие повинности в зависимости от своего имущественного состояния. ...В начале каждого пятилетия в августе должны пересматриваться оценки имущества или раскладки налогов тех, которые платят и должны платить Падуанской коммуне. И с каждого следует требовать налог, увеличивая или уменьшая его размеры в зависимости от характера и возможностей его имущества, за исключением тех, которые есть или были записаны в книгах оценок [имущества] и налогов по своему желанию, и они облагаются и были обложены налогом по своему желанию, но размер налога не должен уменьшаться. И для выполнения вышеуказанного будущий подеста и любой, кто будет в то время правителем города Падуи под клятвой должен в августе по желанию Большого Совета, после того, как в самом Совете будет сделано разделение на квартерии, приказать избрать десять почтенных и знающих законы мужей от каждого квартерия, которые должны это все выполнить в такой форме, которая покажется Большому Совету наиболее удобной. И если подеста не прикажет это сделать, то должен заплатить Падуанской коммуне в качестве штрафа 500 лир...

2. АКТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕПОСТНЫХ

XIII ВЕКЕ города-коммуны центральной и северной Италии переживают период экономического расцвета. Происходят глубокие изменения в хозяйственной жизни и в общественных отношениях. Развитие товарно-денежных отношений, рост торговли, расширение городского ремесла постепенно приводят к разложению натурального хозяйства, к упадку и гибели феодального поместья.

Этот процесс развивается в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Объединенные в цехи ремесленники и торговцы ликвидируют политическое господство феодалов и на развалинах рыцарских замков устанавливают власть «жирного народа» — пополанов, крупных купцов, ростовщиков, владельцев ремесленных мастерских.

Одновременно в борьбу за освобождение от феодального гнета вступают массы зависимого сельского населения. В этой борьбе крестьянство находит решительную поддержку со стороны городских коммун. Потребность в притоке свободных рабочих рук для нужд мануфактурного производства побуждает пополанские правительства передовых итальянских городов-коммун ликвидировать феодально-крепостнические отношения не только в пределах городских стен, но и в округе — «контадо». Приобретая земли разорившихся феодалов, богатые горожане стремятся организовать там хозяйство нового типа, основанное на использовании вольнонаемного труда или труда свободных арендаторов, выплачивающих новому землевладельцу арендную плату, подчас превышающую по своим размерам объем прежних феодальных повинностей и платежей.

Освобождая крепостных, городские коммуны достигали еще одной цели. Увеличивалось число налогоплательщиков, крестьяне переходили из ведения поместной юрисдикции под юрисдикцию города-государства. Наконец, мероприятия по освобождению крепостных приводили к экономическому и политическому ослаблению главных врагов городской коммуны — феодалов-землевладельцев.

Во времена неусыпного правления благородного господина Бонаккорсо де Сорезина, подесты[1] города Болоньи, достохвальная слава которого повсюду сияет подобно звезде, и под контролем господина Якопо Грачачелли, его судьи и асессора, которого во всем рекомендует опытность в законах, мудрость, постоянство и умеренность, составлена настоящая памятная запись, которую должно называть именем собственным —«Райский акт»,— содержащая имена господ и сервов мужского и женского пола, дабы явствовало, какими сервами приобретена свобода, и за какую цену, а именно по 10 болонских ливров за каждого серва старше 14 лет, и по 8 ливров за каждого моложе 14 лет; каждому из господ за каждого, кто связан был узами рабства. Писана же эта памятная запись мною, Коррадино Скларити, нотариусом, приставленным к делам о сервах, в лето господне 1257, текущего 15 индикта, и да будет ныне и впредь память обо всем вышесказанном.

Декларация квартала ворот Стьера

Господь и творец всего сущего создал первого человека из глины земной, по своему подобию, дав ему наследственный надел в раю наслаждений; пока он спал, из ребра сотворил Еву и дал ему в жены; и даровал им истинную и полнейшую свободу, дабы господствовали над прочими тварями. Но отец всех лжецов и враг рода человеческого, движимый завистью, соблазнил их и обманул; по его наущению отведали они от запретного плода, и так стали преступниками закона господа, по каковой причине изгнаны были из прежнего наследственного владения, где всякое благо и радость бесконечная, придя в эту юдоль печали, полную грусти, мучений и всяческой погибели.

И хотя все от начала мира рождались свободными, и никто не был подвергнут тяготам рабства, из-за войны возник плен, а из плена рабство; и так как рабами становятся по двум причинам, от рождения от рабов или рабынь, либо от пленения врагами, город Болонья со своим округом оказался в величайшей мере разъеден ржавчиною рабства и насчитывал более 6000 сервов мужского и женского пола.

По какой причине Коммуна города Болоньи... видя, как в столь великой мере увеличивается число рабов, что это епископство в краткое время целиком наполнилось бы

[1] Подеста, см. примечание 1 на стр. 526.

рабами, и немногие остались бы свободными, ведомая милосердием и вящей пользой государства, с помощью Иисуса Христа Господа, расточителя всех благ, — так как свобода есть сокровище неоценимое и дороже всех прочих богатств, и не может быть оплачена должной ценой,— на основании юрисдикции — в равной мере своей и округа вырвала с корнем въевшееся пятно рабства и призвала к исконной свободе спутанных узами рабства, выкупив каждого серва обоего пола от 14 лет и старше ценою в 10 болонских ливров, а моложе того — в 8, дабы впредь была лишена рабов, и как она является городом благородным и вольным, пусть также и жители ее будут свободны.

(б) ПОСТАНОВЛЕНИЕ ФЛОРЕНТИНСКОЙ КОММУНЫ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕПОСТНЫХ 1289 года

Во имя Господа аминь. В лето от рождества спасителя 1289, индикта второго, месяца августа в шестой день.

Так как свобода, благодаря которой воля каждого зависит от него самого, а не от чужого произвола, многообразно украшается естественным правом, каковою свободой государства и народы защищаются от угнетения, а права их наилучшим образом охраняются и расширяются,

желая не только сохранить, но и возвеличить свободу,—

господа приоры цехов города Флоренции и прочие мудрейшие и добрые мужи, единодушно собравшись для обсуждения этого вопроса в доме Гано Форезе и родичей, в котором приоры пребывают по делам коммуны,—

по праву, уполномочию и власти, на них возложенной и им предоставленной от имени Советов и посредством Советов господина защитника и капитана[1], а также Коммуны Флоренции,

рассмотрели, постановили и подтвердили следующее:

чтобы никто, откуда бы он ни происходил, и какого бы звания, достоинства и состояния ни был, не мог, не смел, и не намеревался сам лично или через посредство другого лица, тайно или явно, покупать или каким-либо иным способом, образом, правом или поводом приобретать навечно

[1] Защитник и капитан — предводитель цехового ополчения, предназначенного для охраны власти пополанского правительства в городе. При нем существовал Совет, игравший большую роль в жизни коммуны.

или на время каких бы то ни было верных, вечных или условных колонов, приписных или податных или иных каких лиц, какого бы состояния они ни оказались, или какие-либо другие права, как то ангарии или перангарии[1] и иные, вопреки свободе или правам какого бы то ни было лица, в городе или контадо, то есть округе Флоренции;

и чтобы никто, откуда бы он ни происходил и какого бы звания, достоинства и состояния ни был, не мог, не смел и не намеревался вышеназванных или какого-нибудь из вышеназванных продавать или каким-либо иным способом, образом, поводом или правом отчуждать или уступать, навечно или на время, кому бы то ни было, откуда бы он ни происходил и какого бы звания, достоинства или состояния ни был, в городе или контадо, то есть округе Флоренции, постановляя, если будет сделано что-либо вопреки вышесказанному, считать это незаконным и недействительным; и если таковые контракты или отчуждения будут заключены, считать фактически недействительными и теряющими силу, так, чтобы ни продавцом, ни покупателем не приобреталось и не уступалось и не отчуждалось никакое право и никоим образом не оставалось у них.

Но пусть таковые верные или крепостные иного состояния и их имущество, и их дети и потомки пребывают в свободном состоянии и положении.

И отчуждающие или каким-либо способом передающие свои права другим вопреки этому, сами лично или через посредство иных лиц, все и каждый из них самих или из их синдиков, прокураторов или нунциев, а также покупатели или приобретающие под каким-либо иным видом, способом или поводом, сами лично или через посредство иных лиц, навечно или на время и их прокураторы, синдики и нунции, и судьи, и нотариусы и свидетели, которые при этом присутствовали или записывали, каждый из них подлежит штрафу в 1000 ливров, каковые должны быть действительно взысканы, не взирая на какие бы то ни было контракты или соглашения, даже подкрепленные клятвой и обязательством уплаты, уже совершенные или долженствующие вступить в силу в дальнейшем, относительно вышеуказанных или каких-либо из вышеуказанных случаев продажи или обмена или какого-либо иного вида или способа отчуждения. Каковые контракты вышеназ-

[1] Ангарии и перангарии — феодальные повинности крепостных

ванные господа приоры и мудрые постановили считать утратившими силу, и в случае, если они будут заключены, полностью их отменить.

Постановили также, что в случае, если кто-либо, не подлежащий юрисдикции Флоренции и не подчиненный ей в делах гражданских и уголовных и не платящий налогов и податей Флорентинской коммуне, откуда бы он ни был, лично сам или через посредство иного лица, каким-либо образом, способом, правом или поводом заключит какой-нибудь контракт о вышесказанном, отец его и братья, а если не имеет ни отца, ни братьев, то иные родственники, подлежат каждый штрафу в 1000 флорентийских ливров, каковой штраф действительно должен быть взыскан;

причем за ними (приорами и мудрыми) и за флорен тинским народом сохраняется право действовать более стро го по отношению к вышеназванным..., отчуждающим или приобратающим права лично или через какое-либо иное лицо, в каждом из вышеуказанных случаев.

Во всем и в частностях во всех вышеуказанных делах господа подеста, защитник и капитан, настоящие и будущие, все вместе и каждый из них будут иметь полную и неограниченную власть и должны будут осуществлять ее против тех, кто совершит что-либо из вышеуказанного, чтобы таким образом все постановленное выше действительно соблюдалось и осуществлялось. За исключением, однако, того, что в коммуне Флоренции каждый сможет свободно продать и передать права самой коммуне.

А также сами верные и иные вышеназванные свободно смогут выкупить самих себя и своих детей, и потомство, и имущество без наказания; те же, кто имеют такие права, смогут эти права, при желании верных выкупить, продать им самим и освободить их свободно и безнаказанно.

И все это, в целом и в частностях, имеет силу на будущее и навечно, с календ ближайшего, по отношению к теперешнему, января, текущего лета господня 1288, второго индикта.

Советов, и властью оных Советов, после торжественного обсуждения, одобрения и решения, под счастливым наименованием, в соответствии с необходимостью и явной общественной пользой, ради соблюдения истинного правосудия, были приняты, обнародованы и утверждены...

[1] О сообществе, союзе, обещании и клятве цехов, упомянутых в нижеследующем Установлении

Так как наиболее совершенным является решение, которое принято с согласия каждого и одобрено общим суждением, то означенные господа Подеста, Капитан-Защитник, Приоры цехов и мудрые (sapientes), в силу уже указанных полномочий и власти, установили и учредили, что двенадцать старших цехов, а именно: цех судей и нотариусов, цех купцов Калималы, цех менял, цех Ланы, цех торговцев Ворот Святой Марии, цех врачей и торговцев восточными товарами, цех меховщиков, цех мясников, цех сапожников, цех кузнецов, цех каменщиков и плотников, цех розничных торговцев; а также все другие нижепоименованные цехи города Флоренции, каковыми являются: цех виноторговцев, цех крупных трактирщиков, цех продавцов соли, масла и сыра, цех крупных кожевников, цех кирасников и шпажников, цех гвоздильщиков и железников старых и новых, цех шорников, изготовителей игральных костей и щитников, цех крупных торговцев льняными товарами и цех пекарей,— которые имеют знамена и имели их в Коммуне Флоренции последние пять лет и которые являются со своими членами надежным оплотом и защитой города и Коммуны Флоренции, должны избрать законным образом синдиков, надежных и достаточно опытных..., начиная с настоящего января месяца... по одному от каждого цеха. Каковые синдики с исправными и достаточными полномочиями должны пребывать при господине Капитане и Защитнике города Флоренции... И да поклянутся они, прикоснувшись к библии, и да приведет господин Капитан каждого из них к присяге. И пусть все указанные синдики поочередно обещают печься о том, чтобы цехи, от которых они избраны, и люди этих цехов сберегали со всеми иными цехами и их людьми доброе, чистое и верное сообщество и содружество. И [пусть они поклянутся] точно так же поочередно быть единодушными и согласными в том, что касается чести, защиты, и возвыше-

ния, и мира, и покоя господ Подеста, Капитана-Защитника, и господ Приоров, и Знаменосца Правосудия, и цехов, и цеховых людей (artificum) города и контадо Флоренции, и всего Флорентийского народа. И... чтобы цехи, от которых они избраны, и люди этих цехов повиновались господам Подеста, Капитану, Приорам и Знаменосцу Правосудия полностью во всем, что надлежит до прерогатив указанных господ... И также, чтобы сходились названные цехи, и знаменосцы их, и люди цехов и оказывали помощь, совет и поддержку господам Подеста, Капитану, Приорам и Знаменосцу Правосудия, всякий раз как будет надобность и когда будут ими к тому призваны, являясь послушно с оружием или без оружия... А также пусть поклянутся и обещают..., что названные цехи и люди этих цехов будут защищать друг друга... И если кто из магнатов и могущественных города, контадо или дистрикта Флоренции причинит в чем-либо ущерб и обиду какому-нибудь из указанных цехов или личности и имуществу их членов, то ректоры или консулы цеха, к которому принадлежит потерпевший, должны... изложить в присутствии господ Подеста, Капитана, Приоров цехов и Знаменосца Правосудия, как и когда свершилось [преступное] деяние... и рассказать о притеснениях, беззакониях и бесчестиях, причиненных этому члену цеха, и просить и ходатайствовать и неукоснительно проследить, чтобы власти... быстро и действенно позаботились о прекращении этих притеснений и беззаконий.., а магнат и могущественный, чтобы подлинно и персонально был наказан в соответствии с характером преступления...

[II] Чтобы обещания, соглашения, сговоры, монополии, обязательства и клятвы цехов были отменены и не соблюдались

А также установлено и решено, что все обещания, и соглашения, и сговоры, и монополии, и договоры, и обязательства, и клятвы, свершенные до сего времени каким-либо цехом или цехами города Флоренции, или синдиками, консулами и ректорами, или же людьми этих цехов... письменно или устно, и составленные при сем акты — отменяются и считаются не имеющими никакой силы... И да не осмелятся ни один из цехов, или их синдики, консулы и ректоры, или люди этих цехов вступать в какие-либо договоры... с одним или несколькими другими цехами...

письменно или устно... или осуществлять их, открыто или тайно... за исключением того, что указано в предыдущем установлении... И пусть господин Капитан-Защитник проводит тайное или открытое дознание и расследование, как сочтет нужным, против всех, кто нарушает или пытается нарушить вышесказанное... и пусть осуждает и карает тех, кого сочтет виновными в означенных выше преступлениях, более или менее [сурово], в зависимости от достоинства цеха и лиц и от характера нарушения (considerata qualitate Artis et personarum et delicti)...

[III] Об избрании и о должности господ Приоров цехов

А также, с целью обеспечить избрание господ Приоров цехов и отправление ими должности на пользу членам цехов, и пополанам, и общественному благу — установлено и решено, в соответствии с разделом Статута господина Капитана относительно выборов Приоров, что избрание будущих Приоров цехов должно производиться нижеозначенным образом. А именно: господин Капитан... с ведома и по воле господ Приоров цехов, в назначенном ими месте, за день до истечения срока данного приората или ранее, если будет угодно господам Приорам, велит созвать старейшин двенадцати старших цехов, а также мудрых и добрых мужей, членов цехов, — тех и столько, кого и сколько пожелают избрать и призвать к сему господа Приоры. И в присутствии господ Приоров господин Капитан-Защитник совещается со старейшинами и мудрыми, каким образом и в какой форме должно проходить и проводиться коммуной избрание будущих приоров, числом шесть — по одному от каждой сесты[1], на два последующих месяца... Называя и внося в списки [для голосования] тех, кого хотят избрать Приорами, надлежит... [указывать] самых лучших, благоразумных и честных членов цехов города Флоренции, постоянно занимающихся цеховой деятельностью [или же записанных в книгу-матрикул какого-либо цеха города Флоренции], лишь бы они не были рыцарями... И не может избираться и входить в приорат тот, кто когда-либо входил уже в него на протяжении двух последних лет... И не могут быть избранными одновременно двое и более приоров от одного и того же цеха... Когда же избра-

[1] Сесты — шесть городских районов Флоренции.

ние осуществится указанным способом, господин Капитан-Защитник в первый день вступления в должность Приоров да введет их своей рукой в Совет или собрание, где вручается Знамя Правосудия, и прежде чем дать им Знамя, да заставит вновь избранных приоров принести клятву, что они будут старательно, законно и верно отправлять должность. И никто из избранных по указанной форме Приоров не может и не должен отказываться от этого звания по какой бы то ни было причине. То, что было решено, постановлено и утверждено в приорате шестью Приорами со Знаменосцем Правосудия, или же по крайней мере пятью из них, считается равносильным единодушному решению. И все Приоры со Знаменосцем Правосудия должны вместе пребывать, спать и есть в одном доме — в каком пожелают и какой покажется им наиболее удобным и подходящим для отправления должности. И никто из города и контадо Флоренции не может и не смеет разговаривать с Приорами и Знаменосцем Правосудия, иначе как во время открытой аудиенции, даваемой всеми ими или большинством из них...

(Настоящим дополнением устанавливается и провозглашается, что любой пополан, если только он не является рыцарем и записан в книге — матрикуле какого-либо цеха города Флоренции в числе людей этого цеха, во всем да считается и рассматривается, и допускается ко всем должностям, и [пользуется всеми] преимуществами наряду и наравне с членами цеха, постоянно занимающимися цеховой деятельностью).

[IV] Об избрании и о должности Знаменосца Правосудия и о пешем [ополчении] в тысячу человек

А также решено, что в день избрания Приоров цехов господин Капитан-Защитник и Приоры предыдущего срока (qui pro tempore fuerint) созывают к себе старейшин двенадцати старших цехов.., а также двух опытных мужей от каждой сесты (по усмотрению господ Приоров), которые после клятвы в том, что избрание будет произведено законным образом, определяют сразу же, от какой сесты должен быть избран Знаменосец. Когда сеста определена, они избирают от указанной сесты шестерых опытных мужей, пополанов и членов цехов. После чего из числа этих

шести выбирается посредством тайной баллотировки Знаменосец, причем старейшины и мудрые, принадлежащие к указанной сесте, не участвуют в голосовании и не имеют права голоса. И тот, кто получит больше голосов, и становится Знаменосцем Правосудия на два месяца, с того же дня как новые Приоры вступают в должность. И да будет Знаменосец Правосудия из числа крупнейших пополанов, членов цехов города Флоренции, и да печется он чистым сердцем об ее мире и покое. И да не будет он из числа магнатов названного города. И да имеет Знаменосец власть и голос среди Приоров как один из них, и пусть живет вместе с ними, и ест, и спит подобно тому как это делают Приоры. И пусть считается одобренным то [решение], которое принято пятью из них, включая Знаменосца. И не может Знаменосец принадлежать к дому или роду кого-либо из Приоров, с которыми он отправляет должность (cum quibus morari debet) или которые входили в приорат во время избрания этого [Знаменосца]. Знаменосец вместе с Приорами может и должен посещать господ Подеста и Капитана и заботиться, и побуждать их, чтобы они всем воздавали правосудие и карали преступников в соответствии с характером преступления. И чтобы они внимательно и тщательно осуществляли свою власть, дабы город Флоренция сберегал мир и покой. Его полномочия длятся два месяца, после чего избирается другой Знаменосец из иной сесты указанным способом... так что каждый год Знаменосец должен избираться единожды от каждой из сест, и за год должны быть представлены все сесты. Знаменосец не может быть переизбран в течение двух лет со дня окончания срока его полномочий. И должен упомянутый Знаменосец иметь при себе в доме господ Приоров большое знамя из хорошего и прочного шелка с большим алым крестом посередине, простирающимся на все поле... И пусть каждый год в феврале месяце упомянутые господа Капитан, Приоры и Знаменосец с возможной быстротой избирают угодным для них способом тысячу пеших [ополченцев] из числа пополанов и членов цехов города Флоренции, преданных ее миру и покою. И чтобы избранные поклялись идти к дому господ Приоров и Знаменосца во время каких-либо беспорядков (rumoris), а также по вызову глашатаев, или по звону колокола, или по постановлению правительства. И следовать за Знаменосцем... и находиться вместе с ним, и неуклонно выполнять все,

что бы ни поручили им ради чести, защиты и возвышения коммуны и народа Флоренции господа Подеста, Капитан или Приоры и Знаменосец...

[V] О наказаниях за обсуждение или обращение с просьбами по поводу выборов Подеста, Капитана, Приоров и Знаменосца Правосудия

Установлено также и решено, что никакой цех и никакие консулы или ректоры цехов при любых условиях да не осмелятся и не вздумают собираться в каком-нибудь месте и сходиться между собой для обсуждения, выдвижения и подготовки, кого избрать Подеста, Капитаном, Приорами цехов и Знаменосцем Правосудия города Флоренции, и [да не смеют] обращаться с просьбами о том по какому бы то ни было поводу. На это имеют право лишь те из упомянутых ректоров и должностных лиц, которые были избраны и призваны надлежащим образом и порядком и собрались в соответствующий день в соответствующем месте, ради выборов по надлежащему решению и торжественному постановлению...

[VI] О наказаниях, налагаемых на магнатов, посягающих против пополанов

Установлено также и решено, что если кто-нибудь из магнатов города и контадо Флоренции каким бы то ни было образом (причем, намеренно и предумышленно), убьет или побудит убить, ранит или побудит ранить какого-либо пополана города и контадо Флоренции, так что от этих ран воспоследует смерть, то господин Подеста пусть приговорит магната, свершившего или побудившего свершить подобное злодеяние, а также его соучастников... к смерти через отсечение главы.., если они окажутся во власти Коммуны Флоренции, и помимо этого все их достояние должно быть разорено и разрушено, после чего оно конфискуется и переходит к Коммуне Флоренции. Если же эти преступники ускользнули из-под власти Коммуны Флоренции, они тем не менее присуждаются к смертной казни, и если когда-либо они попадут во власть Коммуны Флоренции, то будут умерщвлены отсечением главы... И поручители (fideiussores) магната-преступника... перед Коммуной Флоренцией должны быть принуждены

господином Подеста внести Коммуне Флоренции то количество денег, на которое они поручались... И при этом поручитель, после тщательной оценки разоренного достояния преступника, получает возмещение из той части этого имущества, которая соответствует сумме залога. А оставшееся имущество поступает Коммуне Флоренции....

...И дабы надлежащим образом обуздать безрассудную дерзость тех, кто не страшится свершать подобное, решено и установлено во славу власти господина Подеста и ради сохранения свободы и благосостояния пополанов, что, если кто-либо из магнатов города и контадо Флоренции совершит или побудит совершить преступление против личности пополана... вслед за чем воспоследует смерть, обезображение лица большой раной или отсечение членов вплоть до отделения их от остального тела, то господин Подеста города Флоренции обязан незамедлительно..., получив сведения о совершенном преступлении, ударить с ведома Знаменосца Правосудия в свой колокол и возгласить во всеуслышание по городу, чтобы избранная тысяча вооруженных пехотинцев не мешкая сходилась и поспешала к дому Знаменосца... И Знаменосец Правосудия с вооруженными пехотинцами и со Знаменем Правосудия направляется к дворцу господина Подеста. И тогда господин Подеста посылает одного или несколько своих судей и военачальников со своими людьми... мужественно и мощно (сопровождать) означенного Знаменосца и пехотинцев к дому и к имуществу магната, совершившего преступление... И да не возвращаются они оттуда, пока дома и имущество, находящееся в городе и пригородах Флоренции, не будут разрушены и разорены до тла и до основания...

[IX] О наказаниях против магнатов, учиняющих насилия, беспорядки и беззакония по отношению к домам, землям и владениям пополанов

А также решено и постановлено, что если какой-нибудь магнат города и контадо Флоренции силой захватит или разорит дома, земли и владения пополана... он всякий раз наказывается и осуждается господином Капитаном-Защитником на [штраф в] тысячу лир. А захваченные или разоренные владения должны быть возвращены с урожаем, который собран или может быть собран в них, через де-

сять дней после того, как [о захвате] станет известно господину Капитану. Если же этот магнат каким-либо способом учиняет беспорядки и беззакония и разоряет земли и владения какого-нибудь пополана города и дистрикта Флоренции, или побуждает к тому, или же запрещает поселенцам, колонам и работникам пополана жить в этих домах, землях и владениях и обрабатывать их,— через десять дней после того, как об этом узнает господин Капитан-Защитник, [магнат] осуждается... всякий раз на пятьсот лир. И пусть этот магнат не только прекратит полностью опустошения, беспорядки и беззакония, но и будет присужден к возмещению ущерба... И [факт преступления] устанавливается и заверяется во всех обозначенных выше случаях клятвой потерпевшего (iniurati seu molestati) и его работников, т. е. поселенцев и колонов, или клятвой потерпевшего при двух свидетелях, ссылающихся на общую молву. Во всех указанных случаях господин Капитан-Защитник имеет полное, свободное и неограниченное право проводить расследование, дознание, разбирательство и наказание таких магнатов, совершающих захваты, присвоения и насилия, осуждая их в соответствии со сказанным, при [поступлении] жалобы и без жалобы, как господину Капитану будет угодно и заблагорассудится.

[XII] О наказании пополана, претерпевшего от магната и не сообщившего о беззаконии и оскорблении

А также решено и установлено, что во всех вышеописанных случаях каждый потерпевший должен и обязан сообщить господину Подеста то, что касается его должности, а господину Капитану — то, что относится к его должности; то есть [должны это сделать] сыновья умершего или убитого, если они старше четырнадцати лет, а если младше — их опекуны, а если опекунов не имеется — их братья, а если братьев нет — их родственники, и не позже, чем через три дня с момента совершения преступления в городе Флоренции, а если оно было совершено в контадо — не позже чем через десять дней, под [угрозой] наказания в 100 лир, налагаемого господами Подеста или Капитаном на провинившегося. А если сам раненый и потерпевший жив, то он обязан сообщить или передать Подесте о нанесенной ему обиде в течение трех дней, если он

был оскорблен или ранен в городе или пригородах Флоренции, если же в контадо — в течение десяти дней, под [угрозой] наказания в 50 лир...

[XIV] Об осуждении Подестой и Капитаном магнатов, произносящих непотребные (iniuriosa) слова

А также, если кто из магнатов города и контадо Флоренции вздумает произносить и распространять какие-либо непотребные или высокомерные и наглые по содержанию слова против господ Подеста, Капитана, Приоров цехов и Знаменосца Правосудия или кого-нибудь из них, перед лицом и в присутствии оных, каковые слова окажутся направленными к умалению власти и к поношению их должности, то могут господин Подеста или господин Капитан изгнать такового магната за пределы города и контадо Флоренции, в то место и на то время, которые сочтут нужными, и наказать его по своей воле и усмотрению, учитывая личность оскорбителя и характер оскорбления. И это же могут они сделать с каждым, кто в Советах при господах Подеста и Капитане или при Приорах цехов и Знаменосце Правосудия произнес бы непотребные и подлые слова против кого-либо из участвующих [в заседании] Советов.

[XV] О том, чтобы магнаты не допускались (non accedant) в Совет господина Капитана

А также установлено и решено, что никто из магнатов города Флоренции не может и не должен по какой бы то ни было причине являться и быть допущенным в Совет господина Капитана после прибытия господина Капитана в место, где должен заседать Совет, без разрешения или приказа господина Капитана или господ Приоров цехов, [под угрозой] штрафа в 25 лир...

[XVI] О том, что ни один осужденный магнат не имеет права брать в долг деньги

А также решено и утверждено, что никто из магнатов города и контадо Флоренции, который был или будет осужден, не может и не должен просить деньги у жителей

города и контадо Флоренции, лично или через кого-либо, в связи со своим совершившимся или предполагаемым осуждением, или принимать какой-либо заем или что иное деньгами и вещами... И должны указанные господа Подеста и Капитан... иметь и держать против них [т. е. против магнатов] шпионов или тайных осведомителей, которые бы разведывали, разузнавали и доносили обо всем увиденном и касающемся тех, кто поступает вопреки вышесказанному... И пусть будут сделаны два ящика и один из них установлен во дворце Подеста, под недавно построенной лоджией, а второй — во дворце господина Защитника, в открытом и доступном всем месте. И пусть разрешено будет каждому бросать в эти ящики записки, сообщающие о тех, кто действует вопреки чему-либо из содержащегося в настоящих установлениях... А если в означенные ящики будут брошены записки, относящиеся к чему-нибудь иному, да не принимаются они вовсе во внимание.

[XX] О наказании магнатов, посягающих на Приоров цехов или Знаменосца Правосудия или их нотариуса

А также, если случится, избави бог, что кто-либо из магнатов города, контадо и дистрикта Флоренции посягнет или побудит посягнуть на кого-нибудь из Приоров, или на Знаменосца Правосудия, или на их нотариуса... или на их родителей, детей, братьев, внуков и племянников по мужской линии, дедушек, дядей, двоюродных братьев или других родственников с отцовской стороны,— то наказание, которому подвергся бы этот магнат при посягательстве на любого пополана, увеличивается [в этом случае] вдвое...

[XXX] О том, что достояние и имущество, разоренные согласно Установлениям Правосудия, не должны восстанавливаться и исправляться

Так как следует всенародно признать и счесть несомненным, что все судебные разбирательства и приговоры, которые были совершены, свершаются и будут свершаться Знаменосцами Правосудия (или их людьми по их приказу,

или самим Знаменосцем, явившимся в какое-либо место со Знаменем Правосудия, во исполнение Установлений Правосудия), основывались и будут основываться в будущем на справедливом и законном стремлении к миру и покою народа и Коммуны Флоренции; и дабы чрез правосудие и порядок сберегались и возрастали [силы] пополанов города Флоренции, и не было ни в чем ущерба для общего блага всего народа — то решено и установлено, что... никто не может и не должен обращаться с просьбами относительно исправления причиненного ущерба... и восстановления домов, строений, достояния и имущества, разрушенных и разоренных означенным образом... Должностные лица и власти Коммуны Флоренции не могут и не должны выслушивать просьбы [об этом] от кого бы то ни было.

[XXXIII] О том, чтобы пополаны не шли к дому магната и не находились там во время каких-либо беспорядков

А также ради свободы, покоя, мира и благосостояния народа, решено и установлено, что когда, будь то ночью или днем, в городе Флоренции, чего да не случится, происходит какая-либо распря, драка, беспорядки или мятеж, и когда Знаменосец Правосудия направляется куда-либо для исполнения своих обязанностей, никто из пополанов города и контадо Флоренции да не осмелится и не вздумает по какой-либо причине и каким-то образом идти, находиться и пребывать у домов нобилей и магнатов... А кто нарушит сие, будет наказан на 200 лир...

[XXXIV] О том, что магнатов не должно быть в Советах господина Капитана и цеховых старейшин

А также, поскольку республика и народ нуждаются для справедливого и честного управления в том, чтобы советы подавались [людьми] преданными и приверженными миру и покою народа и коммуны, решено и установлено, что никто из нобилей и магнатов города и контадо Флоренции никоим образом не может и не должен избираться и находиться в Специальном и Генеральном Советах господина Капитана, в Совете Ста мужей, а также не

может быть избран консулом, старейшиной или ректором какого-либо цеха города Флоренции... Цех же, избравший кого-нибудь вопреки указанному порядку.., осуждается господином Капитаном... на двести лир. И лишается этот цех затем на два года права избирать всяких консулов, старейшин и ректоров.

[XLIX] О наказании [отказывающихся] свидетельствовать за пополанов против магнатов

А также, дабы преступления, совершаемые магнатами против пополанов, не утаивались, а раскрывались, решено и установлено, что, если пополан, призванный в свидетели для доказательства преступления, содеянного магнатами против пополанов, будет отрицать, что он присутствовал при совершении преступления, или заявит, что он ничего не слыхал о совершившемся; а затем подтвердится, что он присутствовал при преступлении или знал о нем,— то [упомянутый пополан] наказывается на двести лир. И имеется в виду, что он будет осужден и изгнан за преступление. А если скроется — пусть будет осужден на указанную сумму и изгнан, и пусть впредь во всем считается и рассматривается как преступник, изгнанный из коммуны Флоренции...

[LII] О том, что на изгнанных [из Флоренции] можно всегда и везде посягать безнаказанно

А также, поскольку преступники, изгнанные из коммуны Флоренции, а особенно проживающие на земле и в дистрикте Прато и в других местностях окрест флорентийского контадо, повседневно совершали и совершают многочисленные тяжкие и злодейские преступления в городе и дистрикте Флоренции, и дабы не повело это к нарушению покоя и мира флорентийского народа,— решено и установлено, что посягнувший как-либо и когда-либо на преступника, изгнанного из Флоренции, не может быть никоим образом за это преследуем, тревожим и наказуем в отношении личности или имущества; и сие Установление пусть понимается в простом и прямом смысле и нельзя его

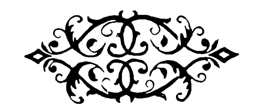
комментировать и истолковывать или превратно извращать в чем-либо. И отменяются настоящим Установлением все [параграфы] в Статутах господина Капитана-Защитника и Коммуны Флоренции, каким-нибудь образом расходящиеся с вышесказанным...

[LVI] О том, чтобы не велись мирные переговоры с недругами Коммуны Флоренции без ее согласия

А также никто из города и дистрикта Флоренции да не осмелится и не вздумает вести переговоры о мире и согласии с недругами Коммуны Флоренции, тайно и скрытно, от своего или от чужого [имени], под [угрозой] наказания в отношении имущества и личности, если только переговоры не ведутся по воле и согласию Коммуны Флоренции. Ибо от такого обмана Коммуна Флоренции была бы разорена и унижена сверх меры, а недруги возвышены...

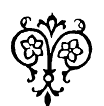
[LXII] Общее заключение о соблюдении настоящих Установлений

Да будет все вышеизложенное во всех своих частях считаться Установлениями Правосудия и в качестве Установлений Правосудия нерушимо выполняться и соблюдаться. И да будет сие... законным образом и без опасений внесено и записано в книгу указанных Установлений. И все, что говорится и содержится в вышеизложенных Установлениях касательно их соблюдения и выполнения, не подлежит изменению, отмене или исправлению. И меры и наказания против нарушителей Установлений (или какой-либо части оных), и все, что находится в вышеизложенных Установлениях, да сберегается и соблюдается нерушимо.

ФРАНЦИЯ

1. Ф. Бомануар «Кутюмы Бовези»
2. Ордонанс Людовика XII «О суде и охране порядков в королевстве» 1498 года
3. Ордонанс Франциска I «Об отправлении правосудия» 1539 года
4. «Черный кодекс» 1685 года

1. Ф. БОМАНУАР «КУТЮМЫ БОВЕЗИ»

АПИСЬ обычного права (кутюмов) началась во Франции в XIII столетии, когда в стране (помимо юга, где господствовало писаное право) насчитывалось 60 больших и 300 малых кутюмов.

Официальную унификацию обычного права во Франции стали проводить согласно Ордонансу Карла VII в 1454 году.

Предлагаемый источник — «Кутюмы Бовези» (Coutumes Beauvaisis) представляет собой запись обычного права северо-восточной части Франции, сделанную в 1282 году одним из крупнейших французских юристов — Филиппом Бомануаром (1247—1295).

Бомануар жил в годы правления Людовика IX (1226—1276). Это было время больших реформ и значительных успехов в деле объединения французских земель. Дед Людовика IX — Филипп II наряду с присоединением к королевскому домену Нормандии, Мэна, Турени, части Пуату, Пикардии и Лангедока провел важнейшую административную реформу.

По этой реформе все королевские владения были разделены на равные административные округа — бальяжи (на юге — сенешальства). Во главе округов были поставлены королевские чиновники — бальи с очень значительными и разнообразными функциями в области суда, сбора налогов и созыва ополчения. Назначали их обычно на три года из людей, близких ко двору и никак не связанных с местной провинциальной знатью. Таких бальяжей при Филиппе II было 20.

Людовик IX продолжал программу Филиппа II и, значительно округлив свой домен, еще более укрепил королевскую власть.

Благодаря административно-судебным реформам при Людовике IX оформилось центральное управление Францией.

Королевский совет из съезда феодалов превратился в сложное централизованное учреждение.

Выделился малый королевский совет — постоянный орган при короле, членами которого являлись канцлер, коннетабль и немногие феодалы, близкие ко двору. В особые учреждения выделились также из курии королевского совета парламент, на который был возложен разбор судебных дел, и счетная палата, ведавшая сбором налогов и прочих королевских доходов.

Увеличение и укрепление королевского домена и централизация королевской власти сопровождались серьезными изменениями в организации суда.

Проведенная Людовиком IX судебная реформа объявляла королевский суд высшим апелляционным органом для всего королевства, в который могли жаловаться на решения всех низших феодальных судов, не исключая и тех, которые находились на территории доменов вассальных владений. Ряд судебных дел — поджог, похищение женщин, изготовление фальшивой монеты и другие подлежали исключительно юрисдикции королевского суда.

Специальным ордонансом в королевском домене были запрещены поединки и фактически ограничено право частной войны (был установлен обязательный 40-дневный срок — «так называемые 40 дней короля» — между ссорой и началом войны с тем, чтобы получившая вызов сторона могла апеллировать к королю).

Успехи в деле централизации государства и консолидации всех сил внутри него требовали оформления норм обычного права и введения общегосударственных правовых норм. Это мероприятие и было предпринято при Людовике IX.

Первая, незаконченная запись французского обычного права была произведена бальи Вермандуа и докладчиком в Королевском Совете Пьером де Фонтеном в 1254—1270 гг. по специальному приказу короля, желавшего, чтобы его сын и наследник престола Филипп, «вступив во владения землей, знал, согласно каким законам управлять своими подданными и как согласно законам и обычаям страны удержать свои земли». Но действительно первую плодотворную попытку записи обычного права Франции сделал Филипп де Бомануар.

Филипп де Бомануар — интереснейшая фигура средневековой Франции. Он родился в дворянской семье. С 1261 по 1265 год он провел в Англии и Шотландии, по возвращении откуда написал два больших романа и поэму. Много лет Бомануар служил на должностях бальи и сенешала в

Санлисе, Клермоне, Бовези, Пуату и других местах. В 1291 году Бомануар был назначен организатором армии, готовящийся к вторжению во Фландрию. Умер Бомануар в Санлисе в 1296 году.

Основным произведением Бомануара, прославившим его и обеспечившим ему имя «Светоча своего времени», (так назвал его Монтескье), являются «Кутюмы Бовези». Дата их написания — 1283 год — чисто условна, так же, как и само название источника, далеко не исчерпывающее его содержание. Сам автор в предисловии признается, что часть книги основана на «правовых нормах, общих для кутюмов всей Франции», и можно смело считать, что «Кутюмы Бовези» являются не только компиляцией местных обычаев (что уже само по себе представляло бы несомненный интерес), но и первым в истории Франции серьезным опытом правотворчества, дающим нам представление о нравах и обычаях страны, а также о политических идеях, зародившихся в этот период.

Бомануар — подлинный представитель школы французских легистов. Констатируя в своем труде феодальный обычай, скрупулезно собирая всевозможные законы и права провинции, он стремился объяснить их и по возможности обосновать феодальную эксплуатацию идеями канонического и римского права и приукрасить собственными идеями и положениями.

В работе последовательно и неуклонно проводится идея правового объединения Франции под властью одного монарха, являющегося, по мнению Бомануара, единственным и действительным господином над своими подданными.

Наряду с идеей правовой консолидации страны в работе Бомануара сквозит порой протест против сохранения крепостного права в современном автору обществе: «...Вначале все люди были свободны.., т. к. всякий знает, что мы все происходим от одного отца и от одной матери»[1], — пишет он — «...очень хорошо поступает тот сеньор, который дарит им (сервам) свободу, т. к. это большое зло, когда какой-либо христианин находится в крепостном состоянии»[2]. Интересно, что Бомануар как будто находит оправдание сервам, не любящим своих сеньоров. Среди добродетелей, необходимых бальи, он называет подлинную любовь к богу, непохожую по его словам, «на ту, которую

[1] Beaumanoir, Ph., Coutume de Beauvaisis, t. 2., p. 235.
[2] Ibid., p. 236.

некоторые сервы питают к своим сеньорам.., основанную на страхе и боязни»[1].

Виднейший юрист Франции XVI века Луазель называл «Кутюмы Бовези» «первым и самым смелым сочинением, которое когда-либо было написано о кутюмах Франции». Эта смелость автора, полнота собранных им обычаев делают его труд исключительно ценным и интересным для каждого историка и юриста, занимающегося историей государства и права Франции периода феодализма вообще и XIII века — в особенности. Оригинал работы Бомануара не сохранился. Но имеется большое число списков, отличающихся друг от друга лишь по диалекту, на котором они написаны, и свидетельствующих о значительной популярности автора в XIV—XVII вв.

Впервые сочинение Бомануара было издано в 1690 году. Настоящий перевод кутюмов сделан с третьего двухтомного издания А. М. Сальмона, вышедшего в Париже в 1899—1900 гг.: Beaumanoir Ph. «Coutumes de Beauvaisis» (Texte critique, publié avec introduction, un glossaire et une table analitique), т. 1—2, Paris, 1899—1900.

Ниже приводятся отдельные параграфы, касающиеся обязанностей бальи и адвокатов, преступлений, права наследства, захвата сейзины, прав суверена, доказательств в суде, крепостного состояния, городских коммун, юрисдикции и права отвода судей.

Перевод §§ 972, 973, 977 заимствован из книги «Социальная история средневековья», под редакцией Е. А. Косминского, М.—Л., т. II, 1927.

[Извлечения]

Глава 1

О должности бальи

§ 12. По нашему мнению, человек, желающий быть справедливым и честным бальи, должен обладать десятью добродетелями, из которых одна является главной и гос-

[1] Ibid., t. I, p. 17.

пожей над всеми другими, и без нее не могут существовать другие добродетели правителей. И эта добродетель называется мудростью, что означает быть мудрыми. Поэтому скажем прямо, что тот, кто хочет стать бальи и вершить правосудие, должен быть мудрым, иначе он не справится с обязанностями бальи.

§ 13. Вторая добродетель, которую должен иметь бальи, это то, что он должен сильно любить бога — нашего отца и спасителя, а также из любви к богу святую церковь. И речь идет не о любви, которую некоторые слуги питают к своим сеньорам, любви, основанной на страхе и боязни, а о подлинной любви, той, которой сын должен любить отца...

§ 14. Третья добродетель, которой должен обладать бальи,— это спокойствие и доброта; ему должны быть чужды свирепость и жестокость. Но он не должен быть добр ни к изменникам, ни к жестоким, ни к совершающим преступления, потому что к такого рода людям он должен показать себя строгим и даже суровым, чтобы положить конец их злодеяниям. Ведь так же, как врач позволит болезни из жалости к ней свалить больного, которого он должен лечить, добрый к злоумышленникам бальи подвергает угрозе смерти людей, жаждущих жить в покое. И нет большего блага для бальи, как выкорчевать зло при помощи скорого суда. И так, когда мы говорим, что бальи должен быть добр, это значит, что он должен быть добр к тем, кто желает блага и к простому народу, а также в тех случаях, которые произошли больше по несчастью, чем по злому умыслу...

§ 15. Четвертая добродетель, которой должен обладать бальи,— это терпение и умение внимательно выслушать, способность не выходить из себя ни в каком случае, ибо бальи, который спешит с выводами или терзает и гневается, не может уяснить себе всего, что предлагают ему в суде. А если он не может всего этого себе уяснить и не может ничего хорошо запомнить, он не может надлежаще осуществить свою должность. Итак, бальи должен быть терпелив и внимательно выслушивать таким образом, чтобы предоставить тем, которые находились перед ним в суде, (возможность) высказать в суде все, что покажется необходимым одной стороне против другой, не прерывая их слов. Только в этом случае бальи сможет наилучше и наиболее мудро судить или заставить судить, если это суд (двор), где судят вассалы. Так же, как мы говорили,

Глава 2

О вызове в суд

§ 57. Когда кто-либо жалуется на нанесенный ему ущерб и хочет получить по справедливости возмещение, он должен вызвать в суд сеньора, ведению которого подлежит дело, того, на кого он собирается жаловаться. Об этом мы и будем говорить в этой части — о вызове в суд дворян и других (людей) — не знатного происхождения. И мы скажем, каким образом каждый должен быть вызван в суд, как он должен повиноваться вызову, который ему сделан, (по какому бы то ни было поводу) — будь то по поводу наследства имущества или ссоры, касающейся его словом или действием (par fet ou pur dit). Мы расскажем также, на какой вызов, согласно обычаю, он может ответить, что явится в суд лишь через две недели (contremander), и на какой он не может (так ответить), на какой он может ответить извинением (essoinier) и какое наказание он понесет, если не явится, как это должно, по вызову.

§ 58. Если сеньор хочет вызвать в суд дворянина, сидящего на его фьефе, он должен взять двух людей, являющихся пэрами тому, кого он хочет вызвать; а если таковых не имеется, он должен одолжить их у своего сеньора, а сеньор, от которого они держат фьеф, обязан ему их предоставить. И тогда он должен им сказать, чтобы они пошли и вызвали в суд этого человека и чтобы они сопровождали его в надлежащее место, а также должен им поручить, чтобы они ему сказали, по какой причине он вызван в суд. И тогда, когда следует вызывать в суд, вызов должен быть сделан по меньшей мере за 15 дней.

§ 59. Тот, кто вызывается в суд, должен рассмотреть, как и почему его вызывают. Если его вызывают в суд просто, вызывающий говорит: «Мы вам предлагаем, считая с сегодняшнего дня, через 15 дней предстать в таком-то месте перед лицом нашего сеньора, от которого вы держите фьеф». Больше они ничего не говорят. Или они говорят: «Мы вас вызываем по поводу всего, о чем вас будут спрашивать». В этих двух случаях вызова человек может 3 раза отложить суд на полтора месяца (3 раза по 2 недели) и в четвертый раз не явиться в течение 2 недель по извещению. И если сеньор захватит его фьеф за то, что он не мог оправдаться, т. к. заявил, что придет

в суд лишь через 15 дней, он должен будет ему его вернуть целиком, по требованию, если он сможет ответить по всем обвинениям, которые ему будут предъявлены.

Глава 3

Об извинениях и отсрочках

§ 98. После того как в предыдущей главе мы говорили о вызове в суд, в этой главе следует рассказать об извинениях по поводу невозможности явиться в суд и о двухнедельных отсрочках, как их следует производить и в каких тяжбах; о некоторых мы уже говорили в другом месте — в главе, посвященной вызову в суд; здесь же мы будем говорить о тех случаях, о которых мы еще не говорили. И так как после вызова в суд следуют извинения и отсрочки, которые зависят от того, как был сделан вызов, мы должны поговорить об этом до того, как перейдем к другим предметам.

§ 99. Существует множество поводов для того, чтобы просить у своего сеньора отложить дело — извиниться... при вызове в суд; к таковым относится телесная немощь: ведь существуют болезни, при которых совершенно ясно, что без серьезного вреда невозможно явиться в суд, и они являются вполне законным извинением (для отсрочки).

§ 101. Законно может принести извинение тот, кто должен явиться в суд в качестве свидетеля и даже как заинтересованная сторона, если у него наступает срок в другом месте, так как в противном случае очень бы задерживались дела, не могущие быть завершенными без принесения присяги.

§ 102. Когда кто-либо должен явиться в суд к определенному сроку, законным извинением служит ему какая-либо помеха в дороге; если падет или взбесится лошадь, и он не сможет найти себе другую и не сможет также по состоянию своего здоровья идти пешком; если перед ним встанет обширное водное пространство, которое он не сможет пересечь без опасности для жизни, если наступит время больших дождей или больших снежных заносов и больших бурь.

§ 108. Существует большая разница между законным извинением за неявку в суд (essoinement) и отсрочкой

(contremant). При всех тяжбах, при которых появляется необходимость в отсрочке, прежде чем явиться в суд, ее можно просить трижды (каждая по 15 дней); при этом не надо давать никаких клятв и не приводить причин, по которым требуется отсрочка. Извинение же может быть принесено только один раз между двумя заседаниями суда (il jours de court) и без назначения какого-либо срока, так как никто не знает, принося извинение, когда он сможет явиться в суд. А если его извинение будет принято, он, придя в суд, должен принести присягу в том случае, если его спросят.

Глава 5

Об адвокатах

§ 174. Так как большинство людей не знакомо с кутюмами и не знает, как ими надо пользоваться и на что следует опираться в каждой данной тяжбе, то те, которым предстоит судиться, должны искать совета у людей, могущих говорить за них. И тот, который говорит за других (в суде), называется адвокатом.

§ 175. Если кто-либо хочет стать адвокатом...— он должен присягнуть, что, исполняя свои обязанности адвоката, он будет вести себя хорошо и честно, что он, насколько ему будет известно, будет вести только добрые и законные дела, что, если он начнет дело, которое в начале покажется ему правильным, а потом, узнает, что оно нечестно, он сразу, как только узнает об этом, бросит его. И если он принесет в суде эту присягу, он после этого никогда её не должен (уже) повторять. Но до того, как он ее принес, он не может приступить к исполнению своих обязанностей и участвовать в споре (прениях).

§ 189. Бальи собственной властью может отвести с тем, чтобы он не выступал в данном суде, такого адвоката, который обычно говорит дерзости бальи, суду или противной стороне, т. к. было бы очень плохо, если бы подобного рода люди не могли бы быть отстранены от адвокатской должности.

§ 190. Женщина не должна выступать за плату в качестве адвоката за другого, но без вознаграждения она может говорить за себя или за своих детей или кого-ни-

будь из своих домашних, но (делать) она может это с разрешения своего мужа, если она имеет мужа.

§ 195. Адвокат или советчик могут получать деньги и вознаграждение за свой совет или за защиту, но на это не имеют права судьи, т. к. могут действительно быть проданы услуги и совет, но не могут и не должны (быть проданы) решения.

Глава 30

О преступлениях

§ 823. Самое главное для всех тех, кто вершит правосудие,— это умение различать проступки, каковы они — велики или малы, и знание того, какого наказания они заслуживают. Ибо так же, как неодинаковы проступки, неодинаковы и наказания. Есть такие преступления, которые должны караться смертью как подлежащие королевской юрисдикции, независимо от того, каким путем злоумышленник их совершил. Другие же преступления должны быть наказаны долголетним тюремным заключением с конфискацией имущества, но не одинаково во всех случаях, а в той степени, в какой это требуется. Третьи же преступления должны быть наказаны конфискацией имущества без смертной казни, без увечья и без тюремного заключения; (для наказания преступников, их совершивших) достаточно штрафа, так как они не равны тем, о которых мы говорили выше. Мера наказания должна зависеть от проступка, а также от того, кто его совершил и кому нанесен ущерб. А для того, чтобы простые люди знали, какое их ожидает наказание, если кто-либо из них совершит преступление, и чтобы каждый человек в отдельности знал это, также чтобы сеньор знал, какое наказание следует за каждое преступление, мы расскажем в этой главе о преступлениях, которые могут быть совершены, и о том наказании, которое должно последовать за каждым из них.

§ 825. Убийство (murtres) состоит в том, что один (человек) умышленно убивает или заставляет кого-нибудь убить другого человека во время между заходом и восходом солнца, причем убийство это совершается наверняка.

§ 826. Предательство состоит в том, что кто-нибудь, не выказывая явно признаков ненависти, смертельно

ненавидит кого-либо и из ненависти убивает его, или заставляет другого человека его убить, либо избивает его, или заставляет другого человека его избить до того, что тот, кого он ненавидит или предает, становится калекой.

§ 827. Никакое убийство не может быть совершено без предательства, но предательство может быть совершено без убийства во многих случаях; ведь убийство не может быть без смерти человека, а предательство выражается и в избиении, и в нанесении увечий во время перемирия в то время, как (человек) чувствует себя в полной безопасности... Предательство заключается и в лжесвидетельствовании, ведущем к чьей-либо смерти, или к лишению кого-либо наследства, или к ссылке, или к тому, что сеньор (данного человека) возненавидит его или к другим подобного рода последствиям.

§ 828. Убийством (homicide) называется и тот случай, когда кто-либо убивает другого (человека) в пылу спора: возникает ссора, во время ссоры произносятся безобразные слова, после безобразных слов возникает драка, кончающаяся часто смертью одного из спорящих.

§ 829. Изнасилованием женщины называется акт, совершаемый плотской компанией, овладевающей женщиной против ее воли и невзирая на то, что она делает все возможное для своей защиты.

§ 837. Все четыре вышеуказанные преступления должны быть наказаны и отомщены одинаково... Но имеются другие дела, подлежащие королевской юрисдикции, которые должны быть наказаны по-иному. Послушайте о каждом из них и о наказаниях, которые за них следуют.

§ 831. Тот, кто поджег дом, должен быть повешен, и его имущество должно быть конфисковано, как это указывалось выше.

§ 832. Тот, кто крадет чужие вещи, должен быть повешен, и его имущество должно быть конфисковано, как это указывалось выше.

§ 833. Тот, кто заблуждается в вере, не верит и не хочет вернуться на истинный путь, или тот, кто занимается содомией, должен быть сожжен и лишен всего имущества, как это указывалось выше.

§ 834. Фальшивомонетчики должны быть посажены под замок и затем повешены; имущество их подлежит конфискации, как это указывалось выше.

Глава 32

О захвате сейзины, о силе и т. д.

§ 972. Один рыцарь вчинил иск к другому рыцарю по поводу того, что он принял в свой «новый город» его поселенца, который жил у него в силу держания гостизы[1] 1 год и 1 день и ушел с нее, никому не передавши и не продавши своего надела, не очистивши его от обязательств и не оставивши заместителем поселенца со стороны, а просто бросивши (гостизу) совсем необрабатываемой и пустой. Вследствие этого требовал (рыцарь) принудить (другого рыцаря) отослать своего поселенца жить у него, как он жил и нести ему с гостизы повинности, как полагается. Но на это возразил (другой) рыцарь, что он не обязан того делать, ибо каждый свободный человек волен идти жить туда, где ему будет угодно, оставивши свою гостизу сеньору за (прекращение уплаты) оброка...

§ 973. Было постановлено по суду, чтобы он отослал его жить к истцу и впредь не принимал до тех пор, пока (поселенец) не даст удовлетворения своему сеньору за гостизу или очищением ее от обязательств, или продажей, или дарением, или же меной.

Но путей заграждать своим поселенцам сеньоры не могут, ибо они — свободные люди, не крепостные. И были еще показания на этом суде (от некоторых лиц), ссылавшихся на свидетельства своих отцов и дедов, о соглашении, заключенном между графом Раулем Клермонским и вассалами его из области Клермона, по поводу того, что граф Рауль провозгласил в местечке Neuville свободные поселения и малые оброки, предоставляя всем, кто туда приходил, вольное жительство и пользование сухостоем в лесу... Ввиду таких вольностей и льгот поселенцы его вассалов стали стекаться туда, не выполняя по отношению к своим сеньорам того, что они должны были (выполнять) со своих наделов...

На это и жаловались вассалы графа Рауля своему сеньору, ввиду чего между ними и их сеньором было заключено соглашение (в том числе), что нельзя им принимать поселенцев друг друга, пока они не выполнят того, что следует с их гостиз сеньорам, как выше сказано.

---

[1] Связано с несением военных повинностей.

замужние или девушки. Исключение составляет только один случай: когда речь идет о засвидетельствовании факта рождения ребенка или его возраста. Ибо если женщина имеет двух мальчиков (males jumeaus) и старший хочет доказать старшинство, нельзя будет установить, кто старше без свидетельства женщины. И в этом случае ей следует верить.

Глава 45

Об отказах, сервитутах и т. д.

§ 1432. Тот, кто преследуется закрепощением, может избавиться от преследования следующими путями. Первый путь таков: сам серв и его мать всю свою жизнь были свободными людьми и не несли никакой крепостной повинности по случаю своего крепостного состояния... И тогда сеньор, который преследует этого серва, должен доказать, что мать матери данного лица была крепостной этого сеньора... Но если сеньор не может этого доказать, [серв] остается свободным, если только сеньор не приведет новых доказательств происхождения своего утверждения, так как по закону никто не имеет права сказать бывшему всегда свободным человеку: «Вы мой серв»; это следует доказать. Если же он не говорит о происхождении (крепостной зависимости) и не может доказать, что данный человек когда-либо платил ему крепостную подать, то его не следует слушать и данное лицо остается свободным.

§ 1433. Другое основание, по которому тот или иной человек может защитить себя от того, чтобы попасть в крепостную зависимость,— это, если он знает, что его мать, бабка или прабабка, будучи крепостными, получили свободу от лица, имеющего право давать эту свободу. Для доказательства достаточно представить письменное удостоверение от сеньора или живых свидетелей. Этого достаточно для того, чтобы человек оставался свободным.

§ 1434. Известно, что крепостное состояние идет от матери, так как все дети, которых она выносила,— сервы, если она крепостная, даже, если отец — свободный человек. Если бы дворянин женился на крепостной, все дети, которых она бы имела от него, были бы сервами. И им было бы отказано в иске о признании их дворянами, т. к. нет такого закона, чтобы сервы получили дворянство, хотя

милость получения дворянства должна идти от отца. Таков обычай французского королевства: дворянство может получить всякий, чей отец был дворянином, при условии, что его мать была кем угодно, даже простолюдинкой, но только не крепостной, ибо в таком случае, как это было сказано выше, он тоже становится (крепостным). Если же мать — дворянка, а отец не имеет дворянства, ребенок не может быть дворянином; но все же он не теряет всех привилегий: в отношении личности он рассматривается как дворянин и может владеть фьефом, на что вилланы не имеют права. И ясно, что если мужчина серв женится на свободной женщине, все дети свободны...

§ 1435. Третья возможность освободиться от закрепощения неучтивая; но мы ее должны были много раз выдвигать, защищая человека, которого хотят закрепостить, — это если серв говорит, что хочет доказать свое незаконнорожденное происхождение; если он может это доказать, он — вне крепостной зависимости. Доказательством незаконнорожденности является установление факта рождения человека до замужества матери или того факта, что его отец не был дома за 10 месяцев до его рождения и находился в чужих и дальних землях, не возвращаясь домой; это значит, что он не может быть сыном данного лица... Третьим доказательством незаконнорожденности является факт рождения ребенка через десять месяцев после смерти отца во время вдовства матери. И если человек докажет, что он незаконнорожденный, он остается свободным и живет по статуту незаконнорожденных. И пусть люди не думают, что рожденные вне брака, они что-либо выигрывают, так как незаконнорожденный не наследует ни звания отца, ни звания матери или семьи, ни состояния и ничего другого. А так как он не наследует ни их имущества, ни их положения, то он не должен наследовать и тяжких условий и тех податей, которые они обязаны платить сеньору.

§ 1436. Четвертым основанием для освобождения от закрепощения может служить тот факт, что данный человек является духовным лицом и принадлежал к духовному сословию в течение десяти лет на глазах и с ведома сеньора, который сейчас его преследует и который ранее этому не сопротивлялся, ибо достоин похвалы тот сеньор, который, видя, что его крепостной становится клириком, не протестует против этого... Если епископ делает духовным лицом моего человека помимо моей воли, я имею право

потребовать возмещения ущерба за потерю этого человека и его имущества, переходящего в юрисдикцию епископа; ибо нет никакого сомнения, что я не могу забрать и присоединить к своему имущество клирика.

§ 1437. Лучше всего для того, кто хочет освободиться от крепостной зависимости, получить для этого подтверждение своей свободы от того суверена, от которого зависит его сеньор; ведь если у меня есть крепостные, и я их освобожу без разрешения на то моего сеньора, я их теряю...

§ 1451. Следует знать, что людям нашего века известны три состояния. Первое — это знатное. Второе — состояние свободных по происхождению людей, рожденных свободной матерью; тех, которые могут и должны были бы по праву называться дворянами. Но не все свободные люди — дворяне, и между правами дворян и других свободных людей существует большая разница, т. к. дворянами называют тех, которые по прямой линии происходят от королей, герцогов, графов или рыцарей; и эта знатность идет по прямой отцовской, но никак не материнской линии; ведь совершенно ясно, что никто, даже если его мать и дворянка, не может стать дворянином, (если только не будет на то особой королевской милости), если только его отец не дворянин. Но по-иному обстоит дело со свободным состоянием, т. к. это состояние идет от матери, и всякий человек, рожденный свободной матерью,— свободен...

§ 1452. Мы говорили о двух состояниях — о знатном и свободном; 3-е состояние людей — крепостное. И в этом состоянии не все люди находятся в одинаковом положении: имеются различные условия крепостной зависимости. Ибо одни из крепостных так подчинены своим сеньорам, что эти сеньоры могут распоряжаться всем их имуществом, имеют (над ними) право жизни и смерти, могут держать их в заключении как им будет угодно — за вину или без вины — и ни перед кем за них не несут ответственности, кроме как перед богом. С другими обращаются более мягко, ибо при их жизни сеньоры не могут ничего от них требовать, если только они не провинятся, кроме их чиншей, рент и повинностей, обычно платимых ими за их крепостное состояние (servitude). И (лишь) когда они умирают или женятся на свободных женщинах, все их имущество — движимое и недвижимое — переходит к сеньорам. Ибо тот, кто женится на свободной или на женщине

из другой сеньории должен платить выкуп по усмотрению сеньора. И если (крепостной) умирает, нет у него иного наследника, кроме сеньора, а дети крепостного ничего не получают, если не заплатят выкупа сеньору, как это делали бы люди посторонние. Этот последний обычай, о котором мы говорили, носит у крепостных Бовези название мертвой руки и брачного выкупа (formariages). О других крепостных состояниях в чужих землях мы умолчим, ибо наша книга рассказывает об обычаях в Бовези.

§ 1457. Наш обычай более мягок (courtoise) в отношении к крепостным, нежели во многих других странах, ибо во многих других странах сеньоры могут распоряжаться жизнью и смертью своих крепостных когда и как им угодно, а также принуждать их вечно жить на своих землях. В Бовези же с ними обращаются более человечно, ибо при условии уплаты своим сеньорам положенных обычаем ренты и специального налога, собираемого с каждой семьи, (chevages), они могут идти служить и жить вне юрисдикции своих сеньоров. Но нигде они не должны отказываться платить следуемый сеньору брачный выкуп (formariages), за исключением мест, пребывание в которых может дать им свободу, как, например, в некоторых городах, всякий житель которых свободен в силу привилегии или обычая. Ибо, как только кто проведает, что его крепостной поселился в таком месте, он может потребовать его возвращения, если заявит на него свои права в течение одного года и одного дня или в течение того срока, который действителен для этих мест, согласно их обычаям. Многие крепостные, таким образом тайно ушедшие от своих сеньоров на жительство в другие места, получили свободу.

Глава 50

О городских коммунах и их правах

§ 1516. Городские коммуны и даже города, не имеющие прав коммун, а также простой народ должны охраняться законами таким образом, чтобы никто их не обидел и чтобы они никого не смогли обидеть. Коммунальные хартии должны храниться как доказательство привилегий, которые могут быть нарушены, так как так же мало стоит печь, негодная к обжигу кирпича, как и хартия, повседневно непроводимая в жизнь.

§ 1517. По новым правилам во Франции ни один город не может стать коммуной без разрешения короля, ибо всякие новшества без согласия короля запрещены. Если же король пожелает предоставить какому-либо городу это право или предоставил его, это должно быть записано в хартии вольностей, выданной королем городу по этому случаю. Но это должно быть сделано без ущемления прав церкви и дворянства, так как не могут и не должны быть отягощены церкви и уменьшены владения дворян.

§ 1519. Каждый сеньор, имеющий в своей власти город-коммуну, должен ежегодно узнавать, в каком состоянии находится город и как им управляют мэры и те, которые поставлены его охранять и им управлять. Пусть богатые не сомневаются, что если они нарушают закон (mes font), они будут наказаны, и пусть бедняки указанных городов могут мирно зарабатывать себе на пропитание.

Глава 58

О юрисдикции

§ 1641. Мы говорили..., что каждый человек, владеющий фьефом в Клермонском графстве, обладает высшей и низшей юрисдикцией в пределах своего фьефа; и таковую же имеют церкви, имеющие право свободного наследования и с давнего времени не платящие никому и никакой аренды.

Однако, так как имеется большое число областей, где одни (лица) обладают высшей юрисдикцией, а другие лица имеют низшую, (и в самом Бовези могут иметь место такие случаи при продаже или при перемене с разрешения сеньора, что одно (лицо) может иметь в данном месте высшую юрисдикцию, а другое — низшую), полезно, чтобы мы объяснили вкратце, что такое высшая юрисдикция и что такое низшая юрисдикция, чтобы каждый мог пользоваться той юрисдикцией (тем судом), которая ему полагается.

§ 1642. Следует знать, что всякий, совершивший преступное деяние, каково бы оно ни было, исключая разбой, через которое можно и должно потерять жизнь, когда он будет пойман и предан суду, подлежит высшей юрисдикции; разбойник за разбой лишается жизни, хотя разбой и не подлежит ведению высшей юрисдикции. Но все прочие

плохие деяния, как убийство, измена, отцеубийство и насилие над женщиной, поджог имущества или ночное ограбление и изготовление фальшивой монеты и помощь в ее производстве и скупке — все подобные деяния подсудны высшей юрисдикции. Следовательно, когда случается подобное дело, производство расследования и разбор его должны осуществляться тем, кто обладает высшей юрисдикцией. А расследование дел о разбое и прочих проступках, за которые не следует казнь, должен производить тот, кто обладает правом низшей юрисдикции. А какая юрисдикция должна применяться в указанных выше случаях и в других, о которых мы здесь не упоминаем,— это разъясняется достаточно в главе, говорящей о преступлениях (mesfes), почему нам и нет надобности больше распространяться по этому поводу.

§ 1643. Мы указали, какие преступные деяния должны подлежать суду того, кто обладает правом высшей юрисдикции, и никакой выгоды (esploit) не должно быть ему от высшей юрисдикции, так как все имущество тех, кто захвачен в связи с деяниями, указанными выше, ему не принадлежит. Но следует принять во внимание, что это не относится к имуществу, находящемуся на собственной земле того, кто обладает правом высшей юрисдикции, потому что всякий, обладающий этим правом на своей земле, должен получать то, что находится на его земле из имущества тех злодеев.

§ 1644. Найденные и никому не принадлежащие вещи, розыски хозяев которых были безуспешны, как и имущество незаконнорожденных на том основании, что у них нет семьи, и то, что принадлежало чужестранцам, если кто из родных не заявит своих прав,— все эти вещи должны перейти сеньору, обладающему правом высшей юрисдикции, а не тому, кто имеет юрисдикцию низшую, если только он не приобрел таковую посредством длительного держания или же если она была передана ему как привилегия, или если, как это происходит в некоторых местностях, сеньор не передал все эти выгоды (esplois) каким-либо церквам, оставляя за собой право высшей юрисдикции.

§ 1645. Тот, кто обладает высшей юрисдикцией, не может запретить тому, кто имеет низшую, чтобы он или сам или его сержант (sergent) применял бы оружие для охраны того, что подведомственно низшей юрисдикции, а также тот, кто обладает низшей юрисдикцией — не может запрещать тому, кто обладает высшей юрисдикцией,

чтобы он или его сержант не стерегли то, что ему принадлежит, потому что каждому надлежит охранять свое право, не причиняя вреда другому.

Глава 66

О праве отвода судей

§ 1871. Пришло время поговорить о тех, которые хотят дать отвод судьям. Это следует делать до вынесения приговора, т. к. после отвода можно этого добиться лишь при помощи апелляции. До вынесения же приговора отвода судей можно добиться по ряду причин. Укажем на некоторые из них.

§ 1872. Причина, по которой можно дать отвод судье,— это если тот, кто собирается судить, значится в числе моих врагов или так поссорился со мной или с кем-либо из моих близких, что уже началась война или если мы находимся только в состоянии перемирия; так как было бы значительно хуже, если бы я был осужден из ненависти...

§ 1873. Другая причина, по которой я могу дать отвод судье,— это если он угрожал мне или говорил кому-либо до разбора дела, что я проиграю тяжбу, либо если он был прокурором, адвокатом или советником противной стороны, либо если он заинтересован или может быть заинтересован в разбираемом деле, либо если он настроен против меня.., либо если он должник тех, против кого я выступаю, либо если он находится у них на жаловании, либо если он обещал свою благосклонность противной стороне, либо если он приходится тем, против кого я веду тяжбу, отцом или сыном. Отвод судье можно дать и в том случае, если разбирается дело об убийстве или членовредительстве кого-либо из его семьи...

§ 1874. Дать отвод можно также такому судье, который не может исполнять свои обязанности ввиду того, что является клириком или несовершеннолетним, которому его господин оказал такую милость, что признал его взрослым мужчиной; или идиотом, совершенно очевидно не имеющим достаточной памяти вследствие старости, или врожденной глупости, или какой-либо болезни, приведшей к потере памяти. Все эти лица могут быть отстранены от судейства, т. к. причины такого отстранения вполне разумны.

Глава 67

Как следует судить

§ 1883. Согласно нашим кутюмам, никто не может быть судьей в своем суде и по своему делу по двум причинам: первая — та, что никакой человек никогда не может быть судьей в собственном деле..; вторая — что, согласно кутюмам Бовези, сеньор не судит в своем суде. Судят в его суде только его люди.

§ 1884. Если какой-либо человек с весом (a poi) собирается судить в суде своего сеньора, он должен просить последнего представить его его пэрам, и тот должен это сделать...

§ 1910. Всякий раз, когда выносится приговор в отсутствие сторон, когда стороны не вызываются, чтобы выслушать решение, его следует повторить в присутствии сторон, с тем, чтобы они могли впоследствии апеллировать в совет.

§ 1914. Как мы уже сказали, решение суда ничего не стоит, если оно было вынесено в отсутствие сторон; оно также ничего не стоит в том случае, если оно было вынесено против несовершеннолетнего, и если этот несовершеннолетний не сможет апеллировать при достижении совершеннолетия.

§ 1920. Да знают все, что никто не имеет права отказаться от обязанности судьи, которые он несет по оммажу; но если у него на то есть какие-то законные основания, он может послать вместо себя (в суд) человека, могущего по своему положению его представлять.

чтобы он или его сержант не стерегли то, что ему принадлежит, потому что каждому надлежит охранять свое право. не причиняя вреда другому.

Глава 66

О праве отвода судей

§ 1871. Пришло время поговорить о тех, которые хотят дать отвод судьям. Это следует делать до вынесения приговора, т. к. после отвода можно этого добиться лишь при помощи апелляции. До вынесения же приговора отвода судей можно добиться по ряду причин. Укажем на некоторые из них.

§ 1872. Причина, по которой можно дать отвод судье,— это если тот, кто собирается судить, значится в числе моих врагов или так поссорился со мной или с кем-либо из моих близких, что уже началась война или если мы находимся только в состоянии перемирия; так как было бы значительно хуже, если бы я был осужден из ненависти...

§ 1873. Другая причина, по которой я могу дать отвод судье,— это если он угрожал мне или говорил кому-либо до разбора дела, что я проиграю тяжбу, либо если он был прокурором, адвокатом или советником противной стороны, либо если он заинтересован или может быть заинтересован в разбираемом деле, либо если он настроен против меня.., либо если он должник тех, против кого я выступаю, либо если он находится у них на жаловании, либо если он обещал свою благосклонность противной стороне, либо если он приходится тем, против кого я веду тяжбу, отцом или сыном. Отвод судье можно дать и в том случае, если разбирается дело об убийстве или членовредительстве кого-либо из его семьи...

§ 1874. Дать отвод можно также такому судье, который не может исполнять свои обязанности ввиду того, что является клириком или несовершеннолетним, которому его господин оказал такую милость, что признал его взрослым мужчиной; или идиотом, совершенно очевидно не имеющим достаточной памяти вследствие старости, или врожденной глупости, или какой-либо болезни, приведшей к потере памяти. Все эти лица могут быть отстранены от судейства, т. к. причины такого отстранения вполне разумны.

Глава 67

Как следует судить

§ 1883. Согласно нашим кутюмам, никто не может быть судьей в своем суде и по своему делу по двум причинам: первая — та, что никакой человек никогда не может быть судьей в собственном деле..; вторая — что, согласно кутюмам Бовези, сеньор не судит в своем суде. Судят в его суде только его люди.

§ 1884. Если какой-либо человек с весом (a poi) собирается судить в суде своего сеньора, он должен просить последнего представить его его пэрам, и тот должен это сделать...

§ 1910. Всякий раз, когда выносится приговор в отсутствие сторон, когда стороны не вызываются, чтобы выслушать решение, его следует повторить в присутствии сторон, с тем, чтобы они могли впоследствии апеллировать в совет.

§ 1914. Как мы уже сказали, решение суда ничего не стоит, если оно было вынесено в отсутствие сторон; оно также ничего не стоит в том случае, если оно было вынесено против несовершеннолетнего, и если этот несовершеннолетний не сможет апеллировать при достижении совершеннолетия.

§ 1920. Да знают все, что никто не имеет права отказаться от обязанности судьи, которые он несет по оммажу; но если у него на то есть какие-то законные основания, он может послать вместо себя (в суд) человека, могущего по своему положению его представлять.

2. ОРДОНАНС ЛЮДОВИКА XII «О СУДЕ И ОХРАНЕ ПОРЯДКА В КОРОЛЕВСТВЕ» 1498 года

РДОНАНСОМ 1498 года обобщалась и твердо фиксировалась практика королевских судов по борьбе с «бродягами», «нищими», «разбойниками» и тому подобными элементами, порожденными разложением феодализма, а также с остатками непокорных феодалов. Этот акт рисует полную и отчетливую картину так называемого экстраординарного (розыскного) процесса, хотя ординарный или обвинительный процесс в то время все еще существовал.

Первая стадия процесса — дознание (information) проводится в полной тайне. После окончания дознания судья немедленно направляет его материалы прокурору, который дает свое заключение. На основании этого заключения судья выносит письменное постановление о вызове или аресте обвиняемого. Обвиняемый допрашивается судьей или его заместителем, причем материалы дознания обвиняемому не сообщаются. В дальнейшем судья на основании собранных данных и заключения прокурора решает вопрос о том, применять ли экстраординарный процесс или ординарный — с активным участием сторон, открытым разбирательством, освобождением на поруки обвиняемого, выслушиванием прений сторон и т. д. Известно, что гораздо чаще применялся экстраординарный процесс, особенно при совершении тяжких преступлений (crimes). Во всяком случае выбор формы процесса зависел от судьи. Ордонанс требовал, чтобы при ведении экстраординарного процесса присутствовали лишь судья и секретарь. Сержантам, тюремщикам, канцеляристам и служителям, как не приносившим специальной судебной присяги, это возбранялось.

Доказательства, пополняющие данные дознания, передопрос свидетелей, очные ставки, собираются тайно. Вопрос о применении пытки решается судьей вместе с нотаблями,

после чего обвиняемого немедленно пытают, не допуская апелляции. Ордонанс запрещает при производстве следствия допрашивать свыше десяти свидетелей относительно одного и того же факта. Производящие следствие лица обязаны лично допрашивать свидетелей, излагать или записывать их показания, не передоверяя этого своим помощникам или писарям. Судебным чиновникам запрещается получать деньги или подарки, то есть, попросту говоря, взятки от лиц, в отношении которых ведется расследование. Указываются меры против чиновников, нарушающих судебную тайну, подтверждается запрет продавать судебные должности.

Ордонанс требует ускоренного проведения процесса в особенности в отношении рецидивистов и бродяг. Судья, пригласив к участию в суде от 4 до 6 судейских чиновников и практиков из местных жителей, которые должны вместе с ним подписывать процессуальные документы, мог свободно применять пытки, телесные наказания и смертную казнь к лицам, признанным рецидивистами и бродягами.

Ордонанс имеется в собрании: Isambert, Recueil General des anciens lois francaises depuis l'an 420 cusqu'a la Revolution de 1789.

[Извлечения]

ОРДОНАНС КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА XII «О СУДЕ И ОХРАНЕ ПОРЯДКА В КОРОЛЕВСТВЕ»

(*изданный в Блуа в марте 1498 года после собрания нотаблей*)

Мы, Людовик, милостью божьей король Франции, объявляем во всеобщее сведение отныне и впредь:

...Правосудие есть первейшая и достойнейшая из важнейших добродетелей, а также — главная и необходимейшая

часть всех монархий, королевств и княжеств, хорошо управляемых и находящихся в порядке...

Однако, ...(прежние ордонансы), как дошло до нашего сведения, ...нередко нарушаются; притом же, в связи с происшедшими за истекшее время переменами, явилась возможность внести некоторые исправления и сокращения в названные ордонансы в интересах правосудия и наших подданных.

А потому,— стремясь превыше всего на свете обеспечить в наше время и царствование королевству и подданным нашим доброе управление и хорошие и справедливые суды и организацию по охране порядка,— мы созвали и собрали в этом нашем городе Блуа некоторых прелатов, председателей и советников наших судов — парламентов Парижа, Тулузы и Бордо, а также некоторых наших сенешалей и бальи; и они совместно с любезным и верным канцлером нашим, любезным и верным другом и советником нашим епископом Альбийским, некоторыми нашими камергерами и членами нашего великого совета, назначенными для этой цели по приказу нашему, решили посвятить названным выше вопросам несколько дней и проработать их с величайшим вниманием, тщательностью и усердием, некоторые пункты и статьи, постановленные и изложенные ими в письменной форме и направленные к улучшению и ускорению правосудия, на благо и на пользу королевству и подданным нашим, мы приказали затем рассмотреть в присутствии нашем и некоторых принцев и сеньоров, кровных родственников наших; по совету, заключению и мнению последних, а также названных выше советников наших, мы силою своей державной королевской власти настоящим их утвердили и утверждаем на все времена в качестве твердых и неизменных ордонансов и требуем, чтобы они всегда нерушимо и неуклонно соблюдались и выполнялись со всей точностью нашими должностными лицами и подданными без каких-либо нарушений, как по форме, так и по содержанию их...

13. Не разрешается по какому бы то ни было делу представлять или допрашивать относительно одного и того же факта, указанного в письменных заявлениях, участвующих в деле лиц в приложениях к ним,— более десяти свидетелей; толпа считается только за одного свидетеля в тех случаях, когда применяется обычай допроса свидетелей в толпе; свидетели же, допрошенные сверх указанного числа, то есть сверх десяти, устраняются, и их заявления

и показания в расчет совершенно не принимаются; кроме того, на комиссара, допросившего более десяти свидетелей относительно одного и того же факта, налагается штраф по усмотрению того судьи, у которого слушается дело по названному расследованию; если же в письменных заявлениях участвующих в деле лиц и в приложениях к ним будут иметься пункты, упоминающие об одном и том же факте, то приказываем комиссарам, производящим указанное расследование, пункты эти, упоминающие об одном и том же факте, объединить.

14. Все производящие следствие комиссары, как из состава наших судов — парламентов, бальи, сенешалей, королевских судей, их заместителей,— так и другие, производят самолично допрос явившихся и подлежащих их допросу свидетелей, излагают или записывают их показания, если находят это необходимым; им запрещается производить указанные допросы свидетелей через своих помощников или писцов, и они обязаны производить их, как сказано выше, лично...

17. Мы приказали и приказываем, что писцы комиссаров и их помощников, будь-то советники наших судов, бальи, сенешали и судьи или их общие или специальные заместители и другие судьи, не вправе принимать ничего от тех, о ком поручено им их начальниками произвести названное следствие, исключая лишь (вознаграждение) за составление ими в письменной форме подлинников и копий следственных актов и протоколов, причитающееся согласно ордонансам предшественников наших и обычно получаемое ими в соответствии с таксой, установленной нашими судами, бальи, сенешалями или другими нашими судьями...

22. Мы запретили и запрещаем нашим председателям и советникам впредь получать на свои расходы или что-либо другое им равноценное, хотя бы эти (суммы) на расходы были предложены им добровольно, свободно, или в какой бы то ни было другой форме, под страхом — в первый раз — лишения названных председателей и советников на один год права на жалованье,— во второй раз — временного отстранения их от занимаемых ими должностей и другого наказания по усмотрению, а также наложения штрафа по усмотрению на участвующих в деле лиц...

30. Соизволяем и приказываем, впредь в случаях заявления нами какой-либо (вакансии) на должность председателя или советника наших судов, кандидатура, нами

выставленная, обсуждается всеми вышеназванными председателями с приглашением ими к участию в обсуждении и советников этих судов в том числе, какое они сочтут необходимым; если кандидат будет признан удовлетворяющим требованиям и подходящим для этой должности, то они приступают к его приему и назначению; в том же случае, если он будет признан неподходящим, неудовлетворяющим требованиям и неспособным, они его не принимают и уведомляют нас об этом в целях выставления другого кандидата на эту должность, способного, подходящего и удовлетворяющего требованиям, как мы должны это делать при назначении на судейские должности.

33. Наши бальи, сенешали, советники и председатели наших судов — парламентов и другие должностные лица и судьи наши не имеют права быть советниками, пенсионерами, официалами или генеральными викариями какого-либо прелата или светского сеньора под страхом отстранения их от занимаемых ими должностей и лишения жалования по решению наших судов.

34. Равным образом мы запретили и запрещаем нашим прокурорам и адвокатам выступать на суде или же консультировать участвующих в деле лиц против нас под страхом такого же наказания, а именно: отстранения от их должностей и лишения жалования; ордонансы предшественников наших, касающиеся наших прокуроров и адвокатов при наших высших судах, сохраняют свою силу и значение.

35. Под страхом такого же наказания мы запретили и запрещаем нашим бальи, сенешалям, прокурорам или их заместителям принимать какое-либо вознаграждение или пенсию от жителей наших бальяжей и сенешальств, а также запрещаем нашим бальи, сенешалям и судьям или их заместителям состоять судьями вотчинных (поместных) судов, или бальи в судах, подведомственных указанным их бальяжам, сенешальствам или судам.

36. Комиссар, уполномоченный на производство следствия, не вправе брать себе в помощники сына, брата, зятя, племянника и писца, хотя бы стороны на это и согласились.

37. Наши председатели, советники, бальи, сенешали и другие наши судьи или их заместители не имеют права, в случае заявления сторонами против них отвода, судить или участвовать в суде над прелатом или своим благодетелем, или каким-либо сеньором, от которого они, их дети,

братья, родные или двоюродные получают отныне, прямо и косвенно, какую-либо выгоду или службу, ими учрежденную и связанную с каким-либо званием...

39. Мы предписали и предписываем председателям и советникам нашим производить дознание о лицах, нарушающих тайну наших судов, с применением к ним по окончании дознания и после доклада о нем нашим судам отстранения от должности, лишения жалования, отрешения от должности и других требуемых обстоятельствами дела наказаний и штрафов. Кроме того, приказываем председателям нашим, согласно ордонансам предшественников наших, устраивать каждые две недели по средам собрания для рассмотрения тех проступков, какие могут совершить наши советники и другие должностные лица наших судов, для уведомления нас о них, для поддержания дисциплины и для принятия необходимых предварительных мер.

40. Хотя согласно ордонансам никто не имеет права покупать судебной должности, однако этот ордонанс обходили под видом некоторых отставок, полученных от нас или предшественников наших. А потому мы объявили и объявляем, что не намерены отменять указанных ордонансов; если же по назойливости (просителей) или по другой причине мы выдадим какие-либо грамоты этого рода, то запрещаем нашему канцлеру прилагать к ним печать; а если путем обмана или как-нибудь иначе они окажутся снабженными печатью, то возбраняем и запрещаем лицам, находящимся во главе наших судов-парламентов, бальи, сенешалям и другим судьям и должностым лицам или заместителям их им повиноваться или подчиняться, какие бы приказы или грамоты, их подтверждающие, они от нас не получали.

41. Мы приказали и приказываем, что отец и сын и два брата не имеют права состоять в одном и том же суде.

47. Приказываем выборы заместителей (лейтенантов), бальи, сенешалей и других наших судей королевства нашего производить в общем собрании, созванном в зале этих судов с приглашением наших бальи, сенешалей и судей, адвоката, прокурора и других чиновников наших названных бальяжей, сенешальств и судов в двухнедельный срок со дня освобождения указанных должностей в случае присутствия (на месте) наших бальи, сенешалей или судей и в месячный срок в случае их отсутствия; воспрещается нашим бальи, сенешалям и судьям, вновь вступившим в

указанные должности, отменять или перемещать заместителей (лейтенантов) указанных бальяжей, сенешальств или королевских судов, назначенных на эти должности ими или их предшественниками; при наличии, однако, достаточных оснований для смены этих заместителей (лейтенантов) они могут войти с представлением об этом к нам, в наш совет или в наши суды-парламенты для соответствующих распоряжений.

48. Впредь главными заместителями (генеральными лейтенантами) наших бальи, сенешалей и судей могут быть избраны или назначены только (лица), получившие звание доктора или лиценциата обоих (общегражданского и церковного) прав в университете...

60. Прево, выполняющие судебные функции в нашем королевстве, избираются впредь в залах заседаний тех бальяжей, сенешальств и других судов, в составе которых они состоят; избрание на эти должности прево производится в присутственный день в общем собрании, в присутствии и с приглашением наших бальи, сенешалей и других судей тех провинций, в которых будут заседать названные прево, совместно с нашим адвокатом и прокурором в этих бальяжах и сенешальствах и с прочими чиновниками того суда, где происходит указанное собрание; избирающие дают клятву добросовестно и честно выбрать того, кого они признают по совести своей наиболее пригодным и удовлетворяющим необходимым требованиям для несения этой должности; на избранных таким образом на должность прево возлагается обязанность присутствовать на месте лично.

61. Наши прево, выполняющие судебные функции, обязаны при вступлении своем в должность дать клятву — не вступать в долю или в сговор с откупщиками округов, им подведомственных; в случаях же, если они будут уличены в противном, требуем, чтобы по отношению к этим прево были приняты меры в виде временного отстранения их или отрешения от должности и наложения штрафов по усмотрению.

62. Никто не подлежит вызову в суд по уголовному делу по требованию нашего прокурора, если не имеется по этому поводу постановления судьи, прокурор наш не имеет права ни предъявлять иск, ни начинать дело в гражданском порядке, не посоветовавшись с нашим адвокатом в тех местностях, где таковой имеется, под страхом присуждения его лично к платежу судебных издержек, убытков

и процентов в пользу заинтересованной стороны и к штрафу, назначенному по усмотрению (суда) в нашу пользу в том случае, если окажется, что он возбудил указанное дело вопреки настоящему ордонансу нашему, клеветнически и в целях притеснения кого-либо.

70. Только нам и потомкам нашим, королям Франции, наряду с некоторыми другими особыми правами и преимуществами, присвоенными нам и потомкам нашим, королям Франции, в знак верховной власти, принадлежит право помилования и прощения. Однако некоторые наместники и губернаторы наши, а также заместители их, нами назначенные в некоторых областях нашего королевства, пытаются и стремятся, ссылаясь на какие-то якобы полученные ими от нас или от предшественников наших полномочия, давать помилование и прощение... и ведать дела как гражданские, так и уголовные между сторонами, не считаясь с правом на обжалование и с подсудностью; вместе с тем они требуют к себе дела, производящиеся у наших сенешалей и бальи и у других установленных судей, нарушая общую подсудность, установленную в нашем королевстве, ввиду этого мы аннулировали и аннулируем своим указом навсегда и нерушимо эту их власть, запрещая им впредь давать помилование и прощение, ...требовать дела, находящиеся в производстве в обыкновенных судах и ведать их каким-то ни было образом; предписываем названным губернаторам наблюдать за исполнением приговоров и решений наших бальи, сенешалей и других судей, а также наших судов-парламентов.

90. Приказываем: в тех случаях, когда кто-либо, приговоренный ранее компетентным судьей к наказанию плетьми, к отрезанию ушей, к ссылке или к какому-либо другому тяжкому телесному наказанию, будет вновь задержан нашими бальи, сенешалями и другими нашими судьями, непосредственно принадлежащими к составу наших судов-парламентов за какие-либо другие деяния, преступления или проступки, ими вновь совершенные, эти наши бальи, сенешали или их заместители и другие наши судьи, непосредственно принадлежащие к составу названных наших судов, имеют право начать и закончить дела об указанных злодеях и преступниках в основном месте своего пребывания или в каком-либо другом, где они обычно заседают, доведя их в течение этой своей сессии, не взирая на какие бы то ни было возражения и жалобы, до окончательного приговора и до приведения его в исполнение,

если этот окончательный приговор не будет обжалован в наш суд; в последнем случае дело о названных преступниках вместе с ними пересылается нашими бальи, сенешалями и другими нашими названными выше судьями как можно скорее в этот суд на его рассмотрение и решение...

94. Для того, чтобы названные бальи, сенешали и королевские судьи имели возможность с большей уверенностью принимать постановления и разрешать вопрос о применении допроса с пристрастием, пытки, смертной казни или иного телесного наказания к названным выше уже приговоренным ранее к отрезанию ушей, к ссылке или к бродягам, мы приказали и приказываем им приглашать шестерых или по меньшей мере четверых советников и лиц, занимающихся судебной практикой в их суде, не внушающих подозрений и беспристрастных, с возложением на них обязанности подписывать производство по делу, приговор или определение о названных заключенных; при этом, однако, должны соблюдаться обычаи и правила, существующие в некоторых особых местностях нашего королевства, где принято обычно судить названных преступников с участием заседателей или других нотаблей в надлежащем числе; названным нашим судьям предоставляется право обязывать указанных лиц, занимающихся судебной практикой, принимать участие в ведении этого процесса и давать свои советы по указанным выше вопросам, под страхом запрещения на определенный срок практики в суде, наложения штрафа и другого рода денежных взысканий, какие они найдут необходимыми по своему разумению и без права требовать за это вознаграждения...

107. Акты расследования и признания названных лиц, вызванных в суд, арестованных и заключенных в тюрьме, немедленно же предъявляются нашему прокурору и адвокату на предмет заявления ими тех требований, какие они найдут необходимыми в интересах правосудия или наших, причем сторонам ничего из этого не предъявляется и не сообщается.

108. В этом случае либо постановляется, что дело будет производиться в чрезвычайном порядке, либо выслушиваются стороны, причём они выслушиваются в заседании суда публично до этого постановления; после же него с названных сторон затребуются объяснения нашими бальи, сенешалями и судьями или их заместителями по

мере необходимости, причём названные акты расследования и признания сохраняются в тайне в распоряжении названного секретаря, если только наш прокурор, по совету адвоката нашего, не найдет необходимым использовать в качестве судебного доказательства признание вызванных в суд арестованных им заключенных, в этом случае вызывается противная сторона, если она этого потребует, ей сообщается через адвоката и прокурора наших указанное признание для того, чтобы она заявила, желает ли она им воспользоваться в качестве доказательства.

109. Если наш прокурор или сторона пожелают использовать указанное признание, они вручают, исключительно в письменной форме, свои заключения сделавшему признание, и тот имеет право представить свои возражения только в форме указания смягчающих обстоятельств; после же этого признание используется в качестве судебного доказательства в надлежащем порядке.

110. В тех случаях, когда должно производиться уголовное дело о заключенных в тюрьме или о других обвиняемых в преступлениях, дело это ведется насколько возможно тщательно и с соблюдением тайны так, что никто о нём не уведомляется во избежание возможных в таких делах подкупов и подлогов и в присутствии секретаря или его помощника без вызова тюремщика, сержантов, писцов, служителей и всех прочих, не приносивших присяги нам и суду.

111. Со всей необходимой тщательностью производится более обстоятельное расследование, оглашаются данные свидетелями показания и устраиваются очные ставки или, насколько возможно тщательно и тайно, без уведомления кого бы то ни было, проверяются алиби или другие факты, если может быть установлен какой-либо из них, говорящий за или против заключённого.

112. После производства со всей указанной тщательностью названных следственных действий, вплоть до допроса с пристрастием или пытки, наши бальи, сенешали и судьи или заместители их должны обсудить этот вопрос о допросе с пристрастием в совещательной комнате или в другом тайном месте.

113. При производстве названного допроса с пристрастием или пытки присутствует названный секретарь, который заносит в протокол имена сержантов и других присутствующих, формы и способы указанного допроса, количество воды, данной названному заключенному, сколько

раз повторялась пытка, если такое повторение имело место, вопросы и ответы, а также об упорстве заключенного, о подтверждении им (своих показаний) или об их изменении; а на другой день после указанного допроса названный заключенный допрашивается вторично не в том месте, где он подвергался пытке, чтобы убедиться насколько он упорствует в своих показаниях, и все это должно быть записано названным секретарем (в протокол).

114. При отсутствии новых улик мы запрещаем нашим всем бальи, сенешалям и судьям или заместителям их подвергать снова повторному допросу с пристрастием или пытке названного заключенного.

115. После выполнения судом своих обязанностей в отношении допроса с пристрастием, очной ставки и других, наши бальи, сенешали и судьи или их заместители просматривают и знакомятся с названным производством и со всеми материалами по делу и обсуждают его, как сказано выше, с лицами, не внушающими подозрений и беспристрастными, в присутствии адвоката и прокуроров наших, чтобы получить совет относительно того, что надлежит сделать в интересах правосудия; секретарь записывает высказанные мнения и решения, и все это сохраняется в тайне под страхом телесного или иного, какого потребуют обстоятельства, наказания нарушителей ее.

116. Если решено, что названный заключенный должен быть присужден к смертной казни или к другому телесному наказанию, то наши бальи, сенешали и судья или их заместители объявляют свой приговор публично в зале заседаний..., оттуда приводится названный заключенный и ему объявляется указанный приговор в присутствии секретаря, который регистрирует его в книге приговоров и если жалоба не поступила,— остается при заключенном... и сопровождает его вплоть до приведения указанного приговора в исполнение,— и притом в тот же самый день.

117. В прочих же случаях, когда нет необходимости в применении телесного наказания, когда адвокат и прокурор наши усмотрят, что дело подлежит рассмотрению в обыкновенном судебном порядке, вызывается потерпевший и ему сообщается через адвоката и прокурора наших признание (обвиняемого) для дальнейшего производства дела в указанном выше порядке.

118. Если же указанный чрезвычайный процесс, должным образом проведенный, не даст никаких результатов и окажется необходимым выслушать стороны и допустить

их к участию в деле в обыкновенном порядке, то наши бальи, сенешали и судьи или их заместители распоряжаются, чтобы стороны были выслушаны в заседании в определенный день, и в этот день заключенный приводится в суд, дело разбирается публично, заслушиваются потерпевшие, а также наш адвокат от имени нашего прокурора, в присутствии заключенного под стражу, если же окажется, что у названного преступника имеются грамоты о помиловании или прощении, то он представляет их, стоя на коленях, для дополнительного подтверждения их в заседании и в совещании суда в надлежащем порядке.

119. В делах уголовных, если будет признано, что потерпевшие (частные обвинители) противоречат (друг другу) и что дело требует доследования, заключенный освобождается по предоставлении доброго и достаточного обеспечения личной своей явки в день, когда должны будут докладываться или быть получены результаты доследования.

120. Во всех уголовных делах следователь или тот, кто производил расследование, обязан сделать секретный доклад о своем расследовании нашим бальи, сенешалям и судьям или их заместителям, а если это окажется необходимым, то предъявить и вызвать в суд главных свидетелей к нашим бальи, сенешалям и судьям или к их заместителям в присутствии нашего адвоката и прокурора или же вызвать их до своего доклада или до начала названного расследования, чтобы обсудить и решить с их участием, что следует предпринять по отношению к обвиняемому в день освобождения в интересах правосудия и в целях воспрепятствования ему устраивать очные ставки и другие меры в соответствии с обстоятельствами дела.

121. Во всех делах уголовных, если при рассмотрении и разборе их в обыкновенном порядке судопроизводства окажется, что освобожденный из тюрьмы подлежит телесному наказанию по уголовному или гражданскому делу, то наши бальи, сенешали и судьи или заместители их отдают распоряжение о заключении под стражу названного заключенного или уведомляют о том адвоката и прокурора наших в целях принятия мер, небходимых для обеспечения личной явки обвиняемого в суд, а также того, что приговор будет объявлен в его присутствии и незамедлительно приведён в исполнение.

122. Штрафы назначаются в том же постановлении, что и обвинительный приговор, по предварительном

приглашении и заслушании адвоката и прокурора наших и других заинтересованных, и не устанавливаются тайно и не в особом постановлении, при этом наш сборщик податей имеет право получить выпись из этого определения о назначении штрафа, если он найдет это необходимым.

123. Присужденные к штрафу в нашу пользу содержатся в тюрьме пока его не уплатят, и секретарь не имеет права освободить названного осужденного из-под стражи, если он не получил квитанции от нашего сборщика податей или денег наличными, в которых он обязан отчитаться перед нашим сборщиком податей.

124. Точно так же присужденные к штрафу и к тюремному заключению в интересах потерпевшего не могут быть освобождены без формального согласия названного потерпевшего, на которое секретарь ссылается в своем приказе об освобождении.

125. Что же касается тех, кто незаконно заключил кого-либо в тюрьму, то они подлежат заключению в тюрьме до тех пор, пока не возместят проторей и убытков в размере, определяемом судом и указываемом секретарем суда в приказе об освобождении из-под стражи...

3. ОРДОНАНС ФРАНЦИСКА I «ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ» 1539 года

АВГУСТЕ 1539 года Франциск I издал Ордонанс относительно уголовного суда и судопроизводства, который частью повторял положения Ордонанса 1498 года, частью изменял их, а частью дополнял. Здесь встречаются новые ограничения прав обвиняемого, особенно в том, что касается производства очной ставки на допросе, избрания меры пресечения, ссылок на свидетелей, которые могли бы показать в пользу обвиняемого, и другие. Многие нормы Ордонанса 1539 года были включены впоследствии в большой уголовный Ордонанс 1670 года.

Ордонанс 1539 года окончательно закрепляет основные принципы инквизиционного или розыскного процесса — возбуждение дела не только по жалобе (plainte) потерпевшего, но и на основании данных, полученных судьей из какого-либо другого источника; недопущение защитников или поверенных обвиняемых, письменное и тайное дознание, решающая роль признания обвиняемого, а следовательно, допрос с пристрастием и пытка. Обращает на себя внимание тесное взаимодействие в ходе уголовного процесса судей и прокуроров. Судья лично или через своих помощников ведет расследование, а затем посылает материалы дела для письменного заключения прокурору, после чего судья дает то или другое направление делу. Заключение прокурора требуется и перед началом судебного следствия. Можно отметить еще, что в ордонансе проведена отчетливая грань между юрисдикцией светских и церковных судов. Кроме того, предписывается составлять судебные акты не на латинском, а на французском языке.

Текст Ордонанса помещен в собрании Изамбера.

[Извлечения]

ОРДОНАНС КОРОЛЯ ФРАНЦИСКА I «ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ»

(август 1539 г.)

Доводим до всеобщего сведения ныне и на будущие времена, что мы в интересах нашего правосудия, в целях сокращения производства и облегчения наших поданных, постановили и приказали... на вечные времена и нерушимо следующее:

1. Да будет ведомо, что мы запретили и запрещаем всем нашим подданным привлекать мирян к суду церкви или им соглашаться на этот суд по делам чисто личного характера под страхом проигрыша дела и назначения штрафа по усмотрению.

6. Жалобщики на превышение власти, которые откажутся от поданных ими жалоб в судебном заседании, должны уплатить штраф, установленный за вздорные жалобы; а (отказавшиеся от них) вне суда — уплачивают этот же штраф в половинном размере; размеры штрафа могут быть по усмотрению наших высших судов, если это окажется необходимым, повышены с учётом характера дела и сторон.

7. Участвующие в деле лица (стороны) подвергаются штрафу за применяемые ими увёртки, оттяжки и затягивание дела...

9. Согласно прежним ордонансам нашим, все вызовы на суд делаются лично по месту жительства в присутствии понятых и свидетелей, имена которых должны быть занесены в рапорт судебного пристава или сержанта под страхом наложения штрафа в размере десяти парижских ливров на тех, кто этого не исполнит.

10. Когда заявленные или поданные в письменной форме отводы окажутся вздорными и не подлежащими удовлетворению, то судья, против которого заявлен один отвод, имеет право признать их таковыми и постановить невзирая на них, продолжать в законном порядке ведение дела.

11. А в случае обжалования, дело, несмотря на это, подлежит продолжению, но его ведет не тот судья, против

которого был заявлен отвод, но тот, кто обычно замещает его в случае его отсутствия, будь то его специальный заместитель или старший из адвокатов.

Таким образом, заявление указанного отвода и поданная по поводу него жалоба отнюдь не задерживают и не отсрочивают следствия и производства по делу.

12. Если же жалоба эта была неосновательной, и сторона изъявляла желание от неё отказаться, то... она присуждается к штрафу...

13. В случае же, если указанные поводы для отвода признаны законными, дело откладывается один раз на определенный срок для их проверки; проверка эта производится не тем судьей, против которого заявлен отвод, но тем, кто должен заместить его, как это сказано выше; последний, если отвод не подтвердится либо в пределах указанного срока, либо по истечении его, без какого-либо дальнейшего постановления или отсрочки отклоняет заявленный по указанным мотивам отвод...

24. Во всех делах гражданских и уголовных, где обычно допускалась четырехкратная неявка в суд, впредь следует ограничиться двухкратной при условии правильного и надлежащего вызова, сделанного лично или по месту жительства, за исключением того случая, когда сами судьи по своей инициативе распорядятся о третьем вызове, если вызовы не были сделаны лично и обстоятельства дела, по их мнению, этого требуют.

25. В делах уголовных после первой же неявки по сделанному лично вызову, выносится постановление о приводе в суд под стражей, а после вторичной неявки объявляется, что в виду невозможности задержать уклоняющегося от суда, он обязан явиться в три ближайших дня, причём до выполнения им этого имущество его подвергается описи и аресту...

27. До объявления какого-либо приговора против уклоняющегося от явки и скрывающегося от суда истец обязан представить доказательства по содержанию своего заявления.

28. От явно скрывающихся от суда апелляционные жалобы не принимаются, а потому, поскольку из этого дела, по которому поступила жалоба, и из возражений противной стороны явствует, что они уклонились от явки действительно вследствие неповиновения и неуважения к суду, объявляется, что жалобы их принятию не подлежат и делается постановление о том, что обжалованный

приговор вступает в законную силу и приводится в исполнение, не взирая на какие бы то ни было возражения ...

120. Запрещается впредь выдавать какие-либо грамоты об изъятии или об определенной презумпции подсудности по какому бы то ни было делу; если же они будут выданы, запрещаем считаться с ними, а названные выше судебные дела должны быть разрешены совершенно так же, как если бы указанные грамоты не были ни получены, ни представлены...

124. Запрещаем всем председателям и советникам наших высших судов выступать в качестве ходатаев по чужим делам, производящимся в тех судах, где они служат, говорить о них с судьями непосредственно или через кого-либо под страхом лишения их права получения жалования сроком на один год.

125. Во избежание разделения голосов при решении дел, производящихся в наших высших судах, наши председатели и советники настоящим обязываются достигать единогласия по меньшей мере в числе, достаточном для постановления решения и приговора, до перерыва и перехода к слушанию другого дела...

139. Предписываем всем нашим судьям тщательно разбирать и вести дела уголовные в первую очередь и раньше всех прочих — под страхом временного отстранения или отрешения от должности и других определенных по усмотрению взысканий за нарушение этого предписания; мы обязываем наши высшие суды его выполнять по чести и совести.

Равным образом запрещаем тем судьям, которых мы назначили в уголовные палаты для ведения дел заключенных и о преступниках, участвовать в разрешении каких-либо других дел по спорам о праве гражданском, хотя бы оно и было связано с уголовным делом, до тех пор, пока не будут в спешном порядке закончены все дела об арестованных и преступниках...

142. Судьи, относительно которых будет установлено, что ими допущены существенные ошибки при производстве указанных уголовных дел, в первый раз присуждаются к высоким штрафам в нашу пользу, во второй раз — отстраняются от занимаемых ими должностей сроком на один год, а в третий раз — отрешаются от этих должностей и лишаются права занимать королевские должности.

143. Сверх того, они присуждаются к возмещению всех проторей и убытков сторон в размерах и пределах, уста-

новленных в соответствии с обстоятельствами дела и в указанном выше порядке.

144. Во избежание того, чтобы названные судьи низшей квалификации не впадали вновь в дальнейшем в столь значительные ошибки, мы требуем, чтобы все уголовные дела велись судьями или их заместителями, а не прокурорами и адвокатами нашими, секретарями судов или их писцами-помощниками как в отношении допросов, оглашения данных показаний, очных ставок, так и других актов и частей названных уголовных производств,— и всё это под страхом временного отстранения от занимаемых ими должностей, отрешения от них или более строгого наказания и штрафа, если они обычно так поступают.

145. Тотчас же после того, как судьями получены жалобы или иным способом дошли до них сведения о названных преступлениях, злоупотреблениях и злодеяниях, они производят или поручают произвести добросовестное и тщательное расследование об этом; после же производства его немедленно сообщают акты его нашему прокурору и по ознакомлении его с заключением (которое он обязан дать на этих же актах и в спешном порядке и не получая за то никакого вознаграждения), судья постановляет о принятии тех предварительных мер, какие он сочтёт по обстоятельствам дела, необходимыми.

146. Указанные преступники как находящиеся в заключении, так и обязанные личной явкой, подвергаются незамедлительному добросовестному и тщательному допросу, и допросы эти, согласно установленному прежними нашими ордонансами законному порядку, в соответствии с характером лиц и обстоятельствами дела, возобновляются и повторяются, чтобы добиться открытия истины по названным преступлениям, проступкам и злоупотреблениям, если это окажется возможным, устами обвиняемых.

147. После производства, окончания и оформления этих допросов они незамедлительно предъявляются и сообщаются нашему прокурору, который обязан со всей тщательностью просмотреть их и, посоветовавшись со своим адвокатом, дать соответствующее заключение.

148. Если будет признано, что признания обвиняемого являются достаточными и что по обстоятельствам дела имеется основание и необходимо использовать их в качестве судебного доказательства, то названные признания сообщаются потерпевшему, если таковой в деле имеется, в целях выяснения того, не желает ли он равным образом

использовать их в качестве доказательств в судебном деле для получения заключений в письменной форме как от королевского прокурора или фискала, так и от потерпевшего в соответствии с интересами каждого из них. Эти заключения сообщаются обвиняемому для представления им возражений, но только в форме указания смягчающих обстоятельств.

149. Если же они либо один из них не пожелают воспользоваться указанными признаниями в качестве судебного доказательства, то немедленно же отдается распоряжение о вызове свидетелей для оглашения их показаний и для устройства очных ставок с названными обвиняемыми в срок, установленный для этого судам в зависимости от расстояний между данными пунктами и характера дела и сторон.

151. Если же в срок, представленный для доставления свидетелей и устройства очных ставок с ними или для производства указанного выше дознания, это сторонами не будет представлено или выполнено, то дело подлежит разрешению в том положении, в каком оно окажется по истечении указанного срока и на основании тех заключений, какие будут по нему в спешном порядке даны и представлены с каждой стороны в письменной форме, каждым в его интересах.

Только по большому и крайне важному делу может быть вторично назначен другой срок для выполнения указанных выше действий; по истечении же этого срока никоим образом не допускается его восстановление.

152. В тех делах, в которых должна быть дана очная ставка, обвиняемые не подлежат освобождению до истечения сроков, предоставленных для устройства названной очной ставки.

153. Когда свидетели явятся для устройства очной ставки, то судьи немедленно прочитывают им их показания и допрашивают под присягой и в отсутствие обвиняемого; тем же из них, которые будут настаивать на своих показаниях, уличающих обвиняемого, немедленно же дается очная ставка с ним, каждому в отдельности, и по одиночке, одному за другим.

154. Для очной ставки как обвиняемый, так и свидетели являются к судье, и он приводит каждого из них в присутствии другого к присяге в том, что они будут говорить правду; после же этого и до оглашения свидетельского показания в присутствии обвиняемого последнему

задается вопрос, имеются ли у него какие-либо отводы против присутствующего там свидетеля, и предлагается заявить их немедленно; требуем, чтобы это предложение было ему сделано в обязательном порядке и чтобы в противном случае отводы не принимались, о чём он должен быть совершенно определенно предупрежден судьей.

155. Если же он не заявляет никакого отвода и, по его словам, не намерен его заявлять, а желает решить в зависимости от показаний свидетелей, или требует предоставления ему срока для представления своих возражений в письменной форме, или же после изложения им в письменной форме тех возражений, которые он незамедлительно заявил,— то должно быть приступлено к оглашению показаний названного свидетеля в целях очной ставки, после которой обвиняемому уже не разрешается более ни заявить, ни ссылаться на какие-либо отводы против указанного свидетеля.

156. После дачи и окончания очных ставок производство по делу немедленно передается нашему прокурору, и тот хорошо и тщательно знакомится с ним, чтобы выяснить, какое заключение, окончательное или исключающее, он должен дать и представить в спешном порядке в письменной форме.

157. Если же окажется, что обвиняемый ссылается на некоторые факты, бесспорно говорящие в его пользу или доказывающие его невиновность, или на какие-либо факты, дающие законные и уважительные основания для отвода, то прокурор наш заявляет требование о том, чтобы обвиняемого обязали в спешном порядке назвать тех свидетелей, с помощью которых он рассчитывает доказать эти факты, либо служащие к его оправданию, либо дающие основание для отвода; в противном же случае он дает окончательное заключение.

158. И по указанным заключениям судья тщательно рассматривает дело и выбирает из него заслуживающие внимания факты, если они имеются, говорящие в пользу обвиняемого, либо служащие к его оправданию, либо дающие основания для отвода; он предъявляет их названному обвиняемому и приказывает ему спешно указать свидетелей, с помощью которых он думает установить названные факты. Он обязывает его к этому с тем, что в противном случае он уже не будет допущен.

162. В делах уголовных участвуют лица, ни в коем случае не выступающие через посредство поверенного или

какого-либо другого лица, но держат сами лично ответ по поводу тех обстоятельств, которые ими сообщаются; они выслушиваются и допрашиваются, как сказано выше, каждый в отдельности, с соблюдением тайны и порознь, причём упраздняются и отменяются все приёмы, отсрочки или обычаи, обыкновенно применявшиеся при допросах обвиняемых в судах, в целях установления того, должно ли быть предъявлено им обвинение, а также сообщение им с этой целью фактов и статей, относящихся к преступлениям и проступкам, им инкриминируемым, а также всё прочее, что противоречит изложенному выше.

163. В тех случаях, когда по ознакомлении с делом будет установлено, что подлежит применению пытка или допрос с пристрастием, требуем, чтобы решение об этой пытке было тотчас же объявлено обвиняемому, и если он его не обжалует, приведено без замедления в исполнение. В случае же обжалования он тотчас же доставляется в наш высший местный суд, где мы приказываем разрешать все жалобы по делам уголовным немедленно, без права на обжалование по какому бы то ни было поводу.

164. Если же путём допроса с пристрастием или пытки оказывается невозможным получить какие-либо данные против обвиняемого так, что нет оснований для его осуждения, то мы требуем, чтобы он был признан по суду оправданным по отношению к потерпевшему и с правом на получение вознаграждения за клеветническое обвинение; в этих целях стороны заслушиваются в судебном заседании для дачи их заключений, одной в отношении другой, и спор между ними подлежит разрешению в обыкновенном порядке, если это окажется необходимым и если судьи усмотрят в деле соответствующие для этого основания.

166. Не должно иметь место освобождение от долгов или от других гражданских дел, и все лица могут свободно привлекаться к ответственности с тем лишь условием, что они получают право на вознаграждение в случае постановления о заключении их под стражу на основании данных дознания о деяниях, в которых они уличаются и обвиняются, если так распорядится судья.

167. Прочие ордонансы наши и предшественников наших, ранее изданные относительно уголовных дел, сохраняют свою силу и значение в тех своих частях, которые не противоречат и не нарушают правил, установленных настоящим ордонансом.

168. Запрещаем всем хранителям государственных печатей наших канцелярий и высших судов выдавать какие бы то ни было акты о прощении или о помиловании иначе как на основании закона, а именно: убийцам, вынужденным совершить убийство ради своего личного спасения и обороны, а также в других статьях, когда закон гласит о том, что преступники имеют право или должны ходатайствовать о помиловании перед своим монархом и государём...

170. Запрещаем указанным хранителям государственных печатей выдавать какие бы то ни было грамоты об изъятии из местного суда или о сохранении подсудности дел нашим высшим судам для рассмотрения в первой инстанции, а равным образом об изъятии их из их обычной подсудности, о передаче и поручении их другим (судам), как этим в высокой степени злоупотребляли в прежние времена...

4. «ЧЕРНЫЙ КОДЕКС» 1685 года

НАЧАЛА XVI века французы стали проникать в некоторые районы Америки. Франция превратилась в одну из главных колониальных держав, эксплуатирующую свои колонии с помощью акционерных компаний. Французские короли рассматривали колонии как свои личные владения, которыми они вправе распоряжаться по своему усмотрению. Уильям З. Фостер пишет по этому поводу: «Французский губернатор по традиции назначался из числа виднейших представителей местной знати... Кольбер и его колониальные чиновники представляли себе удел новых колонистов очень просто. Им надлежало участвовать в образовании колониального общества, возможно более похожего на общество сельской (феодальной) Франции»[1].

Будучи феодальным государством, Франция перенесла в колонии многие феодальные институты, в частности систему сеньорий, для которой характерны неотчуждаемость земель, право первородства и т. д.

Очень скоро во французских заморских владениях возникло рабовладельческое плантационное хозяйство, основанное на эксплуатации африканских негров. К 1791 году в Гаити, бывшем к тому времени французской колонией, из 536 тысяч жителей не менее 480 тысяч были чернокожими рабами,а белое население составляло всего 35 тысяч человек[2]. Самой важной и доходной культурой был сахар, пользовавшийся огромным спросом в Европе.

Условия труда негров были невыносимыми. Повсюду в колониях негров-рабов считали скотом и обращались с ними соответственно. Продолжительность жизни рабов на плантациях Вест-Индии не превышала 6—7 лет. Беспощадный террор и угнетение приводили к тому, что рабы нередко убегали от своих хозяев. Рабов, бежавших с план-

---

[1] Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки, М., 1953, стр. 73—74.

[2] Там же, стр. 105.

таций и поселявшихся в лесах и болотах, называли маронами. Нечего и говорить, что беглых рабов беспощадно преследовали. Рабы поднимались и на восстания, впрочем, безуспешные.

Оплотом эксплуатации негров во французских колониях была католическая церковь, пользовавшаяся всяческой поддержкой французских королей. В колониях, как и в метрополии, католическая церковь признавалась официальной государственной церковью. Она выступала во французских заморских владениях как крупный земельный собственник. Пользуясь огромным влиянием, католическая церковь была, по сути дела, самостоятельной силой во французских колониях. С одной стороны, она санкционировала бесчеловечную эксплуатацию и угнетение рабов-негров, а с другой — парализовала их волю к борьбе, их сопротивление, обращая негров в христианскую веру. И хотя при Людовике XIII официально провозглашалось, что «дикие народы», обращенные в христианство, будут считаться натурализованными французами и получат свободу, однако плантаторы вовсе не склонны были разделять эту точку зрения. Был ли негр христианином или не христианином, он оставался в рабстве до самой смерти. Единственная привилегия раба-христианина состояла в том, что его хоронили на христианском кладбище.

Правовое положение рабов, точнее полное их бесправие, закреплялось в специальных кодексах, существовавших во всех крупных рабовладельческих районах Северной Америки. Одним из таких кодексов был Ордонанс от марта 1685 года, подготовленный при Кольбере и опубликованный уже после его смерти. Этот ордонанс, получивший название «Черного кодекса», санкционировал безжалостную эксплуатацию негров, рассматривая их не как людей, а как вещи. Можно легко представить себе, как обращались с рабами-неграми в английских колониях, если обычно считают, что французский кодекс был более благоприятным для рабов, чем кодексы английских колоний!

Какова же была практика применения «Черного кодекса»? Колониальные собрания, выражавшие волю плантаторов-рабовладельцев, упорно придерживались того принципа, что вообще законы вовсе не должны вмешиваться в отношения между господами и рабами. Поэтому применялись неукоснительно лишь те нормы кодекса, которые предусматривали суровые наказания для рабов. Все другие нормы, которые хоть в какой-то мере ограничивали

власть рабовладельцев или возлагали на них какие-то обязанности, оставались мертвой буквой.

В порядке дополнения и развития положений, содержащихся в «Черном кодексе», по прошествии двух десятилетий были изданы новые акты, а именно: эдикт от октября 1716 года и декларация от 15 декабря 1721 г. Эти постановления еще более усилили и без того суровые наказания для негров. В дальнейшем были опубликованы еще две декларации: от 15 июня 1736 г. и от 1 февраля 1743 г. Первая из них запрещала освобождать рабов без письменного разрешения генерал-губернатора и интенданта колоний. Вторая карала смертной казнью беглых рабов, захваченных с оружием в руках, а также виновных в похищении пироги или лодки в целях побега.

В январе 1767 года правительство Людовика XV издало еще один акт такого рода, отличающийся своей циничной откровенностью. В нем говорится буквально следующее: «Весьма важно для сохранения общественного порядка не ослаблять состояния приниженности, присущего черной расе, в какой бы степени это ни выражалось... Его величество пожелал поддерживать предрассудок, который должен устранить навсегда людей с цветной кожей и их потомков от всех преимуществ, присущих белым». 3 декабря 1784 г., то есть незадолго до великой французской революции, последовал эдикт Людовика XVI, якобы смягчавший участь рабов. Он ограничивал 50-ю ударами кнута любое наказание, к которому мог быть присужден раб.

Вполне понятно, что свирепость «Черного кодекса» и дополняющих его актов правительства метрополии усугублялась колониальным деспотизмом, полным произволом и безнаказанностью рабовладельцев. 4 февраля 1794 г. Конвент, руководимый вождями левого крыла буржуазии — якобинцами, декретировал полную отмену рабства на Гаити и других французских островах. Однако после того, как во Франции установилась диктатура Наполеона, последний в интересах плантаторов восстановил рабство в колониях на островах Мартиника и Гваделупа. И хотя работорговля во Франции была запрещена в 1815 году, но рабство было полностью отменено лишь во время февральской революции 1848 года.

В «Черном кодексе» насчитывается 60 статей. Некоторые из них, как увидит читатель, посвящены не только положению рабов, но также другим вопросам, как-то: из-

гнанию евреев из французских владений в Америке, соблюдению воскресного дня и праздников, общим формальностям брака и пр. Поскольку кодекс служил основой для законодательства о французских колониях даже в буржуазную эпоху, полезно дать перевод большинства его постановлений. Перевод дается по тексту, помещенному в собрании Изамбера (т. XIX, стр. 494—504).

[Извлечения]

ЧЕРНЫЙ КОДЕКС, ДО ПОЛИЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ ОСТРОВОВ В АМЕРИКЕ ОТНОСЯЩИЙСЯ

(*Версаль, март 1685 г.*)

Людовик и т. д. Так как мы обязаны иметь одинаковую заботу обо всех народах, которых божественное провидение поставило под нашу власть, мы предписали рассмотреть в нашем присутствии докладные записки, присланные нам должностными лицами наших островных владений в Америке. Из сих докладов явствует, что имеется нужда в том, чтобы нашей властью и нашим правосудием поддержать там дисциплину в католической апостольской и римской церкви и чтобы установить там правила касательно положения рабов. Мы желаем также объяснить жителям упомянутых выше владений наших, что хотя они обитают в краях бесконечно отдаленных от нашего обычного местопребывания, мы для них всегда присутствуем, и не только широтой нашей власти, но и быстротой оказания им помощи.

По этим причинам, и т. д., желаем, соизволяем и постановляем о нижеследующем:

[1] В собрании Изамбера этот акт озаглавлен «Code noir, touchant la police des Iles de l'Amerique». В широком смысле слово «police» означает управление.

Статья 1.

Желаем, чтобы эдикт достойного вечной памяти покойного короля, нашего высокочтимого сеньора и отца, данный 23-го апреля 1615 года, выполнялся бы на наших островах; объявляя об этом, повелеваем всем нашим офицерам изгнать из наших островов всех евреев, обосновавшихся там на жительство, которым как явным врагам Христова имени мы приказываем оттуда удалиться в течение трех месяцев, считая со дня опубликования настоящего эдикта, под страхом казни и конфискации имущества.

Статья 2.

Все рабы, которые будут на наших островах, должны быть крещены и воспитаны в религии католической, апостольской и римской. Повелеваем жителям, покупающим вновь прибывающих негров, сообщать об этом в недельный срок губернатору и интенданту вышеупомянутых островов, под страхом произвольного штрафа; каковые дадут необходимые приказы, чтобы их записать и окрестить в соответствующий срок.

Статья 3.

Запрещаем публичное выполнение обрядов иной религии, кроме религии католической, апостольской и римской; желаем, чтобы нарушители наказывались как бунтовщики и ослушники наших приказов. Запрещаем всякие собрания для этой цели, каковые мы объявляем сборищами беспутных людей, незаконными и мятежными, подлежащими той же каре, каковая назначена хозяевам, их разрешившим, или проявляющим терпимость к поведению своих рабов.

Статья 4.

Не могут назначаться на должности начальников, надзирающих за неграми, лица, не исповедующие религию католическую, апостольскую и римскую, под страхом конфискации вышеупомянутых негров у допустивших это хозяев и произвольного наказания лиц, принявших таковое назначение.

Статья 5.

Запрещаем нашим подданным, исповедующим так называемую реформированную религию, причинять какие-либо затруднения или препятствия другим нашим подданным или даже их рабам в свободном исповедании религии католической, апостольской и римской под страхом сурового наказания.

Статья 6.

Повелеваем всем нашим подданным, какого звания или положения они бы ни были, соблюдать воскресные и праздничные дни, соблюдаемые нашими подданными католического, апостольского и римского вероисповедания. Запрещаем им как самим работать, так и заставлять работать своих рабов в указанные дни, с полуночи до полуночи, на земледельческих работах, в сахароварнях или на других работах, под страхом штрафа и произвольного наказания хозяев, а также конфискации как сахара, так и рабов, которые будут захвачены нашими офицерами во время работы.

Статья 7.

Также запрещаем им продавать негров и другие товары в указанные дни, под страхом конфискации товаров, оказавшихся на рынке, и произвольного штрафа, налагаемого на торговцев.

Статья 8.

Объявляем наших подданных, не исповедующих религию католическую, апостольскую и римскую, неспособными в дальнейшем заключать законные браки. Объявляем незаконными детей, родившихся от подобных сожительств, которые мы желаем считать, считаем и объявляем подлинным конкубинатом.

Статья 9.

Свободные люди, которые будут иметь одного или нескольких детей от сожительства с рабами, вместе с хозяевами, которые это допустили, подвергаются каждый штрафу

в 2000 фунтов сахару; и если они являются хозяевами рабыни, от которой имели детей, то мы желаем, чтобы в наказание у них отнимались рабыня и дети и направлялись бы в дом для негров[1], без права получить когда-либо свободу.

Но мы желаем, чтобы настоящая статья не применялась, если свободный мужчина, не состоящий в браке с другой женщиной во время сожительства со своей рабыней, вступит в брак с вышеназванной рабыней в формах, предписанных церковью. Такая рабыня через это станет свободной, а дети станут свободными и законными.

Статья 10.

Обряды, предписанные Ордонансом Блуа и декларацией от ноября 1639 года для совершения браков, должны исполняться как для людей свободных, так и для рабов, за исключением того, что согласие родителей рабов не является обязательным, а обязательно только согласие хозяев.

Статья 11.

Строжайше запрещаем священникам совершать браки рабов, если они не представят согласия своих хозяев; запрещаем также хозяевам оказывать какое-либо принуждение в отношении своих рабов, чтобы заставлять их вступать в брак против воли.

Статья 12.

Дети, рожденные от браков между рабами, становятся рабами и будут принадлежать хозяевам жен-рабынь, а не хозяевам их мужей, если муж и жена имеют разных хозяев.

Статья 13.

Желаем, чтобы, если мужчина-раб женится на свободной женщине, дети как мужского, так и женского пола принадлежали бы к сословию своей матери, и были бы

[1] Так мы переводим на русский язык слово «l'hôpital» (прим. пер.).

свободны, как она, независимо от рабского состояния их отца; и чтобы, если отец свободен, а мать является рабыней, дети становились рабами.

Статья 14.

Хозяева должны хоронить на освященной земле и на отведенных для этой цели кладбищах своих рабов, принявших крещение; что касается тех, которые умрут, не получив крещения, то их будут хоронить ночью на каком-либо поле вблизи места их кончины.

Статья 15.

Запрещаем рабам носить какое-либо наступательное оружие или большие палки, под страхом наказания кнутом и конфискации оружия в пользу лица, его обнаружившего, за исключением только тех, которые посланы своими хозяевами на охоту и которые имеют записки или известные метки.

Статья 16.

Равным образом запрещаем рабам, принадлежащим разным хозяевам, скапливаться, днем или ночью, под предлогом свадьбы или другим предлогом, будь то у одного из их хозяев, или в другом месте, а тем более на больших дорогах или в удаленных местах, под страхом телесного наказания, которое не может быть менее кнута или клеймения; а в случае повторения или при других отягчающих обстоятельствах виновные могут быть подвергнуты смертной казни, что мы оставляем на усмотрение судей.

Приказываем всем нашим подданным преследовать таковых нарушителей, задерживать их и препровождать в тюрьму, хотя бы они и не являлись должностными лицами и не имели бы никакого формального предписания.

Статья 17.

Хозяева, которые будут уличены в том, что разрешили или терпели подобные собрания иных рабов, кроме им принадлежащих, приговариваются сами возместить все убытки, причиненные названными сборищами соседям, а также к уплате штрафа в 10 ливров в первый раз и в двойном размере в случае повторения.

Статья 18.

Запрещаем рабам продавать сахарный тростник для какой бы то ни было надобности, даже и с разрешения их хозяев, под страхом наказания кнутом рабов, 10 турских ливров штрафа, налагаемого на хозяина, давшего разрешение, и такого же штрафа, налагаемого на покупателя.

Статья 19.

Им же запрещаем выносить на рынок или доставлять в частные дома для продажи какую-либо провизию, даже фрукты, овощи, травы для кормления скота, а также и свои изделия, без особого разрешения хозяев в виде записки или известной метки; под страхом конфискации предметов, таким образом продаваемых, без компенсации их стоимости хозяевам, и 6-ти турских ливров штрафа, налагаемого в пользу хозяев на покупателей.

Статья 20.

Желаем, чтобы для этой цели нашими офицерами назначались бы по 2 человека на каждый рынок, для проверки провизии и товаров, приносимых рабами, равно как и имеющихся при них записок или меток, выданных их хозяевами.

Статья 21.

Разрешаем всем нашим подданным, проживающим на островах, отбирать вещи, обнаруженные ими при виновных рабах, не имеющих при себе выданных хозяевами записок или известных меток, для немедленного возвращения указанных вещей хозяевам, если их жительство недалеко от места задержания рабов; в противном случае они должны быть немедленно направлены в дом для негров и там находиться до уведомления об этом хозяев.

Статья 22.

Хозяева обязаны каждую неделю выдавать своим рабам, от десятилетнего возраста и старше, для их пропитания по два с половиной горшка (по парижской мерке) муки из маниока или трех лепешек, весящих каждая не менее 2

с половиной фунтов, или что-нибудь равноценное, и по 2 фунта солонины, или по 3 фунта рыбы, или что-нибудь соответственное этому; детям же, начиная от момента отнятия от груди и до 10 лет, выдавать половину указанного выше количества пищи.

Статья 23.

Запрещаем им выдавать рабам водку из тростника или из сахара взамен продуктов, указанных в предыдущей статье.

Статья 24.

Запрещаем им также прекращать выдачу питания и содержания своим рабам при разрешении им работать в известные дни недели для собственных нужд.

Статья 25.

Хозяева обязаны выдавать ежегодно каждому рабу по две полотняных одежды или по 4 аршина полотна, по выбору хозяев.

Статья 26.

Рабы, которых их хозяева не будут кормить, одевать и содержать в соответствии с тем, как мы это здесь предписали, могут заявить об этом прокурору и вручить ему в руки свои жалобы, на основании которых или даже своею властью, согласно полученным иначе сведениям, хозяева будут преследоваться по его требованию и без оплаты издержек. Мы желаем, чтобы это соблюдалось в случае преступлений или жестокого бесчеловечного обращения хозяев в отношении своих рабов.

Статья 27.

Рабы, неспособные трудиться по старости, по болезни или по другой причине, будь-то болезнь излечимая или нет, должны получать питание и содержание от своих хозяев, если же они их оставят, то такие рабы должны помещаться в дом для негров, а хозяева их обязываются платить по 6 су в день на питание и содержание каждого раба.

Статья 28.

Объявляем, что рабы не могут обладать чем бы то ни было, что не принадлежало бы их хозяевым; и все, что они получают от своей работы или в качестве дара от других лиц или каким-либо другим способом — переходит в полную собственность хозяев; и ни дети рабов, ни их отцы и матери или все прочие родственники не могут ни на что претендовать по наследству или по распоряжению между живыми или на случай смерти; каковые распоряжения мы объявляем недействительными, равно как и все обещания или обязательства рабов, как совершенные людьми, не способными распоряжаться и заключать договоры от своего имени.

Статья 30.

Рабы не могут назначаться на службу. Им не могут даваться поручения, связанные с какими-либо общественными обязанностями, они не могут ни являться уполномоченными кого-либо, кроме их хозяев, для управления и руководства каким-либо делом, ни выступать посредниками, экспертами или свидетелями как по делам гражданским, так и уголовным; а в случае, если они будут выслушаны в качестве свидетелей, их показания могут рассматриваться только как данные, могущие помочь разобраться в деле, без того, чтобы из них можно было вывести презумпции, решения или доказательства.

Статья 31.

Рабы не могут также являться стороной — ни выступать по гражданским делам как в качестве истцов, так и ответчиков, ни выступать в качестве гражданского ответчика в делах уголовных; их хозяева, однако, должны действовать и отвечать по гражданским делам и преследовать в уголовном порядке за оскорбление и эксцессы, которые были совершены против их рабов.

Статья 32.

Рабы могут быть преследуемы в уголовном порядке без того, чтобы привлекались бы к делу их хозяева, кроме случаев соучастия; и рабы будут судимы в судах первой

инстанции и апеллировать к высшему суду по тем же правилам и с теми же формальностями, как и свободные.

Статья 33.

Раб, ударивший своего хозяина или жену своего хозяина, хозяйку или мужа своей хозяйки или их детей, так что будет ушиб или пролитие крови, будет наказан смертью.

Статья 34.

Что же касается эксцессов и насилий, чинимых рабами против свободных людей, то мы желаем, чтобы они были строго наказаны, даже смертью, если это потребуется.

Статья 35.

Квалифицированные кражи, в том числе кража коней, кобыл, мулов, быков или коров, совершенные рабами или вольноотпущенниками, будут наказаны карами против личности, даже смертью, если обстоятельства того потребуют.

Статья 36.

Кражи баранов, коз, свиней, домашней птицы, сахарного тростника, гороха, маиса, маниока и других овощей, совершенные рабами, будут наказаны сообразно с размером похищенного судьями, которые могут, если это требуется, приговорить рабов к избиению розгами через исполнителя высшего суда и к клеймению.

Статья 37.

Хозяева должны в случае хищений или другого ущерба, причиненного их рабами, помимо телесного наказания своих рабов, возместить убытки, если они не предпочтут отдать рабов тому, кому вред был причинен, что они должны решить в течение трех дней, считая со дня осуждения; в противном случае они их лишатся...

Статья 38.

Беглый раб, который будет находиться в бегах в течение месяца, считая с того дня, когда хозяин об этом заявит правосудию, лишается обоих ушей и ему наклады-

вают клеймо на одно плечо. В случае повторного побега той же продолжительности, считая со дня объявления хозяина, у раба будут подрезаны сухожилия и наложено клеймо на второе плечо. При третьем побеге он будет наказан смертью.

Статья 39.

Вольноотпущенники, которые дадут в своем доме приют беглым рабам, будут приговорены к штрафу в пользу хозяев в размере 3000 фунтов сахару с головы за каждый день укрывательства, а другие свободные люди, которые дадут им подобное убежище, подлежат штрафу в 10 турских ливров за каждый день укрывательства.

Статья 40.

Раб, приговоренный к смерти по донесению своего хозяина, не являющегося соучастником преступления, за которое раб был приговорен, будет оценен до приведения в исполнение приговора двумя почетными жителями острова, которые будут назначены официально судьей, и стоимость оценки будет выплачена хозяину. Для удовлетворения чего интендантом будет разложена сумма, назначенная оценкой, на каждую голову негра, подлежащего обложению. Эта сумма будет собираться управляющим королевским доменом во избежание расходов.

Статья 41.

Запрещаем судьям, нашим прокурорам и писарям взимать какую-либо плату в уголовных процессах против рабов, что будет наказуемо, как лихоимство.

Статья 42.

Хозяева могут лишь, когда они считают, что их рабы этого заслуживают, приказать заковать их в цепи и наказать розгами или веревкой; запрещается подвергать их пытке либо причинять какое-либо членовредительство под страхом конфискации рабов и чрезвычайных мер против хозяев.

Статья 43.

Приказываем нашим должностным лицам преследовать в уголовном порядке хозяев или управляющих, убивших раба, находящегося под их властью или управлением, и наказывать таковое убийство в соответствии с жестокостью его совершения; в случае оправдания разрешаем нашим должностным лицам отпускать оправданных, как хозяина, так и управителя, для чего не требуется наших грамот о помиловании.

Статья 44.

Объявляем, что рабы являются движимым имуществом, и как таковое входят в общее владение супругов и не могут быть переданы в силу ипотеки и что они делятся поровну между сонаследниками без выделения преимущественной доли и права первородства и не могут входить во вдовью долю по кутюмному (обычному) праву...

Статья 45.

Мы не желаем, однако, лишать наших подданных права считать их личной собственностью, принадлежащей им и членам их семьи, так же, как это имеет место по отношению к денежным суммам и другому движимому имуществу.

Статья 46.

Для наложения ареста на рабов, как на движимое имущество, должны соблюдаться формальности, установленные нашими ордонансами и кутюмами по вопросу о наложении ареста на движимое имущество. Мы желаем, чтобы деньги, полученные таким образом, были распределены согласно порядку о наложении ареста, а в случае банкротства — по одному су с каждого турского ливра, после того, как будут заплачены привилегированные долги, и вообще после того, как будут устроены рабы подобно всякому движимому имуществу, кроме следующих исключений.

Статья 47.

Не могут подвергаться наложению ареста и быть проданы раздельно муж и жена и их малолетние дети, если они находятся под властью одного хозяина. Объявляем

недействительными наложение ареста и продажи, которые будут так сделаны; мы хотим, чтобы имело место добровольное отчуждение — под страхом лишения того или тех, которых они сохраняют и которые будут присуждены приобретателю без дополнительной оплаты.

Статья 54.

Приказываем хранителям благородным и буржуа, узуфруктариям, сдающим в аренду, и другим пользующимся земельными имениями, за которыми закреплены работающие рабы, управлять указанными рабами, как добрые отцы семейства, с тем, чтобы они не должны были после окончания своего управления возвращать стоимость тех, которые скончаются либо упадут в цене вследствие болезни и старости либо других причин без их вины. И чтобы они не могли также удержать в свою пользу детей, рожденных от упомянутых рабов в течение их управления, каковых мы приказываем сохранить и возвратить тем, кто является их собственниками.

Статья 55.

Хозяева в возрасте 20 лет могут освобождать своих рабов посредством всех актов между живыми или на случай смерти, не давая отчета о причине освобождения и не нуждаясь в мнении родителей, несмотря на то, что они не достигли полного совершеннолетия (25 лет).

Статья 56.

Рабы, которые будут своими хозяевами сделаны общими легатариями, либо назначены душеприказчиками, либо опекунами их детей, будут признаваться и рассматриваться, по нашему распоряжению, вольноотпущенниками.

Статья 57.

Объявляем, что рабы, отпущенные на волю на наших островах, будут считаться уроженцами наших островов и что нашим освобожденным рабам не требуется нашей грамоты о натурализации для того, чтобы пользоваться пре-

имуществами прирожденных подданных нашего королевства, земель и стран, нам подвластных, хотя эти рабы и рождены в чужих странах.

Статья 58.

Призываем вольноотпущенников проявлять особое почтение к своим прежним хозяевам, их вдовам и детям; оскорбление, нанесенное им, будет наказано на много строже, чем если бы оно было нанесено какому-либо другому лицу. Объявляем их, однако, свободными и освобожденными по отношению к бывшим хозяевам от всех других обязанностей, служб и платежей, на которые те пожелали претендовать в качестве патронов как на их личность, так и на их имущество и наследственную массу.

Статья 59.

Даруем вольноотпущенникам те же самые права, привилегии и иммунитеты, которыми пользуются лица, рожденные свободными; желаем, чтобы они заслужили полученную свободу, и чтобы она принесла им те же самые личные и имущественные блага, какие приносит счастье свободы от рождения остальным нашим подданным.

Статья 60.

Объявляем настоящим ордонансом, что все конфискации и штрафы не будут предназначаться для частных лиц, а будут принадлежать нам и тем, которые поставлены для сбора наших податей и налогов; желаем, однако, чтобы третья часть упомянутых конфискаций и штрафов выделялась в пользу дома для рабов, построенного на острове, где они будут удержаны.

АЛБАНИЯ

1. Законник Лека Дукагьини

1. ЗАКОННИК ЛЕКА ДУКАГЬИНИ

СНОВНЫМ источником по изучению права Северной Албании является публикация материалов, собранных католическим священником К. Ст. Гьечовым в конце XIX — начале XX века в селах Северной Албании и напечатанных в книге «Канун Лека Дукагьини, собранный и обработанный братом К. Ст. Гьечовым», Шкодер, 1933 (на албанском языке). В приложении к книге помещены записи различных постановлений, составленных на основании традиционных законов, а также конкретные примеры, подтверждающие те или иные параграфы Кануна.

«Канун» — по-албански значит «закон», смысл этого слова близок к известному на Кавказе термину «адат». Это комплекс неписаных законов, норм, обычаев, порядков, регулировавших семейную и общественную жизнь. В Албании известно несколько таких комплексов, записи которых не были сделаны или во всяком случае не сохранились.

Наиболее известным из них и единственным, который до сих пор живет среди народа, является Канун Лека Дукагьини. Он распространен на довольно обширной территории к северу от реки Мати и среднего течения реки Черного Дрина. В прошлом эта зона была обширнее и охватывала горные районы Тираны, Эльбасана, Лябрию и некоторые другие области. С течением времени территория действия Кануна сокращалась.

По народной традиции название этого законника связывается с именем некоего Лека, который якобы дал народу законы. Ученые Албании и других стран выдвигают разные гипотезы по поводу личности Лека. Большинство останавливается на Леке Дукагьини, политическом деятеле эпохи Скандербега (XV в.). Ему приписывают кодификацию бытовавших в народе норм. Сделанные Гьечовым записи обычаев содержат не только различные юридические нормы, но и сведения о хозяйственной

деятельности, семейной жизни и быте населения. По времени возникновения и сфере действия отдельные нормы, институты, обычаи весьма разнообразны. В большинстве своем они отражают нормы обычного права, возникшие еще в недрах первобытно-общинного строя и продолжавшие существовать в Северной Албании дольше, чем в других районах страны. Этому способствовали очень низкая степень экономического развития, оторванность высокогорных районов от торговых и культурных центров, частичная независимость в области самоуправления от турецкой администрации (Албания принадлежала Турецкой империи с конца XV века до 1912 года). Одновременно в Кануне нашли отражение и некоторые черты феодальной формации.

Первая часть Кануна включает четыре большие группы: личное право, право наследования, вещное право, обязательственное право. Вторая часть посвящена административному и уголовному праву, а также гражданскому и уголовному процессу. Она в свою очередь делится на четыре группы: родовая организация и привилегированное положение семьи Гьомарков, ведущей происхождение от Лека; разные виды преступлений и наказаний (уголовный кодекс); способы гражданского и уголовного разбирательства (или процессуальный гражданский и уголовный кодекс); привилегированное положение церкви, обладающей правом иммунитета.

Канун предусматривает три основных вида наказания:

1. Штраф, который идет в пользу пострадавшего, общества (родовой группы — фиса или военно-территориальной единицы — байрака) и военно-политического главаря — Гьомарка;

2. Смертная казнь с конфискацией имущества в пользу общества и Гьомарка;

3. «Лечи́я» — разрыв общественных отношений с преступником и его изгнание.

Интересна процедура судопроизводства: для разбора тяжбы избираются старейшины, которые должны представить вещественный залог; для подтверждения обвинения выставляется осведомитель; обвиняемый должен отвести предъявляемые ему обвинения клятвой (присягой), которую подкрепляет еще группа соприсяжников; соприсяжники из своей среды выбирают следователей — притетаров, разбирающих детали тяжбы

И в уголовном, и в гражданском процессе, и во многих других институтах, обычаях и порядках, описанных в книге «Канун Лека Дукагьини», переплелись явления, различные по времени возникновения.

Наиболее древние из них восходят к периоду патриархально-родового строя: родственный коллектив как основная общественная единица, обычай гостеприимства, кровной мести, беса (устный договор, обеспечивающий личную неприкосновенность), захват скота (форма принудительного выполнения обязательств). Все эти порядки продолжали существовать в классовом обществе, в котором сохранялись еще сильные элементы патриархально-родовых отношений. Однако ко времени записи Кануна система родственных связей оказалась обременительной.

Особенно заметными стали те изменения, которые произошли в институте кровной мести. Ко времени записи Кануна уже прочно установился порядок композиции, так называемой «цены крови». Таким образом, обычай кровной мести в правовых нормах Северной Албании оказался наделен чертами, характерными для общества, где существуют торговый обмен и денежные отношения, когда кровомщение сменяется выкупом, за которым следует примирение враждующих сторон. Причем, социальное расслоение еще не отразилось на размере выкупа: за убийство любого человека устанавливалась постоянная сумма.

Напластования веков отчетливо видны в тех частях Кануна, которые касаются внутреннего самоуправления. Здесь есть следы управления патриархальной родовой общиной: ее возглавлял глава старшей в роде семьи; главы других семей или родовых подразделений составляли совет рода; наиболее важные вопросы решались на общем сходе всех взрослых мужчин. Но демократический характер этой системы был уже нарушен, наметилось формирование родовой аристократии — наиболее зажиточной и влиятельной верхушки. С нею солидаризировались байрактары — военачальники байраков, обладавшие также судебной и административной властью. Теперь главенство от старших по возрасту перешло к определенной группе, внутри которой по наследству от отца к сыну переходили командные должности.

В области Мирдита власть родовых старейшин сменилась властью дома Гьомарков — военно-политических

главарей, связанных с турецким правительством. Власть Гьомарков основывалась на народной легенде, согласно которой они принадлежали к дому Люли Дукагьини из рода Лека. Уходящая корнями в родовые традиции, власть Гьомарка уже ломала эти традиции, выделяя эту семью из среды сородичей-общинников, подчиняя их себе экономически и политически. Это объясняет крайнюю противоречивость характеристики Гьомарка в Кануне. С одной стороны, он все еще считается будто бы равноправным членом общины: в случае его вины он «отвечает по кануну», но на практике этот дом не досягаем для суда Кануна. Более того, дом Гьомарка, являясь высшей судебной инстанцией, сам диктует свою волю суду старейшин.

Хотя еще существовал наиболее древний вид расплаты по имущественным обязательствам — «вещь за вещь», но к началу XX века деньги уже прочно вошли в хозяйственную деятельность крестьян. Товарно-денежные отношения, развитие ростовщического капитала приводили к обогащению родовой аристократии и углубляли социальный раскол общества.

Знаменательны в этом отношении те разделы Кануна, где говорится об издольной аренде земли и найме батраков.

Таким образом, «Канун Лека Дукагьини» — это свод устных правовых норм Северной Албании в том виде, в каком они существовали в момент записи, со всеми их противоречиями и напластованиями феодальных отношений и феодального права поверх обычного права патриархальной общины, со всеми их приспособлениями ко времени и обстановке.

Приводимый ниже перевод извлечений из «Кануна Лека Дукагьини» сделан с издания «Kanuni i Lekë Dukagjinit përmbledhë e kodifikue prej A. Shtjefen Konst. Gjecov». Shkoder, 1933.

[Извлечения]

КНИГА ПЕРВАЯ

ЦЕРКОВЬ

ГРАЖДАНСКАЯ ЧАСТЬ

Глава первая

Тень церкви. Кладбище. Имущество церкви. Священник. Служитель. Работник церкви.

Статья I.

Тень церкви

§ 1. Понятие тени церкви.

Подразумевается округа, ограниченная площадь земли, на которой находятся:

а) церковь;

б) дом священника.

§ 2. Права церкви.

«Церковь составляет дым в фамулии (в приходе)».

1. Церковь имеет право владеть имуществом,— скотом и землею, домами — внутри и вне фамулии.

2. Церковь имеет часть в использовании пастбища, леса, мельницы и воды, которые принадлежат куйрии этой фамулии.

3. Церкви должны выделяться часть штрафа фамулии.

4. Церковь имеет право купить и продать или получать и держать имущество, которое к ней переходит от владельцев-дарителей, и использовать его по своему усмотрению.

§ 3. Неприкосновенность церкви.

«Церковь не подлежит штрафу». «Церковь не дает залог».

1. Церковь подчиняется главе религиозному, а не Кануну. поэтому Канун не может наложить никаких обязательств на церковь, но обязан защищать ее, когда она требует защиты.

2. Если возникает конфликт между церковью и фамулией, эта фамулия не может предъявить церкви требований по суду, только может жаловаться религиозному

главе — епископу. Его суду обе стороны обязаны подчиниться беспрекословно.

3. За ущерб, нанесенный фамулии церковью, эту последнюю нельзя оштрафовать, только заставляют ее уплатить ущерб, который она причинила.

4. Церковь не участвует в платежах, не поставляет воинов, не дает хлеба дружине («юноши байрака»), не принимает участия в общественных работах фамулии. Только если работа организуется для куйрии, в которой церковь имеет долю, она вносит деньги на наем рабочих, дает хлеб для их питания или посылает своего работника в соответствии с порядком, установленным фамулией для каждого дыма.

§ 4. Честь церкви.

«Церковь не имеет сабель и веревок» (то есть не судит и не наказывает). «Кто обижает церковь, обижает фамулию». «Честь церкви защищает фамулия».

«Церковь, мельница, кузница, торговец не оказывают никому гостеприимства».

1. Тот, кто обижает церковь, подвергается штрафу в пользу:

а) церкви;

б) фамулии;

в) флямура (байрака).

Обидчиком церкви считается тот человек, который бранил кого-нибудь, или грозил ему, бил или убил, находясь под тенью церкви.

2. Штраф взимает только фамулия, т. к. «церковь не имеет сабель и веревок».

3. Если убийство или оскорбление произведено в момент, когда пострадавший входит или выходит под тень церкви, это не является оскорблением для церкви, т. к. оскорбленный не считается гостем церкви.

4. Но если кто-либо совершил убийство вне стен церкви, потом вошел в нее и отдал себя под ее опеку, то он — гость церкви. Если же этого подзащитного кто-нибудь оскорбит, фамулия обязана мстить за оскорбление.

Статья 3.

Имущество церкви

§ 6. Имущество церкви неприкосновенно.

1. Имущество церкви является неприкосновенным, никто не может его присвоить.

2. Имущество церкви находится под охраной священника и фамулии.

3. Того, кто присвоил имущество церкви, фамулия обязывает по Кануну отступиться.

4. Если кто-либо нанес ущерб имуществу церкви, фамулия устанавливает размер этого ущерба, который он должен возместить.

5. Тот, кто украл что-либо из имущества церкви, обязан по Кануну того места, где находится церковь, вернуть его, кроме того, за бесчестье церкви и за нарушение опеки фамулии он облагается еще штрафом в пользу церкви и фамулии, ибо церковь находится под попечительством фамулии.

6. Если вор признал свою вину вовремя, пока никто не узнал о бесчестии, которое он нанес церкви, и сознался священнику, возвращая украденный предмет, нет необходимости налагать штраф: священник имеет право помиловать его.

7. Если вор пришел к священнику после того, как тот сообщил о покраже фамулии, фамулия имеет право получить штраф как для себя, так и для церкви, несмотря на то, что священник мог помиловать и что он (вор) вернул украденную вещь.

§ 7. Управление церковным имуществом.

Церковным имуществом распоряжается священник, и фамулия не имеет права потребовать от него отчета об использовании доходов, полученных от этого имущества.

Статья 4.

Священник

§ 8. Назначение священника.

Священника в фамулию назначает епископ и только епископ имеет право сместить его.

§ 9. Права и обязанности священника.

1. Священник имеет право советовать и привлекать внимание фамулии, совершать церковные обряды так, как требует дело, и никто из фамулии не имеет права вмешиваться в его обязанности.

2. Священник в награду за обслуживание фамулии имеет право получить церковную десятину по Кануну того места, где находится церковь.

3. Фамулия не обязана приносить священнику десятину к двери, он должен сам явиться за ней или послать своего работника.

4. Священник собирает доходы церковного имущества как от земли, так и от скота, и никто не может требовать от него отчета, кроме вышестоящего должностного лица.

5. Священник обязан исполнять все церковные обряды, какие предписывает ему церковный закон, кроме того, некоторые экстренные, как, например, благословлять дома (семьи), служить мессу иногда на далеких от церкви кладбищах и прочее.

§ 10. Личность священника неприкосновенна.

«Священник находится под опекой фамулии».

«На священника не распространяется кровная месть».

«От священника не требуется клятвы».

1. Тот, кто бранит, бьет или убивает священника, отвечает перед фамулией по Кануну данной местности. Фамулия обязана восстановить честь своего священника.

2. Убийцу священника преследует байрак, фамулия и дом (семья) убитого.

3. Если убийца убит фамулией или байраком, дом священника не имеет права убить еще кого-либо из семьи убийцы, в противном случае он навлечет на себя кровную месть.

4. Если священник убил кого-либо, ни на него, ни на церковь не распространяется кровная месть. Кровная месть распространяется на дом (семью) священника.

5. Редко от священника требуется клятва, почти никогда, кроме исключительных случаев.

6. Если священник привлечен к клятве для очищения самого себя или кого-нибудь другого, его клятва равна клятвам 24 прочих людей.

7. Когда он произносит клятву, он не обязан трогать Евангелие, достаточно, чтобы он произнес слова перед ним.

8. Канун не предусматривает штраф со священника, проступок священника — дело вышестоящего должностного лица.

9. Если вина священника очень тяжелая перед фамулией, он обязан предстать перед судом Кануна. Вышестоящее лицо посылает другого священника для участия в суде как представителя церкви.

10. Священник может грозить или бить кого-либо, и тем не менее это не считается позором (для битого), а он сам перед Кануном не считается виновным.

УГОЛОВНАЯ ЧАСТЬ

Статья 7.

Природа наказания

§ 13. Понятие наказания.

Наказанием называется та кара, которую налагает законная власть на кого-либо за какой-нибудь проступок.

§ 14. Определение наказания.

Только байрактар с главами родов, иногда с кем-нибудь из церковного начальства, имеет право определить наказание за проступок, совершенный против церкви.

§ 15. Права наказывать.

Принимают решения о наказании этого виновного (обидевшего церковь) главы родов и вогьлия[1].

§ 16. Виды наказаний тому, кто совершил проступок против церкви.

Наказаниями, которые даются за проступки против церкви, являются:

а) смертная казнь;

б) исключение из байрака вместе с семьей;

в) сожжение дома;

г) оставление земли необработанной и порубка деревьев;

д) штраф скотом;

е) денежный штраф.

Примечание: По Кануну денежный штраф может быть оплачен в натуре по стоимости:

1 ок зерна	— 1	грош
1 ок водки	— 5	грошей
1 вол рабочий	— 400	грошей.

Статья 8.

Определение наказания по роду вины[2]

§ 17. 1. Если кто-нибудь ломает церковь, его дом сжигают и изгоняют его из байрака с семьей. Виновный расстреливается байраком, кровная месть при этом не

---

[1] Vogjlija — (букв. младшие, меньшие) — простолюдины, плебс.

[2] Эти наказания собраны по обычаю Мирдиты и 7 байраков Пука (примечание Стефана Гьечева).

возникает. Его братство или ближайшие родственники покупают землю, деньги идут в пользу пострадавшей церкви.

2. Тот, кто украл чужую вещь и скрывает ее в церкви без ведома священника, обязан уплатить церкви 1000 грошей штрафа за бесчестие и 100 баранов, 1 быка в пользу байрака. Кроме того, должен вернуть хозяину украденный предмет по Кануну.

3. Тот, кто украл скот, по Кануну данной местности оплачивает вдвое, как каждому.

4. Тот, кто украл в доме священника, должен возвращать два за один и уплачивает церкви 100 грошей за бесчестие и 100 баранов и 1 быка байраку.

5. Тот, кто выбранил или обидел священника на глазах у народа, штрафуется: 100 грошей церкви и 100 баранов и 1 быка байраку.

6. Тот, кто грозит священнику, уплачивает ему 10 баранов.

7. Тот, кто лжет священнику по какому-нибудь важному вопросу, затрагивающему честь, наказывается сожжением дома и платит штраф: 100 баранов и 1 быка байраку.

8. Тот, кто поднял руку на священника, бил, толкнул или плюнул, наказывается сожжением дома и выгоняется из пределов данной территории, его земля остается необработанной на несколько лет.

9. Тот, кто убивает священника, рассматривается байраком и теряет право кровной мести. Сжигается его дом, земля остается необработанной, виноградники, деревья, огород, сад вырубаются и разоряются. Его земля, имущество передается церкви, но братство может выплатить ее стоимость деньгами.

10. Если кто-либо обидел служителя церкви, уплачивает штраф 10 баранов байраку или больше в соответствии с размером его вины.

11. Тот, кто убивает служителя церкви, если он из этого же села, наказывается сожжением дома и штрафом в 100 баранов и 1 быка.

12. Если кто-либо обижает работника церкви, он штрафуется 10 баранами.

13. Тот, кто не подчиняется наказанию церкви и Кануну, наказывается: собирается весь байрак у его дома и забирают весь его скот со двора.

КНИГА ТРЕТЬЯ

БРАК

Глава восьмая

Наследство

Статья 36.

Права наследования

§ 88. Канун признает наследником сына, а не дочь.

§ 89. Незаконного сына наследником Канун не признает.

§ 90. Наследует внук по мужской линии (сын сына), а не сын дочери.

§ 91. Женщина не наследует ни от родителей, ни от мужа:

а) для того, чтобы ее дети (внучки по женской линии) не обосновывались у бездетного дяди;

б) для того, чтобы ее родители не обосновывались в доме бездетного зятя (после его смерти);

в) для того, чтобы не смешивался род одного флямура с родами другого флямура.

§ 92. Если в доме умирают все мужчины, на наследство не имеют права ни дочери, которые вышли из «этих дверей» (будь их хоть 100 чел.), ни их сыновья и дочери, т. к. «внук от дочери не может сравниться с дядей по отцу».

§ 93. Если остается круглый сирота без братьев и сестер, воспитать его обязаны двоюродные (и т. д.) братья, и сберечь при этом его имущество, землю и скот и не имеют права продать или обменять что-нибудь.

Глава девятая

Завещание

Статья 39.

Определение завещания

Примечание: Канун не признает завещания, если кто-либо хочет оставить завещание ради души, он должен обязательно получить одобрение кузенов (ближайших родственников).

§ 105. Определение оставляемого (завещаемого). Под тем, что оставляется или дарится, как говорят в нашем народе, «оставляемым для души», понимается то, что можно оставлять для церкви: поля и пастбища, огороды и виноградники, рощи, право на воду и т. п. имущество.

Для составления завещания надо иметь:

а) здравый ум;

б) быть свободным от долгов;

в) чтобы завещающий не был под угрозой;

г) чтобы имел право дать.

Статья 40.

Способ передачи

§ 106. Передачи бывают двух видов: с условием и без условия.

а) передачей с условием является такая передача, когда церкви ставится условие, например, чтобы за это имущество, которое он оставляет, служили 1 или 2 мессы в год за упокой души его или его предков;

б) без условия является то завещание, при котором имущество передается церкви без всяких условий, тогда оно считается подаренным;

в) оставляющий обязан созвать своих родственников и старейшин рода (pleqt e fisit) как свидетелей и они, как и завещающий, должны приложить свой палец к бумаге, как полагается по Кануну.

Статья 41.

Право человека без сыновей

§ 107. Каждый является хозяином своего имущества; тот, кто хочет оставить его церкви, свободен это сделать, и никто не может ему запретить.

§ 108. Отец, даже если не имеет сыновей, не может оставлять своей дочери ни земли, ни имущества, ни доли.

§ 109. Отец при жизни может дарить дочери деньги, утварь и т. д. После смерти отца она не может претендовать ни на что («ни на подарки, ни на слова отца»).

Статья 42.

Права родственников

§ 110. Родственники (kushrinija) дарителя (человека без сыновей) имеют право оплатить землю и имущество дарителя, а стоимость этого имущества передать церкви согласно желанию дарителя.

§ 111. Если у дарителя остались неоплаченные долги и неоплаченная месть, родственники уплачивают эти суммы из его имущества, а прочее передают церкви ради его души.

§ 112. Если даритель умер внезапно, родственники имеют право на его имущество.

§ 113. Если даритель умер, не оставив письменного распоряжения, родственники должны позаботиться о его душе. Если они не уделяют этому внимания, род (fis) и старейшины села (pleqt e katundit) при разделе его имущества выделяют часть для церкви.

§ 114. Если умерший имеет замужних дочерей, то его родственники, которые выкупили его имущество, обязаны принимать его дочерей, как полагается по Кануну.

§ 115. Если отец имел сыновей, он не имеет права оставлять завещание.

§ 116. Если отец умер внезапно, оставив малолетнего сына, родственники (kushrinija) должны заботиться о сыне и имуществе до 15 лет.

Статья 43.

Работник

§ 117. Хозяин приказывает, а работник слушает.

§ 118. Жалование выплачивается по договору между хозяином и работником.

§ 119. За провинность работника хозяин не имеет права удержать жалование в качестве штрафа.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ДОМ, СКОТ И ИМУЩЕСТВО

Глава десятая

Дом и его окружение

Статья 44.

§ 137. Канун говорит: тот, кто сломает кому-нибудь дом, за это и за честь платит штраф 500 грошей флямуру (flamurit), а за похищенные вещи два за один хозяину.

§ 138. Хлев имеет 500 грошей штрафу и два за один хозяину.

§ 139. За разрушенную пасеку — 500 грошей и два за один хозяину.

§ 140. Полка для хранения молочных продуктов — 500 грошей и два за один хозяину.

§ 141. Амбар для зерна — 500 грошей и два за один хозяину.

§ 142. Если кто-нибудь сломает чужой забор двора, или пашни, пастбища или сада, которые находятся перед домом, платит 500 грошей штрафу, а хозяину — ремонт.

Глава двенадцатая

Имущество

Статья 54.

Определение имущества

§ 213. То, что является домом, из которого выходит дым (т. е. обитаемый дом), то имеет свое собственное имущество.

§ 214. Хозяйство дома включает двор, сад, виноградник, поле, пастбища и загон, дорогу и тропинку, границы в горах и на летних пастбищах и в поле.

§ 215. Каждый дым имеет часть куйрии (kujri).

§ 216. Поле, сад, виноградник, пастбища, загон, роща, переселок разделяются границами.

§ 217. Kujrija — maei (гора), bjeshkë (высокогорные пастбища) являются общей собственностью (perbashkta), деревья и кустарники используются как для строительства жилища, так и в качестве материала для сельскохозяйственных орудий и для топлива.

§ 219. Если кто-либо строит загон и жилище на высокогорном пастбище, если хочет обрабатывать (вновь) землю — разбить сад или небольшое поле, то, что он обрабатывает, остается ему и никто не может помешать ему или прогнать его с этого места.

§ 220. Кусты и деревья, которые сажают на пастбищах, чтобы образовалась тень, где скот укрывается в зной, никто не может вырубить, т. к. они являются собственностью того, кто их первый посадил.

Статья 56.

Куйрия (общественная собственность)

«Куйрия идет за дымом».

§ 232. Куйрия (kujrija) — это место, которым сообща владеет село или флямур для пастбища, охоты, для заготовки строительного материала, дров и для других нужд.

§ 233. Куйрия никогда не разделяется. Но сколько домов и дымов (имеется) в селе — они имеют право участия в сельской куйрии, а сколько дымов (имеется) во флямуре — имеют право участия в куйрии флямура.

§ 234. Имущество куйрии никто не может продать без согласия остальных. Прибыль и убыток одинаковы для всех дымов села и флямура.

§ 235. Ни пашню, ни виноградник, ни сад никто не может возделать в куйрии без разрешения всего села или флямура.

§ 236. Если кто-либо посадил дерево в куйрии, он может пользоваться им как строительным материалом и даже срубить. Никто другой не имеет права рубить дерево.

§ 237. Деревья, как строительный материал, использует тот, кто их посадил, но фрукты употребляет тот, кто может, и первый не должен этому препятствовать.

КНИГА ПЯТАЯ

ТРУД

Статья 67.

Землепашец (Bulgu)

§ 293. Землепашцем (bulgu) — называется тот, кто нанимается обрабатывать (hinë me punue) землю какого-либо хозяина.

§ 294. Хозяин заботится о постройке хижины или башни для землепашца и его семьи.

§ 295. Волы используются по договоренности с хозяином.

§ 296. Если землепашец имеет своих волов, он обрабатывает землю, а в отношении оплаты зерном (hu — мера зерна 100 okë) по договоренности с хозяином земли.

§ 297. Если не имеет своих волов, землепашец не может заимствовать их у чужих, но только у хозяина (земли).

§ 298. Инвентарь лежит на обязанности землепашца.

§ 304. Все то, что он посеял на земле хозяина (каждое растение), будет разделено с хозяином согласно договоренности.

§ 305. Фрукты (инжир, орехи, гранаты, яблоки, груши и т. д.) землепашец трясет и собирает и разделяет пополам с хозяином.

§ 306. Землепашец имеет право обработать кусочек земли хозяина для своих нужд: для капусты, лука, чеснока и др. овощей.

§ 307. Табак сажает только для себя.

§ 308. Если же он сажает табак или картофель вне, выше упомянутого огородика, разделяет пополам с хозяином.

Глава пятнадцатая

Торговля

Статья 77.

Торговля землей

§ 464. Перед продажей земли и долей в оросительной системе или доли в мельнице надо прийти к дверям, (обратиться) к родственникам, братству или роду.

§ 465. «Сосед купит земли соседа, если не купят родственники, братство и род».

§ 466. Если не купили вышеупомянутые и сосед, хозяин свободен продавать любому в селе.

§ 467. Если не купит и село, тогда он свободен продавать всякому покупателю.

Примечание: Почти никогда не случается в нашей Мальсии, чтобы земля, или мельница, или очередь на оросительную канаву были проданы вне села. Если не заботятся родственники, род или сосед купить землю, мельницу, очередь на воду, село скупит и перекупит, (т. е. прилагает усилия) и не даст, чтобы посторонний купил и утащил из-под носа.

Статья 81.

„Вещь за вещь

§ 492. Старый Канун,— как и в последнее время во многих случаях,— не знал цены в деньгах и долги покрывались «вещь за вещь».

§ 493. Канун не делает так, чтобы люди затруднялись платить цену в деньгах:

а) ущербы;

б) штрафы;

в) кровь.

§ 494. Если чей-либо скот причиняет ущерб в поле, саду, винограднике или на пастбище, хозяин скота возмещает растениями за поврежденные растения.

§ 495. Если кто-либо оштрафован селом или флямуром, вносит штраф скотом — быком, коровой, овцой, но не деньгами.

§ 496. Если кто-либо убил другого, кровь возмещается и «вещь за вещь»: скотом, землей, оружием. Хотя в последнее время за кровь убийца платит деньгами и оружием.

§ 497. Штраф за убийство возмещается «вещь за вещь», так же как штраф за тяжелые преступления против села или флямура, за предательство, предательство друга-гостя и т. д.

§ 498. Самый низкий штраф — одна овца, а самый высокий не может превысить 100 овец.

КНИГА СЕДЬМАЯ

СКАЗАННОЕ СЛОВО

Статья 87.

Отрицание

§ 525. Отрицателем называется тот, кто не признает возводимого на него обвинения — в краже, убийстве и др.

§ 526. Обвинение в предполагаемой угрозе Канун не признает: отрицающему нельзя сесть на шею, чтобы он доказал свою непричастность к обвинениям.

§ 527. Отрицатель будет обвинен лишь тогда, когда он не хочет подчиниться разуму (суду).

§ 528. Обвиняющий пытается доказать вину отрицающего перед стариками (старейшинами) при помощи залога.

Статья 88.

Клятва

«Клятва — это конец каждого спора».

«Клятвы достаточно» (кроме клятвы больше ничего не надо).

«Клятва может примирить кровную месть».

«Потерянную вещь и кровную месть на хороший путь ставит клятва» (разрешает клятва).

«Или клятва или вещь».

§ 529. Клятва — это религиозный акт, во время которого человек, чтобы доказать свою невиновность, должен дотронуться рукой до какого-либо священного предмета и в это время произнести имя Бога.

§ 530. Этот акт Канун албанских гор признает как для доказательства невиновности, так и для подтверждения слова.

§ 531. Канун не признает устное слово; для достоверности клятвы надо, чтобы этот человек дотронулся рукой до какого-либо священного предмета.

§ 532. Албанская клятва имеет две цели:

а) призывает как верное доказательство Бога;

б) призывает все казни на всю его жизнь (которые последуют от Бога на том и на этом свете) и все временные штрафы, которые налагает на него Канун.

Статья 90.

Кто будет давать клятву

§ 538. «Сделаешь и потеряешь,— говорит Канун,— и не сделаешь и получишь».

§ 539. Клятву будет давать тот, который отрицает обвинение.

§ 540. «Отрицание имеет клятву». «Отрицающему предстоит клятва».

§ 541. Обвинителю не надо давать клятву. Ему не предстоит клятва, если бы он не видел своими глазами преступника в момент, когда тот украл или убил.

§ 542. Канун предпочитает не брать клятву у жалующегося (истца), а только у обвиняемого (ответчика), т. к. жалующийся (истец) может дать ложную клятву, чтобы добиться желаемого результата.

§ 543. Первому разрешается только смотреть на клятву, а второму совершать ее.

§ 544. Канун говорит: «Клятву не получает». «Получившему не полагается клятва».

§ 545. По принципу Кануна разрешается клятва с соприсяжниками, чтобы успокоить сердце хозяину утерянной вещи, чтобы обвиняемый чувствовал большую ответственность.

§ 546. Не разрешается клятва тому, кто хочет оправдать себя без соприсяжников, потому что «волк облизывает себя, но чужих он ест».

§ 547. Принцип Кануна: «себя надо оправдать посредством клятвы и ни перед кем больше не отвечаешь».

Статья 91.

Клятва берет свою вещь

§ 548. Бывают некоторые случаи, которые признают возможным, чтобы «получила клятва».

§ 549. Клятва получит, если потерянная вещь окажется в руках другого, но есть доказательства, что она принадлежит не ему, а тому, кто эту вещь потерял.

§ 550. Если найдена вещь с определенным знаком, и тот, у кого ее нашли, признает ее своей, Канун не считается с его заверениями и не разрешает ему клятву.

§ 551. Если он не отдает вещь хозяину, тот должен произнести клятву и вещь ему возвращается.

§ 552. Если кто-либо имеет претензии к умершему и родственники умершего отрицают справедливость этих претензий, Канун не признает отрицание за мертвыми.

§ 553. Также и в этом случае «клятва получит», т. е. тот, кто предъявляет претензии, должен произнести клятву.

§ 554. По поводу каждой жалобы, предъявляемой к мертвому, клятва должна произноситься на его могиле.

§ 555. В определенный день как истец, так и родственники умершего должны прибыть на могилу умершего, на которой ликвидируется долг или заем.

§ 556. Истец должен взять камни и землю с могилы, обойти вокруг нее три раза и при этом произносить определенные слова: «я... столько и столько заем и долг должен получить от этого умершего, и если я говорю неправду, пусть на меня обрушатся все камни и все то, на что наступала его нога, когда он был жив».

§ 557. После произнесения клятвы истец получает свой заем от родственников умершего.

Статья 92.

Клятва за семью

§ 558. Канун допускает также клятву за семью.

§ 559. Клятву за семью дает хозяин дома за себя самого и от имени людей его дома.

Статья 94.

Клятва со словами „не знаю"

§ 569. Сутью клятвы является «не знаю».

§ 570. «Клятва признает и «не знаю».

§ 571. «Клятва не имеет границ, но и не допускает уверток».

§ 572. Клятва со словами «не знаю» это средство, которое употребляет Канун, чтобы держать в руках (сдерживать) своеволие села, чтобы никто не стал грабителем имущества общества или какого-нибудь лица.

§ 573. Клятва со словами «не знаю» требуется без различия в каждой клятве.

§ 574. Ведь если тот, кто дает клятву, не воровал и не убил сам, он может быть слышал или знает, что воровал или убил или брат, или родственник, или кто другой.

§ 575. Когда дается клятва, говорится: «И сам я, и никто из моего дома не слышал, что кто-нибудь украл или убил».

§ 576. Поэтому Канун предусматривает соприсяжников, чтобы при произнесении клятвы несколькими людьми, если не один, то другой или третий может быть знают что-нибудь, потому что слышали или видели какой-нибудь признак, и потому что они не могут губить душу свою, давая ложную клятву, чтобы спасти одного человека.

§ 577. После того как дана клятва о «не знаю», никто не имеет права докучать насчет кражи или убийства ни обвиняемому, ни соприсяжникам. Это считается, как расследование по поводу уже потерянной (утраченной) вещи или крови. «Канун не требует клятвы над клятвой».

§ 578. Если кто-либо не может дать клятву с формулой «не знаю», он ее не дает, потому что чувствует себя ответственным перед Богом, а ложная клятва навлечет

молнию на душу и если потом она откроется, покроет его позором и повлечет наказание.

§ 579. Он должен сказать одному из старейшин остановить присягу и не давать клятву; он должен им указать преступника, чтобы указать путь хозяину потерянной вещи или мстителю за пролитую кровь.

§ 580. Хозяин потерянной вещи или крови после расследования должен просить обсуждения (подозреваемого) по Кануну.

§ 581. Если подозреваемый хозяину вещи или крови не показал пути (не навел на след), он может требовать клятвы; и если найдется свидетель, он (подозреваемый) должен нести определенные обязанности по отношению к свидетелю.

§ 582. «Или клятву с «не знаю», или вещь, или убийцу».

§ 583. Сомнение в клятве Канун не допускает; если кто-либо не хочет дать клятву с «не знаю», Канун считает его виновным; поэтому — или клятва с «не знаю» или платить за вещь, или указать виновного, если (он) не был участником в краже или в убийстве.

§ 584. Принцип Кануна не изменяется: «Сутью клятвы является «не знаю», эта клятва выявляет вещь (дело)».

§ 585. «Что берется с клятвой, остается тому, кто это взял». «После клятвы можно повесить бубенчик (на шею барану). После клятвы можно гнать на пастбище (быка)».

§ 586. Это — слова Кануна, не потому, что они ему нравятся, но потому, что он не может приписать кому-либо ложь, если он доказывал это клятвой.

§ 587. Канун ничего не может сделать в этих случаях, поэтому есть выражение: «Чтобы не встретился Бог с лгуном (клятвопреступником, лжесвидетелем)».

§ 588. Чтобы предупредить ложные клятвы, старейшины суда должны «хорошо открывать глаза», выбирая честных и известных людей в соприсяжники, от которых зависит правдивая клятва.

Статья 95.

Штраф за ложную клятву

§ 589. Если найдется упрямый мужчина, который устроит засаду хозяину вещи в его собственном владении после ложной клятвы, он должен платить вдвое больше

за вещь и штраф за ложную клятву; кроме этого Канун считает его и его потомков из поколения в поколение бесчестными.

§ 590. Если находятся свидетели после клятвы, старейшины расследуют хорошо и не торопясь.

§ 591. После появления хорошего свидетеля, правдивого и с достоверными показаниями, к двери грабителя или убийцы собираются старики, все село, свидетель и с соприсяжниками и выполняют закон о ложной клятве.

§ 592. Наказание лжесвидетелю (клятвопреступнику):

а) платить хозяину вещи вдвойне (два за один);

б) платить за туфли свидетелю;

в) платить 100 баранов и 1 быка, если клятва была с 24 соприсяжниками и 500 грошей дому Гьомарка. Если клятва имела менее 24 соприсяжников — штраф получает село;

г) должен пойти к церкви, чтобы снять ложную клятву вместе с соприсяжниками;

д) платить 500 грошей за каждого соприсяжника, потому что привел их к ложной клятве и обидел церковь. Эти деньги преступник платит в алтаре для церкви.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

КАНУН ПРОТИВ НИЗОСТИ

Глава двадцатая

Подстрекательство

§ 766. Подстрекателем называется тот, кто со злым умыслом и в тайне оказывает кому-либо помощь с тем, чтобы причинить разрушения или какую-нибудь другую низость в своем селе.

§ 767. Подстрекатель товарищей:

а) за похищение женщины он подвергается кровной мести и платит 500 грошей штрафа селу;

б) за убийство подвергается кровной мести и 500 грошей штрафа платит селу;

в) за воровство и за всякую вещь, которая украдена в селе с хлебом, под руководством и по наущению подстрекателя, после расследования он должен оплачивать вещь по Кануну.

Глава двадцать первая

Воровство

Статья 112.

Определение воровства

§ 768. Воровство включает понятия:

а) Вор — тот, который собственной рукой украдет чужую скотину;

б) сообщники — те, кто оказывает помощь вору в воровстве и любой низости. В последний день, когда проведено расследование, они должны оплачивать вещь по Кануну в соответствии с частью, которую каждый из них получил;

в) хлебом в данном случае называется тот человек или дом, который предоставляет вору кров, кормит его и провожает с украденными вещами; в этом случае вор и укрыватель («хлебодатель») — одно и то же;

г) укрыватель тот, кто прячет украденную вещь, вор и укрыватель — одно и то же;

д) если укрыватель сам и не участвует в воровстве, он является сообщником, т. к. прячет и самого вора и украденную вещь;

е) вещь оставляет след, по нему идет хозяин до границы села или квартала, или до окружности двора или хлева: «оставленный след — это найденная вещь»;

ж) ребенок, вор-ребенок и беспризорный;

з) грабитель — тот, который открыто и насильственно отнимает что-то у кого-либо за долги.

§ 769. Если следы будут обнаружены на горе, хозяин не может винить ни ближайшее село, ни флямур, но если он подозревает это село, он может получить свое только с клятвой.

§ 770. Если следы ведут к селу, но вор не найден, хозяин может требовать от села, и село обязано платить.

§ 771. Если следы ведут до предела одного квартала в селе, и вор не найден, вещь оплачивать должен этот квартал.

§ 772. (и 773). Если следы идут до предела одного дома, двора или хлева, этот дом должен оплачивать вещь хозяину.

§ 774. Убыток или воровство, совершенное детьми, детьми-ворами или беспризорными, если расследование произведено, должны оплачиваться домом, которому принадлежат эти дети.

§ 775. Принцип Кануна гласит, что за проступки детей отвечают мужчины дома.

§ 776. Если детей найдут с украденной вещью в руках, чужая рука не может бить, но должны сообщить родителям, которые за них отвечают.

Статья 113.

Грабеж (на дороге)

§ 777. «Дорога Бога ничего не оплачивает».

§ 778. Канун не разрешает, чтобы кого-нибудь трогали в пути. «Широкая дорога ничего не должна».

§ 779. Если кто-либо не возвращает долг, кредитор должен жаловаться в село, и должник отвечает за это перед ним.

§ 780. Если кто-нибудь задерживает путешественника по дороге и отбирает у него лошадь, или мула, или осла, или овец, и если они не убивают друг друга тут же, грабитель штрафуется селом в соответствии с величиной преступления и награбленные вещи должен возвращать хозяину.

§ 781. Если кто-либо задерживает без оснований и ограбит другого — отнимет лошадь, или мула, или осла, но в конце выяснится, что потерпевший не должен ему ничего, грабитель штрафуется селом, возвращает хозяину похищенную вещь и платит ему за потерянные дни.

Статья 114.

Грабеж скота

§ 782. «Грабеж возмещается грабежом».

§ 783. Ограбить — это значит взять скот на пастбище, на зимнем пастбище или в загоне.

§ 784. Грабежи в большинстве случаев возникают тогда, когда один квартал не хочет платить другому (т. е. удовлетворить какое-нибудь требование).

§ 785. Грабеж не может возмещаться ничем другим как грабежом или оружием.

§ 786. Грабеж может возникнуть между двумя селами, флямурами или отдельными домами.

§ 787. Грабеж может возникнуть или из-за границы горного или высокогорного пастбища, или из-за какой-нибудь другой обиды, которая нанесена селу, флямуру или отдельному дому.

§ 788. Если грабеж случится в горах, оплачивается только скот хозяину.

§ 789. Если грабеж случится в хлеву, надо возвратить скот хозяину и уплатить 500 грошей за честь хлева.

§ 790. Если грабеж совершен без всякого основания, надлежит вернуть скот хозяину и уплатить 500 грошей штрафа. При посредничестве друзей мужчины могут простить штраф.

§ 791. Если совершено ограбление на дороге, на горе или на пастбище из-за границы, то село или флямур поддерживают грабителя.

§ 792. Если село или флямур поддерживает грабеж, совершенный без повода, посредники берут залог и старики будут разбирать грабеж по Кануну.

§ 793. По величине преступления будет назначен штраф и оплачиваться скот хозяину.

§ 794. Если грабителя поддерживает флямур или село, ограбленный имеет право ограбить любого, кого сможет, из этого села или флямура, чтобы восстановить свою честь и возместить скот.

§ 795. Тот, на кого напали, после того, как грабитель осужден и спорное дело ликвидировано между двумя домами, не может в свою очередь напасть ни на село, ни на флямур. Канун говорит: «Или вещь хозяину,— или свободный проход».

§ 796. При ограблении скота на горе или пастбище не возмещается два за один, но только оплачивается скот хозяину.

§ 797. «Колокольчик стада не должен быть похищен».

§ 798. Если грабитель возьмет колокольчик, то это считается бесчестием равным убытку скота и хлева: грабитель платит 500 грошей, даже если он не взял ни одной овцы.

§ 799. Вожак, козел и баран и цепная собака не могут быть взяты за долги.

§ 800. «Грабеж не принимается в счет долга». Если это случится, село или флямур осуждает грабителя, если он не хочет вернуть захваченное.

§ 801. Если грабитель истратил награбленный скот, тогда он должен вернуть все до одного хозяину и этот может выбирать скот из его стада.

Статья 115.

Позорные преступления

§ 802. Тому, кто обворовывает дом или кошелек друга-гостя, Канун назначает в качестве штрафа позор и отрешает его от схода и суда.

§ 803. Если какая-либо чужая рука (из другого дома) ограбит гостя, то она ответственна за измену гостю и за опозоренный дом.

Статья 116.

Два за один

§ 804. В тех местах, где сохраняется Канун, за каждую похищенную скотину возвращается два за один. «Два за один достаточно, что они ходят» (т. е. лишь бы была живая).

§ 805. Два за один платится не только за рогатый скот, но и за мелкий и за каждую похищенную вещь.

§ 806. Два за один возмещается и за дом, сожженный насильственным путем, хижину, хлев, стог сена или соломы, корм для коз и плетень.

§ 807. За ограбление сада, виноградника или пашни платят два за один.

§ 808. За убитого или украденного поющего петуха давно уже установлен штраф 500 грошей хозяину, потому что «поющий петух является часами бедного».

§ 809. Выкормленная свинья, украденная и убитая (если не найдена на потраве) оценивается в 500 грошей штрафу, потому что она является содержателем дома.

§ 810. Оба вышеупомянутые не подлежат порядку — «два за один» — ни петух за петуха, ни свинья за свинью, но 500 грошей чистыми деньгами.

§ 811. За похищенные сельскохозяйственные орудия, например, лемех, если грабитель находится, он должен возмещать хозяину столько рабочих, сколько дней потерял, и возвращать вещь.

Глава двадцать вторая

Убийство

Статья 119.

Убийца

§ 843. Убийца (dorëras) — это тот, кто убивает кого-нибудь собственной рукой.

§ 844. Убийца тут же после убийства человека должен объявиться, чтобы не беспокоились родители (родственники) убитого.

§ 845. Убийца посылает (кого-нибудь), чтобы просить бесу.

Статья 121.

Бестар (*bestari*)

§ 851. Бестарами (bestarët, ед. число — bestari) называются те, которые обращаются к родителям или родственникам убитого, чтобы получить бесу для убийцы и его дома, они являются защитниками убийцы и его дома, чтобы ничего не случилось во время срока бесы.

Статья 122.

Беса (*besa*)

§ 854. Беса — это срок свободы и безопасности, который дает дом убитого убийце и его дому, не преследуя его за кровь временно в продолжении этого срока.

§ 855. Посылать кого-либо за бесой — это право, давать бесу — это обязанность и проявление мужества.

§ 856. Если дом убитого давал бесу, убийца, несмотря на то, что убил, должен итти на панихиду и оплакивание и провожать убитого до могилы и остаться на обед. Эта беса длится 24 часа.

§ 857. Если убийца, получив бесу, не пошел на панихиду и на обед, не считается трусостью, если дом убитого не дает ему бесу, имея в виду, что он увеличивал обиду обидой.

§ 858. Когда уже похоронили убитого, село имеет право просить бесу для убийцы и его дома.

§ 859. Беса села продолжается 30 дней.

§ 870. «Люди, разделившиеся от одного огня, после 24 часов не скрываются от мстителя».

§ 871. Родственники, разделившиеся от одного огня с убийцей, в течение 24 часов должны скрываться от мстителя, потому что если он убил кого-нибудь из их дома — он отомстил.

§ 872. Если они после 24 часов остались в живых, они договариваются с домом убитого и свободны для своих дел.

§ 873. Если по истечении 24 часов убили кого-нибудь из родственников, от огня разделившихся, то дом убитого не отомстил, а сам подвергается кровной мести.

Статья 124.

Кровь

§ 886. По законам (обычаям) албанских гор все рождающиеся мальчики считаются хорошими и не различаются один от другого.

§ 887. Цена жизни человека одинаковая — как для хорошего, так и для плохого.

§ 892. Если кто-либо убивает человека, является ли он мужчиной или женщиной, юношей или девушкой или грудным ребенком, красивым или уродливым, главой рода, старейшиной или членом стерплечьт[1], богатым или бедным, благородным или неблагородным, наказание однородное: за убийство мужчины штраф — 6 кошельков (qese), 100 овец и полбыка.

§ 893. Если кто-либо ранил человека, цена штрафа вышеупомянутого берется в половине, как за мужчину, так и за женщину.

Статья 129.

Кровь за бесчестие (*punë të ligë*)

§ 920. «Те, которые совершили вместе какое-либо бесчестное дело и были убиты, считаются людьми с потерянной кровью (она остается без отмщения)».

§ 921. Принцип «нет крови за проступок» при оскорблении женщины теряет свою силу.

---

[1] Sterpleqt — представители вогьлии, проверяющие решения совета старейшин.

§ 922. «Канун не касается измены другу (гостю), нанесения бесчестия оружию и женщине».

§ 923. Когда опозоренный и опозоренная убиваются в момент совершения преступления одним ружьем, их кровь теряется (т. е. остается без отмщения).

§ 924. Родители опозоренных не могут требовать крови, но возвращают убийце стреляный патрон, говоря «удачливая рука!».

§ 925. Будут посланы посредники (dorëzanët), чтобы сообщить, что кровь не будут требовать никогда.

Статья 135.

Примирение кровной мести

§ 969. Кровная месть примиряется двумя путями:

а) путем посредничества друга дома убитого и священника;

б) путем посредничества глав родов, представителей двери (дома) Гьомарка и молодежи флямура.

В этих случаях дом Гьомарка из Ороши получает 500 грошей.

§ 970. В обоих этих случаях необходимы поручители (dorëzanët) Кануна.

§ 971. Хозяин крови, кроме определенной цены за кровь, имеет право просить ружье (martinë) от плеча любого, которого он увидит, убийца обязан принести тут же.

§ 972. Пока не упорядочены дела крови, пока не назначены поручители, пока не назначен срок платежа денег за кровь, столы не накрываются и не начинают есть (не происходит поминального обеда).

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ЗАКОНЫ СОВЕТА СТАРЕЙШИН

Статья 141.

Права и обязанности старейшин

§ 992. Старейшинами (членами совета старейшин) являются или старейшины братства (parët e vllaznive) или главы родов (krenët e fiseve), учреждение совета покоится на основе прав Кануна.

§ 993. Без них (т. е. старейшин) не может быть установлен новый закон и не может состояться ни один суд или совет (pleqni), который охватывает или одно братство, или род, или даже село и флямур.

§ 994. Старейшинами называются также мужчины, которые известны своей мудростью или имеют опыт в суде или в совете.

§ 995. В особых случаях или при спорах эти мужчины могут быть назначены в качестве совета старейшин, и суд, который они совершают, признается Кануном, достаточно того, что они вели этот суд по законам Кануна.

Статья 144.

Соприсяжники (*porota*)

§ 1044. Соприсяжниками (porotë или poronikë) по Кануну называются люди, которых избирает суд (показывает пальцем), чтобы они давали клятву, или поручались за кого-либо.

§ 1045. Соприсяжниками (поротниками) становятся следующие лица:

а) которые никогда не давали ложную клятву;

б) которые нелицеприятны как по отношению к кварталу (lagje), за который они дают клятву, так и по отношению к тому, против которого они показывают;

в) которые не являются болтунами, продающими свою душу за кусочек хлеба;

г) которые основываются не только на предположении, но которые знают дело и могут легко разрешить этот вопрос;

д) не женщины, потому что Канун с ними не считается;

е) которые ранее не давали клятвы и не находятся в ссоре ни с кем.

§ 1046. Вообще клятва без соприсяжников не дается.

§ 1047. Принцип Кануна гласит: «Клятва имеет соприсяжничество (porota); соприсяжничество назначается при расследовании дела и его связей».

§ 1048. Священник не дает клятвы, а если это случается, его голос считается за 24 голоса, как для собственной клятвы, так и для пороты.

§ 1049. Если глава флямура дает клятву, то его голос считается за 12 человек, а кроме того должны соприсяжничать еще 12 человек.

§ 1050. Тот, который возглавляет соприсяжников, не считается сам поротником. Принцип Кануна гласит: «100 поротников, но хозяин не считается» (т. е. — пусть будет хоть сто поротников, но голос возглавляющего их не идет в счет).

§ 1051. «Порота не идет на клятву, если у нее нет хозяина клятвы».

§ 1052. Тот, который руководит клятвой, присоединяется к соприсяжникам, чтобы в случае ложной клятвы платить штраф церкви за ложные показания, а также флямуру и селу и хозяину (истцу) — ему в два раза больше, чем число соприсяжников.

§ 1053. Суд выбирает соприсяжниками людей из братства или села того, кто возглавляет клятву.

§ 1054. Тот, кто возглавляет клятву, должен известить каждого соприсяжника о его назначении.

§ 1055. Соприсяжника, которого не назначил суд, а выбрал сам глава пороты, этот последний должен представить суду или совету старейшин, назвав имя и фамилию точно так же, как это делается для выбранных судом.

§ 1056. Глава клятвы должен также известить соприсяжников, которых он сам выбрал, об их назначении.

§ 1057. Половину поротников (соприсяжников) назначает суд, а вторую половину выбирает глава клятвы.

§ 1058. Совет старейшин предоставляет главе пороты после назначения соприсяжников право высказывать свои сомнения в отношении того или другого.

§ 1059. Глава пороты излагает существенные соображения против того или другого из назначенных соприсяжников, и старейшины суда обязаны заменить его другим.

§ 1060. Среди соприсяжников можно заменить трех человек, но не больше.

§ 1061. Соприсяжникам объявляется день клятвы, и глава пороты обязан собрать их в тот день.

§ 1062. Соприсяжники, прежде чем пойти на клятву, должны расследовать дело как могут и предупредить главу пороты, чтобы не пойти на ложную клятву.

§ 1063. Соприсяжники имеют право проводить свои расследования, но если случай очень запутанный, имеют право отложить дело на 6 месяцев, чтобы продолжать расследование.

§ 1064. В серьезных случаях, которые очень трудно расследовать, порота имеет право отложить клятву на год.

§ 1065. Когда соприсяжники закончат свои расследования и решат,— или снять с виновника подозрения или оставить его связанным ими,— и не сомневаются уже в своем решении, они обязаны рассказать о нем главе пороты.

§ 1066. Если только один из соприсяжников отказывается дать клятву, то глава пороты уже связан этим.

§ 1067. Если один или несколько соприсяжников не хотят давать клятву, они должны рассказать откровенно главе пороты об этом и поклясться, что отказываются не из-за неприязни к кому-либо, а потому что сомневаются и боятся дать ложную клятву.

§ 1068. «Если порота ела хлеб — уже клятву дали».

§ 1069. Если соприсяжники собираются и едят хлеб-клятву, то им уже ничего не остается, как дать клятву, и обязанности хозяина клятвы исчерпаны.

§ 1070. Если соприсяжники оставили хлеб, не ели, то на хозяина клятвы падает ответственность за них.

§ 1071. Если обвинитель (истец) не пришел в назначенный день, чтобы присутствовать при клятве, то обвиняемый (ответчик) может спать спокойно, потому что после хлеба, который ела порота (т. е. она была готова к клятве), он оказался невиновным.

§ 1072. Соприсяжники должны известить обвинителя, чтобы он сам пришел присутствовать при клятве или прислал капуцара (свидетеля).

§ 1073. Как бы ни был занят обвинитель, он должен или сам прийти, чтобы посмотреть клятву, или прислать капуцара.

§ 1074. Если соприсяжники дают клятву не в назначенный день, они уже другого хлеба не имеют; дают клятву, и после этого каждый расходится по своим делам.

§ 1075. Старейшины суда должны также согласиться на назначенный день для клятвы.

§ 1076. Клятва дается в таком порядке:

а) вперед идет хозяин клятвы, чтобы поднимать дух;

б) после него дают клятву те, которые близки к нему по крови;

в) после дают клятву соприсяжники, назначенные судом;

г) последними идут соприсяжники, не назначенные судом.

§ 1077. Слова клятвы должны повторяться без изменения и так, как решил суд старейшин.

§ 1078. Каждый из соприсяжников, сколько бы их ни было, должен приносить клятву, положив руку на какой-либо священный предмет, может составить исключение кто-либо, если хозяин (истец) отстранит его от клятвы.

Примечание. Дукагьини, горы Дьяковы и некоторые другие области считают в пороте основным руку, которой клянутся, а другие — произносимые слова клятвы.

Статья 145.

Капуцар

§ 1079. Капуцаром называется тот, кто показывает вину кого-либо, как, например, скрытый грабеж или темное убийство — по расследованию, которое он делает сам.

Статья 147.

Следователи (Pritëtarët e kapucarit)

§ 1094. Притетарами (pritëtarët) называются те, кто должны вести необходимое расследование, ставя капуцару вопросы и указывая ему, чтобы он не устроил кому-нибудь ловушку своими показаниями или не обвинил кого-либо ложно.

§ 1095. Притетарами должны быть честные, мудрые и зрелые люди, искушенные в расследованиях.

§ 1096. Притетары должны быть из тех, кого суд назначил соприсяжниками.

Статья 150.

Дом Гьомарка(Gion Markut)

§ 1126. Дом Гьомарка является основой Кануна.

§ 1127. Занимает главное место везде и в сходе.

§ 1128. Не может быть обвинен и изолирован от общества.

§ 1129. Не может быть совсем разрушен (разорен материально и т. п.).

§ 1130. Не может быть переселен в другое место.

§ 1131. За пределами этого дома дела (судебные и т. п.) не продолжаются.

§ 1132. Имеет право собирать старейшин родов и вогьлию в случае общего схода.

§ 1133. Имеет право по своему усмотрению посылать вестников, чтобы вызывать «мужчин от дома» и собирать их в Шен — Паль (Shen — Pal).

§ 1134. В суде или совете старейшин (pleqni) имеет право последнего слова.

§ 1135. Имеет право переселить и разорить кого-либо.

§ 1136. Имеет право смертной казни: «Руки и ноги принадлежат родам, а голова — Гьомарку».

§ 1137. Имеет право отнять руководство или принадлежность к знати (pari) у того, который обвиняется в предательстве Родины. Но эти права не могут передаваться вне братства, т. к. они являются наследственными.

§ 1138. Имеет право на часть в каждом штрафе.

§ 1139. Имеет право на 500 грошей за каждое убийство.

§ 1140. Прежде чем вместе со старейшинами и вогьлией родов отправиться для исполнения наказаний, установленных Кануном, должен установить залог; если виновен он сам, отвечает по Кануну.

§ 1141. Штрафуется, как все другие подданные.

§ 1142. Когда участвует в примирении кого-либо, имеет право «razogj» (дважды обедать).

§ 1143. Если кто-либо просит кого-либо (из дома Гьомарка) быть соприсяжником, этот последний равняется 12 неназначенным.

§ 1144. В армии имеет право руководства и командования.

§ 1145. Если виноват в преступлении, которое наказывается сожжением дома, на этот дом ставят знак пилою.

Статья 156.

Лишение общественных прав (Lecija)

§ 1179. Me leitë по Кануну значит: изолировать дом, не заботиться о нем, разрушить этот дом, отняв у него все права, достоинство и честь, как перед селом, так и перед флямуром.

§ 1183. Случаи, по которым можно лишить кого-либо общественных прав:

а) когда кто-либо не хочет связываться клятвой с селом или флямуром;

б) когда кто-либо предает свое слово;

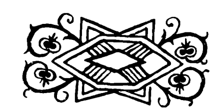
в) когда он уклоняется от решения суда или решений, принятых кувендом (сходом) села или флямура;

г) за неподчинение решениям суда по поводу преступлений, совершенных в селе, флямуре или вне их;

д) за преступление, совершенное вне села или флямура, если обвиняемый отказывается дать залог, от него отступаются и таким образом дают возможность всем, кто на него жалуется, сделать с ним, что захотят.

§ 1184. Если село настаивает и останавливает руку флямура (т. е. препятствует ему), чтобы сжечь или разрушить (дом) какого-либо несчастного, который обесчестил село или флямур каким-нибудь тяжелым проступком, флямур имеет право лишить общественных прав село, собрать другие флямуры, чтобы образумить (непокорных).

§ 1185. Если дело кончилось лишением общественных прав, флямур не имеет никаких отношений с селом, пока оно не будет судимо и оштрафовано.

БОЛГАРИЯ

1. Закон судный людям
2. Жалованные грамоты болгарских царей
3. Договор добруджанского князя Иванко с генуэзцами

1. ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЯМ

АКОН судный людям — самый древний письменный законодательный памятник из сохранившихся среди славянских народов. Он был создан в Болгарии в княжение Бориса вскоре после принятия болгарами в 865 году христианства. Это был период развития болгарского феодального государства, усиления государственной власти. Введение христианства как официальной государственной религии, которая санкционировала складывавшийся феодальный правопорядок, способствовало укреплению позиций класса феодалов-бояр, оправдывало существовавшее социальное неравенство — наличие класса господ-бояр и подчиненных крепостных крестьян.

Введение в Болгарии христианства сопровождалось одновременно и введением единого нового права, которое регулировало феодальные общественные и производственные отношения и способствовало их дальнейшему развитию. Это право своим источником имело византийское право (титул XVII Византийской Эклоги), но было значительно переработано в соответствии с условиями Болгарского феодального государства и нормами болгарского обычного права.

Подлинный текст Закона судного людям не сохранился до настоящего времени. Этот закон известен по различным его спискам, имеющимся в двух редакциях — краткой и пространной. Наиболее древней и близкой к подлиннику считается краткая редакция закона по так называемому Румянцевскому списку.

В Законе судном людям, состоящем из 32-х глав, затронуты многочисленные правовые вопросы. Постановления Закона судного людям касаются преступлений, связанных с принятием христианства (вопросы о санкциях, которые надо наложить на язычников — I глава), преступлений против общественной нравственности и христианской морали (прелюбодеяние, нарушение права церковного убежища, идолопоклонство, вероотступничество) и

преступлений против собственности (поджог, некоторые виды воровства — главы IV—XII). Разнообразны предусмотренные этими постановлениями наказания — смертная казнь, членовредительство, телесные наказания, продажа виновного в рабство, изгнание и наложение поста.

Закон судный людям содержит также ряд положений, устанавливающих принципы, на которых организуется новый судебный процесс (главы II, VIIа, XVI, XVIII, XX и часть главы XXXа). Закон обязывает судей не рассматривать дела без свидетелей, указывает, кто может быть свидетелем и каким должно быть их число, а также говорит об оценке судом свидетельских показаний. Установление этих принципов судебного процесса представляло собой реакцию против прежней системы судебного разбирательства, основанной на самопризнании обвиняемого, вырванном путем пыток.

В Законе судном людям рассматривается ряд вопросов, касающихся имущественных и семейных отношений и сохранения некоторых форм рабовладения. Таковы постановления об ответственности хозяина вора-раба за нанесенный последним ущерб, о праве военнопленного получить свободу за выкуп, об ответственности лица, взявшего в пользование коня и не возвратившего его в сохранности, об отношениях между супругами и причинах развода (главы XIX, XXII, XXV, XXX, XXXа).

Одна из глав закона (глава III) посвящена вопросам военного права и устанавливает порядок дележа военной добычи.

Закон судный людям позволяет понять особенности социально-экономической структуры складывавшегося в Болгарии феодального общества и взаимоотношений между членами этого общества.

Закону судному людям посвящена обширная болгарская и русская литература. Имеются значительные исследования и в других странах. Наиболее обширным, полным и новым трудом является работа Венелина Ганева «Законъ соудный людьмъ», изданная в Софии в 1959 году.

Ниже приводятся выдержки из Закона судного людям. При переводе использованы текст закона на древнеславянском языке, а также перевод В. Ганева на болгарский язык и его анализ отдельных статей этого закона.

[Извлечения]

I. Прежде всякой правды достойно есть о божьей правде говорить. Потому святой Константин, первый закон написавши, передают, так говорил: Всякое село, в котором отряды бывают или заклинания поганские, отдается[1] в божий храм со всем имуществом. Если имеются господа в том селе и совершают обряды и (произносят) заклинания, они продаются со всем имуществом своим, а цена дается бедным.

II. Во всяком споре и обвинения и заявления князю и судьям следует не слушать без свидетелей (послухов) многих, но говорить спорящим — и обвинителям и заявителям,— если не представите свидетелей, как и закон божий велит, принять ту же казнь ожидайте, какую готовили другим; божий закон так велит, и кто этого не соблюдет, проклят будет.

III. О военной добыче.

Отправляясь на бой с супостатами (врагами) подобает остерегаться всех неприязненных слов и дел, направить мысль свою к богу и молитву сотворить и сражаться в ясном сознании, ибо помощь дается от бога светлым сердцам. Не от большей силы победа в бою, а в боге крепость. И после того как бог победу дал, шестую часть следует взять князю, а остальное все возьмут себе все люди, разделив поровну между великими и малыми. Жупану[2] достаточно княжеской части, а остальное прибавляется к людской доле. Если найдутся некоторые из них кметы[3] или простые люди, проявившие смелость, подвиги и храбрые поступки совершившие, то получают от находящегося там в то время князя или воеводы из указанной княжеской доли. И пусть это дается, поскольку это правильно, и делится между ними на части. Участники боя пусть получат, но пусть дадут часть (добычи) и оставшимся (в лагере).

IV. Если кто имеет жену свою и вступил в сожительство с рабыней, которая окажется нечестной, то ее следует от князя земли той в другую землю продать, а цену ее дать бедным. То же и тому, кто совершает блуд, подобает по божьему закону отдалиться от божьих рабов в пост на

[1] Церкви вместе со всем своим имуществом отдавались не только лица, творившие языческие обряды и заклинания, а в силу круговой поруки и все жители села, которое терпело в своей среде язычников.

[2] Жупан занимал высокое положение в военной администрации.

[3] Кметы являлись низовыми органами государственной власти.

семь лет... Подобает также быть только на хлебе и воде семь лет.

V. Кто совершает блуд с чужой рабыней, дает 30 столензов[1] хозяину рабыни, а сам подлежит посту в течение 7 лет, как говорилось, но сама она не продается. Если он беден, то его имущество принудительно дается хозяину той рабыни, а сам подлежит указанному посту.

VI. Монаху, который совершает блуд, следует по светскому закону отрезать нос, а по церковному закону полагается ему пост в течение 15 лет.

VII. Если кто возьмет в жены свою куму, то по светскому закону следует обоим отрезать нос и разлучить, а по церковному закону разлучить и в пост на 15 лет отдаются... Такому же наказанию подвергается... также и тот, кто вступит в связь с замужней женщиной.

VIIa. О свидетелях (послухах).

По всем этим (делам) подобает во всяком споре князю и судьям со всяческим вниманием и терпением производить расследование и не осуждать без свидетелей, но требовать свидетелей правдивых, богобоязненных, уважаемых и не имеющих никакой вражды, ни лукавства, ни ненависти, ни тяжбы, ни спора, но свидетельствующих из страха перед богом и ради его правды. А число свидетелей да будет одиннадцать и не больше этого числа, а в малых спорах от семи до трех и не меньше этого числа. Власть же имеют судьи говорить, предупреждать и указывать свидетелю, что если окажется когда-либо, что он лгал, то ожидает его или проклятие, или продажа (в рабство), или такое же наказание. Не подобает ни в каком споре принимать свидетеля, если он был когда-либо изобличен как лжец и нарушил закон божий или ведет скотскую жизнь или если отказался от присяги как несведущий.

XI. Кто вступил в связь с обрученной девицей, если и по воле девицы совершил это, тому отрезается нос и да бьют его 107 раз.

XIII. Кто имеет двух жен, изгоняет меньшую с детьми ее, и его бьют. А пост 7 лет.

XIV. Кто подожжет чужой лес и рубит деревья в нем, должен заплатить вдвойне.

XV. Кто из-за какой-либо вражды или для разграбления имущества огнем подожжет дом, то если в городе ог-

[1] Столенз — золотая монета, составлявшая $^{1}/_{72}$ часть литры золота (около $4^{1}/_{2}$ граммов).

нем сжигают, и если в поселке (городке) или селе — мечом рассекают, а по церковному закону предается посту на 12 лет как враг (враждебник). Если кто стебли или терн хотел сжечь на своем поле и зажег огонь, а этот огонь распространился и поджег чужую ниву или чужой виноград (лозы), надлежит обсудить и расследовать, зажег ли огонь в неведении или от малого ума, (тогда) да возместит ущерб пострадавшему. Если кто в ветреный день зажег огонь и не позаботился, как говорилось, чтобы огонь не распространился, или поленился, или не мог, то будет судим. Если принял все меры, но разразилась буря и от этого огонь распространился дальше, не судится. Если от тучи загорится чей-то дом и сгорит что-либо от этого, а огонь распространится и подожжет другие дома окрестных ему соседей, то поскольку пожар вспыхнул внезапно, не осуждается.

XVI. Никто не может прибежавшего в церковь (вывести) насильно[1]. Но прибежавший рассказывает попу (сущность) спора и вину, им совершенную, и да примет поп его, как (просящего) убежища, а причиненное им будет установлено и рассмотрено по закону. Если кто попытается силою из церкви вывести вбежавшего (туда), то кто бы он ни был, да получит 140 ранящих ударов и тогда как подобает расследуется проступок прибегшего (к защите церкви).

XVII. Кто имеет спор с другим и не доверил владетелям,[2] но действует самовольно, или властью или силой принудил (к чему-либо), (то) если сделал это с целью получить подлинно свое, лишается своей вещи и возвращает ее. Если он что-либо чужое возьмет, то (по суду) владетеля той земли его бьют, поскольку не в его власти было самому себе быть судьей. И поскольку так поступил, то возвращает тому, у кого было взято.

XVIII. Если родители и дети говорят одни против других, то не дают им веры. Ни госпожа, ни против господина[3]. Раб ли, вольноотпущенный ли, да будет свидетелем.

XIX. Кто у чужеземца купит пленника со всем его снаряжением, а тот может заплатить за себя цену, данную за него, то да идет свободным. Если не имеет (чем запла-

---

[1] Речь идет о праве церковного убежища.

[2] «Владетель» — осуществлял власть на определенной территории (земле).

[3] Имеются в виду супруги.

тить), то может откупиться от покупателя, когда отработает. Его цена, называемая оплатой, определяется перед свидетелями по 3 столенза за каждый год, и когда завершится (оплата), тогда да будет отпущен свободным.

XX. Свидетели по слуху не свидетельствуют, говоря, что слышали (что-либо) от того или другого должника или иное что, свидетельствующее по слуху, даже если свидетелями являются жупаны.

XXII. Если кто попросит коня до обусловленного места или его пошлет туда и случится, что конь будет поврежден или околеет, то попросившему надлежит возместить ущерб хозяину коня.

XXIII. Заперший чужой скот, или уморивший его голодом, или убивший его как-либо иначе, присуждается (к уплате) вдвойне.

XXIV. Укравший на войне, если оружие — избивается, если коня — продается.

XXV. Хозяин вора-раба, если хочет иметь такого раба, возмещает вред, если не хочет иметь того раба, отдает его в рабство обокраденному.

XXVI. Кто чужое стадо загонит (в свой загон) и совершит это в первый раз — избивается; во второй же — из страны (земли) изгоняется; в третий — продается, но прежде возвращает все, что загнал.

XXVII. Кто мертвеца в гробу разденет, продается.

XXVIII. Влезший в алтарь днем или ночью и взявший некоторые из священных сосудов или одежды или всякую вещь — продается. А если вне алтаря из церкви возьмет что, то бьется и остригается и по стране (земле) проведут как нечестивца.

XXIX. Кто свободного украдет и его продаст или сделает его (своим) рабом — себя поработит. Поскольку он свободного поработил, то отдается ему в такое же рабство.

XXX. Присвоивший чужого раба, если скрывает его и не может его вернуть (восстановить), должен за то его господину доставить другого такого раба или дать его цену.

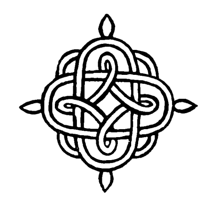
XXXа. О супругах.

...Поскольку от неприязни ненависть возникает между супругами, что ведет к клевете или плотским или иным озлоблениям, то эти причины следует изложить в законе о разлучении супругов.

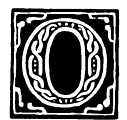
Так что в числе причин, указанных в законе о разлучении супругов, имеются: разлучается муж от своей жены

за такой грех, если изобличится, что она какой-либо вред готовила жизни его или узнала о злобе других, но ему не рассказала, и если (она) заболеет проказой.

Так же разлучается жена от мужа своего, если какой вред готовил он или узнал о приготовлении других, но не рассказал ей, и если (он) заболеет проказой или если что другое с ним случилось прежде, и у него появятся тяжкие язвы. Это все подобает судьям расследовать со свидетелями, как уже писалось...

2. ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ БОЛГАРСКИХ ЦАРЕЙ

ДНИМ из основных источников права феодальной Болгарии являются грамоты болгарских царей. Такими грамотами давались монастырям определенные привилегии, дарились им земли и крепостные крестьяне. В грамотах содержится обширный материал, дающий представление о чиновничьем аппарате феодальной Болгарии, о налоговой системе, а также о положении крепостного населения, обремененного многочисленными денежными и натуральными налогами и повинностями.

Ниже приводятся: 1. Ватопедская грамота, дарованная царем Иваном Асеном II монастырю Ватопедской пресвятой богородицы в 1230 году. 2. Виргинская грамота царя Константина Асена, данная им монастырю Святого Георгия, находившемуся в г. Скопле и называемому Виргинским (около 1300 года). 3. Рыльская грамота, которую царь Иван Шишман даровал монастырю Святого Ивана Рыльского в 1378 году.

Все грамоты переведены с болгарского текста, помещенного в книге Ивана Дуйчева «Изъ старата българска книжина, II, книжовни и исторически паметници от второто Българско царство», София. Комментарии к тексту сделаны также на основании комментариев, данных И. Дуйчевым.

(а) ВАТОПЕДСКАЯ ГРАМОТА ИВАНА АСЕНА II
(1230 г.)

Соблаговолило царство мое подарить святому монастырю пресвятой богородицы, названной Ватопедской, находящемуся на Святой Горе, село называемое Семалто, которое лежит в Серской области, так что этим селом вместе

с людьми и со всеми его правами (суда) и строениями и прилежащим (к селу — землями, водами, лесами и пр.) и доходом владеет и обладает этот почтенный монастырь полной и неотъемлемой властью до тех пор, пока существует (живет) царство мое.

А отзываем царством моим на все времена, чтобы принимать дань и выполнять всякие работы в царстве моем, практоров[1], то есть севастов[2], дуков[3], катепанов[4], десеткарей[5], псарей[6], апокрисиаров[7], аподохаторов[8] и остальных (чиновников) от малых до больших. Никто из них не имеет права вступить, даже и ноги поставить во владениях того святого монастыря, ни писать[9], ни дань взимать, ни комод[10], ни мита[11], ни аподохия[12], ни вино, ни хлеб, ни корм, ни десятину, ни призывать людей на ангарии[13] и какие бы то ни было работы царства моего — ни самих их, ни их коней, ни их волов, ни ослов их. Но все люди того монастыря имеют всякую полную свободу, и властвует (над ними) теперешний почтенный и христолюбивый

[1] Практор — чиновник.

[2] Севаст — высший государственный чиновник, облеченный финансовой и судебной, а иногда и военной властью.

[3] Дук — областной (городской) управитель.

[4] Катепан — так же, как и дук был управителем области или города, но по рангу был ниже дука.

[5] Десеткари — собиратели различных десятин (с овец, свиней, пчел).

[6] Псари — собирающие у населения щенят от охотничьих собак для императора.

[7] Апокрисиары — царские или иные посланцы, которые проходили по стране вместе со своими сопровождающими и имели право требовать постой (кров), пищу, стражу и перевоз.

[8] Аподохаторы — предполагается, что это чиновники, обязанные собирать налоги в натуре.

[9] «Ни писать» — означает запрещение вступать в монастырские владения так называемому «писцу», уполномоченному замерять и давать налоговую оценку.

[10] Комод — предполагается, что это вознаграждение, получаемое налоговым чиновником деньгами при измерении жита (зернового хлеба) и вообще налога в натуре.

[11] Мита — обязанность предоставлять постой войскам и должностным лицам.

[12] Аподохия — не совсем ясный термин; возможно, относился к какому-либо из видов мита или же связан с деятельностью аподохаторов.

[13] Ангария — общая обязанность предоставлять средства для перевоза государственных чиновников, войск и государственных рабов, производить определенные работы в царских владениях, исправлять дороги и мосты, строить крепости. Некоторые из этих обязанностей имели особые наименования.

игумен Досифей и почтенные и христолюбивые игумены после него. А дань, комоди, арико[1] и ангария и остальные налоги по закону царства моего все люди дают и отрабатывают тому святому монастырю, и никто другой да не противится этому. Кто чем-нибудь им навредит, большой гнев испытает от царства моего.......... месяц апрель.........

Асен, царь болгар и греков.

(б) ВИРГИНСКАЯ ГРАМОТА ЦАРЯ КОНСТАНТИНА АСЕНА

(около 1300 г.)

..... Люди, которые находятся в городе Скопле и принадлежат святому и великославному великомученику христову Георгию......, да не выполняют как царину[2] никакие работы, не дают никаких налогов (приплаты), да не вмешиваются к ним ни севаст[3], ни практор[4], ни князь[5], ни кастрофилак[6], ни ватах[7], ни топщикал[8], да не судят, не связывают[9], не взимают штраф или какой-либо налог.... К этим областям да не дотронется никакой владелец, ни кто-либо другой. Кто однако дерзнет и дотронется, да будет наказан гневом царства моего и да будет считаться неверным царству моему.

...Владения святого Георгия да не платят приселицу[10], ни волоберщину[11], ни перпер[12], ни димнину[13].

Если кто-либо вступит во владения святого отца Георгия в какое бы то ни было село, или в горы, или поля, или

[1] Арико — предполагается, что это судебные штрафы (пеня, взыскания), платежи в царскую казну.

[2] Царина — государственные повинности, лежащие на населении.

[3] Севаст — см. примечание 2 на стр. 687.

[4] Практор — см. примечание 1 на стр. 687.

[5] Князь — предполагается сельский управитель, кмет.

[6] Кастрофилак — начальник крепости.

[7] Ватах — чиновник, занимавшийся финансовыми и судебными делами.

[8] Топщикал — не совсем ясный термин, возможно, низший судебный служащий.

[9] Не связывать, то есть не задерживать (арестовывать) монастырских людей. Грамота признает за монастырем известную судебную автономию.

[10] Приселица — право царя и его свиты на ночлег в том селе, местечке или городе, где он остановился.

[11] Волоберщина — поземельная подать, единицей которой служила упряжка волов.

[12] Перпер — здесь налог, платимый сборщиками денежных даней.

[13] Димнина — подать с дома (дыма).

в леса и пастбища, или в места ловли рыбы и дичи, или деревья порубит на церковном холме, или мельницу поставит на церковной воде, которая течет из церковного источника, или будет пасти коня на церковной земле, или проведет воду через церковную землю, или поле перепашет без благословения игумена, тогда да будет божье проклятие над ним и (проклятие) от святого Георгия и вышеназванных святых православных царей и королей и да заплатит государственной казне 6 перперов[1]....

А служителям царства моего, посланным на все времена по областям и городам, запрещается взимать что-либо, да не вступать, даже и не останавливаться, ни вредить ни усадьбе, ни селам, ни людям святого Георгия, ни .... севаст, ни дук[2], ни кастрофилак, ни практоры, ни князь, ни топщикал, ни винарь[3], ни комис с конями[4], ни стратор[5], ни городской изгончий[6], ни писец[7], ни аподохатор[8], ни геракарь[9], ни псарь[10], ни десеткари пчелиные[11], ни овечьи, ни травнина[12], ни кошарщина[13], ни слоновщина[14], ни комод[15], ни митати[16], ни налог на жито, ни на вино, ни на мясо, ни на сыр, ни крепость строить, ни ее охранять, ни темницу охранять, ни пахать, ни окапывать лозы, ни сено косить, ни жать и царину взимать с людей святого Георгия, ни на каком-либо торжище не взимается ни броднина[17], ни мостнина[18], не берется ни человек, ни конь, ни вол, ни осел...

[1] Перпер — золотая монета.
[2] Дук — см. примечание 3 на стр. 687.
[3] Винарь — сборщик податей вином.
[4] Комис с конями — начальник конницы.
[5] Стратор — начальник конницы (титул комиса).
[6] Городской изгончий — курьер, посланник.
[7] Писец — чиновник, уполномоченный вести кадастр, замерять землю и другие источники доходов и давать налоговую оценку.
[8] Аподохатор — см. примечание 8 на стр. 687.
[9] Геракарь — собиратель соколов для царской охоты.
[10] Псарь — см. примечание 6 на стр. 687.
[11] Десеткари пчелиные — сборщики десятины с меду.
[12] Травнина — налог на право пользования общественными пастбищами.
[13] Кошарщина — налог, связанный со скотоводством; возможно, налог на право строить и использовать загоны для скота (кошары) на общинных землях (в тексте грамоты «кошарщина» ошибочно упомянута два раза).
[14] Слоновщина — неясный термин.
[15] Комод — см. примечание 10 на стр. 687.
[16] Митати — временные военные гарнизоны.
[17] Броднина — плата за переход через брод.
[18] Мостнина — плата за переход через мост.

(в) РЫЛЬСКАЯ ГРАМОТА ЦАРЯ ИВАНА ШИШМАНА

(1378 г.)

..... Соблаговолило царство мое даровать благообразное и подлинное златопечатное слово[1] моего царства монастырю святого отца Ивана Рыльского, который находится в месте, называемом Рыла, для всех его сел и для всей его недвижимости, для всех его владений и прав, как новых, так и старых. (Далее перечисляются дарованные села и земли, в том числе «... село Градеченица с людьми по имени: поп Тодор со своими детьми и родом своим и Петр Теодосов с братьями своими...») ... И над всеми теми (землями) да имеет неотъемлемую власть тот монастырь Ивана Рыльского при предъявлении этого златопечатного слова моего царства.

К этому еще и такое: где бы ни находились села, или сенокосы, или мельницы, или места для мельниц, или места для ловли (рыбы), или виноградники, или нивы, или какие бы то ни было владения, которые принадлежат этим селениям и этим людям, находящимся под властью этого монастыря моего царства, над всеми ними да имеет неотъемлемую власть этот монастырь святого Ивана царства моего.

Мое царство прямым и ясным освобождением отпускает и освобождает всех людей и все села этого монастыря моего царства, да не смеет их беспокоить никто, а именно: севасты, практоры, примикюры[2] и алагаторы[3], ни судьи, ни перпираки[4], ни житари[5], ни винари[6], ни десяткари, пчелиные, свинские и овечьи, ни аподохаторы, ни комисы, ни страторы, ни сенари[7], ни митати, ни крагуляри[8], ни

---

[1] Царские грамоты, на которых ставилась золотая печать, назывались в феодальной Болгарии «златопечатное слово» или «хрисовул» (греч. — «золотая печать»).

[2] Примикюр — военный чиновник.

[3] Алагатор — начальник эскадрона; чиновник, который заведует конной службой.

[4] Перпирак — сборщик денежных даней.

[5] Житарь — сборщик налогов на «житарство». Житарство — обязанность продавать жито государству, позже превращенная в налог, который выплачивался деньгами.

[6] Винарь — сборщик налогов на вино.

[7] Сенарь — сборщик налогов сеном.

[8] Крагуларь (ястребарь) — сборщик соколов для царской охоты.

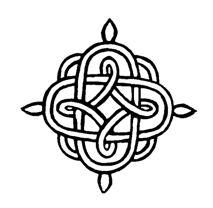
кучкари[1], ни градари[2], ни варничи[3], побирчи[4] и находници[5], ни кто-либо другой из всех бояр и служителей царства моего, великих и малых, которые будут отозваны навсегда для (сбора) каких-либо налогов и для повинностей царства моего, никто из них да не имеет (права) беспокоить людей святого отца, ни их нивы, которые имеются в поле или в горах, ни брать для службы какого-либо его человека, ни их работники,... ни брать ангарию[6], ни коней, ни скота. К этому также и следующее: никто из них да не смеет путем насилия вторгаться в села и к людям этого монастыря царства моего святого отца (для того), чтобы взимать силой хлеб, ни убивать птицу, ни даже ногой вступать в их двор, но все да будут прогнаны и удалятся далеко при предъявлении этого златопечатного слова моего царства.

Точно так и город Стоб чтобы не имел никакой власти над монастырскими людьми, ни над их владениями даже ни на волос. К этому еще и следующее: если кто-нибудь из монастырских людей начнет ходить с товарами для своей торговли по всей державе и области моего царства, пусть покупает и продает свободно и да не будет препятствовать ему никто при предъявлении этого златопечатного слова моего царства, и да не взимается с него ни кумерк[7], ни за брод, ни что-либо иное. К этому еще и следующее: если в монастырской области дается какое-либо аерико[8], этот монастырь царства моего святого отца да взимает все в исправности, а никто другой из этих (чиновников) да не имеет власти на взимание его. И так да пребывает этот монастырь моего царства «Святого Ивана пустынника» со всеми своими имениями, которые перечислены выше, свободно, и да не будет обеспокоен кем-либо до тех пор, пока солнце светит на земле и пока существует царство мое...

Однако и после смерти моего царства тот, кого господь бог, вечный царь, благоизволит поставить на мой престол,

[1] Кучкарь — то же, что псарь.
[2] Градари — начальники охраны в городах (монастырские люди освобождались от обязанности охранять города).
[3] Варничи — неясный термин.
[4] Побирчи — сборщики дани.
[5] Находници — послы.
[6] Ангария — см. примечание 13 на стр. 687.
[7] Кумерк — налог на товары.
[8] Аерико (тварико) — предполагается, что это судебная пеня, которая выплачивалась в царскую сокровищницу.

был бы то или превозлюбленный сын моего царства или (кто-либо) из братьев или родственников моего царства, то тот да не помыслит отнять ничего, или нарушить, или уничтожить это дарение моего царства, но пусть еще больше обновит, подтвердит и добавит все, что есть доброго да совершат православные цари. Если, однако, кто-либо из них попытается (нарушить), нарушит и отменит это златопечатное слово моего царства и отнимет что-либо из написанного тут и начнет беспокоить людей этого пустынника отца Ивана Рыльского, то тогда господь бог осудит его, и да будет причислен он к предателю Иуде....

3. ДОГОВОР ДОБРУДЖАНСКОГО КНЯЗЯ ИВАНКО С ГЕНУЭЗЦАМИ

(27 мая 1387 г.)

ОГОВОР, заключенный в 1387 году между добруджанским князем Иванко и генуэзской общиной, содержит ряд норм международного публичного и частного права, представляющих значительный интерес. Договаривающиеся стороны прощают друг другу взаимные обиды и торжественно обещают жить в мире и дружбе. И князь Иванко, и Генуэзская община обеспечивают взаимную защиту подданных другой стороны. В договоре записаны также права генуэзских консулов в болгарских землях, устанавливаются таможенные пошлины и регулируется ряд других вопросов, касающихся торговли. Особый интерес представляют постановления, предусматривающие штраф за нарушение договора. Договор переведен с болгарского текста, помещенного в книге Ивана Дуйчева «Изъ старата българска книжина, II, книжовни и исторически памятници от второто Българско царство», София.

[Извлечения]

1. Отличные и могучие мужи, господа Иоан де Мецана, подеста Пера и генуэзцев в Римской империи, Джентиле де Гренальди, Джаноне де Боска, послы и уполномоченные великолепного господина Антонио Адурно, божьей милостью дожа генуэзцев и защитника народа, и совета старейшин города Генуя, а также и совета (officium) восьми граждан, поставленных управлять и рассматривать дела в землях Востока, которым (послам) уполномочия предоставлены самим господином дожем, советом (старейшин)

и советом (восьми граждан), в лице упомянутых господ Джантиле и Джаноне, что явствует из государственных документов с полными, широкими и достаточными полномочиями, писанных рукой Петра Баргалио, нотариуса и канцеляриуса генуэзской общины, 22 марта 1387 года от имени и со стороны генуэзской общины и всех генуэзцев, обитающих в ней и имеющихся в мире,— с одной стороны, — и видными и мудрыми мужами, господами Коста и Иоллани, послами и уполномоченными для нижесказанного, посланными великолепным и могущественным господином Иванко, сыном незабвенного великолепного господина Добротица, с полными и достаточными полномочиями, явствующими из открытого письма, подписанного собственноручной подписью названного господина Иванко, а именно: «Иванко деспот божьей милостью», писано 13 дня настоящего месяца мая, представлено сегодня упомянутыми послами указанному подесте и послам от имени и со стороны упомянутого господина Иванко и всех его подданных,— с другой стороны,— в присутствии указанного господина подесты и всей Перы, чьи имена суть (следует перечисление имен).

2. Указанные стороны от имени указанных лиц пришли и сообщили, что явились для заключения доброго и истинно вечнопрочного мира, то есть, что упомянутые стороны от имени упомянутых лиц простили между собой и взаимно, одна сторона другой и вторая первой, все обиды, притеснения, насилия, грабежи, убийства и все, что бы ни было нанесено до сих пор, до настоящего дня и часа одной из упомянутых сторон другой по какой бы то ни было причине и какими бы они ни были. При этом указанные стороны от имени указанных лиц обещают одна сторона другой и другая первой путем торжественного обещания, данного сегодня и на будущее, не наносить вреда, не поддерживать и сохранять вечный мир и все, что ниже определено соглашениями, предписаниями, обещаниями, положениями и условиями. Они отказываются от возражений относительно упомянутого мира: что не заключен, как говорилось выше, что нижеупомянутые соглашения, обещания и условия не сделаны, что дело не совершено как упомянуто выше и в дальнейшем, и не считать так, что (договор заключен) при обмане, угрозах, действиях без достаточных оснований и без какого-либо иного права.

3. Упомянутые господин подеста и послы от имени и со стороны упомянутых общины и генуэзцев обещают на-

званным господам Коста и Иолпани, упомянутым послам, со дня заключения настоящего мира и в будущем относиться, держаться и обходиться благосклонно с названным господином Иванко и его подданными и какими бы то ни было другими его подданными в какой бы то ни было земле генуэзской общины; сами же его подданные и люди должны верно охранять и оберегать свои вещи и товары, совершать, отдавать и оказывать суд и справедливость таким же людям и подданным названного господина Иванко, или ручаются совершать, отдавать (суд и справедливость) и содействовать, и то по отношению как ко всем, так и к отдельным генуэзцам, которые им должны, или которые иначе причинили или причинят вред упомянутым людям и подданным со дня заключения настоящего мира в будущем по отношению к имуществу или личности, которые находятся во владениях указанной общины, по тому, как покажется лучше самой общине или управителю, который во главе упомянутой общины строго стоит на страже справедливости.

4. Запрещается также какому бы то ни было генуэзскому кораблю, или таким (кораблям), которые были отправлены из Генуи, наносить какой-либо вред названному господину Иванко и его людям, землям или областям.

5. Точно так, если случится кому-либо принести вещи или товары какого-либо генуэзца и с ними приютиться в землях или областях указанного господина Иванко, то, после того, как первому будут возвращены товары и лица, таким людям может быть (предоставлен) приют и защита в его области в том, что касается личности и товаров. Таким же образом поступают и по отношению к тем, кто убегает из владений упомянутого господина Иванко и приютился в землях генуэзской общины.

6. В свою очередь упомянутые Коста и Иолпани, указанные послы, которые получают (это обещание) от генуэзской общины и всех отдельных генуэзцев,— (обещают) почитать, держать, принимать и относиться благосклонно ко всем вместе и к каждому в отдельности генуэзцам во всех землях и областях, которые им подчинены и еще будут им подчинены и верно защищать и охранять на суше и на море имущество здравствующих и потерпевших караблекрушение, и не позволять им препятствовать или обременять (их чем-нибудь), ни наносить им вред или создавать (для этого условия) и позволять (кому-либо) нанести им вред. Напротив, отгонять от всех них обиды, вредительства

и тяготы или насилия в своем владении и области, в землях и областях, которые им подчинены или в будущем будут подчинены и в какой-либо другой части света. Но все же в этих землях принимается генуэзский консул, который дает и оказывает суд и справедливость всем генуэзцам и по всем делам и спорам, которые возникнут или породятся между самими генуэзцами или между названными генуэзцами и подданными названного господина Иванко по гражданским и уголовным делам, но таким, где истцу требуется искать суда обвиняемому. Тому консулу, который должен быть избран и направлен прибыть в указанные земли, нужно оказывать помощь, совет, поддержку и покровительство для выполнения его службы и управления и руководства всеми генуэзцами, которые посещают его область, а ему (консулу) и другим генуэзцам давать и оказывать полное правосудие для каждого, кто прибегнет к его (господина Иванко) суду и правосудию в гражданских и уголовных делах. Под генуэзцами однако следует понимать всех тех, кого генуэзский консул объявит, скажет и назовет, что они являются генуэзцами или считаются таковыми.

7. Вышеупомянутые Коста и Иолпани, вышеназванные послы, обещают также упомянутым господам, подесте и послам, что (Иванко) (будет относиться) благосклонно и любезно ко всем генуэзским консулам, которые прибывают в его владения, и будет выслушивать их и кого бы то ни было из них и будет судить быстро и в целом по всем делам, которые его касаются и которые вершатся по совести упомянутого господина, так, чтобы могли быть заслуженно удовлетворены им. Кроме того, те обязываются и обещают дать, передать и доставить указанному консулу или консулам, которые подлежат быть избраны и посланы, как говорилось выше, удобный, подходящий и необходимый участок земли, на котором можно построить склады и церковь, где указанные генуэзцы, которые прибывают и посещают его земли, смогут обитать, пребывать и жить. Никто не может их обременять или беспокоить, или позволять быть обремененными, или обеспокоенными каким-либо или какими-либо из указанных генуэзцев за преступление или проступок, совершенные и сотворенные каким-либо или какими-либо другими генуэзцами. Однако никто невинный да не понесет наказания за кого-либо другого, который совершил преступление или проступок, но (пусть) наказание настигает виновных... Ни сын не будет наказан за преступ-

ления отца, ни также обратно. Против злоумышленных и преступных генуэзцев генуэзский консул, который находится (пребывает) (в) месте совершения преступления, да разузнает, да исследует (обнаружит) и да присудит, как находит лучшим в соответствии со справедливостью.

8. Точно так же упомянутые выше послы обещают, что сам великолепный господин Иванко будет давать генуэзцам хорошее, истинное и законное удовлетворение за весь вред, грабежи, кражи или насилия, совершенные над генуэзцами, раскрытые и известные со дня заключения настоящего мира генуэзским консулам или консулу, которые пребывают в его области, и совершенные подданными и подвластными названного господина Иванко или каких-либо других лиц какого бы ни было положения и по какому бы то ни было основанию и таким способом, что упомянутым генуэзцам будет дано быстрое и без всякого другого расследования полное удовлетворение за вышеуказанное. Кроме того, обещает, что каждый раз, как требуется представить каких-либо греков, болгар или лиц какого-либо другого положения свидетелями против каких-либо генуэзцев, от них будут требовать присяги с необходимыми и надлежащими обрядами, прежде чем допустить их свидетельствовать в каком-либо суде.

9. Равным образом вышеуказанные послы и посланники обещают, что сам великолепный господин Иванко будет защищать всех находящихся в его области генуэзцев от всяких лиц, как их имущество, так и их самих, и будет охранять и оберегать всех генуэзцев и их имущество во всей своей области. И если случится, что сам господин Иванко пожелает нарушить упомянутый мир, или же генуэзская община явится с войной к нему, то тогда и в таком случае сам господин Иванко обязывается охранять и оборонять самих генуэзцев и их имущество, как и дать им оставшиеся корабли, на которых они могут в подходящее и достаточное время удалиться из его области, вывезти оттуда в течение одного месяца вещи и легкие товары, а соль и корабли в течение шести месяцев, так и таким способом, чтобы они сами свободно могли выехать из его области и свободно вывезти вещи. Таким же образом (надлежит) поступать с его (господина Иванко) людьми и подчиненными, которые пребывают в земле (генуэзской) общины.

10. Точно так упомянутые выше послы и посланники обещают и торжественно соглашаются, что вышеназванный

господин Иванко в своих землях, которыми владеет или будет владеть, никак не запретит самим генуэзцам постоянно и когда они могут и имеют возможность вывозить из указанных его областей и владений по своей свободной воле всякие вещи, товары и всякие припасы, которые сами генуэзцы купили или приобрели каким бы то ни было способом, не может запретить указанным генуэзцам, но да позволит им покупать в его области вещи и припасы, какие они пожелают, за исключением времени голода. В таком случае позволено издать в области своей возборонение и запрещение для самих генуэзцев в такой мере, в какой направлено это и против всех других генуэзцев и если случится, что тот даст кому-нибудь позволение (покупать) припасы, то тогда обязывается допустить свободную возможность (приобретать их) упомянутым генуэзцам.

11. Точно так указанные выше послы и посланники обещают, что названный господин Иванко освободит всех вообще и каждого в отдельности генуэзца, которые находятся в каких бы то ни было его землях и местах, вместе с их женами, наложницами и детьми, даже незаконнорожденными, так, однако, что тот да не может задержать каким-либо способом какого-либо генуэзца или кого-либо из его семейства, если не подозревает, что он раб, но им дается возможность, чтобы они могли отбыть, куда они пожелают по собственной воле, как приятели указанного господина Иванко. А относится это к генуэзцам и их семьям всем вообще и к каждому в отдельности, которые будут объявлены генуэзским консулом, что они являются генуэзцами.

12. Точно так вышеназванные послы и посланники обещают, что указанный господин Иванко будет охранять и оберегать все вообще и каждые в отдельности вещи и товары, которые (принадлежат) вышеуказанным генуэзцам, не будет ни требовать, ни взимать сборы от указанных наших генуэзцев за их вещи и товары, которые приносятся, приводятся или переправляются там, и то как по морю, так и по суше, больше чем два на сто от цены и оценки указанной вещи, то есть один на сто за ввоз и столько же за вывоз. Не нужно, однако, под этим понимать корабли, золото, серебро, настоящий жемчуг или другие драгоценности, как те, которые туда ввозятся и приносятся, так и те, которые там приобретаются и оттуда вывозятся; сами наши генуэзцы да будут считаться свободными, освобожденными от таможенной пошлины (мита) и налогов и сле-

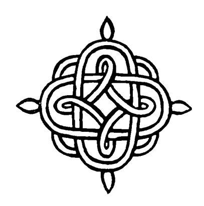
дует считать их свободными, освобожденными и необложенными (налогами) от самого господина Иванко, от его подданных и должностных лиц, как всегда, однако, подразумевается, что указанные генуэзцы будут обязаны платить указанное выше мито, когда продают или обменивают упомянутые вещи и товары. Если, однако, не продают и не обменивают, никак не будут обязаны заплатить что-либо за них, за исключением вещей и товаров, которые ввозятся или вывозятся из указанной земли в какие-либо другие земли, за которые (товары) надо заплатить только один на сто. Самих же генуэзцев да не могут подвергнуть никаким другим поборам, займам или налогам в указанных его землях со стороны господина Иванко, его людей и подданных.

14. Точно так упомянутые выше послы обещают, что сам великолепный господин Иванко в течение одного месяца со дня, когда он будет извещен об указанном мире, государственным актом скрепит, одобрит и утвердит клятвой и всякими другими гарантиями указанный мир и все вообще и каждое в отдельности, что содержится в нем, который обещает вечно соблюдать.

15. Указанные стороны от имени упомянутых лиц, между собой и взаимно одна сторона другой и вторая первой торжественным обещанием, данным одной и другой стороной, обещают вышеуказанное все и каждое в отдельности, и для вышеуказанных всех и каждого в отдельности и клянутся в этом над Святым божьим Евангелием, касаясь рукой Святого Евангелия — указанный господин подеста, послы и совет, по латинскому обычаю, прикасаются к Святому писанию, и указанные господа Коста и Иолпани, вышеупомянутые послы и посланники, по греческому обычаю; да имеют и поддержат вечно вышеуказанное все и каждое в отдельности они сами, (их) люди и подданные, их служители и указанная (генуэзская) община, как и все генуэзцы, будут его соблюдать, исполнять и охранять точно, добровольно и твердо, и никто да не противодействует и да не противопоставляется какому бы то ни было основанию или причине, которые можно сказать или измыслить юридически или фактически (de jure vel de facto) в качестве штрафа и в покрытие штрафа (в) сто тысяч золотых перперов по курсу Перы. Подлежит этому штрафу та сторона, которая не сохранила (мир), в пользу той, которая сохранила, каждый раз, как будет совершено нарушение или несоблюдение, как говорилось, в пользу стороны.

которая сохранила. Эти штрафы могут налагаться и взыскиваться в пользу той стороны, которая сохранила (мир), против той стороны, которая совершила нарушение, всегда, каждый раз, как будет совершено противодействие или, как выше (указывалось), несоблюдение путем возвращения всех и отдельных убытков и расходов, которые были понесены из-за этого. Заплачен или нет этот штраф,— вышеуказанное все и каждое (постановление) в отдельности,— все однако соблюдается точно, твердо и вечно. И для соблюдения и сохранения этого — всего в целом и каждого (постановления) в отдельности, названный господин подеста, послы и совет обязываются и закладывают перед названными послами имущество, все и каждое в отдельности, указанной общины Генуи и города Пера, которым по другому постановлению не запрещается быть заложенными, а упомянутые послы — имущество, все и каждое в отдельности, названного господина Иванко, настоящее и будущее, движимое и недвижимое, которое тот имеет или владеет, или в будущем будет иметь или владеть.

16. Совершено в Пере, в жилом дворце господина подеста, в верхнем зале указанного дворца, в год от рождения господа 1387-ой, индикт девятый по исчислению Генуи, день двадцать седьмой мая, часа после трех и до девяти, в присутствии приглашенных призванных для этого свидетелей (перечисление свидетелей).

ВЕНГРИЯ

1. «Золотая булла»
Декрет VII короля Владислава II
3. Трехкнижие Вербоци

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ венгерского феодального государства при короле Стефане (997—1037) ускорило процесс закрепощения свободного крестьянства и консолидации феодалов. Этот процесс сопровождался укреплением государственного аппарата, призванного обеспечивать привилегии дворянства, которые гарантировались многочисленными источниками писаного права.

От времен короля Стефана нам осталась целая серия важных законов, касающихся общественно-политического строя и государства, права канонического, права частного, уголовного права и судопроизводства.

К периоду царствования короля Андрея I (1046—1060) относятся отдельные распоряжения, направленные против «неверующих», которые, по мнению законодателя, угрожали существованию венгерского феодального государства, незадолго до того принявшего христианство.

При короле Владиславе Святом (1077—1095) было издано много декретов, содержащих, в частности, нормы канонического и уголовного права, а при короле Коломане (1095—1116) составлены две книги законов об организации государства, о процессе, судопроизводстве, церковном праве и т. д.

В XII—XIII столетии феодальные отношения получили еще большее развитие, власть феодальной знати, имения которой все более ширились, возросла по сравнению с сильно ослабевшей властью короля. Представители короля в разных округах становились, подобно каролингским графам, независимыми феодалами с наследственными правами на выполняемые ими должности.

В 1222 году король Андрей II утвердил привилегии феодального дворянства в так называемой «Золотой Булле», которая является, по существу, конституцией феодальной Венгрии той эпохи.

«Золотая Булла» предусматривала ежегодный созыв дворянского собрания, освобождала знать от налогов и

гарантировала ей неприкосновенность личности, а также содержала важные привилегии для феодального дворянства в области судопроизводства, военной службы и взаимоотношений с королем. Эти привилегии напоминают правила подобного рода из Великой Хартии вольностей, утвержденной в Англии в исторически сходной обстановке на несколько лет раньше (1215 г.).

Начиная с XIV столетия, развитие товарно-денежных отношений приводило к усилению эксплуатации крестьян и вследствие этого к обострению классовых противоречий. Дворянство, опасаясь крестьянских восстаний, искало сближения или союза с королем, рассчитывая на его помощь. Таким образом, появились некоторые тенденции к укреплению власти короля, которые приобрели конкретную форму в царствование Анжуйской династии.

В 1351 году в правление короля Людовика Анжуйского (1342—1382) был утвержден так называемый «Единственный декрет», которым санкционировалось соглашение, заключенное между королем и дворянством. Этот декрет устанавливал, что только дворяне могли быть собственниками земельных владений, от крестьян же требовалось, чтобы они отдавали собственникам имений девятую часть урожая; при этом прежние обязательства, которые обременяли крестьян, не были уменьшены.

В декрете закреплялось одновременно и право на отправление суда по гражданским и даже по некоторым уголовным делам сеньорами в отношении йобагов[1] соответствующих имений. Вместе с тем было отменено право перехода крестьян из одного имения в другое.

После прекращения Анжуйской династии (1386) позиции дворянства усилились, и оно добилось еще большей самостоятельности и независимости от королевской власти. Это выразилось в закреплении привилегий дворянства в писаном праве, что было сделано декретом короля Альберта в 1439 году.

В царствование Матвея Корвина (1458—1490) была предпринята первая попытка кодифицировать венгерское право в связи с проектами широких реформ, которые, однако, не нашли поддержки со стороны крупной знати.

Начиная с 1492 года, король Владислав II (1490—1516) составлял новые законы для венгерского королевства, которые подтверждали прежние привилегии дворянства

[1] Йобаг — зависимый крестьянин.

в соответствии с социальными и политическими переменами, происшедшими за истекший период. Среди этих законов очень важным был Декрет VII 1514 года, посредством которого король узаконил прикрепление крестьян к земле.

В 1504 году Владислав II поручил юристу Стефану Вербоци составить кодекс законов, который охватил бы все действующее к тому времени в Венгрии право. Работа была закончена в 1514 году, и кодекс представлен законодательному собранию. После того как собрание одобрило его, кодекс был утвержден королем, хотя и без соблюдения всех законных формальностей: он не был скреплен большой королевской печатью и не опубликован в округах.

Знать противодействовала введению в действие кодекса, что привело к обострению классовых противоречий между феодалами и йобагами. В 1514 году произошло мощное крестьянское восстание под руководством Георгия Дожи, подавленное знатью с исключительной жестокостью. После этого восстания знать заявила, что правила кодекса, составленного Вербоци, недостаточно строги по отношению к йобагам. Феодалы считали постановления, направленные против крестьян, слишком мягкими, а свои привилегии, подробно определенные кодексом, недостаточно широкими. Но кодекс помогал знати эксплуатировать и расправляться с крестьянами и подтвердил — вслед за Декретом VII (1514) — прикрепление крестьян к земле. Все население страны было разделено на две части: привилегированные феодалы, которые пользовались всеми правами, и эксплуатируемый класс — чернь, о которой кодекс упоминает только в той мере, в какой это необходимо, чтобы обеспечить ее зависимость от дворянства. Первый класс образует, по принятому кодексом Вербоци наименованию, «народ» (populus Werböcianus), в то время как эксплуатируемые крестьяне образуют «плебс» (misera plebs).

Кодекс Вербоци состоит из трех основных частей и введения. Поэтому ему было дано наименование «Трехкнижие» (Tripartitum) Вербоци[1]. Во введении излагаются общие понятия, входящие в науку права; первая часть говорит о правах класса феодальной знати, вторая часть

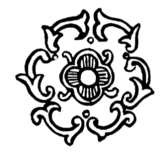
[1] Полное название Кодекса Вербоци «Tripartitum opus iuris consuetudinarii regni Hungariae» (Трехчастный свод обычного права венгерского королевства).

посвящена вопросам судопроизводства, третья — излагает действующее право, постановления об управлении Венгрией, Далмацией, Кроацией, Трансильванией и другими частями страны, а также устанавливает правовое положение горожан и йобагов.

Трехкнижие одновременно служило и кодексом, и учебником права, подобно тому, как это было с Институциями Юстиниана.

После опубликования Трехкнижие широко применялось и стало основанием для последующего развития венгерского феодального права.

Ниже приводятся переводы полного текста «Золотой Буллы», текста Декрета VII короля Владислава II и выдержки из Трехкнижия Вербоци. Оригиналы указанных памятников находятся в издании «Corpus iuris Hungarici», Magyar Törvenytar 1000—1845, Budapest, 1899. Все тексты написаны на средневековом латинском языке. Они были переведены на румынский язык доцентами Клужских Университетов Владимиром Ханга и Дезидерием Романом. Ими же были отобраны тексты для перевода на русский язык, даны примечания и написано предисловие.

1. „ЗОЛОТАЯ БУЛЛА“

(1222 г.)

О ИМЯ святой троицы единосущной и нераздельной. Андрей, милостью божией король Венгрии, Далмации, Кроации, Румии, Сербии, Галиции и Лодомерии во веки веков.

Так как свобода знатных нашего королевства, а также и других, которая установлена святым королем Стефаном, в значительной мере была уничтожена властью некоторых королей, действовавших либо под влиянием собственного гнева или в результате вероломных советов лиц негодных или искавших лишь своих выгод, знатные люди многократно обращались с просьбами к нашему величеству и к королям, нашим предшественникам, об изменении состояния нашего королевства. Поэтому мы, будучи к этому обязаны и желая во всем выполнить их просьбы, тем более учитывая большие огорчения по этому поводу, которые возникли между нами и ими, и полагая, что следует их устранять для полного сохранения королевского достоинства, причем мы можем лучше всего сделать это именно через них, мы даруем им и другим людям нашего королевства свободы, которые были им даны Святым королем, и предписываем также иные полезные меры, направленные для реформы состояния нашего королевства и заключающиеся в нижеследующем:

Каждый год мы обязательно будем проводить праздник Святого короля[1] в Белом королевском зале, кроме случаев, когда этому будут препятствовать существенные неприятные обстоятельства или болезнь. Даже в том случае, когда мы не сможем там присутствовать лично, наш палатин будет обязательно представлять нас в этом месте и будет вместо нас выслушивать наши дела и дела наших слуг[2], которые захотят быть на этом собрании свободных людей.

---

[1] 20 августа.

[2] Речь идет о знатных слугах, которые составляли низшее дворянство.

Мы хотим, чтобы ни мы, ни наши преемники никогда не подвергали заключению служилых людей или конфискации их имущества в угоду желаниям какого-либо властителя, если перед этим они не будут вызваны или (и) осуждены судебной камерой.

Мы не будем собирать налогов, а также «денег за свободу»[1] с людей, проживающих в имениях наших вассалов. Мы не будем приезжать в их дома или поля, иначе как по приглашению. Мы не будем также собирать налогов с их церковных людей[2].

Если какой-либо служилый человек умрет, не оставив сына, то дочь его получит четвертую часть его имущества; что же касается остального, то он может завещать его кому угодно. Если он внезапно умрет, не успев сделать завещания, то указанный остаток в первую очередь получают его наиболее близкие родственники. Если у него никого не осталось из родственников, то этот остаток идет королю.

Графы, стоящие во главе округов, не будут иметь судебных прав в пределах имений служилых людей, за исключением дел о монете и о десятине. Замковые графы округов не будут никого судить, кроме людей, соответствующих замков. По делам о воровстве и разбое дела будут рассматривать королевские судьи[3], однако только в присутствии соответствующего графа.

Равным образом знатные люди на основании совместной присяги не смогут быть обвинены в воровстве, как это было ранее в обычае[4].

Когда король захочет отправиться с войском в поход за пределы королевства, служилые люди не будут принуждены идти с ним, иначе как за особое вознаграждение, а после возвращения он их не будет облагать воинским штрафом. Если же какое-либо вражеское войско вторгнется извне в королевство, то все вообще обязаны отправиться в поход. Одновременно, если мы захотим идти с войском за пределы королевства, все те, которые получили во владение особые округа или специальное вознаграждение от нас, обязаны следовать за нами.

---

[1] Налог, взимавшийся с еще незакрепощенного крестьянства.

[2] То есть с людей церкви, проживающих в имениях вассалов.

[3] Специальные выездные королевские судьи для разбора наиболее важных уголовных дел.

[4] Этот обычай записан во втором законе короля Владислава ст. ст. 4, 5.

Палатин будет лично вершить суд над всеми людьми нашего королевства, что же касается дел знатных лиц, то дела, по которым угрожает смертная казнь или конфискация имущества, он сможет решать только в присутствии (с ведома) короля; судьи будут иметь только по одному заместителю.

Наш дворцовый граф во всякое время будет вершить суд и сможет судить всякого, если дело возникло во дворце, оно сможет продолжаться повсюду. Когда он находится в своем поместье, он не сможет посылать приставов и чем-либо распоряжаться в отсутствие сторон.

Если какое-либо высокое лицо, которое выполняет ту или иную должность, умрет в походе, то его сын или брат будут пожалованы той же должностью; в противоположность этому, если какой-либо служилый человек умрет при тех же обстоятельствах, то сын его будет пожалован тем же, если это будет угодно королю.

Если в королевство приедет иноземец из числа благородных людей, то он не будет назначен на высшие государственные должности без согласия совета королевства.

Супруги тех, кто умер или приговорен к смерти, или тех, кто умер во время дуэли[1] или от какой-либо иной причины, не будут лишены того имущества, которое составляло их приданое.

Знатные лица, следуя со двором или куда-либо направляясь, не должны притеснять и грабить бедных.

Если какой-либо граф не ведет себя честно, в соответствии со своей должностью графа, или же разоряет людей своего округа, то будучи за это осужден перед лицом всей страны, он должен быть с позором лишен своей должности и обязан вернуть обратно все то, что он взял.

Конюшие, псари охотничьих собак и сокольничьи не должны заезжать и находиться на полях служилых людей.

Не будут жаловаться на вечные времена во владение или в собственность целые округа или высокие должности.

Никто не будет никогда лишен имения, которое он приобрел честной службой.

Служилые люди, получившие наше разрешение, смогут перейти беспрепятственно к сыну нашему, это относится как к крупным, так и к мелким людям, причем они по указанной причине не будут лишены имений. Мы не примем никого, кто был осужден на основании законного

[1] На судебном поединке (примечание румынских переводчиков).

приговора у сына нашего, а если судебное дело против него было начато, то пусть оно окончится. И наоборот, сын наш будет поступать таким же образом.

Служилые люди замков должны оставаться свободными людьми, как это установлено для них святым королем. Равным образом и переселенцы любой национальности должны оставаться свободными, как это и было с самого начала. Десятина не будет собираться деньгами и будет уплачиваться вином или зерном лишь после того, как созреет урожай. Если даже епископы будут делать иное, то мы им в этом не будем оказывать поддержки.

Епископы при сдаче десятины с имения своих вассалов не должны учитывать находящихся в пределах этих имений наших коней. Их люди не обязаны будут привозить десятину в королевские имения[1].

Свиньи наши не будут пастись в лесах и на полях служилых людей без согласия последних.

Наша новая монета будет иметь хождение только на протяжении года, от Пасхи до Пасхи, и динарии будут такими, какие были во времена короля Белы[2].

Графы, ведающие казначейством, менялы денег, откупщики соли и собиратели таможенных пошлин пусть будут из числа дворян королевства; ими не смогут быть измаилиты[3] и евреи.

Склады соли не будут содержаться внутри страны, за исключением складов в Золохе, в Сегедине и в пограничных местностях[4].

Мы не будем жаловать имений иностранцам, а если кто-либо уже был одарен или купил его, то имения будут взяты обратно королевством путем выкупа.

Налоги, которые уплачиваются с урожая или с плодов, будут взиматься в соответствии с обычаями, установленными королем Коломаном[5].

Если кто-либо будет осужден в судебной камере, то никто из влиятельных лиц не должен в это вмешиваться.

Графы будут пользоваться только теми доходами, которые им следуют со своего округа, остальное, что причи-

[1] Крестьяне, жившие на церковных землях, освобождались от повинности по перевозке в королевский домен десятины, сдаваемой епископам.

[2] Бела III (1173—1196).

[3] Жители Венгрии мусульманского вероисповедания.

[4] Речь идет об ограничении королевской монополии по торговле солью.

[5] Коломан Книжник (1095—1116).

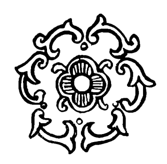
тается королю, от налога ведерного, таможенного, налога с быков, а также две трети дохода от замков, должны быть переданы королю.

За исключением указанных ниже четырех высших должностных лиц, а именно: палатина, бана, графа короля и графа королевы, никто не может одновременно занимать две должности.

Для того чтобы в соответствии с этим установлением и порядком все осталось в силе и нерушимо, как в наше время, так и при наших преемниках, я приказываю, чтобы этот акт был написан в семи экземплярах, которые будут скреплены нашей золотой печатью. При этом один экземпляр будет переслан Папе с тем, чтобы он распорядился внести его в свой реестр. Второй экземпляр будет направлен во дворец Госпитальеров. Третий экземпляр во дворец Тамплиеров. Четвертый остается королю. Пятый экземпляр будет направлен в Стригонийский монастырь. Шестой будет направлен к Колоч. Седьмой — Палатину на службу для того, чтобы был всегда перед глазами настоящий документ, ничего не было нарушено из того, что выше в нем указано и ничего не включалось такого, что отвергнуто королем, знатными и прочими, с тем, чтобы они пользовались своей свободой и чтобы не нарушали верности нам и нашим преемникам и не отказывались от надлежащей службы королевской короне.

Более того, если мы или кто-либо из наших преемников захочет нарушить настоящее предписание, то епископы, как и прочие йобаги и знатные нашего королевства, все вместе и каждый в отдельности, как в настоящем, так и в будущем, без боязни обвинения в неверности и в силу настоящего документа, могут всеми средствами восставать и противодействовать нам и преемникам нашим.

[Следуют подписи и дата].

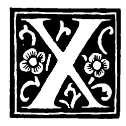
2. ДЕКРЕТ VII КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА II

(1514 г.)

[Извлечения]

Глава 14

Относительно наказания главарей, сотников и десятников крестоносцев[1] и относительно обязанностей, которые вследствие этого устанавливаются

ОТЯ ВСЕ крестьяне, восставшие против своих природных господ, должны быть наказаны смертью, как изменники, однако, чтобы не проливать столько крови и чтобы не исчезло с земли все крестьянство, без которого не может существовать дворянство:

§ 1. Устанавливается, что все главари и сотники, десятники, все подстрекатели крестьян, а также все те, которые изобличены как убийцы дворян или те, кто надругался над девушками и женщинами, должны быть умерщвлены без пощады и истреблены, где бы они ни находились.

§ 2. Все прочие крестьяне, которые были крестоносцами, после того, что они сделали, должны возместить и уплатить все убытки, причиненные ими, и возмещения за убийства[2], упомянутые выше.

---

[1] Речь идет о восставших под предводительством Георгия Дожа, называемых крестоносцами (куруцами) потому, что поводом к восстанию крестьян была подготовка крестового похода, затеянного против турок папой Львом X. Крестьянам, которые стали под знамена этого крестового похода, пообещали свободу, поэтому многие из них записались в войско. Однако дворянство, опасаясь лишиться рабочих рук, потребовало, чтобы крестьяне вернулись в поместья, откуда они ушли; после этого крестьяне подняли оружие против феодалов.

[2] Речь идет о штрафе под названием homagium, который уплачивался за пролитие крови.

§ 3. Чтобы память об их измене и о наказании за это передалась потомству, чтобы их потомки и все человечество знало, как велико преступление бунтовать когда-либо против своих господ, пусть все крестьянство, живущее где бы то ни было в этом королевстве, за исключением свободных городов и тех, которые окружены стенами и остались верными его величеству своему королю, и тех, которые остались верными своим господам и святой короне и не присоединялись к той части преступных крестьян, которая участвовала в восстании, потеряет из-за своей неверности ту свободу, на основании которой они могли переходить с одного места на другое, и навсегда и полностью будут прикреплены к земле владельцев имения.

§ 4. В будущем они также не должны думать о возможности передвигаться с одного места на другое и поселяться там на постоянное жительство против желания и разрешения своих господ.

Глава 15

Платежи, которые должны быть уплачены крестьянами

Кроме того, каждый семейный крестьянин, либо домовладелец или же обладающий земельным участком[1] или безземельный[2] обязан уплатить где бы то ни было господину имения каждый год сто динариев, что составляет один флорин золотом, причем, 50 динариев — ко дню святого Георгия, а остальные 50 — к празднику архангела Михаила.

§ 1. Если же в каком-либо месте по обычаю до сих пор платеж производится в сумме бо́льшей, чем сто динариев, то следует понимать, что он не уменьшается настоящим постановлением.

---

[1] Речь идет о лицах, которые были собственниками земельного надела. Таких лиц называли йобагами. Вообще в истории венгерского права йобагами или йобагионами первоначально называли всякого феодально-зависимого человека, в том числе и высших должностных лиц, зависивших непосредственно от короля. В XVI веке так назывались зависимые закрепощенные крестьяне.

[2] Крестьянин, лишенный собственного имущества и работающий в дворянском имении.

Глава 16

Барщина, выполняемая рядовыми йобагами

Одновременно на каждой неделе йобаги обязаны отрабатывать один день барщины в пользу своих господ.

Глава 17

Налоги, уплачиваемые йобагами

Также в каждом месяце йобаги обязаны доставлять своим господам по одному цыпленку.

Глава 18

Йобаги обязаны давать десятую и девятую часть всего урожая земли

Йобаги обязаны со всего урожая земли платить налог с того, что сжато или скошено. Кроме того, они обязаны давать своим господам девятую часть урожая вина, не считая десятины, уплачиваемой прелатам[1].

§ 1. Таким образом, из десяти снопов урожая или из десяти ведер вина крестьянину оставляется восемь.

§ 2. Что касается десятины, то йобаги должны поставлять или уплачивать налог только с того урожая, с которого и до сих пор по обычаю уплачивалась десятина.

Глава 19

Оброки гусями, доставляемые йобагами

Каждый год йобаги обязаны доставить двух гусей своим господам, молодого гуся в праздник троицы и старого — в день праздника святого епископа и исповедника Мартина.

Глава 20

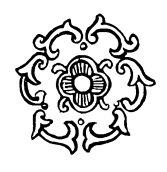
Оброки свиньями, доставляемые йобагами

Йобаги также обязаны сдавать с каждого села, в котором до десяти хозяйств йобагов или меньшее количество,

[1] То есть церкви.

одну откормленную свинью, а если в этом месте будет больше десяти хозяйств, в этом случае сдается по одной откормленной свинье на каждые 10 хозяйств.

§ 1. Все остальные налоги, которые до сих пор платились или взимались по обычаям, по хозяйственным книгам или по дворянским хартиям, если они более высоки, остаются в силе.

3. ТРЕХКНИЖИЕ ВЕРБОЦИ
(1517 г.)

[Извлечения]

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА

РИНОШУ Вашему Величеству безграничную и немеркнущую благодарность от имени всех ваших подданных за то, что вы соизволили утвердить властью ваших законов и постановлений основания знаменитого вашего царствования, которое не разрушит ни ирония судьбы, ни несправедливость людей. Ибо кто же из нас не знает, что законы были придуманы для сохранения жизни, успокоения и счастья людей? Без законов не могут существовать ни семья, ни города, ни нация, ни человечество в целом, ни целый мир, ни даже свет. Кто именно был изобретателем первых законов, мы точно не знаем; Евреи доказывают, что им бесспорно был Моисей, Афиняне называют Цекропса и Солона, Аргивяне — Форонея, Критяне — Миноса и Радаманта, Лакедемоняне — Ликурга, Египтяне — Трисмегиста, Персы — Зороастру.

Кто бы он ни был, он доставил человечеству огромный дар, ибо вряд ли можно предположить, чтобы мы могли просить у божественного провидения что-либо бо́льшее и более полезное, так как законы являются путеводителями и советчиками всей людской жизни. Все приведено в порядок на основании справедливости, размышлений и высокой мудрости, все предусмотрено, что нужно для руководства и защиты людей, все создано для направления жизни к счастью и добру.

Поэтому никакая власть, никакое государство не могут быть вечными без закона. Даже если власть приобретена военной силой, законы ей покровительствуют после того, как она установлена. Законы — это стены и основания кре-

пости, в них находится спасение благородных людей, в них кроются условия мирной жизни.

Стоим ли мы, двигаемся ли мы, спим мы или просто ведем жизнь без заботы, все это должно находиться под покровительством законов. Если мы уничтожим законы, то благородные люди не найдут себе места в обществе, и это приведет к постоянной и позорной несправедливости.

Устранение законности привело бы к тому, о чем говорил блаженный Августин: государства превратились бы в огромные разбойничьи гнезда. Законы это то, что укрывает нас от опасности и от позора, это то, что изгоняет несправедливость и удаляет отовсюду разбойников и опасных злоумышленников. Наконец, они помогают нам во время отдыха, и во время полного покоя.

В этой области в наше время нельзя было бы сделать чего-либо более достойного песни певца или более плодотворного для достижения вечной славы и более соответствующего укреплению согласия и нерушимости вашего процветающего царства, чем то обстоятельство, что по вашему призыву и властью вашего величества ныне появляются законы и установления этого государства.

ЧАСТЬ I

ТИТУЛ 2

КАК ЛИЦА ЦЕРКОВНЫЕ, ТАК И СВЕТСКИЕ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ СВОБОДОЙ

Для начала следует знать, что лица, о которых права и обычаи в настоящее время говорят, бывают либо духовные — иначе лица церковные, или светские.

§ 1. Если в целом лица церковные, (которые учреждены господом и творцом нашим при создании человека), должны считаться более достойными, чем светские, то все же все господа прелаты и священники церквей и бароны, а также иные магнаты и дворяне и более высокие лица государства Венгерского пользуются в отношении своего дворянского достоинства и своих светских владений одними и теми же привилегиями свободы, охраны и иммунитета; никакой господин не имеет большей свободы, никакой дворянин не пользуется меньшей свободой. Из этого правила следует, что все они пользуются одним и тем же

законом или обычаем, подлежат одной и той же судебной процедуре и различаются только в отношении размера штрафа, который установлен в возмещение за их головы[1].

§ 2. Для господ прелатов и баронов говорится о штрафе в возмещение за убийство в сумме 100 монет, а для дворян не более — 50 монет, несколько ниже об этом будет подробнее сказано. Это объясняется не основаниями их свободы, а их достоинствами и заслугами, например, в отношении прелатов их духовным достоинством, в отношении баронов — с уважением, которое они приобрели службой, на которой они действовали и которая привела к тому, что они были возвышены государем.

ТИТУЛ 4

КАЧЕСТВО ИСТИННОГО ДВОРЯНСТВА ПРИОБРЕТАЕТСЯ СЛУЖБОЙ ВОЕННОЙ ИЛИ ИНЫМИ ЗАСЛУГАМИ И ПОДКРЕПЛЯЕТСЯ ПОЖАЛОВАНИЕМ ПОМЕСТЬЯ

Качество истинного дворянства приобретается военным искусством и дисциплиной, а также иными способностями и достоинствами духовными и телесными.

Отсюда, когда государь жалует кому-либо, какого бы звания он ни был, за выдающиеся личные качества и за службу замок или местечко, или село, или иное право на имение[2], тогда данное лицо, посредством этого пожалования государя (после введения во владение пожалованным), приобретает указанные качества настоящего дворянства и выходит из зависимого состояния крестьян-йобагов.

§ 1. Если эта свобода дарована, то это именуется нашим дворянством. В силу этого же права сыновья таких дворянских родов правильно называются помещиками и свободными. Подобных дворян по их причастности и связям, указанным выше, мы считаем членами святой короны; они не подчинены ничьей власти, кроме власти короля, коронованного законным образом.

---

[1] Речь идет о штрафе homagium. Размер штрафа изменялся в зависимости от классового положения убитого.

[2] Речь идет о «ius possessionarium», что означает право земельной собственности.

ТИТУЛ 5

ИМУЩЕСТВОМ, ПРИОБРЕТЕННЫМ ПО СВОЕЙ СЛУЖБЕ, КАЖДЫЙ МОЖЕТ РАСПОРЯЖАТЬСЯ НЕОГРАНИЧЕННЫМ ОБРАЗОМ

Право на имущество, приобретенное на военной службе, называется юристами «peculium castrense» [1], а права, приобретенные ученостью или чьими-нибудь познаниями называются «peculium quasi castrense» [2]. Оно называется пекулиум или имуществом собственным либо частным, поэтому сыну дозволено им распоряжаться даже без согласия отца и наоборот.

§ 1. Отсюда ведет свое происхождение и основание наш достойный похвалы, очень древний и весьма постоянный обычай, по которому какой-либо барон, магнат или дворянин может распорядиться любым способом (как угодно) и даже произвести раздел с отцом или своим братом всех имений или имуществ и прав на недвижимости, приобретенных любым образом по должности, по службе и своему достоинству, как об этом будет указано более подробно далее в связи с вопросом о разделах, которые производятся между братьями.

ТИТУЛ 9

О ЧЕТЫРЕХ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ И ГЛАВНЫХ СВОБОДАХ ДВОРЯНСТВА

Среди многих свобод, которыми обладают указанные дворяне и которые обозначены в привилегиях и установлениях государей, все же четыре являются главными, поэтому мы особо перечислим их:

§ 1. Первая из них это следующая: в силу нее лицо не может быть задержано никогда и никем, по чьей то ни было просьбе или жалобе, если оно не было предварительно вызвано, привлечено к суду и осуждено согласно закону.

§ 2. Указанная свобода не применяется во внимание в случаях действий или преступлений уголовных, если

[1] Термин взят из римского права, где он обозначал имущество, приобретенное сыном семьи в связи с военной службой.

[2] В римском праве это слово обозначало имущество, приобретенное сыном семьи на службе императору, государству или церкви.

совершено умышленное убийство, поджог посевов, кража или грабеж или разбой или бесстыдное посягательство путем насилия; во всех этих случаях теряется честь, титул и свобода дворянства. Если так будет обстоять дело, то каждый человек, даже, если это будет крестьянин, может схватить виновного на месте совершения преступления и тот будет наказан по закону и осужден соответственно преступлению, которое он совершил.

§ 3. Если, однако, он бежал с места преступления и был схвачен соответствующим органом власти, то он не может быть за это осужден и наказан иначе, как в результате вызова и привлечения к суду и после законного судопроизводства.

§ 4. Вторая свобода состоит в том, что дворяне всего королевства (как это указано выше) не подчинены ничьей власти, как только власти государя, законным образом коронованного, поэтому даже и государь наш, на основании имеющегося у него авторитета, не может вторгаться в личные или имущественные дела кого-либо из дворян; это же самое правило применяется и в случае жалоб или злонамеренных обвинений с чьей-либо стороны, кроме случаев применения законного пути и после того, как будут выслушаны обе спорящие стороны.

§ 5. Третья свобода состоит в следующем: они имеют свободную власть пользоваться во всякое время, поскольку это право им предоставлено, также и доходами, полученными в пределах их имений, собранными или полученными от какой бы то ни было службы крестьян, от уплаты пошлин и налогов с земли, от сборов и таможенных пошлин и налога в одну тридцатую[1], и должны исполнять только воинские обязанности по отношению к королевству.

§ 6. Четвертая (так как она отличается от остальных) и последняя свобода состоит в следующем: если кто-либо из королей или государей наших нарушит свободы дворянства, указанные или охваченные в общем законе высочайшего государя, покойного Андрея II, названного Иерусалимским, и соблюдать который всякий король Венгрии обязуется раньше, чем он будет коронован святой короной, тогда дворяне имеют во всякое время свободную власть сопротивляться и восставать против короля, не опасаясь обвинения в измене.

[1] Налог, уплачиваемый с товаров, ввозимых и вывозимых, исчислялся в размере 1/30 стоимости товаров.

§ 7. Под термином «дворянин» в настоящей главе понимаются вообще все господа прелаты, бароны и прочие магнаты и иные выдающиеся люди этого государства, за которыми (как было указано выше) закреплены те или иные привилегии свободы.

ТИТУЛ 13

О ПОЖАЛОВАНИЯХ КОРОЛЯ И ОБ ИХ ВИДАХ ВООБЩЕ

Поскольку во всем королевстве Венгрии, как и в тех государствах, которые в него входят, и в областях, которые ему подчинены, господа прелаты, бароны, дворяне и знатные люди, какого бы они ни были состояния, положения, достоинства и ранга, являются владельцами имений со всеми правами на основании пожалований сиятельного господина короля Венгрии, (то) необходимо поговорить прежде всего обо всем, что касается пожалований короля и о случаях подобного рода вообще.

§ 1. Прежде всего надо знать, что пожалования короля бывают двух видов, а именно: чистое и смешанное.

§ 2. Чистое пожалование — это такое, посредством которого кому-либо передаются навечно за службу или личные заслуги определенные права на имение, находящееся на законном основании под юрисдикцией святой короны.

§ 3. Мы называем смешанным пожалованием такое, для приобретения которого, помимо службы, требуется также определенная сумма денег. Указанное пожалование обычно называется временной передачей.

§ 4. Его королевское величество (на основании упомянутых выше правомочий святой короны королевства Венгрии) имеет неограниченную власть распоряжаться (как захочет) всеми правами на имения тех, которые умерли без наследников и потомства, а именно: может удержать их за собой[1] или сможет пожаловать либо передать временно тому, кому захочет.

§ 5. Для того чтобы злобность преступников не оставалась безнаказанной, чтобы дворянство и крестьянство не оказались одинаково ценными и также, чтобы верные и неверные не расплачивались одинаково за случившееся, дабы таким образом победить дерзости и восстания и чтобы вместе с тем поразить злоумышленных людей и

[1] То есть хранить это имение в качестве вакантного в составе королевского домена.

разбойников, прадеды наши, на основании надлежащих законов и для охраны интересов государства, установили в общем декрете, что будут возвращены святой короне, именуемой королевством Венгрии, и в результате снова смогут быть пожалованы не только права на имения тех, которые остались без наследников,— как было уже показано,— но и тех (даже если они находятся в живых), которые восстали против порядка этого королевства, пренебрегая тем самым достоинством его королевского величества и ополчаясь на других не путем законного судопроизводства, а способом самоуправным и злоумышленным; в этом случае примерное наказание будет удерживать одних (от преступления) — других же, которые возможно получат эти имущественные пожалования, будет побуждать к наибольшим действиям по исполнению и сохранению долга верности.

ТИТУЛ 15

О ДЕЛАХ, КОТОРЫЕ КАСАЮТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЗМЕНЫ

В делах об измене его королевское величество имеет возможность подарить непосредственно или любым способом, кому захочет, имущество определенного лица, находящегося в живых.

§ 1. Первым является преступное оскорбление величества: если кто-либо злоумышленно подымает руку против нашего государя или покушается на его жизнь посредством сабли или яда или проникает путем насилия в замок или в дом, в котором находится государь.

§ 2. Второй случай имеет место, когда кто-либо открыто нападает на государственный порядок и восстает против него, против короля и короны. Это нападение следует однако так понимать: пока это делается законными путями, нет виновности в измене.

§ 3. То же имеет место, если составляются подложные акты или пользуются указанными актами открытым образом для подкрепления решений суда или когда изготовляются или используются поддельные печати.

§ 4. То же самое имеет место, если кто-либо изготовляет фальшивую монету, или сознательно пользуется такой монетой в большом количестве.

§ 5. Также совершают такое преступление те, кто убивает или ранит братьев или родственников до четвертой

степени. То же самое совершают те, которые убивают отца или супруга либо супругу. Под этим следует понимать только убийство супруга или супруги, которое кто-либо совершает незаконным образом, не считая случаев применения законной процедуры и справедливости.

§ 6. Это же относится к тем, кто совершает те же действия в отношении родственников по женской линии также до четвертой степени, к тем, которые изнасилуют свою мачеху или совершат кровосмешение, если были осуждены или объявлены вне закона.

§ 7. Это же относится к явным поджигателям посевов и имений.

§ 8. Это же относится к тем, кто приглашает в страну иностранных разбойников или наемных людей с целью нарушить внутренний порядок королевства.

§ 9. Это же относится к лицам, виновным в подделке документов, обеспечивающих общественный порядок, пропусков, если они были осуждены судебными органами за такие действия.

§ 10. То же самое относится к случаям, когда предаются замки, принадлежащие господам. Это же относится к тем, кто осаждает, захватывает или берет путем хитрости города, замки или иные укрепления каких-либо сограждан, если сознавал это ясно или был уже осужден за такие же действия.

§ 11. Это же относится к тем, кто убивает, берет в плен или ранит судей королевства или их заместителей.

§ 12. Это же относится к тем, кто убивает спорящую с ним сторону по процессу, если она обращается для судебного разбирательства к его королевскому величеству, или к судебному месту в каком-либо округе, или к какой-либо иной судебной инстанции для продолжения процесса, или к тем, которые убивают лиц, направляющихся с жалобой на сессию собрания, созываемого королем.

§ 13. Это же относится к тем, кто убивает, избивает или ранит королевских людей, делегатов, направленных капитулом или конвентом[1] для того, чтобы произвести принудительно исполнение.

§ 14. Это же относится к публично признанным еретикам, то есть к тем, кто принадлежит к какой-либо осужденной ереси.

[1] Капитул и конвент — это собрания каноников с судебными функциями.

§ 15. Это же относится к воеводам и иным служащим на границах королевства, которые при изъятии денег совершают мошенничества или хищения.

§ 16. Это же относится к тем, кто сдает города на государственной границе.

§ 17. Это же относится к тем, кто снабжает продовольствием или оружием турок или иных неверных, которые нападают на королевство и являются его врагами.

§ 18. Это же относится к тем, кто пугает, задерживает или грабит лиц, которые, оставляя свои проклятые верования, ищут убежища в нашем королевстве, намереваясь остаться здесь.

ЧАСТЬ III

ТИТУЛ 25

О ЮРИДИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН-ЙОБАГОВ

§ 1. Состояние йобагов различно, ибо одни из них являются венграми, другие саксонцами и германцами, иные чехами и славянами, исповедующими христианство. По языку одни из них являются румынами и русинами, другие русскими или сербами и болгарами, которые следуют греческой ереси. Кроме того, есть еще филистеи, куманы, проживающие и расселенные на королевских землях, исповедующие иногда христианство. Среди русинов и болгар некоторые являются последователями нашего исповедения, другие — греческой ереси.

§ 2. Несмотря на то, что указанные народы (за исключением филистеев, русин и королевских болгар) пользовались до настоящего времени привилегиями настоящей свободы — при уплате налога с земли и иных налогов они могли свободно изменять место своего жительства и оставаться в ином месте, которое они предпочитали, все они потеряли полностью эту свободу в прошедшее лето в результате восстания, мятежа и бунта против всех дворян под именем крестоносцев проклятого злодея, разбойника секея Георгия[1] и по причине участия их в этом деле они оказались навсегда виновными в измене, и после этого они прикреплены навечно к земле своих хозяев.

---

[1] Речь идет о Георгие Доже, которого Вербоци так называет, откровенно выражая интересы класса феодальных дворян, подавивших крестьянское восстание 1514 года.

§ 3. Указанные йобаги в соответствии с ранее установленными законами и обычаями королевства, не смогут быть вызваны в суд по какому-либо основанию, (исключая только дела, которые рассматривает гласный церковный суд), прямо и непосредственно, ни судьями королевства, ни церковными викариями и иными духовными судьями, ни графами других округов, ибо господа их по земле, независимо от того, являются ли они светскими или духовными, обязаны прежде всего судить и применять право в отношении йобагов по всем их жалобам и обвинениям.

§ 4. Впоследствии, если одна из сторон не будет удовлетворена подобным судебным решением, она может передать дело для рассмотрения высшим судебным органам, в компетенцию которых входит, после проверки такого дела, сделать решение более ясным, обдуманным и обоснованным.

§ 5. Если, однако, из дела соответственно его содержанию, будет установлено, что оно относится к компетенции церковной инстанции, то оно должно быть переслано местному епископу или его викарию; если же будет видно, что оно относится к ведению суда светского, то оно должно быть переслано графу округа или дворянским судьям.

§ 6. Когда для рассмотрения подобного процесса и осуществления правосудия указанное дело было отправлено или начато королевским судом путем вызова в суд, или начато графом округа или церковным викарием по повестке, а также когда дело послано обратно господину по земле, необходимо всегда расследовать и разобрать дело с использованием доказательств перед одним или двумя дворянскими судьями.

РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЕ ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ[1], ПРАВИЛА ОТНОСИТЕЛЬНО НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Все имущество и всякие права на имущество[2] родителей или предков всех господ, баронов и магнатов и дворян, как бы они ни назывались, должны быть разделены

---

[1] Тексты, которые приводятся ниже, взяты из разных частей Трехкнижия и объединены по содержанию их в титулы, наименование которых дано переводчиками, переводившими этот источник с латинского языка на румынский.

[2] Речь идет о так называемых поземельных правах, иначе о правах поместной собственности.

одинаковым образом между сыновьями этих господ или дворян, а именно между родными братьями; сколько есть братьев, на столько частей должно быть разделено имущество. Родительский дом оставляется младшему сыну, который остается и живет в нем[1] (Трехкнижие, 1. 40, § 2).

Четверть, называемая девичьей,— это право на имущество, которое дается девушкам и женщинам из имущества и прав родителей в порядке наследования. Каждый барон, магнат или дворянин, который имеет дочь или десять дочерей или даже больше того, может путем особой выплаты четверти покрыть долю всех дочерей. При этом все родительские права на имения со всеми правами пользования и со всем, что к этому относится, делятся непосредственно на четыре равные части, из которых четвертую часть составляет именно четверть, причитающаяся девицам. Она должна быть установлена и оценена по обычной стоимости. Соответственно этой ценности должно быть дано удовлетворение всем дочерям путем единого платежа, сделанного деньгами, но не имуществом... Однако собственность и право наследования указанной четверти, совместно с остальными частями, будет оставаться навсегда за сыновьями и их наследниками[2].

(Трехкнижие, 1. 88, 1. 89, предисловие и § 1).

Если супруг, умирая, оставит сына, дочь и супругу и неразделенных братьев[3].., прежде всего следует выделить долю покойного в движимом имуществе и отделить ее от частей тех неразделенных братьев, которые находятся в живых.., а потом все движимое имущество умершего супруга, за кем бы оно ни числилось, должно быть разделено соответственно между супругой, сыновьями и дочерьми и должно быть создано столько долей, сколько лиц находятся в доме, то есть неотделенных и неженатых, и каждому дается его часть, за исключением выездных коней и хорошего платья умершего супруга, которые должна получить после него вдова.

(Трехкнижие, 1. 99, предисловие и § 1).

---

[1] Остальные сыновья имеют право общего пользования доходами с указанных имений с тем, чтобы они возвели себе дома, подобные отцовскому.

[2] Речь идет о 1/4 родительского имущества, которую девушки получают преимущественно в деньгах, а не вещами.

[3] То есть братьев, владевших имуществом сообща с покойным братом.

Письма и документы, относящиеся к имуществу или к правам на семейное имущество, нужно отдать не старшей дочери, а сыну, даже если он моложе, чем она[1].

(Трехкнижие, 1. 42, предисловие).

Воинское оружие отойдет без раздела к сыновьям и неразделенным братьям.

(Трехкнижие, 1. 99, § 2).

ПРАВИЛА ОТНОСИТЕЛЬНО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННОГО ПУТЕМ КОРОЛЕВСКОГО ПОЖАЛОВАНИЯ

Иногда ставится вопрос об имуществе и правах на имения, полученных за службу,— почему они не переходят к женщинам. Следует ответить, что это происходит вследствие того, что королевство Венгрия и области ему подчиненные находятся среди вражеских государств и необходимо быть все время готовым к защите его саблей и оружием. Имущество и права на имения наши предки приобрели за воинское искусство и пролитие крови.., а женщины и девушки этим не занимаются и не могут воевать оружием и бороться с врагами.

(Трехкнижие, 1. 18, предисловие).

Разрешается и женщинам[2].., если его королевское величество утвердит в правах действительного наследника и мужского потомка непосредственно какую-либо дочь или жену относительно прав отцов и даже братьев их (если этот брат не имеет наследников и даст согласие на такую замену мальчика девочкой)[3].

(Трехкнижие, 1. 17, § 7).

Ввиду того, что некоторые господа и дворяне указывают и заносят одновременно имена жен в акты и привилегии о пожаловании, составленные по поводу имущества или прав на имения, приобретенные по надлежащему титулу за их службу, задается вопрос,— если мужчина умирает не имея наследников, то часть его в этом праве на имение или имущество перейдет ли к его супруге?

---

[1] В случае когда старший сын был психически болен, хранение актов доверялось одному из прочих братьев.

[2] Наследование пожалованного имущества.

[3] Речь идет о так называемом «praefectio» — праве, по которому дочери или сестры того, кто получил пожалование от короля и умер, не оставив наследников, могут приобрести наследство отца или своего брата, не имеющего нисходящих наследников мужского пола.